Санкт-Петербургские
ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Выпуск 33

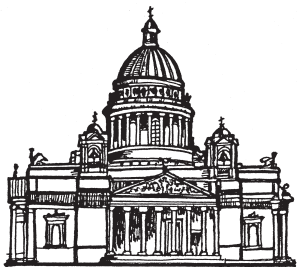
Икона Владимирской Божией Матери
из Крепостного собора в Кронштадте. XIX век

Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости

Главный редактор
Высокопреосвященнейший ВЛАДИМИР
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

Редактор И.В. Попов

Выпуск 33

СОДЕРЖАНИЕ

Святыни Кронштадта. *К 300-летию города-крепости* **3**
Основание Кронштадта **5**
Как Кронштадт отмечал 200-летие **6**

ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЯ

***Ю.П. Соловьев.* Византия Петра Великого** **9**
Кронштадтское викариатство **21**
***Л. И. Токарева, И.В.Попов.* Историческая и церковная топонимика Кронштадта** **25**

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

***Св. прав. Иоанн Кронштадтский.*О молитве.** *Из дневника*..... **29**

СВЯТЫЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Св. прав. Иоанн Кронштадтский – храмоздатель и устроитель монастырей **36**
Защитник трона и Отечества **39**

БЫЛОЕ

***Ю.А. Шапель.*Кронштадтская Голгофа. Март 1917 – март 1921** **43**
Новомученики Кронштадтские. *Синодик*..... **50**
***Т.А. Нечаева.* Протоиерей Владимир Рыбаков** **69**

ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ

Старица Параскева Ивановна Ковригина **78**
***Г.Н. Шпякина, С.И. Шемякина*. Чистая сердцем.**
Матушка Елизавета Константиновна Сергиева **88**
Св.прав. Иоанн Кронштадтский на даче в Мартышкино **98**

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

***Иеромонах Нестор (Кумыш).* Священномученик Алексий Ставровский** **100**
Священномученик митрополит Кирилл (Смирнов) **108**
***С.Н. Федотова.* Священномученик протоиерей Григорий Поспелов, Кронштадтский** **113**
***К.В. Головин.* Кронштадтская расправа.**
Новомученики Кронштадтские и Ораниенбаумские..... **121**

НАШИ ХРАМЫ

Д.Б.Сергеев.* Андреевский собор(133). *И.В. Попов.* Морская церковь Богоявления Господня (143). Свято-Троицкие церкви (старая и новая) (145). Храм прп. Сергия Радонежского (149). *М.В. Шкаровский.* Разгром.** *Кронштадтские храмы в 1917–1932 годах.(150) *А.Э. Шеин, А.П. Макарова.* Крепостной собор Владимирской иконы Божией Матери в Кронштадте (158). *Прот. Святослав Мельник.* Молитвами св. прав. Иоанна Кронштадтского (172). Николаевский Морской собор в Кронштадте (176). Часовня Феодоры Власьевны Сергиевой (194). Дом Трудолюбия (197). Квартира о. Иоанна Кронштадтского (199). *А.П. Макарова.* Мемориальный комплекс св. прав. Иоанна Кронштадтского (204). *А.Г. Шкваров.* Строительство церкви прав. воина Феодора Ушакова в Кронштадтском морском корпусе (207)**

НЕБЕСНЫЙ ПОКРОВ НАД РОССИЕЙ

Порт-Артурская икона Божией Матери **213**
***М.Ю. Мещанинов.* Загадка колпинской святыни** **228**

ПРОПОВЕДЬ

***Св. прав. Иоанн Кронштадтский.* Слово при вступлении в пастырское служение (234). Слово по освещянии придела Сретения Господня в храме с. Пенино (235). Новые грозные слова, произнесенные в кронштадтском Андреевском соборе в 1907 г. (236)** **234**

ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ

***С.И. Шемякина, Г.К. Шпякина.* Поездка в Пюхтицкий Успенский женский монастырь. Музей св. прав. Иоанна Кронштадтского** **240**

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

***С.А. Нилус.* Исцеление** **244**

СВЯТЫНИ КРОНШТАДТА

К 300-летию основания города-крепости

Торжества в мае 2003 г., посвященные 300-летию основания С.-Петербурга, положили начало чреде юбилейных торжеств малых городов С.-Петербургской епархии. Одновременно со столицей и рядом с ней строились знаменитые дворцовые пригороды, верфи и крепости, заводские селения и посады: Новая Ладога и Лодейное Поле, Петергоф и Царское Село, Красное Село и Кронштадт, Ораниенбаум, Колпино, Сестрорецк. Первым из знаменитых пригородов С.-Петербурга свое 300-летие отметил Кронштадт — город, крепость и морской порт на острове Котлин.

Официальное летоисчисление Кронштадта ведется от 7/20 мая 1704 г., с молебна на освящение форта Кроншлот — первого укрепления в мощной системе крепостных сооружений на острове Котлин и искусственных насыпных островах — фортах. Заложенный царем Петром (будущим Императором Петром Великим) и Новгородским митрополитом Иовом, Кронштадт сразу получил название «Коронного города», «Города-Венца». Это название свидетельствовало о желании вернуть и навсегда закрепить за Россией выход к Балтике, а также напоминало о несостоявшейся претензии шведов на обладание Невскими землями: основанной ими в 1300 г. в устье Охты крепости Ландскрона («Венец земли»), сожженной год спустя суздальским князем Андреем Александровичем, сыном Александра Невского. Свидетельствовало оно и об особом местоположении города-крепости — по самой середине Финского залива, на острове Котлин, призванной контролировать вход в устье Невы и защищать новую столицу Российской империи — С.-Петербург.

Одновременно с фортом Кроншлот строились укрепления на берегу острова. Под защитой первых крепостных сооружений на Котлине начинается строительство города, с самого начала задуманного не только как крепость, но и как крупный порт. В первую очередь, началось строительство гавани. В 1719 г. здесь начали копать первый канал с бассейном и доками для ремонта судов, вокруг канала возводились эллинги. В 1721 г. Петр I утвердил проект застройки города, а в 1723 г. произошла закладка крепости, названной Кронштадтом. После прокладки каналов и устройства доков город превратился в первоклассную верфь. К 1723 г. на Котлине было уже несколько гаваней, оснащенных орудийными батареями. Параллельно на острове шло строительство казарм, складов, госпиталей и других служебных зданий, а также строительство жилых зданий. Кронштадт возводила вся Россия. Крепость, верфи, гавани, укрепления, дома строили всем миром: о начале города напоминают каменные Губернские дома, выстроенные вскладчину разными русскими губерниями.

Кронштадт на протяжении трех веков своей истории оставался военным форпостом России на Балтике. За эти три столетия он являлся и крупнейшим международным портом России (до открытия Морского канала, связавшего Кронштадт и С.-Петербург в 1880-х гг.), и главной военно-морской базой на Балтийском море. Неизменное внимание поддержанию и совершенствованию Кронштадт-ской крепости и доков оказывали все русские Императоры, начиная с Петра I и заканчивая Николаем II. Неоднократно приезжали сюда с целями инспекции укреплений, городских учреждений, благотворительных заведений и обществ многие Великие Князья.

Из Кронштадта стартовало 41 океаническое и кругосветное плавание, подарившее миру 56 географических открытий, в том числе, открытие 6-го континента — Антарктиды. Здесь служили и бывали: знаменитый флотоводец Федор Федорович Ушаков (св. прав. воин Феодор, прославлен Русской Православной Церковью в лике местночтимых святых Саранской епархии в 2001 г., для общецерковного почитания — в октябре 2004 г.), адмиралы В.М.Головнин, С.К. Грейг и А.С. Грейг, Ф.П. Врангель, Ф.П. Литке, О.Е. Коцебу, Г.И. Невельской, Н.Н. Лелякин, П.К. Пахтусов, Г.А. Спиридов, Д.Н. Сенявин, П.И. Рикорд, Ф.Ф. Матюшкин, И.Ф. Крузенштерн и Ю.Ф. Лисянский, Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев.

Кронштадт неоднократно посещали: В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, кн. П.А. Вяземский, директор Императорской Публичной библиотеки Н.Д. Киселев и президент Академии художеств А.Н. Оленин. Здесь подолгу жили: В.И. Даль, И.А. Гончаров, В.А. Григорович, В.Г. Короленко, К.М. Станюко-

вич, С.Я. Надсон, А.С. Новиков-Прибой, эстонская поэтесса Лидия Койдула. С Кронштадтом связаны имена выдающихся артистов: Ф.И. Шаляпина, К. Варламова, Н.Н. Фигнера, П.А. Стрепетовой. Здесь трудились выдающиеся русские живописцы И.К. Айвазовский, А.П. Боголюбов, В.В. Верещагин. В 1886 г. в Кронштадте родился поэт и путешественник Н.С. Гумилев. Десять лет инспектором хоров морского ведомства служил великий русский композитор Н.А. Римский-Корсаков.

С Кронштадтом была тесно связана жизнь крупнейших ученых, исследователей, путешественников: адмиралов — Г.И. Бутакова, Ф.П. Литке, С.О. Макарова; инженеров — А.С. Попова, М.М. Бореско-ва, Е.П. Тверитинова, Ф.Ф. Петрушевского, П.О. Сомова, А.Р. Шуляченко, Б.С. Якоби. В лабораториях порта и многочисленных учебных заведениях работали крупнейшие ученые: А.Н. Крылов, В.А. Ершов, А.В. Зенков, И.П. и И.А. Амосовы, П.Л. Капица. В учебных заведениях Кронштадта готовили офицеров флота, — будущих флотоводцев, ученых-географов, океанологов, путешественников, инженеров по многочисленным специальностям: электротехнике, химии, физике, акустике, гидродинамике, оптике.

На протяжении XVIII—XIX — нач. XX вв. Кронштадт оставался важнейшим духовным центром России. К 1917 г. в городе действовало 23 православных храма. Однако молитвы на земле кронштадтской возносились на всех европейских языках. Например, в здании бывшей Англиканской церкви (позже — православная русско-эстонская Крестовоздвиженская церковь) на западной стене на староанглийском были начертаны молитва Господня и десять заповедей. Храмы Кронштадта были выстроены лучшими петербургскими архитекторами: Н. Микетти, И. Брауншейном, А.Д. Захаровым, Ч. Камероном, И. Коробовым, А.П. Брюлловым, Э.Х. Анертом, В. Кавосом, Д. Гриммом и И.Х. Грейфаном, В.А. Косяковым, Н.Н. Никоновым. Среди этих храмов был величественный Андреевский собор, в котором более полувека служил великий светильник Православия — св. праведный Иоанн Кронштадтский, обессмертивший имя города. Морские храмы-памятники: Богоявленская церковь, Старая Троицкая, в которой было погребено пятеро адмиралов Русского флота, грандиозный Морской Николаевский собор хранили реликвии Русского флота и были известны всей России.

С именем дорогого батюшки протоиерея Иоанна Ильича Сергиева (Кронштадтского) связаны, пожалуй, все лучшие начинания в области храмоздательства и благотворительности в Кронштадте конца XIX — начала XX вв. В XX в. на кронштадтской земле просиял целый сонм святых угодников Божиих, близких о. Иоанну, ставших мучениками за веру: это священномученики Кирилл, митрополит Казанский († 1937), протоиереи — Алексий Ставровский († 1918), Николай Симо († 1930), Григорий Поспелов († 1921), архимандрит Иаков (Аржановский) († 1930) и другие пастыри.

В этом выпуске журнала помещены жития новопрославленных святых Русской Церкви, чья жизнь была тесно связана с Кронштадтом. Читатель сможет узнать о радостных и трагических событиях из истории города, о святынях Кронштадта, знаменитом Доме Трудолюбия, храмах города-крепости, истории старинных улиц города. В журнале помещены материалы о кронштадтских праведниках, — Параскеве Ивановне Ковригиной, матери о. Иоанна — Феодоре Власьевне Сергиевой и матушке Елизавете Константиновне, святителях — викарных епископах, новомучениках и исповедниках. Редкие, прежде не публиковавшиеся материалы посвящены Голгофе Русского флота в 1917 году и Кроншадтскому восстанию 1921 г. Новые материалы о жизни кронштадтского духовенства и судьбе святынь в 1920, 1930-х гг., — в эпоху гонений и разгрома храмов, когда в Кронштадте просиял целый сонм новомучеников — ревностных пастырей, монашествующих и мирян, — высланных из города, умученных, пострадавших за веру.

В 1930-х гг. население Кронштадта подверглось массовой депортации и высылке с острова. В годы войны город был сильно разрушен, находясь в двойном кольце блокады. Послевоенное время явилось эпохой прикровенного исповедания веры кронштадтцами, когда благочестивые жители (в действительности, по преимуществу — жительницы) Кронштадта привозили с «большой земли» пастырей для духовного окормления горожан. Лишь начало 1990-х гг. было ознаменовано оживлением духовной жизни и передачей Церкви руин Владимирского крепостного собора, — до сих пор единственного действующего в городе православного храма.

Большой блок материалов в предлагаемом читателям выпуске журнала посвящен истории и восстановлению кронштадтского Владимирского собора. Возрождением к жизни храм и приход обязаны усердию и пастырским трудам настоятеля собора, протоиерея Святослава Мельника, и многих православных кронштадтцев, помогавших и помогающих ему. Ныне они продолжают трудиться по восстановлению интерьера собора, а также других святынь Кронштадта.

В этом выпуске вы сможете также прочесть о планах кронштадтцев по увековечению памяти св. прав. Иоанна Кронштадтского — сооружении памятника ему, о проектировании и строительстве храма (заложен 11.11.2004) прав. воина Феодора Ушакова в Кронштадтском Морском корпусе, о почитании подвига и памяти Новомучеников и Исповедников Российских.

И.П.

ОСНОВАНИЕ КРОНШТАДТА

В 1700 г. Петр I начал войну со Швецией с целью вернуть выход в Балтийское море. Русские войска осадили Нарву, но 19 ноября 1700 г. потерпели жестокое поражение. Шведский король Карл XII направился во главе своей армии против союзника России польского короля Августа. Это дало возможность русским восстановить свои силы и в конце 1702 г. перейти в наступление в районе реки Невы. 12 октября была взята шведская крепость Нотебург (бывший русский Орешек), 1 мая 1703 г. пал Ниеншанц (Канцы, древняя Ландскрона), 14 и 27 мая возвращены крепости Ям и Копорье. Все течение Невы оказалось в руках русских. 16 мая 1703 г. они заложили Петропавловскую крепость и начали строительство Петербурга. Но у острова Котлин стояла шведская эскадра вице-адмирала Г. Нумерса, и ни одно судно, даже лодка, не могло выйти в море.

1 октября 1703 г. наступили ранние морозы, на Неве показался лед, и шведские корабли ушли на зимовку в Выборг. Через три дня генерал-губернатор Санкт-Петербурга А.Д. Меншиков написал царю об уходе блокировавшей устье эскадры. Петр в это время испытывал в Ладожском озере только что построенный фрегат «Штандарт», по получении известия об уходе шведов он немедленно направился в Петербург. Несмотря на дождливую погоду, Петр вышел в море на яхте в сопровождении галиота и взял курс на о. Котлин, измеряя постоянно глубины лотом.

У Котлина Петр лично руководил промерами по рекомендациям рыбака Семена Иванова. Обнаружив мели к северу от острова, Петр пришел к выводу, что северный фарватер недоступен для больших судов. Южнее острова мелководье простиралось от ингерманландского берега почти до самого Котлина, но вдоль берега проходил глубоководный фарватер. Петр решил на северной оконечности отмели построить насыпной форт, орудия которого простреливали бы фарватер и перекрывали дорогу морем к Петербургу.

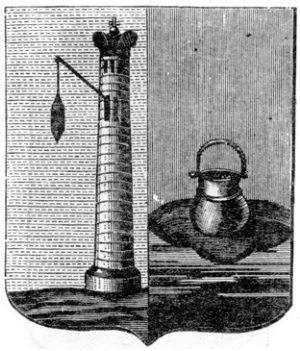
Поручив заготовить необходимые для работ материалы, царь 24 октября вместе с полками гвардии выехал из Петербурга в Москву, а затем — в Воронеж. Там он собственноручно изготовил модель будущего форта. Ингермандландский губернатор А.Д. Меншиков, который сопровождал царя в походе к Котлину и в поездке в Воронеж, привез модель в Петербург для руководства при постройке.

Зимой солдаты пехотных полков Ф.С. Толбухина и П.И. Островского начали работы. Заготовленные на берегу бревна, камни и грунт свозились на санях на место будущего форта. При постройке использовался старинный способ, применявшийся при создании плотин и мостов. На льду из бревен толщиной 60-70 см и длиной до 10 м собирались бревенчатые срубы — ряжи — высотой около 3 м. Затем их наполняли камнями и землей, под тяжестью которых все сооружение продавливало лед и опускалось на дно. Установленные таким образом один подле другого ряжи явились подводным основанием искусственного острова. Далее на ряжах сооружался помост, на который устанавливались сплошные срубы, засыпанные землей. Выше возводился накат-мост, располагавшийся на 0,6—0,8 м выше уровня воды. На таком ряжевом основании весной 1704 г. построили десятигранную трехъярусную башню диаметром без малого 100 м. Башня завершалась шатровой крышей, увенчанной фонариком со смотровой площадкой на высоте 22,86 м от уровня воды. На ней возвышался флагшток. Общая высота составляла 36,57 м.

7 мая 1704 г. Петр с Новгородским митрополитом Иовом и свитою на нескольких судах вышел из Санкт-Петербурга к Котлину. На новый форт были доставлены и установлены 14 шестифунтовых пушек. В этот же день новая крепость была освящена и получила название Кроншлот («Коронный замок»). После освящения «торжество было трехдневное». Петр лично написал инструкцию первому коменданту, полковнику Трейдену. В ней предписывалось ***«содержать сию цитадель, с Божиею помощью, аще случится, хотя до последнего человека»****. Определилось назначение крепости — препятствовать вражескому флоту форсировать проход в Неву. «Зело надлежит стеречься неприятельских брандеров <...> также и своего огня подобает опасатись, множества ради дерева».*

12 мая 1704 г. Петр I издал указ, «чтобы новопостроенную крепость, которая на острове Котлине, никто каланчею и цитаделью не называли, а называли б Кроншлот». Спустя 10 лет немец Мюллер изготовил медаль, на которой на немецком языке выбито название Кроншлосс.

КАК КРОНШТАДТ ОТМЕЧАЛ 200-ЛЕТИЕ

7 апреля 1904 года газета «Кронштадтский вестник» сообщила, что на заседании Городской думы среди других будет обсуждаться вопрос об участии города в праздновании 200-летнего юбилея Кронштадтской крепости. На том заседании было объявлено, что празднование переносится на 29 июня, а 29 июня поступило сообщение из штаба крепости о переносе его на 15 июля. Однако никаких торжеств не произошло.

18 июля в газете появился интересный материал, найденный ее сотрудником С. Огородниковым в делах департамента морского министра за 1804 год. В письмах Главного командира Кронштадтского порта адмирала Ханыкова товарищу министра морских сил П.В. Чичагову от 4 и 9 мая говорилось:

«I. В журналах блаженной памяти Государя Императора Петра Великого значится, что в 1704 году, мая 9 дня, фельдмаршал Меншиков на построенной кронштадтской крепости поставил пушки и открыл первую пальбу, то не угодно ли будет, сего мая 9 числа, в честь столетия Кроншлоту, исходатайствовать позволение выпалить из пушек, на что буду ожидать вашего уведомления.

2. По Высочайшему соизволению Его Императорского Величества, в письме Вашего Превосходительства мне объявленному, сего числа, в виде празднества столетия Кронштадтской крепости, после обедни пригласив священников, генералитет и прочих штаб и обер-офицеров, по совершении молебствия, при возглашении основателю сей крепости блаженные славы Государю Императору Петру Великому вечныя памяти, произведена из всех орудий с той крепости пушечная пальба, начиная с первой пушки из поставленных самим Государем Петром Великим, из коих теперь существует на крепости три и столько же находится в починке при здешней артиллерии. После оного, за здравие всемилостивейшего Государя и всего Августейшего Двора и победоносного его войска, палено также из пушек».

Прошло почти два года, и вот 10 мая 1906 года «Кронштадтский вестник» сообщил:

«О праздновании 200-летия Кронштадтской крепости

В воскресенье 7 мая состоялось празднование 200-летия со дня основания Императором Петром Великим крепости на форте Кроншлот (200 лет, как известно, исполнилось 7 мая 1904 года, но празднование было отложено по случаю войны).

Утром на форте Кроншлот был совершен водосвятный молебен и освящены все помещения форта. К 10 часам утра на плацу форта были построены взводы от следующих частей: лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков, гвардейской пешей артиллерии, от флота, кронштадтской крепостной артиллерии, от 1 и 2-го крепостных батальонов и от инженерных и саперных войск; в центре находился взвод канониров в форме петровских времен (в красных камзолах). Впереди этого исторического взвода были поставлены три аналоя с образами для совершения молебствия. С 10 часов на форт начали съезжаться приглашенные на торжество.

...В начале 12-го часа на форт Кроншлот прибыл комендант крепости генерал-лейтенант Т.М. Беляев. Войска взяли «на караул», музыка играла Преображенский марш. Приняв рапорт от командующего парадом генерал-майора Адлерберга, Его Превосходительство комендант крепости обходил войска, здороваясь с каждой частью. После этого начался молебен, который совершал митрофорный протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (святой праведный Иоанн Кронштадтский. – Ред.) в сослужении с протоиереями В. Корольковым, Я.И. Погодиным, А. Поповым и В. Погодиным. Молебствие закончилось провозглашением Царского многолетия, вечной памяти Императору Петру I и всем его сподвижникам и многолетия христолюбивому русскому воинству. По приложении всех присутствующих ко кресту, духовенство с пением пасхальных ирмосов обходило кругом всего форта. В это же время состоялся парад; первым шел взвод Преображенского полка, последним исторический взвод.

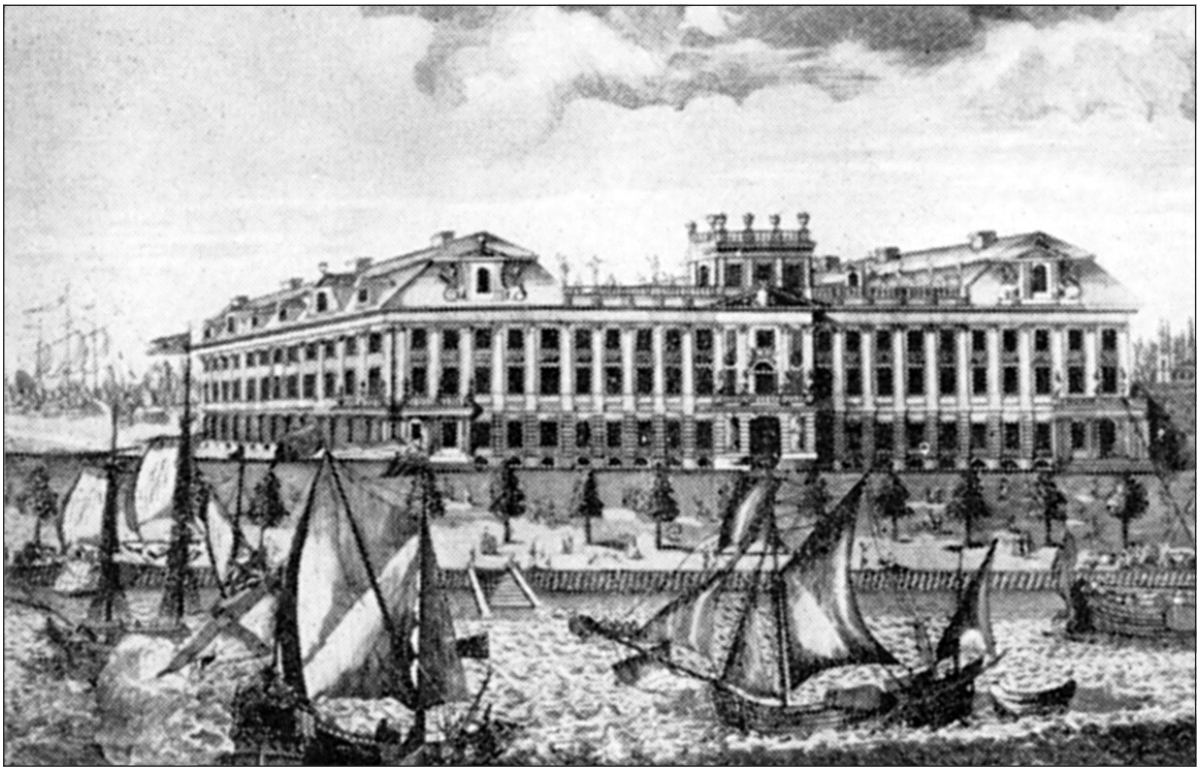
По окончании парада все присутствующие последовали на пароходах артиллерийского и инженерного ведомства на форт Константин, где был предложен чай. В начале второго часа на поезде крепостной железной дороги все отбыли с форта Константин на плац около батареи Литке. Здесь войска были построены огромным каре; кроме взводов, участвовавших на Кроншлоте, тут находились в полном составе крепостные батальоны, артиллерия и один батальон Енисейского полка.

По совершении молебствия состоялся парад, причем, войска проходили церемониальным маршем по полуротно.

По окончании парада войска снова построились в каре; на середину был вынесен столик с пробой командной пищи. Комендант крепости, взяв чарку с вином, провозгласил тост «за здравие, честь, славу и благоденствие Государя Императора». Громкое, долго несмолкающее «ура» и звуки гимна «Боже Царя храни» покрыли этот тост. Следующие тосты комендант крепости провозгласил за здоровье Государыни Императрицы, Наследника Цесаревича и за Августейшего Главнокомандующего. Затем предложен был тост за флот. После этого депутация от Петербурга в составе: члена Городской управы генерал-майора И. П. Медведева, генерал-майора Азарьева и отставного контр-адмирала Старицкого приносила приветствие от столицы. Депутация от флота в составе: контр-адмиралов Вирениуса, Пареного и Петрова прочитала приветственный адрес, вложенный в роскошный бювар, украшенный серебряной доской чеканной работы. Потом были принесены приветствия от преображенцев, от Каспийского полка; от города Кронштадта был поднесен образ Андрея Первозванного и адрес, от кронштадтского отдела Красного Креста также прочитан адрес. На каждое приветствие комендант крепости отвечал провозглашением тоста.

По окончании приема делегаций все присутствующие отправились на поезде крепостной железной дороги в Артиллерийское офицерское собрание, где состоялся парадный обед. Тосты за Государя Императора, Государынь Императриц, за Наследника Цесаревича сопровождались долго несмолкаемыми «ура» и звуками гимна. Следующие тосты были за Великих Князей – Главнокомандующего Николая Николаевича, Владимира Александровича и Алексея Александровича. Обед сопровождался целым рядом тостов и речей».

Публикация Александра Соколова

Кронштадт. Итальянский (Меншиковский) дворец.
С литографии XVIII века

Кронштадт. Памятник основателю города Императору Петру Великому

Ю.П. Соловьев

ВИЗАНТИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Дореволюционная историография занималась временем Петра Великого много, долго и пристально. В итоге академик С.Ф. Платонов обозначил те выводы, которые следовали из вдохновенной работы поколений историков: «Реформы Петра по своему существу и результатам не были переворотом; Петр не был «царем-революционером», как его иногда любят называть. (...) во внешней политике Петр строго шел по старым путям. (...) В политике внутренней Петр недалеко ушел от XVII века. (...) И в культурном отношении Петр не внес в русскую жизнь новых откровений»[1]. Более того, к деяниям «гениального Петра» С.Ф.Платонов причислял и уникальное «сознание исторической традиции», чуждое «близоруким московским людям», за мелочами не видевшими общей идеи[2]. Между тем в России с XIX в., особенно же остро – с 1917 года, стали раздаваться вполне голословные утверждения об антирусской и даже антиправославной направленности петровских деяний. К сожалению, подобная оценка, из области оригинальности давно уже перекочевавшая в область банальности, держится (главным образом среди публицистов) до сих пор. Попробуем – в который раз – поразмышлять над мерой ее справедливости. А кроме того, показать, что исторической традиции первый русский Император следовал не только в политике и культуре, но и в духовном ученичестве, и в образцах для подражания...

I. Месть иезуитов

Действительно интересно – каким образом возникла и развилась мысль об «антирусском» правлении Петра Великого?

Обычно эта идея связывается с учением славянофилов и их последователей из числа русских философов начала XX века (Н.А. Бердяева, Ф.А. Степуна, И.А. Ильина и др.), «заменивших, – по словам историка Н.И. Ульянова, – изучение истории ее постижением. Провозглашен был метод интуитивного, мистического проникновения в сущность вещей и в тайны истории. Додумались до генетической связи «Третьего Рима» с Третьим Интернационалом и до духовного родства Петра Великого с Лениным и Сталиным. От их философии повалил густой дым развязных суждений на любую историческую тему»[3]. Н.И. Ульянов начальный импульс этого мировоззрения связал с гегельянством славянофилов, полагавших, что Россия, лишенная Петром «самобытности», не пригодна для воплощения «мирового духа», оставляющего «старую» Европу. Здесь причина неприязни к преобразователю России.

Однако у славянофилов были и другие авторитеты, которые еще сильнее упрекали Петра – и добравшись до этих авторитетов, мы, видимо, узнаем нечто о корнях ненависти в философской среде.

Еще в 1889 г. было замечено, что И.С. Аксаков и Н.М. Катков «были хорошо знакомы с произведениями Жозефа де Местра и ценили оригинальную глубину его политических воззрений. Перечитывая статьи обоих московских публицистов, нередко встречаешь в них отголоски мыслей и мнений де Местра[4]... Среди мыслей и мнений этого бесспорно великого и часто справедливейшего консервативного писателя одно суждение попадается достаточно часто – именно это нас должно заинтересовать.

Итак, будучи в начале XIX в. послом сардинского короля в Санкт-Петербурге, граф Ж. де Местр, начиная примерно с 1807 г., настойчиво повторяет в официальной и частной переписке то, что наиболее полно изложено в письме князю П.Б. Козловскому от 12 (24) октября 1815 года:

«Я ставлю в вину вашему Петру I величайший грех – неуважение к своей нации; что-то не приходилось мне

Царь Алексей Михайлович

читать, как Нума обрезал тоги у римлян и обращался с ними, как с варварами.<...> Ныне национальная гордость пробуждается и негодует; Петр поставил вас относительно иностранцев в ложное положение: (Ни без тебя, ни с тобою жить не могу). Таков ваш девиз»[5]. Что касается де Местра, то на первый взгляд здесь кое-что понятно: «пламенный контрреволюционер», видимо, боролся не с Петром Великим, а с идеей Петра, предложенной Вольтером. Ведь именно Вольтер создал культ «прогрессивного русского Царя» при дворах Европы (особенно во Франции). Библиотека Вольтера, которую купила и перевезла в Петербург Екатерина II и которую знал де Местр, была переполнена материалами о Петре[6]. Таким образом, вольтеровская «История Петра Великого» воспринималась как часть идеологии, разрушившей традиционную Европу в 1789 году, именно так, в первую очередь, понимал дело де Местр, но славянофилы наши, заимствуя его идеи, вовсе не учитывали их исторический контекст.

Самое интересное заключается в том, что аргументы для критики де Местр почерпнул во вражеском стане (ничего удивительного, ведь Петра у нас критиковал и либерал-западник Герцен) у другого идейного вдохновителя французской революции – Ж. Руссо, который в своем «Общественном договоре» подчеркнул, предвосхищая, между прочим, и Вл. Соловьева с его «панмонголизмом», и Блока со «Скифами», и евразийцев: «Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации чересчур рано. Петр <...> хотел сначала создать немцев, англичан, тогда как надо было начать с того, чтобы создавать русских.<...> Так наставник-француз воспитывает своего питомца, чтобы тот блистал в детстве, а затем навсегда остался ничтожеством. Российская империя пожелает покорить Европу – и сама будет покорена.

Татары, ее подданные или ее соседи, станут ее, как и нашими, повелителями»[7]. После таких слов может показаться, что как раз славянофилы, нападающие на Царя Петра и его наследие, выглядят «питомцами наставника-француза» и т.п. Но во всей этой истории скрыт еще один подвох.

Конечно, де Местр, заимствуя критический пафос Руссо, поступает по-иезуитски. Впрочем, иезуитские симпатии великого консерватора общеизвестны: один из упреков Петру Великому звучит в письме де Местра русскому министру народного просвещения, графу А.К. Разумовскому, оно посвящено защите именно иезуитской коллегии в Полоцке (июнь 1810).

Но у иезуитов есть давний счет к Царю Петру. Представляя себе предмет, за который этот счет выставлен, мы сможем вернее судить о настоящей *народности* первого русского Императора.

II. Православная партия

Борьба двух придворных партий в России 1680–1690-х годов – сюжет вполне известный и детально изученный. В ходе этой борьбы, перемежавшейся жестокими стрелецкими бунтами, расправами и т.п., партия Милославских (родственников первой жены Царя Алексея Михайловича), сплотившаяся вокруг Царевны Софьи Алексеевны, потерпела поражение от партии Нарышкиных (родственников второй жены Алексея Михайловича), объединенных вокруг юного Государя Петра Алексеевича.

Между тем был у этой борьбы религиозный аспект и, как теперь видно, от победы той или иной партии зависело, ни много – ни мало, будущее Православия в России. Это будущее решалось в спорах о пресуществлении Святых Даров.

Как известно, по учению Православной Церкви «хлеб и вино прелагаются в Тело и Кровь Христовы иерейским призыванием Святого Духа и благословением Святых Даров»[9]. Это определение защищал на Флорентийском соборе свт. Марк Эфесский[10]; таким же образом о пресуществлении сказано у восточных патриархов в «Православном исповедании кафолической и апостольской Церкви Восточной» 1662 года[11].

Однако на Западе с XI в. считалось, что пресуществление совершается не по молитве, а чтением слов Спасителя «Приимите, ядите...» Со временем это мнение проникло в православную среду: его след есть в Служебнике Петра Могилы 1639 г., «Жезле правления» Симеона Полоцкого (учителя царевны Софьи, воспитанника виленских иезуитов), с этим мнением соглашались раскольники[12]...

Латинское учение в Москве попытался опровергнуть Епифаний Славинецкий в 1673 г., позже – Евфимий Чудовский. Поддержку же этой «хлебопоклонной ереси» оказывали обосновавшиеся в первопрестольной под видом торгового дома чехи-иезуиты[13] (католичество до сих пор весьма активно использует панславизм в сво-

их целях), и также сподвижник Царевны Софьи и ученик умершего в 1680 г. Симеона Полоцкого Сильвестр Медведев (1641–1691).

15 марта 1685 г. по вопросу о пресуществлении Святых Даров был устроен диспут при дворе. Православную точку зрения отстаивали только что прибывшие посланники Иерусалимского патриарха Досифея, греческие богословы братья Иоанникий и Софроний Лихуды; от «хлебопоклонников» выступал поляк, перешедший в Православие, Андрей (Ян) Белобоцкий (скорее оккультист, чем богослов, первый переводчик на русский язык «великой каббалистической науки» Раймунда Луллия, в 1725 г. обработанной для единоверцев известным раскольником Андреем Денисовым[14]). Лихуды блестяще опровергли ересь.

Тем не менее, католикофилы не успокоились: Сильвестр Медведев в конце 1685 – начале 1686 гг. пишет несколько «хлебопоклоннических» сочинений, среди которых – «Праведный ответ» братьям Лихудам («за повелением <...> Царевны и Великие Княжны Софии Алексеевны»[15]). Наконец, ситуация обостряется до предела – Московский патриарх Иоаким противится коронации Софьи Алексеевны, а в ответ составляются планы его низложения и возведения на патриарший престол Сильвестра Медведева. Кроме того, московские иезуиты сообщали о благосклонном отношении царевны и ее фаворита, князя В.В. Голицына, к унии с Римом[16]... Наступает осень 1689 года...

Именно тогда сподвижники Царевны Софьи форсируют события: стрелецкий голова Федор Шакловитый поднимает бунт. Однако большинство полков становятся на сторону 17-летнего Петра Алексеевича, бунт разгромлен; Шакловитый, Медведев и другие казнены, Царевна Софья заточена в Новодевичий монастырь, кн. В.В. Голицын сослан. Известные события...

Но вот что обращает на себя внимание: центр, вокруг которого собираются верные Петру люди – Свято-Троицкая Сергиева лавра (тогда – монастырь). Партия первых петровских сподвижников: Ф.А. Головин, Ф.М. Апраксин, А.Ф. Лопухин – это и покровители братьев Лихудов во время «хлебопоклонных» споров. А еще один сподвижник Петра (и даже кандидат на патриарший престол), архиепископ Холмогорский и Важеский Афанасий (Любимов,1641–1702), был соавтором братьев Лихудов по антилатинским сборникам «Щит веры» и «Остен»[17].

Перед нами удивительное совмещение: партия Нарышкиных и партия Петра – это одновременно и православная партия при московском дворе 1630–1690-х годов (в историографии эту партию называют также «старомосковской», грекофилами, консерваторами, тогда как противников Петра считают «московскими западниками»[18]). Значит, победа Петра Алексеевича в противостоянии с Царевной Софьей и ее сподвижниками была одновременно очередной победой Православия на Русской земле, победой над ересью, над перспективами

Царевна Софья

противозаконной унии с католиками и т.п. В подтверждение сказанному добавим, что «после падения Софьи <...> старый патриарх Иоаким <...>изгнал иезуитов из столицы и искоренил латинствующих учителей из Московской славяно-греко-латинской академии»[19]. Вот, на наш взгляд, и причина иезуитской ненависти, сто лет спустя проявившейся у графа де Местра.

Как видим, с самого «начала славных дел» судьба Петра тесно связана с судьбами Православия, и, очевидно, нет смысла разделять или противопоставлять эти судьбы в дальнейшем. Партия Петра – а значит и сам он – это, прежде всего, наследники православного грекофильства, византинизма времен Царя Алексея Михайловича. Именно здесь нужно искать идеи, вдохновившие петровские реформы, и людей, доведших эти идеи до молодого Самодержца.

III. Иерусалимский патриарх Досифей

Обращает на себя внимание одна деталь быта Петра Великого, сохранившаяся в памяти отставного сержанта Никиты Ивановича Кашина.

Сержант вспоминал, что Император «всякое воскресенье и праздники неотменно приезжает к церкви Троицкой на Питербургском острову против Сената <...> и становится на правый клирос <...> и пение производит четвероголосное, партесу не жаловал...»[20] Именно это «нежалование партесу» и есть самое интересное.

Дело в том, что церковные реформы Царя Алексея Михайловича зародились в так называемом «кружке боголюбцев» – группе священников и аристократов, ратовавших за церковность во всех областях русской жизни. Участники кружка заявили о себе впервые в то время, когда еще не были придворными, а служили на нижегородских приходах. Их выступление случилось в 1636 г. и касалось борьбы за *единогласие* в церковной службе: «Если бы молитва и песнопения литургии были хорошо поняты населением, то они <...> переделали бы моральный облик народа. Поэтому особенно важно, чтобы <...> богослужение проходило медленно, отчетливо, ясно и в один голос. Многогласие <...> должно быть запрещено»[21].

Позже Царь Алексей Михайлович вполне согласился с таким требованием – о единогласии писали даже Константинопольскому патриарху[22]. Удивительно, что принципиальный богослужебный вопрос середины XVII века нашел себе отражение в быту Царя Петра. Это, скорее всего, не случайность, а стойкая семейная традиция (не от отца, наверное, полученное знание – Алексей Михайлович умер, когда Петру было 4 года, но нечто *в духе* семьи). К тому же единогласие – греческая особенность, а значит мы вновь сталкиваемся с петровским грекофильством. И снова встает вопрос о более значительном влиянии византийского наследия на петровскую Русь, коль скоро в такой «мелочи», как церковное пение, оно так волновало Императора.

Профессор Н.Ф. Каптерев в знаменитом своем исследовании «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» отмечает семейную традицию грекофильства у Романовых. Более того, он говорит об особенных связях именно с греческим патриархом Иерусалима. Еще патриарх Московский Филарет Никитич Романов, отец первого Царя Династии, «был ставленником Иерусалимского патриарха Феофана, которому поэтому Филарет Никитич всегда оказывал особую любовь, расположение и готовность исполнять все его просьбы о помощи святому Гробу, или о помощи тем лицам, которых Феофан рекомендовал вниманию московского патриарха»[23].

Духовное влияние иерусалимских патриархов заметно в России в продолжении всего XVII века. Еще со времен Царя Феодора Иоанновича с православного Востока шел импульс, выражавшийся, например, в «богословии» (торжественном титуловании) официальных грамот Московским Государям. Как раз Иерусалимский патриарх Паисий в 1649 г. провозгласил, что Пресвятая Троица «благополучно сподобит» Алексея Михайловича «восприяти <...> превысочайший престол великого царя Константина, прадеда вашего» (т. е. царя Алексея)[24].

Заметим, это не собственно царский взгляд на свое положение – это объективная богословская констатация факта: Русский Царь стал единственным православным Царем на свете, законным наследником императоров Восточного Рима (и даже вступил с ними в духовное родство).

Вскоре и сам Алексей Михайлович осознал это. Он теперь «считал себя преемником древних благочестивых греческих императоров не только в делах веры и благочестия, но и законным наследником их царства, верил, что ему или его преемникам действительно суждено в будущем владеть самим Константинополем и всеми православными народами»[25]. После смерти Алексея Михайловича эти чаяния не исчезли. Поддерживало их уже во времена молодого Петра, прежде всего, то же «богословие» грамот – на сей раз уже Иерусалимского патриарха Досифея (занимал кафедру с 1669 по 1707 гг.), которого, как нам кажется, следует поставить в чреду воспитателей и вдохновителей Петра Великого.

Патриарх Досифей, происходивший из византийской аристократической семьи Нотардов, прежде своей хиротонии был секретарем и патриарха Паисия (провозгласившего Царя Алексея Михайловича правнуком Константина Великого), и патриарха Нектария. Досифей бывал в России. Более того, в течение четырех с лишним десятилетий «патриарх Досифей принадлежал к числу самых ревностных и влиятельных тайных политических агентов русского правительства, действовавших в Турции.<...> служил России совершенно бескорыстно...»[26]

Вспомним, что именно патриарх Досифей направил в Москву братьев Лихудов, которые своими богословскими знаниями помогли победе православной партии юного Царя Петра (потом Досифей, повздорив с Лихудами по имущественному вопросу, настоял на удалении их из столицы[27]). Однако патриарха Досифея можно вообще счесть основателем «старомосковской» партии: в первой же дошедшей до нас грамоте Московскому патриарху Иоакиму Досифей просит бороться с

Вербное воскресенье в Москве при царе Алексее Михайловиче. С картины В.Г. Шварца. 1865 г.

инославным влиянием, запретить москвичам читать католические и протестантские книги (требует даже сжечь подобную литературу). В этих просьбах Иерусалимский патриарх был весьма настойчив не один год[28] – и к нему, несомненно, по традиции, идущей, как уже говорилось, от патриарха Филарета, прислушивались.

Если внимательнее вглядеться в грамоты патриарха Досифея, направленные русским Государям (сперва Петру Алексеевичу и Иоанну Алексеевичу, потом – одному Петру), то увидим в этих грамотах много общего со взглядами Петра Великого. Кроме того, Иерусалимский патриарх постоянно воскрешает в памяти адресатов определения, принятые Московским собором 1667 г., куда более повлиявшим на устройство русского церковного управления, чем принято считать. Но обратимся к текстам грамот.

В «богословии» грамот патриарха Досифея московские государи называются: «Благочестивейшие, христианнейшие, Богом венчанные, Богом благодатные, <...> Богом величайшие, <...> всегда августы и святые цари, <...> превышние августы...»[29] Так провозглашалась (и повторялась годами неизменно) формула божественности царской власти, богопоставленности и подотчетности только Богу московского Царя. Это ли не самый стойкий момент в идеологии Петра Великого? Досифей продолжал: «И понеже преблагий Бог, Царь царствующих, поставил на земле, Божественным Своим Промыслом, единых православных царей и самодержцев (т. е. Петра и Иоанна. – *Ю.С.*), вам убо и подобает подвизатися в настоящее дело (борьбу за обладание православными святых мест. – *Ю.С.*) всяким образом, яко же и великий Константин <...> и потом малый Феодосий, и Лев Великий, и Анастасий, и Устий, и Устиниан, и Маврикий и иные многие учинили великие и многие войны православных ради»[30].

Эти слова написаны в ноябре 1690 г. Петру Великому 18 лет. У него не было возможности получить систематическое образование (по собственному признанию). Основные уроки он получил в придворной борьбе и этикетных спектаклях. Из числа последних – чтение интересующих нас грамот. Каков же мог быть эффект от подобных занятий?

Во-первых, подтверждалось, что русские Цари – единственные и последние самостоятельные владыки православного мира, прямые наследники византийских императоров. Значит, могущество Царей и России есть самая существенная поддержка всем на свете православным. Такого могущества следовало добиваться любой ценой, даже принимая (как, видимо, понимал дело Петр) западные технические новшества, организацию армии, экономики и т. п. Значит в любом споре о власти Царь прав – поскольку чем могущественнее Царь, тем сильнее Православие в мире (что бы не говорили русские провинциальные архиереи). Мы помним, как однажды, в 1689 г., победа Петра означала победу Православия. Надо полагать, и Царь об этом помнил.

Во-вторых, в переписке с Иерусалимским патриархом определялась главная задача царствования и русских Царей вообще – освобождение православного Востока от иноверцев. В течение ряда лет Петр Великий предпринимал деятельные усилия в этом направлении, понимая, очевидно, и Северную войну как репетицию нового крестового похода, войну «православных ради». Вдобавок слова патриарха Досифея были созвучны детским мечтам Императора: есть свидетельство, что флот был заведен Петром с мыслью об освобождении Царьграда[31]...

Поскольку всякая война православного Царя – «православных ради», патриарх Досифей живо интересуется русским войском, крепостями и т. п. В двух грамотах от 2 августа 1700 г. он говорит о поддержании воинского духа русских, о постоянных военных упражнениях[32]...

В других областях жизни государства Досифеевы советы также находят себе применение: он рассказывает Петру о поголовной подати у турок[33] – и тотчас в России вводится подушная подать. Иерусалимский патриарх советует ввести в захваченном у Османской империи Азове режим «порто-франко», не отпугивать налогами иностранных купцов, устроить «великую пристань торговую» и т. п.[34] Все это воплотится в жизнь позже, на севере, в Петербурге.

Иногда советы Досифея звучали пророчески: так, он просит не посылать Царевича Алексея Петровича в Вену, к «паповенчанному ложному кесарю»[35], дабы не было вреда России. И действительно, много лет спустя, Алексей Петрович бежал именно к австрийскому императору, намереваясь вернуться домой с цесарским войском.

Отношения Петра Великого со священноначалием Русской Православной Церкви и создание Священного Синода также несет на себе след уроков патриарха Досифея…

Со времени патриарха Никона среди русских архиереев были сильны цезаропапистские настроения. И это впрямую угрожало существованию (не только могуществу) единственного в мире православного царства, а вслед за ним – и всей православной цивилизации. Подобные настроения противоречили и русской, и византийской традициям. Н.Ф. Каптерев писал, что с Никоном заодно были «…все русские архиереи, желавшие, чтобы и везде в епархиях архиерейская власть была совсем независима от светской государственной власти и чтобы епархиальный архиерей был выше всех мирских властей. Но стремление <…> тогдашних архиереев создать из себя как представителей Церкви, вполне самостоятельное и независимое *государство в государстве*, или даже превратить светское государство в теократическое, совсем не имело под собою у нас никакой исторической почвы…»[36] Таким образом, священноначалие как бы удаляло Царство из Церкви, что противоречило принципу симфонии властей, сформулированному в преамбуле к 6-й новелле Императора

Юстиниана, которая «говорит о единстве, о согласии Царства и Священства внутри Церкви. <. . .> То есть отношение Царства и Священства вовсе не понимается как соотношение государства и Церкви, но понимается как соотношение различных сфер внутри Церкви»[37].

Патриарх Досифей в переписке с Петром показывает себя сторонником традиционных византийских устоев, которые, кроме того, были законодательно подтверждены московским Собором 1667 г. Кандидат на Московское патриаршество видится Досифею человеком, «который смотрел бы одну токмо Церковь, а от политичных был бы отлучен и не писался бы господин и патриарх, но токмо архиепископ и патриарх…»[38] Надо сказать, что после смерти последнего при Петре Патриарха московского, Адриана, Досифей столь глубоко обдумывал качества возможного преемника, что анализировал даже способность православных людей разных национальностей к занятию патриаршего места на Москве. В итоге, не обнаружив никого лучше москвичей, Досифей воскликнул: «…да не явится в мире, что не осталося потребных людей из москвитян и возводятся странные (пришлые. – *Ю. С.*) на патриаршеской престол»[39].

К слову, вполне в духе петровского «всешутейшего собора», Досифей критиковал московский обычай шествия патриарха в Вербное Воскресенье на осляти, ведомом под уздцы Царем. Иерусалимский патриарх видел здесь «игры папежския»[40].

Но главная цель патриарха Досифея – православное господство над святыми местами. И здесь он оказался единомышленником Петра Великого.

Не секрет, что направление первых походов русского Императора – Юг, турецкие владения. Хотя и позже, по окончании Северной войны, несколько военных предприятий было осуществлено почти в том же направлении (Дербент, Хива и т. п.). Прутский поход 1711 г. был прямо подготовлен как крестовый: 25 февраля 1711 г. Преображенский и Семеновский полки вместо обыкновенных белых знамен получили перед храмом «красные знамена, на которых была надпись: за имя Иисуса Христа Христианство. И наверху кругом креста, который изображен с сиянием, надпись: Сим знаменем победиши…»[41]

Как известно, Прутская кампания закончилась неудачей, и восстановление Восточной Римской Империи в ее исторических границах сделалось невозможным. Однако это не означало, что возрождение невозможно в других границах.

IV. Империя, модель Империи

Представляется, что в период с 1711 по 1722 год Византийская Империя была символически воссоздана в образе Империи Российской, на Русской земле и русским Царем. Строго говоря, этот процесс начат гораздо раньше – с основания Санкт-Петербурга (1703) по образцу Константинополя. Однако надо полагать, что именно неудача Прутского похода окончательно изменила планы Петра Великого по реставрации Нового Рима на устройство Рима Третьего.

В России существовала традиция моделирования важнейших священных центров православной истории. Так, Борис Годунов[42] и патриарх[43] Никон, каждый по-своему почувствовав правомочность на вселенское Царство или Священство, устраивали в Москве или под Москвой (Истра) макет центра мира – Новый Иерусалим или «Святая Святых». И здесь Петр Великий следует традиции, а не взрывает ее...

Но для начала – несколько слов об историческом образце, примеру которого русские Государи следовали со времен св. равноапостольного князя Владимира. Этот пример для подражания – св. царь Константин Великий[44]. Так, Иван Грозный, да и сам Петр, искали оправдания сыноубийству в истории с царевичем Криспом… Правда, в случае Петра Великого не это главное. Два деяния первого русского Императора несут в себе след помянутого исторического идеала – и, шире, вообще по устройству жизни Нового Рима. Мы имеем в виду основание Санкт-Петербурга и установление Священного Синода (показательны эпитеты священности в этих двух словосочетаниях).

Итак, само название Санкт-Петербурга заставляет вспомнить о Новом Риме. Для людей XVII–XVIII вв. Рим и есть город святого Петра. Но в нашем случае, видимо, следует говорить не о первом Риме, который был столицей первосвященника, а не Императора…

Петр символически воспроизводил в своей столице «центр мира», как дважды до него делали на Руси. И Константинополь в этом смысле был вполне сравним со святой землей: «Царьград был второй Иерусалим, – писал в 1915 г. русский религиозный философ С. Н. Дурылин, – святое место, не перестающее быть святым даже тогда, когда попирается ногами недостойными, ибо древо Православия было посажено здесь и разрослось здесь преимущественно перед миром...»[46]

«Центр мира»... Недаром Меншиков называл Петербург «святой землей», а Петр Великий – «парадизом». У европейских народов «парадиз» означает и «рай», и «сердце мира». Герб, составленный для Петербурга его основателем в 1712 г. – золотое пылающее сердце под золотой короной и серебряной княжеской мантией[49]. В символах европейского барокко такая эмблема тоже означает центр мира[50].

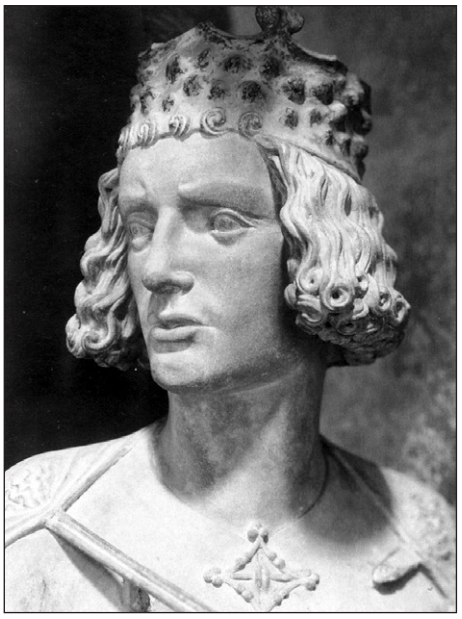
На этом параллели не кончаются: Константин Великий собрал в Новый Рим святыни со всей империи, основал храмы. Так же поступает и русский царь: «Переезжая в Петербург, Петр перевез из Москвы много прославленных чудотворных икон. Так, перевез он знаменитую Казанскую икону, свою келейную – Нерукотворенного Спасителя, … и Знамения Царскосельскую, Всех Скорбящих Радосте».[51] Петр Великий основывает храмы, Александро-Невский монастырь, перевозит мощи св. Александра Невского…

Даже то, как описывают основание Санкт-Петербурга напоминает предание о построении Константинополя, рассказанное в древнерусской «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году»[52]: «пришед в Византию» св. Константин в своем присутствии «повеле горы рыти и нижняя места наполняти, и на глушицах столпы каменные ставити». В основание одного из столпов святой Царь кладет «12 кош, их же благослови Христос, и от древа честнаго и святых мощей»…

Петр Великий основывает город, выложив из дерна крест; первым начинает копать городской ров; закладывает в этот ров святыню – ковчег с мощами св. апостола Андрея Первозванного, первокрестителя Руси. В это время над Петром парит орел, позже сбитый солдатом из ружья[53].

При основании Константинополя, согласно помянутой древнерусской повести, тоже был немаловажный эпизод с орлом: «И се змий внезапу вышед из норы, потече по месту, и абие свыше орел спад, змия позвати и полете на высоту, а змий начат укреплятися вкруг орла. Цесарь же… и вси людие бяху зряще на орла и на змию. Орел же… паде с змием на то же место, понеже одолен бысть от змия. Людие же, текше, змия убише, а орла изымаше. <…> А орел есть знамение крестьян-ское, а змий – знамение бесерманское». Красноречивый эпизод, при котором вспоминается петербургский «Медный всадник» (напоминающий, сознательно или нет, старинный константинопольский монумент Императору Юстиниану[54], к тому же, у Петра и Юстиниана[55] было известное портретное сходство) – и, коль скоро, «змея – символ мусульманский», то и придающий петербургскому памятнику еще одно истолкование, в духе крестового похода 1711 года.

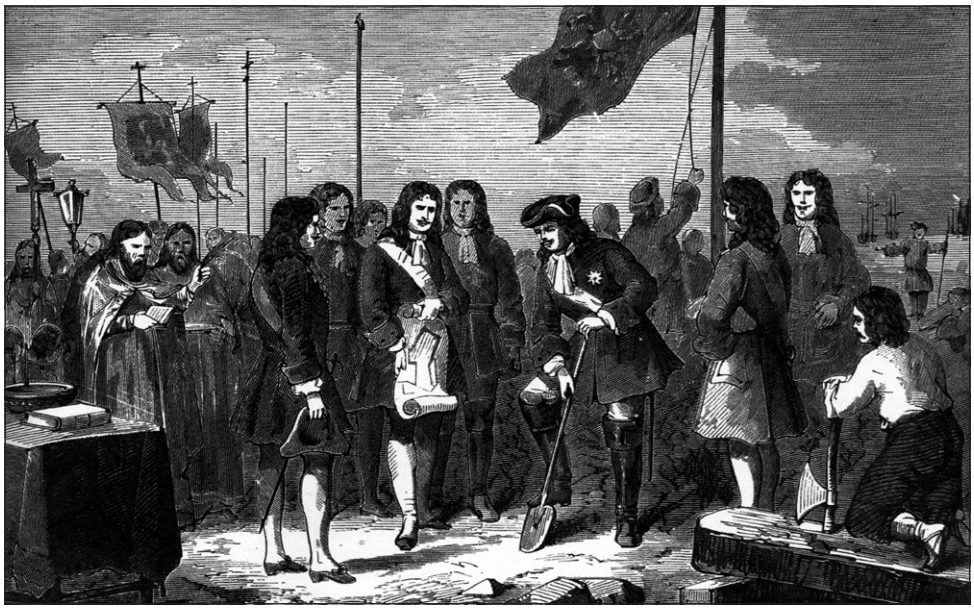
Если продолжать параллели, то следует вспомнить, что в Петербурге собирались установить статую Константина Великого (ее модель хранилась у наследников первого петербургского архитектора Д. Трезини[56]), в иконостасе Петропавловского собора помещают икону

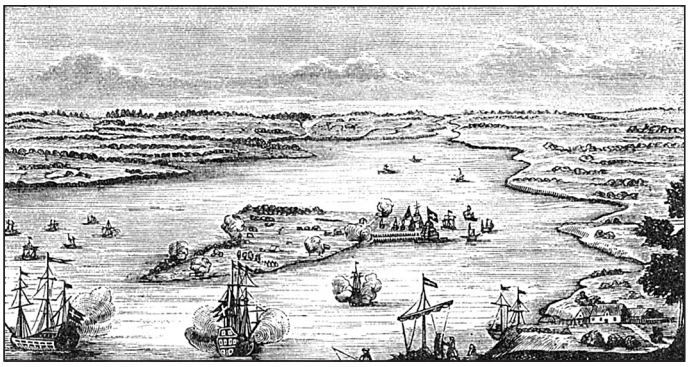
Св. Царь Константин Великий (фрагмент скульптуры «Бамбергский всадник» в Бамбергском соборе)

равноапостольного Царя[57] (это не новость – в XVI в. на Руси начинают писать иконы «Церкви воинствующей», где в центре святого воинства, под Крестом, изображался св. Константин).

Еще одна крайне интересная, на наш взгляд, – и необъясненная до сих пор – история с Петром Великим и статуями. Не секрет, что духовенство и благочестивых мирян в России смущала привычка Царя расставлять в парках и дворцах изображения языческих античных богов. Известен и конфликт Петра с вообще очень им почитаемым Воронежским Святителем Митрофанием. Царь, как рассказывают, поместил на крыше своего воронежского дома помянутые скульптуры, на что Святитель объявил: «Неприлично Государю православному ставить болваны языческие и тем соблазнять простые сердца народа»[58]. Петр Великий разозлился настолько, что Святитель стал готовиться к смерти. Узнав о кротких приготовлениях свт. Митрофания, Государь смягчился

Закладка Санкт-Петербурга

Первоначальный вид С.-Петербурга и Кронштота. С гравюры Боденера, XVIII в.

и велел убрать статуи[59]. И все же, следует обратить внимание на то, что Петр расставлял языческие изображения не в «храмах», гротах, укромных местах, как было позже принято в масонских парках, а в местах публичных, где проходили гуляния и, вполне в петровском духе, глумления, маскарады и шутовство. И вот в этом «выставлении на позорище» языческих статуй можно усмотреть еще одну черту сходства с опытом первого христианского Императора. Как сообщает Евсевий Кесарийский, св. царь Константин распорядился, чтобы «медные изваяния, которые долгое время чествовало заблуждение древних, были вынесены (из капищ. – *Ю. С.*) и расставлены на показ по всем площадям Царьграда... Вообще, весь одноименный василевсу город (т. е. Константинополь. – *Ю. С.*) наполнен был искуснейшими медными изваяниями, которые почитались священными у всех народов. <...> эти самые изображения василевс обратил в игрушки для забавы и смеха зрителей» *(Жизнь блаженного василевса Константина, III[54])*. На наш взгляд, именно в этих словах следует искать прототип таким учреждениям, как петербургский Летний сад или Петергоф...

И, конечно, Константинов Крест. Его девиз («Сим победиши»), как помним, был начертан на знаменах петровских полков перед Прутским походом. Позже Петр основал крепость Св. Креста, неоднократно самолично ставил поклонные кресты: на Белом море, на Полтавском поле[58] <...> Как здесь не вспомнить слова Иерусалимского патриарха Паисия о правнуке св. Константина – отце Петра Великого?

Когда Петр ограничивал количество монастырских насельников (совсем не однозначное деяние, учитывая общий упадок русской монашеской жизни в конце XVII в. и предписанную византийским законом заботу Царя о чести священства), он с нескрываемой горечью писал о гибели Византии: «Когда же греческие императоры некоторые, покинув свое звание, ханжить начали и паче их жены, тогда некоторые плуты к оным подошли и монастыри в самих городах строить испросили <...> от Черного моря даже до Царя-города на 30 верстах с 300 монастырей было... и от сего в такое бедство пришли: когда турки осадили Царь-город ниже 6000 человек воинов сыскать могли»[59]. (Ханжество, заметим, для Петра – первый грех, идущий от атеизма[60].) Здесь проявляется совершенно определенное отношение Петра Великого к царской власти – русский Царь, очевидно, понимал эту власть как послушание, от которого нельзя отказаться даже в пользу монашества. Потому что послушание это церковное: «По византийским понятиям, Царская власть есть особое служение в церкви, служение, не тождественное священству, но сопоставимое с ним, высшее явление того данного Церкви достоинства, которое апостол Петр называет «царственным священством» *(1 Петр. 2, 9)*. <...> Святой равноапостольный Константин Великий называл себя Епископом внешних дел церкви и сослужителем епископов»[61].

Именно такое положение царя в Церкви делает правомочным введение Петром Великим Священного Синода как коллегиального органа управления одной из поместных Православных Церквей. Ситуация еще в IV в. была определена тем, что английский византолог С. Рансимен назвал «конституцией Евсевия Кесарийского»: Царя «особенно избрал Бог, он вдохновляется Богом, он друг Божий, он толкователь Слова Божиего». Он «создаст свое правительство на земле по модели божественного происхождения, находя силы в согласии с властью Бога»[62]. Если мы сравним слова Евсевия с «богословием» грамот, отправленных Царю Петру патриархом Досифеем, то неизменность приведенного определения станет еще очевиднее.

Законодательное подтверждение эта формула находит в знаменитой преамбуле к 6-й новелле Императора Юстиниана (преамбула Юстиниана и есть основное для Православия определение принципа «симфонии властей»). Итак, согласно Евсевию, Царь, среди прочего, – «толкователь Слова Божиего». Юстиниан уточнил: «Посему мы величайшую имеем заботу об истинных Божиих догматах и о чести священников: если они будут блюсти ее, то, мы уверены, чрез нее великие дары мы получим от Бога и тем, что есть, будем владеть надежно и приобретем то, что еще не достигнуто. Все будет благополучно и подобающе, если только начало дела будет должное и Богу любезное»[63]. В русской истории существование этой формулы имеет свои особенности, обозначившиеся в том числе и в петровские времена.

Преамбула Императора Юстиниана вошла в 1551 г. (правильнее будет сказать – перешла из давно на Руси известных греческих сборников «Номоканонов») в 62-ю главу русского «Стоглава» (*«Благочестиваго царя Иустиниана глава 1 от свитка новых заповедей»*). Однако отцы Стоглавого Собора выпустили из текста закона процитированное нами выше место[64]. Именно в таком виде определение «симфонии властей» существовало у нас полтора века и сохранялось позже раскольниками вместе со «Стоглавом». Но вот в совершенно неожиданном месте, в упомянутых уже воспоминаниях сержанта Никиты Кашина, мы, к великому удивлению, обнаруживаем совершенно очевидный след Юстиниановой формулы. Итак, Н. Кашин говорил о Петре Великом:

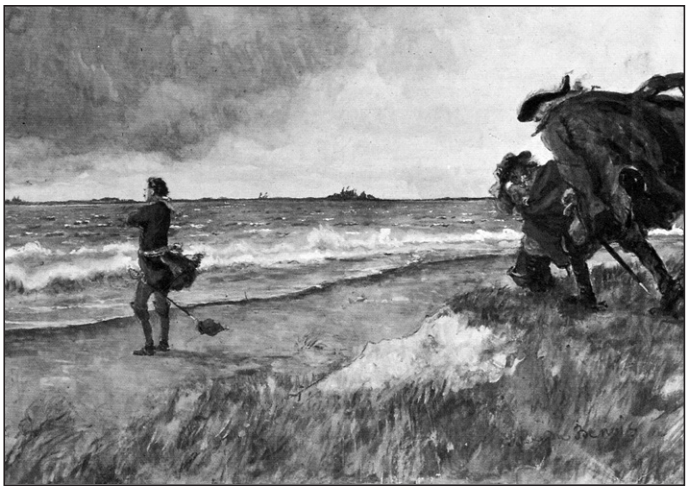
«Сей великий Император – богочтец и хранитель уставов церковных и веры содержатель твердый...»[65] Очень показательный факт – малоизвестная прежде деталь византийского законодательства вдруг превращается во вполне стойкий элемент восприятия русского Царя простым солдатом (правда, все-таки бывшим поблизости от Петра). На наш взгляд, это свидетельствует о крайней актуальности вопроса о царской роли в Церкви именно в петровские времена и о том, что вопрос обсуждался в самых разных слоях населения, пока, в той форме, что усвоил себе Н. Кашин, не стал достаточно прочно деталью народного сознания.

Более того, в XIX в. в «Основные Законы Российской Империи» (ст. 64) было включено определение, вполне созвучное и формуле Юстиниана, и словам Никиты Кашина: «Император яко Христианский Государь (фраза из петровского «Артикула Воинского». – *Ю. С.*) есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния»[66]. Итак, в петровские времена в России недомолвка 1551 г. исправлена, царские права в церковной области подтверждены.

Вернемся, однако, еще к одной детали Юстиниановой формулы. Современный православный комментатор пишет: «...отношение Царства и Священства вовсе не понимается как соотношение государства и Церкви, но понимается как соотношение различных сфер внутри Церкви. (...) в этом учении Юстиниана о симфонии бросается в глаза асимметрия между двумя членами симфонии. В то время как Священство есть собирательное имя для целого сонма патриархов, архиепископов, епископов, Царство, вовсе не отождествляемое с государством, сосредоточено в единой личности Императора.

По этому принципу строились отношения в Восточной Римской Империи: Император – и «священная пятерица» патриархов (Рима, Константинополя, Иерусалима, Александрии, Антиохии). Вместо отпавшего Римского патриарха в 1589 г. появился Московский. Греческих Императоров примерно в то же время сменили московские Цари, как писал патриарх Досифей Петру Великому: «... в нынешнем времени ваше богохранимое царство не токмо есть глава всех христиан, но и *единая христианская* глава, понеже несть иного на земли Царя православного, токмо ты един сам, о пресияющий цвет и *пресветлая кафолическая и апостольская* Церкви похвала, честь и *венец* прехвальный...»[68] Весьма впечатляющая картина, изображающая место русского Царя во Вселенской Православной Церкви. В этой ситуации Петр Великий был единственным, а Московский патриарх – лишь одним из пяти поместных патриархов. Петр это, очевидно, понимал... Византийская традиция считала: «В конце концов, у Царя Небесного не было Первосвященника, чтобы ограничивать Его власть. Так же свободен должен быть и наместник Бога на земле»[69].

После 1711 г. ситуация изменилась, восточные планы если и не были забыты, то осуществление их стано-

«На берегу пустынных волн...» С картины Н.Е. Лансере

вилось делом далекого будущего. Между тем имперские замыслы осуществлялись – Россия превращалась в модель и наследницу Нового Рима. Некое подобие принципа «пятерицы» переносилось также на русскую почву. 14 февраля 1721 г. священство новой Империи возглавляется Собором или Святейшим Правительствующим Синодом («собор» и «синод» могут быть синонимами, например, в тех случаях, когда отечественные византологи говорят «собор» – западные произносят «синод»[70]). Такая организация следует из принципа, важнейшего для Православия: духовный авторитет в нашей Церкви воплощают в себе Вселенские соборы, тогда как у католиков таким авторитетом считают Римского епископа[71]. Так что нет никаких протестантских мотивов (как отчего-то принято полагать) в той главе Духовного Регламента, что говорит: «Истина гораздо лучше может быть разузнана несколькими лицами, нежели одним» и «определения и решения власти соборной авторитетнее, чем решения власти единоличной...»[72]

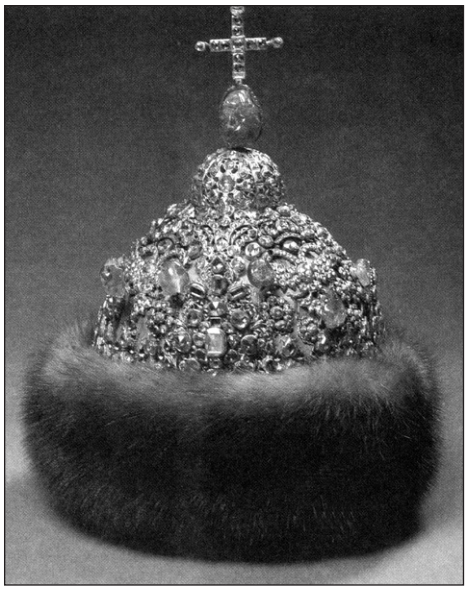
Петровский Святейший Синод создавался как собор духовенства: «... в первоначальном своем виде состо-

Петр I на строительстве Петербурга. С картины В.Н. Серова. 1907

ял из 11 лиц <...> в числе их были: архиереи, архимандриты, игумены и городские протоиереи. Чтобы не стеснять свободы в подаче мнений, в члены Синода не избирались настоятели монастырей и протоиереи одновременно с их епархиальными архиереями»[73]. Интересна эта последняя мера, предпринятая, дабы избежать фатальной персонификации духовного авторитета.

К слову, Синод для Руси не был новостью. Как считал Н.Ф. Каптерев, прототип этого учреждения (постоянный собор при патриархе) был создан по решению московского собора 1667 г.[74] Однако русский Синод с петровских времен был как бы коллективным патриархом, предстоятели восточных Церквей (в сентябре 1723 г. оглашены грамоты Антиохийского и Константинопольского патриархов, признавших Синод[75]) называли его «возлюбленным о Господе братом»[76]. И, наконец, правомочность Св. Синода подтверждена тем, что духовенство возрожденного в XIX в. Королевства Эллинов признало для себя приемлемым именно этот тип организации[77].

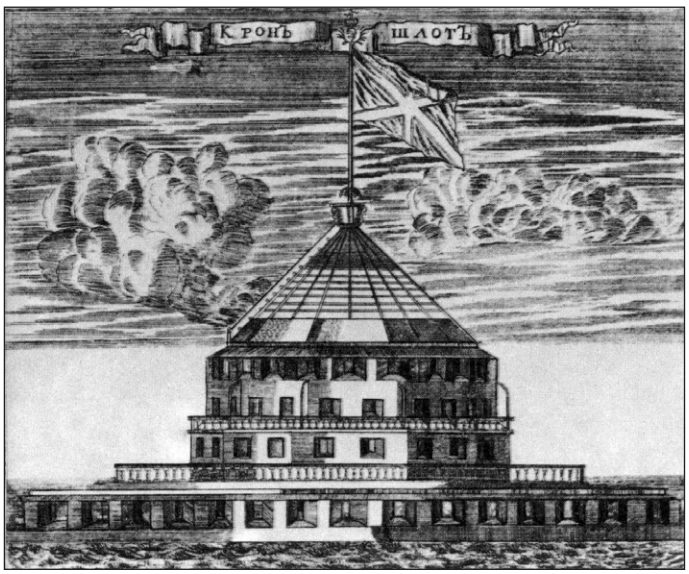
Алмазный венец Петра Великого

И вот, только организовав управление Церковью, Петр Великий принимает от Сената титул Императора (22 октября 1722 г.) и утверждает в России Империю. Византийская модель осуществлена, причем, к чести русского духовенства: наши архиереи словно бы символически уподобились Восточным патриархам тем положением, что заняли по отношению к Императорам дарованным всем русским митрополитам правом носить белый клобук[78], символ вселенской духовной власти...

Весьма интересно, что в числе первых постановлений Св. Синода были такие, которые можно при желании счесть продолжением давней борьбы православной и католикофильской партий в Москве в 1680–1690-х годах. Указом от 21 мая 1722 г. был запрещен целый ряд икон «противных естеству, истории и самой истине». Среди этих икон – «образ Премудрости Божией в лице некия девицы...»[79] Западное (католическое и оккультистское) происхождение этого сюжета доказано в богословской литературе[80], но как не вспомнить о влиянии на отечественную софиологию панегириков Царевне Софье, дел А. Белобоцкого и С. Медведева в связи с этим?.. Удивительная верность Петра и семейной, и собственной традициям.

Последнее, о чем хотелось бы здесь сказать – то, как Петр Великий хранил «честь священства», хранить которую был призван все тем же законом Юстиниана. Здесь первый русский Император был неутомим, хотя подчас понимал вопрос, скажем так, парадоксально («небрежение славе Божией в лишних церквах и множестве попов»[81])...

Но в принятом 26 апреля 1715 г. «Артикуле Воинском», ставшем на десятилетия основным уголовным кодексом Империи (по нему еще судили декабристов), первая глава – «О страхе Божием» – предусматривает за преступления против православной веры суровейшие наказания[82]. Вторая глава напрямую касается нашего вопроса – «О службе Божией и о священниках». Строгие наказания здесь предусмотрены для офицеров и солдат, пропускающих богослужения (арт. 10), являющихся в храм в неподобающем виде (артикулы 11, 12). Однако и священники, пренебрегающие своими обязанностями, наказываются жестоко (арт. 14, 15). Артикул 13, между тем, предписывает «всем офицерам и рядовым <...> священников любить и почитать», 16-й требует прекращать всякую торговлю во время богослужения, 17-й – «банкеты и все суетныя излишния забавы надлежит во время службы Божия отставить...»[83]

Кроншлот. С гравюры А.И. Ростовцева. XVIII в.

Очень принципиальным, имеющим прямое отношение к чести священства, был для Петра Великого вопрос о духовном образовании. Еще патриарху Адриану Царь пенял: «Священники ставятся малограмотные: надобно их сперва научать таинствам и потом уже ставить в тот чин...»[84] Именно вопрос об образованности духовенства – наследственное стремление – вызвал холодность к патриарху Досифею.

Последний, советуя Петру не ставить патриарха из малороссиян, сербов или

греков, как подверженных влиянию еретиков, писал, что даже если претендент-москвич будет необразован – не беда. Главное, чтобы оказался благочестив, а умные помощники найдутся[85]. Кроме того, Досифей пишет: «...повелевает ваше державное и богопрославленное царствие: послати нам отсюды некоторых иеромонахов добрых и ведущих славенский язык, дабы были они у вас и епископами, и евангельскими проповедниками. К тому повелению глаголем первое: в еллинских местах сицевых небыти...»[86] Интересно, что здесь Петр почти дословно повторил просьбу своего отца о присылке в Москву «из святогорских монастырей греков, добрых и ученых людей, которые б знали эллинское и словенское учение, трех человек иноков» (письмо на Афон, 1666 г.)[87].

По интригам Досифея, если помним, ранее были отставлены от Московской славяно-греко-латинской академии братья Лихуды, а об обещанных патриархом новых учителях ничего не известно. Видимо, Петра это рассердило и заставило в полной мере воспользоваться (иногда – силой, как в случае со свт. Иоанном Тобольским) услугами пусть и на латинский манер, но образованного малороссийского духовенства, часть которого, к тому же, происходила из шляхты и умела блюсти свою честь (чему свидетельством в последующие годы судьба свт. Арсения Мацеевича).

* * *

О благодатной или безблагодатной роли Петра Великого в истории Русской Православной церкви можно вести долгий спор. Аргументами в этом споре мы считаем следующие обстоятельства: со временем места пребывания Петра Великого становились местами богослужения. Так, в Брянском Успенском Свенском монастыре, в келии, где преобразователь России оста-

Перенесение Императором Петром I мощей св. блгв. кн. Александра Невского в С.-Петербург

навливался в 1708 г., была устроена часовня. Часовня же была устроена Императором Николаем Павловичем в одной из комнат петербургского домика Петра. Здесь был поставлен петровский *келейный* образ Спаса Нерукотворного и висела молитва «Отче наш», написанная рукою Императрицы Елисаветы Петровны[88]. Именно в этой часовне пережил уже в XX веке совершенно замечательные минуты будущий иеросхимонах Сампсон (Сиверс), вспоминавший о духовных колебаниях своей юности: «Тогда решался вопрос, когда же я буду знать правду, кто же прав: католики, протестанты, православные, армяне – или еще кто-то. Этот вопрос был решен окончательно чудесным образом: однажды я пришел в часовню к Нерукотворному Спасу в доме Императора Петра Великого и во время молебна перед этой чудотворной иконой я получил, скромно говоря, озарение. Я видел то, что люди не видели. И мне стало ясно, что именно только Православие сохранило благодать Святаго Духа, преемственную от святых апостолов...»

Примечания:

[1] Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Петрозаводск, 1996. С. 604-605.

[2] Там же. С. 606.

[3] Ульянов Н.И. Спуск флага. New Haven, Conn. 1979. С.78. Что касается раскольничьих истерик о Петре-антихристе, то для этой братии любой русский Царь, начиная с Алексея Михайловича, таковым и считался...

[4] М-ев П. Жозеф де Местр и его политическая доктрина // Русский вестник. 1889, май. С. 237-238. Н.А. Бердяев, к слову, тоже пережил долгий период увлечения де Местром, чему свидетельством ряд работ: «Жозеф де Местр и масонство, «Философия неравенства», «Новое средневековье»…

[5] Де Местр Ж. Петербургские письма // Звезда. 1994, № 12. С. 176, а также С. 175, 177; Звезда. 1994, № 10. С.139; № 11.С. 174.

[6] См.: Эйдельман Н.Я. Мгновенье славы настает... Л., 1989. С. 63-64 и де Местр. Ж. Санкт–Петербургские вечера / Пер. и прим. А.А. Васильева СПб, 1998. С. 215–216.

[7] Цит. по: Зорин А. Ж.-Ж. Руссо и национальная утопия «старших архаистов» // Новое литературное обозрение. № 20, 1996. С. 57.

[8] Звезда. 1994, № 11. С. 174.

[9] Игумен Иоанн Экономцев. Православие, Византия, Россия. М., 1992. С. 89.

[10] См.: Архим. Амвросий (Погодин). Святой Марк Эфесский и Флорентийская уния. М., 1994. С. 283-301.

[11] См. Догматические послания православных иерархов XVII-XIX веков о Православной вере. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 71.

[12] Игумен Иоанн Экономцев. Ук. соч. С. 89.

[13] Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 484.

[14] Горфункель А.Х. Русское луллианство // 500 лет гностицизма в Европе. Материалы конференции 26-27 марта 1993 г. М., 1994. С. 50-53.

[15] Игумен Иоанн Экономцев. Ук. соч. С. 99.

[16] Там же. С. 100.

[17] Белоброва О.А. Лихуды // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч.2. СПб, 1993. С. 302.

[18] См.: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. III. М., 1994. С. 550, 551.

[19] Зеньковский С.А. Ук. соч. С. 464.

[20] Кашин Н.И. Поступки и забавы Императора Петра Великого // Петр Великий. М., 1993. С. 127.

[21] Зеньковский С.А. Ук. соч. С. 84-85.

[22] Там же. С. 112-118.
[23] Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович. Т. I. Сергиев Посад. 1909. С. 36-37.
[24] Там же. С. 44.
[25] Там же. С. 43.
[26] Каптерев Н.Ф. Иерусалимский патриарх Досифей в его сношениях с русским правительством (1669–1707 гг.) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при московском университете. 1891. Кн. 2(157). (Материалы исторические). С. IX.
[27] См.: Игумен Иоанн Экономцев. Ук. соч. С. 100-101.
[28] Каптерев Н.Ф. Иерусалимский патриарх Досифей в его сношениях с русским правительством (1669–1707 гг.) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при московском университете. 1891. Кн. 2 (157). (Материалы исторические). С. 60 и др.
[29] Там же. С. 1.
[30] Там же. С. 6.
[31] Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий… С. 326
[32] Каптерев Н.Ф. Иерусалимский патриарх Досифей… С. 15-28.
[33] Там же. С. 30.
[34] Там же. С. 29.
[35] Там же. С. 43.
[36] Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович. Т. 2. Сергиев Посад, 1912. С. 546.
[37] Прот. В. Асмус. Учение Св. Царя Юстиниана о Священстве и Царстве // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского института. Материалы 1992–1996 гг. М. , 1996. С. 35.
[38] Каптерев Н.Ф. Иерусалимский патриарх Досифей. С. 56, 43.
[39] Там же. С. 56.
[40] Там же.
[41] Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1698–1801. М., 1995. С. 45.
[42] Баталов А.Л. Гроб Господень в замысле «Святая Святых» Бориса Годунова // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 154-171.
[43] Бусева-Давыдова И.Л. Об идейном замысле «Нового Иерусалима» патриарха Никона // Иерусалим в русской культуре. С. 174-181.
[44] См.:Плюханова М. Сюжеты и символы московского царства. СПб, 1995. С. 106-144, 163-168.
[45] Лотман Ю.М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва–Третий Рим» в идеологии Петра Первого//Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 239.
[46] Дурылин С.Н. Русь прикровенная. М., 2000. С. 153.
[47] Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Ук. соч. С. 240.
[48] См.: Генон Р. Царь Мира / Пер. с фр. Ю.Н. Стефанова // Вопросы философии. 1993, № 3. С. 124.
[49] Соболева Н.А. Старинные гербы российских городов. 1985. С. 57, 158.
[50] Генон Р. Символы священной науки / Пер. Н. Тирос. М., 1997. С. 439-444.
[51] Поселянин Е. Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в XVIII веке. М., 1998. С. 9.
[52] Памятники литературы Древней Руси. 2-я половина XV века. М., 1982. С. 218, 220.
[53] Пыляев М.И. Старый Петербург. Л., 1990. С. 10.
[54] Сравните с записью Стефана Новгородца (XIV в.): «Ту стоить столп чюден вельми толстотою и высотою и красотою, из далеча с моря видети его. И на верх его седить Иустиниан Великы на коне велми чюден, аки жив, в доспесе сороцинском, грозно видети его, а в руце – яблоко злато велико, а в яблоце крест, а правую руку от себе простер буйно на полъдни на Сороциньскую землю к Иерусалиму» (Книга хожений. Записки русских путешественников XI-XV вв., 1934. С. 92).
[55] Смотрите бюст Юстиниана, хранящийся в венецианском соборе св. Марка. (Культура Византии. IV – первая половина VII в. М., 1934. С. 249).
[56] Овсянников Ю. М. Доменико Трезини. Л., 1937. С. 130
[57] Петропавловский собор. Усыпальница российских императоров. Сост. С.В. Трофимов. СПб, 1998. С. 91.
[58] Поселянин Е. Ук. соч. С. 8.
[59] Соловьев С.М. Соч. в 18-и кн. Кн. IX. М., 1993. С. 491.
[60] Там же. С. 439.
[61] Прот. В. Асмус. Ук. соч. С. 39-40.
[62] Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия / Пер. с англ. М. 1998. С. 153.
[63] Цит. по: Прот. В. Асмус. Ук. соч. С. 34-35.
[64] См.:Стоглав // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 336.
[65] Кашин Н.И. Ук. Соч. С. 127.
[66] Цит. по: Назаров М. История «кирилловского» подлога // Москва. 1996, № 4. С. 97.
[67] Прот. В. Асмус. Ук. соч. С. 35.
[68] Каптерев Н.Ф. Иерусалимский патриарх Досифей... С. 10.
[69] Рансимен С. Ук. соч. С. 226.
[70] Сравните: Рансимен С. Ук. соч. С. 46, 30; и Успенский Ф.И. История Византийской империи. Период Македонской династии (867-1057). М., 1997. С. 507.
[71] Рансимен С. Ук. соч. С. 23, 26.
[72] Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. Репр. изд. М., 1992. Столб. 2021.
[73] Там же. Столб. 2022.
[74] Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович. Т. 2. С. 432.
[75] Соловьев С.М. Соч. в 18-и кн. Кн. IX. М., 1993. С. 485.
[76] Полный православный... словарь. Т. 2. Столб. 2022.
[77] Там же.
[78] Прот. И. Мейендорф. Византия и Московская Русь. Paris, 1990. С. 332.
[79] Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. Изд-во Западноевропейского экзархата, шосковский патриархат, 1989. С. 356, 359, 391.
[80] См. митрополит Антоний Ленинградский и Новгородский. Из истории новгородской иконографии // Богословские труды. Т. 27, 1986.
[81] Соловьев С.М. Соч. в 18-и кн. Кн. IX. С. 494.
[82] См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. М., 1986. С. 328-329.
[83] Там же. С. 330-331.
[84] Соловьев С.М. Соч. в 13-и кн. Кн. VIII. М., 1993. С. 86.
[85] Каптеров Н.Ф. Иерусалимский патриарх Досифей... С. 42.
[86] Там же. С. 41.
[87] Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович. Т. I. С. 43.
[88] Пыляев М.И. Старый Петербург. С. 53, 61.
[89] Старец иеросхимонах Сампсон (Сиверс). Жизнеописание. М., 2002. С. 13.

Кронштадтское викариатство
(28.07.1907–16.06.1933)

Кронштадт. Андреевский собор

Кронштадтское викариатство, просуществовавшее чуть более четверти века, стало четвертым по счету в С.-Петербургской епархии (до него уже существовали викариатства Ладожское и Ревельское, а после усвоения С.-Петербургским архипастырям титула «митрополита С.-Петербургского и Ладожского» и при совпадении границ епархии и губернии – Ямбургское, Нарвское и Гдовское) и было учреждено еще при жизни кронштадтского пастыря, св. прав. о. Иоанна, 28 июля 1907 года. С этого же дня кронштадтский Андреевский собор становится кафедральным. Главной причиной, послужившей к учреждению нового викариатства, была необходимость окормления расположенных за границей приходов, входивших большей частью (за исключением подчиненных ведомству Министерства иностранных дел) в состав С.-Петербургской епархии. Сами викарии жили в С.-Петербурге, служили постоянно не только в столице, где по обязанности большей частью должны были находиться, занимаясь епархиальными делами, но и в самом Кронштадте, духовно радуя жителей и богомольцев высокоторжественными богослужениями в храмах острова Котлин.

Первым викарным епископом Кронштадтским в 1907 г. становится **епископ Владимир (Путята),** служивший в должности викария Петербургской епархии до 10/23 января 1915 г. Впоследствии он занимал Пензенскую кафедру (1915–1917), при большевиках стал проводить анархическо-самостийную политику, а позднее примкнул к обновленцам, служа в Архангельске, Томске, Саратове (скончался после 1934, будучи в обновленческом расколе, вне общения с Русской Православной Церковью).

31 мая 1915 г. на Кронштадтскую кафедру был возведен ставший вторым по счету епископом Кронштадтским, **преосвященный епископ Феофан (Туляков),** впоследствии митрополит Нижегородский, новомученик († 1937).

Епископ Феофан (в миру Василий Степанович Туляков) родился в С.-Петербурге 25 февраля 1864 г. С детских лет он желал служить в Церкви в священническом сане и хотел поступить в духовное учебное заведение, но по воле родителей (его отец был купцом, потомственным почетным гражданином) начал образование в Императорском С.-Петербургском коммерческом училище. В 1881 г., будучи воспитанником этого училища, он обратился за советом к митрополиту Московскому Макарию. Митрополит благословил его готовиться к служению Церкви, посоветовав поступить в богословские классы семинарии.

В 1883 г. он поступил в 1-й богословский класс, а в 1885 – в С.-Петербургскую Духовную академию, которую окончил в 1889 г. кандидатом богословия. Еще учась в академии, он намеревался принять иноческий

постриг, но Господь судил иначе. Святитель Феофан, затворник Вышенский, с которым он находился в духовной переписке, отвечая на вопрос, идти ли ему в монахи, писал, что вступать в монашество должно без посторонних намерений – с одним лишь исключительным «желанием спасти душу и стяжать сердце чистое и богопреданное... Если же с желанием принятия монашества соединяется что-либо постороннее, то лучше жить в миру и стремиться быть искренним христианином».

Сознавая, что на тот момент справедливое требование святителя он исполнить не может, вследствие того, что желание монашества в его душе соединялось с желанием епископского служения, Василий Степанович удаляется в деревню, в имение своей матери, где занимается сельским хозяйством и изучением аскетических трудов святых отцов, молясь об устранении из помыслов препятствия к иночеству. Почти пятнадцать лет, постепенно ослабевая, происходила эта внутренняя борьба помыслов. Наконец Господь услышал его молитву и отнял это препятствие, совершенно уничтожив таковые помыслы, после чего Василий Степанович обращается к бывшему ректору академии митрополиту С.-Петербургскому Антонию (Вадковскому) за советом относительно избрания монастыря. Тот благословил поступить в Александро-Невскую лавру.

23 апреля 1905 г. он поступает в Лавру послушником-пономарем, отзываясь позже об этом периоде как о самом счастливом и радостном в своей жизни. 11 октября 1905 г. его постригают в монашество с именем Феофан, в честь затворника Вышенского. В том же году он был рукоположен митрополитом Антонием во иеродиакона и иеромонаха. 5 ноября 1908 г. он возводится в сан архимандрита и назначается членом Духовного собора Лавры и заведующим Серафимо-Антониевским скитом в лаврском имении Зачеренье, близ Луги. 1 февраля 1909 г. архимандрит Феофан назначается наместником Александро-Невской лавры. 31 мая 1915 г. он был хиротонисан *во епископа Кронштадтского, викария С.-Петербургской епархии,* прослужив здесь до 6 июля 1916 г. Затем он переводится на самостоятельную Калужскую кафедру, а в 1927 г. становится архиепископом Псковским и Порховским.

В 1935 г. он возводится в сан митрополита с поставлением на Нижегородскую и Арзамасскую кафедру, где, однако, ему не довелось долго послужить. Летом 1937 г., в период массовых арестов духовенства и мирян, Владыка Феофан был арестован (25 июля 1937) и помещен в спецкорпус Нижегородской тюрьмы. Здесь, сразу же после ареста, его подвергли жестоким пыткам, поместив в подвальную камеру, которую заполняли водой. После месяца пыточного следствия, обвинив митрополита в «контрреволюционной и повстанческой деятельности, осуществлявшейся по заданию Московского церковно-фашистского центра», 21 сентября (н. ст.) 1937 г. его приговорили к расстрелу особой тройкой областного управления НКВД.

На отдание праздника Воздвижения Животворящего Креста Господня, *21 сентября / 4 октября 1937 г.* святитель Феофан был расстрелян.

Третьим по счету викарием Кронштадтским был **Преосвященный епископ Мелхиседек (Паевский),** впоследствии митрополит Минский и Белорусский, исповедник († 1931).

Епископ Мелхиседек (в миру Михаил Львович Паевский) родился в 1878 г. в селе Ватулине Бельского уезда Холмской губернии, за Брестом (б. Привислинский край). В 1904 г. окончил Казанскую Духовную академию, где принял постриг, и в 1905–1911 гг., будучи в сане архимандрита, был настоятелем ряда монастырей, в том числе Белыничского в Могилевском уезде и губернии, на своей родине в Белоруссии. В 1914 г. назначается ректором Тифлисской Духовной семинарии.

В сентябре 1916 г. возводится в сан епископа Кронштадтского, часто служит в Петрограде и Царском Селе, будучи духовно близким Царской Семье, члены которой в период Тобольского и Екатеринбургского заточения своего (1917–1918) неоднократно в письмах упоминают его имя и обращаются к нему через других лиц.

После кровавых событий февральской революции в Кронштадте, когда он превращается в столицу Красной Балтики, и в городе вследствие матросских беззаконий и распущенности наступает анархия, становится невозможным полноценное служение викария на острове Котлин, и епископу Мелхиседеку усваивается титул епископа Ладожского, также викария Петроградской епархии.

Епископ Мелхиседек был известен своим аскетическим образом жизни, отличался весьма приятной внешностью и был образованным и даровитым иерархом. В 1917–1918 гг. он участвует во Всероссийском Поместном соборе в Москве, избравшим Святейшего Патриарха Тихона на Патриарший престол.

В 1919 г. становится епископом Слуцким, викарием Минским, а затем епископом Минским и Туровским. Любя свой родной край – Белоруссию, он никогда не разделял сепаратистских тенденций некоторой части белорусского духовенства, но всегда стремился к единению с Русской Церковью и братскому сотрудничеству русских и белорусов, из-за чего претерпел много скорбей в дни революции.

Прекрасный организатор церковной жизни и воспитатель молодежи, которую, несмотря на все гонения и трудности, подготавливал к миссионерской деятельности и стойкой защите Церкви. Из молодежи как юношей,

так и девочек, им были подготовлены кадры церковных чтецов, изучавших псалмы и многие гласовые песнопения на память, ибо, по мнению Владыки, «в условиях ссылки книг не будете иметь, богослужения тайные и там совершаться будут».

Чтобы защитить местную Церковь от разгрома в условиях тяжелых гонений от большевиков и местных националистов, епископ Мелхиседек стал на путь автокефалии, базируясь не только на национально-белорусских стремлениях, но и на директивах Патриарха Тихона и митрополита Агафангела о возможности самоуправления в условиях гонений и отрыва от центра. Собором белорусского духовенства и мирян в 1923 г. он был избран митрополитом Белорусским и Минским. Тогда же давление темных сил на митрополита усилилось, и на него были возведены обвинения, приведшие к его аресту в декабре 1924 г. Большевиками он был сослан в Сибирь, в Мариинские лагеря, где на него возлагались тяжелые грязные работы для унижения его сана. С 1928 г. поставлен на Красноярскую и Енисейскую кафедру.

В конце 1930 г. он был вызван в Москву, где стал членом Синода митрополита Сергия в летнюю сессию следующего года, чем и был скомпрометирован в глазах белорусских националистов.

По прибытии в Москву, 17 мая 1931 г., облачась в алтаре перед службой в одном из московских храмов, он скоропостижно скончался у престола (болезнь легких и сердца). Представители епархии были на его погребении. В свое время он был очень предан патриарху Тихону и в борьбе против обновленчества был стойким и непоколебимым. Его почитали за строгость жизни и вдохновенные богослужения, которые собирали огромные массы народа.

Новый, четвертый по счету викарный епископ Кронштадтский заступил на кафедру 25 августа 1920 г. и прослужил здесь до 1922 г., ознаменовавшегося кампанией по борьбе с Церковью, прикрывавшейся производившимся большевиками изъятием церковных ценностей, якобы в пользу голодающих Поволжья. Им стал **Преосвященный епископ Венедикт (Плотников),** будущий новомученик († 1937).

Епископ Венедикт (в миру Виктор Васильевич Плотников) родился 25 октября 1872 г., в селе Лижма Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, в семье священника. В 1893 г. окончил Петербургскую Духовную семинарию, после чего определен псаломщиком к петрозаводскому кафедральному собору и назначен учителем пения Духовного училища.

15 августа 1894 г. рукоположен во иерея и назначен к Воскресенскому собору в г. Вытегре, где служит в 1895–1898 гг.

В 1902 г. окончил С.-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия, после определен на священническое место к церкви училища слепых в С.-Петербурге. С 1907 г. служит законоучителем Павловского женского института и настоятельствует в церкви института.

С 1918 г. назначается настоятелем Николаевского Морского собора в Кронштадте, служит в сане протоиерея. (В июне 1920 г. митрополитом Петроградским Вениамином, в сослужении протоиереев Виктора Плотникова и Михаила Чельцова, был освящен в названном соборе придел.)

С 1919 г. переведен ключарем Исаакиевского кафедрального собора в Петрограде. Овдовев, принимает постриг (в мантию), а 15 августа 1920 г. хиротонисан во *епископа Кронштадтского, викария Петроградской епархии.* До хиротонии и после нее проживал в Кронштадте.

В 1922 г. арестован по обвинению в «сопротивлении изъятию церковных ценностей» и заключен в тюрьму на Шпалерной улице в Петрограде.

5 июля 1922 г. осужден Петроградским губернским Ревтрибуналом по делу Митрополита Вениамина. Приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. 3 августа того же года по постановлению Президиума ВЦИК расстрел заменен заключением на 10 лет. В 1923 или 1924 гг. освобожден по амнистии. С февраля 1924 по 18 декабря 1925 временно управляет Петроградской, с 25 октября 1924 г. – также Олонецкой и Петрозаводской, а также (с 1924) – Новгородской епархиями. 12 апреля 1925 г. принимает участие в погребении свт. Патриарха Тихона.

В конце 1925 г. арестован и выслан на три года в Нарымский край (Томская губерния). В заключении (не раньше лета 1927 г.) – на Соловках. В марте 1929 г. переведен на поселение в Вологодскую область. В 1929–1931 проживал в Иркутске, затем – в Нижнем Новгороде. В 1931 г. – временно управляет Вологодской епархией, 4 апреля 1933 г. возведен в сан архиепископа, а 16 июня 1933 – архиепископ Вологодский. Осенью 1933 г. вернулся в город на Неве, но вновь получает кафедру в провинции.

С 5 октября 1933 по 5 сентября 1936 г. – архиепископ Новгородский. 20 декабря 1936 г. переведен в Казань, где служит архиепископом Казанским и Свияжским. 28 февраля 1937 г. арестован в Казани, где проживал на Кирочно-Заводской улице, 6. 11 августа 1937 г. осужден тройкой при УНКВД СССР по Ленинградской области, приговорен к расстрелу.

В начале Успенского поста, *3*/16 августа 1937 г., Преосвященный архиепископ Венедикт был расстрелян в Ленинграде, погребен, вероятно, на братском кладбище Левашовской пустоши.

Священномученики и мученики Кронштадтские, молите Бога о нас!

И. П.

Л.И. Токарева, И.В.Попов

ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЦЕРКОВНАЯ ТОПОНИМИКА КРОНШТАДТА

1. **Соборная улица** (*ул. Карла Маркса*) (А, I)

Одна из старинных улиц Кронштадта, проложенная вдоль западного участка Обводного канала, сооруженного во второй половине XVIII в. Названа так по Андреевскому собору, старейшему кронштадтскому храму (основан в 1717–1718 гг., перенесен на это место в 1787 г., выстроен по проекту Ч. Камерона и А.Д. Захарова в 1805–1817 гг.). Именно здесь 53 года служил протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (св. прав. Иоанн Кронштадтский). Именно сюда приезжали тысячи паломников к о. Иоанну. Здесь же, рядом с собором, погребена супруга о. Иоанна – Елизавета Константиновна Сергиева (1829–1909), 95-летие со дня кончины и 175-летие со дня рождения которой отмечались в 2004 году, соответственно 17 мая и 4 июня.

Улица переименована 02.11.1918 года в честь основателя марксизма, составителя «Манифеста коммунистической партии» Карла Маркса.

2. **Андреевская улица** (А,I)

Была проложена по оси Андреевского собора, где более полувека служил св. прав. Иоанн Кронштадтский. На углу Андреевской и Михайловской (Посадской) улиц, в доме причта Андреевского собора, с 1855 по 1908 гг. жил и здесь скончался св. прав. Иоанн Кронштадтский.

2.11.1918 г. переименована в честь большевистского комиссара печати Володарского (Гольдштейна). 28 декабря 1999 года улице возвращено ее историческое название – Андреевская.

3. **Посадская ул.** (*Михайловская улица*) (А,I)

Старинная улица, проложенная еще в 1723 г. До 1860 г. именовалась Посадской, по месту расположения (эта часть города именовалась Купеческой частью или Посадом). Главный мемориальный адрес св. прав. Иоанна Кронштадтского в Кронштадте, ибо именно на Михайловскую улицу, на квартиру о. Иоанна приезжали паломники; по адресу: «Михайловская улица, 23» отправлялись письма и телеграммы о. Иоанну с просьбами помолиться об их выздоровлении и их нуждах. Именно этот адрес знала вся Россия. В настоящее время воссоздается квартира-музей о. Иоанна в мемориальных комнатах дома. В 1999 году

Кронштадт. Николаевский проспект. Фото начала XX века

на доме воссоздана мемориальная доска, установленная в память отца Иоанна в 1912 г.

2.11.1918 г. улица была переименована в честь председателя Петроградской Чека Моисея Соломоновича Урицкого. Чекист, известный своими кровавыми расправами над жителями Петрограда, оказался исторически «связанным» и с этой улицей Кронштадта. В конце Михайловской (Посадской) улицы, в доме № 60, располагалась с 1890-х годов Кронштадтская гражданская тюрьма с церковью св. Иоанна Рыльского, небесного покровителя св. прав. Иоанна Кронштадтского. В 1918 г. она была превращена в застенок, где содержались и были расстреляны арестованные чекистами в Петрограде заложники, схваченные в ответ на убийство «товарища Урицкого» эсером Л. Канегиссером. Среди них было немало офицеров, представителей петербургской интеллигенции, священников. В августе-октябре 1918 г. во дворе тюрьмы было расстреляно более 400 человек. Содержание здесь заложников, а также расстрелы и казни в Кронштадте, продолжались и позже. Среди убиенных было немало выдающиехся представителей петербургского общества (в их числе знаменитый петербургский пастырь – протоиерей Алексий Ставровский, – священномученик, многие морские и сухопутные офицеры и другие лица). 28 декабря 1999 года улице возвращено ее историческое название – Посадская.

4. **Сергиевская улица** (*ул. Фейгина*) (I)

Известна с XVIII века как Медвежья улица или Медвежий переулок. В 1881–1882 гг. в Медвежьем переулке св. прав. о. Иоанном Кронштадтским был выстроен и открыт действовавший до 1917 года первый в России Дом Трудолюбия, одно из известнейших благотворительных учреждений страны. Он давал кров, работу, питание, утешение и приют

Примечания:

А – одно из старейших наименований в Кронштадте, восходящее к XVIII веку: времени основания города – Петровской эпохе, или к середине века – Елизаветинской и Екатерининской эпохам.

I – мемориальное название, тесно связанное с памятью святого праведного Иоанна Кронштадтского, и потому имеющее большое значение для Русской Православной Церкви и миллионов православных христиан.

бедным, одиноким людям, сиротам и потерявшим работу (их число достигало 25 тысяч человек в год). К 1917 г. по образцу кронштадтского по России было организовано более ста подобных домов трудолюбия.

Детище св. прав. Иоанна Кронштадтского было главным сооружением улицы. После кончины пастыря, в 1909 году, улица получила наименование Сергиевской.

2.11.1918 г. улица была переименована в честь председателя Петроградской коммуны Зиновьева (Г.О. Апфельбаума), при его жизни (!). В 1920-х гг. (по данным В.Я. Крестьянинова. – *Ред*.) некоторое время называлась улицей Трех эсминцев – в память погибших во время Гражданской войны (1919) в Копорской губе трех военных судах Красного флота. 17.12.1933 в связи с изменением политической обстановки в стране еще раз переименована в честь «вожака иваново-вознесенских комсомольцев Г.Г. Фейгина, (1901–1921), активного участника подавления Кронштадтского восстания матросов в марте 1921 г., вошедшего в историю как «Кронштадтский мятеж».

В здании Дома Трудолюбия в настоящее время действует Центр «Надежда», занимающийся профессиональным обучением молодежи и продолжающий традиции Дома Трудолюбия. В здании открыта постоянная выставка, посвященная жизни св. прав. Иоанна Кронштадтского.

5. **Богоявленская улица** (*Интернациональная ул.*) (А,I)

Существует с первой половины XVIII в. (отмечена на карте 1741–1742 гг.). Названа по одной из старейших церквей Кронштадта, во имя Богоявления Господня (1728–1731). На кладбище за церковью были погребены известные государственные и флотские деятели, сподвижники Императора Петра I. Сам Петр Великий многократно бывал в этих местах и любил их, зачастую останавливаясь отдохнуть под росшими там вековыми дубами. В 1722 г. Император повелел основать здесь Морскую Богоявленскую церковь.

В книге В.Я. Крестьянинова «Кронштадт. Крепость. Город. Порт» (СПб, 2002) упоминается, что первоначально улица называлась Госпитальной, т. к. здесь, на Горе, находился старейший в Кронштадте и в России Военно-Морской госпиталь, основанный Петром Великим в 1717 году. По всей видимости, это название могло бытовать около десяти лет, в 1717–1720-х гг., до постройки Богоявленской церкви.

В Морском храме Богоявления Господня неоднократно служил св. прав. Иоанн Кронштадтский, в 1904 г. он освящал здесь Алексиевский придел. Церковь Богоявления была разрушена в 1932 г., а кладбище разграблено. На месте церкви и кладбища в 1960-х гг. выстроено здание детских яслей (№5), ныне пустующее.

2.11.1918 года улица была переименована в Интернациональную, очевидно, в честь международного коммунистического Интернационала и заслуг интернациональных отрядов и бригад, состоявших из китайцев, латышей и лиц других национальностей, сыгравших важную роль в захвате и удержании власти большевиками в 1917 году и отличившихся кровавыми расправами над жителями русских городов и сел.

Кронштадт. Сергиевская улица. Дом Трудолюбия. Фото начала XX века

6. **Алексеевская улица** (*Пролетарская ул.*) (А,I)

Появилась в XVIII веке. С конца XVIII в. до 1904 г. носила название Галкиной улицы, по имени жившего здесь в XVIII веке купца-домовладельца. Есть свидетельство, что в обиходе именовалась также Церковной. В 1904 году в Богоявленской церкви был освящен придел во имя святителя Алексия, митрополита Московского, устроенный в память рождения Наследника престола св. Цесаревича Алексия (1904–1918). Освящен был Алексиевский придел св. прав. Иоанном Кронштадтским. По Алексиевскому приделу улица стала называться Алексеевской. 2.11.1918 года переименована в Пролетарскую, в честь пролетариата и пролетарской революции.

7. **Большая Екатерининская улица** (*Советская ул.*) (А,I)

8. **Малая Екатерининская улица** (*ул. К. Либкнехта*) (А)

Обе улицы были проложены и застроены в царствование Императрицы Екатерины II, одновременно с сооружением зданий Адмиралтейства и прокладкой Обводного канала (1783–1803), вдоль северного участка которого они и идут. В память о царствовании Императрицы Екатерины II, когда были сооружены и застроены домами для офицерских флотских служащих прилегающие к названным улицам кварталы, проезды получили название Большой Екатерининской и Малой Екатерининской улиц (с конца XVIII в.). Екатерининскими также именовалась площадь,

Кронштадт. Большая Екатерининская улица

Кронштадт. Северный бульвар

лежавшая к северу от канала, напротив нынешней Якорной площади, и мост через канал.

2.11.1918 года обе улицы, площадь и мост были переименованы: Большая Екатерининская – в Советскую, в честь Советов (по установлении советской власти); Малая Екатерининская – в ул. Карла Либкнехта, по имени вождя немецких коммунистов. Екатерининская площадь (именовалась с 1918 г. площадью Рошаля; сейчас это название сохраняется лишь за примыкающей к Екатерининской площади с севера б. Комендантской площадью) ныне упразднена и представляет собой сквер с памятником «революционным морякам Балтики» перед кинотеатром «Бастион». Екатерининский мост стал также называться Советским.

В здании Морского собрания на Большой Екатерининской улице неоднократно бывал св. прав. Иоанн Кронштадтский. Здесь же при его участии с 1897 г. действовал комитет по постройке Морского собора, куда входили выдающиеся морские деятели, офицеры и военачальники (адмиралы Н.И. Казнаков, С.О. Макаров, Р.Н. Вирен и другие). В 1848–1852 гг. вдоль Большой Екатерининской улицы был разбит бульвар, один из лучших в городе, получивший название Екатерининского.

9. **Петербургская улица** (*Ленинградская ул.*) (А,I)

Существует с 1721 г. Ведет от Петербургских ворот и пристани к центру города. В 1903 г. здесь была освящена Морская часовня во имя Христа Спасителя или «Спас-на-Водах», встречавшая приезжавших в Кронштадт из Петербурга моряков и богомольцев. В освящении ее принимал участие св. прав. Иоанн Кронштадтский, много раз (почти ежедневно) бывавший здесь. По улице, мимо часовни, пролегал его путь из Кронштадта в Ораниенбаум и далее – в Петербург и обратно. В начале XX века в доме № 5 по Петербургской улице располагался открытый по инициативе св. прав. Иоанна Кронштадтского и содержавшийся на пожертвования пункт помощи бедным, где им ежедневно раздавались деньги и продукты.

В 1914 г. (по другим данным – в 1915 г.) улица переименована в Петроградскую, в 1924 г. (09.02) – в Ленинградскую, в настоящее время было бы справедливо, после возвращения в 1991 г. исторического названия нашему городу, возвратить и улице ее историческое название «Петербургская».

10. **Северный бульвар** (*ул. Восстания*) (А,I)

Один из старейших проездов Кронштадта, существующий с XVIII в. и проходящий вдоль Северного оборонительной вала Кронштадтской крепости. В XVIII в. именовался Длинной улицей, это, действительно, самая протяженная улица Кронштадта, длина ее – более 2 км 100 метров. В XIX в., после разрушительного наводнения 1824 года, здесь было начато возведение существующих поныне укреплений: оборонительных стен, казарм, башен и полубашен (1826–1840, перестроены в 1871–1873 гг.). В 1840 г. здесь был разбит бульвар, и застроенный с южной стороны жилыми домами проезд приобрел современный вид.Тогда же за ним закрепилось название Северный бульвар.

В 1925 г. (17 или 19.12.) проезд переименован в ул. Восстания – в честь Кронштадтских восстаний (1905, 1906 и февраля 1917 гг.), печально известных своими кровавыми расправами над офицерами Балтийского флота (во время событий 1917 г. в Кронштадте, Петрограде и Гельсингфорсе было убито свыше 200 и арестовано свыше 600 офицеров русского флота, после чего I Мировая война на Балтике была безнадежно проиграна).

В Князь-Владимирской церкви при Сухопутном манеже на Северном бульваре неоднократно бывал и служил св. прав. Иоанн Кронштадтский.

11. **Чеботарёвая ул.** (*ул. Мануильского*) (А,I)

Проложена в первой половине XVIII в. и получила свое название по жившим здесь, в Морской слободе, чеботарям, точавшим обувь. Старинное, исключительно кронштадтское название, – улицы с таким именем нет ни в С.-Петербурге, ни в других его пригородах и городах области.

В 1925 г. (17 или 19.12.) переименована в честь революционера-агитатора, активного участника революционных событий 1906 и 1917 гг., члена большевистской партии Д.З. Мануильского (1883–1959), и 34 года еще при его жизни (!) носила имя этого революционера.

На Чеботарёвой ул. расположен Кронштадтский Морской госпиталь, старейший в России (основан Императором Петром I в 1717 г.). В храме госпиталя и в Свято-Никольской церкви-часовне при госпитале (освящена в 1905 г.) бывал и служил св. прав. Иоанн Кронштадтский.

12. **Викторская ул.** (*бывшая ул. Аверичкина*, ныне проезд упразднен) (А,I)

Одна из старейших улиц Кронштадта. Проложена в XVIII в. Название восходит к первой половине – середине XVIII в., когда здесь (возможно, еще с Петровского времени) располагалась «ресторация» некоего Викт*о*ра, бывшего шкипера. Сохраняла название около 200 лет. Старинное, исключительно кронштадтское название.

В доме 14 по Викторской ул., принадлежавшем известному кронштадтскому купцу и благотворителю, храмоздателю Н.А. Туркину, действовал домовый храм св. Александра Невского, с 1911 г. предоставлявшийся для молитвы наследниками покойного купца 200-у Кронштадтскому пехотному полку.

В доме Н.А. Туркина на Викторской улице неоднократно бывал и служил в храме св. прав. Иоанн Кронштадтский.

17.12.1933 г. улица переименована в честь революционного матроса Центробалта Ф.С. Аверичкина (1889–1933), члена большевистской партии с марта 1917. Ныне улица упразднена и не носит никакого названия. Дома по ней числятся по ул. Мануильского (Чеботарёвой), в связи с этим восстановление исторического названия не представляло бы особой сложности.

13. **Княжеская ул.** (*Коммунистическая ул.*) (A,I)

Существует с первой половины XIX в. (1832), хотя самые старые здания, выходящие на нее, датируются началом XVIII в., – это знаменитые губернские дома, сооруженные еще в Петровское время (начали строиться с 1714).

Название свое получила по расположенной в одном из губернских домов квартире, служившей местом пребывания в Кронштадте знаменитого Генерал-Адмирала Великого Князя Константина Николаевича, командующего Русским военным флотом.

Сын Императора Николая I и отец известного на рубеже веков Августейшего поэта Вел. Князя Константина Константиновича, подписывавшегося инициалами К. Р., Великий Князь Константин Николаевич воспитывался под руководством адмирала Ф.П. Литке. Возглавляя Морское министерство, он в 1850–1880-х гг. часто бывал и подолгу жил в Кронштадте, наблюдая за строительством военных кораблей и фортификационных сооружений. В 1832 г. бывший 9-й губернский дом был передан под квартиру Главного командира Кронштадтского военного порта (ему отводился 2-й этаж), на первом помещались хозяйственные службы, третий был отведен под квартиру Великого Князя, здесь же во время своих приездов в Кронштадт останавливалась и Царская Семья. Огромным было влияние Великого Князя на культурную жизнь Кронштадта: по его инициативе здесь было учреждено Морское собрание и основана Морская библиотека, вторая по времени основания, после Императорской Публичной библиотеки в Петербурге. Осенью 1917 года перед зданием Морского собрания в Кронштадте должен был быть открыт памятник Вел. Кн. Константину Николаевичу, но из-за известных событий этого не произошло.

По титулу Вел. Князя Константина Николаевича улица некоторое время носила имя «Великокняжеская», потом оно было сокращено до «Княжеской».

На улице располагаются здания бывшей мужской и женской кронштадтских гимназий, в первой из которых долгое время преподавал св. прав. Иоанн Кронштадтский (здание сохранилось, но в плачевном виде).

Здесь же, на Княжеской улице, располагалась канцелярия и квартира Главного командира Кронштадтского порта и военного губернатора Кронштадта, последним из которых был адмирал Р.Н. Вирен, арестованный в этом доме и зверски убитый матросами 1 марта 1917 года.

2.11.1918 года улица переименована в Коммунистическую.

14. **Александровская улица** (*ул. Зосимова*) (A,I)

Существующая с начала XVIII в. и проходящая вдоль Западного вала Кронштадтских городских укреплений, она уже отмечена на карте города 1741–1742 гг. Название ее восходит, вероятно, к началу XVIII в. и связано с квартировавшей в этой местности командой военного корабля «Святой Александр», названного в честь св. блгв. вел. князя Александра Невского.

В первой половине-середине XIX в. называлась Луговой, затем – вновь Александровской (по имени почившего Императора Александра I). С 1839 г. проезд именовался Александровским бульваром.

2.11.1918 года переименована в ул. Троцкого (по имени одного из главных руководителей партии большевиков и революции Л.Д. Бронштейна-Троцкого, позднее принимавшего активное участие в подавлении Кронштадтского восстания 1921 г.). В 1926 г. (по другим данным в 1929) улица, в связи с изменением в стране политической ситуации, была переименована в ул. Зосимова, в честь революционера-матроса А.Г. Зосимова (1885–1926), активного участника событий 1917 г.

На углу Александровской и Андреевской улиц, в здании бывшей англиканской церкви, с 1902 г. действовала православно-эстонская Крестовоздвиженская церковь, где неоднократно бывал и служил св. прав. Иоанн Кронштадтский и настоятельствовал его сподвижник и последователь протоиерей Николай Симо, пресвитер Кронштадтский, – священномученик (расстрелян большевиками в 1931 г.), ныне прославленный Церковью в лике святых.

15. **Нарвская улица и площадь** (*ул. и пл. Мартынова*) (A,I)

Одно из старейших названий в Кронштадте. Оно существует с начала XVIII в. и дано по указанию Императора Петра I в память о взятии Нарвы, близ которой Русская армия потерпела поражение в 1700 г. и которая была успешно взята штурмом русскими войсками в 1704 г. Нарвская площадь на протяжении XIX – начала XX вв. была местом народных гуляний.

В 1919 г. (по другим данным в 1922) переименована в честь кронштадтского революционера, рабочего пароходного завода М.И. Мартынова, участника революции 1906, 1917 гг. и Гражданской войны на стороне Красных, расстрелянного восставшими моряками (участниками «Белого мятежа») на форте Красная Горка в 1919 г.

В здании бывшей гражданской тюрьмы на Нарвской ул. с 1892 г. был устроен храм св. Иоанна Рыльского, освященный св. прав. Иоанном Кронштадтским.

Кронштадт. Павловская улица. Фото начала XX века

Кронштадт. Спасская часовня на Козьем Болоте (угол Соборной и Кронштадтской улиц) Фото начала XX в.

Фактически название площади упразднено (все дома, на нее выходящие, числятся по адресам соседних улиц и проездов), в связи с чем восстановление исторического названия не составляло бы особой сложности.

16. **Песочная улица** (*ул. Аммермана*) (А)

Одна из старейших улиц Кронштадта. Название восходит к XVIII в., когда в восточной части острова Котлин, в районе Горы, появились слободы: Морская, Шкиперская, Бочарная и другие. Тогда же была застроена и Песочная улица. Получила название по песчаной местности в этом районе. Когда здесь еще не было линейной городской застройки, район Песочной улицы служил для просушки рыбацких сетей и снастей, временно не используемых рыболовецких лодок.

21.10.1920 г. Песочная улица переименована в честь революционера П.К. Аммермана (1891–1919), погибшего у дер. Усть-Рудицы во время Гражданской войны.

17. **Сайдашная улица** (*ул. Велещинского*) (А)

Одна из старейших улиц Кронштадта. Проезд существует с первой половины XVIII в. и указан на картах 1721 и 1741–1742 гг. Название свое ведет от татарского слова «сайдак», означающего род лучного оружия, либо также от татарского наименования окольного, второго, непрямого, запасного пути (на юге России существовал в XVI–XVIII вв. Сайдачный шлях, наряду с Изюмским и Муравским, ведший в сторону Крыма).

Название Сайдашной улицы восходило к бывшей в Кронштадте с XVIII в. Татарской слободе (состоявшие из татар отряды участвовали в Северной войне на стороне России, и позднее иные из них поселились в Кронштадте.

Название, бытовавшее с XVIII в., очевидно употреблялось в связи с изготовлением татарами, жившими в этой местности, различного конского снаряжения: упряжей, сбруи и проч. Не исключено, что название восходит к пролегавшей по линии Сайдашной улицы третьей, ведшей за город, дороги (помимо Кронштадтской и Цитадельской), имевшей второстепенное значение и использовавшейся, преимущественно, для выгона скота за крепостные стены. В середине XIX в. упоминаются как уже неиспользуемые Средние ворота в крепостной стене, располагавшиеся как раз в створе Сайдашной улицы.

В начале века на Сайдашной улице действовала старообрядческая Казанская церковь.

21.10.1920 г. улица переименована в честь рабочего-большевика П.Ю. Велещинского (1889–1919), активного участника революционных событий в Кронштадте и Петрограде в 1917 г.

18. **Комендантская площадь** (*пл. Рошаля*)

С 1779 г. это место использовалось для развода войск, с 1840 г. он производился перед выстроенным здесь зданием главной Кронштадтской гауптвахты, памятником архитектуры эпохи классицизма. С середины XIX в. за площадью перед гауптвахтой закрепилось название Комендантской площади (находилась севернее Екатерининской площади).

В 1918 г. переименована в площадь Рошаля, по имени революционера Семена Григорьевича Рошаля (1896–1917), принимавшего участие в событиях 1917 г. в Кронштадте, комиссара партии большевиков, погибшего на Румынском фронте.

В 1970-х гг. здание главной Гауптвахты, несмотря на то, что оно было памятником архитектуры и находилось под охраной государства, снесли. Ныне на его месте разбит чахлый сквер.

19. **Бочарная улица** (*ул. Комсомола*) (А,I)

Одна из старейших улиц Кронштадта. Существует с первой половины XVIII в. Название ее восходит к бывшей здесь в XVIII в. Бочарной слободе, сформировавшейся по профессиональному признаку (здесь жили бочары). В начале XX века на Бочарной улице открылось отделение Александро-Невского попечительства о народной трезвости, в деятельности которого активное участие принимал св. прав. Иоанн Кронштадтский. В открытом здесь в 1917 году храме общества трезвости служил священномученик Григорий Поспелов, пресвитер Кронштадтский, расстрелянный большевиками после подавления восстания кронштадтских матросов в 1921 г. В 2003 г. он причислен к лику святых.

4.09.1930 г. Бочарная улица была переименована в ул. Комсомола, очевидно, по аналогии с Бочарной (Симбирской) улицей в Петербурге, также переименованной в ул. Комсомола в это время (1927).

20. **Розовый ряд (Розовая)** (*Большевистская ул.*) (А)

Поэтичное название проезда восходит к концу XVIII–началу XIX вв. и связано с существовавшими поблизости от возникшего здесь позже Гостиного двора (выстроен в 1833–1835 гг., арх. В.И. Маслов) торговыми рядами, где продавали разноцветные ленты, ткани, тесьму, нитки и иголки. Оригинальный, исключительно кронштадтский топоним (к слову сказать, соседняя с нею улица именовалась Березовым рядом. Здесь можно было купить лучшие в Кронштадте березовые дрова; а за зданием на берегу Итальянского пруда сохранилось до сих пор название Рыбных рядов). Возможно, что не только пестрые ленты дали название улице, но что сами торговые лавки здесь были окрашены в розовый цвет. Название бытовало около ста лет, до 1920-х гг. В 1923 г. (в путеводителе Столпянского) упоминается как Короткая улица. Переименована в Большевистскую улицу 19.12.1925 г.

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

О МОЛИТВЕ

Из дневника св. прав. Иоанна Кронштадтского

Не молиться крайне опасно: сердце портится, зарастает дикою травою беззаконий, плевелами диавольскими *(См.: Мф. 13, 25)* больше и большее, и нечем ему очищаться: благодатный огнь молитвы не проникает в сердце, и Дух Святой не привлекается молитвою веры. Хотя по милости Своей Бог и действует на сердце грешника разными обстоятельствами, но невнимательному к своему сердцу человеку легко пропустить их без внимания. Чтобы ввергнуть человека во всякое зло, у диавола верное средство – отвлечь того человека от молитвы.

* * *

Хорошо молиться мне о людях, когда я причащусь достойно: тогда Отец и Сын и Святой Дух, Бог мой во мне, и я имею великое пред Ним дерзновение. К Нему приидем и обитель у Него сотворим *(Ср.: Ин. 14, 23)*. Елика хощете, просите и будет вам *(Ср.: Ин. 15, 7)*.

* * *

Люди стыдятся сознаться, но должны сознаться, что они не веруют в высокое достоинство и предназначение свое, что они – бесценный образ Божий, прелюбезный Богу, которому предуготовано и обещано бесконечное, великое блаженство на небесах – в единении с Богом. Как бедняк не верит, что он может сделаться богачом и весьма знатным человеком, так многие христиане не веруют, что они будут обладать богатством будущих благ и будут спосаждены на небесных во Христе *(Еф. 2, 6)* туне. Мы дивимся, как без особенных заслуг с нашей стороны ожидают нас такая великая честь и слава, такое богатство благ. Мы самолюбивы, корыстолюбивы, скупы и не понимаем, как может существовать такая бесконечная любовь, такой Прещедрый и Бескорыстный Отец; нам все еще как будто не верится, что Бог тако возлюби мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь <не погибнет> *(Ин. 3, 16)*.

* * *

Воздеяние рук много способствует живости и искренности молитвы. Смотрите, как Божия Матерь и святые Божии пишутся: они пишутся или с воздетыми обеими руками, или с одною. От человека с воздетыми молитвенно руками бежат демоны.

* * *

Когда станешь на молитву и почувствуешь себя тяжелым и не в состоянии совершить молитвенное правило: не верь и себе, но преодолей себя – и выполнишь его охотно.

* * *

Читая молитвы, также Слово Божие и писания Богомудрые святых отец, и пользуясь какими бы то ни было другими дарами Господними, говори в сердце: я должен всегда благодарно пользоваться этими дарами Божиими и не зазнаваться от их обилия и постоянства.

* * *

Слава милосердому Господу! Прочитавши внутренно от всего сердца 50-й псалом, я получил разрешение от внутренних оков, которыми оковал меня грех скупости, и вышел духом на свободу. Силен псалом 50-й к преклонению Бога на милость.

* * *

Святой Давид – один из наилучших учителей молитвы. Его мы примем в образец и руководство – его веру и упование.

* * *

Молясь, надобно жаждать прощения грехов своих, а жаждете ли вы, братия, прощения грехов своих? Желаете

ли от всего сердца, чтобы они были вам прощены? Надобно жаждать их прощения; надобно жаждать оправдания заслугами Иисуса Христа, Агнца, взявшего на Себя грехи всего мира *(Ср.: Ин. 1, 29)*. Помните, что грехи вам прощаются Одним Иисусом Христом, Который для того именно и страдал, и умер, и воскрес, чтобы исходатайствовать Себе у Отца Небесного право – прощать наши грехи вследствие сердечного нашего раскаяния. Если бы не пострадал и не умер за нас Христос, вечно мы оставались бы во грехах и вечно были бы мертвыми по душе, не ожидало бы нас славное воскресение, а воскресение ужасное – для вечных мучений адских. Итак, кайтесь с верою во Христа и надеждою на Его милосердие, говорите Ему: Ты восхотел, Владыко, воплотившись нас ради от Духа Святого и Пресвятой Девы Марии[1], заклан быти яко овча, грех ради человеческих[2]; потому молю Тебя, очисти и мои грехи. Я жажду очищения грехов своих, изсохши сердцем от их адского зноя: а у Тебе очищение есть *(Ср.: Ин. 2, 2)*, и всем неоскудно подаешь Ты это очищение, души всех убеляешь Ты, сердечно просящих у Тебя очищения грехов. Подай и мне это успокоительное, радостное очищение.

* * *

Как у людей бывает так, что проситель сначала увидит то лицо, у которого ему надо просить что, и без этого не просит (разве чрез бумагу – и тогда видит его верою – очами сердца); так и в духовных делах – прежде или во время молитвы надо видеть то Лице, к Которому прибегаем в молитве, видеть духовным зрением – сердечною верою. Дело простое! А бывает как? – Не видят Лица, Коему молятся, а с закрытыми глазами сердца – не знать кого и не знать о чем просят. Если люди оскорбляются этим, то святые небожители не тем больше ли? А это – от маловерия и неверия, которые суть исчадие диавола.

* * *

Молитва должна обнимать всю жизнь христианина со всеми его грехами, добрыми делами (благодарениями) и всеми обстоятельствами, все его времена, потребности – все состояния людей – от царя до земледельца, от пастыря до последнего пасомого. Сообразно с этим и разделение.

* * *

Молись чаще и больше: в молитве будешь находить животворное соприкосновение с Богом.

* * *

Когда увлекает тебя чувство ненависти к ближнему, противопоставь ему следующую молитвенную преграду: Господи, даруй мне любить, как себя, образ Твой, хотя он и носит язвы прегрешений[3]. Его прегрешения суть вместе и мои прегрешения; даруй мне видеть в брате моем меня самого, в его прегрешениях мои прегрешения. – (Когда чувство зависти – вспомни слова молитвы Господней: хлеб наш, насущный даждь нам днесь *(Мф. 6, 11)*; или: не пецытеся: что ясте, или что пиете, или во что одеждемся? всех бо сих языцы ищут (Ср.: Мф. 6, 31–32); или слова Апостола: не сребролюбцы нравом, довольни сущими. Той бо рече: не имам от тебе отступити, ниже имам тебе оставити *(Ср.: Евр. 13, 5)*[4]. Это же и в страсти любостяжания.)

* * *

Молясь Господу или Пречистой Его Матери, или Ангелу, или святому, представляй, что Они взирают на тебя светлейшими своими очами, внемлют тебе всеслышащим ухом. – Очи в очи.

В молитве всегда остается место самопринуждению: потому что всегда плоть ленива; всегда есть некоторая неохота молиться, по крайней мере, поначалу.

* * *

Основание молитвы: стремление образа к Первообразу, как подобного к Подобному.

Во время молитвы имей мысль, что ты – приставник драгоценнейшего молитвенного достояния Церкви, притом приставник нечистый, недостойный, что твое дело – с благоговением, открыв сердце, напоять душу свою этими чистыми струями молитвенного слова, но не мудрствовать об них по-своему. – Замечательно: сегодня я усумнился, конечно, потому, что подстрекал лукавый, – насчет одного оборота в одной молитве, именно: Един имаши власть оставляти грехи молитвами Пречистыя Твоея Матере и всех святых[5] – и посрамился в своем мудровании: враг сразил меня, запял, возмутивши меня на общественной молитве. В чем же ложна моя мысль была? – Я думал: Как? – Бог имеет власть оставлять грехи по молитвам Своей Пречистой Матери и святых, а не Сам – независимо? И без молитв других имеет власть. – Конечно, Один имеет власть, но чтобы почтить высокие добродетели святых – особенно Своей Пречистой Матери, – которые суть Его друзья, до последних сил угождавшие Ему в земной жизни, Он принимает и их молитвенное предстательство о нас, недостойных, о нас, которые часто должны заградить уста свои по причине великих и частых своих грехопадений. Вспомните Моисея, предстательствовавшего за народ еврейский и исходатайствовавшего ему жизнь у раздраженного Господа *(См.: Чис. 14, 11–20)*. Кто не скажет, что и без Моисея мог бы Господь пощадить

---

[1] Ср.: Символ веры.

[2] Песнь 4–я канона ко Святому Причащению.

[3] Ср.: Тропарь из Наследования погребения мирских человек, гл. 5 («Образ есмь...»).

[4] Текст: «Когда чувство зависти ~ тебе оставити» – в рукописи перечеркнут.

[5] Ср.: Молитва 10-я, прп. Иоанна Дамаскина, из Последования ко Святому Причащению.

народ Свой – дарованием ему продолжения его бытия; но тогда Господь был бы, так сказать, неправосуден, даровавши им, недостойным жизни, жизнь, тогда как Сам же определил их умертвить; а когда стал предстательствовать Моисей – человек праведный, кроткий и смиренный, тогда взоры правосудного Бога упокоились на праведнике, на его любви к Богу и к народу своему, и ради его заслуг Господь помиловал недостойных, ради праведника помиловал неправедных. Так и ныне по молитвам Своей Пречистой Матери Он милует нас, которые сами по себе за великие и частые грехи и беззакония и недостойны были бы Его милости. Аще станут Самуил и Илия предо Мною, несть душа Моя к ним *(Ср.: Иер. 15, 1)*, говорил Господь Иеремии об иудеях. Из этого видно, что Господь принимает ходатайство святых за недобрых людей, когда грехи этих последних не превышают меры Божия долготерпения.

Задачею моею будет научить вас молиться. Как этого достигнуть? – Показав недостатки бывающей молитвы, недостатки, коих причиною сами молящиеся, и потом, показав, как нужно, о чем и когда молиться. – Духом и истиною *(Ср.: Ин. 4, 23, 24)*, а не телесно и ложно; о том, о чем Господь указал, и Церковь учит ежедневно и в нарочитые дни (в праздники, во дни Таинств, в пост) – всегда, потому что всегда грешим (надо просить прощения грехов), всегда пользуемся милостями Божиими (нужно благодарить), всегда видим пред глазами славные дела Божии, невольно взывающие на славословие (нужно всегда славословить). Но как дух бодр, а плоть немощна *(Ср.: Мф. 26, 41)* и персть есмы *(Пс. 102, 14)*, то, по крайней мере, в известные сроки утром и вечером, пред обедом и после, пред ужином и после. Прежде всего скажем о великом достоинстве, цели и пользе молитвы (о наименованиях ее); о участии сердца, о местонахождении его (люди ищут удовольствий сердцу в играх, забавах, в пище, питии, в почестях); свидетельстве Священного Писания, о важности сердца: сердце чисто *(Пс. 50, 12)*; о вере – в чем она состоит относительно молитвы; о храме как особом месте молитвы: очи и сердце Господа в храме; о клети внутренней, сердечной.

* * *

Ты, человек, существо, свободно падшее, растленное грехом, – вот где сильнейшее побуждение для обращения твоего к Богу, для молитвы непрестанной. Ты получаешь ежеминутно величайшие милости от Бога – побуждение к благодарению; видишь дела всемогущества, премудрости и благости Божией – побуждение к славословию.

* * *

Бог долго попускает врагу искушать и теснить нас во время молитвы, чтобы сделать ее искреннее и тверже, и, наконец, дарует нам благодать – молиться с миром, неразвлекаемо.

* * *

Грешники! Молитесь с надеждою: яко у Господа милость, и многое у Него избавление: и Той избавит нас, нового Израиля, от всех беззаконий наших *(Пс. 129, 6)*.

* * *

Став на молитву, правь хорошенько кораблем души своей, чтобы управить ее к тихому и премирному пристанищу – Богу; ладию сердца поставь прямо и твердо; поставь кормчего – разум и наблюдай, чтоб он был совершенно невозмутим и зорок; затем распростри ветрила своего мысленного корабля, то есть сердца, – веру, надежду и любовь – и таким образом в мире сердца, при свете разума шествуй к Богу на трех ветрилах, быстро возносящих душу к Богу.

* * *

Молиться нужно чистым сердцем: к нечистому сердцу молитва не привьется, как огонь к сырому дереву.

* * *

Когда молишься с верою, искренно, всем сердцем, тогда на душе чувствуешь всегда великое спокойствие, леготу[6], как будто бы вовсе не было у тебя внутренностей, и какую-то пресладкую негу сердца. Совсем иное чувствуешь при молитве не всесердечной, лишенной искренности или истины. Происходит ли это от нашего нерадения или от отягощения желудка пищею (когда мы напрасно призываем к себе веру живую): тогда нет сладкого спокойства на сердце – оно для нас бывает тогда, как внутреннее, тяжкое бремя, под которым изнемогает иногда дух наш, болезненно занывая. Вера – сила, жизнь сердца; неверие – немощь и самая смерть его. – Опыт.

* * *

Помни, что ты в жизни своей мало молился искренней молитвою, молитвою от всего сердца, и кайся Богу чаще в этом грехе, проси у Него даровать тебе молитву искреннюю, пламенную, от всего сердца. – Да, много раз ты оскорблял Господа своею двоедушною молитвою. – О! Как я грешен пред Богом! Нет числа грехов моих – без всякого преувеличения! Господи! Не вниди в суд с рабом Твоим *(Пс. 142, 2)*: аще бо беззакония назриши, кто постоит? *(Пс. 129, 3)*

* * *

Знай, что когда в сердце твоем беспокоят тебя сомнения, неверие, гордость, скупость, зависть, ненависть и другие страсти, тогда умный дом души твоей полон бесов; скорее плачь о грехах своих пред Владыкою, чтобы Он благоволил манием Своим изгнать их из твоего сердца. Искренняя, то есть истинная, от всего сердца, молитва ко Христу избавляет меня всегда от невидимых разбойников и от всех скорбей моих.

---

[6] легкость (церк.-слав.).

* * *

Чтоб поддержать жар духа (молитвенного) и не стеснять свободы духа, обременяемого постоянным чтением одних и тех же молитв, и иметь время слышать службу, не надо каждую утреню читать канона и молитв ко причащению, а довольно с усердием прочитать две-три<?> самых сильных молитвы. Ужели мы, священники, думаем, что во многоглаголании только будем услышаны? (Говорится о городских священниках, имеющих ежедневную службу.) – Нет. Не буди тако. Даже одна краткая молитва, вздох, слеза сердечного сокрушения о грехах – и для Господа довольно с нас. Можно еще разнообразить свою молитву: читать другие последования, редко читаемые, чтобы возбуждать ими дух молитвенный. – А то не оскорбительное ли для Господа пустословие бывают наши одинаковые молитвы? Всегда ли слабый, немощный в вере и добродетели дух наш может войти в дух святых отцев, составивших молитвы, и стоять на высоте их созерцания? Не пародией ли на их внутреннюю молитву бывает наша немощная, больше устная, чем сердечная, больше принужденная, чем свободная, молитва?

* * *

На молитве всячески нужно остерегаться того состояния души, на которое выразил в Апокалипсисе негодование Свое Сам Господь: вем твоя дела (и твою, можно сказать, молитву), яко ни студен еси ни тепл, о дабы, студен был еси или горящь. Тако, понеже тепл еси, и ни студен, изблевати тя от уст Моих имам... Не веси (не чувствуешь), яко ты еси окаянен и беден, и нищ, и слеп, и наг *(Откр. 3, 15–17)*.

* * *

Чтобы молиться тебе Богу плодотворно, с живою верою и упованием, представь, пришедши в церковь или ставши дома на молитву, самого чадолюбивого, всесильного, премудрого, всеблагого, кроткого, щедрого, милостивого Отца, Который без числа много дарствовал уже тебе и готов всегда все нужное тебе даровать, только бы ты просил Его в простоте и искренности сердца, с верою несомненною.

* * *

Что за легота, что за спокойствие и тишина на сердце после усердной, искренней, слезной молитвы – когда грехи выплаканы! Как сон ровен и покоен! Так, безгрешность есть для меня всякое благо: духовное и телесное! Но грех – зло для меня и духовное и телесное: я болен и душою и телом, когда я грешен и грехов своих не очищаю на молитве всесердечным раскаянием – тяжело у меня на сердце, как гора; нет у меня спокойствия сердечного ни днем, ни ночью! И сон мой прерывается от тесноты и скорби сердца!

* * *

Господь Бог так истинен и свят, что и от нас требует подобной Ему святости и истины. Например, на молитве Он явно всегда требует от нас внутренно, чтобы мысль и сердце наше непременно обращались в тех пределах, какие полагают слова или содержание, сущность молитв, чтоб каждое слово было как бы из существа нашего, как бы оно было собственно наше и чтобы никак не уклонялись мысли и сердце наше во время молитвы к посторонним предметам, хотя бы они были и непредосудительные и даже святые; то есть хочет, чтобы мы были совершенно искренни, просты, истинны. Это всегда мы испытываем внутренно! Так, так – так, а не так – ты ложь и Я не благоволю к тебе.

* * *

Когда молишься о прощении грехов своих, крепись всегда верою и упованием на милосердие Божие, – готовое всегда прощать наши грехи, – что Бог простит их, по искренней молитве, и всячески бойся, как бы не запало в сердце отчаяние, выражающееся тяжелым унынием сердца и принужденными слезами. Что твои грехи против милосердия Божия, каковы бы они ни были, лишь бы только искренно ты каялся в них? – А бывает часто, что человек молится и внутренно не надеется от сердца, что его грехи будут прощены, считая их как бы выше Божия милосердия. За то и действительно не получает прощения, хотя и источники невольных слез прольет и с скорбным, стесненным сердцем отходит от щедрого Бога. Того он и достоин. Веруйте, яко приемлете, – говорит Господь, – и будет вам *(Мк. 11, 24)*. Неупование на Бога – хула на Бога.

* * *

Чистая, с горящим духом молитва достигается, как и все великое, трудами (терпяще в ней со благодарением *(Ср.: Кол. 4, 2)* и великим терпением. Скорбь соделовает терпение, терпение же искусство... *(Рим. 5, 3-4)*

* * *

Прииде Иисус к апостолам дверем затворенным *(Ин. 20, 19)* – для чего? – Между прочим, для того, чтобы уверить всех нас, что, когда мы молимся в доме своем, Господь от жилища Своего *(Ср.: Зах. 2, 13)* приходит и в наше жилище дверем затворенным.

* * *

Простота, благость и незлобие сердца как необходимое условие молитвы; пост – необходимое условие успеха молитвы.

* * *

Господу угодна молитва теплая, покойная, твердая, сознательная, уверенная.

* * *

Крепко наблюдай, чтобы во время молитвы сердечное око твое непременно и прямо зрело к Богу или святым, к коим обращена молитва, а не уклонялось в сторону – к другим лицам (не святым) и вещам.

* * *

Если хочешь молитвою испросить себе какое-либо благо у Бога, то прежде молитвы приготовь себя к несомненной, крепкой вере и прими заблаговременно средства против сомнения и неверия. Худо, если во время самой молитвы сердце твое изнеможет в вере и не устоит в ней: тогда и не думай, чтобы ты получил то, о чем просил Бога сумняся. Потому что ты оскорбил Бога, а ругателю Бог не дает даров Своих. Вся, сказал Господь, елика аще воспросите в молитве верующе, приимете *(Мф. 21, 22)*, и, значит, если воспросите неверующе или с сомнением, не приимете. Аще имате веру и не усумнитеся, еще говорит Он, то и горы можете переставлять *(Ср.: Мф. 21, 21)*; значит, если усумнитеся и не поверите, то не сделаете этого. Да просит же верою, ничтоже сумняся, говорит апостол Иаков, да не мнит сумняйся, яко приимет что от Бога. Муж двоедушен неустроен во всех путех своих *(Иак. 1, 6–8)*. Сердце, сомневающееся в том, что Бог может сделать просимое, наказывается за сомнение, оно болезненно томится и стесняется от сомнения. – Не прогневляй же Вседержавного Бога ни тению сомнения, особенно ты, испытавший на себе Божие всемогущество многое множество раз. Сомнение – хула на Бога, дерзкая ложь сердца или гнездящегося в сердце духа лжи на Духа истины. Бойся его, как ядовитой змеи, или нет, что я говорю: пренебрегай им, не обращай на него ни малейшего внимания. – Помни, что Бог во время прошения твоего ожидает утвердительного ответа на вопрос, внутренно Им тебе предлагаемый: веруеши ли, яко могу сие сотворити? *(Мф. 9, 28)* Да, ты должен из глубины сердца ответить: верую, Господи! *(Мк. 9, 24)* И тогда будет по вере твоей.

* * *

Медленно или скоро нужно молиться Богу дома – келейно? – Чтобы молитва была живее, энергичнее, лучше, кажется, молиться сердцем с поспешностию, но притом так, чтобы чувствовалась сердцем сила каждого слова, то есть, чтоб молитва была теплотою умиления, благодарения, славословия. Но, если сердце тупо или холодно, в таком случае – разогреть его медленною, напряженною, устною молитвою.

* * *

Внимай: теплых молитв за народ по Служебнику Господь ожидает от тебя, а не хладных, бесчувственных. Горе, если ты пробежишь их, как юродивый, не осмысляя их.

* * *

Сердцу любящего Бога и людей человека и молитва легко дается, и животворящие Таины со всеми их плодами, а не любящего – не дается; малолюбящего – трудно и мало дается.

От Таин явно ощущаемое по достойном принятии облегчение тяжестей грехов; и мир и радость происходят после причащения в человеке.

* * *

Всячески остерегайся, как бы тебе на молитве не быть в противоречии с собственными словами. Например, в молитвах ко причащению ты просишь неосужденного принятия животворящих Тела и Крови Господа. Но, вместо Тела и Крови Господа, не питается ли, смотри, сердце твое предметами твоих страстей, не пожирает ли оно их с радостию. Смотри: где твое сокровище *(Ср.: Мф. 6, 21)*? Так и во всех других случаях. Смотри: не противоречишь ли ты словами своими сердцу твоему? Не приближаешься ли ты только усты своими, а сердце твое отстоит далеко? *(Ср.: Мф. 15, 8.)* Не лицемер ли ты?

* * *

Иногда в продолжительной молитве только одна минута бывает истинно угодна Богу и составляет истинную молитву, истинное служение Богу. Главное в молитве – близость сердца к Богу, свидетельствуемая сладостию Божиего присутствия в душе.

* * *

Духом и истиною <достоит> кланятися *(Ин. 4, 24)*. Истиною, например, ты говоришь: да святится имя Твое *(Мф. 6, 9)* – есть ли в тебе, действительно, желание, чтобы имя Божие святилось добрыми делами людей и – твоими; ты говоришь: да приидет Царствие Твое *(Мф. 6, 10)* – желаешь ли ты в самом деле наступления Царствия Божия? Желаешь ли быть селением Духа Божия, а не селением греха. Не охотнее ли ты желаешь жить во грехах? Говоришь: да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли *(Мф. 6, 10)* – не ищешь ли ты скорее своей воли, чем Божией? Ей, так! Говоришь: хлеб наш насущный даждь нам днесь *(Мф. 6, 11)* – не говоришь ли ты в сердце совсем другое: мне не нужно просить у Тебя этого, я имею без прошения, пусть так взывают неимущие; или с жадностию ищешь многого и не довольствуешься малым, или тем, что Бог дал, или не благодаришь за то, что имеешь, а надо благодарить; говоришь: и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим *(Мф. 6, 12)*, а сердце твое не шепчет ли: я не Бог знает какой грешник, я, кажется, живу не хуже других, и нет мне нужды просить оставления долгов моих, или грехов; или, молясь, не имеешь ли ты на кого неудовольствия, гнева, и, таким образом, ты нагло лжешь в молитве к Богу; говоришь: не введи нас в искушение *(Мф. 6, 13)*, а сам не натыкаешься ли, не устремляешься ли, без искушений, на всякие грехи;

говоришь: и избави нас от лукаваго *(Мф. 6, 13)*, а сам, не живешь ли в содружестве с лукавым или со злом всякого рода, которого начальник – диавол. – Смотри же, чтобы язык твой не был в разногласии с сердцем; не лги же, смотри, Господу на молитве твоей.

* * *

Когда станешь на молитву – тогда в совершенной тишине чувств молись и внимай своей молитве.

* * *

О, как ты маловерен, христианин!

Вот величайшая странность и несообразность. Мы верим весьма часто пришлым, незнаемым людям и не доверяем великим святым Божиим, Церкви Божией, Самому Богу. Что это? Это – диавольские козни. Твердо держись собора Богомудрых отцов, или Святой Церкви Божией: она есть столп и утверждение истины *(1 Тим. 3, 15)*.

Когда в сердце твое западет сомнение во время молитвы: услышит ли ее Бог, – тогда скажи себе внутренно: что имаши, егоже неси приял *(1 Кор. 4, 7)* от Бога? Если я – весь Божий и все у меня от Бога, то как же мне не надеяться быть услышанным от Того, Кто каждую минуту благотворит мне? Существо Бога моего – благость.

* * *

Великое оскорбление для благого Бога, благой Матери Бога Слова, благих Ангелов и святых человеков, когда ты во время молитвы не надеешься на их благость, не ожидаешь от их благости всего доброго и спасительного.

* * *

У людей, старающихся провождать духовную жизнь, бывает самая тонкая и самая трудная война чрез помыслы; каждое мгновение жизни – война духовная; надобно быть всему оком светлым каждое мгновение, чтобы замечать втекающие в душу помыслы от лукавого – и отражать их; сердце свое такие люди должны иметь всегда горящим верою, смирением, любовию, в противном случае в нем легко поселится лукавство диа-вольское, за лукавством маловерие или неверие, а затем и всякое зло, от которого скоро не отчерпаешься и слезами. – Потому не допусти, чтобы сердце твое было холодным, особенно **во время молитвы** избегай всячески холодного равнодушия. Весьма часто бывает, что на устах молитва, а в сердце – лукавое маловерие или неверие, устами как будто близок человек ко Господу, а сердцем – далек. А во время молитвы лукавый все меры употребляет к тому, чтобы охладить и излукавить наше сердце самым незаметным для нас образом. – Молись да и крепись, сердце свое крепи.

Молитва

Если ты холоден и нечувствителен к дарам Божиим, то говори чаще: Господи, даруй мне всегда памятовать приведение меня и всего, что у меня и на мне, от небытия в бытие, именно: дарование мне жизни, и воспитание, и сан священства, все милости, какие я получил в прошедшей временной жизни и ныне получаю. Все из небытия в бытие приводишь Ты для меня (собственно, как для меня, поколику я прежде того не имел): все внешние блага и все внутренние дары – познания мира, душевных сил, радости, любви. Не было – и есть. – Вот и внешнюю награду первую я получил: и она из небытия в бытие пришла для меня собственно; не лиши меня, прошу, небесных Твоих наград. Я так много получил от Тебя земных даров. Даруй мне, при получении наград духовного восхождения, в сердце своем полагать: да взойду ими, как по ступеням, к Тебе, Безначальному.

Молитва

И на молитве человек большею частию не сын свободы, а раб необходимости и долга (officium[7]). Взгляните на какого угодно человека, хотя бы на священника: многие ли молятся с свободным, пространным сердцем, с живою верою и любовию?

* * *

Молитесь от всего сердца и будьте уверены, что молитва ваша будет услышана (например, о прощении грехов); так как грешит обыкновенно наше сердце, то потому сердце же и должно каяться и сокрушаться о грехе. Так, я согрешил сего дня (16 февраля) пред Господом неохотным и поспешным чтением молитвы жене родильнице – и терн греховный после того щемил и давил мое сердце. И вот я, идучи в церковь, сделал усилие прочитать от всего сердца 50-й псалом: помилуй мя, Боже, – и что же? – Когда я внутренно говорил слова этого псалма – терн греха вышел, и мне вдруг стало легко, и я прославил Господа, и исполнилось на мне писание: призови Мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя *(Пс. 49, 15)*. Как верен Господь в обетованиях Своих! Он везде слышит сердечный вопль и избавляет.

* * *

Так рассуждайте и о человеке, молящемся Богу. Когда он молится Богу небрежно и не обращает внимания на Его присутствие, тогда и Бог, оскорбляемый невниманием и неблагодарностию его, не приклоняет уха Своего к молитве его *(Ср.: Пс. 85, 1)* и не исполняет прошения его: потому что он недостоин такой милости Божией.

* * *

Не молиться как бы шутя, небрежно, то возгораясь, то потухая сердцем, то ослабевая, то опять усиливаясь несколько – но серьезно, всегда с твердостию душевною; не зевая, не глядя в сторону.

---

[7] долг, обязанность (лат.).

* * *

Не насыщай чрева своего вдоволь приятною пищею: с услаждением ею входит в сердце греховное расслабление, усиливается плоть над духом и на молитве, смотри, пожалуй, не справишься с своим сердцем – уйдет из рук твоих, поспешишь, без сердечного внимания помолишься – и не Бога, а диавола введешь в него (а он не даст тебе покоя ночью, назло тебе, на огорчение тебе. Пока не выплачешь греха своего – небрежности на молитве, не заснешь, несмотря на твои усилия).

* * *

Если ты молишься неискренно, не от сердца, или говоришь с другими, обращаешься неискренно (иное на языке, иное на сердце), то ты уже сын лжи, *исконного человекоубийцы* – диавола, *в нем же истины несть,* который *есть ложь и отец лжи (Ср.: Ин. 8, 44).* Потому и говорит Спаситель: *истиною достоит кланятися (Ин. 4, 24);* Апостол говорит: *истинствующе в любви (Еф. 4, 15),* то есть истинно надо любить всех; еще другой Апостол говорит: *не любите словом ниже языком, но делом и истиною (Ср.: 1 Ин. 3, 18).*

Молитва

В молитве не жалей себя и молись непременно всегда от всего сердца. Не жалей себя для сердечной молитвы даже тогда, когда ты весь день провел в трудах, совершении треб; не вознерадни нимало на святой молитве, всю скажи Господу от сердца: виждь – она дело Божие. Взялся за гуж, не говори, что не дюж; возложив руку на рало, не зри вспять *(Лк. 9, 62).* – Допустивши молитву нерадивую, не от всего сердца, не заснешь (если на ночь молитвы), пока не выплачешь своего греха пред Богом. Не со всяким это бывает, а с усовершившимся. Смотри же: Бога выше плоти своей не ставь, а пренебреги для Него покоем телесным. – Какое молитвенное правило взялся исполнить (если длинное молитвенное правило, то исполняй хорошо все правило; если короткое – тоже), исполни его со всею добросовестностию и не исполняй дела Божия сердцем раздвоенным *(Сир. 1, 28),* так, чтобы одна половина его принадлежала Богу, а другая – плоти своей. Господь мститель на творящих это и уничижающих Его. Ревность Господа Бога не потерпит твоего лукавства, твоего самосожаления. Предаст Он тебя диаволу, и диавол не даст покоя сердцу твоему за пренебрежение к Тому, Кто есть истинный покой твоего сердца, и будет всегда делать это для твоей же пользы, для того, чтобы удержать твое сердце в близости к Богу, потому что каждая неискренняя молитва удаляет сердце от Бога и вооружает Его на самого человека, и напротив, каждая искренняя молитва приближает сердце человеческое к Богу и делает его присным[8] Ему. Итак, верь слову: поторопишься на молитве для покоя телесного, чтобы отдохнуть скорее, а потеряешь и телесный покой и душевный. Ах! Какими трудами, потом, слезами достигается приближение сердца нашего к Богу, и опять ли мы будем самую молитву свою (небрежную) делать средством удаления от Бога, и Бог ли не возревнует об этом? Ведь Ему жаль и нас и наших трудов прежних, и вот Он хочет заставить нас непременно обратиться к Нему опять от всего сердца. – Он хочет, чтобы мы всегда принадлежали Ему. (Положим, что ты прежде был близок к Нему сердцем ради всегдашней искренней молитвы или причащения с несомненною верою животворящих Таин. Но если ты двоедушно, небрежно сегодня помолился, то ты уже отдалился от Него. Об этом и смутность сердечная скажет тебе.)[9]

Еще, положим, что ты правило пред причащением прочитал не от всего сердца, а холодно, не проникнувши душою великолепным, трогательным их содержанием – ты опять удалился от Бога и от Его пречистых и животворящих Таин и бойся, что ты с таким же двоедушием и причастишься их, значит, недостойно, в суд себе. Вообще, когда взялся за молитву, молись всем сердцем и не будь ни студен ни горящ *(Откр. 3, 16),* а непременно горящ.

* * *

Лесть в молитве: *приближаются Мне людие сии усты своими,* говорит Господь, *а сердце их далече от Мене (Мф. 15, 8);* лесть в отношении к людям: *устне льстивыя в сердцы, и в сердцы глаголаша злая (Пс. 11, 3); иже не у льсти языком своим (Пс. 14, 3)...* лесть к вещам: лесть богатства и прочее. Кто попрал лесть бесовскую, тот истинно, от всего сердца молится Богу и совершает пред Ним все дела: *духом и истиною достоит кланятися (Ин. 4, 24),* говорит Господь. Недаром Он сказал: *истиною достоит.* Кланяются Богу весьма многие неистинно, ex officio[10], по должности, по привычке, формально, без содержания. Кто попрал лесть, тот искренно обращается со всеми и от сердца делает все другим; тот все *вменяет* земное *в уметы,* как апостол Павел, *да Христа единаго приобрящет (Ср.: Флп. 3, 8),* потому что препятствует привязанность к земным благам иметь Христа в сердце. Смотри о лести змеиной в Каноннике во многих местах.

* * *

Молитва принужденная, продолжительная развивает ханжество, делает неспособным ни к какому занятию, требующему размышления, и делает человека вялым ко всему, даже к исполнению должностей своих. Это должно убедить всех, таким образом молящихся, исправить свою молитву. Молиться должно с охотою, с энергией, не очень долго, от сердца. Ни от скорби, ни от нужды (принужденно) молись Богу, – *доброхотна бо дателя любит Бог (2 Кор. 9, 7).*

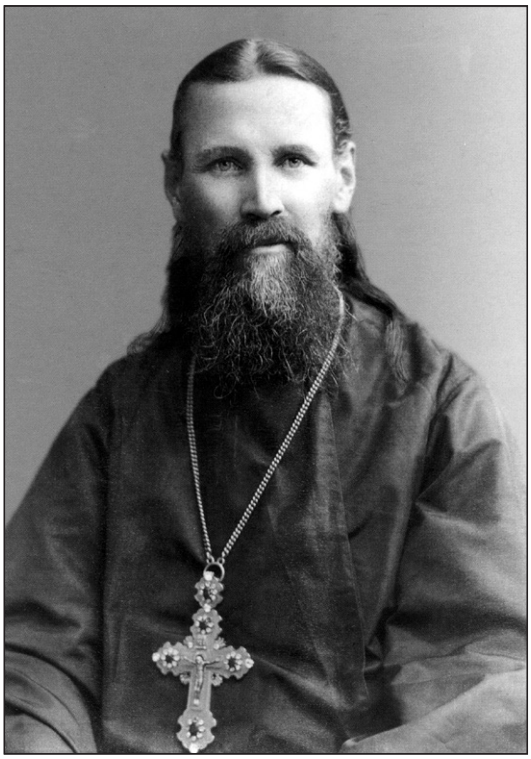
---

[8] родственным, ближним (церк.-слав.).

[9] Текст: «Положим ~ скажет тебе» – в рукописи перечеркнут.

[10] по долгу, по обязанности (лат.).

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ – ХРАМОЗДАТЕЛЬ И УСТРОИТЕЛЬ МОНАСТЫРЕЙ

«Дом Мой, домом молитвы наречется» *(Ис. 56, 7)*, – говорит Сам Господь о храме Божием, где пребывает освященный престол Его благодати и место приношения безкровной Жертвы о грехах людских, место покаяния, молитвы, очищения и освящения в Боге душ человеческих. Храмы устраиваются именно как такое место, где Он мог бы из Своей безконечности приблизиться к человеку, сделаться как бы «осязаемым и удобопреступным», где происходило бы непосредственное общение человека с Богом.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский с первых лет своего служения в кронштадтском Андреевском соборе (всего он прослужил здесь более полувека – 53 года – с 1855 по 1908) прилагает усилия к обустройству, расширению, благоукрашению и устроению новых храмов на острове Котлине. Открытие и строительство их благотворно сказывалось на духовной жизни и обстановке на острове, люди (преимущественно городские обыватели) от маловерия и житейских сует своих возводили очи горе, обретали смысл жизни, получали помощь Божию, ощущая в себе силы преодолевать жизненные невзгоды, силы воспитать и поставить на ноги детей, опекать своих пожилых и престарелых родителей, а также возможность приложить свои способности к тому, чтобы самим своим трудом, знаниями и умениями послужить Самому Богу.

Уже в 1860-х гг. молодой кронштадтский батюшка принимает участие в сооружении и освящении Морской церкви Богоявления Господня с часовней (1861–1862), храма свт. Николая Чудотворца при классической мужской гимназии Императора Александра II на Княжеской улице (1862), церкви Св. Троицы на Православном гражданском кладбище (1865). В 1870 – 1880-х гг. он освящает домовую церковь Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте» при военной тюрьме в Кронштадте (1871), величественный крепостной собор Владимирской иконы Божией Матери, с приделами Божией Матери «Утоли моя печали» и блж. Николая Кочанова, Христа ради юродивого, Новгородского (1875–1880), часовни при Гостином дворе, в Рыбных рядах, – св. Илии (1879), Воскресения Христова при Гостином дворе (1881).

Праведник часто сам ходил по домам горожан, подавая посильную помощь, кормил бедняков и нищих. В 1882 г. закладывается сооруженный по инициативе самого батюшки первый в России Дом Трудолюбия для оказания помощи в предоставлении работы, пропитания и жилья беднейшим и нуждающимся слоям населения.

В 1890 г. св. Иоанн Кронштадтский освящает храм св. Александра Невского при Доме Трудолюбия, в 1891 – домовую церковь св. кн. Владимира при Сухопутном манеже и деревянную часовню православного военного кладбища в Кронштадте; в 1897 – церковь в казармах 148-го Каспийского полка, в 1898 – часовню на могиле своей матери, Феодоры Власьевны Сергиевой, на Кронштадтском кладбище.

Сооружает и освящает батюшка церковь в честь своего небесного покровителя – прп. Иоанна Рыльского при Кронштадтской гражданской тюрьме, в 1902 г. – каменную часовню на Козьем Болоте, в том же году закладывает Николаевский Морской собор – храм-памятник русским морякам. До освящения этого величественного храма о. Иоанну не довелось дожить. Имел

он некое откровение, что кончина его наступит тогда, когда этот огромный храм будет подведен под купол. Этот этап строительства собора настал в 1908 г. Когда о. Иоанн, проезжая мимо, заметил это обстоятельство, то в разговоре обратил на это внимание своих спутников. Действительно, вскоре последовала мирная кончина старца, предсказанная им самим.

В 1903 г. о. Иоанн освящает часовню Христа Спасителя у Петербургских ворот, в 1904 – придел свт. Алексия, митрополита Московского в церкви Богоявления, освященный в честь небесного покровителя родившегося тогда Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексия Николаевича, будущего новомученика (†1918).

Ораниенбаумский пастырь протоиерей Гавриил Любимов, храмоздатель и благотворитель

В декабре 1905 г. кронштадтский пастырь освящает церковь-часовню свт. Николая Чудотворца при Морском госпитале.

Наряду с Кронштадтом, о. Иоанн посещает в этот первый, «кронштадтский», период своей служебной, пастырской и благотворительной деятельности и столицу, а также ближайшие к Кронштадту населенные места. Часто он сослужит ораниенбаумскому пастырю протоиерею Гавриилу Любимову, выстроившему 96 церквей в различных местностях России, чья пастырская и храмоздательская деятельность стали предтечей подобного же служения в Кронштадте о. Иоанна Ильича Сергиева.

О. Иоанн часто служил и принимал участие в освящении храмов Ораниенбаума и его окрестностей, а также Петергофа, Стрельны и, конечно, С.-Петербурга. При этом он продолжал неопустительно ежедневно совершать литургию в Андреевском соборе и преподавать Закон Божий в Кронштадтской гимназии и городском училище.

Будучи пастырем, дорогой батюшка покровительствовал тем, кто искал спасения своей души во благом устроении своей духовной жизни – как семейной, так и иноческой. Особенно покровительствовал он избравшим путь монашества. Служение о. Иоанна в 1870 – 1900-х гг. способствовало необычайному возрождению и расцвету женского монашества в России, особенно на Русском Севере и Северо-Западе, охватывая как исконно русские земли, так и западные окраины: Вел. Княжество Финляндское, Прибалтийский и Привислинский край (Польша), Холмскую Русь.

Всего усердием и при активном участии дорогого батюшки было открыто более тридцати монастырей (из них 14 – на Северо-Западе, 7 – на Севере, 4 – в Центре России, 3 – в Прибалтийском, 7 – в Привислинском крае и 1 – в Финляндии) с многочисленными подворьями в С.-Петербурге (более 12), число же созданных, облагодетельствованных и освященных о. Иоанном храмов не поддается исчислению, столь оно велико.

Созданные по инициативе и благословению кронштадтского пастыря, ставшего с того времени уже Всероссийским, обители становились центрами духовно-нравственного просвещения и образования, православного миссионерства, в ограде которых утверждалась высокодуховная иноческая жизнь. Свет Евангельского благовестия, помощи ближнему, просвещения и воспитания в христианском духе детей и молодежи* из стен обители светил всем проживавшим в местности, где располагался тот или иной монастырь.

Упомянем конкретные святые места, основателем, учредителем или благоукрасителем которых был кронштадтский пастырь: это знаменитое Леушино (Леушинский Иоанно-Предтеченский женский монастырь в Череповецком уезде Новгородской губернии, ныне в Вологодской области – община учреждена в 1875, с 1885 – монастырь). Его настоятельницей была известная игумения Таисия (Солопова), духовная дочь батюшки, оставившая по кончине своей (†1915) воспоминания об о. Иоанне, дневники и наставления в духовной жизни. Ею, кроме самого монастыря, были основаны два скита, в том числе основанный по благословению св. Иоанна скит «Крестик», а в 1903 г. возобновлен в

* При всех ниже упомянутых обителях действовали школы грамоты и монастырские школы, дававшие порой образование, близкое к гимназическому – особенно известные школы действовали в Западном крае, например, в Лесненской обители училось и воспитывалось более 400 девочек.

Кронштадт. Николаевский Морской госпиталь с храмом свт. Николая (справа). Фото начала XX века

качестве женского древний Ферапонтов монастырь близ г. Кириллова, с пятью храмами. В Леушинской обители действовала школа и приют для сирот и престарелых вдов. Очень любил о. Иоанн Леушинский женский монастырь, где помощью его было устроено 12 престолов и девичье училище, чуть ли не с гимназическим курсом. В Ярославской губ. о. Иоанн также соорудил девичий монастырь (Ваулово), где он часто бывал.

В 1883 г. на месте явления древнего чудотворного образа Божией Матери (1683) в с. Лесна Седлецкой губернии, между Брестом и Варшавой, была основана Лесненская Богородицкая община, с 1889 г. – монастырь. При деятельных трудах матушки Екатерины (в миру графини Е.Б. Ефимовской), пришедшей туда с первыми пятью сестрами и двумя девочками, а также помощи св. прав. Иоанна Кронштадтского, здесь была учреждена первоклассная обитель с шестью храмами. При обители действовали богадельни, больница для приходящих больных (лекарства выдавались бесплатно). Церковно-учительская школа и второклассная школа-приют, где жило и воспитывалось более 400 девочек, были известны на всю Россию. Особое внимание здесь обращалось на религиозное воспитание детей, и воспитанницы, по окончании школы становясь учительницами церковно-приходских школ, несли всюду частицы любви и света, под влиянием которых они росли и укреплялись духом в стенах обители. С 1900 г. обитель имела подворье в Петербурге, при котором была освящена церковь в 1902 г.

Кроме названных, св. прав. Иоанн Кронштадтский своим деятельным участием основал или упрочил существование следующих женских обителей: Вышневолоцкого Казанского (1872); Свято-Успенского Пюхтицкого близ Нарвы (1892), с подворями в Ревеле (1900) и в С.-Петербурге (1904–1806); Рижского Троице-Сергиевского (1891–1892, с 1902 – монастырь) со Спасо-Преображенской пустынью (1899); Вировского Спасского (1894); Теолинского Спасо-Преображенского (1894) – в Польше; Линтульского Свято-Троицкого (1895) близ Териок (Зеленогорска) – в Финляндии; Калязинского Александро-Невского (1895), с подворьем в С.-Петербурге (1896–1900); Корнилиево-Паданского Введенского (1897), с подворьем в С.-Петербурге (1902); Воронцовского Благовещенского близ Торопца (1898), с подворьями в Холме и С.-Петербурге (1903); Радочницкого в Холмской Руси (1898); Казанской общины в с. Екатерининском Островского уезда Псковской губ. (1897). В 1899 г. на родине батюшки была учреждена Сурская Иоанно-Богословская женская община, с 1900 ставшая самостоятельным монастырем, имевшим Свято-Троицкий скит близ обители, подворья в Архангельске (1907) и в С.-Петербурге (1900–1902), ставшего самостоятельным С.-Петербургским Иоанновским женским монастырем Двунадесяти апостолов. Впоследствии о. Иоанн обрел здесь свое последнее земное пристанище, в храме св. пророка Илии и мц. царицы Феодоры – в крипте обители. Содействовал он устроению подворий Бежецкого Благовещенского и Свято-Троицкого Лютикова мужских монастырей (1897) Калужской губернии.

В 1902–1904 гг. о. Иоанн способствовал основанию Свято-Покровской Поречской женской общины (с 1919 – монастырь) в Гдовском уезде С.-Петербургской губ., близ с. Пенино, где храм был также освящен самим батюшкой. С участием дорогого батюшки открылись обители в Пустыни Пятница-Бор Тверской губ. (1902), скиту Ваулово (1903), Красностоцкой (1901), Николаевской (1905), Турковицкой (1903) общинах.

И по кончине праведного пастыря созданные им десятки обителей с сотнями храмов учреждали, в свою очередь, новые скиты и монастыри, и долгое время, в том числе во мраке безбожия в 1920 – 1930-х гг. и в инославных окраинах, несли и несут поныне людям свет Христовой веры и истины.

И.П.

Лесненский женский Рождества Пресвятой Богородицы монастырь и Леушинский женский Иоанно-Богословский монастырь – обители, судьба и обустройство которых тесно связаны с именем св. прав. Иоанна Кронштадтского

ЗАЩИТНИК ТРОНА И ОТЕЧЕСТВА

Не было, пожалуй, в России нового времени такого дивного совпадения, чтобы будущий святой, имевший духовный сан, жил одновременно с Царем, которого народ тоже чтит как святого. Трудами и молитвами великого праведника отметил Всемилостивый Господь царствование последнего Государя. Однако если о. Иоанна многие почитали святым еще при его жизни за творимые им чудеса, то к благочестивому Императору Николаю Александровичу подобное почитание пришло только после его мученической кончины в 1918 году и особенно распространилось в последние два десятилетия.

Кронштадтский батюшка и Царь-Мученик хорошо знали друг друга, они жили поблизости друг от друга и вместе служили Богу и Отечеству: первый в алтаре, второй на троне, являя пример благочестивого подвига жизнью, молитвой, словом и делом во имя призвавшего их Господа Иисуса Христа. Конец одного был мирен: в своем доме, после св. Причастия, при чтении молитв; другого – трагичен: вдали от родных мест, в подвале чужого дома, от выстрелов одержимых изуверов. Но обе кончины были угодны Господу, почтившему о. Иоанна венцом праведника, а убиенного Царя – венцом мученика.

Государю было дано почти на десять лет пережить о. Иоанна, разделить «великую скорбь народную о кончине любвеобильного пастыря и благотворителя» (из Высочайшего рескрипта от 12 января 1909 года) и увидеть исполнение его пророчеств о судьбе России. Пришлось Государю пережить предательство двора, чиновников, военачальников и части народа, познать гонение и заточение и взойти с семьей в Екатеринбурге на свою Голгофу. Не случись этого, судьба России, возможно, была бы печальнее и страшнее, чем пережитая, ибо жертвою своею Царь отчасти искупил многие великие грехи своего народа.

В связи с этим пророчески звучат слова о. Иоанна, сказанные им в 1907 году в проповеди в день рождения Царицы-Мученицы Александры Феодоровны: *«Судьбы Божии, праведные, совершаются над Россией, как они совершались в предшествовавшие века ее существования. Россию куют беды и напасти. Не напрасно Тот, Кто правит всеми народами, искусно, премудро, метко кладет на Свою наковальню всех подвергаемых Его сильному молоту. Крепись, Россия! Но и кайся, молись, плачь горькими слезами пред твоим небесным Отцем, Которого Ты безмерно прогневала».*

Судьба России для о. Иоанна была неотделима от судьбы ее венценосного Правителя, а судьба Царя – от судьбы Православия. Широко известно его высказывание: *«Кто верен Богу, тот верен и Царю»*. Батюшка прекрасно сознавал неразрывную взаимосвязь веры и самодержавной царской власти, справедливо усматривая в крепкой православной вере залог незыблемости престола. *«Держись же, Россия, веры своей и Церкви православной, если хочешь быть непоколебимою людьми неверия и безначалия и не хочешь лишиться царства и Царя православного. А если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, – то не будешь уже Россией или Русью святою, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга. Помните слова Христа неверным иудеям: «отнимется от вас Царство Божие и дастся языку (народу), творящему плоды его» (Мф. 21, 43).* (Слово в день рождения Императора Николая II, 1907).

Отец Иоанн не уставал повторять свою любимую мысль о верности Русского народа Престолу и Алтарю и предрекать нашему Отечеству страшные последствия, если эта верность поколеблется или ослабнет. *«Что было бы с Россией, если бы эти самодержцы (т. е. смутьяны. – В. А.) воцарились в России? Не забудьте, что этими самодержцами были бы и инородцы, и*

иноверцы, враги России и веры православной, которые намеревались лишить церкви иконного благолепия, небоподобного богослужения, лишить их имуществ и свободы и совсем закабалить русских и веру их, а свои веры сделать господствующими. О, да будет вечно на престоле Царь православный... Русский народ! Твердо держись Царя православного и веры своей; познавай более и более, глубже и глубже, сколь она животворна, спасительна; сколь она угодна небесам...» Эти слова были произнесены в 1906 году, а через десять лет инородцы и иноверцы захватили власть в России.

Отпав от веры и лишившись Божия Помазанника, Россия действительно утратила даже имя свое и пережила тяжкие дни кровавых междоусобиц и атеистических гонений. И не кончилось, увы, это скорбное время... Не кончится оно и не возродится наше Отечество без Царя, как ясно видно из других провидческих слов кронштадтского святого: *«И чем бы мы стали, россияне, без Царя? Враги наши скоро постарались бы уничтожить самое имя России, так как Носитель и Хранитель России, после Бога, есть Государь России, Царь Самодержавный и без него Россия – не Россия»* (Слово в день Священного миропомазания, 1907).

Как выразительно и исторически верно сказано: Россия без Самодержавного Царя – не Россия! Она есть некое иное государственное образование, лишь географически расположенное на территории России. Характерно, что и сегодня Россия все еще не носит свое первоначальное название, а именуется Российской Федерацией. Вернется оно, судя по словам св. прав. о. Иоанна Кронштадтского, только с восстановлением в стране самодержавной православной монархии, которая есть в ней единственно законный строй, что для святого кронштадтского батюшки было неоспоримой истиной, проистекавшей из традиционного учения Церкви о православном царстве: *«Царь есть Образ Царя Небесного. Бог един и Царь един»*. Это учение было тогда в России известно каждому священнику.

Опираясь исключительно на это учение и решительно ничего от себя не добавляя, о. Иоанн постоянно и настойчиво подчеркивал Божественную установленность царской власти и ее самодержавный характер. *«Кто посаждает на престол царей земных? Тот, Кто один от вечности сидит на престоле огнезрачном, и один, Один в собственном смысле, царствует всем созданием – небом и землею со всеми обитающими на них тварями. Царям земным от Него единого дается царская держава; Он венчает их диадемою царскою. Он один поставляет царей и проставляет (сменяет, по слову Писания); посему царь, как получивший царскую державу от Самого Бога, есть и должен быть Самодержавец»*. (Слово в день восшествия на престол Императора Николая II, 1907)

В другой своей проповеди, произнесенной 14 мая 1901 года, батюшка дает более подробное богословское объяснение Божественной сущности и источника самодержавной царской власти. *«Первоначально и существенно держава и самодержавие принадлежат единому Богу... Он един собственно самодержавен, потому что безначален и есть Сам от Себя, и ни от кого не зависим... Создав человека на земле – царя всех тварей, Царь-Творец поставил царей и разным народам... и почтил их державою Своею и владычеством над народами и племенами – правом управления и суда над ними.*

Пророк Даниил говорит: «Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет» (Дан. 4, 29). *Премудрый Соломон говорит всем царям: «Дана есть от Господа держава вам и сила Всевышнего».*

Священное Писание говорит: «...сердце царя – в руке Господа, куда он захочет, Он направляет его» (Притч. 21, 1). *Это значит, что сам Царь подчиняется Самодержавию Божию. Цари сами часто обращаются, особенно в трудных обстоятельствах, с горячей молитвой к Богу, как Царю царей, и от Него просят и ищут мудрости и всесильной помощи...»* (Слово на день коронации, 1901). Заключает эту проповедь о. Иоанн таким предупреждением: *«Особа Царя есть и должна быть священна и неприкосновенна, перед которою должно благоговеть всем. «Не прикасайтесь к помазанным Моим»* (Пс. 104, 15).

Небесный Царь и Небесное Отечество были всегда для о. Иоанна Первообразом земного, и потому его монархические и патриотические взгляды имели глубокий мистический, религиозный смысл. *«Многоразличная земная служба наша Царю и Отечеству есть образ главного, долженствующего продолжаться вечно, служения нашего Царю Небесному... Земная служба есть испытательная, подготовительная служба к служению на небесах»*. И еще: *«Единодержавие и самодержавие в государстве, в союзе с Церковью, необходимо и есть высочайшее благо для него, подобно как в мире – Божие единоначалие и вседержавие»*. (Слово в день восшествия Царя-Мученика на Престол, 1896). В этой «небесной» перспективе расценивал кронштадтский пастырь деятельность самих Самодержцев.

От них он поэтому требовал смирения и покорности воли Всевышего, Который является источником и стержнем их великой власти. *«Цари земные, окруженные блеском вашего сана, приидите мысленно в Вифлеем, наклоните ваши венцы к подножию Их, смиритесь и признайте, что и вы сложены из праха и в прах обратитесь – и исповедуйте пред Ним, смиренным Младенцем, что от Него дана вам держава и власть над народами, что вы – Его помощники и Им держатся ваши престолы; что без веры в Него и правители ваши – расщепившиеся рожны, на которые нельзя опереться*

вам». (Слово в Рождество Христово, 1907 г).

Соответственно указывалось на ограничение царской власти властью Божией как естественном и необходимом условии существования православного царства, что вытекало из православного учения о «симфонии» между троном и алтарем: *«...только в государстве Царь действует самодержавно как его глава; в Церкви православной, составляющей душу и силу государства и самого Государя, имеющей свою личную, всемогущую, праведную, непогрешимую Главу – Господа, Государь ограничен словом Божиим, как вечным для всех законом, и непогрешимыми и неизменными спасительными догматами веры и церковными канонами...»* (Слово в день восшествия Императора Николая II на престол, 1896).

В связи с этим батюшка настаивал на евангельском снисхождении к недостаткам Божия помазанника как человека, имеющего свои грехи и изъяны. *«Если царь или какая-либо вообще власть духовная или светская во многом ошибаются и поступают противозаконно, по слабой совести или безхарактерности, с видимыми опущениями, – не презирай, не брани, не унижай их на словах, но молись за них Господу, «да немощное уврачует и недостающее восполнит»* (из молитвы на хиротонии), – *«ибо без Бога мы не можем делать ничего»* (Ин. 15, 5) *истинно доброго и полезного»*.

По глубокому убеждению о. Иоанна, только вера в Христа и преданность Его Церкви составляли основу силы и прочности державы Российской. *«Дай Бог русским людям всегда быть верными подданными своих Царей и, прежде всего, верными служителями и чтителями Христа Бога, и исполнителями Его евангельского учения. Тогда благоденствие России будет прочно и могущество ее несокрушимо, ибо основанием его нерушимым будет Христос, краеугольный камень святой нашей веры и Церкви, и «врата адова не одолеют»* (Мф. 16, 18) *и Церковь, и Россию»* (Слово в день восшествия на престол Царя-Мученика Николая II).

Отец Иоанн жил в царствование четырех Императоров и для каждого из них находил верную оценку и характеристику. Например, о Царе-Освободителе Александре II он говорил следующее: *«Св. Александр Невский... имел это блаженство нищих духом. Не погрешим против Истины, если скажем, что и соименный ему, ныне Царствующий Государь, управляет своим народом в духе св. Александра Невского, в духе кротости, смирения, блага, в духе мудрости и мудрой терпимости»*.

Трагическую кончину Императора батюшка воспринял как Голгофскую жертву за русский народ: *«... покойный Государь в смерти своей сделался подражателем Самого Господа Иисуса Христа, ибо как Господь положил жизнь свою за нас, быв предан Иудою и убит руками беззаконников, пригвожденный ко Кресту, так и Царь наш, преданный и убитый от своих же подданных,*

Священное коронование Императора Николая II. Будущий Царь-Мученик причащается в алтаре Святых Христовых Таин. Первый слева – св. прав. Иоанн Кронштадтский. Москва. Кремль. Успенский собор. 14 мая 1896 г.

положил жизнь свою за нас, за величайшие благодеяния его, оказанные нам в мудрое его царствование, – за любовь к нам и самые искренние и широкие желания добра и благоденствия всем нам и самим врагам и злодеям его» (Размышления, 1907).

С большим благоговением относился к кронштадтскому пастырю Император-Миротворец Александр III. Перед своею кончиной Император Александр вызвал его в Ливадию и получал великое духовное утешение в совместных с ним молитвах. Батюшка возложил руки на голову умирающего, и Царь сказал ему: «Когда вы держите руки свои на моей голове, я чувствую большое облегчение, а когда отнимаете, я страдаю – не отнимайте их». И о. Иоанн продолжал держать благословляющие руки на голове умирающего Государя до тех пор, пока он не предал свою душу Богу. В следующем году о. Иоанн был приглашен на торжество коронации Императора Николая Александровича.

Не следует думать, будто благодаря своей славе и чудотворениям о. Иоанн был особенно близок ко Двору и являлся царским наперсником и советником. Ничего подобного! Батюшка был народным пастырем и проповедником, всероссийским молитвенником и ходатаем за всех православных людей перед престолом Царя Небесного. В императорский дворец его приглашали не очень часто, хотя члены Царской Семьи не раз испрашивали его молитвенной помощи; на его богослужения специально из Зимнего дворца не ездили, но «Мою жизнь во Христе» там читали и перечитывали.

Император Николай II, узнав о кончине кронштадтского пастыря, собственноручно написал: *«Со всеми почитавшими усопшего протоиерея отца Иоанна оплакиваю кончину его»*. От имени Их Императорских Величеств, Государынь Императриц Марии Феодоровны и Александры Феодоровны на гроб почившего были возложены венки, но в похоронах – в силу существо-

вавшего тогда протокола – никто из Царствующих Особ участия принять не мог.

За свои заслуги о. Иоанн был пожалован Императором орденами св. Анны, св. Владимира и св. Александра Невского, но их он носил единственно ради того, чтобы не обидеть Государя. Из политических объединений батюшка поддерживал только Союз русского народа, целью которого была защита Престола и Алтаря от их врагов.

Будучи убежденным сторонником именно Самодержавия, как власти Богоустановленной, о. Иоанн никак не мог одобрять попытки насадить в России парламентскую кадетскую монархию и резко выступал против них: *«...власть монархическая неограниченная есть установление Божественное, как самое естественное, мудрое и полезное. Нынешние беспокойные, непризванные политики питают вожделения конституционного или республиканского правления и в России, но они не понимают истории и характера русского народа, который не может быть без царя самодержавного, который живет им и в нем и в благополучии, и злополучии, и на него одного, после и Царицы Небесной, возлагает свои надежды»* (Слово в день коронации, 1904).

Святой молитвенник вообще полагал демократию опасной формой правления и предостерегал против нее: *«Пагубно правление многих лиц, подверженных страстям, как доказали и доказывают это особенно иные народные заправители в чужих землях, друг другу противоречащие, друг с другом враждующие и подвергающие самое государство опасности гибельного безначалия и разложения... Многие разрушительные страсти обуревают и смущают падшее человечество – необходима могущественная и сильная власть Монарха, Самим Богом поставленного»* (Слово в день восшествия на престол Царя-Мученика, 1897).

Кроткий обычно пастырь находил и более суровые выражения, когда касался этой темы: *«Умолкните же вы, мечтательные конституционалисты и парламентеры, «отойди от Меня, сатана; ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое»* (Мф. 16, 23), – *сказал Господь Петру, пререкавшему. Отойдите и вы, противящиеся Божиему велению. Не вам распоряжаться престолами царей земных. Прочь дерзновенные, не умеющие управлять и самими собою, но препирающиеся друг с другом, и ничего существенно полезного для России не сделавшие. От Господа подается власть, сила, мужество и мудрость царю управлять своими подданными»* (Слово в день восшествия на престол, 1907).

Неоднократно в проповедях о. Иоанна звучала мысль об идеальном характере государственного строя в России: *«Единодержавие и самодержавие есть самая естественная и Богом указанная и узаконенная форма правления, всего более споспешествующая благодействию и успехам государства и благу подданных»*, и на основе этого делался следующий вывод: *«Русский Государь есть единственный православный Помазанник Божий и образ державы Бога на земле, первый венценосный сын Церкви»* (Слово в день коронации, 1897). В подобных высказываниях кронштадтский батюшка стремился подчеркнуть уникальное религиозное своеобразие Русской Державы, которая одна сохраняла традиции подлинно Христианской Монархии.

Одновременно он продолжал бить тревогу и пророчески вновь и вновь предупреждал о последствиях пагубных процессов, которые шли в тогдашней России: *«Русский народ и другие населяющие ее племена глубоко развращены, горнило искушений и бедствий для всех необходимы, и Господь, не хотящий никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле. Если сознаем свои грехи, обратимся к вере, покаемся, изменимся к лучшему с Божией помощью, тогда и Господь обратит к нам светлое Лице Свое и помилует нас, и даст нам благословение и мир. А если нет, то будем таять в бедах наших»* (Слово в день рождения Царицы-Мученицы, 1907).

Как завещание великого святого звучит его молитва, записанная незадолго до кончины: *«Господи, спаси народ русский, Церковь православную в России, – погибают; всюду разврат, всюду неверие, богохульство, безначалие. Господи, спаси Самодержца и умудри Его! Господи, все в Твоих руках, Ты Вседержитель!»*

Однако крепко верил св. прав. о. Иоанн, что *«Всеблагое Провидение не оставит Россию и в этом печальном и гибельном состоянии. Оно праведно наказует и ведет к возрождению. Судьбы Божии праведные совершаются над Россией»*, и провидчески указывал на залог грядущего величия своего Отечества: *«Россия будет сильною внутри и извне лишь своею внутреннею правдою, единодушием и взаимопомощью всех сословий, беззаветной преданностью Церкви, Престолу Царскому и Отечеству»*. Таков утешительный завет, оставленный нам праведником Божиим, всероссийским молитвенником.

В. А.

Ю.А. Шапель

КРОНШТАДТСКАЯ ГОЛГОФА*

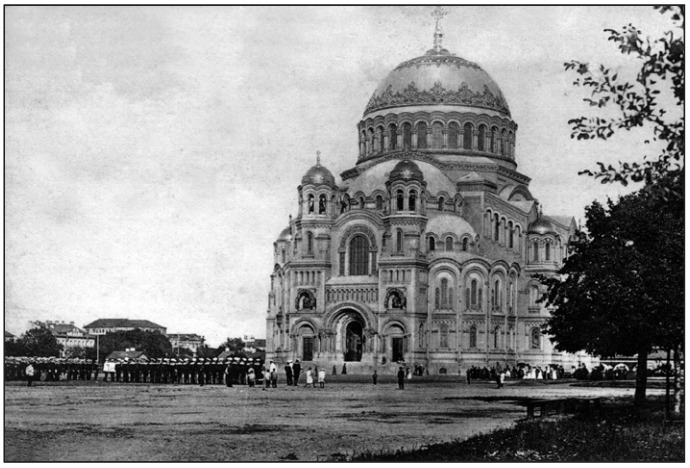
март1917 – март 1921

1917

К началу 1917 года в Кронштадте насчитывалось 10512 моряков и 20111 солдат и офицеров, а в обшей сложности 30623 человека. На одного гражданского приходилось почти по два военных.[1]

Ежегодно в лютые крещенские морозы на Якорной площади проводились традиционные военные парады, смотр сухопутного и морского гарнизонов Кронштадта. Расскажу подробнее о помпезном комплексе мероприятий, которые сопутствовали параду войск. Было это в январе 1917 года, я был очевидцем этого последнего парада.

Парадный смотр войск гарнизона состоялся в погожий солнечный январский день, 7 числа, на колючем крещенском морозе. Принимал парад адмирал фон Вирен. На огромной Якорной площади были построены массы армейские и флотские. Около 9 часов утра, под колокольный звон храмов всего города, из Морского собора на паперть вышло множество духовенства, облаченного в богатые ризы. Сойдя с паперти с хоругвями и крестами в руках, священники вступили в замкнутое пространство, образованное толстым манильским канатом, который поддерживали в опущенных руках, прижимая его к боку, стоявшие шеренгой друг другу в затылок матросы. Блестящая свита с песнопениями направилась в канатном окружении к кресту, вырубленному во льду военной

Кронштадт. Парад на Якорной площади перед Николаевским Морским собором

гавани, напротив памятника Петру I, ниже гранитной пристани Петровского парка.

Совершив у креста на льду ритуал водокрещения, митрополит окропил святой водой воинство, стоявшее на Якорной площади, и сразу вслед за этим начался парад войск.

Место прохождения войск, двигавшихся по 10 человек в ряд, было выбрано не совсем удачно из-за ограниченности пространства для движения войсковых колонн. Небольшая группа армейского генералитета, принимавшая участие в смотре, вынуждена была прижаться к кирпичной стене адмиралтейства. Впереди нее, на фоне серых армейских шинелей и тучных генеральских фигур, одиноко и четко выделялась стройная худощавая фигура адмирала фон Вирена, принимавшего парад.

На адмирале была обычная черная шинель, летняя фуражка, ботинки и лишь одна скидка на мороз: на уши были надеты черные суконные наушники. А на руках были перчатки.

Каждую воинскую часть вел идущий впереди нее офицер, который, поравнявшись с адмиралом, красиво салютовал ему обнаженной шашкой. А за офицером плотным строем, с ружьями на плече, четко отбивая шаг и держа равнение на адмирала (направо), поднимая снежную пыль, шагали шеренги полузамерзших, с инеем на одежде солдат и матросов.

---

* Юзеф Антонович Шапель (1904–после 1961), уроженец Западной Белоруссии, чьи родители приехали на работу в Кронштадт в начале XX века, провел здесь детские и юношеские годы. Выпускник приходской и учащийся кронштадтской портовой школы, он стал свидетелем предреволюционной жизни и революционных событий (1917–1921) в городе-крепости на острове Котлин. После репатриации родителей в Польшу (1922) остался в России. Окончил Петроградский институт инженеров путей сообщения. Инженер-железнодорожник. После ареста (1938–1950) и ссылки (Енисейск, Норильск) – реабилитирован. В 1961 г. вернулся с семьей в Ленинград. Воспоминания Ю.А.Шапеля являются ценными историческими свидетельствами очевидца происходивших событий. *Публикуются по изданию «Уроки гнева и любви», Сборник воспоминаний о годах репрессий. Выпуск 8, книга 2, сост. и ред. Т.Тигонен. СПб, 1999.*

[1] Г.Ф. Петров, «Кронштадт», Лениздат. 1971.

Адмирал приветствовал каждую проходившую перед ним колонну, произнося звучным отрывистым голосом:

– Здорово, молодцы!

А в ответ ему неслось:

– Здравия желаем, Ваше Превосходительство!

Во все время парада адмирал, чья воля была железной, стоял не меняя позы.

Всю церемонию крещенского парада на Якорной площади я видел от начала и до конца, находясь в десяти шагах от грозного адмирала, по другую сторону проходивших мимо него шеренг. В последний раз я так близко, так внимательно и так долго смотрел на строгое, но не злое лицо адмирала, видел его темные глаза и седые виски.

Вице-адмирал Р.Н. Вирен

А за моей спиной, за Морским собором, уже клонилось к закату холодное январское солнце, последние лучи которого золотили купол собора.[2] В то время обыкновенному человеку и мысль такая не пришла бы в голову, что могучая Империя рухнет через 52 дня.

На исходе 1916 года весь государственный организм царской России был поражен болезнью, которая уже не могла пройти сама, и которую излечить нельзя было обыкновенными средствами: она требовала опасной и сложной операции. Деятельность правительства заключалась в планомерном изгнании всего, что могло быть полезно государству. 14 февраля по старому стилю состоялась первая демонстрация рабочих под лозунгами: «Долой войну!» и «Долой самодержавие!» 18 февраля началась новая волна выступлений, которая уже не спадала вплоть до свержения монархии. 22 февраля начались стихийные волнения народа, не видевшего хлеба по 2–3 дня. Толпы голодных людей громили лавки, останавливали движение на улицах. Народ требовал хлеба и прекращения войны.

Началом революции принято считать 23 февраля (8 марта н. ст.) 1917 года. Это был четверг. А 24 февраля, в пятницу, в 3 часа дня на Знаменской площади в Петрограде толпа начала брататься с казаками, прогнала 15 конных городовых и убила пристава Крылова. В разных частях города собирались стихийные толпы и требовали хлеба. Появились красные знамена и большевистские лозунги. За порядком призвана была следить полиция, но уже были вызваны воинские части.

25 февраля, в субботу, в девятом часу вечера у часовни возле Гостиного двора раздались выстрелы в кавалерийский отряд, который спешился и начал ответный огонь. Было убито 9 человек и столько же ранено.

В ночь на воскресенье, 26 февраля, было арестовано около 136 членов революционных организаций, в том числе 54 члена Петроградского комитета РСДРП.

27 февраля, в понедельник, учебная команда Волынского полка, рота преображенцев и часть Литовского полка, соединившись с рабочими, пошли по Кирочной улице громить казармы жандармского дивизиона и помещение школы прапорщиков инженерных войск.

Со вторника 28 февраля, с 12 часов дня, прекратилась организованная борьба властей с восставшей частью населения. К вечеру того дня восставшие овладели Выборгской стороной, частью города от Литейного проспекта до Смольного. Далее по Суворовскому проспекту и Спасской улице. Войска легко переходили на сторону восставших.

В среду 1 марта (14 по н. ст.), около часу дня, в Псков, где находился Царь, выехали члены Государственной думы А.И. Гучков и В.В. Шульгин и прибыли туда около 9 часов вечера. В вагоне царского поезда в ночь на 3(16) марта 1917 года Царь подписал акт отречения от престола без всяких условий.

Все предреволюционные годы генерал-губернатором и Главным командиром порта в Кронштадте был адмирал фон Вирен, старый морской волк, человек умный, дальновидный, ревностный службист, преданный престолу и долгу. Он был одним из передовых деятелей, ратовавших за оснащение флота по последнему слову техники. Известный советский академик А.Н. Крылов тепло отзывался о фон Вирене, когда тот был командиром крейсера «Баян» и помогал академику в проводимых им опытах по непотопляемости кораблей.

Адмирал фон Вирен с честью до конца выполнял свой воинский долг и стойко перенес кару за свою верность престолу. О его прозорливости и уме свидетельствует письмо, посланное им за полгода до революции, 15 сентября 1916 года, контр-адмиралу графу А.Ф. Гейдену, лицу близкому к Государю. Фон Вирен писал: «Я не остановлюсь перед крайними крутыми мерами, если потребуется, введу вместо розги плеть, вместо одиночного строгого заключения – голодный недельный арест, но должен сознаться, опускаются руки. Вместе с этим письмом я послал пятое обширное донесение командующему Балтийским флотом, а выдержки из него министру внутренних дел, положение принимает характер катастрофы. Вы, граф, играющий столь видную роль в Морском министерстве и в кругу близких к Государю лиц, обязаны знать всю правду. Под моим началом находится сейчас армия в 80 тысяч человек всех родов оружия... Я

[2] Слой позолоты толщиной в пятикопеечную монету, покрывавший купол Морского собора, по решению советского правительства был в 30-е годы снят с собора и продан за валюту.

по совести говорю, что достаточно одного толчка из Петрограда, и Кронштадт вместе с судами, находящимися сейчас в Кронштадте, выступит против меня, офицерства, правительства и кого хотите. Крепость форменный пороховой погреб, в котором догорает фитиль – через минуту раздастся взрыв.

Вчера я посетил крейсер «Диана». На приветствие команда отвечала по-казенному, с плохо скрытой враждебностью. Я всматривался в лица матросов, говорил с некоторыми по-отечески; или это бред уставших нервов старого морского волка, или я присутствовал на вражеском крейсере, такое впечатление у меня оставил этот кошмарный смотр.

В кают-компании офицеры откровенно говорили, что матросы сплошь революционеры. Внезапные поиски выяснили наличие сети сильной подпольной организации, арестовать ядро не удается. Так всюду в Кронштадте.

Мы судим уличенных, ссылаем, расстреливаем их, но это не достигает цели: 80 тысяч под суд не отдашь»[3].

С получением первых известий о революции в Петрограде военное командование Кронштадта – Главный командир порта Р.Н. фон Вирен и комендант крепости А.П. Курош, – позаботились о том, чтобы изолировать кронштадтцев от происходящих в столице событий. Был закрыт въезд и выезд из города, запрещено пользование телефонной и телеграфной связью, но подпольная подготовка к восстанию в Кронштадте шла своим чередом. Вносили свою лепту все партии, работавшие на нелегальном положении (меньшевики, эсеры, анархисты), но наибольшую активность демонстрировала партия большевиков.

Надо сказать, что в сентябре 1915 года из годичного отпуска после контузии в Кронштадт вернулся член РСДРП с 1905 года В.М. Зайцев, опытный конспиратор и подпольщик, который и возглавил всю подготовку восстания в Кронштадте. Зайцев, имея звание унтер-офицера 1-й статьи, занимал должность делопроизводителя в роте наблюдения и связи Балтийского флота, и был вне подозрения у командира роты подполковника Орлова, который доверил ему подготовку по математике своего сына для поступления в гимназию.

В пятницу, 24 февраля 1917 года, Зайцеву удалось побывать в Петрограде, получить инструкции у центра, в тот же день вернуться в Кронштадт и созвать совещание головной группы организации РСДРП в Кронштадте. На совещании было решено начать выступление против властей вечером во вторник 28 февраля.

Всем присутствовавшим на совещании было предложено возглавить антиправительственное движение в своих частях и организациях. Условным сигналом ко всеобщему выступлению должна была послужить пулеметная очередь из 3-го пехотного полка.

Рабочие Пароходного завода 28 февраля пришли на

Кронштадт. Дом главного командира Кронштадтского порта вице-адмирала Р.Н. Вирена

завод по гудку, как обычно, но к работе не приступали, собирались группами и обсуждали события в Петрограде. В 2 часа дня, уже возбужденная рабочая масса хлынула за пределы завода и заполнила прилегающие к нему улицы. Состоялся митинг, на котором решено было требовать прекращения войны и улучшения материального положения рабочих.

Узнав о выступлении рабочих, фон Вирен тотчас же приехал на завод и спросил: «Чего вы хотите?» Выступил слесарь Пароходного завода Цыганков и обстоятельно изложил претензии и требования рабочих.

– Та-ак, – протянул фон Вирен. – Значит, вы присоединяетесь к бунтовщикам?

– Да, – ответил Цыганков.

– Хорошо. Завтра приходите все на Якорную площадь, там я вам дам ответ.

Вернувшись в штаб, фон Вирен созвал совещание, на котором присутствовали: комендант крепости вице-адмирал Курош, начальник штаба крепости адмирал Бутаков, командир 1-го Балтийского флотского экипажа генерал Стронский и другие. Перед собравшимися был поставлен вопрос: можно ли рассчитывать на солдат и матросов, если потребуется идти на усмирение Петрограда? Боль-

Кронштадт. Здание 1-го Балтийского флотского экипажа на Павловской улице

[3] «Известия Кронштадтского совета», 20 июля 1917 года.

шинство офицеров пришло к выводу, что нельзя. В тот же день в Кронштадте был расклеен приказ фон Вирена, запрещающий собираться и произносить речи. Офицеры получили указание не отлучаться из своих частей и отменить увольнения в город.

Я собственными глазами видел этот приказ и читал его вместе с другими. Он был приклеен на стене сгоревшего кинотеатра «Нью-Стар», около Таможенной площади.

В ночь со вторника февраля на среду 1 марта (ст. ст.) в Кронштадте почти никто не спал. Около 11 часов вечера раздалось несколько пулеметных очередей, означавших начало выступления. По этому сигналу первым поднялся Учебно-минный отряд и на Павловской улице побратался с солдатами. Все они пошли к 1-му Балтийскому флотскому экипажу, Учебно-артиллерийскому отряду, Машинной школе и 1-му артполку. Вскоре все названные соединения в полном боевом порядке, со знаменами и оркестром, при трех офицерах направились на Павловскую улицу, где находилось большинство казарм. Тут собравшиеся разделились на три группы: одна двинулась к тюрьме, вторая к северным казармам, а третья к казармам, расположенным на Александровском бульваре.

К 2 часам ночи восставшие, к которым присоединился и 2-й артполк, пришли на Усть-Рогатку к стоявшим там кораблям. Экипажи кораблей сразу же присоединились к восставшим.

Всю ночь на 1 марта центральные улицы и площади Кронштадта бурлили восставшими толпами.

Под утро огромная толпа матросов подошла к резиденции фон Вирена и потребовала его к себе. В незастегнутой шинели, под которой виднелись ордена, адмирал вышел на улицу. Подгоняя его штыками и прикладами, избивая и покрывая соленой матросской бранью, матросы погнали адмирала на Якорную площадь, но до площади не довели, довели только до трубы, выходящей в овраг. Тут несколько озверевших матросов, имена которых остались неизвестными, подняли его на штыки и сбросили вниз по склону, на самое дно оврага.

Часу в восьмом утра 1 марта я услышал громкий разговор родителей на кухне и понял, что ночью в городе произошла революция и адмирал фон Вирен убит матросами.

Полный мальчишеского бесстрашия и любопытства, не спрашивая разрешения у родителей, я быстро накинул пальто, сунул ноги в просторные валенки матери, выскользнул во двор и, не раздумывая, направился к резиденции фон Вирена.

Было серое мартовское утро, шел редкий снег, царила тревожная тишина. Улицы были безлюдны, ни одна живая душа не встретилась мне на моем пути.

Вот и резиденция фон Вирена!.. Двери тамбура раскрыты настежь, полосатая будка часового опрокинута, снег утрамбован ногами толпы, и на нем множество сорванных матросских погон с буквами «БФ» и ленточек с бескозырок с названиями боевых кораблей, отрядов и экипажей.

На всем пути от резиденции фон Вирена до оврага снег был также утрамбован ногами огромной людской толпы, сопровождавшей адмирала в его последний путь.

Я миновал место, с которого фон Вирен в январе месяце производил смотр военно-морскому оплоту мощи Российской империи. Я шел вдоль северного края оврага, широкая Якорная площадь была пуста. Между пешеходным мостом, перекинутым через овраг и памятником адмиралу Макарову, на середине северного откоса оврага, я заметил черную точку и тропу, протоптанную к ней. Без всякого страха я направился туда.

Лицом к небу, с непокрытой головой лежал труп армейского офицера. Распахнутая богатая меховая шуба, крытая черным сукном, позволяла разглядеть мундир и галифе. Военный был средних лет. У него были короткие светлые волосы, крупный лоб с залысинами, глаза были закрыты. Под подбородком, с левой стороны шеи, виднелась запекшаяся кровь. Поблизости, на снегу, валялась меховая шапка. Мне показалось, что передо мной был труп генерала Стронского.

Еще ничего не увидев, я догадался, где надо искать труп фон Вирена. Я поднялся по северному откосу оврага вверх и уже по бровке дошел до водопропускной трубы. Оттуда я и увидел черную точку, к которой начал спускаться по крутому откосу, основательно утрамбованному матросскими башмаками.

Тело адмирала лежало лицом вниз, головой на восток. Он был без фуражки, на распахнутой шинели не было погон и хлястика. На крупном затылке заметны темные ссадины. Постояв над ним, я с трудом выбрался наверх и со странно щемящим сердцем двинулся к дому. По-прежнему вокруг было безлюдно. Только возле самого моего дома мне встретился сильно подвыпивший солдат, который брел, качаясь, по середине заснеженной улицы, выкрикивая пьяным голосом: «Свобода!..» и кому-то грозя расправой.

Я коротко рассказал родителям, где был и что видел. Пораженные, они выбранили меня, сказав, что я заслуживаю хорошей оплеухи за свою выходку.

После завтрака, оставив меня присматривать за малышами, родители ушли в город. Вернулись они поздно, хмурые и подавленные. Отец сразу лег в ожидании обеда, а матушка, разогревая обед, рассказала нам о массовых расстрелах в овраге видных военачальников. Обреченных на казнь вели через всю Якорную площадь к краю оврага – последней черте. Они шли молча, выпрямившись, как и подобает военным, поравнявшись с Морским собором, снимали фуражки и осеняли себя крестным знамением. На краю оврага четверо матросов сбрасывали каждого офицера вниз, стреляя в него. Глубина оврага была велика, убитые или раненые офицеры катились на дно его.

Особенно подробно рассказала матушка о казни адмирала Бутакова, начальника штаба крепости, происходившего из рода известных русских флотоводцев и дипломатов. У последней черты адмирал, обращаясь к сопровождавшим его убийцам, говорил: «Виноват, братцы, виноват!..»

Скатившись вниз по крутому откосу, его тело приняло полусидячее положение, лицом в сторону площади. Легкий ветерок слегка шевелил белые волосы длинной раздвоенной бороды старика. Один за другим в присутствии моих родителей были расстреляны: начальник учебно-артиллерийского отряда адмирал Одинцов, командир саперной бригады генерал Волков, комендант крепости вице-адмирал Курош и многие другие, имен которых родители не знали.

Восстание в Кронштадте не встретило серьезного сопротивления. Тех корабельных офицеров, которые с оружием в руках пытались воспрепятствовать командам сойти на берег, тут же убивали. Небольшое противодействие было оказано у полицейского участка на Козьем Болоте. Засевшие там городовые упорно не хотели сдаваться. Тогда восставшие прикатили пушку и выстрелили прямой наводкой. Взрыв снес крышу на здании и разрушил его верхнюю часть. После этого городовые капитулировали.

Не присоединившееся к восстанию Военно-морское училище было окружено солдатами и матросами, напротив здания училища они установили пулеметы и прикатили трехдюймовое орудие. Тогда юнкера заявили о своем нейтралитете.

До глубокой ночи 1 марта (ст. ст.) по городу, то тут, то там раздавались выстрелы: матросы и солдаты расправлялись с приверженцами старого режима.

Поздним вечером 1 марта Якорная площадь опустела. Родственникам расстрелянных было разрешено забрать тела для захоронения. Тело адмирала фон Вирена забрал преданный ему денщик. Не забранные тела были погружены на розвальни и отвезены в морг.

По данным П.З. Сивкова *(«Кронштадт. Страницы революционной истории», Лениздат, 1972, стр. 88),* во время революционных событий февраля-марта 1917 года в Кронштадте было убито 39 и арестовано 500 человек, а по всей Балтике число убитых доходило до 140 человек.

Утром 2 марта на Якорной площади состоялся митинг. Решали вопрос о создании новой местной власти. Избрали «Комитет движения» в составе семи человек: М.В. Зайцева, В.П. Громова, солдата С.С. Гридюшко, рабочего Колабушева, лейтенанта Глазка, военинженера Красовского и студента Хоноха.

С этого дня Якорная площадь стала играть большую роль в жизни города, являясь местом своеобразного революционного вече. Десятками тысяч голосов откликалась площадь на всякое событие в городе. 1917 год стал годом сплошных митингов и собраний. Шли на них охотно и собирались быстро. Пустовала Якорная площадь редко, задавая тон политической жизни города и определяя погоду на заседаниях совета.

23 марта в Кронштадте и в столице состоялись похороны жертв февральской революции, тела которых, в гробах, находились в Морском соборе. Состоялся парад, а вслед за ним демонстрация. После парада, хотя хоронили революционных солдат и матросов, было торжественное

Кронштадт. Здание Николаевского инженерного училища, которое защищали его воспитанники в марте 1917 г.

богослужение и панихида на могиле павших. Дали салют, от которого я буквально оглох, потому что крутился в самой гуще событий.

После нескольких дней перерыва начались занятия в школе. Наша классная наставница, Зинаида Васильевна, часто платочком вытирала слезы, беспокоясь за судьбу брата, морского офицера, арестованного и содержавшегося в Военно-морской следственной тюрьме.

Кратко коснусь отношений между Кронштадтом, где проживала моя семья, и Временным правительством. Отношения эти с первых же дней стали враждебными. В качестве заслуги Временного правительства отмечу, что в период его власти Россия действительно вкусила от буржуазных свобод, давно ставших законом в Европе. Свобода слова, печати, собраний, отмена смертной казни были обеспечены не на словах, а на деле. К сожалению, россияне не сумели воспользоваться этим бесценным достоянием.

Уже 2 марта, то есть буквально на второй день своего существования, Временное правительство назначило

Кронштадт. Здание городской полиции на Козьем Болоте после обстрела революционными матросами. Март 1917 г.

комиссаром Кронштадта члена Государственной думы кадета В.Н. Пепеляева, возложив на него обязанности командира Кронштадтского порта. 3 марта Виктор Николаевич Пепеляев прибыл в Кронштадт, но был встречен недружелюбно. Его деятельности противодействовали, его распоряжениям не подчинялись, и он вынужден был в начале мая уйти в отставку.

Ряд членов Временного правительства и лидеров партий, входящих в его состав, пытались убедить кронштадтцев, что революционная энергия в тяжелое для страны время идет по опасному пути разрушения. Так, 28 марта в Кронштадт прибыл министр юстиции Временного правительства А.Ф. Керенский. В своем выступлении на митинге в Морском манеже он упрекал кронштадтцев в самостийности, неподчинении указам правительства, в жестоком обращении с арестованными офицерами и призывал к единству. Но не добился ничего и, прослезившись, уехал.

5 апреля с большой свитой в Кронштадт прибыл командующий Петроградским военным округом генерал Л. Корнилов. С трибуны на Якорной площади он просил кронштадтцев принять присягу Временному правительству, и, став на одно колено, лицом к Морскому собору, подняв руку к небу, произнес слова присяги.

Вслед за Корниловым уговаривать кронштадтцев приехала 74-летняя эсерка Е.К. Брешко-Брешковская, прозванная «бабушкой русской революции», многие годы отдавшая тюрьмам и ссылкам. Выступая на заседании исполнительного комитета, она упрекала кронштадтцев в мстительности по отношению к арестованным офицерам и выразила сожаление по поводу враждебного отношения к Временному правительству.

Убеждать кронштадтцев в необходимости подчиниться Временному правительству приезжала и лидер левых эсеров Мария Александровна Спиридонова. С уговорами и угрозами 21 мая в Кронштадт прибыли министры социалисты Чхеидзе, Скобелев и Церетели, и с ними еще пять человек. Они поставили перед кронштадтцами пять конкретных вопросов:

1. Об отношении к центральной власти.
2. О правительственном комиссаре.
3. О военно-морских начальниках.
4. Об органах местного самоуправления.
5. Об арестованных офицерах.

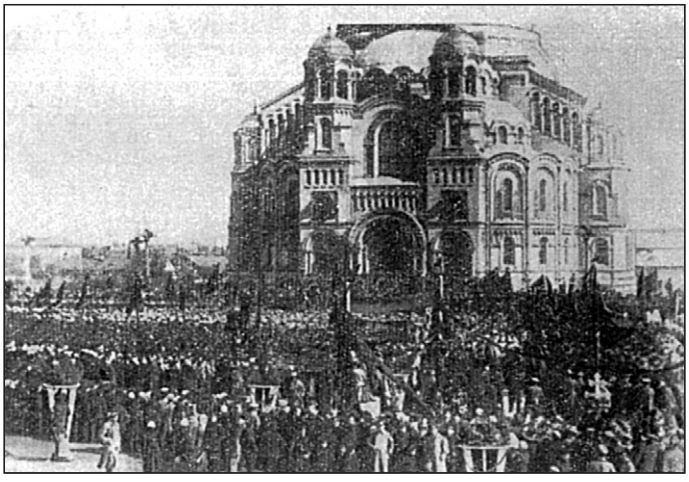
Ответом на поставленные вопросы был митинг, созванный 23 марта на Якорной площади. На митинге было принято решение: бороться за уничтожение капитализма, за установление диктатуры пролетариата, за прекращение проклятой войны.

3 апреля (ст. ст). 1917 года из эмиграции в Россию возвратился В.И. Ленин и поздно вечером с балкона дворца Кшесинской, обращаясь в том числе к прибывшим на встречу с ним кронштадтцам, провозгласил: «Да здравствует социалистическая революция!» Думаю, никто из матросов-кронштадтцев не мог представить, что такое социалистическая революция.

Кронштадтцы по-прежнему увиливали от прямых ответов на прямые вопросы, придерживаясь тактики: признаем Временное правительство, но не доверяем ему. Признаем, но будем бороться за передачу власти Советам рабочих и солдатских депутатов.

К середине мая история кронштадтского сепаратизма завершилась образованием самостоятельной «Кронштадтской республики». Взаимное недоверие и вражда росли, и следующий эпизод взбудоражил всю Петроградскую печать: Временное правительство, через своего комиссара Пепеляева, требовало ускорения разбора дела и освобождения некоего капитана Альмквиста, но кронштадтцы медлили. Тогда 7 апреля министр юстиции Керенский приказал создать специальную следственную комиссию под председательством государственного прокурора Переверзева и выехать в Кронштадт. Комиссия прибыла в Кронштадт 8 апреля, освободила Альмквиста и еще двоих офицеров, но по дороге на пристань капитан Альмквист был задержан возбужденной толпой и водворен обратно в тюрьму, а прокурора Переверзева толпа угрожала «поднять на штыки». Вся столичная печать наполнилась рассказами об ужасах кронштадтских застенков, об

Кронштадт. Отпевание в Морском соборе и похороны на Якорной площади «жертв революции». Март 1917 г.

издевательствах над офицерами, о казнях на Якорной площади, о том, что кронштадтцы своими действиями подрывают авторитет революции и так далее. Примерно в эти же дни в Кронштадте произошел инцидент, который взволновал все население города и поставил под угрозу престиж революционных властей.

Банда из пяти грабителей совершила налет на квартиру известного и уважаемого в городе врача. Здание, где укрылись бандиты, немедленно окружили солдаты и матросы. Бандитов удалось схватить и обезоружить. Разгневанная толпа тут же потребовала расстрелять всех пятерых без суда и следствия, и приговор толпы был приведен в исполнение. Кронштадтские власти были обескуражены тем, что на трупах расстрелянных были матросские бушлаты. Толпа знала, что обе кронштадтские тюрьмы переполнены арестованными морскими офицерами, своего уголовного кодекса у «Кронштадтской республики» не было, создать сибирскую каторгу на небольшом острове Котлин было затруднительно, а потому признавался только один суд – Линча.

Когда обо всем рассказанном стало известно печати, о Кронштадте стали писать как о гнезде анархии и разбоя.

Примерно в эти дни шел я однажды в магазин за хлебом. Посредине Михайловской улицы, против дома № 49, здоровенный верзила-матрос избивал ногами в тяжелых ботинках какого-то рабочего. Стоя на четвереньках, рабочий закрывал руками голову, стонал и звал на помощь, но люди боялись подходить, так как верзила держал в руках наган и грозил смертью каждому, кто приблизится.

Спустя пару дней, по главной многолюдной улице города прошествовала толпа матросов, человек двадцать. Они вели молодого матроса, который держал в руках фанерный щит с надписью черной краской: «Я сын попа (имярек), вор!» Сопровождавшие его матросы требовали, чтобы несчастный чисто и громко повторял слова, написанные на щите, и поощряли его усердие ударами кулаков.

А вот еще один виденный мною случай, типичный для «Кронштадтской республики»: в первой половине дня по центральной улице мчится двуколка с двумя седоками. Вдруг от панели к центу улицы метнулся человек в бушлате, он требует, чтобы двуколку остановили. Седоки и не думают останавливаться. Тогда человек в бушлате стреляет из нагана в воздух. Двуколка останавливается. Один из ездоков пытается объяснить человеку в бушлате (тот пьян), что он врач и спешит к больному по вызову. Пьяный сгоняет обоих седоков, усаживается в двуколку и был таков. «Опять безобразничают!..» – говорили в толпе на панели.

В «Кронштадтской республике» проклевывались ростки будущих сталинских приемов: в газете «Известия Кронш-тадтского совета» от 30 мая 1917 года была помещена коллективная корреспонденция семи заключенных офицеров: полковника Никифорова, подпоручика Поглазова и других, защищавшая «честь» тюрьмы, в которой их содержали.

Группа офицеров-фронтовиков, посетившая кронштадтскую тюрьму, в ответ на жалобы арестованных офицеров заявила: «Видно, вы не сидели в окопах, не стояли по колено в воде...» Так и продолжали томиться в двух кронштадтских тюрьмах офицеры, арестованные 2 и 3 марта. Вплоть до своего трагического конца...

(Окончание на стр. 56)

Кронштадт. Памятник убиенному адмиралу Р.Н. Вирену. Открыт в 1990-х гг.

Кронштадт. Панихида по убиенным в марте 1917 г. офицерам Императорского Балтийского флота возле Докового оврага. 1999 г.

Новомученики кронштадтские. 1917

Идем дальше и вижу: целые реки крови текут в море, и море красное от крови. Я от страха ужаснулся и опять спросил чудного старца: «А что это крови так много пролито?» Он опять взглянул и сказал мне: «Это христианская кровь».

Сон св. прав. Иоанна Кронштадтского

Кронштадт после 1917 г. стал воистину Голгофой Русского Флота и офицерства, а впоследствии местом мученической кончины тысяч петербуржцев всех сословий: дворянского, военного, духовного, чиновников, купцов и мещан, просто верующих православных христиан, не признавших лжи революции и доставлявшихся сюда на расстрел и казнь.

Началось все с восстания матросов, поддержанных в марте 1917 г. главарями революции из Петрограда. Ночью взбунтовавшиеся команды стали врываться в каюты офицеров с вопросом, признают ли они Временное правительство? Если «нет» – «враг народа», в лучшем случае, арест, а то – удар штыком.

Памятник на могиле Бутаковых на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Здесь погребены также убиенные в Кронштадте в марте 1917 г. контр-адмирал Александр Григорьевич Бутаков (1861–1917) и его мать Амалия Арсеньевна (1835–1917)

«Одновременно – дикие, разъяренные банды матросов, солдат и черни, со зверскими лицами и жаждой крови, вооруженные чем попало, бросились по улицам города. Прежде всего выпустили арестантов, а потом, соединившись с ними, начали истребление ненавистного начальства.

Первой жертвой этой ненасытной злобы пал адмирал Р.Н. Вирен (1856–1917), Главный командир и военный губернатор Кронштадта, человек по натуре прямой, властный и храбрый, но бесконечно строгий и требовательный. Когда толпа подошла к дому Главного командира, адмирал Вирен, услышав шум и крик, сам открыл дверь и, увидев матросов, стремительно распахнул ее настежь. Толпа, заревев, бросилась на адмирала, стащила его вниз и поволокла по улицам. Матросы улюлюкали, подбегали к адмиралу Вирену, плевали ему в лицо и кричали с площадной бранью.

Толпа была одета в самые фантастические костюмы: кто – в вывернутых шерстью наружу полушубках, кто в офицерских пальто, кто – с саблями, кто – в арестантских халатах. Ночью, при свете факелов, это шествие имело очень жуткий вид, точно демоны справляли свой адский праздник. Мирные жители, завидев эту процессию, с ужасом шарахались в стороны.

Посреди этой толпы шел адмирал. Он был весь в крови. Искалеченный, еле передвигал ноги, то и дело падая, медленно двигался мученик навстречу лютой смерти. Из его груди не вырвалось ни одного стона, что приводило толпу в еще большее бешенство. Пресытившись терзаниями жертвы, палачи окончательно добили ее на Якорной площади, а тело сбросили в овраг. Там оно лежало долгое время, так как его было запрещено хоронить»[1].

На другой день, за отказ изменить Государю, у памятника адмиралу Макарову был расстрелян начальник штаба порта контр-адмирал А.Г. Бутаков (1861–1917), зверски убит командир 1-го Балтийского флотского экипажа генерал-майор Н.В. Стронский (1863–1917), командир учебного корабля «Император Александр II» капитан I ранга Н.И. Повалишин (1867–1917). Старшего лейтенанта Н.Н. Ивкова (1885–1917), ходившего на учебном судне «Африка», команда живым спустила под лед. Всю ночь убийцы рыскали по квартирам, грабили и вытаскивали офицеров, чтобы с ними расправиться. В числе убитых были: капитаны I ранга К.И. Степанов и Г.П. Пекарский, капитаны 2 ранга А.М. Басов и В.И. Сохачевский, старшие лейтенанты В.В. Будкевич, В.К. Баллас и мичман Б.Д. Висковатов, другие офицеры по Адмиралтейству, подпоручики и прапорщики.

По воспоминаниям очевидцев, «зверское избиение офицеров в Кронштадте сопровождалось тем, что людей обкладывали сеном, и, облив керосином, сжигали; клали в гробы вместе с расстрелянными живого, расстреливали отцов на глазах у сыновей»[2].

Началось восстание матросов с казарм 1 крепостного пехотного полка на Павловской улице. Сопротивление бунтовщикам оказали полицейские, жандармы, некоторые офицеры и юные воспитанники Морского Инженерного училища Императора Николая I на Поморской улице. Они вместе с доблестными офицерами Русского флота отдали свои жизни за своего Царя, Родину и Веру... Всего в Кронштадте в эти дни погибло более 40 человек.

По «углублении революции» Кронштадт превратился в мрачный советский застенок. Сюда в 1918–1920 гг. доставлялись на баржах арестованные офицеры, духовенство, представители всех сословий бывшей столицы России. Содержали их в кронштадтских тюрьмах, в одной из которых при большевиках разместилось местное ГПУ. Есть свидетельства о казнях офицеров и духовенства в Кронштадте:400–500 человек были расстреляны и погребены во дворе б. гражданской тюрьмы, многие затоплены на баржах за Толбухиным маяком. Производились расстрелы и в западной части острова, за кладбищем, на полигоне, на взморье – в глухих районах Котлина, откуда были выселены местные жители, дабы не было прямых свидетелей этих убийств.

Во время восстания 1921 г., известного как Кронштадтский мятеж, вновь были принесены новые жертвы в Кронштадте. Закономерно, что под маховик кровавой машины большевицких репрессий попали уже и те, кто был инициатором восстания 1917 г. Тысячи и тысячи погибли в 1921 г. (кронштадтцев расстреливали в окрестностях Петрограда после поражения восстания, многие были развезены по лагерям по всей стране: последний свой приют они нашли на Морском полигоне, под Гатчиной, близ Мартышкина и Ораниенбаума, под Тулой, Калугой, на Севере. Среди погибших было шесть священников).

В 1994 г. в Кронштадте, возле Морского собора, епископом Тихвинским Симоном был освящен закладной камень памятника морякам, погибшим во время Кронштадтского восстания 1921 г. При этом была отслужена панихида по «убиенным, пред Богом и людьми супостатами оклеветанным, в лагерях и ссылках скончавшимся». Но ни этого памятника, ни памятника или креста Кронштадтским мученикам, убиенным в 1917, 1918, 1919 и 1920 гг. по-прежнему нет...

Священномученики и мученики Кронштадтские, молите Бога о нас!

И.П.

[1] Граф Г.К. На Новике.

[2] Боткина-Мельник Т.Е. Воспоминания

Синодик офицеров Императорского Балтийского флота, убиенных в Кронштадте и Петрограде в феврале-марте 1917 года

1. **Адмирал Вирен Роберт Николаевич** (22.12.1856–1.03.1917), Главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта с 16.02.1909, *лют.*
2. **Курош Александр Парфенович** (30.03.1862–1917), вице-адмирал, комендант Кронштадтской крепости, *прав.*
3. **Стронский Николай Васильевич** (28.04.1863–1917), флота генерал-майор, командир 1-го Балтийского флотского экипажа, *прав.*
4. **Одинцов Евгений Николаевич** (9.12.1863–1917), контр-адмирал, начальник учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота, *прав.*
5. **Бутаков Александр Григорьевич** (25.06.1861–1917), контр-адмирал, начальник штаба Кронштадтского порта, командир Флотского полуэкипажа, *прав.*
6. **Пекарский Георгий Петрович** (23.05.1866–1917), капитан 1 ранга, помощник начальник Машинной школы Балтийского флота, *прав.*
7. **Повалишин Николай Иванович** (1.02.1867–1917), капитан 1 ранга, командир учебного линкора «Император Александр II», *прав.*
8. **Степанов II Константин Иванович** (26.09.1866–2.03.1917), капитан 1 ранга, начальник школы юнг в Кронштадте, *прав.*
9. **Рейн Николай Готлибович** (2.09.1870–1917), контр-адмирал, начальник учебно-минного отряда, 1-й Балтийский флотский экипаж, *лют.*
10. **Басов Александр Матвеевич** (26.07.1877–1917), капитан 2 ранга, командир учебного судна «Верный», 1-й Балтийский флотский экипаж, *прав.*
11. **Будкевич Викентий Викентьевич** (12.11.1878–1917), ст. лейтенант, помощник главного минера Кронштадтского порта, *прав.*
12. **Буткевич В. Н.**
13. **Сохачевский Владимир Илларионович** (30.06.1882–1917), капитан 2 ранга, старший офицер учебного судна «Океан», 1-й Балтийский флотский экипаж, *прав.*
14. **Ивков II Николай Николаевич** (17.08.1885–1917), ст. лейтенант, командир учебного судна «Африка», 1-й Балтийский флотский экипаж, *прав.*
15. **Филатов I Николай Николаевич** (30.10.1876–1917), капитан 1 ранга, главный минер Кронштадтского порта, *прав.*

16. **Горский Владислав Михайлович** (6.07.1869–1917), подполковник, Кронштадтский флотский полуэкипаж, *р.-кат.*
17. **Борковский Николай**, подпоручик (?), Кронштадтский флотский полуэкипаж.
18. **Ромашов Михаил Кузьмич** (25.09.1867–1917), подпоручик (?), Кронштадтский флотский полуэкипаж, *прав.*
19. **Баллас Валериан Константинович** (13.05.1885–1917), ст. лейтенант, старший помощник инженера-механика эсминца «Самсон», *прав.*
20. **Висковатов Борис Дмитриевич**, мичман, 1-й Балтийский флотский экипаж.
21. **Сапсай А.Д**., вице-адмирал.
22. **Витгефт II Владимир Вильгельмович** (21.12.1884–1917), капитан 1 ранга, 1-й Балтийский Флотский экипаж, *прав.*
23. **Грузинов Виктор Иванович**, ст. лейтенант, 1-й Балтийский флотский экипаж.
24. **Грузинов Николай Семенович** (16.04.1890–1917), лейтенант, инженер-механик, 1 Балтийский флотский экипаж, *прав.*
25. **Гирс Александр Константинович** (8.11.1858, С.-Петербург – убит 28.02.1917 в Петрограде, похор. в Александро-Невской лавре), флота генерал-майор, командир 2-го Балтийского флотского экипажа, *прав.*
26. **Никольский I Михаил Ильич** (25.10.1877 – убит 28.02.1917 в Петрограде), капитан 1 ранга, командир крейсера «Аврора», 1-й Балтийский флотский экипаж, *прав.*
27. **Чепелев Михаил Евграфович** (25.02.1879–1917), капитан 2 ранга, командир заградителя «Уссури», 2-й Балтийский флотский экипаж, *прав.*
28. **Львов Лев Константинович** (23.01.1884–1917), старший лейтенант, командир миноносца № 218, Севастопольский полуэкипаж, *прав.*
29. **Жежель Евгений Маркович** (16.08.1894–1917), мичман, 1-й Балтийский флотский экипаж [Черноморский флотский экипаж (?)], *прав.*
30. **Ульяновский Владимир Семенович** (29.07.1894–1917), мичман Морского училища, 2-й Балтийский флотский экипаж, *р.-кат.*
31. **Клиндух Семен Иванович** (1.02.1891–1917), мичман, инженер-механик, 1-й Балтийский флотский экипаж, *прав.*
32. **Шагин Николай Михайлович,** мичман, инженер-механик.
33. **Шуман Георгий Оттович** (24.01.1894–1917), мичман (?), инженер-механик, 1-й Балтийский флотский экипаж, *прав.*
34. **Генерал Волков**, командир саперной бригады.
35. **Теше Лев Карлович**, † 1.03.1917. (По другим даггым скончался позже. Расстрелян?)

Офицеры по адмиралтейству:

36. **Павлов Александр Федорович** (14.03.1866 – 28.02.1917, Петроград), полковник (на службе с 1883), 2-й (1-й ?) Балтийский флотский экипаж, *прав.*
37. **Беляев Михаил Евгеньевич** (20.07.1874–1917), капитан, 1-й Балтийский флотский экипаж, *прав.*
38. **Нелидов Павел Сергеевич** (7.06.1872–1917), капитан, 1-й Балтийский флотский экипаж, командир роты Команды морских артиллерийских опытов, *прав.*
39. **Романов Василий Андреевич** (11.04.1881–1917), капитан, командир роты Машинной школы, Кронштадтский флотский полуэкипаж, *прав.*
40. **Балашов Василий Александрович** (25.04.1882–1917), штабс-капитан, посыльное судно «Святогор».
41. **Бяков Федор Николаевич** (23.08.1889–1917), подпоручик, 1-й Балтийский флотский экипаж, *прав.*
42. **Киргизов Иван Яковлевич** (10.02.1859–1917), подпоручик, 1-й Балтийский флотский экипаж, *прав.*
43. **Сапего Лаврентий Евмениевич** (10.08.1883–1917), подпоручик, 1-й Балтийский флотский экипаж, *прав.*
44. **Сафронов Яков Васильевич** (7.10.1877–1917), подпоручик, 1-й Балтийский флотский экипаж, *прав.*
45. **Бабошко Всеволод,** прапорщик, Морская учебно-стрелковая команда.
46. **Озолин Ян Янович,** прапорщик, 1-й Балтийский флотский экипаж.
47. **Матси Александр Густавович** (19.01.1892–1917), прапорщик по морской части, 1-й Балтийский флотский экипаж, *прав.*
48. **Трофимов Николай Сергеевич,** прапорщик по морской части, 1-й Балтийский флотский экипаж.
49. **Кирстейн Оскар Микелевич,** прапорщик по механической части, 1-й Балтийский флотский экипаж, *лют.*
50. **Кокулинский Петр Давыдович** (28.03.1880–1917), прапорщик по механической части, 1-й Балтийский флотский экипаж, *прав.*

Висковатов Борис Дмитриевич (24.12.1894–1.03.1917) Мичман (30.04.1915) Балтийского флота. Убит матросами в Кронштадте во время февральской революции.

Витгефт II Владимир Вильгельмович (21.12.1884–1.03.1917) – капитан 1-го ранга (8.09.1915), кавалер ордена св. Георгия 4-й ст. (8.07.1907), убит матросами в Кронштадте. Младший сын контр-адмирала В.К. Витгефта. Витгефт Вильгельм Карлович (2.10.1847–28.07.1904) происходил из дворян Московской губернии. Окончил Морское училище (1870). Командовал канонерской лодкой «Гроза» (1885), минным крейсером «Воевода» (1892–1893), крейсерами «Наездник» (1894), «Дмитрий Донской» (1895–1898), эскадренным броненосцем «Ослябя» (1898–1899). Начальник

Морского отдела Штаба главного начальника и командующего войск Квантунской области и Морских сил на Тихом океане (1899–1903). Начальник Морского походного штаба адмирала В.И. Алексеева. После смерти С.О. Макарова стал командующим 1-й Тихоокеанской эскадрой. Погиб во время сражения в Желтом море на флагманском эскадренном броненосце «Цесаревич». Именем В.К. Витгефта названа бухта в Японском море. Старший сын Витгефта Александр (28.07.1879–29.08.1965) – капитан 2-го ранга (6.12.1912), командир минного заградителя «Урал» (1915–1916), после Гражданской войны находился в Таллинне, затем перебрался в Западную Германию, умер в Дармштадте.

Владиславлев Петр Петрович (20.12.1876–5.10.1917?)
Контр-адмирал (28.07.1917). Окончил Морской кадетский корпус (1895), Александровскую военно-юридическую академию (1899). Флаг-офицер Штаба командующего Соединенным отрядом обороны Балтийского моря (1903). Во время Русско-японской войны участвовал в боевых действиях на крейсере «Громобой» в составе Владивостокского крейсерского отряда. Был ранен в левую ногу. Командовал миноносцем № 115 (1906), эсминцами «Внушительный» (1910–1911), «Забайкалец» (1911–1914), 1-м (1914–1915), 5-м (1915) дивизионами миноносцев Балтийского флота, крейсером «Адмирал Макаров» (1915–1916), линкором «Севастополь» (1916–1917). Командир Дивизии подводных лодок (25.04.1917). Исключен из списков как без вести пропавший (23.12.1917). Вспоминая о Моонзундском сражении, контр-адмирал В.А. Белли писал в своих мемуарах: «...Ленин в одной из своих работ написал о побеге двух адмиралов, имелось в виду начальника Моонзундской позиции контр-адмирала Свешникова и начальника Дивизии подводных лодок контр-адмирала Владиславлева. Очевидно, Ленин был кем-то неправильно информирован, вследствие чего и произошла эта ошибка. На самом деле, контр-адмирал Свешников получил разрешение начальника Морских сил Рижского залива перебраться со Штабом из Аренсбурга в Гапсаль, ввиду остроты положения на острове Эзель. Что же касается контр-адмирала Владиславлева, то он на штабном корабле «Тосно» находился в Гангэ и никакого отношения к Моонзундской операции не имел. Вопрос же об его исчезновении появился потому, что его действительно не видели в это время в Штабе, а позднее нашли его труп в воде. Свалился ли он с пирса в воду в темноте, или его столкнули, осталось, конечно, неизвестно. Я счел своим долгом об этом написать, потому что хотел восстановить истину. Естественно, что современные авторы не могли об этом писать в печати, ибо это пошло бы вразрез с написанным Лениным, а это, понятно, было бы невозможно...» Из донесения командующего Балтийским флотом контр-адмирала А.В. Развозова и МГШ (10.10.1917): «... контр-адмирал Владиславлев пропал без вести в Гангэ в ночь с 5-го на 6 октября. Отсутствие его было замечено на транспорте «Тосно» в 8 часов 30 минут 6 октября, когда ввиду ухода «Тосно», он должен был перейти на «Европу». Перед этим последний раз его видели накануне, в 22 часа, когда офицеры расходились из шифровальной по своим каютам. Следствие производится». Награжден орденом св. Георгия 4-й ст. (27.09.1904) – «За храбрость, мужество и самоотвержение, проявленные в бою Владивостокского крейсерского отряда с неприятельской эскадрой (1.08.1904)», Георгиевским оружием (10.02.1916) – «За подвиги мужества и храбрости, связанные с выполнением или содействием к выполнению опасных операций, имеющих большое боевое значение».

Курош Александр Парфенович (30.03.1862–?)
Вице-адмирал (30.07.1916). Родился в Нижегородской губернии. Окончил Морское училище (1882). Флаг-офицер Штаба командующего Практической эскадрой Черного моря (1893). Командовал миноносцем № 253 (1899–1900). Заведовал императорскими паровыми катерами в Крыму (1900). Командовал миноносцами № 267, № 259 (1901), «Заветный» (1904), минным крейсером «Финн» (1904–1906). Деятельно подавлял вооруженный мятеж в Гельсингфорсе (17–21.07.1906). Командовал крейсером «Память Азова» (1906–1909), учебным судном «Диана». Начальник Охраны Кронштадтских рейдов (1909). Командовал крейсером «Адмирал Макаров» (1909–1911), 2-й Минной дивизией Балтийского моря (1911–1915). Исполнял должность начальника Флангово-шхерной позиции (1914–1915). Командовал 2-й Бригадой крейсеров Балтийского моря (1915). Комендант Кронштадтской крепости и главный руководитель оборонных работ в Кронштадте (23.01.1917). Был женат на дочери статского советника А. Вяткина, Зинаиде Алексеевне. Имел детей: Зинаиду (5.11.1888– 6.06.1912), Павла (29.06.1894–31.07.1911) и усыновленного сына Александра (20.03.1911). Во время событий Февральской революции был арестован. Зачислен в резерв (3.09). Уволен в отставку (7.12.1917). Арестован большевиками (16.08.1918) и пропал без вести. По данным рижского исследователя В.М. Дудникова расстрелян в 1919 году. Интересные детали из биографии Куроша содержатся в мемуарах Витте: «Этот Курош..., когда в Финляндии, в крепости Гельсингфорс, тамошние революционеры подняли революционный флаг, со своего судна стрелял в этих революционеров. Тогда же было постановлено предать его смерти и послали ему этот смертный приговор, но почему-то, по той или другой причине, приговор этот не был приведен в исполнение. Затем, т. к. теперь снова обострились отношения между Финляндией и русским правительством, то финляндские революционеры снова подняли вопрос о Куроше, но решили, что лучше убить не самого Куроша, а его сына – юношу 17 лет, находящегося в одном из петербургских учебных заведений, и в мотивировке своего решения постановили, что если убьют Куроша, так что же, – Курош мучиться не будет, а вот если убьют его сына, то это тогда будет более мучительно для Куроша, потому что он сына любит и всю свою жизнь будет мучиться и, получит должное возмездие за то, что он стрелял в революционеров... Курош поехал в плавание... раз вечером, когда этот молодой человек ложился спать... он... подошел к окну и хотел его запереть,... а окно выходило в сад, – в это время у окна появился какой-то человек и в то время, кода он закрывал окно, сделал несколько выстрелов и убил его наповал».

Сохачевский Владимир Илларионович (30.06.1882–1.03.1917)
Капитан 2-го ранга (10.04.1916). Исполнял должность старшего флаг-офицера Штаба начальника Морских сил Черного моря (1909). Командовал эсминцем «Крепкий» (1915–1916). Старший офицер учебного судна «Океан» (1916). Убит в Кронштадте во время событий Февральской революции.

Стронский Николай Васильевич (28.04.1863–2.03.1917)
Генерал-майор (3.03.1914). Окончил Морское училище (1883). Командовал портовым судном «Посыльный» (1901–1902). Во время Русско-японской войны участвовал в обороне Порт-Артура. Командовал минным крейсером «Всадник», канонерской лодкой «Гиляк» (1904). Награжден Золотым оружием «За храбрость» (12.12.1905) – «За отличия в делах против неприятеля под Порт-Артуром».Командир морского резерва крепости (14.11.1904). Командовал минным крейсером «Уссуриец» (1905–1907), 1-м Балтийским флотским экипажем (1913–1917). Убит матросами в Кронштадте во время событий Февральской революции.

Теше Лев Карлович (17.06.1863–?)
Контр-адмирал (8.06.1917). Окончил Морское училище (1884), Минный офицерский класс (1889). Командир канонерской лодки «Гремящий» (2.09.1897). Во время Русско-японской войны участвовал в обороне Порт-Артура, старшим офицером крейсера «Аскольд» участвовал в сражении в Желтом море (28.07.1904). Исполнял должность командира «Аскольда» (29.01–6.03.1906). Командир минного крейсера «Забайкалец» (4.11.1906–18.05.1909), «Аскольда» (6.07.1910–22.05.1913). Переведен из Сибирской флотилии в Балтийский флот (23.12.1913). Командир Свеаборгского порта (27.05.1914–23.03.1915). Назначен в распоряжение начальника ГМШ (30.03.1915). Зачислен в резерв морского ведомства (23.01.1917). Уволен в отставку (8.06.1917).

Пекарский Юрий Петрович (23.05.1866–1.03.1917)
Капитан 1-го ранга (6.12.1909). Окончил Морское училище (1886). Младший флаг-офицер Штаба начальника Эскадры Тихого океана (1900). Отличился при подавлении Боксерского восстания в Китае (1900–1901). Во время Русско-японской войны участвовал в обороне Порт-Артура. Командовал броненосцем «Адмирал Лазарев» (1906–1907), учебным судном «Генерал-адмирал» (1907). Командир Архангельского дисциплинарного флотского полуэкипажа (22.12.1908). Помощник начальника Машинной школы Балтийского флота (20.08.1912). Награжден Золотым оружием «За храбрость» (24.12.1901) – «За отличие при штурме города Пекина». Убит матросами в Кронштадте во время Февральской революции.

Плен Павел Михайлович (17.08.1875-1918)
Капитан 1-го ранга (6.12.1914). Окончил Морской кадетский корпус (1893). Отличился при подавлении Боксерского восстания. Во время Русско-японской войны участвовал в обороне Порт-Артура, был на крейсере «Баян», командовал миноносцем «Скорый», канонерской лодкой «Манджур» (1904). Командовал миноносцами № 135, № 133 (1906), эсминцами «Бдительный» (1909), «Сильный» (1909–1912), «Донской казак» (1912–1914), крейсером «Адмирал Макаров» (1914–1915), 5-м дивизионом миноносцев Балтийского флота (1915–1916), линкором «Слава» (1916–1917). Зачислен в резерв чинов Морского министерства (4.04). Командир линейного крейсера «Измаил» (7.06.1917). Исполнял должность инженера по учету в Центральном народно-промышленном комитете (1918). Арестован Петроградской ЧК (6.08.1918) на своей квартире вместе с М.К. Бахиревым. По сведениям В.А. Белли, судьба Плена трагична: «В конце лета 1918 года большая группа бывших морских офицеров была арестована. Затем их погрузили на баржу, вывели на Большой Кронштадтский рейд, там открыли дно баржи, и все эти люди были потоплены. Знаю, что в их числе был капитан 1-го ранга П.М. Плен». Характеризуя Плена как человека, Белли вспоминал: «... боевой офицер, командовавший миноносцами в Порт-Артуре, отличный моряк и очень храбрый человек, что им было доказано во время Русско-японской войны. Что же касается вопросов стратегии и тактики, то он ими интересовался мало... Он был исключительно вежлив, но высокомерен и неискренен, непрямой и непростой был человек... Подчиненные, в общем, его не любили, хотя и отдавали должное его храбрости и качествам моряка». Плен имел Золотое оружие «За храбрость» (19.03.1907).

Повалишин Николай Иванович (1.02.1867–1.03.1917)
Капитан 1-го ранга (6.12.1911). Окончил Морское училище (1887). Участвовал в подавлении Боксерского восстания (1900–1901). Командовал миноносцами № 106 (1902–1904), «№ 214» (1904). Старший офицер крейсера «Память Азова» (1904–1906). Командовал эсминцем «Меткий» (1906–1908). Флагманский артиллерийский офицер Штаба командующего 3-м отрядом минных судов (1907–1908), Резервной минной дивизией Балтийского моря (1908–1909). Командовал эсминцем «Уссуриец» (1908–1912). Заведовал Мобилизационной частью Свеаборгского порта (1912–1914). Командовал 6-м (1914–1915) и 10-м (1915) дивизионами миноносцев Балтийского моря, линкором «Император Александр II» (1915–1917). Убит матросами в Кронштадте во время событий Февральской революции.

Протопопов Вениамин Николаевич (5.02.1864–3.03.1917)
Генерал-лейтенант флота (1.01.1917). Окончил Морское училище (1884). Командовал миноносками № 80, № 90 (1891), миноносцем «Подвижный» (1905), пароходом «Колхида» (1906–1907), учебным судном «Князь Пожарский» (1907–1908), Свеаборгской флотской ротой (1908–1909). Помощник командира (1909–1914), командир (1914–1917) Свеаборг-ского порта. Убит матросами в Свеаборге во время событий Февральской революции.

Рейн Николай Готлибович (20.09.1870–1.03.1917)
Контр-адмирал (30.07.1916). Окончил Морское училище (1890), Гидрографический отдел Николаевской морской академии (1896). Во время Русско-японской войны на крейсере «Россия» действовал в составе Владивостокского отряда. Флагманский минный офицер Штаба начальника Отряда судов для охраны Уссурийского края (8.06.1905). Начальник Партии траления Владивостокского порта (1905). Флагманский минный офицер Штаба командующего Практическим отрядом обороны побережья Балтийского моря (1906), 1-го Отряда минных судов Балтийского флота (1906—1907). Командовал эсминцем «Эмир Бухарский» (1907–1908). Флагманский минный офицер Штаба начальника Соединенных отрядов Балтийского моря (1908–1910). Морской агент в Англии (1911–1913). Командовал линкором «Цесаревич» (1913–1915). Исполнял должность начальника Штаба минной обороны (1915). Командовал отрядом заградителей Балтийского моря (1915–1916). Начальник УМО Балтийского флота (31.10.1916). Награжден орденом св. Георгия 4-й ст. (27.09.1904) – «За отличную храбрость и самоотвержение, проявленное в бою Владивостокского крейсерского отряда с неприятельской эскадрой 1.08.1904». Убит матросами во время событий Февральской революции в Кронштадте.

Ивков Николай Николаевич (17.08.1885–1.03.1917)
Старший лейтенант (6.10.1916). Окончил Морской кадетский корпус (1905). Командир учебного судна «Африка». Убит матросами во время событий в Кронштадте в период Февральской революции

Гирс Александр Константинович (8.11.1859–1.03.1917)
Генерал-майор по Адмиралтейству (25.03.1912). Окончил Морское училище (1880). Служил в Гвардейском экипаже. Командовал катером «Бунчук» (1891–1892). Исполнял должность флаг-офицера при флаг-капитане Его Величества (1891). Командовал пароходом «Онега» (1896–1897), катерами Императорской Фамилии (1898), миноносцем «Сом» (1900–1901), «Онегой» (1901–1902), яхтой «Стрела» (1902–1907), крейсерами «Диана» (1907), «Олег» (1907–1908). Командир 2-го Балтийского флотского экипажа (3.01.1911). Переведен из Адмиралтейства во флот (8.04.1913). Убит матросами и Петрограде во время событий Февральской революции.

Гирс Владимир Константинович (09.06.1861 – 31.08.1918)
После окончания в 1881 г. Морского училища служил офицером на кораблях «Герцог Эдинбургский», «Первенец», «Светлана», «Стрелок» и «Рында». С 1898 г. командовал кораблями: императорской яхтой «Марево» (1898–1899), учебными судами «Верный», «Моряк» и «Князь Пожарский» (1905–1906), крейсером «Богатырь» (1906–1908). В 1909–1915 гг. командир Ревельского порта (военно-морской базы). 29 апреля 1915 г. назначен начальником артиллерийского отдела ГУК, взамен уволенного со службы А.Ф. Бринка. Назначением на должность руководителя одного из важнейших во флоте технических подразделений непрофессиональный артиллерист В.К. Гирс обязан, в первую очередь, своей репутации серьезного администратора как в Морском министерстве, так и при Дворе. В период перехода флота к осуществлению напряженных морских программ подразделения министерства, решающие первоочередные задачи по выработке принципиальных конструктивных решений для будущих линкоров, нуждались именно в таких целеустремленных и энергичных руководителях, как В.К. Гирс. В июне 1916 г. назначен начальником ГУК с оставлением в должности начальника артиллерийского отдела. В 1916–1917 гг. также являлся членом Адмиралтейств-совета и Особого совещания по обороне государства. Уволен в отставку 15.12.1917 г. Казнен Петроградской ЧК потоплением в барже в Финском заливе вместе с другими заложниками по время Красного террора.

Басов Александр Матвеевич (26.06.1877–1.03.1917)
Окончил Морской кадетский корпус (1897). Во время Русско-японской войны на эскадренном броненосце «Севастополь» участвовал в обороне Порт-Артура. Командовал миноносцами № 121 (1905), № 108, № 132 (1906). Флагманский минный офицер Штаба командующего 2-м отрядом минных судов Балтийского моря (1906–1907). Командовал эсминцем «Выносливый» (1912–1914), канонерской лодкой «Бобр» (1914–1915), учебным судном «Верный» (1915–1917). Капитан 2-го ранга (25.03.1912). Награжден Золотым оружием «За храбрость» (12.12.1905) – «За отличие в делах против неприятеля под Порт-Артуром». Убит матросами в Кронштадте во время событий Февральской революции.

Степанов Константин Иванович (26.09.1866–02.03.1917)
Капитан 1-го ранга (6.12.1911). Окончил Морское училище (1887). Командовал броненосцем «Адмирал Грейг» (1907–1908), заградителями «Амур» (1908–1910), «Нарова» (1910–1913). Заведовал обучением в Минном офицерском классе УМО Балтийского флота (1913–1914). Командир крейсера «Адмирал Макаров» (27.05.1914). Командовал учебным судном «Николаев» (1915–1916). Начальник Школы юнг в Кронштадте (12.05.1916). Убит матросами в Кронштадте в дни Февральской революции.

Юрий Борисов
НОСТАЛЬГИЧЕСКАЯ

Заунывные песни летели
В край березовой русской тоски,
Где над детством моим отзвенели
Петербургских гимназий звонки.

Под кипящий янтарь оркестрантов,
Под могучее наше «Ура!»
Не меня ль Государь Император
Из кадетов возвел в юнкера?

В синем небе литавры гремели
И чеканила поступь война.
И не мне ли глаза голубели
И махала рука из окна?

Мчались годы в простреленных верстах
По друзьям, не вернувшимся в ряд,
Что застыли в серебряных росах
За Отечество и за Царя.

Не меня ли вчера обнимали
Долгожданные руки – и вот,
Не меня ли в чека разменяли
Под шумок в восемнадцатый год?

Л.В. Сейфуллин
ОФИЦЕР

Его вели убийцы на расстрел,
Толпа безгласная пугливо расступалась,
Но на нее спокойно он смотрел
И сердце верное его не волновалось.

Привык он смерть с отвагою встречать
На гибельных полях неумолимой битвы,
Когда уста торопятся шептать
Последние слова напутственной молитвы.

Никто не смел приблизиться к нему,
Все от него, как от чумы, бежали,
И даже взглядами трусливыми ему
Сочувствия в беде не выражали.

Всех устрашал его господский вид,
Его фигура в одеянье сером,
И каждый знал, что власть его казнит,
За то, что был он царским офицером.

За то, что родину он грудью защищал,
Что за паек скупой не торговался,
Что он часов рабочих не считал,
С врагами родины постыдно не братался.

За то, что был он русским офицером до конца,
Безропотно неся лишенья и кручину,
За то, что не сменил он честного лица
На красную, разбойничью личину.

Ю.А. Шапель

Кронштадтская Голгофа

(окончание)

1918–1920

Свержение в октябре 1917 г. Временного правительства прошло для жителей Кронштадта незаметно. Занимали кронштадтцев частые митинги, собираемые по гудку Пароходного завода то на Якорной площади, то в Морском манеже. Между выступавшими ораторами возникали острые перепалки.

Школьные занятия в третьем классе Портовой школы, где я учился, с осени 1917 по весну 1918 года проходили вяло, организованной школьной встречи нового 1918 года не было. Преподаватели держались обособленно, отстраненно, ни во что не вмешиваясь, ученики старшего – четвертого класса, увлеченные революционным пафосом, вели себя буйно, несдержанно.

После конца учебного года, с началом летних каникул, я навсегда оставил школу и всякую надежду когда-либо еще в ней учиться. Школа дала мне мало, практически сам я научился бегло читать и писать. Мне шел четырнадцатый год. Единственное право, которое дала мне школа, это право называть себя грамотным – и только.

Жить в Кронштадте с каждым днем становилось все труднее, а нашей мелковозрастной многочисленной семье – тем более. Немногие частные магазины, хлебопекарни и булочные прекратили свое существование, а централизованное снабжение продуктами никак не налаживалось.

С весны 1918 года голодный Кронштадт покидали многие семьи, и власти поощряли эти отъезды. Уехали в иные края и многие наши родственники, но нашей большой семье ехать было некуда: родная деревня Колпея по Брест-Литовскому мирному договору отошла к Польше. Спасение от голодной смерти надо было находить здесь, в Кронштадте, и смекалистый мой отец нашел выход из положения.

Примерно в конце августа 1918 года мы переехали с Михайловской улицы, дом 45, за Петроградские ворота, в отдельный дом, называемый «будкой № 2». Наш новый уютный добротный домик с хозяйственными постройками и большим участком земли был расположен на берегу Финского залива, у самой кромки воды и пустовал с 1 марта 1917 года. По заявлениям соседей, владелец дома, некто Дериглазов, являлся агентом царской охранки. Он бесследно исчез, опасаясь преследования со стороны новых властей. Дом был принят на учет Военно-морской строительной частью, в которой работал отец. Отцу предложили занять свободный дом, что он и сделал с великой охотой. Дом был удобен для разведения домашнего скота и птицы, большой участок позволял устроить огород. Отец завел коз, которые начали давать молоко и мясо, а также кур и кроликов. Купил он четырехвесельную лодку и перемет, и начали мы ловить рыбу. Отец в больших количествах выписывал технические органические жиры, которые матушка переплавляла и на них прекрасно жарила картофель и блины.

Сахар и сладости нам заменял глицерин, который отец выписывал как незамерзающий материал для разводного мостового механизма через канал у Петровского дока. На приусадебном участке мы выращивали хорошие урожаи картофеля, моркови, лука, огурцов и капусты. У нас даже вызревали помидоры. Пастбища для коз были неограниченные, запасы сена на зиму заготовить было нетрудно.

На протяжении 1919 и 1920 годов на всей территории огромной нашей страны, с короткими передышками, шла жестокая Гражданская война. Русские насмерть бились с русскими. Каждый из фронтов влиял на судьбы России, но Петроградский фронт проходил в непосредственной близости от Кронштадта, поэтому его влияние на судьбу города и его жителей было огромно. Осколки от снарядов падали на наш дом, убивали соседей и всем нам грозили смертью.

Первый раз в мае 1919 года войска генерала Юденича, при поддержке с моря кораблей английского флота, повели наступление на Петроград, но были остановлены Красной армией. В июле 1919 года Юденич предпринял новое наступление вдоль южного побережья Финского залива и подошел к форту Красная Горка, защищавшему подступы к Петрограду. Комендант форта Неклюдов 13 июля поднял мятеж, к нему присоединились форты Серая Лошадь и Обручев. Неклюдов отправил в Либаву английскому адмиралу следующую телеграмму: форт Красная Горка в вашем распоряжении! И в 15.00 предъявил Кронштадту ультиматум – сдаться в течение 15 минут. Кронштадт на ультиматум не ответил, а когда срок его истек, на рейде и в гавани начали рваться снаряды. Было убито 12 человек гражданского населения. Осколком снаряда была сбита часть кроны плакучей ивы, растущей у нашего дома, и горячей струей от пролетавшего снаряда мне обдало лицо. Высокий столб воды взметнулся вблизи

от пассажирского парохода, идущего из Петрограда в Ораниенбаум. С вечера 13 июля линкоры «Петропавловск» и «Андрей Первозванный», крейсер «Олег» и другие вышли в море, встали напротив форта Красная Горка и открыли по нему огонь из своих орудий. Тем временем в Кронштадте был собран сводный матросский отряд в полторы тысячи человек, который атаковал мятежный форт и в ночь на 16 июля занял его. Спустя 12 часов, форты Серая Лошадь и Обручев капитулировали. Отряд победителей-моряков с музыкой встречало все население города Кронштадта, проходили они с Петроградской пристани мимо нашего дома.

В октябре было остановлено последнее наступление Юденича на Петроград, тогда же, в октябре, на рассвете осеннего дня у деревни Усть-Рудица разрывной пулей в сердце был убит мой репетитор по математике, вожак кронштадтской прокоммунистически настроенной молодежи, Михаил Сургин.

С середины мая 1919 года над населением города нависла новая угроза: с финского берега стали по несколько раз в день налетать самолеты английской авиации и бомбить жизненно важные объекты, и поливать огнем из пулеметов. Зенитная защита не могла им противостоять, ни один английский самолет не был сбит.

Наш уютный домик находился в сотне метров от главной насосной станции, совмещенной с высокой водонапорной башней, отличным ориентиром и мишенью при артобстрелах. Весной неожиданно наша большая семья, состоявшая из восьми человек, – родителей и шестерых детей – была несправедливо обижена безрассудным решением Горисполкома, обязавшим граждан, имевших в личном пользовании скот, в том числе и коз, сдать его государству. Безвозмездно, в течение трех суток. Все попытки отца убедить «слуг народа», что козье молоко в наше семье – незаменимый источник существования, ни к чему не привели. А у нас был младенец Зенусь, слабый здоровьем трехлетний Вовик и кормящая младшего грудью мать. Отцу сказали, что его дебаты носят шкурный характер. Тогда, на исходе третьего дня, отец предложил зарезать козу на мясо. Но мать и сестры запротестовали, сказав, что козье мясо они есть не станут, лучше уж сдать козу живой.

На третий день с утра козу в последний раз подоили, и отец сам решил отвезти ее, надеясь на сдаточном пункте уговорить приемщиков оставить козу для нашего большого семейства.

Провожали нашу кормилицу, умное милое животное, всей семьей, со слезами, как дорогого члена семьи на лютую казнь. К вечеру отец вернулся один, хмурый, злой, вынул из кармана поводок и бросил его в угол.

С весны, все усиливаясь, свирепствовали в городе холера, сыпной тиф и особо опасная разновидность гриппа – «испанка». Истощенные недоеданием люди легко становились жертвами этих болезней. За короткий срок от холеры умерло 400 человек, а от сыпного тифа 1200 человек. Распространителем холеры, в значительное мере, являлся кронштадтский водопровод, забиравшей воду для города из Финского залива. Водозаборные сооружения были вынесены далеко от берега, навстречу течению Невы, которая принимала в себя стоки всего огромного Петрограда и без всякой очистки выносила их в сторону водозабора.

К концу лета 1919 года интенсивность налетов на Кронштадт английских самолетов возросла. 13 августа, под прикрытием самолетов, на военные корабли, стоявшие в гавани, было совершено нападение быстроходных торпедных катеров, которые ворвались в гавань, потопили корабль «Память Азова», служивший базой для подлодок, и подорвали носовую часть линкора «Андрей Первозванный». Стоявший у входа в гавань миноносец «Гавриил» потопил три катера и взял в плен 9 человек: трех офицеров и шестерых матросов. Пленные англичане заявили, что они мстят за убитого чекистами в английском посольстве капитана Кромми, прибывшего накануне революции в Петроград на подводной лодке.

В связи с ожидаемым резким ухудшением снабжения продовольствием, в начале сентября власти приняли решение о срочной эвакуации нетрудоспособного населения, многосемейных и части рабочих в Самару. Так были эвакуированы моя матушка с пятерыми детьми. Всех эвакуированных быстро доставили в Самару и поселили в ее пригороде. Бедовать в Кронштадте остались мы с отцом.

Кронштадт. Петербургская пристань. Фото 1910-х гг.

А город продолжал тревожно жить прифронтовой жизнью. В конце октября пришло печальное известие о том, что самые быстроходные эсминцы «Гавриил», «Константин», «Свобода» и «Азарт», имея на борту по 60 мин каждый, получили задание заминировать Копорский залив и вышли глубокой ночью на выполнение задания. Шли кильватерно колонной, и вдруг шедший впереди «Гавриил» наскочил на мину. Буквально одновременно наскочили на мины и шедшие за ним «Свобода», и «Константин». Все три корабля мгновенно затонули, происходило все в кромешной тьме. Шедший последним «Азарт», дал задний ход и, единственный, вернулся назад. С погибшими кораблями утонули 465 моряков. Спаслись только 25 человек. Весть обо всем этом потрясла город. Семьи погибших, в основном, проживали в Кронштадте, в городе наступил траур.

1921

Кронштадтскому мятежу в марте 1921 года предшествовало массовое недовольство населения всей страны откровенными поборами и голодом. Непосредственным и главным поводом к восстанию моряков в Кронштадте послужили массовые голодные забастовки рабочих на фабриках и заводах Петрограда. Так, 13 февраля 1921 года забастовали Трубочный завод и фабрика «Лаферм», за ними Балтийский завод и ряд других. «Волынщики», как тогда называло правительство забастовщиков, ворвались в казармы Финляндского полка с целью привлечь на свою сторону солдат. Ввиду создавшегося угрожающего положения, 24 февраля было созвано чрезвычайное заседание Петроградского губкома, на котором утвердили штаб, ввели в городе осадное положение и комендантский час. Запрещалось собираться на улицах более трех человек. Во всех учреждениях были организованы чрезвычайные тройки и произведены многочисленные аресты.

25 февраля забастовал Металлический завод, бывший «Арсенал», рабочие потребовали созыва конференции и приезда к ним председателя ВЦИК М.И. Калинина.

26 февраля рабочие фабрики «Скороход» вышли на рабочие места, но к работе не приступили. Проходную заняли курсанты (красные юнкера) и никого с завода не выпускали.

26 февраля Трубочный завод посетила делегация моряков из Кронштадта. Моряки остались недовольны отношением властей к требованиям рабочих.

26 февраля на Обуховский завод явились только 250 человек рабочих.

28 февраля рабочие Путиловского завода бросили работу и разошлись по домам.

За день до того, 27 февраля, в Петрограде состоялся митинг моряков, на котором присутствовало около 7000 человек. На митинге выступили Калинин и Зиновьев. Моряки обратились к ним с требованием, чтобы заградительные отряды не отбирали у людей продовольствие, добытое для семей, а также с требованием улучшить снабжение продовольствием.

Пока Петроград бурлил, в Кронштадте было относительно спокойно. 28 февраля на линейном корабле «Петропавловск» была выработана и принята резолюция с перечнем требований к правительству.

1 марта, около 10–11 часов утра, на линкорах «Петропавловск», «Севастополь», «Андрей Первозванный», стоящих рядом, и других судах, прошли собрания, на которых от имени 1 и 2-й бригад линкоров была принята знаменитая резолюция, состоявшая из 14 пунктов, вот она:

РЕЗОЛЮЦИЯ

Заслушав доклад представителей команд, посланных общим собранием команд кораблей в Петроград для выяснения положения в Петрограде, постановили:

1. Ввиду того, что настоящие советы не выражают воли рабочих и крестьян, немедленно сделать их перевыборы тайным голосованием.

2. Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, левым социалистическим партиям и анархистам.

3. Свободу собраний профсоюзов и крестьянских объединений.

4. Не позднее 10 марта 1921 года собрать беспартийную конференцию рабочих, крестьян, красноармейцев и матросов Петрограда, Кронштадта и Петроградской губернии.

5. Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих, крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочим и крестьянским движением.

6. Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и лагерях.

7. Упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства для этой цели.

8. Немедленно снять все заградительные отряды.

9. Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.

10. Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на фабриках и заводах, и разные дежурства со стороны коммунистов.

11. Дать полное право крестьянам над всею землею так, как они желают, а также иметь скот, который содержать должны своими силами, не пользуясь наемным трудом.

12. Просим все воинские части, а также всех курсантов присоединиться к нашей резолюции.

13. Назначить разъездное бюро для контроля.

14. Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом.

На первую половину того же дня был намечен в городском манеже гарнизонный митинг, на котором

должны были выступить Калинин, комиссар Балтфлота Николай Николаевич Кузьмин и председатель Кронштадтского исполкома Васильев. Желающих принять участие в митинге оказалось так много, что помещение манежа не могло вместить всех (около 5 тыс. чел.), и тогда было принято предложение перенести митинг на знаменитую Якорную площадь, с 1917 года ставшую местом регулярных сборов для десятков тысяч участников. Так стало и на этот раз: стихийная масса народа устремилась к площади, на которой собралось около 15 тыс. человек. Митинг открыл председатель Кронштадтского совета Васильев. Первым выступил комиссар Балтфлота Н.Н. Кузьмин. Внешность его никак не соответствовала его должности: он был тучным холеным барином среднего роста, лет за сорок. На нем была зеленого сукна бекеша и каракулевая папаха на голове. Говорил он отрывисто, крикливо, бросая в толпу неубедительные призывы к благоразумию, сдобренные порядочной порцией угроз.

После комиссара начали выступать многие желающие, которые в один голос отмечали нежелательность заградительных отрядов, голод и холод, а также отсутствие порядка, хотя война как будто окончена. «Забыли нас, – говорили выступавшие, – комиссарам и ответработникам тепло, а на нас им наплевать».

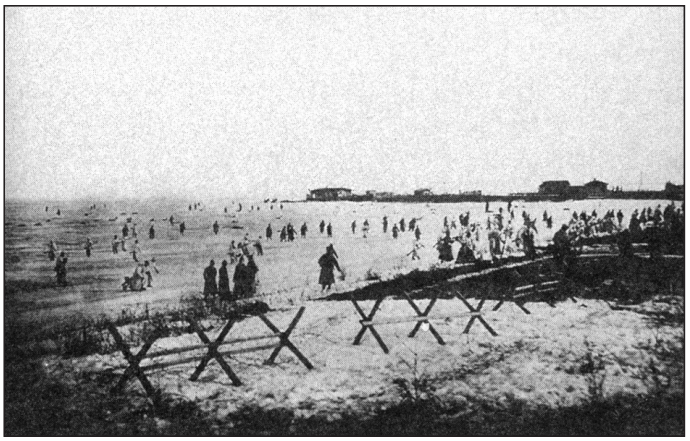
Снова выступил Кузьмин и, напрягая голос, начал напоминать о славных боевых традициях Кронштадта и Балтфлота, но тут из толпы выскочил бородач и закричал на него: «А ты забыл, как на Северном фронте каждого десятого расстреливал?!» Кузьмин вспыхнул: «Изменников делу трудящихся расстреливаем и будем расстреливать!» Тогда толпа заорала: «Постреляли и хватит, нечего грозить, мы и не такое видали!..»

После Кузьмина выступил Калинин, тихий его голос относило ветром, он говорил о своих революционных заслугах и о том, что смерти не боится. Из толпы ему отвечали: «Брось, Калиныч, тебе тепло! Ты сколько должностей занимаешь? И поди, везде получаешь!..»

Тут выступил старший писарь с линкора «Петропавловск» С.М. Петриченко и зачитал приведенную резолюцию из 14 пунктов. Ее приняли почти единогласно: против голосовали Калинин, Кузьмин и Васильев.

Калинин покинул Кронштадт днем 1 марта по санному пути. Утром 2 марта во всех частях гарнизона от каждого корабля, завода, учреждения было избрано по два представителя, которые в 13.00 собрались в здании бывшего Военно-морского инженерного училища, в количестве около 300 человек. Собрание открыл Петриченко, избрали президиум в количестве пяти человек, куда не вошел ни один коммунист.

Хорошо вооруженное ядро восставших, идущих под лозунгом «Победить или умереть!», составляло около 10 тыс. человек.

Проволочные заграждения на льду перед Кронштадтом. 1921 г.

3 марта был создан штаб обороны в составе бывшего капитана Е.Н. Соловьянова, бывшего генерала А.Р. Козловского, бывшего подполковника Б.А. Арканникова и других. В восстании в общей сложности приняли участие около 27 тысяч солдат и матросов. В их распоряжении были 2 линкора и другие боевые корабли, 140 орудий береговой обороны и свыше 100 пулеметов.

Запаса угля на линкоре «Севастополь» не было совершенно, а линкор «Петропавловск» имел угля 300 тонн при среднем суточном расходе 40 тонн.

В штабе обороны, ввиду небольшого запаса в Кронштадте продовольствия (командам на кораблях выдавали в день 100 г. галет и 200 г. хлеба, выпеченного из муки сомнительного качества и суррогатного кофе, 1 банку говяжьих консервов на два дня, 25 г. подсолнечного масла и 8 кусков сахара на два дня), предлагалось захватить в Ораниенбауме мельницу с большим запасом муки, или предпринять через Сестрорецк наступление на Петроград. Но оба эти предложения не были приняты. Надеялись с наличным запасом продовольствия отсидеться на острове до поры, пока растает лед, Кронштадт станет недосягаем, а корабли смогут выйти в море и добыть продовольствие.

Штурм Кронштадта в марте 1921 г.

5 марта 1921 года командующим 7-й армией, назначенной для подавления восстания в Кронштадте, был поставлен М.Н. Тухачевский. Восставшим был предъявлен ультиматум о безоговорочной сдаче, на который они не ответили. Срок ультиматума продлили еще на сутки. С самолетов засыпали город листовками размером 4 х 8 см. Я подобрал одну такую листовку, текст ее привожу полностью: «Сдавайтесь! Иначе будете перестреляны, как куропатки. Троцкий». Листовки желания безоговорочной сдачи не вызвали.

В ночь на 8 марта армия Тухачевского (три полка и отдельные отряды), общей численностью около 3 тысяч человек, предприняла первую попытку штурма Кронштадта, но потерпела неудачу. 561-й пехотный полк армии штурмующих, без боя, в полном составе перешел на сторону восставших. Группа нападавших в белых халатах, вышедшая на рассвете из Ораниенбаума под руководством начальника особого отдела В.П. Громова незамеченной приблизилась к Петроградской пристани, но в завязавшейся перестрелке была вынуждена сдаться.

В Кронштадте не было ни одного ледокола, зимовали они обычно в Петрограде; не было ни одного самолета. Дивизион морских летчиков, расквартированный вблизи Ораниенбаума, намеревался присоединиться к восставшим, но был арестован чекистами, бежавшими из Кронштадтской «двадцатки», во главе с латышом Дулькисом, еще в первые дни восстания. Орудия форта Красная Горка обстреливали рядом стоявшие линкоры «Петропавловск» и «Севастополь».

Лидеры восстания в Кронштадте обратились к населению со следующим призывом: «Долой контрреволюцию справа и слева, долой диктатуру и гнет коммунистов, которые затмили собой трехсотлетний гнет монархизма! Здесь, в Кронштадте, заложен камень третьей революции, сбивающей последние оковы с трудящихся масс, и открывается новый широкий путь для социалистического творчества!» Жители Кронштадта откликнулись на этот призыв, особенно молодежь: она стала активной силой кронштадтского восстания.

4 марта 1921 года власти преподнесли нам неожиданный неприятный сюрприз: в принудительном порядке перевели нас из нашего домика в соседнее кирпичное здание – часть старой крепостной стены. А в наш дом поселили обслугу двух трехдюймовых полевых орудий, орудия же установили на огороде, возле самого дома. Один из углов дома был завален ручными гранатами, на полу установили полевой телефон, связанный с наблюдательным пунктом. Пункт находился прямо на льду далеко от берега. Все артиллеристы и их молодой командир Оленин были славные добрые парни.

7 марта председатель месткома объявил мне и коммунисту-эстонцу Эвелю, что мы назначаемся в караул. Караульную службу мы несли в северных казармах, лежали на голых нарах рядом. Эвель оказался прекрасным человеком, убежденным коммунистом, совсем не похожим на тех именитых представителей РКП, которые после октября перевернули свои убеждения на 180°.

По окончании дежурства, около полудня 6 марта, подходя к крепостной стене, где мы жили, я обнаружил следы жаркого боя между кронштадтцами и красноармейцами, наступавшими из Ораниенбаума. Один тяжело раненый красноармеец лежал на куче грязного сена, стонал и просил добить его. Пленных красноармейцев уже увели, но кругом сновали люди, разгоряченные недавним боем, среди них мой сверстник Фредерик Обухович, в бушлате, с винтовкой на плече. Похоже, он добровольно принял участие в бое. Я ни о чем его не спрашивал, но, оказалось, видел его в последний раз: 16 марта 1921 года на территории морского госпиталя, куда свозили убитых в уличных боях, я увидел мертвое тело Обуховича.

Тухачевский торопился штурмовать Кронштадт, пока на заливе держался лед. В ночь с 16 на 17 марта 1921 года он приказал войскам 7-й армии штурмом овладеть крепостью и городом Кронштадт. Пока я находился на залитом солнцем тюремном дворике, туда на прогулку вывели одну из камер, в которой содержались комиссары-коммунисты, среди них Кузьмин. Вышли они все налегке, вели себя шумно, весело. За все 16 дней осады Кронштадта ни один волос не упал с их головы.

Осаждавшие вынесли уроки из первого неудачного штурма Кронштадта в ночь с 7 на 8 марта. Численный состав 7-й армии был увеличен и доведен до 45 тысяч человек. X съезд РКП (б), проходивший в Москве с 8 по 16 марта 1921 года, специальным поездом направил под Кронштадт около 300 делегатов съезда. Была проведена мобилизация коммунистов в Псковском, Олонецком, Петроградском и других губкомах, которая дала нападавшим около 600 человек в качестве рядовых бойцов. Насыщенность коммунистами воинских частей Тухачевского доходила до 70%. Среди командиров и делегатов X съезда в подавлении восстания в Кронштадте участвовали Ворошилов, Фабрициус, Дыбенко, Бубнов, Путна, Федько, Затонский и многие другие. Командованию тем не менее пришлось провести серьезную подготовку, так как в частях были случаи отказа идти против кронштадтцев и даже прямого бунта. Так, например, в 27-й Омской дивизии, расквартированной в Лигово и состоящей из трех полков, 235-го Невельского, 236-го Оршанского и 237-го Минского, 12 марта на призыв ораторов: «Раздавить мятежное гнездо в Кронштадте!», – послышались возгласы: «На фронт не пойдем!», «Довольно войны!», «Давай хлеба!», «Нас гонят, чтобы утопить!» Успокоить красноармейцев не удалось, с митинга они разошлись с руганью и бурсацкими песнями. Их пришлось обезоружить, для чего были вызваны курсантские части.

После приказа Тухачевского о штурме в 14.00 16 марта начался артобстрел Кронштадта, который продолжался до вечера. В полночь воинские части нападавших заняли исходные позиции, и штурм начался. В 10 утра 17 марта на улицах города шли ожесточенные бои. К вечеру они стали стихать. К 5 часам утра 18 марта уже весь Кронштадт был в руках красных войск. Среди мятежников было убито свыше тысячи человек, ранено свыше двух тысяч, захвачено в плен с оружием в руках 2,5 тысячи человек. Около 8 тысяч человек, взяв с собой 400 лошадей и 2,5 тысячи винтовок, бежали в Финляндию. Так окончился Кронштадтский мятеж.

...Возвращусь немного назад. Во время осады Кронштадта наше временное жилье находилось в крепостном бастионе, двухметровые кирпичные стены которого надежно защищали от ружейных и пулеметных пуль, от осколков и мелких снарядов. Два окна бастиона выходили на залив и Петроградскую пристань, два других окна и дверь выходили на Петроградскую улицу, в конце которой располагались казармы Машинной школы. Почти 30 часов продолжалась артиллерийская канонада, – все гудело, выло, трещало, и вздрагивал слегка наш бастион. Сбившись в углу комнаты на полу, вся наша семья пребывала в ожидании и страхе. В особенности страдала мать, которая была на последнем месяце беременности.

В 5 часов утра 18 марта густая цепь наступающих в белых халатах достигла берега острова Котлин, с криком «Ура» добежала до бастиона и через Петроградские ворота ворвалась в город. Батарея на нашем огороде смолкла, обслуга разбежалась. Продолжалась пулеметная и ружейная стрельба. Красноармейскую цепь, вбежавшую через Петроградские ворота, начали поливать из пулеметов матросы из Машинной школы. Несколько пуль пробили дверь нашего каземата и вонзились в пол, на котором мы пребывали в страхе. Вдруг стрельба смолкла, и наступила тишина. На разведку вышел на улицу наш отец. Двери нашего домика были раскрыты, он был пуст, и мы решили вернуться в него.

Все кругом было загажено. Шагая осторожно, чтобы не запачкаться, я подошел к картофелехранилищу, но там было пусто. И тут кто-то грубо втолкнул меня в дом. В жарко натопленной комнате, прямо на полу, спали около полсотни красноармейцев. Все они были в нижнем белье. Один из красноармейцев, видимо, политрук, начал допрашивать меня, кто я и зачем пришел. У него были злые, с бешенинкой глаза. Я что-то ему невразумительно отвечал. Он спрашивал меня о каком-то письме, обнаруженном им на печке, а потом распорядился арестовать меня и отправить в комендатуру. Послышались голоса: он же мальчишка, что он может знать. Тогда политрук закричал: «Мало ли нам попадалось мальчишек, как он, с оружием в руках!..» Тут появился мой отец, и тогда нас обоих, отца и сына, отконвоировали в помещение Кронштадтской тюрьмы.

Путь от Петроградских ворот до центра города был не малый. Всюду видны следы недавней схватки. Прохожих было мало. Мы миновали огромную лужу крови: это голодные кронштадтцы расправились с убитой лошадью, растащив по домам все, даже ноги с копытами. Вот и здание «чрезвычайки». Нас втолкнули в тесную приемную, конвоира отпустили. Мы уселись на скамейку и провели на ней много часов. Я оказался свидетелем приема и оформления арестованных матросов с линкора «Петропавловск».

Перед входом в приемную тюрьмы, прямо на улице, стояла шеренга арестованных матросов, по двое в ряд, окруженная плотным кольцом курсантов. Арестованных было около полутора сотен.

Огромного роста чекист в длинной до колен гимнастерке, галифе, отличных сапогах и кубанке на голове, пользуясь увесистой ременной нагайкой, с бранью запускал для допроса группы матросов человек по пятнадцать. Фамилия верзилы была Куликов, я хорошо ее запомнил. Браня матросов, Куликов говорил им: «Хорошо стреляли, сукины дети!» Один из матросов заметил ему: «Те, что стреляли, давно в Финляндии!..» «Кто это сказал?!.» – заорал Куликов. «Я», – отозвался один из матросов. «Ты артиллерист?» – спросил Куликов. «Нет, кочегар», – был ответ. «Выходит, не успел подняться наверх и бежать. Будешь и за себя, и за них расплачиваться!..»

Только поздним вечером дошла очередь до нас с отцом. Писарь записал наши фамилии, годы рождения, места работы. Нас тщательно обыскали и втолкнули в небольшую, наполненную множеством людей камеру. Слабо освещенная, она была площадью не более 20 м^2. В пропахшем махоркой смрадном воздухе дышалось тяжело. Вдоль левой стены, от самого входа, были сооружены сплошные дощатые нары. На голых нарах и под ними вся площадь пола была утрамбована плотно лежавшими телами арестантов. Наступила первая для меня тюремная ночь. В продолжение ее в камере не стихал тихий говор. Пристроив голову на коленях отца, я чутко дремал и слышал, как отец тихо молится, читая одну молитву за другой.

Март 1921 г. Кадры из фильма, снятого сразу же после подавления восстания кронштадтских моряков

На утро ничего не переменилось, только говор стал громче. Среди арестантов оказался наш знакомый, староста дома баптистов – Масленников. Став посреди камеры, он начал проповедовать слово Божие, ничего не боясь, всех утешая и вселяя надежду. Сам он готов был за свою веру принять любые муки. Его слушателями были простые россияне с мозолистыми руками, худые, плохо одетые. Лица их были безучастны, в глазах сквозила покорность.

Солнце осветило давно не беленые стены камеры и на них множество прощальных надписей, иные в стихах. Этот след оставили узники проводившие в камере свои последние часы.

Все надписи были сделаны простым или химическим карандашом, четким грамотным почерком, и все начинались одним словом: «Прощайте!» Ах, какой это был документ человеческого горя и живой души! Некоторые из надписей были трехлетней давности и относились к марту 1917 года. Авторами их были арестованные во время Февральской революции офицеры; юнкера, арестованные в октябре 1917 года и заложники, расстрелянные во время красного террора.

В хвосте штурмующей Кронштадт армии Тухачевского следовали вершители человеческих судеб; прокуроры и судьи ревтрибунала. Едва ступив на берег Котлина, они немедленно принялись за «работу». Местом «открытых» судебных процессов трибунал выбрал лучший зал в городе – сцену Морского офицерского собрания. Первыми были присуждены к вышке не успевшие бежать в Финляндию члены Ревкома: Вальк, Павлов и Парушев, а за ними редактор «Известий Кронштадтского революционного комитета» А.Н. Ломанов – первый председатель Кронштадтского совета рабочих депутатов.

За ними к смертной казни без обжалования была приговорена большая группа командиров с военно-морских кораблей, а за ними множество простых мастеров, рабочих, служащих, хоть в малейшей степени, хоть в далеком прошлом, причастных к деятельности левых партий (меньшевики, эсеры, анархисты). Ходили слухи, что из 2500 человек, захваченных с оружием в руках, расстреляли каждого пятого.

Не погрешу против истины, сказав, что все поголовно военное и гражданское население Кронштадта, беспартийные и большинство коммунистов, от безмозглых мальчишек, до выживших из ума стариков, с воодушевлением присоединилось к восстанию и с готовностью выполняло все распоряжения Ревкома. Добрую память и уважение оставило в душе многих это первое истинно социалистическое движение, не замаравшее своих рук ни единой казнью.

Приложение 2

Жертвы 1921 года

Краткая справка о расстреле кронштадтцев около Казанского кладбища в Царском Селе в 1921 году

Малоизвестные страницы, связанные с последствиями подавления Кронштадтского восстания матросов 1921 года, хранит история г. Пушкина (до 1918 г. – Царское Село, с 1918 до 1937 г. – Детское Село) и окрестностей царскосельского Казанского кладбища

Долгое время выступление кронштадтского гарнизона в марте 1921 года освещалось предельно кратко и односторонне, только с точки зрения победителей, без глубокого анализа причин.

Что известно о последствиях мятежа и судьбах кронштадтцев, связанных с историей Детского Села весны-осени 1921 года? К сожалению, почти ничего.

После подавления мятежа в Кронштадте начались аресты как активистов восстания, так и тех, кто не брал в руки оружие.

Репрессии в разных формах продолжались вплоть до 1922 года.

Признанные виновными кронштадтцы предавались суду военного трибунала по законам осадного положения.

Известна информация (с 1999 г.) о том, что: «19 марта 1921 года 5-й заградотряд повел в Гатчино (так написано в документе) и в Детское Село 2300 пленных».

Известна телеграмма из архива:

«Кронштадт из Детского Села

От завразведотделом Зенеца принято матросов шестьсот тридцать два, рабочих и служащих – триста семьдесят один. Всего одна тысяча четыреста двадцать пять человек. 29 марта 1921 года.

Зам. пред. уездкомдезертир И. Федин»

Известна информация (с 1999 г.) из «Статистической сводки работы Особого отдела Охфингран и Чрезв. Рев. троек по ликвидации Кронштадтского мятежа 1 мая 1921 года»

1 июня г. Петроград Сов. секретно

	Арестовано	Расстреляно
Особый отдел Орхфингран*:	Всего: 866	Всего: 64
Рев. тройка Особ. отдела:	Всего: 1735	Всего: 591
Рев. тройка 1-го Особ. Отделения:	Всего: 773	Всего: 243
Рев. тройка 2-го Особ. отделения:	Всего: 3154	Всего: 1270
	Всего: 6528	Всего: 2168

Начальник Особого отдела *Озолин*
врид Начальника Секретно-Оператив. части *Талинг*
Заведывающий Регистр. Статистич. частью Петгубчека – *подпись неразборчива***

Известны воспоминания **Замского Арона Самсоновича**, старожила г. Пушкина, опубликованные в местной газете «Вперед» от 6 апреля 1991 года.

Казнь у погоста

В марте отмечалось 70-летие кронштадтского восстания матросов. Многие годы оно квалифицировалось как вооруженное выступление эсеро-меньшевистских контрреволюционных сил против молодой республики Советов. Но история восстановила истину. Восстание в крепости явилось следствием вспышки недовольства моряков – крестьянских сыновей – политикой так называемого военного коммунизма, репрессиями против сельского населения в ответ на сопротивление продразверстке.

Кронштадтский мятеж, как известно, был жестоко подавлен. Эхо «красного террора» прозвучало и в нашем городе.

Об этом – в публикуемых сегодня воспоминаниях.

Как рассказал мне отец, на Казанском кладбище он как-то повстречался с одним из старейших жителей нашего города – бывшим, как его называли, «царским кондитером».

Этот старик поведал моему отцу о расстрелах участников кронштадтского мятежа, которые происходили в то время около кладбища.

Мои неоднократные попытки войти в контакт с этим замкнутым стариком ничего не дали. Он, видимо, избегал бесед со случайными людьми, не доверял им.

Но вот судьба свела нас в одной многонаселенной палате больницы имени Семашко. Это уже было в 1958 году. Я решил воспользоваться больничным соседством и войти к нему в доверие. Вскоре выпал удобный случай помочь соседу. Вот тут-то и наступил подходящий момент расположить его к себе для разговора...

После подавления кронштадтского мятежа в 1921 году его участников-матросов развезли по разным пригородам Петрограда. Значительная часть была заключена в военную тюрьму Царского Села. По ночам группами по 20–30 человек, под усиленным конвоем, в сопровождении конной повозки, моряков приводили к Казанскому кладбищу. Здесь, с левой стороны перед воротами погоста, их раздевали, оставляли лишь в нижнем белье и расстреливали. Снятое обмундирование грузилось на телегу и возвращалось обратно. Так продолжалось длительное время.

Сейчас на месте расстрелов выросли деревья.

Много лет спустя после встречи со стариком-кондитером, другой царскосел, ныне покойный А.М. Ионов, рассказал мне про то же самое о судьбе матросов из Кронштадта. Он вспоминал, что будучи подростком, заранее пробирался на кладбище и из укрытий наблюдал за тем, что происходило на этом роковом месте. По его словам, на этой же земле и до революции производились расстрелы военных и уголовных преступников. Ведь такому люду негоже почивать среди благопристойных обывателей Царского Села.

А. Замский, участник войны, старожил г. Пушкина

---

* Особый отдел охраны финской границы.
** ЦА ФСБ, ф. 114728. Т. 1А. Л. 32.

Известны, находящиеся с 1991 года в Краеведческом музее Пушкина и в Санкт-Петербургском отделении правозащитного общества «Мемориал», воспоминания о Кронштадтской трагедии 1921 года свидетелей тех событий, их родственников и знакомых, а также других лиц, которые публикуются ниже.

Алексеев Юрий Васильевич, старший научный сотрудник Музея истории г. Пушкина, председатель районного отделения ВООПИиК рассказал 25 октября 1990 года нижеследующее:

Примерно полгода назад в Музей истории г. Пушкина приходили люди и говорили, что в 1921 году на Казанском кладбище проводились без суда и следствия массовые расстрелы пленных участников кронштадтского мятежа. Их воспоминания не фиксировались.

Давыдова Наталия Алексеевна, заведующая Музеем истории г. Пушкина, рассказала 18 июня 1990 года нижеследующее:

Известно со слов жителя деревни Новоселки Ионова Александра Михайловича, что в течение нескольких месяцев 1921 года в районе Гусарской ул. (ныне ул. Лермонтова) в Детском Селе находились под охраной в бараках примерно 300 участников кронштадтского мятежа, у которых были проблемы с питанием. Иногда по вечерам их группы по 2-3 человека свободно ходили по деревне Новоселки и просили у крестьян продукты питания. Позднее их всех расстреляли на территории современного Казанского кладбища.

Смирнов Юрий Николаевич, 1932 года рождения, житель г. Пушкина, рассказал 16 мая 1990 года нижеследующее:

По словам матери (умерла в 1980 году), ей рассказывала ее подруга Ступина Агриппина Васильевна (1898 года рождения), что в 1921 году, летом, в течение примерно одной недели, расстреляно и захоронено в рвах около пяти тысяч участников кронштадтского мятежа.

В тюрьме Детского Села (недалеко от Казанского кладбища) арестованными моряками были забиты камеры, дворы, подвалы.

В то время говорили, что большие их группы гнали под конвоем от тюрьмы по проселочной дороге через деревню Большое Катлино, затем их расстреливали где-то за деревней. Днем рыли рвы, а ночью мятежников расстреливали.

В то время говорили, что среди расстрелянных кронштадтских моряков был сын жителя деревни Большое Катлино. По ночам его отец разрывал могилы в поисках сына.

Захарова Екатерина Васильевна, 1906 года рождения, жительница г. Пушкина, рассказала 22 мая 1990 года нижеследующее:

Помнит со слов отца, что в 1921 году часть участников кронштадтского мятежа была в тюрьме Детского Села. Впоследствии их вели за Казанское кладбище, где и расстреляли.

Некрасова Мария Михайловна, 1919 года рождения, жительница г. Пушкина, рассказала 22 мая 1990 года нижеследующее:

Помнит слова отца о том, что в тюрьме из красного кирпича в Детском Селе («Красная Тюрьма»), в 1921 году находились моряки кронштадтского мятежа, которые впоследствии были расстреляны.

Захоронение «братушек» (как говорил дядя Ваня) находится за Казанским кладбищем (в границах тех лет) в конце Катлинской дорожки, за луговым участком.

Тоскин Борис Иванович, 1915 года рождения, житель г. Пушкина, рассказал 13 июня 1990 года нижеследующее:

Проживал (и проживает там же) в 1921 году в деревне Новоселки, находящейся примерно в 1,5 км к востоку от Казанского кладбища в Детском Селе.

Помнит, что осенью 1921 года, когда было еще тепло, но сумерки наступали рано, вместе с братом, родителями, а также дедушкой и бабушкой слышали звуки выстрелов (залповые) в вечернее время в течение примерно недели к югу от Казанского кладбища в старых его границах.

Помнит слова деда: «Каких добрых молодцев повели», «Моряков расстреливали китайцы».

Может показать примерное место расстрела и захоронения участников кронштадтского мятежа, на котором в настоящее время имеются другие захоронения.

Слышал в более позднее время, что участников кронштадтского мятежа расстреливали также в Ораниенбауме и Стрельне.

Тоскин Павел Иванович, 1913 года рождения, житель г. Пушкина, рассказал 13 июня 1990 года нижеследующее:

Житель бывшей деревни Новоселки, находящейся примерно в 1,5 км к востоку от Казанского кладбища.

Помнит, что осенью, когда рано наступали сумерки, наблюдал вместе с родителями с чердака дома деда по вечерам, примерно в течение недели, залповые вспышки и звуки выстрелов с интервалами примерно в одну минуту. Были слышны стоны и крики расстреливаемых людей. В то время говорили, что это были участники кронштадтского мятежа.

В этот же период времени, в дневные часы, видел, как по Саперной ул. (ныне ул. Красной Артиллерии) в Детском Селе везли на грузовой автомашине по направлению к тюрьме моряков под охраной красноармейцев.

В то время говорили, что моряков расстреливали в низине, к юго-востоку от могилы литовского поэта и революционного деятеля Ю. Янониса.

Позднее, в 1932 году, слышал от жены сторожа Казанского кладбища, что моряки сами рыли себе могилы, затем их расстреливали в нижнем белье. Также помнит слова жены сторожа кладбища, что в их доме военные занавешивали простынями окна, чтобы жители не видели, как расстреливали моряков. Помнит, что жену сторожа кладбища звали Викентьевной, а фамилия ее – Конопацких.

Быков Александр Павлович, 1904 года рождения, житель поселка Александровская, рассказал 24 июня 1990 года нижеследующее:

В 1921 году проживал в деревне Перелесино (к юго-западу от Казанского кладбища).

Помнит, что на территории современного Казанского кладбища, слева от дорожки на деревню Большое Катлино (в его южной части, за границей старого кладбища), находятся два захоронения расстрелянных в 1921 году участников кронштадтского мятежа. Свежую землю на данных захоронениях видел своими глазами. В первом захоронении, ближе к южной границе старого кладбища, находятся примерно 500 расстрелянных, в другом захоронении, в двадцати метрах южнее первого захоронения – примерно 200-300 расстрелянных участников кронштадтского мятежа.

Помнит также, что мятежники, преимущественно в гражданской одежде, в течение полугода (примерно с апреля по сентябрь) находились в тюрьме в Детском Селе, а также в близлежащих бараках под охраной военных.

В этот период времени их судила тройка военного трибунала, которая приезжала из Петрограда в Детское Село, примерно один раз в неделю. Трибунал заседал на территории дислокации бывшего Его Императорского Величества 2-го стрелкового полка (около Орловских ворот).

Однажды был невольным свидетелем заседания военного трибунала (слышал через стенку с плохой звукоизоляцией слова, сказанные по-русски с акцентом: «Всех стричь надо»).

Работал в то время извозчиком, лошадь принадлежала семье. Слышал, что большую партию мятежников, приговоренных к расстрелу, конвойные вели на Казанское кладбище, руки их были прикреплены к общей проволоке.

Слышал, что некоторых участников кронштадтского мятежа расстреливал работник «Огородничества Курицына» – зять садовника Курицына. В то время говорили, что он впоследствии сошел с ума.

Помнит также, что приговоренных к расстрелу мятежников расстреливали в Аракчеевском лесу (к юго-востоку от деревни Красная Слободка).

Лес занимал площадь примерно четыре гектара и был разделен просекой на две неравные части (просека проходила примерно с севера на юг, при этом большая часть леса – ближе к Казанскому кладбищу).

Мятежники сами рыли себе могилы, затем их расстреливали из винтовок.

В 1922–1923 гг. лес был вырублен на дрова и строительные нужды Детского Села.

Помнит также, что находящихся под стражей мятежников, живущих в бараках, конвойные по вечерам отпускали малыми группами в деревни просить милостыню.

Кулигин Николай Иванович, 1913 года рождения, житель г. Пушкина, рассказал 27 июня 1990 года нижеследующее:

Помнит, что летом 1921 года слышал вместе с родителями, примерно в течение двух вечеров, залповые звуки выстрелов в южной части Казанского кладбища Детского Села (из деревни Красная Слободка, примерно в одном километре к западу от кладбища).

В то время говорили, что расстреливали участников кронштадтского мятежа.

Помнит также, что участников мятежа расстреливали в «Аракчеевском» лесу, на его единственной просеке (к юго-востоку от деревни Красная Слободка). Этот лес был вырублен на дрова и для строительных нужд Детского Села примерно в 1922–1923 гг.

Видел своими глазам участников кронштадтского мятежа в районе тира, находящегося около Гусарской улицы (ныне – ул. Лермонтова).

Мясникова (Кулигина) Анастасия Николаевна, 1906 года рождения, жительница Ленинграда ,рассказала 27 июня 1990 года нижеследующее:

Помнит, что весной 1921 года, когда уже была трава на земле, в три или четыре казармы, находящиеся на Софийском плацу Детского Села, были пригнаны моряки, причем казармы были ими переполнены.

Жители деревни Красная Слободка (на Гатчинском шоссе, примерно в полутора километрах от Орловских ворот) не знали, что происходит.

В дальнейшем они узнали от женщины, которая попросилась переночевать у них в доме с девочкой, что в прилегающем к деревне лесу, на просеке, делящей лес на большую и малую части, военные вырыли большую глубокую яму. Жители деревни данный лес называли «Аракчеевским», по прозвищу деревни Красная Слободка – «Аракчеевка».

Женщина сказала, что на Пожарище – так еще назывался лес, всех моряков будут расстреливать. В дальнейшем их там расстреляли и зарыли. Моряков возили от казарм к лесу на одной или двух автомашинах в течение четырех дней. Автомашины ездили по кольцевому маршруту, с интервалом движения в 20-30 минут, за лесом дорога была полевая.

Моряков расстреливали в полукилометре от деревни два палача, одетые в красные комбинезоны. Все четыре дня была выставлена охрана из военных, но мальчишки все подсмотрели. Иногда они находили в траве выброшенные моряками перед расстрелом золотые часы и кольца, находили записки. Братская могила была зарыта, затем охрана уехала на автомашине.

В то время люди говорили, что были закопаны и раненые, еще живые люди.

Помнит, что часть моряков и людей в гражданской одежде ходила в деревню Красная Слободка, просили поесть, за что предлагали вещи.

Жители деревни давали им поесть, в основном, квашеную капусту и хлеб.

Ионова Мария Федоровна, жительница г. Пушкина, рассказала 30 июня 1990 года нижеследующее:

В 1921 году проживала в деревне Новоселки, в полутора километрах к востоку от Казанского кладбища Детского Села.

Помнит со слов мужа, Попова Александра Михайловича (умер в 1987 году), что крестьяне деревни Новоселки носили в 1921 году до глубокой осени к баракам на Гусарской улице (ныне – улица Лермонтова) по вечерам морякам молоко и картофель. Муж говорил, что осенью 1921 года он вместе с родителями слышал звуки выстрелов в южной части Казанского кладбища.

Кулигин Анатолий Егорович, 1908 года рождения, житель г. Гатчина, рассказал 1 июля 1990 года нижеследующее:

Помнит, что весной 1921 года, когда травы на земле еще не было, большая часть участников кронштадтского мятежа была доставлена из Кронштадта в Детское Село, преимущественно, в гражданской одежде, и сосредоточена в 4-этажном здании из красного кирпича, расположенном к востоку от деревни Красная Слободка, находящемся на Гатчинском шоссе, примерно в 1,5 км от Орловских ворот. Здание было окружено колючей проволокой (сохранилось до настоящего времени).

Из состава мятежников – каждого третьего конвоировали в тюрьму, находящуюся примерно в 1,5 км. Из тюрьмы людей вели к югу, через Казанское кладбище, где их расстреляли ночью. Расстреливал их из ручного пулемета один человек, сидя на стуле. От деревни до места расстрела примерно 1,5 км. Были слышны звуки выстрелов и крики умирающих людей.

Видел также, как расстреливали одиночных участников кронштадтского мятежа на небольшой просеке к северо-западу от малой части Аракчеевского леса. Было примерно 10 могил, которые приговоренные к расстрелу выкапывали сами себе. Они были в нижнем белье. Расстреливали их в голову из винтовок. Могилы зарывали красноармейцы, которые расстреливали участников мятежа. Могилы были не глубокие. Впоследствии их разрывали собаки. Были видны головы, ноги.

Расстреливаемых видел сам, с расстояния примерно 100 метров, так как около этого места находился отруб земли его семьи, площадью 3 гектара.

В период мятежа был ездовым при командире 60-го стрелкового полка, с принадлежащим семье жеребцом Васькой, а также при штурме крепости подвозил патроны.

После подавления мятежа был направлен командиром в Кронштадт возить на подводе трупы расстрелянных, которых было очень много. Трупы возили в госпиталь и большой сарай.

Помнит, что брат матери – Василий Мясников – матрос корабля, до мятежа был в отпуске в деревне Комиссаровка. До начала мятежа уехал в Кронштадт. После мятежа был сослан в Соловки, где заключенные жили плохо, голодали, ходили по миру.

Помнит также, что участвовал зимой 1921 года в вывозе из склепов Казанского кладбища на железнодорожную станцию Детское Село 60-и гробов с забальзамированными трупами высокопоставленных религиозных деятелей (с золотыми и серебряными украшениями, видными через стекло в крышке гроба). Всего было вывезено порядка 80-и гробов.

Федорова (Тоскина) Екатерина Семеновна, 1909 года рождения, жительница г. Пушкина, рассказала 2 июля 1990 года нижеследующее:

В 1921 году проживала в деревне Новоселки, к востоку от Казанского кладбища Детского Села.

Помнит, что в конце июля – начале августа 1921 года в течение примерно недели проводились расстрелы участников кронштадтского мятежа, при этом днем моряки сами рыли большие могилы на восточной стороне около Казанского кладбища, недалеко от входа на кладбище, а вечером их расстреливали из винтовок. Были слышны редкие выстрелы.

Это происходило примерно в 19-20 часов. Эти расстрелы моряков семья наблюдала со стогов сена, стоящих во дворе дома.

Может показать данные места захоронений расстрелянных моряков. В настоящее время там стоят гаражи жителей г. Пушкина.

Помнит, что моряки до их расстрела находились в тюрьме Детского Села на Саперной улице (ныне улица Красной артиллерии).

Моряки были на втором этаже тюрьмы, в оборванных тельняшках. Жители деревни носили им вареную картошку в котелках, которые моряки из окон за решетками поднимали на всевозможных веревках.

Помнит, что один моряк, будучи раненым в руку, спасся от расстрела. Говорили, что он упал в вырытую могилу, был вместе с трупами моряков зарыт землей. Он смог в темноте выбраться из могилы и пришел в деревню Новоселки, в наш дом. Он жил там на чердаке две недели. За это время мать вылечила руку моряка. Моряк был высокий, в рваной тельняшке. Через два года он приезжал в деревню и благодарил мать за свое спасение. Он был уроженцем Тамбовской губернии. Звали его Демьяном.

Ильин Иван Григорьевич, 1920 года рождения, житель г. Пушкина, рассказал 4 июля 1990 года нижеследующее:

Помнит со слов смотрителя Казанского кладбища (с 1947 по 1959) Шишалова Макара Ефимовича, что после подавления кронштадтского мятежа в марте 1921 года, оставшиеся в живых мятежники были из крепости переправлены в Ораниенбаум, где были построены в одну шеренгу, рассчитаны на «первый» – «второй», после чего вторые номера участников мятежа были отправлены на Колыму, а первые номера конвоированы кавалерийским полком 16-й стрелковой дивизии имени В.И. Киквидзе через Ропшу – Высоцкое – Кипень – Красное Село в Детском Селе.

Мятежники вырыли ров (длиной 60-80 метров) вдоль западной стороны Казанского кладбища, с его внешней стороны. В апреле 1921 года все мятежники были расстреляны у этого рва.

В настоящее время на данном захоронении имеются другие захоронения (начиная с 1951 года).

Может показать место этой братской могилы.

Кулигин Павел Михайлович, 1912 года рождения, житель г. Пушкина, рассказал 4 июля 1990 года нижеследующее:

В 1921 году проживал в деревне Красная Слободка (к западу от Казанского кладбища).

Помнит, что осенью, когда сумерки наступали рано, после уборки картофеля, в Детское Село были приведены моряки в бушлатах, примерно 200-300 человек, которые в течение 4-5 дней вольно ходили по деревне Красная Слободка. Затем их расстреляли вечером у заранее вырытой могилы. У расстреливаемых моряков руки были связаны.

В то время люди говорили, что их расстреливал офицер Колбасов (с горбинкой на носу) из винтовок. Два красноармейца заранее заряжали винтовки и подавали ему.

Жителям двух деревянных двухэтажных домов, находящихся при входе на Казанское кладбище с правой стороны дороги, был дан приказ – из домов не выходить, не смотреть, что будет происходить.

Братская могила находится с северной стороны кладбища, к западу от дороги, ведущей к входу на кладбище. Позднее люди говорили, что жители близлежащих деревень находили в траве золотые часы и зубные протезы.

Может показать местоположение данной братской могилы.

Обумов Александр Сергеевич, 1906 года рождения, житель поселка Коммунар, рассказал 8 июля 1990 года нижеследующее:

В 1921 году проживал в деревне Красная Слободка (примерно 75 домов) в 1,5 километрах к западу от Казанского кладбища.

Помнит, что ранней весной на территории дислокации бывшего 2-го Его Императорского Величества Стрелкового полка (около Орловских ворот) в трехэтажной казарме из красного кирпича были размещены примерно 800 участников кронштадтского мятежа в морской и гражданской одежде. По утрам были заморозки. Затем мятежники были отправлены в тюрьму, после чего их расстреляли из винтовок в одну ночь и захоронили в двух больших ямах, из них первая яма находилась примерно в 20 метрах от южной границы старого Казанского кладбища (слева от Катлинской дорожки, ведущей через кладбище в деревню Большое Катлино).

В данной братской могиле было захоронено примерно 500 расстрелянных мятежников. В другой яме, примерно в 20 метрах к югу от первой, захоронено примерно 300 расстрелянных мятежников.

Данные братские могилы были выкопаны заранее, днем, жителями (финнами) деревни Кошелево.

Помнит, что около забора с южной стороны кладбища были сугробы снега. Красноармейцы жгли костры из старых крестов.

Помнит также, что осенью 1921 года, когда был сжат овес и снопы убраны с полей, расстреливались группы мятежников по 1-4 человека на просеке между малым и большим Аракчеевским лесом.

В дальнейшем их могилы разрывались собаками, которые иногда приносили в деревню Красная Слободка кости человеческих рук и ног.

Свежую землю на двух братских могилах видел сам.

Быков Игорь Александрович, внештатный сотрудник Музея истории г. Пушкина, рассказал 13 сентября 1990 года нижеследующее:

Слышал разговоры людей, что в 1921 году с внешней стороны Казанского кладбища (с левой стороны от входа на кладбище) были расстреляны и захоронены пленные участники кронштадтского мятежа.

Также слышал, что пленные участники кронштадтского мятежа расстреливались в Лисьем Носу.

Гедройц Вера Владимировна, 1908 года рождения, жительница г. Пушкина, рассказала 15 сентября 1990 года нижеследующее:

По словам отца, в 1921 году в одну ночь были расстреляны и захоронены с внешней (южной) стороны Казанского кладбища пленные участники кронштадтского мятежа.

Помнит такой эпизод: один матрос был ранен в верхнюю челюсть и выбрался из засыпанной землей братской могилы. Впоследствии он был пойман и расстрелян.

Тучкова Наталия Павловна, жительница Ленинграда, рассказала 20 октября 1990 года нижеследующее:

Ее подруга, Завалишина Наталия Григорьевна, 1912 года рождения, жительница г. Нижний Тагил, писала в письме о том, что в 1921–1941 гг. проживала в Детском Селе (г. Пушкин).

Помнит, что в 1921–1923 гг. в Детском Селе было известно, что около Казанского кладбища, не доходя до входа, с правой стороны от дороги, ведущей к кладбищу, были захоронены расстрелянные кронштадтские моряки. По религиозным праздникам приезжие женщины зажигали на этом месте свечи и оставляли гореть круглые сутки. Их тушили, видимо, по чьему-то распоряжению, но к следующему празднику, а иногда и просто в обычные дни, женщины зажигали свечи снова. Они горели на ровном месте, просто поставленные в землю.

СПРАВА МАУЗЕР, СЛЕВА ЭФЕС...

Справа маузер, слева эфес
Острия златоустовской стали.
Продотряды громили окрест
Городов, что и так голодали.

И неслышно шла месть через лес
По тропинкам, что нам незнакомы.
Гулко ухал кулацкий обрез,
Да ночами горели укомы.

Не хватало ни дней, ни ночей
На сумбур мировой заварухи.
Как садились юнцы на коней
Да усердно молились старухи!..

Перед пушками, как на парад,
Встали те, кто у Зимнего выжил...
Расстреляли мятежный Кронштадт,
Как когда-то Коммуну в Париже...

И не дрогнула ж чья-то рука
На приказ, что достоин Иуды,
Только дрогнули жерла слегка,
Ненасытные жерла орудий.

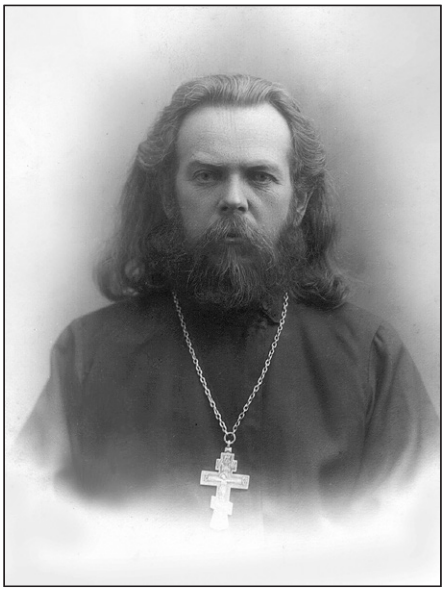
Справа маузер, слева эфес
Острия златоустовской стали.
Продотряды громили окрест
Городов, что и так голодали...

Юрий Борисов

Т.А. Нечаева

ПРОТОИЕРЕЙ ВЛАДИМИР РЫБАКОВ

1869–1934

Мой дед по материнской линии Владимир Александрович Рыбаков родился в 1869 году в семье священника Александра Павловича Рыбакова и жены его Наталии Павловны, урожденной Кустовой (у нас в доме ее называли – бабушка Наташа).

Род Рыбаковых – старый поповский род, во всяком случае, известно, что прадед Александр, прапрадед Павел и отец его (имени не знаю) служили в селе Каменке тогда Николаевского уезда Самарской губернии (ныне Пугаческий район Оренбург-ской области). Вообще же первый из Рыбаковых стал священником в XVIII веке вот при каких обстоятельствах: во время одного из моровых поветрий – то ли чумы, то ли холеры – вымерла вся семья одного из оренбургских казаков, кроме единственного мальчика, которого всем миром кормили и учили, чтобы стал он молитвенником за этот мир.

Судя по известным мне фактам, Александр Павлович, так же как и Владимир Александрович, обладал мягким характером, но когда речь заходила о серьезных вопросах и вопросах веры, бывал необыкновенно тверд.

Прабабушка Наташа была дочерью самарского протоиерея (кажется, даже настоятеля собора), окончила четыре класса пансиона для благородных девиц, обучалась там, кроме прочих наук, французскому языку и танцам и щеголяла по Самаре в шляпках. Вот такой и привез ее, шестнадцатилетнюю, Александр Павлович в Каменку, село хоть и большое, даже по теперешним временам (в начале века было там семь тысяч жителей), но, как теперь говорят, расположенное в дальней глубинке. Видимо, тамошний уклад во многом показался ей диким, и когда прадедушка сказал ей:

«Ташенька, – так он ласково называл ее всю жизнь, – сельской матушке в шляпке ходить не положено», – она завернула своего первенца, моего дедушку, в шаль и убежала к родителям. (По семейным преданиям, именно шляпка сыграла свою роковую роль в этом поступке). Естественно, родители быстро вернули ее в дом мужа.

Известно, что это была на редкость нежная пара, где каждый был друг другу истинной опорой и помощником во всех начинаниях. У Александра Павловича и прабабушки Наталии было тринадцать детей, из которых в младенчестве, детстве и отрочестве умерло десять. Косила, как тогда говорили, «глотошная» – видимо, дифтерит, скарлатина, корь. И несмотря на то, что у прабабушки хватало и забот, и бед, она организовала женскую богадельню для неимущих вдовиц, сирот и старух, которая содержалась за счет приходского дохода. Село Каменка было богатым – крепостничества там не было никогда, а места славились пшеницей, но семья о. Александра жила очень скромно, так как кроме нее была еще и семья обездоленных женщин, опекаемая прабабушкой Наташей. Когда в 1914 году скончался Александр Павлович, и приехал на его место новый священник, вспомнили, что своего дома Рыбаковы так и не нажили, а всю жизнь жили в приходском. С тех пор прабабушка жила в семье старшего сына Владимира Александровича, впрочем, она очень быстро ушла вслед за отцом Александром.

О. Александр был депутатом I-й Государственной думы от партии Октябристов и, судя по сохранившейся фотографии, имел два ордена.

Из тринадцати человек детей прадедушки Александра и прабабушки Наташи до взрослого, даже пожилого возраста дожили три сына: старший – Владимир Александрович, средний – Михаил Александрович и младший – Алексей Александрович.

Старший стал священником. Средний в 1910-е годы примкнул к террористам, стрелял в генерал-губернатора, за что и был сослан в Якутск. Впоследствии он вступил в партию большевиков, стал крупным военным и был расстрелян по делу Тухачевского. В конце 1920-х годов он прислал старшему брату письмо, где писал, что не может (или не хочет – не знаю) иметь с ним ничего общего.

Младший перед войной 1914 г. поступил на естественный факультет Петербургского университета, во время войны стал вольноопределяющимся, попал в германский плен, а после заключения Брестского мира окончил Московскую военно-инженерную академию, при которой сразу был оставлен и вскоре стал заведовать кафедрой мостостроения. Скончался он в 1943 г. от инфаркта во время тяжелых летних учений. К старшему брату Алексей Александрович относился с огромной любовью, большим почтением, и когда в 1934 г. хоронили о. Владимира, от Никольского собора до Смоленского кладбища он шел в своей военной форме с тремя шпалами в петлицах за гробом в огромной погребальной процессии одним из первых и плакал горько, по-детски, всю дорогу.

* * *

О детстве и юности дедушки я знаю такие факты: когда ему было лет пять, и прабабушка Наташа еще сама мыла ему голову, выяснилось, что голова эта пробита, а рана засыпана землей. Сельские ребятишки баловались ли, дрались ли, и случилась такая оказия. Ни стона, когда землю отмачивали, ни жалобы, ну и, естественно, ни слова о виновнике, впрочем, в семье Рыбаковых этот вопрос и возникнуть не мог. Доносчику, как известно, первый кнут. Однажды прабабушка Наташа сгоряча, схватив полотенце, – а человек она была много более острых реакций, чем Рыбаковы, – огрела моего шестилетнего деда пониже спины. Это не больно, но оскорбительно. Дедушка не протестовал, но и не терпел – он положил в карманы своих холщовых штанов пшенной каши, которая постоянно варилась в кухне, и ушел в каменоломни, откуда его, какое-то время спустя, привели рабочие.

Самарскую семинарию дед окончил экстерном, так как из последнего класса его отчислили за чтение работ Белинского, Добролюбова, Чернышевского.

Что меня необыкновенно подкупает в дедушке – свобода ума без капли авторитарной зависимости, причем, ума без гордыни. При этом, насколько я знаю жизненный путь его, складывается впечатление, что для него не существовало проблемы Достоевского «о проклятой необходимости свободы выбора». То есть проклятьем эта необходимость для него не была, она была естественным, логическим, свойственным его натуре путем, поэтому все, что он делал, и все решения, которые принимал, были совершенно осознанны и одновременно единственно для него возможными.

Самарская губерния. Семья Рыбаковых

Воистину, как писал апостол Иаков, «человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях». Так вот, о. Владимир был тверд, ибо он обладал гармонией духа и разума.

К примеру, выбирать для него было не из чего – уезжать ли после революции за границу (такая возможность представлялась ему дважды: один раз в Канаду, другой раз – в Рим), оставаться ли в России (при этом он обладал очень реалистическим и глубоким умом, так что предвидел, почти наверное, каков будет его конец на родине). Конечно, оставаться: отечество каждому дается Богом, его не выбирают, а на пастырский путь он стал обдуманно – это личная ответственность, так что он отвечает во сто крат больше за всю оставляемую паству. При этом он искренне не осуждал никого, кто поступал не так, как он: у всякого свой путь, и не в осуждении смысл, а в просьбе о помощи для всякого, в том числе и для него на его пути.

Впоследствии, в 1961 г., в эпиграфе к «Реквиему» одна из его прихожанок, Анна Андреевна Ахматова, поэтически сформулировала убежденность о. Рыбакова:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, –
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

И все это без доли ханжества, и какой бы то ни было аффектации. Вообще, насколько я могу судить по маме, которая, говорят, внутренне во многих проявлениях была похожа на Владимира Александровича, для него абсолютно неприемлема велеречивость, елейность и многоглаголание, увы, столь свойственные и по сию пору многим церковным деятелям.

Итак, после отчисления из семинарии он начал учительствовать в церковноприходской школе одного из сел Самарской губернии, а через год сдал экзамены. Учительствовать он продолжал до двадцати четырех лет, то есть до 1893 г. В том году он женился на моей бабушке, Надежде Евгеньевне Наумовой, которой тогда было восемнадцать лет. Бабушка была второй в многодетной семье псаломщика. Она училась в последнем классе Самарского Епархиального училища, когда прадедушка Евгений скончался.

После окончания училища бабушка была оставлена в нем помощницей классной дамы.

Вскоре после женитьбы Владимир Александрович

был рукоположен во диакона, а затем очень быстро во иерея и начал служить в одном из сельских приходов (в каком, не знаю) той же Самарской губернии. О том периоде жизни о. Владимира и бабушки знаю очень мало. Знаю только, что очень они горевали о том, что у них нет детей. С первого дня иерейского служения (может и раньше) дедушка решил поступать в Духовную академию, а для этого необходимо было скопить какую-то сумму денег для жизни в Петербурге. Это было для них не так просто, ибо Рыбаковы максимально старались помочь многодетной и осиротевшей бабушкиной семье.

В 1907 году Рыбаковы переехали в Петербург, и о. Владимир поступил в Духовную академию. Поселились на Староневском, недалеко от Александро-Невской лавры, в маленькой квартирке. В 1908 г., на Кирилла и Мефодия – учителей Словенских, у них родилась дочь, которую назвали в честь равноапостольной Нины, – единственное их дитя, вымоленное у Бога.

Владимир Александрович был человеком чрезвычайно образованным. Конечно, тот багаж знаний, с которым он пришел к концу учебы в академии, – а окончил он ее, когда ему был 41 год, – был приобретен им не только за четыре года учебы. Из европейских языков свободно (то есть говорил) он владел французским, и это дала ему академия, по-английски и по-немецки лишь читал и переводил, но без словаря. Характерная для него черта: однажды летом 1931 года мой отец зашел к нему (мои родители жили отдельно) и увидел испанские книги. Выяснилось, что в свои 60 лет дедушка принялся изучать испанский. Из древних языков он свободно владел греческим языком, латынью, древнееврейским и арабским.

Меня всегда поражало, как при такой уплотненной нагрузке, кроме академических занятий и преподавания закона Божия – стипендии и небольших сбережений не хватало – о. Владимир умудрялся посещать вечерние классы Академии художеств. Он писал маслом, я помню висевшую в нашей с бабушкой комнате картину – зимняя дорога солнечным днем, березовый перелесок, высокое синее небо и вдали церковь. Не могу сейчас судить о степени одаренности автора, но детское свое ощущение помню – радость. То, что график он был хороший, – это я понимаю. К сожалению, в конце 1960-х годов у меня исчез небольшой кожаный альбомчик, где дедушка пером рисовал маленькой моей маме кошку, собак, лошадей (которых любил со степного своего детства и, говорят, был отличным наездником) и даже паровоз. Бабушка же к своим домашним заботам прибавила занятия пением – у нее был хороший голос, а в селе брать уроки было не у кого.

В 1911 г. Владимир Александрович закончил академию вторым и выбрал себе приход храма Спаса-на-Водах (памятник погибшим морякам в Русско-Японскую войну). Храм этот был только что построен на Английской набережной и в июле этого года освящен. На стенах храма

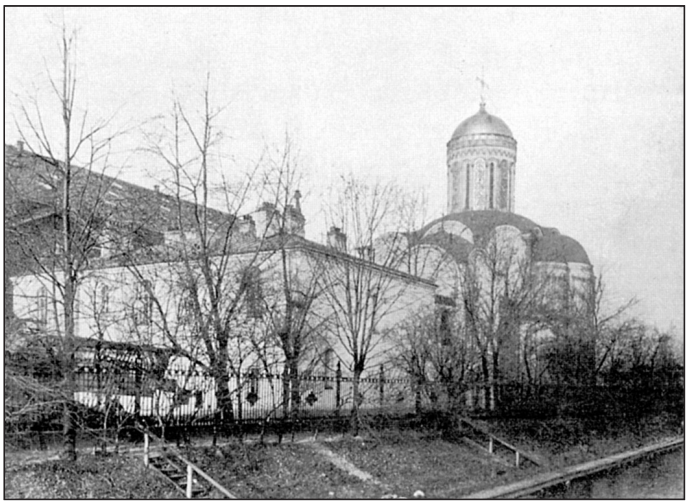
С.-Петербургская Духовная академия

были укреплены бронзовые доски с названием кораблей, поименным перечислением каждого из команды – от капитана до кочегара, корабельного священника-иеромонаха. Над доской корабельная икона (ее копия) и лампада. Так что поминались все погибшие в той войне за всякой литургией. Когда храм Спаса-на-Водах взорвали, сохранившиеся доски передали в лавки для рубки мяса.

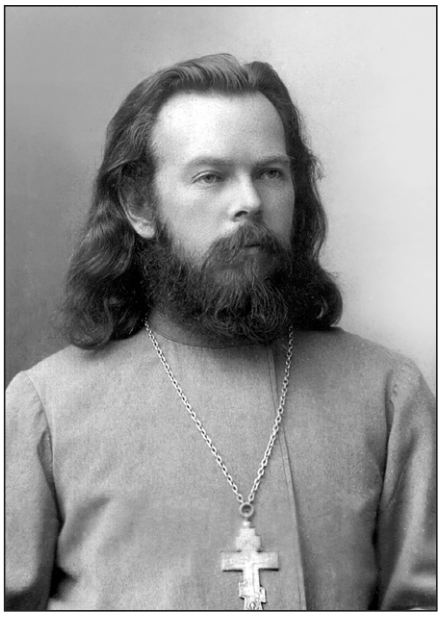
Церковь взорвали в марте 1932 г. на глазах у деда и у художника Бруни, который осуществлял там мозаичные работы. Мама говорила, что 80-летний Бруни рыдал навзрыд, а Владимир Александрович закрыл лицо ладонями. Подготовку к взрыву и взрыв они наблюдали из окна дедушкиного кабинета. (Рыбаковы жили в доме при церкви.)

Поскольку Владимир Александрович окончил академию вторым, он кроме права выбора прихода, получил годичную заграничную командировку, чтобы собрать материал для магистерской диссертации. Часть 1911–1912 гг. он провел в Константинополе, на Афоне, в Иерусалиме, Риме.

Магистерская диссертация была защищена, вероятно до 1914 г., так как с начала войны о. Владимир был на фронте, ведь храм Спаса-на-Водах числился по Морскому

С.-Петербург. Храм Спаса-на-Водах

Священник Владимир Рыбаков

министерству. (Кстати сказать, одной из причин выбора именно этого прихода была та, что доход настоятеля состоял здесь лишь из выплачиваемого тем же военным ведомством жалования – 75 рублей. Во взаимоотношениях священника с паствой дух какой бы то ни было денежной зависимости не мог в данном случае возникнуть в принципе.)

Судя по тому, что в докторской диссертации «Св. Иосиф песнописец и его песнотворческая деятельность», над которой о. Владимир начал работать уже после революции, используются рукописные материалы Крипто-Ферратской библиотеки и Ватопедского Афонского монастыря (после командировки 1911–1912 гг. он доступа к ним иметь не мог), магистерская диссертация, видимо, была посвящена тому же кругу вопросов.

На войне Владимир Александрович был по положению приравнен к полковническому званию и имел соответственно трех денщиков. Как вспоминала бабушка, он никак не мог понять, что ему с ними делать, по его

Верхний храм Спаса-на-Водах.

представлениям и одного было более чем достаточно. Во время войны о. Владимир был старшим священником Генерального штаба Русской армии. Пасху 1916 г. он служил в Царской ставке в Могилеве.

Во время войны приход храма Спаса-на-Водах окормлял замечательный батюшка – о. Михаил Прудников, великий постник и молитвенник. К сожалению, мама была еще мала, поэтому у нее осталось только ощущение света и доброты, исходящих от него. Подробности она не запомнила.

Бабушка с мамой ранней весной 1917 года уехала в сад под Пугачев. Дело в том, что прадедушка Александр Павлович в начале века арендовал семь десятин земли в степи, на берегу реки Иргиз, и насадил там плодовый сад. Постепенно соорудили небольшой домик с большой, по всему периметру, верандой, для того чтобы сыновья, невестки и будущие внуки могли приезжать летом в родные места. Начиная с 1909 года, бабушка с ранней весны до поздней осени проводила время в саду. Так было и в 1917 году, но происшедшая революция, а затем Гражданская война задержали их в Пугачеве до 1920 года.

Владимир Александрович вернулся в Петроград и продолжал служить в храме Спаса-на-Водах. После заключения Брестского мира вернулась в Петроград и дедушкина двоюродная сестра Вера Ниловна Промптова, которая в 1914 г. закончила четвертый курс женского медицинского института, и, как многие медички последнего курса, с началом войны была мобилизована в качестве зауряд-врача для работы на санитарном поезде.

Вера Ниловна поселилась на Английской набережной. Время было трудное, голодное, холодное, но в обоих была огромная душевная крепость, и никакие обстоятельства не могли заставить их впасть в уныние. Дедушка посадил огород и кусты ягод возле дома и выращивал прямо фантастические урожаи. Оба они с теткой Верой (она моя крестная) научились тачать обувь. При этом все, что бы дедушка ни делал, делалось, во-первых, по-умному, а во-вторых, самым тщательным образом. Понятие «кое-как» для него не существовало в принципе, так же как и понятие «мелочь».

В 1919 г. Владимир Александрович перенес тиф в тяжелейшей форме, а когда поправился, начал очень интенсивно работать над проблемой литургического богословия, точнее, продолжил работу, прерванную войной.

На первый взгляд это может показаться странно, но мне кажется, что послереволюционные годы сделали о. Владимира в какой-то степени более свободным. То есть свободен внутренне он был всегда, как может быть свободен только истинно верующий человек, вникнувший «в закон совершенный, закон свободы» (апостол Иаков), но с него был снят груз внешних, условных обязанностей. Постараюсь расшифровать: материальные лишения – да; правовые лишения – тоже, вплоть до того, что у них как у лишенцев на Английской, в центре

Ленинграда, было отключено электричество, и Рыбаковы жили с керосиновыми лампами, более того, несколько раз дедушку арестовывали, правда, быстро отпускали. И при всем том... При всем том он перестал быть официальным лицом, когда в силу занимаемого положения должен был служить в ставке или быть одним из главных действующих лиц при встрече патриарха Антиохийского в 1912 году. В нем не было ни грана тщеславия.

В первые послереволюционные годы, как я себе представляю, в той среде, в которой существовал Владимир Александрович, очень активно происходил процесс поляризации. Образовывалась некая тесная общность людей, связанная нравственно-этическими представлениями. О. Владимир, будучи служащим иереем, определился и как серьезный ученый (как раз предложение о выезде за границу он получил через Академию наук), причем имя его стало известно не только среди гуманитариев, в частности византологов, но он был близок с И.П. Павловым, с тогдашним президентом Академии наук А.П. Карпинским и др.

Храм Спаса-на-Водах. Интерьер верхнего храма. В алтаре мозаика «Спаситель, шествующий по водам»

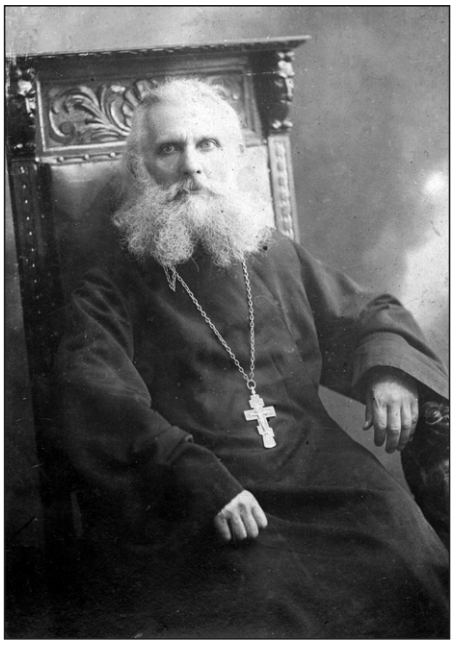
А жизнь на Английской шла своим чередом и, несмотря на лишения всех видов, была насыщена и трудом, и весельем. По-прежнему ухаживали за огородом во дворе, сами подшивали валенки и латали обувь, перешивали, вязали, вышивали. (В начале 1920-х годов на Английской, кроме дедушки с бабушкой, мамы и тетки Веры, постоянно жил кто-то из бабушкиных младших сестер, какие-нибудь двоюродные родственники или просто земляки из Самарской губернии.) Кто-то учился, кто-то работал. Неизменной обязанностью молодежи было доставать билеты в симфонические концерты и на оперные спектакли. (После революции все зрелища стали бесплатными, но за билетами надо было становиться с вечера.) Иногда Владимир Александрович отрывал время от занятий и шел вместе со всеми в Мариинский театр или Народный дом.

Время у него было по-прежнему предельно уплотнено, если он при службе сумел практически к 1926 г. закончить колоссальную работу о св. Иосифе-песнописце, но при этом, как вспоминают мама и папа, он, вроде как, никуда и никогда не спешил. Формулировок вроде «мне некогда», «потом», «я не могу», которые так легко «отлетают от зубов» почти у всех нас, для него не существовало. Если ему некогда или по каким-то соображениям он не может в данный момент, то всегда точно оговаривалось время, когда именно возможно, и при этом не ставились условия: «У меня есть для вас две минуты и сорок одна с половиной секунда». И это очень правильно: чем человек менее зажат, тем быстрее можно понять, что он хочет. А нуждающихся в его совете, утешении, добром слове, просто в беседе было великое множество, в том числе и у мятущейся потерянной снобистской интеллигенции. У меня такое впечатление, что у о. Владимира был и данный ему свыше, и наработанный им самим очень четкий внутренний ритм, который мог замедляться или ускоряться, но никогда не давал сбоя.

Итак, в 1926 г. была окончена основная работа его жизни «Св. Иосиф-песнописец и его песнотворческая деятельность» с колоссальным научным аппаратом, насчитывающая более сорока печатных листов. Кроме материалов, которые он нашел во время командировки 1911–1912 гг., очень много о. Владимир почерпнул после революции в рукописных отделах Ленинградской Публичной библиотеки, Румянцевской библиотеки.

Работа готовилась как докторская диссертация, хотя Владимир Александрович понимал, что защищать ее негде, так как Духовная академия была закрыта. Более того, к 1927 г. о. Владимир, как я уже говорила, знал, почти наверное, какая судьба его ожидает, и он позаботился о том, чтобы работа эта не пропала. Все три экземпляра перепечатанной мамой рукописи он роздал трем разным знакомым. Один из экземпляров находился в семье И.П. Павлова.

Мне кажется, что работа о. Владимира учит нас отношению к труду как к подвижничеству и некоему послуша-

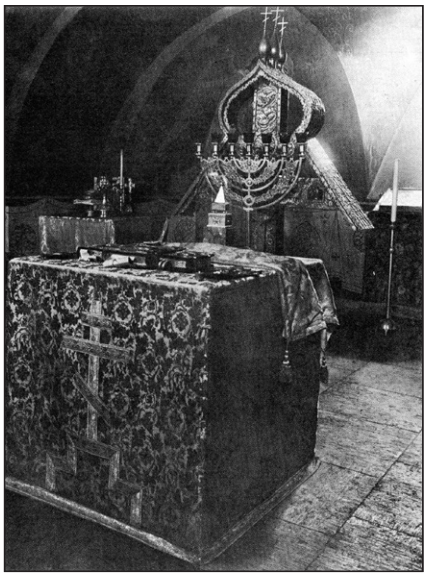

Протоиерей Михаил Прудников

нию – то есть несуетному деланию, с полной самоотдачей, без мелочных расчетов на то, что написанное тобою в ближайшее время обретет читателей и ценителей.

Твое дело возделать свое поле и взрастить свой урожай – но только Бог назначает сроки жатвы.

После уничтожения церкви Спаса-на-Водах дедушка до декабря 1933 г. служил в Никольском соборе. В декабре его арестовали, а в начале марта 1934 г. моим родителям позвонила сиделка одной из ленинградских больниц и сообщила, что о. Владимир находится у них. Мои родители туда прибежали, дедушка лежал, а точнее сидел в подушках в отдельной палате – Владимир Александрович лежать не мог, так как у него были отбиты легкие. Как это тогда называлось, его сактировали, то есть списали как смертника, но, как ни странно, не в тюремную больницу, а в городскую. И это чудо, что он простился с близкими, что его причастили и соборовали, что его отпевали по иерейскому чину в храме, где он служил последние годы.

Храм Спаса-на-Водах. Алтарь нижнего храма

И, наконец, чудо, что в последний путь на Смоленское кладбище в суровом 1934 году его провожало, как говорила тетка Вера Ниловна, огромное количество народа – целая демонстрация.

У нас дома еще в блокаду хранился складной крест, который о. Владимир сделал себе сам в тюрьме, – две палочки, соединенные шпоночкой; когда шел надзиратель или его вели на допрос, шпоночка поворачивалась и получалась просто двойная палочка, а потом снова шпоночка поворачивалась – и снова крест, который постоянно был с ним.

* * *

Получилось так, что Владимир Александрович – человек, многим людям известный при жизни, вроде бы не оставил следа после смерти, кроме следа в сердцах человеческих. Но людей этих практически не осталось в живых: те, кто был старше, естественно, ушли очень давно, но и те, кто моложе, тоже давно покойные. У очень многих конец жизни сложился так же, как и у о. Владимира. Кто-то в 20-е годы уехал за границу. Из церковных деятелей, с кем в 20-х – начале 30-х годов был связан Владимир Александрович, последним скончался, видимо, Святейший Патриарх Алексий I. Судя по маминым словам (в эти годы человеком она была уже взрослым), тогда еще епископ Алексий бывал довольно часто в их доме, но в основном в кабинете у дедушки, за общим чаем в столовой она его помнит всего несколько раз.

Думаю, что магистерская диссертация опубликована не была, хотя и была защищена, так как почти сразу началась Первая Мировая война, а докторская – по причине, о которых я уже говорила.

Во время Великой Отечественной войны наша семья переехала в Москву, и дома у нас считали работу потерянной. У меня же все последние годы было ощущение, что не может не остаться хоть какого-то следа деятельности Владимира Александровича. И вот 18 декабря 1984 года, под Николин день, в библиотеке Ленинградской Духовной академии мне дали два тома работы о св. Иосифе-песнописце, на титульном листе которой заглавие и автор – В. Рыбаков. Что он священник – не указано. Видимо, из тех же соображений, из которых экземпляры работы хранились у разных знакомых. В целях непотопляемости. Это второй экземпляр машинописного текста с большим количеством рукописных вставок по-гречески, сделанных дедушкиной рукой под копирку.

Работа передана в ЛДА в мае 1957 г. Кем – в архивах не зафиксировано. Судя по состоянию страниц, она так и пролежала без малого двадцать восемь лет, и никто ее не читал.

1985 год

P.S. Жизнь моих родителей была пронизана историей пращуров и по нечаевской, и по рыбаковской линиям.

От крупных событий и до мелочей. Поэтому, найдя дедушкину работу, я постаралась записать то, что сохранилось в моей памяти из рассказов старших о нем. Это – в первой части моих заметок. С тех пор появились новые документы, свидетельства и факты, касающиеся о. Владимира и его труда.

О том, что мне удалось обнаружить работу Владимира Александровича, я рассказала митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому Питириму, тогда главе издательского отдела Московского Патриархата, и он опубликовал несколько глав из исследований о. В. Рыбакова в № 26 за 1985 г. и № 27 за 1986 г. «Богословских трудов». Чтобы, как я понимаю, «застолбить» тему и автора. Официально реабилитирован Владимир Александрович Указом ПВС РСФСР от 16 января 1989 г.

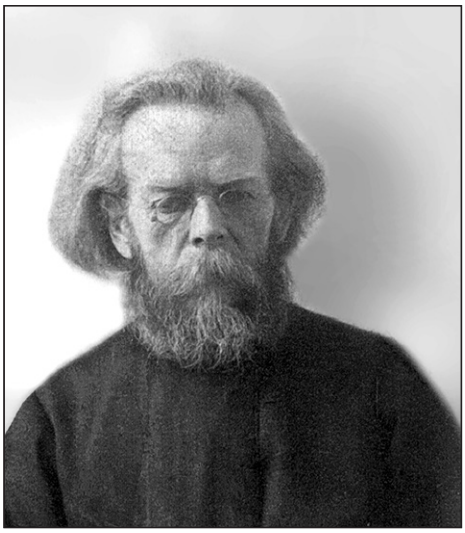
В 1995 г. подвижническими трудами капитана 1-го ранга в отставке Анатолия Петровича Шумского было осуществлено репринтное издание книги «Храм-памятник» о храме Спас-на-Водах. Дело в том, что сама церковь возводилась на пожертвования многих людей, не только богатых, но и тех, кто «положил две последние лепты». Спустя четыре года после освящения храма Спаса-на-Водах на оставшиеся после постройки деньги была издана книга, подробно рассказывающая об истории создания памятника, его архитектуре, интерьерах и принесенных храму дарах. Фолиант посвящался «Родителям, вдовам, сиротам и присным моряков, за Веру, Царя и Отечество на брани живот свой положивших». Это раритетное издание не продавалось. Его приносили в дар тем, кто более всего был причастен к возведению памятника.

А.П. Шумский надеялся публикацией двух книг (еще издана книга о Никольском соборе в Кронштадте, закладку которого освящал прав. Иоанн Кронштадский) о храмах-мемориалах памяти русских моряков побудить власть придержащих – и штатских, и военных – воссоздать эти храмы в натуре.

Будем надеяться, что работы по восстановлению храма-памятника «Спаса-на-Водах» смогут осуществиться, ведь сумела же Москва воссоздать храм Христа Спасителя – тоже мемориальное сооружение, посвященное русскому воинству.

Именно благодаря опыту А.П. Шумского, мне и пришла в голову мысль об издании труда В.А. Рыбакова.

Один из крупнейших византологов нашего времени – академик С.С. Аверинцев о рукописи о. В. Рыбакова написал в 1988 г.: «Ему принадлежит совершенно оригинальное исследование, посвященное жизни и творчеству византийского поэта-гимнографа Иосифа Сикелиота и выполненное на основе огромной работы с рукописным материалом. Исследование это, по причинам, всем нам отлично известным, до сих пор не увидевшее света, сохраняет свою научную ценность и ныне, через шестьдесят лет с лишним. В нашей науке работ, посвященных

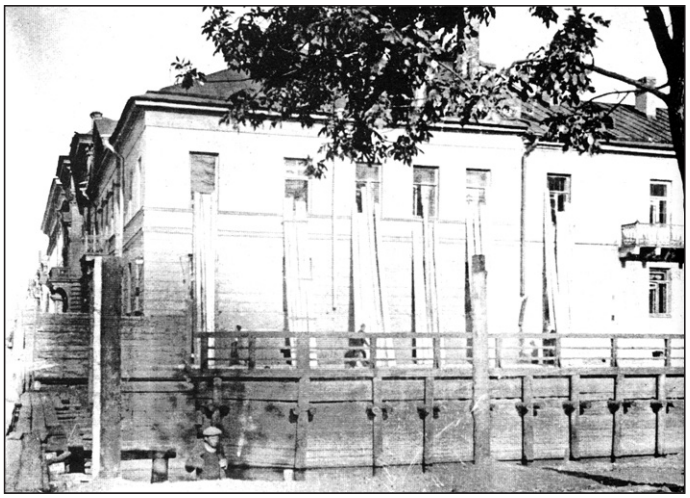
Протоиерей Владимир Рыбаков. Фото 1930-х гг.

Иосифу Сикелиоту, не появлялось; но и в мировой науке систематическое исследование творчества этого плодовитейшего из гимнографов Византии до сих пор относится к области неисполненных благих желаний. Здесь перед нами совершенно реальный случай неоспоримого приоритета русской науки, до сих пор, однако, никому неизвестный. Со времен о. В. Рыбакова по Иосифу не появлялось ничего, кроме нескольких публикаций текстов, уже исследованных и описанных русским ученым-подвижником по древним рукописям».

Необходимость издания труда Владимира Александровича Рыбакова о св. Иосифе Сикелиоте важна не только своей археологической значимостью – внесением в мировую культуру новых частиц знания, добытых по зернышку кропотливым трудом, но и в более широком смысле – своей методологией. Монография, посвященная святому Иосифу Песнописцу, в силу сознательной узости задачи, поставленной перед собой автором, рассчитана в первую очередь на тех, кто профессионально занимается православной гимнографией и восточной литургикой в целом.

Прот. Владимир Рыбаков в нижнем храме Спаса-на-Водах

Угловой дом по Английской набережной напротив храма Спаса-на-Водах. Хорошо видны приготовления по защите здания перед взрывом храма. 1932 г.

Не менее полезной она может стать и для любого историка, и филолога, ибо вдумчивое освоение подобного материала, уже не с точки зрения тематики, а методологии, есть своего рода школа принципиальной непредвзятости и предельной корректности по отношению к предмету исследования – школа, способная заново сформировать почти утраченный стиль научного мышления, которым славилась Россия на рубеже двух столетий.

Развивайте и разрабатывайте «свое», ищите и дерзайте, но только стройте свой собственный научный дом не на зыбком песке произвольных суждений и новомодных теорий, но на твердом камне русской научной традиции.

Когда появилась мысль о необходимости издания труда о. Владимира, кроме материальной, возникло еще несколько проблем. Как организовать грамотный набор

Взорванный храм Спаса-на-Водах

и печать древнегреческих церковных текстов IX века, которых в рукописи около 200 страниц? Это (воспроизведение подлинников св. Иосифа) – одно из сокровищ работы (многие из текстов, возможно, уже не существуют в природе). Где найти изображение св. Иосифа?

Была современная икона св. Иосифа, но найти ни ее саму, ни ее изображение мне не удалось. В одном из храмов Сольвычегодска есть настенное изображение святого, но в очень плохом состоянии. В Сольвычегодске потому, что родоначальник знаменитых промышленников Строгановых – Аникита – перед смертью был пострижен в монахи с именем Иосиф (в память о Сикелиоте). На помощь пришел о. Михаил Ганешин – священник, подвизающийся в одном из глубинных приходов Новгородской области, куда он стремился совершенно сознательно. О. Михаил окончил московскую Академию художеств как график, но потом судьба его круто изменилась: он принял сан, стал заниматься только иконописью и служить у Престола Господня. Икона, изображение которой приводится в этой книге, связана с фреской XI века, находящейся в одном из храмов на Кипре.

Еще одна проблема – грамотный набор древнегреческих (церковных) текстов, которые являются одним из важнейших компонентов ценности рукописи о. Владимира. Летом 1999 г. я побывала в Антониево-Сийском монастыре Архангельской области и попросила братию помолиться о помощи в продвижении работы по изданию. Вскоре после возвращения в Москву и эту сложнейшую проблему удалось решить. Компьютерный набор древнегреческих церковных текстов осуществлен. А это около 200 страниц выявленных, обследованных и проанализированных о. Владимиром подлинных текстов св. Иосифа.

Очень большую помощь оказала мне Лидия Павловна Горбунова – блестящий знаток древнегреческих богослужебных текстов. Более того, как это ни покажется странным, Лидия Павловна, несмотря на разницу поколений (она человек сравнительно молодой), по мировосприятию в каком-то отношении близка к Владимиру Александровичу. И это облегчало мне понимание сути ее консультаций и советов по работе дедушки, она стала еще одним связующим нас с дедом мостиком.

Начиная от всплытия рукописи Владимира Александровича из-под спуда, за движением ее постоянно следил и направлял скупой на слова и обещания владыка Питирим. Так что выходом в свет книги протоиерея Рыбакова, в конечном итоге, мы все в очень большой степени обязаны именно ему.

А сейчас мне хотелось бы рассказать о людях, фактах и событиях, о которых я узнала в последние годы.

Я уже говорила, что о. В. Рыбаков был старшим священником Генерального штаба, который, находился в Ставке Верховного Главнокомандующего. С 1915 г. Верховным Главнокомандующим становится Государь

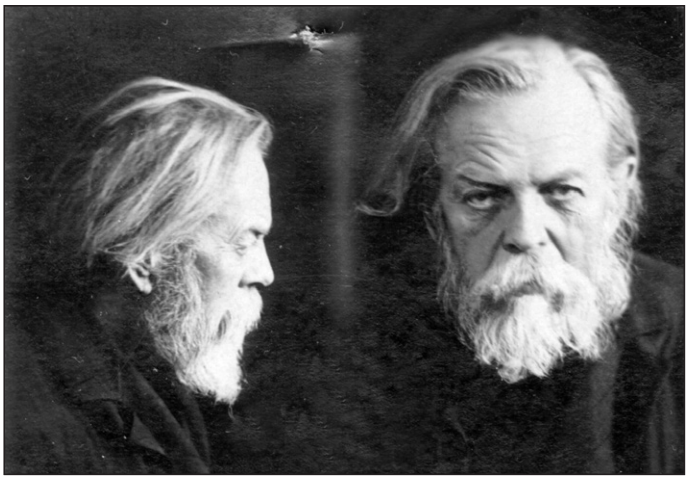
Николай II. Император нередко присутствовал на богослужении. Во время службы на Пасху 1916 г. (Ставка тогда располагалась в Могилеве) в храме молилась и Императрица Александра Феодоровна. Государь и Александра Феодоровна подарили дедушке большое яйцо из красной меди, внутри которого помещались две эмалевые иконы «Воскресение Христово» и «Богоматерь Казанская», а бабушке был передан шелковый платок. Все это хранилось в доме моих родителей и пропало в блокаду. В справке, которую я получила из архивного фонда Управления Министерства безопасности РФ по Санкт-Петербургу, в частности говорится:

«Рыбаков <...> служил священником на кораблях Российского ВМФ. Был близок ко двору, получал личные подарки от б. царицы. В 1928 г. 2,5 месяца находился под арестом по подозрению в антисоветской деятельности. Арестован 22.12.33 г. ПП ОГПУ, в Л В О по обвинению в организации к/р молодежной группировки, систематическом проведении к/р черносотенной пропаганды». Короче, получил статью 58-10.

Дело в том, что в храме Спаса-на-Водах трудами и молитвами о. Владимира организовалась настоящая активная приходская жизнь для тех, кто хотел сюда придти. Церковь эта стала объединителем и утешителем людей самых разных по своему жизненному опыту, сфере деятельности, интересам, социальному статусу. В 1991 г. я получила письмо от Гавриила Александровича Лебедева из Ленинграда, который, как оказалось, в юности был прихожанином храма. Не только он, но и его родители, и сестры. Привожу отрывок из письма Гавриила Александровича – свидетеля и участника событий тех лет:

«Я, а мне уже минуло 80 лет, хорошо знал о. Владимира. Мой отец – мы жили в 20-х годах в Новой Голландии, т. е. поблизости от храма-памятника «Спаса-на-Водах» – в ту пору был начальником Архива Военно-морских сил страны (ЕГАФ) – капитан второго ранга Александр Иванович Лебедев, как человек религиозный и потомственный моряк, был непременным прихожанином храма-памятника. Вполне естественно, что с ним посетителями храма была и вся наша семья. Отец был членом т. н. «двадцатки» и выполнял роль казначея, ведя учет всех поступлений средств. Мать и мои сестры пели в церковном хоре. (Регентом в то время была Мария Вениаминовна Юдина. – Т. Н.), *а я даже прислуживал в храме. Мы все прекрасно знали о. Владимира. Отец был его личным, близким другом. Мы все часто встречались домами.*

Вся обстановка в этом храме разительно отличалась от обычной церковной, порой рутинной – не будем скрывать! И этому способствовал о. Владимир. Это был человек больших разносторонних знаний, особенно истории, чем, безусловно, был близок отцу – кандидату исторических наук, знатоку истории В-М флота. Но этого мало. О. Владимир был человек щедрый и доброй души. Он едва ли не всех прихожан знал, был в курсе всех

Протоиерей Владимир Рыбаков. Последняя фотография (в заключении). 1935 г.

их жизненных дел. Как никто, умел найти для каждого свое слово, утешить их в горе, разделить их радость. Его проповеди были великим праздником души для больших и малых. И хоть не принято говорить о тайне исповеди, но не могу не поделиться с Вами поистине отеческим, очень бережным проникновением в души людей. Я помню до сих пор, спустя более полувека, неизъяснимое блаженство и вдохновенную радость отпущения грехов, когда на голову ложилась епитрахиль и добрый, проникновенный голос о. Владимира утешал и наставлял юную душу...

Гибель храма произвела на всех нас неизгладимое горестное впечатление. Это вырвало из нашей жизни кусок чего-то сокровенно близкого, родного. В течение нескольких дней мы бродили в развалинах храма, отыскивая куски мозаики – «Хождения Спасителя по водам». Один кусок с частью изображения глаза Христа долго хранился в нашем доме, пока все кануло в безвестность с началом репрессий, чему подвергся сперва отец, а затем и я, как сын офицера-дворянина... Я, мои старшие сестры в семье Лебедевых помним и чтим светлую память о. Владимира»..

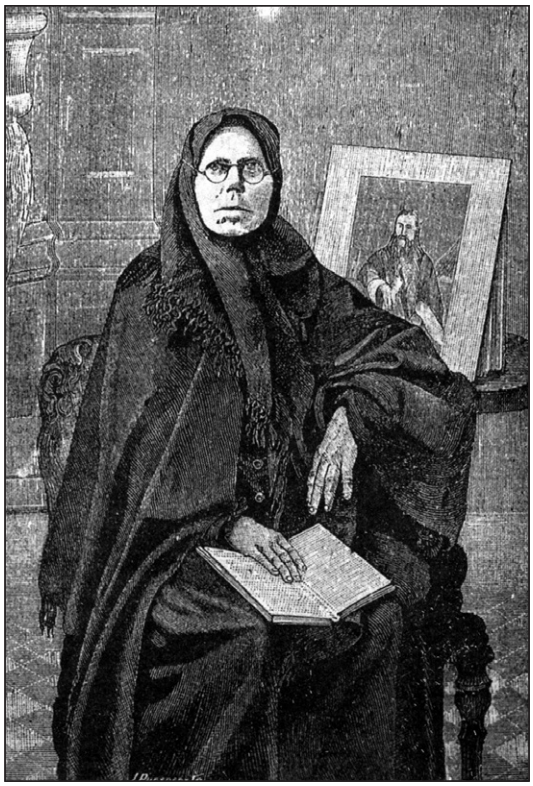
Могила протоиерея Владимира Рыбакова на Смоленском кладбище

СТАРИЦА ПАРАСКЕВА ИВАНОВНА КОВРИГИНА

Быть может, долго-долго бы еще пришлось этому великому светильнику (св. прав. Иоанну Кронштадтскому. – *Ред.*) гореть под спудом, по его глубокому смирению, к невыразимому прискорбию всех, требующих и жаждущих его святых, Господу угодных молитв и помощи, – если бы не послана была Самим Всевидцем путеводная звезда, указавшая место, где возгорался этот, давно и многими искомый, вожделенный светильник и молитвенник, – и звезда эта явилась в лице ни кого другого, как худородной, в Бозе почившей старицы-девственницы Параскевы Ивановны Ковригиной, вся жизнь которой, сызмала до самой смерти, преисполнена была духовных назиданий и прекрасных примеров и в то же время проникнута духом строгого подвижничества.

Параскева Ивановна Ковригина родилась 14 октября 1816 года в Костромской губернии Чухломского уезда, Глазуново-Бушневской волости, Соборовского прихода села Тушевино, в деревне Фалагино, отстоящей от города Галича в 12-и верстах. Вся семья состояла из благочестивых родителей Ивана Ивановича и Иулиании Филимоновны, четырех сыновей – Иоанна, Косьмы, Иулиана и Андрея, и двух дочерей – Ксении и Параскевы. Все они были крепостными людьми князя Долгорукова. Самая младшая из семьи, дочь Параскева, хотя от природы и не наделенная особенною красотою телесною, с младых лет отличалась выдающеюся красотою душевною: была смиренна, кротка и молчалива, отверзая уста свои лишь на разумные речи – для славы Божией, или же в минуты сожаления о чужом горе. Родителям своим она была покорна и весьма дорожила их благословением. С 18-летнего возраста она уже вела в доме все хозяйство; рисковала принимать странников и странниц, хотя ее родным это весьма не нравилось, и они ей за то часто досаждали. Она же, любя золотое молчание, сносила все попреки безропотно, делясь своею долею с другими, так что из дому никто не уходил не наделенным хотя чем-нибудь.

Приобретая своим уживчивым, кротким и добрым характером общую любовь и уважение окружающих, она нимало не превозносилась пред другими и старалась быть всегда незамеченной. Но симпатичность, открытый и светлый взгляд, беспримерная скромность, соединенная с нежностью обращения – не могли укрыться от зорких и пытливых глаз мужчин, из которых весьма многие

считали для себя гордостью и великою честью быть ее женихом и искали ее руки; почему отец, во избежание насильного замужества за крепостного, выкупил ее на свободу, вовсе не подозревая, что таилось и взлелеяно было на душе у его дочери Параскевы, мысли и чувства которой всецело были поглощены спасением своей души и приобретением Вечного Жениха – Христа.

Стремясь посвятить себя девству, Параскева думала не о замужестве, а о предметах духовных, дорогих ее сердцу. С этою целью она с особенною любознательностью подолгу беседовала со странницами или монахинями, увлекаясь их рассказами и, будучи грамотною, сама любила много читать душеспасительных книг, особенно из жития святых.

Уважая священных лиц до благоговения, Параскева сильно раздражалась, если кто-либо недоброжелательно или гнусно высказывался о духовенстве. Любя церковное богослужение, она не пропускала ни одного воскресного и праздничного дня, чтобы не побывать в приходской церкви, несмотря на 7-верстное расстояние оной от их

деревни, и спеша придти в храм Божий непременно к началу службы. И только весенний разлив рек заставлял ее исповедываться и приобщаться св. Таин вне своей приходской церкви.

Умилительно представить в воображении, как молодая подвижница, – слабая по своему полу, но твердая, как адамант, по духу и вере, с молитвою в устах, имея с собою икону Покрова Богородицы – этой небесной Путеводительницы, часто темною ночью, в ненастную погоду – одна безбоязненно пробирается к приходской церкви или к святой обители и при этом никакие путевые искушения или смущения не в силах были остановить ее от намеченной и предпринятой благой цели.

С 20-летнего возраста Параскева возымела усердие ходить по богомольям – и одна, и в сопровождении других; причем, будучи полной хозяйкой в семье, возросшей, по причине призрения ею круглых сирот родственников, до 20 человек, она должна была бы отказаться от сего духовного удовольствия. Но святое намерение не признает преград; и Параскева, имея споспешницею Божию Матерь, успевает всюду: не забывает и странников, усердно работает и в домашнем быту, посещает святые места и не упускает в то же время вечерних и утренних молитвенных правил; ко всему же этому еще и благодушно претерпевает нарекания за любовь к святым местам от окружающих, которые, по научению исконного врага нашего – диавола, издеваясь над ее набожностью и привязанностию к ней добровольно сопровождавших ее подруг, – дерзали обзывать их в глаза раскольницами и хлыстовками. Но все эти незаслуженные насмешки вконец разбивались о невозмутимый характер Параскевы, огражденный к тому же непоколебимым терпением.

Особенно излюбленным местом посещения Параскевою была Решминская обитель, в которой, как благоуханный крин, подвизался в то время ученик преподобного Серафима Саровского – благочестивый старец Иеромонах Иларион, имевший громадное влияние на душу и сердце Параскевы и на всю ее последующую жизнь. Он с первого же взгляда усмотрел в ней непреодолимое и сильное стремление ко всему возвышенному, не мирскому, к подвигам самоотвержения, ради спасения души, и к духовным беседам, которые и вел с ней, не утомляясь, а радуясь, видя к ним ее благоговение и влечение. И на сколько же должны были стать душеспасительными и чувствительными эти беседы великого и дряхлого старца с подвижницею, – юною не годами, а духом и жаждавшею духовного просвещения?!.. Один Всевидец – Господь был беспристрастным свидетелем возвышенного настроения этих двух существ: одного, уже алчущего вечного соединения со Христом, а другой, лишь успевшей вполне созреть на духовной почве!..

Так-то неисповедимый в Своих судьбах Господь, невзирая ни на пол, ни на возраст, ни на общественное положение, сблизил, уже заочно сроднившихся по духу,

Чухлома. Авраамиев Городецкий мужской монастырь на родине старицы Параскевы Ковригиной

– смиренную Параскеву Ивановну с почтенным старцем Иларионом, который, обладая в числе других добродетелей даром прозорливости, вместо завещания, не запинаясь изрек свою волю Параскеве – идти в Кронштадт, сказав на смертном одре, как бы в духе пророчества и благословения, что в Кронштадте есть великое светило церкви Христовой – о. Иоанн, и чтобы Параскева служила при нем.

И вот, за семнадцать лет до своей смерти, Параскева Ивановна перебирается в Кронштадт, где издавна жили ее родные братья, из коих один был зажиточен и скуп, а другой, хотя и бедный, но добрый, у которого она и любила более пребывать.

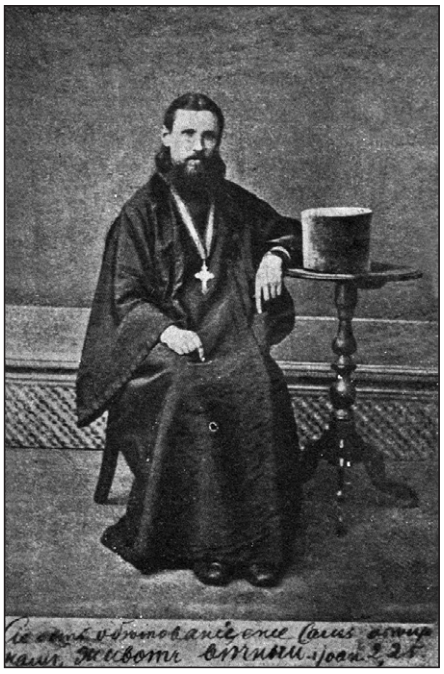
Кто не возблагоговеет пред дивными путями промысла Божия, который устроил жить братьям Параскевы за тысячу слишком верст от родины, но не в ином месте, а именно в Кронштадте, где начинала светиться великая звезда духовного Мира, как бы ожидая только меньшей путеводной звезды?!..

Не ради братьев и стремилась Параскева Ивановна в Кронштадт: духовное сердце искало и духовной пищи. Главные ее цель и желание далеко еще не были достигнуты, ибо она еще не познакомилась и даже не видала о. Иоанна Сергиева, которому, по прозорливому завещанию о. Илариона, пришла служить, презирая всех и все в суетном сем мире.

Какою же должно было исполниться неизглаголанною радостию и родственным чувством жаждущее сердце Параскевы, когда она увидала о. Иоанна в первый раз за

Город Чухлома Костромской губернии. Общий вид

Священник Иоанн Ильич Сергиев (св. прав. Иоанн Кронштадтский). Фото 1860-х гг.

вечернею службою в Андреевском соборе?!.. Она сразу восчувствовала всем своим добрым, благодетельным к ближнему сердцем, что воля блаженного старца Илариона начинает исполняться. Уйти из собора, не взяв благословения от о. Иоанна, она была не в силах. Но широкое в любви сердце Параскевы двигает ее далее: она просит у отца протоиерея позволения раскрыть пред ним свою душу на исповеди и, получив просимое, дерзает новою просьбою беспокоить о. Иоанна – уделить ей несколько времени для духовной беседы и назидания ранее исповеди. После сего о. протоиерей привел ее к одной почитаемой и покровительствуемой им бедной женщине, Евлампии Петровне Шляпниковой, прося ее принять Параскеву Ивановну, как родную мать.

С этих-то пор и начинают высказываться душа, сердце и внутренняя, благотворная деятельность в Бозе почившей Параскевы Ивановны Ковригиной.

Едва приютившись у Шляпниковой на самое короткое время, Параскева Ивановна, сама живя ранее в многочисленной семье и зная из опыта, что невозможно обойтись в сей жизни без распрей, – стала внушать ей, во время ссор и семейных неприятностей, не отвечать взаимными колкостями, как это обыкновенно искони практикуется женщинами, – а читать в тайне молитву. И благое действие совета сразу обнаружилось. Лишь только начинался семейный раздор, а Евлампия Петровна вооружалась тайной молитвой, тотчас же водворялась любезная всем тишина. Далее Параскева Ивановна часто говорила Евлампии Шляпниковой: «Помни все батюшкины слова, ибо он великий светильник». Между тем, в то время в отце Иоанне Сергиеве народ не видел еще ничего выдающегося, кроме некоторых странных, якобы несовременных отношений его к пасомым, особенно слабым, требующим духовного укрепления, которых он сам разыскивал, воодушевлял и делился с ними последними средствами, к немалому удивлению окружающих, не привыкших видеть такого отменного, оригинального отношения истинно любящего пастыря к страждущим пасомым. Но от чуткого сердца Параскевы не могло укрыться это теплое попечение о нуждающихся со стороны о. протоиерея Иоанна; хотя в этот раз она прожила в Кронштадте всего шесть недель, вынуждена уехать в деревню для окончания постройки, где и прожила 3 года 4 месяца, душою пребывая в Кронштадте, – ибо любящее сердце, где бы ни витало, всегда духом стремится к любимому предмету. Тем не менее, для Параскевы тягостна была эта разлука, так как она находилась без руководителей и советников. И милосердный к любящим Его Господь, зная ее душу и искрение, благие стремления, не восхотел более искушать терпение Ковригиной и в декабре 1872 года, благоволил поселиться ей в Кронштадте навсегда.

Жителям Кронштадта, и внимательным, и любопытным, не могло не броситься в глаза то необычное обстоятельство, что Параскева Ивановна подолгу прогуливалась по улицам города с о. Иоанном Сергиевым, а также всюду сопровождала его, смиренно беседуя с ним и внимательно слушая его назидания. Очень понятно, что любопытная провинциальная толпа, преимущественно женского пола, не в силах была преодолеть своего любопытства и, улучив удобное время, когда Параскева оставалась наедине, осаждала ее с распросами об отце Иоанне и о причине ее долгих бесед с ним.

Вникая в дух и намерение вопрошающих, Параскева Ивановна, сама ощущая на душе и сердце, твердо и просто объясняла им, как благотворно и отрадно для духа действуют беседы о. протоиерея Сергиева, и как обновляется человек, искренно раскрывшей душу свою пред ним на исповеди, причем одно благословение, полученное от него возбуждает к нему особенное благоговение и любовь, уважение к священному сану и порождает заботу о собственном спасении. И это безыскусственное, кроткое, орошенное неподдельною верою слово об отце Иоанне тотчас же нашло нескольких, откликнувшихся ей, почему и отношение к Параскеве Ивановне видоизменилось. Образовалось, хотя и слишком небольшое еще общество, которое стало преследовать Ковригину, имея благотворною целию побеседовать с ней в духовном смысле, раскрыть свои душевные и сердечные язвы и посоветоваться о различных планах, предприятиях и недоумениях, особенно в тех случаях, когда стеснялись сообщить что-либо тяготящее душу лично отцу Иоанну Сергиеву.

Но жаждущая духовного обновления и себе, и ближнему, Параскева Ивановна не могла остановиться на столь малом: обильно любящее сердце искало и обильных плодов. С этою целию она убедила почтеннейшего отца протоиерея Иоанна устроить духовные беседы в достойных домах, для жаждущих душевного спасения и

просвещения, и, получив на это благоплодное дело согласие и благословение о. протоиерея, оповестила знакомых о месте и времени беседы, предупреждая приглашать на нее – только верующих.

Как и в каждом деле, возникающем на духовной почве, первоначально посещали беседы очень немногие, – или не доверяя на них предлагаемому, или же по душевной слепоте и преподанности растленному миру, и вовсе не желая присутствовать на оных, дабы не услышать укоров и обличений своей совести. Для всего этого требовалось и всеисцеляющее время, и известные условия. Но – «не бойся, малое стадо, яко благоизволи Отец ваш небесный дати вам царство» *(Лк. 12, 32)*.

И оно не убоялось, а движимое ненасыщаемой добродетелью к ближнему – Параскевою, постепенно возрастало и возрастало.

На беседах предлагались различные советы и разрешались недоумения, повествовалось о жизни по заповедям Божиим. Что-либо, не вполне усвоенное сразу на беседе, разъяснялось на досуге Параскевою Ивановною, знавшею много из священного писания и учения святых отцев. Таким образом, по выражению одной из слушательниц, старица Параскева являлась для каждого доступной, понятной, доброй и смиренной наставницей.

Приближался двадцатипятилетний юбилей о. Иоанна в священническом сане. Сильным, непреодолимым желанием возгорелось сердце Параскевы Ивановны ознаменовать и обессмертить этот день чем-либо особенным, – увековечить память достойнейшего и ревностнейшего из пастырей.

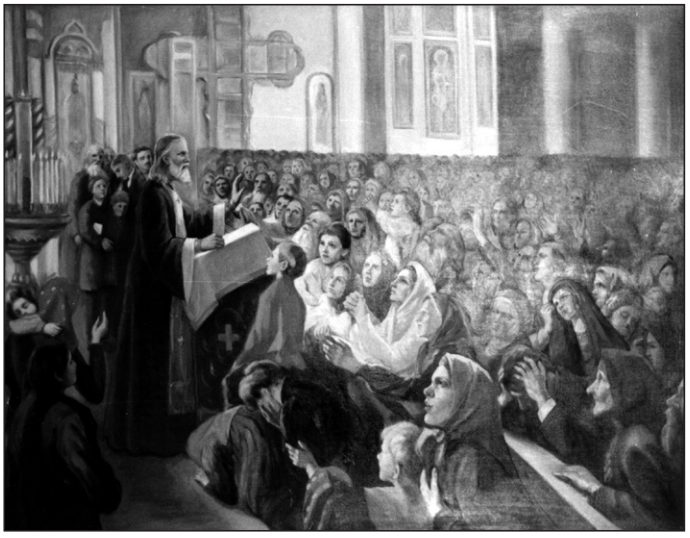
Однако, как ни было велико и любвеобильно желание Параскевы, привести его в исполнение оказалось более чем затруднительным, почти невозможным. Слишком расточительные, часто на вредные прихоти, малочисленные еще тогда почитатели о. Иоанна явились далеко не щедрыми на выполнение благой мысли, вдобавок относясь с недоверием и небрежением к сему делу.

Много, много пришлось вытерпеть нравственных душевных мук доброжелательной, почтенной старице. Как известно, просить вообще не легко – даже и на насущное пропитание, без коего нельзя обойтись. А просить – и в большом размере – на удовлетворение лишь желания сделать честь другому, и к тому же не имея под руками источников, – это уже в своем роде подвиг, затрагивающий совесть, раздражающий нервы и убивающий благое расположение духа, столь нужное в каждом добром деле. И только искренняя, неподдельная любовь явилась на помощь Ковригиной. После многих затруднений и преград, собрана, наконец, была сумма в 800 рублей, и решено было на оную приобрести и преподнести о. Иоанну Сергиеву наперсный крест. Хотя с неимоверными усилиями и трудностями, казалось бы, благое намерение выполнялось уже вконец, к общей радости и усердных дарствователей, и наипаче Параскевы Ивановны, как подавшей первую, смелую мысль о сем намерении. Но глубоко-смиренный о. Иоанн, – признавая для себя недостойным и укоризненным для своей девственной совести носить на персях драгоценное изображение Того, Кто на раменах Своих нес крест деревянный, – не хотел сначала и слышать о таковом приношении усердствующих, и только после неотступных просьб и умелых, основанных лишь на любви доводов со стороны старицы Параскевы, дал, наконец, свое согласие на принятие сего многоценного дара, сказав в благодарность прочувственную, умилительную речь.

Однако деятельность П.И. Ковригиной на первых порах сосредоточивалась лишь в малом кружке города Кронштадта. Таково уже правило подвижников Христовых: искать Бога и убегать людской славы, мешающей любомудрию. – Но разве может укрыться от взора город, стоящий на вершине горы? *(Мф. 5, 14)* Разве зажигают светильни для того, чтобы ставить их в потаенный угол без всякой пользы? *(ст. 15)* Наконец, разве не из уст двенадцати простых рыболовов – «во всю землю изыде вещаше их, и в концы вселенные глаголы их?.. *(Пс. 18, 5.)* Правда, великий светильник духовного мира давно и ярко светил, но светил еще только в одном и то глухом месте; тогда как, по предопределению Всевышнего, ему надлежало воссиять светлее и обширнее, ибо «жатвы много, делателей же мало» *(Мф. 9, 38)*.

И вот, в 1881 году Параскева Ивановна, не довольствуясь утвердившимися духовными беседами в Кронштадте, спешит в столицу, дабы и здесь небоязненно, с одною лишь верою в Бога и любовию к ближнему, сеять доброе семя.

И какое дивное стечение обстоятельств!.. Святого Иоанна Златоуста бестрепетно прославляет в храме Божием простая женщина, а незабвенного о. протоиерея Иоанна Сергиева – также бестрепетно прославляет худородная старица-девственница и прославляет не в одном храме, а всюду; да сбудутся слова Господа славы, сказанные Апо-

Св. прав. Иоанн Кронштадтский во время общей исповеди в Андреевском соборе Кронштадта. С картины нач. XX в.

столам: «еже ко уху глаголасте во храмех, проповестся на кровех» *(Лк. 12, 3)*. И, таким образом, возвещая славу добродетели почтеннейшего пастыря, смиренная раба Параскева незаметно и сама становилась причастною этой славы.

Жители столицы не замедлили откликнуться на твердый зов Ковригиной: нашлась и в Петербурге плодородная почва для духовного посева и, во исполнение слов св. Иоанна Богослова о самарянке Фотинии, – «от града того мнози вероваша в Онь, за слово жены свидетельствущия!» *(Ин. 4, 39)*.

Духовные беседы продолжались по-прежнему в квартире самой Параскевы Ивановны и в более обширных размерах, вследствие наплыва в Кронштадт столичных усердствующих обывателей. Самое собрание стало в ряд выдающихся, далеко несовременных: всем руководила Параскева Ивановна лично, без лицеприятия и тем паче без корыстолюбия; все было общее к услугам верующих, начиная с помещения и пропитания, так что невольно приходили на память любезные каждому православному христианские собрания первых времен апостольских, когда у верующих – «бе сердце и душа едина: и бяху им вся обща» *(Деян. 4, 32.)*, – не было ни богатого, ни бедного, ни господина, ни раба, а все братья и сестры о Христе.

Но это были только первые слабые шаги Ковригиной – относительно духовной деятельности о. протоиерея Сергиева в столице. Будущее – великое еще созревало, хотя и с заметною быстротою. Не затем Ковригина спешила в Петербург, чтобы ограничиться одними беседами про о. Иоанна, доставлявшими духовную радость лишь избранным. Нет, – ее ревностная до благих предприятий натура двигала ее дальше, на помощь страждущим и обремененным различными невзгодами.

Старица Параскева знакомит многие семейства с сим любящим пастырем, по молитвам которого в этих семействах, страждущих разнообразными недугами, – водворяется мир, уничтожается супружеская неверность и несогласия или непокорность родительской воле; получаются исцеления от разных болезней и недугов; познается истинный Бог; утверждается уважение к священным лицам; укрепляется любовь к ближним и дальним и оставляется навсегда распутная жизнь. И этой чести, этого дара различных исцелений, от уважаемого отца протоиерея, при теплом участии доброй Ковригиной, впервые удостаиваются в столице – не дворцы, не наделенные избытком земных благ счастливцы мира сего, а скромные, по большинству, скудные средствами, перебивающиеся в жизни с хлеба на квас, обитатели Сенной, исстари пользующиеся незавидной репутацией и презрением: да сбудутся незабвенные слова Спасителя, что «не требуют здравии врача, но болящии» *(Мф. 9, 12)*, – обремененные недугами душевными и телесными и угнетаемые самою жизнию.

В числе-то сих, обремененных недугами и угнетаемых жизнию, был, между прочим, и я*, над которым благотворное влияние советов и внушений Параскевы Ивановны, основанных на твердом камне веры и любви к ближнему, выказывалось в самых обширных размерах. Не говоря уже про исцеление всей моей семьи по молитвам о. Иоанна, которого так умеючи расположила Ковригина в мою пользу и незабвенную радость всей семьи, о чем подробно сказано будет ниже, – даже в самых мелочных житейских событиях руководство и братский совет почтенной старицы всегда приносили обильные и вовсе неожиданные плоды.

Существуя с многочисленной семьей единственно торговлей, которая и для самых опытных капиталистов часто служит подрывом всего благосостояния, – мне, при ограниченных денежных средствах, неоднократно приходилось испивать горькую чашу полнейших неудач, ставящих меня каждый раз в безвыходное положение. И Параскева Ивановна всегда появлялась именно в эти критические минуты, как добрый ангел мира и благопоспешности, находя выход, единственно благодаря ее твердому упованию в промысл Божий, которое она всеми силами любящей души старалась возгреть и во мне.

Так однажды я находился в совершенном отчаянии от разорения в торговле: товару на лицо не было, долгу же было много, и в кредит не верили, а ежедневное содержание семьи и рабочих обходилось более десяти рублей. Пришла Ковригина, которой я и поведал свое великое горе. Она, утешив меня полными самого живого участия словами, велела мне ехать в Кронштадт к о. Иоанну, ободрив при этом смело идти на поправление торгового дела. Удостоившись от отца протоиерея принятия Св. Христовых Таин в Кронштадте и облегчив тем свою душу, я вскоре же возвратился в Петербург и, влекомый какою-то невидимою силою, прямо с вокзала отправился к одной купчихе, – содержательнице живорыбного садка, – которая, спросив меня про дела и семейство и несмотря на то, что я был уже ей должен, охотно и не обинуясь, отпустила мне в кредит товару на 1500 руб., что я до сих пор приписываю единственно чуду и богоугодным молитвам о. Иоанна и старицы Параскевы.

В другой раз, также, не имея вовсе денег, надо было выплатить за лавку 400 рублей и провести воду для живой рыбы. По присущему малодушию я опять пришел в отчаяние, и опять внезапно, будто кем посланная, явилась добрая Ковригина, сказав только с сочувствием, что для Бога нет ничего невозможного. И действительно, – в тот же день, сверх всякого ожидания, я достал взаймы у кума и других приятелей требуемую сумму денег и сделал торговый оборот, радуясь в душе, что познал такую богоугодную старицу, несколько задушевных слов которой отвращают непроходимое, на наш взгляд, горе.

---

* Рассказывает о сем благочестивый и верующий почитатель о. Иоанна К.Ф. Кудрявцев.

И подобных случаев благотворного участия Параскевы Ивановны в безвыходных, по-видимому, обстоятельствах – было очень много. Но перечислять их все в подробности было бы слишком растянуто и мелочно, а главное – унизительно для памяти самой Ковригиной, духовное влияние и сила любви которой резко высказались в более важнейших событиях. Да и при том, духовное влияние лиц высоконравственной, благочестивой жизни на других – вообще плохо поддается описанию. Надо на себе испытать это благотворное влияние, чтобы составить более ясное понятие о его действии на душу и духовную сторону человека, но передать сущность этого действия словами – более чем невозможно.

Не менее меня обязан благим советам и наставлениям Параскевы Ивановны и мой собрат по духу и ремеслу – Г.Н. Тягунов, с которым мы безоговорочно и с рвением выполняли все ее желания, внушения и намерения, боясь поплатиться за ослушание ее советам, чего, однако же, не избежал Тягунов с первого же знакомства со старицей Параскевой, благодаря своей молодости и неопытности. Это было в 1883 году. Страдая вместе с женою около 4-х лет ногами и прослышав про дивную силу молитв о. протоиерея Иоанна Сергиева, Тягунов возымел искреннее желание пригласить сего доброго пастыря к себе на квартиру, и только не знал, как приступить к выполнению своего благого желания. Однако, нашлись добрые люди, посоветовавшие родителям Тягунова предварительно повидаться с Ковригиной, которая вскоре же и посетила их, одобрила благое намерение, вызвалась сама посодействовать скорому приезду отца Иоанна и в то же время предупредила, чтобы они внимательно относились ко всем советам протоиерея, который в тот же день и приехал. Помолившись об их исцелении и побеседовав в духе назидания о спасении души, о. Иоанн предложил болящим приехать в Кронштадт, на что они с радостию изъявили свое согласие. Но, неоднократно собираясь ехать в Кронштадт, они каждый раз были чем-либо отвлекаемы или задерживаемы, да к тому же порешили, что и в Петербурге есть свои священники. Об этом узнала Параскева Ивановна и, придя к Тягуновым, настояла, чтобы они немедленно ехали к о. Иоанну, что и было ими исполнено. Каково же было их удивление и стыд, когда они, подойдя в Кронштадте к о. протоиерею Сергиеву под благословение, не только что не получили оного, но и были обличены им в сомнении, невнимательности к своей душе и небрежности к духовенству. Получив такой нравственно-поучительный урок и видя пред собою избранника Божия, проразумевающего и самые чужие помыслы, Тягуновы поспешили раскаяться в своем заблуждении и легкомыслии, и, получив прощение и наставление от отца Иоанна, сподобились приобщиться св. Христовых Таин и пригласили прозорливого пастыря на квартиру помолиться и освятить воду, что добрый о. протоиерей с охотою и исполнил, видя полное их раскаяние. После этого, напутствуемые его благословением, они возвратились в Петербург исцеленными от своего недуга. С того же времени Г.Н. Тягунов вполне убедился и в силе молитв о. Иоанна Сергиева, и в опасности пренебрегать благими советами Параскевы Ивановны, и в помощь мне стал ревностным исполнителем всех предприятий и внушений Ковригиной, за которые нам обоим немало пришлось вытерпеть неприятностей и издевательств и от кровных родных, и от товарищей, и даже от самих благотворителей, судивших о нас по личности и внешнему лоску и потому относящихся к нам с недоверием. Но мы до конца остались верными послушниками старицы Параскевы, презирая все невзгоды ради содействия подвижнице Христовой и твердо помня, что «терпение соделывает искусство, искусство уже упование, упование уже не посрамит *(Рим. 5, 4–5)*. И оно никогда нас не посрамляло, если мы слепо следовали советам любящей Параскевы Ивановны.

Такое же сильное духовное влияние старица Параскева имела и на всех тех, кому приходилось обращаться к ее посредничеству. И таких лиц было весьма много и большею частию женского пола, так как последние, как сказано было выше, робея и стесняясь отца Иоанна, откровеннее и проще могли объясняться о своих задушевных тайнах с Параскевою Ивановною, которая была так близка по духу к досточтимому пастырю. Не менее замечательно и то обстоятельство, что даже на людей, к которым обращалась сама Ковригина совершенно по частному делу, она также успевала производить глубокое и неизгладимое впечатление.

Так, например, во всех ее движениях, манерах, походке замечалось невозмутимое спокойствие и степенность. Все существо ее проникнуто было глубоким нелицемерным смирением, но отнюдь без малейшей тени ханжества. Старческое, благообразное и в высшей степени симпатичное лицо ее, именно лицо милой девственницы, резко бросалось в глаза и неопытного наблюдателя своим отпечатком долголетних нравственно-душевных и сердечных

Церковь св. блгв. кн. Александра Невского при Доме Трудолюбия, где было совершено отпевание П.И. Ковригиной о. Иоанном Кронштадтским

страданий, великого горя и житейских невзгод. Взор – несмотря и на то обстоятельство, что усопшая носила большие темно-синие круглые очки, – выражал полнейшую покорность и преданность своей судьбы воле Того, Им же и цари царствуют, и владыки владычествуют. Речь самая безыскусственная, простая, но плавная, ровная, проникнутая духом любви, смирения, терпения и краткословия, – так и лилась величественной и в то же время тихой рекой, пронизывала глубину души, облаготворяла сердце, вызывала чувства умиления и сокрушения о грехах и оставляла в уме убеждения суетности и тлетворности житейской. Словом, – говоря короче, проще и яснее, – это был человек не от мира сего, – человек по плоти и ангел по духу, каждое посещение которого для незакоснелой души и сердца – надолго оставляло слишком благотворное, сладостное и невыразимое во многом настроение духа. Если же ко всему этому прибавить истинно христианскую, мирную кончину Параскевы Ивановны и умилительно трогательное стечение многочисленной публики, наполнившей Кронштадт для отдания ей последнего христианского, братского долга при отпевании и погребении, на котором удостоился присутствовать и я, – то для каждого станет очевидным, на сколько жизнь старицы Параскевы была – и трудна, и полезна, и горька, и благочестива, и преисполнена любви к ближним, которые платили ей обоюдною любовию. В заключение, не могу умолчать и о том, что усопшая почтенная Параскева Ивановна послужила именно путеводным указателем такого великого светила в духовном мире, каков глубокоуважаемый и достопочтеннейший отец протоиерей Иоанн Ильич Сергиев.

Так, во время знакомства моего* с о. Иоанном Сергиевым и старицей Параскевой Ивановной вся моя семья страдала от различных недугов. У меня был сильный, застарелый ревматизм во всем теле и чувствовалась нестерпимая боль в голове, груди и ногах. Жена была какая-то расслабленная и не имела аппетита; дочь была бледна, худа, изнурена и таяла, как свечка, изо дня в день. «Издав врачем много имения и не можаху ни от единаго же исцелити» *(Лк. 8, 43)*, – я обратился к содействию и совету старицы Параскевы, которая, укрепив мою веру в силу молитв и ходатайство пред Богом о. Иоанна, привезла его к нам на квартиру, причем, отец протоиерей, едва войдя в комнаты, сказал, что день его посещения да будет и днем исцеления моей семьи. Потом побеседовал с нами, отслужил молебен и, благословив всех нас, уехал. По отъезде дивного о. nротоиерея, – как некогда апостол Павел моментально прозрел при обращении своем ко Христу, – так и мы все, постепенно укрепляясь силою его молитв, освободились от своих недугов, пользуясь и по настоящее время прекрасным здоровьем.

Г.Н. Тягунов, вместе с женою, совершенно исцелились от своих болезней ног и головы, благодаря чудодейственным молитвам любвеобильного пастыря и теплому, родственному участию Параскевы Ивановны.

Кроме моей семьи и Тягуновых, получили полное исцеление, долгое время бесполезно пролечившись, следующая лица:

Некто, лежавший долго и напрасно в больнице, – от многолетней внутренней болезни; трактирщик – от расслабления и ревматизма в ногах; столяр – от 7-летней головной боли, не дававшей ему покоя ни днем, ни ночью; у него же исцелилась долгое время не начинавшая ходить, больная от рождения дочь; затем, один ремесленник и женщина исцелились от долголетней болезни сердца и головы.

В числе получивших полное исцеление были и такие лица, болезнь которых самою медициною признана неизлечимою. Так, один подрядчик плотничных работ, ныне уже умерший, 12 лет страдал грыжей, а две женщины падучею болезнею, и все трое совершенно исцелились от своих неизлечимых – для человека, но не для Бога – болезней.

Не менее достойно удивления избавление одной жены маляра от злого духа, которым она была одержима 12 лет, причем не могла стоять в церкви, неистово кричала и билась, и во время этих припадков бешенства десять человек не в силах были ее удержать. Кто и что ни говори о несуществовании будто бы ныне бесноватых; но нам известно из сказаний святых отец, что даже все видимое воздушное пространство переполнено злыми духами, которые имеют свободный доступ, в разной степени и видах, вселяться и в каждого из нас, так что, если в человеке не изобилует благодать Святого Духа, то в нем непременно обитает и господствует дух злобы поднебесной *(Ефес. 6, 12)*, – присутствие которого, для имеющих очи – видеть, можно всегда встретить на каждом шагу. Так – сильный гнев, снедающий человека, зависть, порабощение какою-либо страстию, от которой человек, при всем даже желании, не в силах избавиться, – доказывают в нем обладание злым духом. И страдающие-то таковыми духовно-нравственными недугами, а потом исцеленные – и останавливают на себе более всего внимания, так как в этих случаях – и своя воля, обыкновенно дерзновенная, совершенно бессильна, и все медицинские средства развеваются, «яко прах, пред лицем ветра» *(Пс. 17, 43)*. Из числа страдавших таковыми недугами было двое мужчин и две женщины, причем все четверо, предаваясь сильному пьянству, вели распутную жизнь, отбились от всякого честного труда, не имея даже дневного пропитания и считались совершенно погибшими; но и все четверо вернулись на путь истины, полюбили честный труд и ведут трезвенную жизнь.

И все эти исцеления и благотворения нисошли по богоугодным молитвам любвеобильного пастыря. А ключом, двигателем и путеводителем для всех этих, чаявших движения воды, была все та же приснопамятная и дивная по жизни старица Параскева Ивановна Ковригина.

---

* Продолжает рассказ тот же г. Кудрявцев.

Жена одного матроса, выданная не по взаимной любви замуж, ненавидела своего мужа, не слушала увещаний ни родных, ни знакомых, и жизнь ей была лишь в тягость. Так продолжалось два года, пока не привел ей Бог познакомиться с Параскевою Ивановною, которая, очень сочувственно отнесясь к ее супружескому горю, посоветовала ей пригласить о. Иоанна Сергиева на квартиру. Добрый пастырь приехал, отслужил молебен, назидательно побеседовал с обоими супругами и пред отъездом своим благословил их, после чего жизнь их совершенно изменилась к лучшему, и они до сих пор живут в согласии. А когда солдатка эта забеременела, то старица Параскева предрекла ей, что у нее родится сын и ее крестник, что в точности вскоре и сбылось.

Однако, благотворные деяния доброго протоиерея о. Иоанна Сергиева для многолюдной столицы составляли песчинку в поле. И вот неутомимая и алчная до добродетели Ковригина, – считая слишком ничтожною славу столь дивного пастыря, – с силою всей своей энергии двигает благодарные сердца получивших исцеления и другие блага по молитвам отца Иоанна – оповестить обо всем этом верующему православному миру чрез газеты, возложив все хлопоты по этому делу на меня с Тягуновым.

И, благодаря нашим хлопотам, в скором времени самая популярная газета «Новое Время», откликнувшись первою, 20 декабря 1885 года за № 2807 напечатала благодарственное заявление, для вящего удостоверения и назидания желающим – на память потомству и в вечную благодарность незабвенному о. протоиерею Иоанну Сергиеву и приснопамятной старице Параскеве Ивановне.

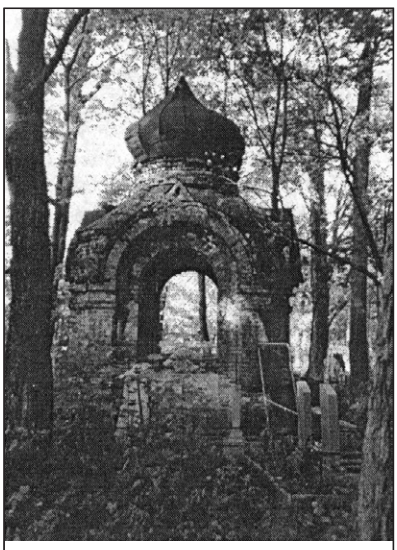
В 1884 году исполнилось тридцать лет служения о. Иоанна Сергиева в священническом сане. Приближался день его Ангела – 19 октября, и в тот же день назначено было открытие в Кронштадте детского приюта, под названием «Ясли». Восхотелось старице Параскеве ознаменовать и сей торжественный день и почтить достославные, неутомимые труды Кронштадтского пастыря. Сообщила она заветную мысль кое-кому и скоро эта мысль стала делом, – не так, как при двадцатипятилетнем юбилее, ибо о. Иоанна знала уже не одна столица и Кронштадт, да и Параскева Ивановна была усердно принята во многих домах С.-Петербурга.

Так, первым из крупных жертвователей откликнулся на благое дело заводчик И.И. Кулагин, дав 100 рублей. По совету Ковригиной, положили поднести о. Иоанну также наперсный крест по подписке, смотря по усердию жертвователей. При сборе денег принимали участие две противоположные партии: одна вызывалась на сбор сама, другую же наметила для сбора старица Параскева; и первая партия, зараженная самолюбием, не имела вовсе успеха; зато у второй – доброхотные жертвы дарствующих и благодарных превзошли всякие смелые ожидания. Намеревались поднести крест в 700 рублей, а собрали 2000 руб.

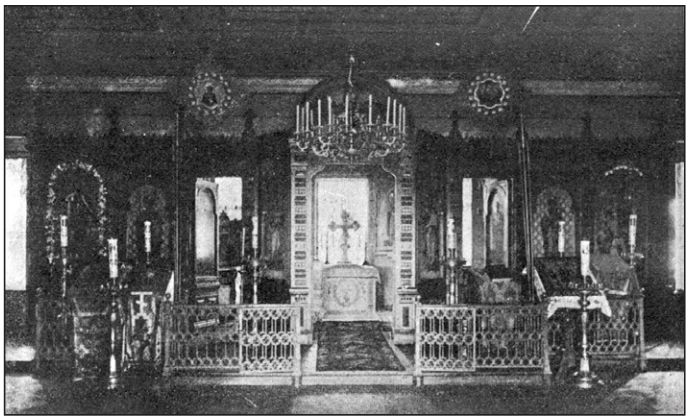
Но при поднесении креста о. Иоанну, необходимо было, по принятому обычаю, произнести какую-либо приветственную речь. Для усердно любящих и твердо верующих нет преград. И старица, долго не думая и благословясь, обращается с просьбою о составлении речи к известному в столице проповеднику и магистру, отцу протоиерею Вознесенской церкви В.Я. Михайловскому, который, сам благоговея пред о. Иоанном, как истинным и добрым пастырем, – с радостным удовольствием исполнил нашу просьбу, помянув в речи и доброе участие Параскевы Ивановны в прославлении дивного пастыря, и в познании его алчущими и жаждущими духовного совета и спасения души. Однако, по зависти исконного врага нашего диавола, таковое упоминание старицы Параскевы в речи послужило яблоком раздора для предварительных слушателей речи, так как многие, ослепленные духом презорства к низшим себя по положению, находили несовместным ставить рядом имя столь высокопочитаемого и ученого пастыря с именем худородной и неученой старицы, сами не ведая того, что «буяя, немощная и худородная мира избра Бог, да премудрые и крепкая посрамит» *(1 Кор. 1, 27 и 28)*.

Только два года после этого приветствия прожила почтенная старица, умилительно следя за деятельностию о. Иоанна, сорадуясь благопоспешности его молитв и силы его веры. И в духе своем она предвидела еще большую славу о. Иоанна, ради прославляемого им Спасителя, и в последние месяцы жизни своей часто говорила: «Как мне хотелось бы прожить еще два годика, чтобы видеть, как будут стекаться к о. Иоанну Сергиеву тысячи людей и встречать его, и провожать огромными толпами».

Отец Иоанн Сергиев ежедневно навещал болящую Ковригину, по своему обыкновению беседуя о Боге, о небе, о душе, о покаянии и загробной жизни. Больная смерти не боялась: она к ней смолоду приготовлялась, живя в Боге и добрых делах девственницею и отходя к Господу – невестою Христовою.

Часовня над могилой П.И. Ковригиной. Фото 1998 г.

Интерьер храма Дома Трудолюбия, где отпевали старицу Параскеву Ивановну Ковригину. Фото 1890-х гг.

Кроме бесед с о. Иоанном, которого она просила по смерти ее сказать в назидание верующим надгробное слово, и после неоднократного от сего дивного пастыря приобщения Св. Христовых Таин, – старица Параскева все остальное время проводила в богомыслии, в чтении и пении псалмов, за которыми она и отдала душу Богу 24 сентября 1886 года, – в день памяти св. равноапостольной первомученицы Феклы, житию и апостольским подвигам которой она всю жизнь свою старалась подражать.

Знаменательно, что о. Иоанн каждый раз приходя на панихиду Ковригиной, говорил ей при гробе «здравствуй», ибо твердо веровал, что она «девица – не умерла, но спит» *(Мф. 9. 24)*.

Погребение Параскевы Ивановны было хотя и скромное, но слишком многолюдное. Отдать ей последний братский долг, благодарность, благоговение и вознести о ней молитвенную память собрались не только все, знавшие ее в Кронштадте почитатели, как благочестивую, как прозорливицу, но и из Петербурга приехали многие, оставив свои обычные, преимущественно торговые занятия.

Так отошла ко Господу одна из современных нам подвижниц, и в мире спасавшаяся, как голубица в ковчеге Ноевом, и несомненно своими делами и мысленно спасавшаяся во Христе Иисусе.

Публикуется по книге «Источник живой воды», 1910 г.

В субботу, 27-го сентября, в церкви Дома Трудолюбия происходило отпевание тела крестьянки Ярославской губ. Параскевы Ивановны Ковригиной. Покойная принадлежала к последовательницам нашего уважаемого протоиерея о. Иоанна, которые известны в городе под названием «богомолок». Она была основательницею и, можно сказать, начальницею этой толпы, вела подвижническую жизнь, отказалась задолго до смерти от употребления мясной пищи, кофею, чаю и разного скоромного и постного масла, не пропускала ни одной Божественной службы и, как говорят, имела дар предсказания. Чрез ее прославление о святости жизни и добродетелях отца Иоанна, последний сделался известным не только в Петербурге, но почти по всей России и даже за границей. О последнем обстоятельстве говорят петербургские торговцы в своем адресе, поднесенном ими при поднесению о. Иоанну наперсного креста 19 октября 1884 г., следующее: «Что-де нам делать, когда от избытка сердца наши уста не могут не глаголати, как не скрыла от людей о вашей благочестности, близости к Господу и единомышленная вам душа старицы рабы Божией Параскевы».

Отпевание и самые похороны происходили при торжественной обстановке. Литургию и отпевание совершал о. Иоанн в сослужении диакона и при хоре певчих. После литургии на амвон вышел облаченный в стихарь псаломщик, который по поручению одного известного петербургского проповедника протоиерея отца М. и по составленной последним рукописи, сказал надгробное слово, в котором описал жизнь и подвиги и труды покойной. Перед началом отпевания такое же слово сказал и сам отец Иоанн. Не только храм, но и Медвежья улица были переполнены народом, в котором преобладал женский пол, и в числе женщин мы заметили много дам, принадлежащих к интеллигентному купечеству и дворянскому сословию.

Во время литургии и отпевания многие из присутствующих плакали, и прощание с покойной происходило очень долго, т. к. все присутствующие старались протискаться к гробу и коснуться тела покойной. По окончании богослужения, белый глазетовый гроб с останками покойной был вынесен из церкви богомолками, которые изъявили желание донести его на руках до места последнего упокоения, так что приготовленные для отвозки гроба дроги от Кронштадтских ворот вернулись обратно. После предания земле покойной по ней были совершены поминки в находящейся против кладбища кухмистерской. Как мы слышали, ее последовательницы решили ежедневно по очереди ходить на кладбище и на могиле по ней совершать панихиды, и, кроме того, устроить подписку и на собранные деньги над ее прахом устроить часовню, наподобие часовни известной всему Петербургу Ксении, погребенной на Смоленском кладбище.

«Кронштадтский вестник», № 117. стр. 3. 1(13) октября 1886 г.

Слово, сказанное протоиереем Иоанном Ильичем Сергиевым на погребении девицы Параскевы Ивановны Ковригиной

«Не умре девица, но спит», – так сказал Податель века и дыхания на земле и Начальник общего воскресения из мертвых человеческого рода, Господь Иисус Христос, когда Его ввели в комнату, где лежала умершая дочь Иаира. Девица не умерла, но спит, сказал Он, провидя победу свою над смертью, растлившею нашу природу и имевшее тотчас последовать чудесное воскресение этой девицы из мертвых. Это же сказал бы Господь наш и теперь, если бы Он видимо пришел к нам и увидел сию умершую рабу Свою, Параскеву. С уверенностию говорю это потому, что с одной стороны, и в самом деле смерть наша со времени воскресения из мертвых Господа Иисуса Христа попрана и стала сном, успокоением от трудов для всех, в вере и благочестии поживших и скончавшихся, и с другой, и в особенности потому, что эта умершая почти всю жизнь провела так благочестиво и так благоплодно, что смерть ее, которую она предварила многократным исповеданием и приобщением Св. Таин, Плоти и Крови Христовых, действительно стала для нее утешением, сном упокоения от трудов. И я уповаю, что дух ее теперь радуется, сложив с себя бренную, тяжелую оболочку плоти, радуется, в уповании бессмертия и воздаяния по делам и созерцания Славы Лица Христова. Итак, прими от нас привет тебе, раба Божия Параскева, от всех, здесь собравшихся, с переходом твоим в страну бессмертия и вечной жизни, который ты так всегда желала, и если обретешь дерзновение у Господа, помолись ему о нас, странниках земных, да и нас сподобит перейти туда в мире, оправданными Его благодатью и Кровью. Незадолго до твоей кончины, ты просила меня, раба Божия Параскева, сказать слово при провождении тебя в другую жизнь, разумеется, с тем, чтобы собравшиеся проводить тебя получили назидание и утешение в самой кончины твоей. Правда не только жизнь твоя, но и смерть твоя для всех, знавших тебя, весьма назидательна и поучительна. Ты своим словом и примером многих привлекла к Святой Церкви и благочестивому житию: многих научила чаще исповедываться и приобщаться Святых Таин для укрепления в христианской жизни. И скончалась ты мирно и назидательно, с молитвою на устах и в твердом уповании на милость Божию к тебе и по смерти. Ты не боялась смерти: ты торжествующим духом встретила ее, как благовестницу Божию.

Прими же от нас, как последнюю тебе дань, сии погребальные моления и пение. Да водворит Господь душу твою в селениях праведных, откуда отбегает болезнь, печаль и воздыхание. Аминь.

Церковь св.блгв. кн. Александра Невского при Доме Трудолюбия, в Кронштадте, 27 сентября 1886 года

Рухнула часовня Параскевы Ковригиной

24 сентября/7 октября – день памяти Параскевы Ивановны Ковригиной, блаженной старицы, которую св. Иоанн Кронштадтский почитал своей духовной наставницей.

5 октября паломническая служба «Леушинский посох» организовала паломничество в Кронштадт в память блаженной старицы Параскевы Ковригиной. 7 октября – день ее кончины. Он напомнил о праведнице, которую о. Иоанн Кронштадтский почитал своей духовной матерью. Она преставилась 24 сентября 1886 года и была погребена на кронштадтском Троицком кладбище.

Сам о. Иоанн отпевал праведницу, сказав при этом глубокое слово прощания. Впоследствии на ее могиле о. Иоанн воздвиг каменную часовню, чудом сохранявшуюся до последнего времени. К сожалению, часовня стояла заброшенной и забытой. Лишь немногие почитатели дорогого батюшки приходили сюда помолиться. Часовня требовала срочного ремонта. Но не дождалась. В этом году своды часовни рухнули. Купол оказался на земле.

В настоящее время часовня представляет печальное зрелище. Вместо купола – открытое небо, руины стен, вскрытая могила.

Теперь восстановить часовню будет значительно труднее. Но, может быть, это разрушение отзовется болью в сердцах почитателей отца Иоанна, и найдется благочестивый благотворитель, который возьмется за ее восстановление, как это было с часовней Феодоры Власьевны Сергиевой, родной матери св. Иоанна Кронштадтского, восстановленной трудами Резо Николаевича Качнадзе и Валентины Михайловны Кромбалевой.

«Леушино». 5 октября 2002 г.

*Г.Н. Шпякина, С.И. Шемякина**

ЧИСТАЯ СЕРДЦЕМ**

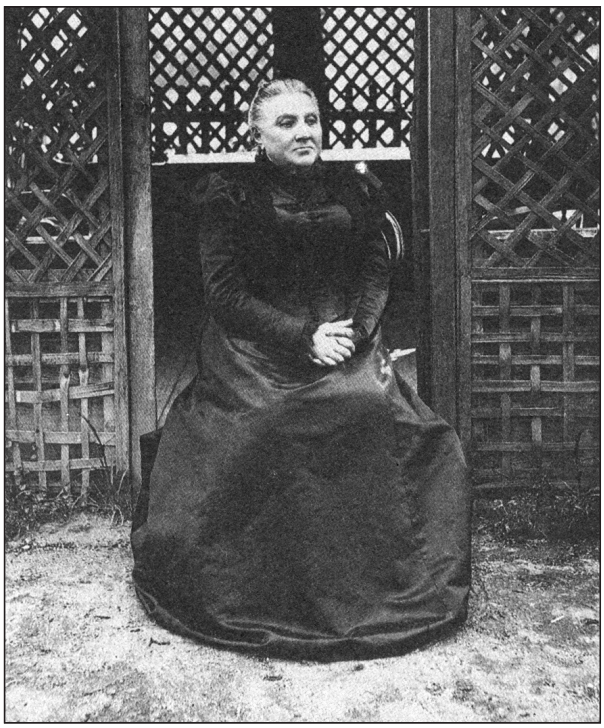
Матушка Елизавета Константиновна Сергиева

Елизавета Константиновна родилась в городе Гдове Петербургской губернии (ныне Гдов находится в Псковской области. – *С. Ш., Г. Ш.*), ее дед и отец были священниками этого уезда. После окончания Духовной семинарии в Санкт-Петербурге в 1820 году ее отец Константин Петрович Несвицкий начал свое служение Богу в сане диакона в церкви села Сиворицы Царскосельского уезда. Через год, в 1821 году, Константин Петрович был рукоположен во священника в церкви Покрова Пресвятой Богородицы в селе Кярово Гдовского уезда, где поселился вместе со своей горячо любимой супругой Анной Петровной.

4 мая 1829 года в имении героя Отечественной войны 1812 года графа Петра Петровича Коновницына, расположенном в живописном месте средней России, в семье Несвицких родилась девочка, которую при крещении назвали Елизаветой. Неисповедимым Промыслом Божиим ей суждено было стать супругой великого всероссийского пастыря – святого праведного Иоанна Кронштадтского, и вместе с ним нести нелегкий крест служения Господу и людям. Сам батюшка Иоанн родился в том же году.

В сентябре 1999 года мы посетили Гдовский уезд. При въезде в Кярово увидели родную нашему сердцу маленькую белую церковь, погост, хозяйственные постройки, заросший овраг с журчащей речкой, окруженный густыми зарослями кустарников, небольшой старый церковный дом. В чистом воздухе веяли запахи трав, осенней листвы и цветов, посаженных на могилах вокруг церкви. Всюду царили покой, трогательная красота и благодать.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы была построена в XVII–XVIII веках как домовая церковь имения графа Коновницына. Добрый верующий христианин Петр Петрович был погребен в ней в 1822 году у левого клироса.

Храм был закрыт в 1930-х гг. и вновь открыт в 1941 г. во время оккупации, в годы Великой Отечественной войны, и с тех пор он не закрывался и был постоянно действующим.

Когда мы вошли в церковь, нас охватило светлое чувство радости при виде икон, церковного убранства и всего того, к чему когда-то прикасался наш прадед и родственники. Мы представили, как здесь крестили маленькую Лизу, как она с Анной Петровной бывала на церковных службах, молилась, причащалась Святых Христовых Таин. Очевидно, что во время частых прогулок по этим прекрасным местам впечатлительная детская душа Лизы глубоко впитала в себя неповторимую красу бескрайних просторов русской природы, ее божественное очарование и умиротворенность. Так формировался уравновешенный, вдумчивый характер, отзывчивое и доброе сердце будущей матушки, бесконечно любящей эту землю и ее людей.

Из Кярова протоиерей отец Константин с семьей переехал в Гдов – маленький уютный приветливый

---

* Двоюродные сестры, правнучатые племянницы Елизаветы Константиновны Сергиевой – супруги святого праведного о. Иоанна Кронштадтского.

** При работе над текстом были использованы материалы Р.Г. Шемякиной, частично опубликованные в книге под редакцией П.М. Чижова «Отец Иоанн Кронштадтский». Джорданвилль, 1958.

уездный городок, утопающий в зелени садов, с древними храмами, крепостными стенами, расположенный на живописном берегу Чудского озера. Этот город славен своей многовековой историей, патриархальными традициями, покоем и тишиной. Отец Константин начал служить в Димитриевском соборе города Гдова и вскоре стал благочинным Гдовского уезда.

Любимая родителями Лиза росла в патриархальной атмосфере строгого христианского благочестия. В детские годы ее воспитанием занималась мать, Анна Петровна, которая прививала своей дочери благоговейное отношение к Святой Церкви и постоянно бывала с ней на богослужениях. Лиза с самого раннего детства росла серьезным, послушным, нежным и отзывчивым ребенком. Девочка рано научилась читать, с удовольствием помогала матери в домашних делах, нянчила и помогала воспитывать младших братьев и сестер.

Елизавета Константиновна всегда с любовью вспоминала о матери, светлый образ которой сохранился в ее сердце с младенчества. Мать была для нее непререкаемым авторитетом. Благодатному примеру ее жизни она всегда старалась следовать и побуждала к этому своих воспитанников; это можно отнести и к ее племяннице Руфине, и к детям Руфины.

Среди окружающих Анна Петровна почиталась как глубоко верующий, образованный, энергичный и волевой человек. Ее брак с Константином Петровичем был основан на высоком взаимном чувстве. Вера в Бога без сомнений, жертвенная преданность материнскому долгу как святому послушанию воле Божией – эти редкостные качества души своей матери Елизавета Константиновна ценила более всего, всегда стремилась им подражать и говорила о них с неизменным почтением.

Анна Петровна воспитала свою дочь истинной христианкой, девушка была смиренной и благонравной. Заложенные таким воспитанием душевные качества помогли Елизавете Константиновне стать достойной спутницей святого праведного Иоанна Кронштадтского на протяжении 53-х лет совместной жизни. «Моя жена – ангел», – не раз говорил батюшка Иоанн о любимой супруге.

Родители дали дочери хорошее образование. Она владела иностранными языками, музицировала, пела. Обладая тонким художественным вкусом и трудолюбием, Елизавета Константиновна, по старинной русской традиции, мастерски и с увлечением вышивала. Пелены и платы, вышитые ею, были украшением церкви. Она была и прекрасной домашней хозяйкой.

В 1848 году протоиерея Константина определяют на новое место службы с другими обязанностями: ключарем Андреевского собора в Кронштадте. К этому времени в семье Несвицких было уже восемь детей. Елизавета Константиновна была одной из старших дочерей и первой помощницей своей горячо любимой матери.

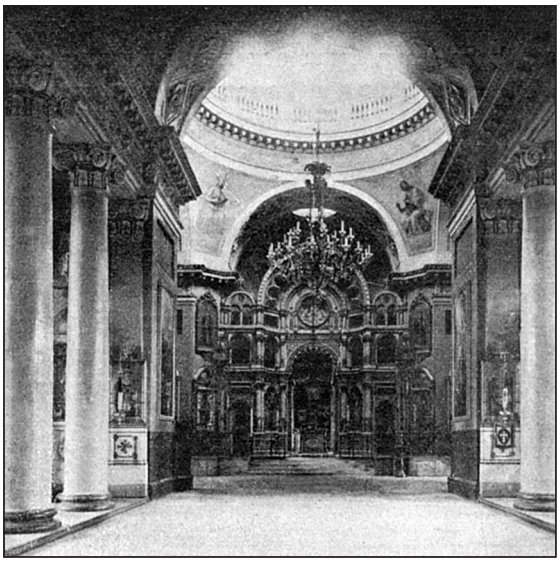

Покровская церковь в селе Кярово близ Гдова, где родилась Елизавета Константиновна Сергиева (урожденная Несвицкая).

В 1855 году семью постигает большое горе – внезапно умирает Анна Петровна. Здоровье отца Константина ухудшается, подорванное тяжелой утратой. Все заботы о детях падают на Елизавету Константиновну, которая старалась по мере сил заменить своей сестринской любовью и неусыпной заботой мать, вспоминая ее уроки воспитания. С этих пор Елизавета Константиновна отверглась себя и жертвенно отдавала свою жизнь окружающим ее родным и близким. На одном из вечеров в Санкт-Петербургской Духовной академии Елизавета Константиновна познакомилась со студентом Иваном Ильичем Сергиевым (будущим отцом Иоанном Кронштадтским). Она ему очень понравилась своей скромностью, духовностью, миловидностью. Вскоре он сделал ей предложение. Принять окончательное решение его побудило то, что он видел во всем происходящем с ним явную волю Божию. По окончании учебы они обвенчались.

Кярово. Надгробие графов Коновницыных в Покровской церкви

Кронштадт. Андреевский собор. Интерьер

12 декабря 1855 года отец Иоанн был рукоположен преосвященным Христофором, епископом Винницким, во священника.

После этого его жизнь была связана с Андреевским собором в Кронштадте. Андреевский собор был построен в 1805–1817 годах по проекту А.Д. Захарова и Ч. Камерона. 26 августа 1817 года он был освящен. Первую литургию в Андреевском соборе отец Иоанн Кронштадтский служил в воскресенье 17 декабря 1855 года. В соборе хранилось множество святынь, среди которых был крест с частицей мощей святого апостола Андрея Первозванного. Настоятелями собора в разные годы были: протоиерей Василий Нектарьевский († 2 января 1857), протоиерей Павел Трачевский (с 1858 по 1894); с 1894 по 1908 годы настоятелем собора был протоиерей Иван Ильич Сергиев. В 1931 году собор был закрыт, а в 1932 – взорван.

С самого начала совместной жизни отец Иоанн упросил Елизавету Константиновну посвятить себя служению Богу, Церкви, людям, блюсти девство и жить в супружестве, как живут брат и сестра. Чистота его жизни и молитвенный подвиг раскрыли для него духовный мир во всей его реальности, и он в молодости с первых дней своего пастырского служения стяжал дар различения духов и искусства борьбы с нечистыми силами, которые невидимо толкают людей на различные грехи и отступления от заповедей Божиих.

Наша бабушка Руфина Григорьевна вспоминала: «Когда она (Елизавета Константиновна) выходила замуж, на ее попечении находились престарелый отец, три взрослых брата и две сестры; все жили вместе, и на долю Елизаветы Константиновы, исполняющей обязанности хозяйки и матери, выпало немало забот и хлопот. Через несколько лет братья ее получили обеспеченные места, давшие им возможность поселиться отдельно, а сестер своих матушка выдала замуж за учителей Петербургской Духовной семинарии, впоследствии священников, причем все попечения об их устройстве и обзаведении приняли на себя отец Иоанн и Елизавета Константиновна».

После бракосочетания отец Иоанн с Елизаветой Константиновной поселились в церковном двухэтажном доме при Андреевском соборе. Одну половину дома занимали они, а другую – Александр Попов (впоследствии ключарь Андреевского собора, протоиерей).

Эта квартира на втором этаже, освященная 53 годами жизни великого праведника, вся благоухающая святыми молитвами и сокровенными духовными подвигами угодника Божия, уже при жизни батюшки почиталась как место святое.

В квартиру можно было войти через два входа – парадный и через кухню, но к обоим входам вела одна лестница. Все приходящие проходили через кухню, где находилась вешалка. Парадная дверь была закрыта на задвижку. За маленькой прихожей следовала небольшая гардеробная, в которой стояли шкафы с одеждой и книгами, комод, несколько сундуков с бельем... За этой комнатой была небольшая спальня и кабинет отца Иоанна. У одной стены стоял большой киот с образами, а рядом, в углу, на стене висело много икон. В этой же комнате стоял письменный стол, металлическая кровать, комод, шкафы с книгами, два кресла, этажерки, стулья. На столе стояли чернильный прибор и портреты родственников в рамках. Третья комната была вроде маленькой гостиной со скромной обстановкой. Из этой комнаты был выход в столовую, а из нее – в комнаты Елизаветы Константиновны и детскую, в которой впоследствии жила их племянница Руфа.

В квартире, в одной из комнат, имелся выход на балкон. С него открывался чудесный вид на собор, сверкающий своими золотыми куполами. Выходя на этот балкон, отец Иоанн благословлял православный народ.

Около дома находился небольшой сад; Елизавета Константиновна выращивала в нем множество цветов, которые очень нравились батюшке. Здесь благоухали жасмин и сирень, цвели фруктовые деревья.

Трудно и сложно было вести семью Елизавете Константиновне. Молодая женщина стала сестрой милосердия для своего супруга. Первое время она роптала, хотя своим семейным воспитанием Елизавета Константиновна была подготовлена к жертвенной подвижнической непростой жизни супруги священника. Все житейские заботы она взяла на себя и освободила отца Иоанна от многочисленных ненужных хлопот, что позволяло ему сосредоточиться и наилучшим образом исполнять миссию Божия проповедника.

Глубоко ценя заботу жены о себе, отец Иоанн отвечал ей постоянным вниманием. Он говорил ей: «Счастливых семей, Лиза, и без нас довольно, а мы с тобой посвятили себя служению Богу».

Постепенно менялось и отношение сослуживцев к отцу Иоанну: они начинали относиться к нему с большим уважением и почтением как к опытному священнику и великому молитвеннику.

Отец Иоанн прожил в Кронштадте долгую плодотворную жизнь, отдавая себя целиком служению Богу и людям.

Что же представлял собою Кронштадт в те годы?

В 1860-х годах этот город служил местом высылки неправоспособных в силу своей порочности граждан, преимущественно мещан и разного сброда. Эти люди носили название «посадских».

Жили «посадские» на самых глухих улицах, в землянках. Здесь была темнота, грязь, грех... Сюда ни один священник не приходил с молебнами даже в Светлое Воскресение.

Позже в «Кронштадтском вестнике» за 1872 год (№ 3 и № 18) отец Иоанн писал: «Причин кронштадтской нищеты и бедности множество, вот главные: бедность от рождения, бедность от сиротства, бедность от разных бедственных случаев, например, от пожара, от кражи, бедность от неспособности к труду по причине старости или болезни, или калечества, или по малолетству, бедность от потери места, бедность от лености, бедность от пристрастия к хмельным напиткам и, в небольшой части случаев, от недостатка труда и от недостатка средств, с которыми можно было бы взяться за труд: порядочной одежды, обуви, насущного хлеба, инструментов... Вы заранее отказываетесь ее (нищету) видеть, вы отворачиваете лицо. Не гнушайтесь <...> ведь это братья наши, хотя и непривлекательные по наружному виду».

Батюшка ежедневно бывал среди бедняков и нищих Кронштадта, утешал их, беседовал с ними, по мере своих сил служил больным, ухаживал за ними, помогал материально. Духовенство Андреевского собора зачастую не понимало его, и Елизавете Константиновне говорили: «А твой-то сегодня опять босой пришел». Раздавал деньги отец Иоанн до тех пор, пока от его жалования и доходов не оставалось ни одной копейки даже на обед дома.

Отец Иоанн не умел отказывать. Из-за этого нуждался не только он, но и его супруга: ей не на что было вести хозяйство.

Понимая, что он не имеет права заставлять нищенствовать супругу, отец Иоанн распорядился, чтобы жалованье по законоучительству выдавали ей.

К супругам Сергиевым в гости в Кронштадт часто приезжали сестры матушки Елизаветы. В один из таких приездов у сестры Елизаветы Константиновны, Анны, в квартире отца Иоанна родилась дочь, которую нарекли Руфиной и через некоторое время увезли домой.

В 1872 году умер отец Руфины, и Анна Константиновна осталась без средств, с двумя маленькими детьми. Отец Иоанн, видя такое плачевное и беспомощное состояние ее семьи, предложил Елизавете Константиновне: «Детей у нас нет, возьмем Руфину к себе и воспитаем ее, как дочь».

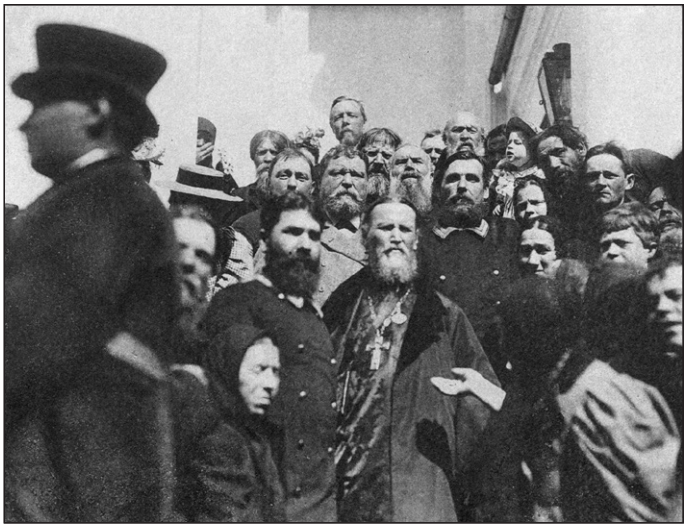
С этого времени Руфина оказалась на попечении дяди и тети (так она называла отца Иоанна и Елизавету Константиновну).

Они очень любили Руфу, заботились, пеклись о ней, берегли ее, души в ней не чаяли, относились к ней, как к родной дочери. Елизавета Константиновна была с ней необыкновенно ласковой, но вместе с тем требовательной и строгой.

Отец Иоанн с трех лет начал вести с Руфой обстоятельные беседы о Боге, заботился о воспитании ее души, приучал ее к молитвам и к церковному богослужению. Елизавета Константиновна всегда брала Руфу на службу в Андреевский собор: песнопения и молитвы радовали девочку. Елизавета Константиновна усердно занималась с племянницей, и даже спала с ней в одной комнате, следила за поведением, приучала к аккуратности и опрятности.

С пяти лет тетя начала обучать девочку грамоте и французскому языку. Руфа тянулась к знаниям, была понятливой и усидчивой. Любила рисовать, петь, а когда научилась читать книжки, то ее нельзя было оторвать от них. Вместе с Елизаветой Константиновной они вырезали из бумаги фигурки животных, которых видели в прочитанных книжках. Елизавета Константиновна тщательно готовила Руфу к поступлению в гимназию. Много занималась с ней сама и приглашала учителей, а по Закону Божиему ее готовил отец Иоанн.

Дядя сам отвел Руфу на вступительный экзамен в гимназию, который она выдержала успешно. Особое внимание Елизавета Константиновна уделяла образованию Руфы. Кроме занятий в гимназии, она брала уроки немецкого и французского языков, музыки и рисования.

Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев среди кронштадтцев на ступенях Андреевского собора

Елизавета Константиновна Сергиева

Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (св. прав. Иоанн Кронштадтский)

Девочка оказалась любознательной, пытливой и способной. Результатом трудов тети и дяди, и стараний Руфы стало блистательное окончание ею гимназии с золотой медалью.

Елизавета Константиновна была сердечной, заботливой и внимательной супругой. Много внимания всегда получал от нее, прежде всего, отец Иоанн. Она очень заботилась о нем. Руфина вспоминала: «К своему великому супругу-молитвеннику тетя всегда относилась с благоговейной любовью и почтительностью. Когда он усталый приезжал домой с треб или из храма, она торопилась снять с него сапоги, помочь раздеться и заботливо укрывала его, укладывала отдохнуть в постель. Тогда мертвая тишина водворялась в квартире: так ревниво оберегала тетя кратковременный отдых труженика-пастыря».

Отец Иоанн всегда считал, что семья – храм Божий и должна быть свята, как храм.

Елизавета Константиновна относилась к своей семье как к особой святыне, которую самоотверженно, заботливо и бережно охраняла. Она была очень подвижна – вечная хлопотунья с добрым благообразным лицом. Как вспоминала наша бабушка, она любила всех обласкать, пригреть и накормить. «Как сейчас смотрю на нее, – рассказывала она, – подвязанную белым передником, делающую сладкий пирог на кухне; любила она постряпать, сама покупала провизию, сама за всем присматривала, чтобы все было чисто и вкусно. Сколько раз, помню, дядя, отведывая любимый яблочный пирог, приговаривал: «Мастерица ты у меня стряпать пироги». Приветливая, всегда ровная и ласковая в поведении, Елизавета Константиновна любила, когда кто-то из знакомых навещал ее, тогда она прямо закармливала гостя или гостью, а дядя, видя ее гостеприимство и искренность, не раз говорил про нее: «Настоящая она матушка».

Будучи вообще слабого здоровья, отец Иоанн часто хворал, и тогда Елизавета Константиновна превращалась в неутомимую сиделку: проводила все ночи напролет у постели больного, а днем сама готовила для него кушанья. Однажды отец Иоанн опасно занемог: у него оказалось двустороннее воспаление легких. Целыми часами он лежал в забытьи с закрытыми глазами, а когда приходил в себя, то жаловался на невыносимую головную боль. Елизавета Константиновна сидела около него и горько плакала. Открыв глаза, отец Иоанн посмотрел на нее и сказал: «Не плачь, Лиза, Бог даст, поправлюсь, а если нет, Бог и добрые люди не оставят». Прошло несколько дней, и однажды утром, как вспоминает Руфина Григорьевна, тетя вбежала в детскую и дрожащим от волнения голосом воскликнула: «Дяде лучше, кризис прошел!» Мы обнялись и обе заплакали, но уже слезами радости.

Когда отец Иоанн поздно возвращался из поездок в Петербург, Елизавета Константиновна никогда не ложилась спать, не дождавшись его.

Она всегда волновалась и переживала о его здоровье. Как-то отец Иоанн, приняв ванну, зимой вышел в сени в туфлях; Елизавета Константиновна страшно встревожилась, что он рискует простудиться, выходя на воздух легко одетым после ванны. Возвращаясь из сеней, отец Иоанн подошел и сказал ей ласково, похлопывая по плечу: «Спасибо тебе, родная, за заботы твои обо мне». Когда болезнь его оставляла дома, он никогда не садился обедать без Елизаветы Константиновны, говоря: «Когда я обедаю один, у меня аппетита нет».

Каждый вечер он заходил в комнату Елизаветы Константиновны проститься и благословить ее на ночь: «Доброй ночки желаю тебе. Спи спокойно. Господь с тобой. Да хранит тебя Бог».

Теплота и нежность отношений отца Иоанна и Елизаветы Константиновны в дальнейшем распростра-

нялись и на семью Руфины. Они были прекрасными добрыми любящими дедушкой и бабушкой. Особенно они любили старшего внука – Игоря, сына Руфины. Протоиерей Павел Левитский вспоминал: «Никогда не забуду того трогательного радушия, с которым меня приняли в семью отца Иоанна все, начиная с его супруги матушки Елизаветы Константиновны <...> Могу указать на то, что у меня в Реальном училище учился внучатый племянник матушки, прекрасный мальчик И. Ш. (Игорь Шемякин. – *С. Ш., Г. Ш.*), очень ко мне привязавшийся <...> и очень сожалевший о моем уходе. [Игорь] постоянно бывал у своих «бабушки и дедушки» – так он называл отца Иоанна и глубокоуважаемую Елизавету Константиновну, рассказывал им об уроках Закона Божия, обо мне и о том, как утром 12 ноября учащиеся прощались со мной и на прощание поднесли икону, а он при этом говорил речь своего составления. Матушка Елизавета Константиновна очень любила и баловала своего маленького внука, славного способного «реалиста», и свою любовь перенесла и на меня, его законоучителя. Меня провели в столовую – небольшую комнату с двумя окнами, между которыми стоял стол, а над ним в простенке висел писанный красками во весь рост портрет отца Иоанна <...> С правой стороны стола у окна в кожаном кресле сидела супруга отца Иоанна, тут же был ее внучек. Через некоторое время из кабинета вышел отец Иоанн: он был в светлом шелковом стеганом на пуху подряснике <...> Вся фигура отца Иоанна дышала свежестью и небесной чистотой: он явился, как светлый Ангел из Горнего мира <...> и принес с собой радость и счастье. В разговоре и угощении принимала участие и матушка».

Елизавета Константиновна очень часто бывала на даче в селе Мартышкино, где летом жила Руфина и ее любимые внуки – дети Руфины, к которым она приезжала с массой подарков и угощений. Такие дни были праздниками! Иногда она оставалась там погостить подольше, чем радовала Руфину и ее детей. Она любила ходить с ними в местную церковь на службу, помогала Руфе в домашних делах.

Как и отец Иоанн, Елизавета Константиновна до последних дней своей жизни никогда не отказывала в помощи в меру своих сил и возможностей ни родственникам, ни друзьям, ни знакомым или даже незнакомым, которые часто к ней обращались с просьбами. Она создавала дома атмосферу добра, глубокого понимания и сочувствия к прихожанам и приезжающим гостям, стала уважаемой и любимой матушкой, помогая людям советом, ласковым словом, а иногда и материально.

Отличительными чертами характера Елизаветы Константиновны были смирение и кротость. В этих высочайших добродетелях христианских выразилось все величие ее души. Она никогда ни на кого не сердилась, ни на кого не имела злобы. Когда ее спрашивали:

Св. прав. Иоанн Кронштадтский возвращается вечером из Петербурга в Кронштадт. С картины начала XX века

«Имеете ли против кого вражду?» – она неизменно отвечала: «Нет, ни на кого». Прощая сама обиды, она и других учила поступать так же. Матушка говорила: «Не сердитесь. Бог Сам укажет, кто прав, кто виноват, а вы простите».

Все те люди, которые знали Елизавету Константиновну и общались с ней, отмечали приветливость матушки, ее гостеприимство, хлебосольство и смирение, а также и то, что она, будучи супругой великого русского пастыря – отца Иоанна, всегда оставалась в тени его славы.

Духовная дочь отца Иоанна Е.В. Духонина описывает в своем дневнике радушную встречу с Елизаветой

Св. прав. Иоанн Кронштадтский со своим внучатым племянником и крестником Игорем Шемякиным на даче в Мартышкино

Константиновной. Хотя она плохо себя чувствовала, но «приняла очень любезно <...> и сказала, как хорошо [мы] сделали, что сегодня приехали, [потому что] вчера батюшке очень нездоровилось...

Вскоре пришел дорогой батюшка, благословил нас, <...> попросил <...> у него посидеть с его супругой и напиться чайком... В столовой нас уже ожидала Елизавета Константиновна и стала угощать чаем».

В следующий раз, приехав к духовнику в день своего Ангела, Е.В. Духонина увидела, как привезли на кресле в столовую Елизавету Константиновну, которая, «несмотря на плохое самочувствие, ласково поздоровалась и поздравила меня с днем Ангела, сказав, что она так рада, что я день Ангела провожу с батюшкой».

Здоровье Елизаветы Константиновны все ухудшалось, и за несколько недель до кончины отца Иоанна она заболела гриппом. Руфина Григорьевна вспоминает, как проявилась забота дяди о ней: «Нельзя было без слез умиления видеть, как дорогой страдалец, еле ходивший, несколько раз днем и каждый вечер перед сном благословлял ее, гладил по голове и приговаривал: «Бедная, бедная, вместе мы с тобой страдаем, вместе мы с тобой мучаемся, оба мы страдальцы». И долго, бывало, стоит около ее кресла и, покачивая головой, с жалостью смотрит на больную, а иногда с ее лица переведет скорбящий взор на образ и долго, долго безмолвно молится за нее».

Когда отца Иоанна спрашивали о его здоровье или здоровье Елизаветы Константиновны, он отвечал: «Мы оба плохи, собираемся умирать и готовимся к смерти». Елизавета Константиновна, видя ухудшение здоровья отца Иоанна и желая его ободрить, сказала, что весной он поправится, потому что по весне батюшка всегда себя чувствовал лучше. Но батюшка ответил, что она до весны доживет, а он нет. Предсказание батюшки сбылось: он почил в декабре, (по старому стилю. – *С. Ш., Г. Ш.*). Последний раз батюшка пришел в комнату матушки утром 17 декабря и, приобщая ее, говорил: «Господь мой и Бог мой! Со страхом Божиим и верою приступим. Приими Тело и Кровь Христовы. Мир тебе, старица, поздравляю тебя». К вечеру этого же дня отцу Иоанну стало хуже. Узнав об этом, матушка очень горевала, что не имеет возможности по болезни придти в кабинет и ухаживать за ним. На что отец Иоанн сказал Руфине: «Скажи жене, что она всегда со мной. И я всегда с ней». Эти слова ободрили матушку, утешили ее в долгих страданиях надеждой, что после кончины своей батюшка не оставит ее, возьмет ее скоро к себе, встретит ее в обители небесной и предстательством своим доведет до Престола Божиего.

После кончины отца Иоанна здоровье Елизаветы Константиновны резко ухудшилось, развилась общая слабость, у нее стали плохо работать ноги и руки, постепенно сдавало сердце. Сильно тосковала матушка по незабвенному отцу Иоанну, не могла без слез слышать его имени и смириться с мыслью, что его не стало. Она говорила: «Мне кажется, будто Иван Ильич не умер, а куда-то уехал, как уезжал, бывало, в Москву, и опять скоро приедет».

Елизавета Константиновна на ночь обыкновенно надевала подрясник батюшки или спала, покрывшись им, как бы соприкасаясь с дорогим батюшкой. Каждый раз, когда Руфина уезжала в Свято-Иоанновский монастырь, где покоится отец Иоанн, она просила: «Поклонись от меня дяде», – и горько неутешно плакала.

Незадолго до смерти матушка увидела у знакомой брошь – портрет батюшки, и неутешно заплакала, восклицая: «Иван Ильич, Иван Ильич!», ее стали утешать тем, что ему теперь блаженно хорошо, она сказала: «Ему-то хорошо, а мне так тяжело без него, ведь 53 года все были вместе». Елизавета Константиновна надеялась на милосердие Божие и всем сердцем стремилась к спасению. «Иван Ильич, благослови меня, помолись за меня», – несколько раз в день она просила своего великого супруга-пастыря, которого, к ее горю, пришлось ей пережить.

Как вспоминает Руфина Григорьевна, после кончины его, искренно, со слезами молясь, сама тетя по своему величайшему христианскому смирению страшилась, что молитвы ее не скоро будут услышаны Господом, и всегда других просила помолиться за нее. Когда я на ночь ежедневно уходила домой, то она после вечерних пожеланий постоянно говорила мне: «Помолись за меня». Шла ли я ко всенощной или к обедне, я всегда слышала из уст ее ту же просьбу, идущую из глубины сердца: «Помолись за меня». Я молилась за нее, как только умела.

Елизавета Константиновна, по словам Руфины Григорьевны, «никогда не позволяла себе вмешиваться в дела великого пастыря и молитвенника, не старалась выдвинуться и стать наряду с ним; оставаясь постоянно в тени, она светилась в свете его славы и высоких христианских добродетелей; как нежная сестра и любящая мать, она неустанно берегла общее сокровище, и больная, слабая, едва передвигаясь, просила: «Не шумите, батюшка отдыхает». Все знали, что за спиной великого праведника отца Иоанна стоит охранительница его, готовая душу положить за него. Если не знали этого тогда, пусть знают теперь и пусть искренне молятся все за старицу чистую, старицу кроткую, рабу Божию Елизавету.

22 мая 1909 года в 9 часов 30 минут утра нашла место своего вечного упокоения Елизавета Константиновна Сергиева. Кроткая и смиренная, незлобивая, она умела любить и прощать. Верим, что к таким, как она, обращены слова Спасителя: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» *(Мф. 5, 8)*.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский и Елизавета Константиновна Сергиева на даче в Мартышкино. Фото 1900-х гг.

Руфина Григорьевна, ее муж, дети и все родственники очень скорбели о ее кончине.

Пользующуюся большим уважением Елизавету Константиновну пришло проводить множество народа, желающего проститься и отдать ей последний долг. В Кронштадте она провела полвека, этот город сделался для нее второй родиной.

Ее родственники и служители Андреевского собора постарались сделать похороны торжественными. Гроб Елизаветы Константиновны был такой же, как у покойного отца Иоанна. Весь чин погребения длился около четырех часов. Заупокойную литургию совершал преосвященный Кирилл, епископ Гдовский, прибывший в этот день из Петербурга. В отпевании приняло участие, кроме преосвященного Кирилла, двадцать священников и семь диаконов. Гроб утопал в венках. Собор был полон молящихся. В числе присутствующих находились главный начальник Кронштадта генерал-лейтенант Л.К. Артамонов, исполняющий дела главного командира Балтийского флота контр-адмирал Р.Н. Вирен, генерал-лейтенант С.А. Зеленой, городской глава В.Г. Гуляев, родственники почившей – господа Шемякины, Несвицкие, Цветкова, Фиделина, Орнатские и другие. После отпевания гроб на руках несли самые известные и уважаемые люди Кронштадта. Ярко светило солнце, как бы напутствуя отходящую в мир иной спутницу жизни великого светильника веры святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. Вынесенный из храма гроб перенесли в ограду собора, где в северо-восточном углу церковного садика была приготовлена могила, и здесь тело почившей было предано земле.

Родственники все время вспоминали и горевали о ней. Руфина Григорьевна написала ряд статей и небольших брошюр, посвященных памяти Елизаветы Константиновны. Примером может служить брошюра под названием «Светлой памяти Елизаветы Константиновны Сергиевой», которая была выпущена для бесплатной раздачи через полгода после кончины дорогой матушки.

Кронштадт. Могила Елизаветы Константиновны Сергиевой возле Андреевского собора. 1909 г.

Шемякины скорбели долгие годы, поминали любимую тетю и бабушку, часто бывали на ее могиле. Так, внук Игорь в письме к матери из Москвы пишет: «Завтра день Ангела бабы Лизы, если будет панихида, то перекрестите за меня ее могилу. Я был в Марфо-Мариинской обители, поставил свечку бабе Лизе и деду – «Бате» (так называли отца Иоанна в семье. – *С. Ш., Г. Ш.*)». В письме к Игорю Руфина Григорьевна отмечает: «Сейчас только вернулась из церкви, где молилась о твоем здоровье, дай Бог быть тебе добрым христианином – я считаю это условием земного счастья, а папа сегодня отслужил панихиду по тете Лизе, а я ее видела во сне. Недавно во сне я видела и тетю, и дядю.

Из Царского Села получила просьбу выслать в память об Елизавете Константиновне мою брошюру. Как мы должны быть счастливы, имея таких родственников».

Сын Руфины Григорьевны – Игорь Шемякин, посвятил Елизавете Константиновне трогательное стихотворение, которое впервые было опубликовано в газете «Кронштадтский вестник» в 1909 году. Игорю тогда было шестнадцать лет.

Памяти Е.К. Сергиевой

Мне помнится весна, прекрасный майский день,
Природе гимны птицы распевали,
А под раскидистую лиственную сень
Тебя в могилу опускали.
Земля тебя от нас еще не скрыла,
Деревья, шелестя, вдруг сделали просвет,
Светило яркое твой гроб озолотило
И бросило последний свой привет.
Прошло полгода, и снега покрыли
Ковром пушистым холмик над тобой...
Покойся мирно, старица, в могиле,
Смиренная и кроткая душой.
Ты умерла, но дух твой между нами
Теперь живет, и вечно будет жить;
Твой светлый образ с ясными чертами
В душе глубоко буду я хранить.

«Незаметная для других жизнь этой скромной женщины, – отмечал в 1909 году житель Кронштадта А. Трифонов, – была тем нравственным импульсом, который дал возможность <...> кронштадтскому священнику стать светозарным мировым светилом. Да будет легка кронштадтская земля почившей женщине-героине. Да преклонятся перед прахом Елизаветы Константиновны наши дочери и внуки, ибо свят смиренный, многотрудный подвиг ее. Господь вознаградит ее за земные страдания небесными радостями и даст ей вечное блаженство».

Св. прав. Иоанн Кронштадтский с родственниками и почитателями на ступенях дачи в Мартышкино. Фото 1900-х гг.

Над могилой Елизаветы Константиновны предполагалось возвести часовню, которая, по мысли кронштадтцев, должна была стать тем звеном, которое связывало бы благодарных кронштадтцев со светлой памятью об отце Иоанне. Однако из-за последовавшей вскоре революции осуществлено это не было, а по разрушении в 1932 г. самого Андреевского собора была утрачена и могила скромной и доброй матушки.

Потомки счастливы тем, что в настоящее время, благодаря усердию православных людей, с благословения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II открылась мемориальная квартира святого праведного Иоанна Кронштадтского.

В конце 1990-х годов, исходя из воспоминаний родственников и благодаря помощи капитана II ранга Сергея Анатольевича Кошелева, было определено предполагаемое место захоронения Елизаветы Константиновны Сергиевой вблизи разрушенного безбожными властями Андреевского собора.

Стараниями почитателей святого праведного Иоанна Кронштадтского и его супруги в 1999 году на могиле был установлен и освящен деревянный крест, священнослужители Русской Православной Церкви стали регулярно совершать панихиды по усопшей матушке.

Все это вселяет уверенность, что место упокоения Елизаветы Константиновны Сергиевой впредь не будет в небрежении...

1998–2000 годы

Кронштадт. Панихида по матушке Елизавете Константиновне на месте ее погребения в ограде Андреевского собора. 1999 г.

Кронштадт. Родственники Е.К. Сергиевой у изготовленной мемориальной плиты-надгробия матушки Елизаветы в одной из комнат бывшего Дома Трудолюбия. 1999 г.

Кроткая, смиренная, незлобливая, она умела любить и прощать, и к ней, более чем к кому-либо, была применима одна из заповедей Спасителя: «Блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят». Будем крепко надеяться, что Господь, по непреложному обещанию своему, вознаградит ее за земное страдание небесными радостями и даст ей вечное блаженство. Мир душе твоей, старица кроткая, да будет тебе земля легка! Вечная память о тебе да живет в нас!

Из некролога Е.К. Сергиевой. Котлин, 24 мая 1909 г.

СВ. ПРАВ. ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ НА ДАЧЕ В МАРТЫШКИНО

Какое благостное чувство испытываешь, глядя на фотографию, сделанную более 100 лет тому назад. Бесконечно дорогие нашему сердцу отец Иоанн и его жена, Елизавета Константиновна на даче в Мартышкино (Морская д. 22) в гостях у своей племянницы и воспитанницы Руфины Григорьевны Шемякиной. Дача была приобретена отцом Иоанном для обожаемой Руфины и ее первенца Игоря – крестника дорогого батюшки.

Большой двухэтажный дом, и по сей день утопающий в зелени деревьев и кустарников, расположен на самом берегу Финского залива, вблизи Ораниенбаума. От водной глади участок отделяет неширокая песчаная полоса пляжа. Из окон дома в ясную погоду виден кронштадтский Морской собор.

В этом уголке прекрасной природы, вдали от мирской суеты, среди своих родных и любили бывать супруги Сергиевы, где их всегда окружала благодатная атмосфера внимания, заботы и безграничной любви.

Елизавета Константиновна часто жила на даче, когда отец Иоанн находился в поездках.

Руфина Григорьевна всегда ждала дорогих гостей, всеми силами стараясь, чтобы их пребывание было радостным и приятным.

Руфина Григорьевна, как ее тетя и дядя, обожала цветы, сама сажала и ухаживала за ними. В саду благоухали клумбы, радуя глаз цветением.

В один из погожих летних дней в тени берез и были запечатлены отец Иоанн и Елизавета Константиновна.

Вглядываясь в фотографию, буквально чувствуешь духовное единение этих далеко не молодых людей, у которых за плечами непростые прожитые годы. Их лица сосредоточены, но в то же время выражают умиротворенность и доброжелательность. Кажется, что отец Иоанн расположился для отдыха, он никуда не торопится. Лицо ясное и открытое, весь облик выражает спокойствие и простоту. Его радует присутствие дорогой матушки – надежной и верной спутницы. Такое впечатление, что когда он встанет, то обязательно осенит вас крестом.

Елизавета Константиновна чуть-чуть отстоит от своего супруга, как бы подчеркивая значимость и величие мужа – незабвенного молитвенника. Кроткая и смиренная, она – охранительница покоя отца Иоанна, готовая в любую минуту положить за него душу.

Отец Иоанн и Елизавета Константиновна прожили долгую совместную жизнь, являя собой достойный пример взаимного уважения, духовного союза, трепетного и бережного отношения друг к другу, доброжелательности и поддержки во всех житейских перепитиях.

Каждый раз, когда приезжаешь в Мартышкино и видишь дачу, перед глазами возникает фотография с незабвенными дорогими отцом Иоанном и Елизаветой Константиновной.

Вечная им память и низкий поклон.

Г.Н. Шпякина, С.И. Шемякина

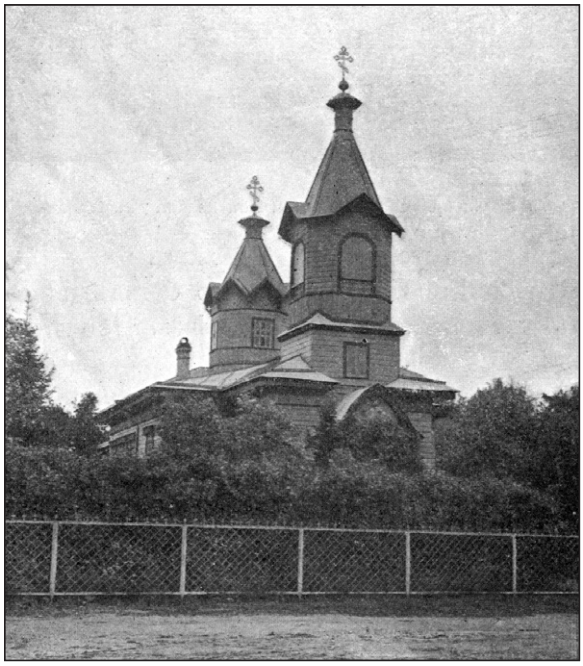

Св. прав. Иоанн Кронштадтский с матушкой Елизаветой Константиновной и родственниками на даче в Мартышкино. Начало 1900-х гг.

Приемная дочь о. Иоанна Руфина Григорьевна Шемякина с сыном Игорем

Мартышкино. Храм во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали». Фото 1900-х гг.

Родственники о. Иоанна и матушки Елизаветы на даче

Дом Шемякиных в Мартышкино, куда часто о. Иоанн приезжал на дачу. Современный вид

Св. прав. Иоанн Кронштадтский на даче в Мартышкино

Иеромонах Нестор (Кумыш)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АЛЕКСИЙ СТАВРОВСКИЙ

1834–1918

Священномученик Алексий Ставровский был одним из выдающихся пастырей Санкт-Петербургской епархии. Его труды на благо Церкви Христовой были отмечены как церковными, так и монаршими наградами. К концу жизни его ряса была украшена семью орденами: св. Анны 3-й, 2-й и 1-й степени, св. Владимира 4-й, 3-й и 2-й степени, св. Александра Невского. Выходец из простого народа, он достиг высокого иерархического положения благодаря своим душевным качествам, исключительным способностям и неутомимому трудолюбию. В его церковной деятельности не было тех неожиданных взлетов и быстрых продвижений, какие имеются в биографиях людей, озабоченных страстным желанием сделать карьеру. В течение всей своей долгой пастырской жизни (мученическую кончину протоиерей Алексий принял в возрасте 84-х лет) он служил всего на двух приходах столицы. Не связи и знакомства определяли земной путь о. Алексия, сына простого сельского причетника Гдовского уезда. Это был истинный светильник веры Православной, поставленный на подсвечник Самим Архипастырем Церкви Божией. Им же он был приведен и к мученическому концу, чтобы его жизнь, искренняя и цельная, в которой не было ничего, кроме истового служения Богу и людям, стала назиданием и поучением для христиан и пастырей последующих поколений.

Родился священномученик Алексий 2 марта 1834 года в семье церковнослужителя погоста Сижна, где имелась церковь св. Архистратига Михаила. Первоначальное обучение он получил в Александро-Невском Духовном училище. Отсюда он, как первый ученик, был определен для дальнейшего образования в Санкт-Петербургскую Духовную семинарию. Здесь, в семинарии, как и в училище, Алексей Ставровский за все годы учебы неизменно проявлял себя как лучший воспитанник, почему и был по окончании ее, в 1857 году, переведен в Санкт-Петербургскую Духовную академию на условиях полного казенного содержания. В 1861 году, в числе лучших студентов, он оканчивает Академию с ученой степенью кандидата богословия.

После многих лет учебы в столичных заведениях молодой выпускник Алексей Ставровский назначается педагогической конференцией Духовной академии в хорошо знакомое ему Александро-Невское Духовное училище на должность учителя географии. И с первых же шагов его деятельности обнаруживается характерная черта будущего пастыря: умение всей душой погружаться в послушание, возлагаемое на него священноначалием. В училищном классе он – не просто лицо, исполняющее обычные и для многих скучные учительские обязанности, но педагог, заботящийся о качестве своих уроков, стремящийся улучшить методические приемы своих занятий, думающий о том, как воспринимают и усваивают ученики то, что он им преподает. В брошюре, изданной в 1888 году по случаю 25-летия служения протоиерея Алексия, отмечается, что, занимаясь географией в училище, он «... положил начало новому направлению в преподавании этого предмета, заменив традиционное зубрение разумным изучением предмета, увлекательными рассказами и черчением карт.» Ученики А.А. Ставровского и до сего времени не могут забыть, с каким удивлением они встретили такой метод преподавания, разрушивший вконец прежнюю рутину, и с каким восхищением они ждали прихода любимого наставника. Забегая вперед, отметим, что именно это душевное качество о. Алек-

сия – умение проявлять искреннюю заботу о вещах, не входящих в строго регламентированный круг его должностных обязанностей, – явилось основой многих трудов, совершенных им на благо Церкви Христовой.

В 1862 году преподаватель Александро-Невского училища Алексей Ставровский, 28-ми лет от роду, вступает в брак с девицей Анной, дочерью протоиерея Николая Наровского, который являлся настоятелем Петропавловской церкви при Клиническом военном госпитале Санкт-Петербурга. В том же году, 14 сентября, архиепископ Могилевский и Мстиславский Евсевий рукоположил Алексея Ставровского во иерея, назначив его настоятелем того же госпитального Петропавловского храма. С этого момента он становится священником Военного ведомства. Знаменательно, что хиротония будущего мученика состоялась в праздник Воздвижения Креста Господня. Промыслом Божиим суждено ему было начать свою священническую жизнь в день праздника Креста Господня. На добровольном Кресте мученичества и закончится земной путь пастыря, самая фамилия которого является напоминанием о знамении Сына Человеческого*.

34 года прослужил отец Алексий в госпитальном храме. Вступив в должность настоятеля, отец Алексий, прежде всего, употребил свои усилия к тому, чтобы облечь в подобающее благолепие место Селения Славы Божией. Благоустройство церкви, которым он ревностно и энергично занялся, было необходимо потому, что госпитальный храм, низкий, душный и потому неудобный, посещался больными без особой охоты и желания. В непродолжительное время отец Алексий значительно расширил помещение церкви, подняв ее высоту в два раза и осветив храм дополнительными окнами. Вслед за этим отец Алексий полностью заменил всю церковную утварь, выстроил новый иконостас, поставил резные киоты, обновил ризницу, повесил бронзо-вызолоченное паникадило – одним словом, «устроил совершенно новый храм. <...> Часть суммы, потребовавшейся на возобновление церкви, протоиерей Ставровский исходатайствовал от казны, а большую часть этой суммы собрал от частных жертвователей, для каковой цели завел, между прочим, при церкви, вместо ктиторов, церковных старост из купцов, коих и располагал к посильным пожертвованиям. Всех пожертвований в течение 25 лет он собрал более чем на 50 тысяч рублей»[1]. По тем временам немалая сумма. «Нужно ли говорить о внутреннем значении этого благолепия, о том духовном утешении, какое переживают больные, имеющие возможность быть в храме? – говорилось в юбилейном адресе служащих Клинического госпиталя, преподнесенном пастырю по случаю 50-летия служения о. Алексия в священном сане. – Своим чинным служением и усердным проповедыванием Слова Божия, обходительностию и приветливостью в обращении с людьми Вы располагали

Погост Сижно. Церковь Св. Архангела Михаила

к пожертвованиям на дело святое благотворителей и привлекли в Клинический храм насельников целого района, прилегающего к клиникам, и установили такую тесную связь с ними, что, по словам их, протоиерей Ставровский был для них как приходской священник»[2].

Церковное начальство по достоинству оценило труды отца Алексия: 18 апреля 1881 года он был представлен к ордену св. Анны 2-й степени «за особые труды по возобновлению госпитальной церкви и за сбор пожертвований на ее украшение»[3].

Другим объектом пастырской заботы отца Алексия стала часовня для отпевания умерших в госпитале. «Часовня эта до него была деревянная, ветхая, низкая, тесная, называлась покойницкой избой и помещалась в самой неприличной местности. Долго протоиерей Ставровский хлопотал об устройстве настоящей часовни, новой, пространной, каменной: составлен был даже план часовни и смета, но Главное инженерное управление все отказывало. Наконец, воспользовавшись одним совершенно случайным обстоятельством, протоиерей Ставровский испросил разрешение на постройку новой каменной часовни, которая со всеми удобствами была выстроена в 1872 году»[4].

Александро-Невское Антониевское Духовное училище

* Σταυρός в переводе с греческого языка означает «крест».

Беспокоило отца Алексия и то обстоятельство, что, ввиду отсутствия подобающего места, таинство Крещения в госпитале приходилось совершать, где придется. Немалое время искал он удобного случая изменить что-либо в этом, тревожившем его, вопросе. Но из-за отсутствия средств, приходилось мириться с таким положением вещей. И только на 24-й год служения, в 1886 году, когда можно было бы и свыкнуться с неудобствами, терпеливый пастырь был вознагражден представившейся возможностью: в этом году при госпитале начали благоустраивать новую акушерскую клинику. Воспользовавшись этим обстоятельством, отец Алексий устроил особую крещальню в виде малой домовой церкви с иконостасом и всем необходимым для совершения таинства Крещения.

Все это, может, и не стоило бы упоминания, если бы в этих делах не сказались та любовь к храму Божию, то благоговение перед таинствами Православной Церкви, наконец, тот страх Господень, которые имел в душе своей этот петербургский пастырь одной из госпитальных церквей столицы.

Проявляя заботу о храме Божием, отец Алексий заботился и о душах человеческих. Как пастырь, отец Алексий отличался отзывчивостью и сострадательностью. Ему очень часто поверяли больные все тяготы и невзгоды своей жизни. И он, войдя во все жизненные обстоятельства пасомого, не прекращал своей заботы о больном и после его выздоровления. Были среди лечившихся такие, кто оставался по выходе из клиники без достаточных средств к существованию. Это побудило отца Алексия взяться за организацию соответствующего фонда материальной помощи. «При посещении больных, – отмечалось в юбилейном адресе от Клинического госпиталя, – Вы не могли не узнать, что многим из них по выписке из клиники придется протягивать руку за подаянием, и весьма существенно откликнулись на нужду несчастных. При Вашем ближайшем горячем участии учреждено было Общество попечения о бедных военного и морского духовенства»[5]. На протяжении 32-х лет отец Алексий безвозмездно трудился в этом Обществе в должности казначея, и его попечительская деятельность о вдовах и сиротах военного сословия отмечалась наградами Императрицы Марии Феодоровны, являвшейся Августейшей покровительницей Общества. В 1906 году ему был пожалован золотой наперсный крест с алмазными украшениями из Кабинета Ее Величества за службу в Совете Общества, а к 50-летию служения в сане его казначейский труд отмечен был особым знаком внимания – портретом Ее Императорского Величества с надписью, сделанной рукою Императрицы Марии Феодоровны.

Петропавловская церковь Военно-Клинического госпиталя

Особую страницу в жизни прот. Алексия Ставровского занимает его педагогическая деятельность. В царское время преподавание было неотъемлемой и необходимой частью пастырских обязанностей. Священникам столицы на поприще обучения приходилось трудиться несравненно больше, чем духовенству губернии. Поэтому тот небольшой опыт учительства, который отец Алексий успел приобрести до посвящения в священный сан, весьма ему пригодился в его последующей деятельности. Сразу же после назначения в храм военной клиники, отец Алексий назначается законоучителем, а также преподавателем русского, латинского языков и арифметики в военно-фельдшерской школе, находившейся в ведении госпиталя. 30 лет отец Алексий обучал детей в этой школе, «...оставив неизгладимую, теплую и признательную память о многолетней, плодотворной своей деятельности»[6] и получив за свой труд две высокие награды – ордена св. Анны и св. Владимира 3-й степени. (Впоследствии отец Алексий преподавал Закон Божий еще в двух школах: в Выборгском и Исаакиевском городских четырехклассных училищах.) Однако вклад отца Алексия в школьное дело этим не исчерпывается. Немало он потрудился в области улучшения качества преподавания. Столичные власти, ценя его опыт учительства, привлекали его к контролю за уровнем преподавания и к разработке программ обучения. В 1890 году отец Алексий состоял членом комиссии при Главном штабе, которая составляла программы по Закону Божию для полковых учебных команд. Тремя годами ранее, в 1887 году, отец Алексий был назначен наблюдателем за преподаванием Закона Божия в школах ведомства Императорского Человеколюбивого Общества. И здесь его труды по улучшению учебно-воспитательного дела были отмечены высокой наградой – орденом св. Анны 1-й степени.

Таким образом, пастырские труды отца Алексия выходили далеко за пределы госпиталя, в храме которого он нес послушание. В бытность свою настоятелем Петропавловской церкви Клинического госпиталя он предпринимает ряд успешных попыток изменить к лучшему положение военного духовенства и служит

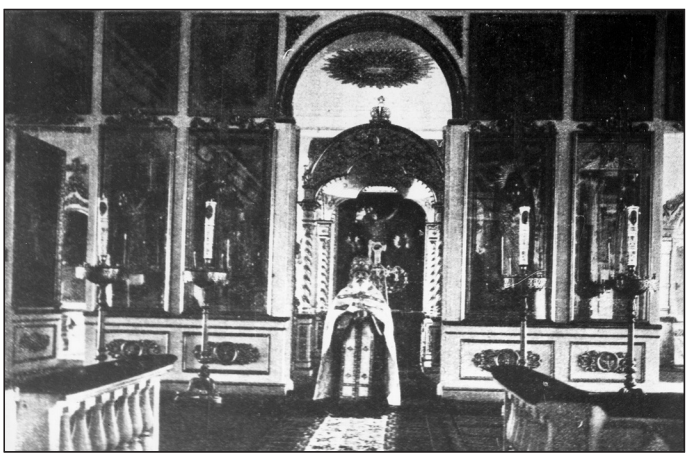
не только своему приходу, но и всему ведомству в целом. Это, пожалуй, самая яркая страница его жизни, самое удачное его деяние, которое по достоинству было отмечено всеми его сослуживцами и которое, по словам его современников, должно занять «светлую страницу в истории русского православного военного духовенства»[7]. Имя протоиерея Алексия Ставровского, благодаря одному добровольному почину, стало популярным среди всего военно-морского духовенства. Дело обстояло следующим образом.

В марте 1883 года отец Алексий составляет проект об уравнении служебных прав и окладов содержания военного духовенства с правами и содержанием других офицерских чинов. Этот проект он направляет на рассмотрение главному священнику армии и флота П.Е. Покровскому, а тот, в свою очередь, отсылает его по всем военным округам для одобрения. После этого прот. Алексий был прикомандирован к Главному штабу для дальнейшей разработки проекта. Он немедленно приступает к его редактированию с учетом полученных от военных округов отзывов. Долгая и кропотливая работа заняла целых два года. «Много тревожных минут испытал, много бессонных ночей провел за это время наш Алексей Андреевич, прежде чем доклад был окончательно редактирован Главным штабом и представлен на утверждение Военного совета. Результатом всех этих трудов и ходатайств Алексея Андреевича было то, что проект его был утвержден Государственным Советом 21 ноября и Государем Императором 21 декабря 1887 года, а 26 февраля распубликован во всеобщее сведение»[8].

Главная цель проекта заключалась в том, чтобы вывести военное духовенство из того униженного положения, в котором оно пребывало, «...чтобы военное духовенство могло дорожить своей походной полковой службой и чтобы в состав его могли вступать лучшие духовные силы»[9]. Протопресвитер Г. Шавельский, отмечая то улучшение положения военного духовенства, которое было достигнуто проектом отца Алексия, говорил: «Вы, о. Алексий Андреевич, начали и продолжали свою службу в то время, когда военно-морское духовенство пользовалось нищенскими окладами, влача тяжелое существование. Положим, ряды его тогда состояли, как и теперь состоят, из людей, не избалованных жизнью. Военные и морские священники, за незначительным исключением, – дети сельских священников, дьяконов и дьячков, на пятаки вскормленные, с колыбели к горю и лишениям приученные, в борьбе с нуждой закаленные. Но скудость казенного обеспечения и их придавливала своей тяготой, и у них сковывала рабочие руки, отнимала и трудоспособность, и инициативу, и смелость в работе, а руководителей ведомства лишала возможности и права требовать от подчиненных энергичной работы. Преобладающими чертами Вашего, о. Алексий Андреевич, характера, Вашего душевного склада, так недостающими многим из нас, были энергия и настойчивость. Эти свои качества Вы и направили к тому, чтобы победить только что отмеченное, сдавливавшее жизнь и деятельность военного и морского духовенства, роковое зло. <...> С устранением нужды к нам со всех концов России хлынули свежие силы, потекли работники идейные и просвещенные; пастырская работа стала свободнее и энергичнее, а руководители ведомства получили нравственное право не только ожидать, но требовать от своих подчиненных неусыпного труда для армии и флота. Дело личное стало, смею выразиться, делом государственным»[10].

Авторитет, который приобрел отец Алексий после утверждения составленного им проекта, возрос необычайно. В день его 25-летнего юбилея служения в священном сане, ему, рядовому священнику госпитальной церкви, каких в Петербурге было немалое количество, были оказаны особые почести. За торжественным богослужением в этот знаменательный день присутствовало духовенство придворное, епархиальное, военное. Всего под своды Петропавловской церкви Клинического госпиталя в тот день, 14 сентября 1887 года, собралось 25 священников, 10 диаконов, 8 депутаций от различных организаций и ведомств. Было произнесено много речей и сказано много теплых слов в адрес настоятеля храма. Сам же отец Алексий, как отмечала печать, «растроганный до глубины души, отвечал каждой депутации отдельно, со свойственной ему скромностью», замечая, что ему «приписывают больше, чем следует». «В заключение всех речей юбиляр обратился ко всем посетителям храма, к духовным детям и сослуживцам, и с христианским смирением просил у них прощенья»во всем, чем он согрешил против них в течение 25-летнего служения своего при сем храме». Такое непритворное смирение среди такого светлого торжества произвело на всех бывших в храме самое глубокое впечатление»[11].

В 1896 году протоиерей Алексий Ставровский становится настоятелем Адмиралтейского собора, с одновременным назначением на должность благочинного Санкт-Петербургских и Новгородских церквей армейского ведомства. В те годы ему было уже за 60. Но время

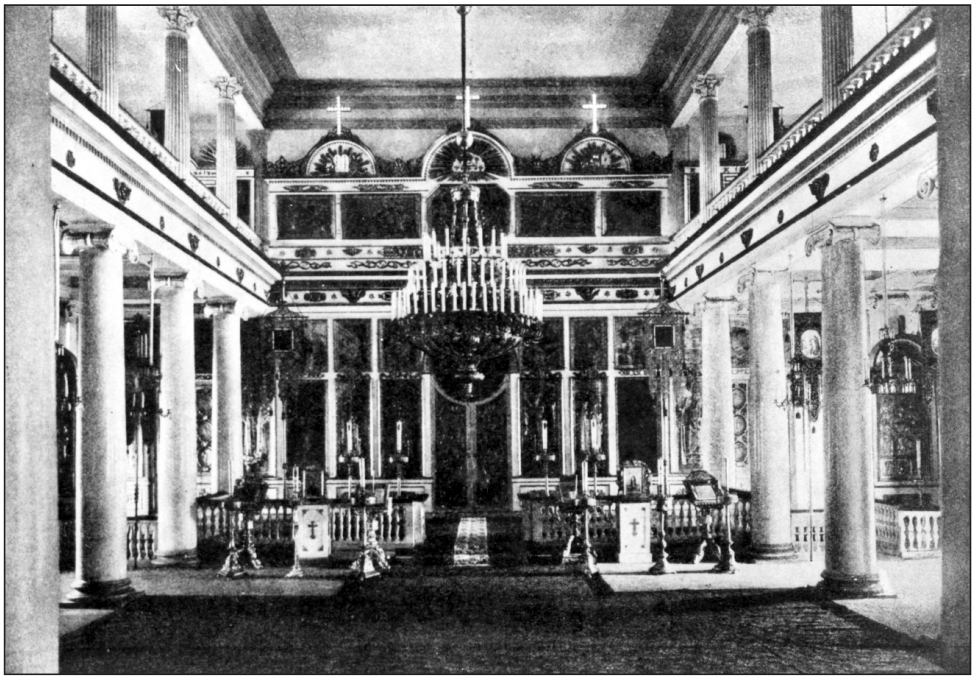

Отец Алексий у Царских врат Адмиралтейского собора

не изменило его. Он оставался пастырем, верным самому себе и своей священнической совести. С прежним усердием и трудолюбием он принимается за реставрацию собора (за что через три года награждается митрой), обогащает ризницу, организовывает образцовый хор певчих, упорядочивает богослужения, в манеже Главного Адмиралтейства устраивает внебогослужебные беседы с офицерскими чинами, продолжает участвовать в решении всех законодательных вопросов, касающихся военного и морского духовенства. Появляется и новая грань в его многосторонней пастырской деятельности – литературная. В 1906 году выходит в свет довольно объемный (свыше трехсот страниц) и обстоятельный труд протоиерея Алексия Ставровского – «История и описание Адмиралтейского собора». Тщательно собрав и проработав архивные данные, начав повествование с исследования вопроса о разделе Петербурга на острова, отец Алексий проследил все этапы истории собора. Без сомнения, его ценная книга и доселе является образцом для сочинений подобного рода. После этого он издает второй, не менее важный и полезный для всей Церкви, труд – «Сборник молитв Спасителю, Пресв. Троице, Божией Матери и св. угодникам Божиим». А в 1907 году, когда в печати стали появляться мнения о неканоничности ведомства придворного и военного духовенства как не епископальной структуры, отец Алексий «...написал горячую отповедь в «Церковном вестнике» под заглавием «О мнимом пресвитерианстве в Русской Церкви»[12].

В 1912 году исполнилось 50 лет служения протоиерея Алексия Ставровского в священном сане. Почтить маститого, 78-летнего юбиляра в Адмиралтейский собор собралось более сорока священников. И думается, что не просто парадной лестью, а определенным правдивым итогом полувекового пастырского пути были следующие слова, сказанные в адрес отца Алексия: «Мы привыкли видеть в Вас заботливого охранителя прав Церкви и Православия, строгого и требовательного к себе и другим, блюстителя священных устоев, ревностного оберегателя чести и интересов клира церковного, опытного руководителя и мудрого советника в служебных и житейских невзгодах, дальновидного и правдивого ценителя заслуг и трудов служебных, благожелательного водворителя мира и согласия между высшими и низшими, начальствующими и подчиненными, попечительного отца сирот, их защитника, покровителя и неустанного ходатая»[13]. С достоинством и честью прошел свой земной путь петербургский протоиерей Алексий Ставровский, и он мог бы вместе с апостолом сказать о себе: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, Праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его» *(2 Тим. 4, 7–8)*. Апостольская фраза о подвиге добром и Павловы слова о мученическом венце, приготовленном от Господа, целиком и полностью исполнились в судьбе настоятеля Адмиралтейского собора.

Мученическую кончину протоиерей Алексий Ставровский, последний настоятель Адмиралтейского собора, принял в осенние дни 1918 года (в промежутке от 31 августа по 1 октября). В этот период было схвачено Петроградской ЧК громадное количество жителей города. Поводом к широким репрессиям послужило убийство Урицкого студентом Канегиссером, совершенное 30 августа 1918 года. Насильственная смерть одного из вождей большевизма развязала руки новой власти. Советская печать запестрила призывами к мщению. «Убийство Урицкого, – говорилось в телеграмме тов. Зиновьеву, – не может оставаться безнаказанным. Кровь его вопиет о мести. <...> Мы взываем к

Адмиралтейский собор. Интерьер

С.-Петербург. В кругу офицеров Императорского Российского флота. Слева стоят: протоиерей Алексий Ставровский († 1918), св. прав. Иоанн Кронштадтский († 1908).

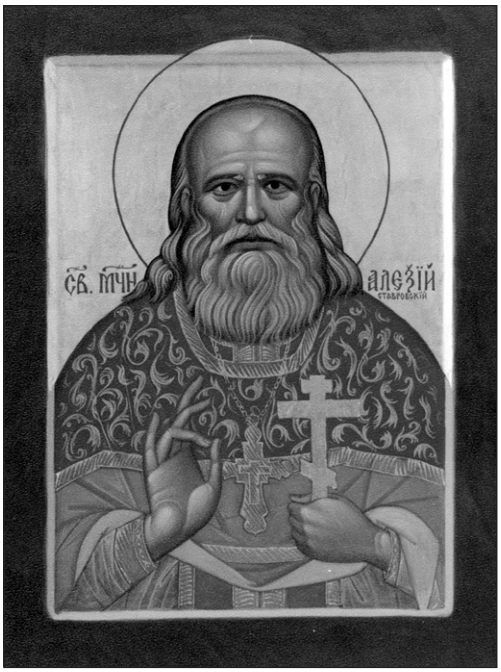
рабочим Петрограда: товарищи, бейте правых эсеров (почему именно их, осталось без объяснения – прим. авт.) беспощадно, без жалости. Не нужно ни судов, ни трибуналов! Пусть бушует месть рабочих, пусть льется кровь правых эсеров и белогвардейцев, уничтожайте врагов физически!»[14] Под этим воззванием стояли четыре фамилии без указаний на партийный ранг авторов этого призыва: Смилга, Лашевич, Голощекин, Бела Кун. После того, как «пролетариат» был достаточно подогрет этими «кровавыми призывами», последовала газетная апология красного террора. 3 сентября 1918 года в «Петроградской правде» появилась статья под названием «Пролетариат и террор». В ней говорилось: «По примеру деятелей Великой французской революции пролетариат вынужден поставить террор в порядок дня, – но это массовый террор, обращенный не против отдельных лиц, а против враждебного класса как такового. Когда железный ход исторического развития ставит перед нами дилемму «жизнь или смерть», то противостоящий нам класс должен быть обезврежен во что бы то ни стало, должен быть раздавлен, должен быть побежден. Эта цель может быть достигнута, и будет достигнута, только массовой борьбой, и если история заставляет пролетарских революционеров XX века по примеру великих революционеров буржуазии поставить террор в порядок дня – то это будет массовый террор».

В тот же день или, что вероятнее, гораздо ранее, были арестованы сотни и тысячи представителей «старого мира». Среди них был и протоиерей Алексий Ставровский. Бросив за решетку громадное количество «контрреволюционеров», большевики на следующий же день после официального провозглашения террора объявили о том, что раскрыли «грандиозный заговор, как партийных организаций, так и иностранных деятелей англо-французского капитализма»[15]. Все эти формулировки были заготовлены заранее, ибо за такой фантастически короткий срок не то что заговор раскрыть, а и допросить всех схваченных было невозможно. Такая поспешность была вызвана боязнью упустить время. Надо было торопиться, пока не ослабло «негодование рабочего класса». Поэтому еще через два дня появилось следующее заявление: «В ответ на

С.-Петербург. Дом на набережной Мойки, 59, в котором проживал и был арестован протоиерей Алексий Ставровский

убийство Урицкого Всероссийский Чрезвычайный Комитет, исполняя волю рабоче-крестьянской революции и опираясь на резолюцию 5 Съезда Советов («беспощадным массовым террором против буржуазии должен ответить революционный пролетариат и беднейшее крестьянство на эти преступные попытки») решил расстрелять целый ряд контрреволюционеров, которые и без того уже заслужили смертную казнь. Расстреляно всего 512 контрреволюционеров и белогвардейцев» [2]. В этом же номере сообщалось, что «...если правыми эсерами (о принадлежности их к убийству Урицкого не говорилось ничего – прим. авт.) и белогвардейцами будет убит еще хоть один из советских работников, нижеследующие заложники будут расстреляны. Председатель – Бокий. Секретарь – А. Иоселевич». Далее приводился список заложников, растянувшийся на четыре номера газеты.

Священномученик Алексий Ставровский

Затем тема террора, после этих сообщений в печати, как-то поутихла и утратила свой первоначальный накал. Необходимые аресты были произведены, и она стала ненужной. А через полтора месяца население Петрограда через газету оповещалось об исполнении серии расстрелов, долженствовавших, по мысли новых властителей, утолить «народный» гнев. «По постановлению Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, – говорилось в заявлении, – и по постановлению районных троек, санкционированных ЧК, за период времени от убийства тов. Урицкого по 1 октября расстреляны...» Далее приводился список, состоявший из 68 лиц. В нем под номером 59 – имя протоиерея А. Ставровского. Это сообщение заканчивалось словами «продолжение следует».

Обстоятельства гибели отца Алексия остались неизвестными. Прот. М. Польский в своей известной книге «Новые мученики Российские» приводит рассказ о том, как отец Алексий Ставровский добровольно пошел на смерть, заняв место другого священника. Согласно его версии, заключенных увезли в Кронштадт, построили на тюремном дворе в ряд, и «им было объявлено, что в виде репрессий за убийство Урицкого каждый десятый из них будет расстрелян, а остальные освобождены»[16]. Отец Алексий оказался девятым и предложил своему соседу, тоже священнику, поменяться с ним местами. Этот поступок вряд ли мог быть возможен в условиях той жестокой и «безупречно» проведенной расправы, которую учинили большевики, и должен быть признан, скорее, благочестивым вымыслом, не имеющим ничего общего с реальной действительностью тех лет. Если принять версию М. Польского, то придется согласиться с тем, что чекисты сначала произвольно расстреливали, сами не зная кого, а потом заносили в списки, при этом возле каждой фамилии делали пометку: «Беляков, Павел Сергеевич, б. офицер», «Юргенсон, Петр, б. шофер Смольного института», «Ананьев Николай, б. помещик», «Карпов, Леонид Николаевич, б. подполковник, служивший в 1-й артиллерийской бригаде» и т.д. Приведенный в газетной статье список убитых с указанием под каждым номером фамилии, социальной и партийной принадлежности, его профессии, а также с выставлением строго определенной вины против каждой группы расстрелянных, не оставляет сомнений: рас-

Кронштадт. Здание бывшей гражданской тюрьмы на Нарвской пл. (пл. Мартынова), где содержались и были расстреляны заложники, в числе которых находился и протоиерей Алексий Ставровский

ПЕТРОГРАДСКАЯ ПРАВДА. Пятница, 18 октября 1918 г. № 228.

От Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией.

По постановлению Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией и спекуляцией и по постановлениям ей иных троек, санкционированным Чрезвычайной Комиссией, за период времени от убийства тов. Урицкого по 1 октября расстреляны:

По делу об убийстве тов. Урицкого:

1) Канегиссер, Леонид Акимович, б. член партии нар. социалистов, член «Союза Спасения Родины и Революции», бывш. районный комиссант право-всероссийской военной организации, двоюродный брат Фаленцева, убийца тов. Урицкого.

По делу контрольной организации «Каморры Народной Расправы», в одной из выпущенных прокламаций заявившей о своем намерении «в один заранее намеченный час перерезать всех большевиков и жидов», и монархических организаций, входящих в «Союз Спасения Родины и Революции», программа которого написана Филоненко:

2) Злотников, Лука Тимофеевич, петроградский, бывший сотрудник газеты «Земщина», «Русское Знамя» и «Гроза», главный организатор «Каморры Народной Расправы» и автор ее прокламаций.

3) Ревенко, Иосиф Васильевич, когда-то почетный член и попечитель начальной школы «Союза Русского Народа», участник «Союза Спасения Родины» и «Каморры Народной Расправы». В квартире его найдены документы со сведениями о расположении воинских частей, количества оружия у них, количестве «своих» и настроении массы.

4) Бобров, Леонид Николаевич, член «Союза Русского Народа», знал о существовании «Каморры Народной Расправы», получал от Злотникова ее прокламации и укрывал его.

5) Мухин, Владимир Петрович, снабжал средствами «Каморру Народной Расправы» через посредство некоего Егорова, скрывшегося от ареста.

6) Гарязин, Александр Львович, бывший редактор «Дым Отечества», ярый монархист и патриот, член «Союза спасения Родины и Революции».

7) Ларин, Николай Александрович, монархист и погромщик, находящийся в связи с «Каморрой Народной Расправы» и кроме того занимавшийся крупной спекуляцией.

8) Леонтьев, Иван Тимофеевич, коммунист-провокатор, наемный организатор белогвардейских банд, имевший связи с «Союзом Спасения Родины и Революции».

По делу военной организации партии правых эс-еров, поставившей своей задачей подготовку восстания против Советской власти и захват власти путем короткого, но решительного удара, и способствовавшей белогвардейцам в деле организации и подвоза вражеских сил на Чехо-Словацкий и Мурманский фронты:

9) Лешер, Роман Романович, член Военной Комиссии при Ц. К. партии правых эс-еров, центральная фигура военной организации. У него найдено множество сведений, касающихся расположения и количества частей Красной Армии по всей России и деятельности в различных городах военной организации правых эс-еров, множество зашифрованных записей и адресов, шифр которых удалось раскрыть.

10) Сурменев, Николай Сергеевич, бывш. офицер, служивший инструктором в Управлении Зенитных батарей, игравший большую роль в военной организации эс-еров, заведывавший, повидимому, отправкой людей на фронт. В последнее время предлагал в свои заместители по этому делу вместо Карпова или Попова.

11) Тягунов, Яков Яковлевич, б. офицер, служивший делопроизводителем 4 дивизий воздушной обороны, деятельнейший член военной организации, игравший в ней большую роль. В последнее время состоял в бюро военной организации и заведывал зеленкой, печатанием разных подложных документов. На квартире его найдено множество различных бланков с печатями и поддельными подписями. В то же время Тягунов называл себя левым эс-ером и организовал при дивизионе коллектив левых эсеров, от которого был выбран кандидатом в Петроградский Совет.

12) Карпов, Леонид Николаевич, б. подпольщик, служивший в 1-й артиллерийской бригаде Красной армии, где вел разлагающую ее агитацию. Зачинщик и список членов военной организации и предлагал Сурменева в качестве его заместителя.

13) Коспеленяй, Василий Константинович, служивший письмоводителем в первом моторном дивизионе Кр. Армии. Записан в список военной организации, арестован на собрании на газетной квартире В. О. (Николаевская, 28).

14) Шиловский, Николай Борисович, бывш. офицер, помощник военного руководителя Петроградского района. Арестован по зашифрованному адресу в книжке Лепера, в которой о нем имеются и другие указания, указывающие на довольно крупную роль, которую он играл в военной организации.

15) Пеночников, Евгений Михайлович, служивший писарем в 7-й батарее Кр.-Армии. Арестован на собрании на Николаевской, 28. Доставлял Тягунову бланки 7-й батареи, которые найдены также при нем.

16) Базынин, Михаил Петрович, служивший в 1-м авиационном отряде Кр.-Армии. Арестован на собрании Николаевская, 28.

17) Беляков, Павел Сергеевич, б. офицер, арестован на своей квартире, которая была известна, как явочная квартира военной организации.

18) Ганцик, Георгий Иванович, б. волонтер «батальона Смерти», находящийся в связи с Лепером и Коспеленяем.

По делу убийства тов. Володарского:

19) Юргенсон, Петр, б. шоффер Смольного института, член партии правых эсеров, подготавливавший шоффера тов. Володарского за деньги остановить машину в определенном месте.

За вербовку белогвардейцев на чехо-словацкий и Мурманский фронты:

20) Малышев, Николай, бывш. офицер. 21) Бажанов, Валентин. 22) Бажанов, Гешельдй. 23) Бажанов, Владимир. 24) Курбатов, Владимир. 25) Маллер, Борис, б. полковник.

За систематическую агитацию против Советской власти с целью поднять восстание против нее:

26) Куш, Антон Николаевич. 27) Аннысе, Николай, б. помещик. 28) Богданов, Спиридон. 29) Белинович, Александр Иосифович. 30) Вацюнич, Николай-Николаевич. 31) Власов, Михаил. 32) Гулин, Михаил Павлович, б. офицер. 33) Геба, Николай Христофорович. 34) Гаморниченко, Алек Александрович. 35) Грожинский, Владимир-Георгиевич. 36) Зорныхало, Алексей Николаевич. 37) Конний, Станислав. 38) Куприжевский, Виктор, б. полковник. 39) Клевало, Борис Михайлович, священник. 40) Ярошевич, Матвей. 41) Корсак, Сергей Александрович. 42) Крутаненский, Василий Иванович. 45) Кудрицкая, Оскар Оскарович. 44) Кувакин-Кирилов, Александр Александрович. 45) Кобылин, Александр Михайлович. 46) Казаков. 47) Детковский, Станислав Казимирович. 48) Новиков, Сергей. 49) Малиев, Валериан, б. полковник. 50) Михайловский, Николай, б. офицер. 42) Мерзуков, Сергей Михайлович. 52) Медведский, Иван Осипович. 53) Нут, Георгий, б. портупей. 54) Шнуров, Сергей, б. офицер. 55) Рутенцкий, Владимир Дмитриевич. 56) Сланков, Петр Иванович. 57) Сахаров, Сергей Васильевич. 58) Соловцов-Краса, Филипп Васильевич. 59) Стахорский, Александр Антонович, священник. 60) Сирмайский, священник. 61) Силин, священник. 62) Тюрский, Николай Николаевич. 63) Тальцерий, Адам Иванович. 64) Тихомиров, Михаил Алексеевич. 65 Толмачинцев, 66) Успенский, священник. 67) Хромов, Яков. 68) Шарбаков, Николай.

(Продолжение следует).

Иностранная жизнь.

Совет отделов управления Советов союза коммун Северной области.

Заседание, посвященное вопросам о работе отделов управления Советов, состоялось 16 октября в помещении Петроградского Совета. Присутствовали представители Петроградского, Вологодского, Архангельского, Олонецкого, Новгородского, Псковского, Череповецкого, Мурманского, Петрозаводского, Финляндского Советов, Совета Северной области, Совета Северной коммуны, Совета Балтийского флота, Совета Балтийско-Рыбацкого Севера. И чувствуешь, что с помощью этих новых рук власть отнимается новая «печать перерождения», так долго искусственным клином разделявшая до сегодняшнего дня пролетарий друг другу на встречу самым пролетариата.

А. П.

стреливали обдуманно и планомерно, после тщательно проведенного отбора и следственной процедуры. Но по сути это ничего не меняет. Отец Алексий окормлял тех, кто подлежал уничтожению в первую очередь – офицерский состав Царской армии. Не случайно опубликованный список заложников состоял на 90% из чинов Императорской армии. Вот за исполнение своих пастырских обязанностей и поддержание Христовой веры в душах морских офицеров, а также за правдивые обличения, направленные в адрес новой власти, он и был расстрелян большевиками на самом склоне своих земных лет, в возрасте 84-х лет.

Примечания:

[1] «25-летний юбилей...». СПб, 1888. С. 5.
[2] «Вестник военного духовенства» (в дальнейшем – ВВД). 1912, № 20. С. 728.
[3] РГИА. Ф. 806, оп. 5, д. 10544, Л. 19.
[4] «25-летний юбилей...». С. 5, 6.
[5] ВВД, 1912, № 20. С. 729.
[6] ВВД, 1912, № 20. С. 730.
[7] ВВД, 1912, № 15–16. С. 580.
[8] «25-летний юбилей...». С. 10, 11.
[9] Там же. С. 9.
[10] ВВД, 1912, № 20. С. 719.
[11] «25-летний юбилей...». С. 14, 15.
[12] ВВД, 1912, № 15–16. С. 579, 580.
[13] ВВД, 1912, № 20. С. 725.
[14] «Петроградская правда», 1918, № 189.
[15] Там же, № 191.
[16] Там же, № 193.
[17] Прот. М. Польский. Новые мученики Российские. Джорданвилль. 1957. С. 131.

Панихида по о. Алексию Ставровскому и молебен новомученикам служится на водах Финского залива на траверсе Толбухина маяка. 1994 г. Толбухин маяк близ Кронштадта. Современный вид

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ (СМИРНОВ)

Митрополит Кирилл (в миру – Константин Илларионович Смирнов) родился 26 апреля 1863 года в г. Кронштадте Санкт-Петербургской губернии в семье благочестивых родителей, сумевших воспитать в сыне трепетную любовь к Церкви.

После завершения семинарского курса Константин Смирнов поступил в Петербургскую Духовную академию, в которой, как и многие студенты тех лет, оказался под сильным влиянием незаурядной личности инспектора Академии архимандрита Антония (Вадковского), который очень скоро отметил прямодушного молодого студента, горящего жаждой будущего самоотверженного пастырского служения, юношу с глубоко православным сознанием и с ясными представлениями о высоте и достоинстве духовного служения русского пастыря.

Духовную академию Константин Смирнов успешно окончил в 1887 году, защитив кандидатское сочинение, лестный отзыв о котором профессор Барсов завершил такими словами: «По интересу содержания оно настолько ценно, что желательно было бы видеть его ... в качестве диссертации магистерской».

В 1887 году Константин Смирнов был рукоположен во священника епископом Выборгским Антонием (Вадковским). В течение следующих семи лет о. Константин был священником на Кавказе, затем – настоятелем гимназической церкви в Петербурге, а в 1900 году – священником кронштадтской кладбищенской церкви. Но здесь, в этом городе детства, о. Константина поджидала трагедия. Мучительной смертью умирает маленькая дочь, а вскоре и супруга. Более ничего не связывало о. Константина с миром, и в мае 1902 года он принимает монашеский постриг с именем Кирилл, в честь святителя Кирилла Учителя Словенского. Постриг в монашество был совершен епископом Ямбургским Сергием (Страгородским). В том же 1902 году иеромонах Кирилл был возведен в сан архимандрита и назначен начальником Урмийской Духовной миссии в Персию. Архимандрита Кирилла рекомендовал сам митрополит Петербургский Антоний, характеризуя о. Кирилла, как одного из лучших представителей клира Петербургской епархии. «В его лице, – сказал владыка Антоний, – Урмийская миссия приобретет начальника с твердым религиозно-нравственным настроением, просвещенного, учительного и способного управлять делами Миссии».

В Урмии, где Миссия окормляла сиро-халдеев из числа несториан, перешедших в православие, архимандриту Кириллу пришлось столкнуться со многими трудностями. Православной миссии к моменту его назначения исполнилось всего четыре года, существовали проблемы с местными мусульманскими властями, с инославными миссиями, не хватало и финансовых средств. Миссионерское служение проходило в обстановке тотальной слежки. Почта вскрывалась, за миссионерами следили. Были случаи, когда мусульмане нападали на духовенство Миссии. Однако архимандрит Кирилл энергично взялся за разрешение этих проблем. Всего за два года он сумел наладить переводческое и печатное дело, организовать миссионерскую школу, отстоять урмийские православные храмы от посягательств раскольников, добиться повышения статуса Миссии, которая стала подчиняться непосредственно митрополиту Антонию. Многие из персидских чиновников уже опасались открыто противодействовать русским миссионерам.

О делах Урмийской миссии был информирован сам Император Николай II, у которого 12 февраля 1904 года архимандрит Кирилл получил личную аудиенцию. Силами архимандрита Кирилла было создано «Кирилло-Сергиевское Урмийское братство», которому попечительствовали императрица Мария Феодоровна,

митрополит Антоний, товарищ обер-прокурора Св. Синода В.К. Саблер.

Выдающиеся качества архимандрита Кирилла не позволили ему долго трудиться на персидской окраине. В мае 1904 года решением Синода архимандрит Кирилл был определен на епископскую викарную Гдовскую кафедру и 6 августа в Александро-Невской лавре был хиротонисан митрополитом Антонием.

Деятельность епископа Кирилла отличалась необычайной активностью: помимо разнообразных общественных и церковных служений, владыка активно участвовал в работе Урмийского братства, в Александро-Невской лавре ввел всенародное пение и внебогослужебные катехизаторские беседы, был высоко чтим единоверцами за полноуставное служение и часто совершал богослужения в единоверческих храмах. Да что – единоверцы, даже левая печать, представившая поначалу назначение архимандрита Кирилла на Гдовскую кафедру как «высокую протекцию» Петербургского митрополита, вынуждена была умолкнуть перед очевидной справедливостью подобного выбора.

Ревностное служение епископа Кирилла было широко известно. Совершая в 1909 году Крещенское богослужение в присутствии Царской Семьи, владыка отказался выполнить требование министра двора, ввиду имевшейся эпидемии, совершить освящение великой агиасмы на кипяченой воде. Великое водосвятие владыкой Кириллом было, как и принято, осуществлено у проруби реки Невы. Епископа Кирилла связывали узы духовной дружбы с великим праведником XX века о. Иоанном Кронштадтским, который незадолго до своей смерти завещал отпевать себя именно епископу Кириллу.

В декабре 1909 года Синод назначил епископа Кирилла на самостоятельную Тамбовскую кафедру. Уже первой своей речью-импровизацией епископ Кирилл изумил тамбовское духовенство. Владыка предлагал быть готовыми совместно обсуждать возникающие вопросы, взаимно помогать друг другу, а в случае возникновения разногласий проявлять терпимость, покрывая все недоразумения взаимной любовью Подобные слова из уст правящего архиерея (да еще прибывшего из столичного Петербурга) по тем временам были чрезвычайной редкостью. Вообще, как отмечалось тогда тамбовскими газетами, «новый Владыка произвел чарующее впечатление своею бодростью, добротой,.. и отеческим обращением со всеми». «Тамбовская епархия может радоваться, Бог послал ей одного из выдающихся иерархов».

Все было ново для тамбовской паствы: и проникновенные проповеди епископа Кирилла, и полноуставные службы (всенощное бдение длилось пять и более часов), и неустанная энергия епископа, постоянно

Свято-Троицкая церковь (старая) на Кронштадтском кладбище, где служил священник Константин Смирнов, будущий митрополит Кирилл

совершавшего архипастырские поездки по городам и весям епархии (в год владыка успевал объезжать до 120 храмов – и это при тех-то российских дорогах). Владыка ввел архипастырские беседы с народом и общенародное пение, а также ежегодное совершение заупокойных литургий в дни памяти тогда еще не канонизированных протоиерея Иоанна Кронштадтского, епископа Феофана Затворника, святителя Питирима Тамбовского, Оптинского старца Амвросия. После литургии все городское духовенство съезжалось на торжественную панихиду, а в Духовной семинарии и прочих образовательных учреждениях устраивались чтения в память подвижников благочестия.

Владыка основал Церковно-археологический комитет, учредил Тамбовское просветительско-миссионерское Питиримовское братство, организовал строительство нового семинарского храма, открыл несколько благотворительных обществ. Любовь к владыке Кириллу была всеобщей. Это было таким редким явлением, когда архипастырь был одинаково любим и почитаем духо-

Дом церковного причта на Кронштадтском кладбище. Современный вид

Митрополит Кирилл

венством, паствой, светскими властями и даже прессой.

Тяжелым испытанием для Церкви стало изменение общественно- политического строя государства Российского в феврале 1917 года. Владыка Кирилл со своей кафедры обратился к пастве со словом предостережения от бездумного ликования по поводу полученных свобод: «Тяжким несчастием для Родины будет, если дни начавшейся свободы омрачатся проявлением какой-нибудь злобы или мстительности по отношению к прошлому, пусть в этом прошлом нашем было много, чем справедливо возмущались, но из были слова не выкинешь, прошлое это было все-таки наше, отечественное прошлое... Если не удержимся от глумлений над своим прошлым, то напишем такую новую страницу своей истории, которую следующие поколения будут читать с краской стыда на лице, готовы будут вырвать ее, но нет таких ножниц которыми можно было бы вырезать что-либо из памяти истории. Будем помнить это крепко и молить Бога, чтобы не впасть нам во искушение».

Архиепископ Кирилл являлся одним из наиболее деятельных участников Поместного Собора 1917 года, состоял председателем Соборного отдела о преподавании Закона Божия, вместе с епископом Пермским Андроником выступил инициатором издания материалов о Соборе и был среди первые жертвователей на это дело. В октябре 1917 года состоялась встреча соборной делегации, возглавляемой архиепископом Кириллом, с А.Ф. Керенским для обсуждения возможности восстановления преподавания Закона Божия в школах. Впечатления от этой встречи делегированные Собором депутаты вынесли самые негативные, о чем архиепископ Кирилл подробно рассказал Собору.

1 апреля 1918 года Святейшим Патриархом Тихоном архиепископ Кирилл был назначен митрополитом Тифлисским и Бакинским, Экзархом Кавказским. Но после неудавшейся из-за военных действий попытки добраться до Тифлиса митрополит Кирилл вернулся в столицу и продолжал служить в Москве, будучи избран членом Священного Синода, затем он был арестован Московской ЧК и два месяца протомился в тюрьме. А в апреле 1920 года владыка был назначен на вдовствующую Казанскую кафедру.

В Казани владыка Кирилл пребывал с июня по август 1920 года, пока не был арестован за выезд из Москвы без предупреждения ЧК, чем вызвал растерянность на Лубянке: «Наши агенты сбились с ног, выслеживая его в Москве, а он уже в Казани», – рапортовали в Секретном отделе ВЧК. Владыка был заключен в Таганскую тюрьму, где уже томилось несколько иерархов: митрополит Серафим (Чичагов), архиепископ Филарет (Никольский), епископы Феодор (Поздеевский), Анатолий (Грисюк), Петр (Зверев), Гурий (Степанов). Все они признали безусловный авторитет Казанского митрополита. Тот, чей жизненный путь хотя бы единожды пересекся с исповеднической стезей владыки Кирилла, уже не мог забыть образ этого удивительного иерарха. Князь Сергей Трубецкой, старший сын русского философа Евгения Трубецкого, вспоминая о днях, проведенных в Бутырской тюрьме, писал о владыке Кирилле: «С достойной простотой нес он своей крест до конца, подавая пример многим и являясь немым укором тоже для многих... »

Святейший Патриарх Тихон, митрополит Крутицкий Петр и митрополит Казанский Кирилл на Церковном соборе в Москве. Фото 1920-х гг.

В январе 1922 года последовало освобождение и владыка Кирилл вновь прибыл в Казань. Казанцы с ликованием встречали своего архипастыря, почувствовав в нем того иерарха, который в состоянии сплотить церковный народ перед лицом надвигающегося безбожия. За свое недолгое пребывание в Казани владыка смог уладить церковные дела, совершить епископские хиротонии, сплотить паству вокруг Церкви. Владыка весьма высоко ставил достоинство и ответственность православного иерарха. Ему не простят его ответ на предложение председателя комиссии по изъятию церковных ценностей Денисова «помочь» своим авторитетом Советской власти: «За время революции очень много лили грязи на духовенство, – сказал владыка, – а теперь зовете нас к себе на службу. Этого не будет, я лично не хочу исполнять роль полицейского, прокладывающего путь работе комиссии по изъятию ценностей, и за последствия история нас может жестоко осудить. Для нас более славно не участвовать в этом деле, и менее славно – участвовать». Через три месяца, в августе 1922 года владыка Кирилл вновь будет арестован.

А затем была Московская тюрьма, ссылка в Усть-Сысольск, затем краткое освобождение и просьба владыки, обращенная к Святейшему Патриарху, не вводить Красницкого в состав Синода, не обманываться обещанием властей освободить заключенных иерархов: «Ваше Святейшество, – сказал митрополит Кирилл, – о нас, архиереях, не думайте. Мы теперь только и годны на тюрьмы... »

И вновь ссылка в Зырянский край. В 1925 году Святейший Патриарх Тихон мирно скончался, и было обнародовано его завещание, в котором митрополит Кирилл называется первым в числе иерархов, достойных принять на себя бремя ответственности по управлению Церковью в период до избрания нового Патриарха. Этим свт. Тихон косвенно указывал на владыку Кирилла как на наиболее достойного кандидата в Патриархи. Но ввиду нахождения митрополита Кирилла в ссылке, Патриаршим Местоблюстителем был избран митрополит Петр Крутицкий, который вскоре тоже был арестован и изолирован властями. Во главе Церкви стал заместитель Местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский).

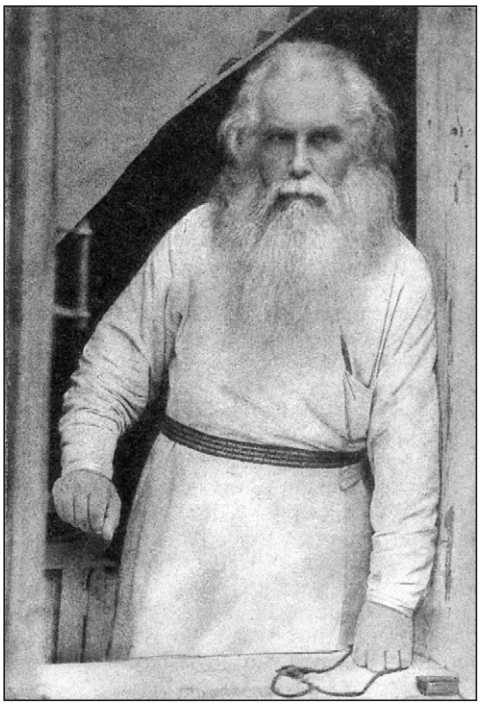
Осенью 1926 года группа епископов, близких к митрополиту Сергию предприняла подготовку к так называемым «тайным выборам патриарха», в результате чего около 70 иерархов так или иначе высказалось за избрание Патриархом митрополита Кирилла. Однако участники выборов были арестованы, а перед митрополитом Кириллом Тучковым была поставлена альтернатива: либо новая ссылка, либо – свобода и даже помощь в избрании на патриаршество, но с обязательством согласовывать свою церковную политику с ГПУ. В ответ владыка Кирилл произнес знаменитую фразу: «Евгений Александрович, вы не пушка, а я не бомба,

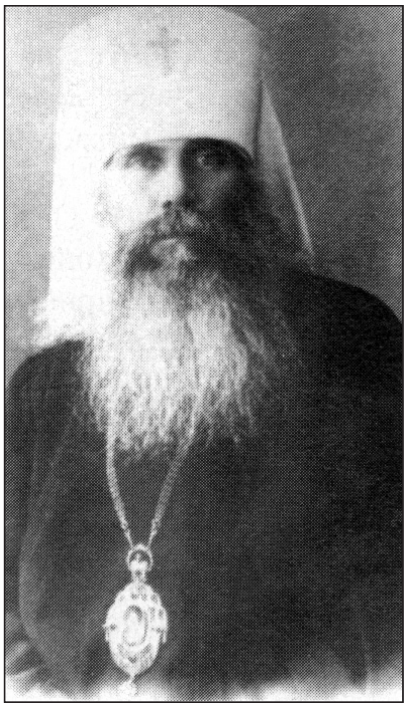
Митрополит Петр Крутицкий в ссылке. Стойбище Хэ в устье реки Оби. Фото 1930-х гг.

которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь». После этих слов владыка был отправлен в новую ссылку, теперь уже Туруханский край.

В 1929 году владыка Кирилл выступил против деятельности митрополита Сергия по перемещению с кафедр архиереев и запрещению в служении несогласных. Неприемлемо для владыки Кирилла было и учреждение Временного Патриаршего Синода.Он считал его новой формой правления, и это решение превышало полномочия даже Местоблюстителя, а не только его Заместителя. В результате в феврале 1930 года митрополит Сергий вместе с Синодом уволил митрополита Кирилла за штат. Несмотря на это владыка Кирилл не отказался от своей позиции, хотя не принял предложения части «непоминающих» вступить, в обход митрополита Сергия, а значит – и Петра Крутицкого, в права Патриаршего Местоблюстителя.

Митрополит Кирилл в ссылке. Фото 1930-х гг.

Священномученик Кирилл, митрополит Казанский

Митрополит Петроградский Иосиф (Петровых)

Епископ Ростовский Евгений (Кобранов)

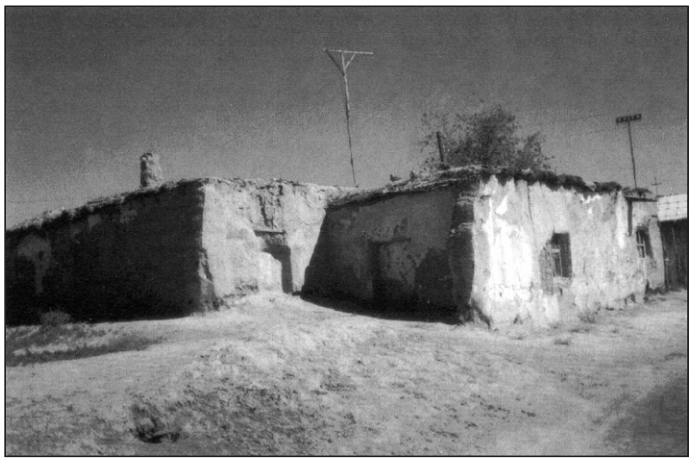
Мы не должны смущаться всеми этими обстоятельствами. Митрополиту Кириллу так поступать велела его архипастырская совесть. Митрополита Сергия вынуждала к подобным действиям политическая и историческая действительность. Святой апостол Павел в свое время писал: «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» *(1 Кор.11,19)*.

Митрополит Кирилл был расстрелян 20 ноября 1937 года в возрасте 74 лет в Чимкенте, вместе с другим старцем-митрополитом Иосифом (Петровых). 37 лет выпало прожить владыке Кириллу в XIX веке и 37 лет – в XX. На годы Советской власти выпало 20 лет жизни, но из них всего 4,5 года – на свободе. Мученический венец владыка Кирилл сподобился принять в преддверии 50-летия своего служения в духовном звании.

Выдающийся иерарх Русской Церкви, столп веры православной в XX веке, мученик, ни разу не уронивший высокого иерархического достоинства, внушавший уважение даже своим врагам – гонителям веры Христовой, почитается как в нашем Отечестве, так и зарубежом.

День памяти митрополита Кирилла совершается **7/20 ноября** (день мученической кончины), **4/17 октября** (Собор Казанских святых) и **25 января / 7 февраля** (Собор новомучеников Российских).

Составитель жития А.В. Журавский

Барак 1930-х гг. в г. Яны-Курган в Казахстане; в подобном бараке жили митрополиты Кирилл (Смирнов) и Иосиф (Петровых) во время ссылки

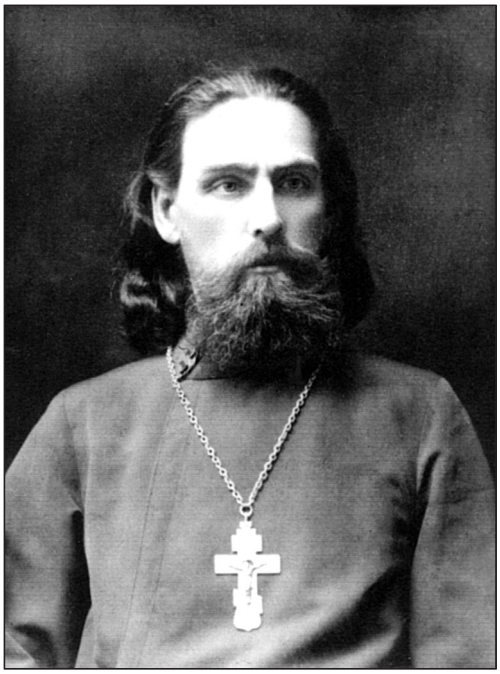
Чимкент. Лисий овраг. Здесь были расстреляны митрополит Кирилл (Смирнов), митрополит Иосиф (Петровых) и епископ Евгений (Кобранов). Фото 1997 г.

С.Н.Федотова

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПРОТОИЕРЕЙ ГРИГОРИЙ ПОСПЕЛОВ, КРОНШТАДТСКИЙ

1877–1921

Память 16/29 марта

Новомученик Петербургской епархии протоиерей Григорий, настоятель церкви Скорбящей Божией Матери при Свято-Троицком Обществе трезвости в городе Кронштадте, родился 12 декабря 1877 года. Его отец, Иоанн Иоаннович Поспелов, служит в это время певчим Придворной певческой капеллы в Петербурге. В 1878 году Иоанн Поспелов был рукоположен в сан диакона, а в 1883 году по распоряжению Главного священника Армии и Флотов перемещен диаконом к Кронштадтской Морской Богоявленской церкви[1], где прослужил до конца своих дней. В семье Иоанна Поспелова и его жены, Анны Григорьевны, было пять человек детей – три дочери и два сына, младшим из которых был Григорий.

В возрасте 9 лет Григорий был определен в Александро-Невское духовное училище в Петербурге, после успешного окончания которого поступил в Петербургскую Духовную семинарию. Завершение полного курса обучения состоялось весной 1900 года. Этой весной и ранним летом происходит ряд важных событий в жизни Григория Поспелова.

В архиве Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства хранится «Дело о смерти диакона Кронштадтской Морской Богоявленской церкви Иоанна Поспелова и о назначении на его место окончившего курс в Санкт-Петербургской Духовной семинарии Григория Поспелова»[2].

Иоанн Поспелов скончался 26 апреля 1900 года и 28 апреля был предан земле на Сергиевском военно-морском кладбище Кронштадта с подобающими почестями. Газеты «Котлин» и «Кронштадтский вестник» дали подробный отчет о похоронах Иоанна Поспелова, старшего диакона морских церквей Кронштадта, пользовавшегося всеобщим уважением.

Выше упомянутое «Дело…» содержит переписку о. протопресвитера Александра Желобовского с частными и должностными лицами и ряд документов, связанных с открывшейся диаконской вакансией.

Невозможно не упомянуть прежде всего о находящемся в бумагах автографе святого праведного Иоанна Кронштадтского. Он обнаружен на прошении вдовы умершего диакона Анны Григорьевны Поспеловой, чуть ниже подписи вдовы.

«Осмеливаюсь присовокупить мое ходатайство пред Протопресвитером за дочь или за сына усопшего диакона Поспелова.

Протоиерей Иоанн Сергиев (Кронш. Собор)»[3].

Прошение составлено 27 апреля 1900 года. На этой же бумаге, в самой верхней части листа – распоряжение протопресвитера А. Желобовского:

«Вызвать воспитанника СПб Семинарии Григория Поспелова на 6-е число будущего мес. ко всенощному бдению в мою домовую церковь».

Кандидатура преемника Иоанна Поспелова волновала тогда не только его родственников и непосредственное начальство, но и Главного Командира Кронштадтского порта, известного вице-адмирала Степана Осиповича Макарова. Морская Богоявленская церковь в то время – главный морской храм Кронштадта, и С.О. Макарова заботит благолепие церковного богослужения в этом храме, а также в приписанной к церкви Богоявления Николаевской церкви при морском манеже. Его письмо от 30 апреля 1900 года адресовано протопресвитеру военного и морского духовенства.

«…26-го сего Апреля умер диакон Кронштадтской Морской Богоявленской церкви Иоанн Поспелов, отличавшийся до своей болезни прекрасным голосом и благолепным служением в церкви.

Такой именно диакон, с выдающимся голосом и представительной наружности, как покойный Иоанн Поспелов, необходим для Кронштадтских Морских церквей. В Мор-

Кронштадт. Церковь Богоявления Господня. Фото 1910-х гг.

ской Николаевской церкви совершаются торжественные службы в высокоторжественные дни в присутствии всех начальствующих лиц Кронштадта. Кроме того, на богослужениях иногда бывают при приезде в Кронштадт, Его Императорское Высочество Генерал-Адмирал и высшее морское начальство. Наконец, то обстоятельство, что нижние чины слушают богослужение в манежной церкви из манежа, требует, чтобы диакон обладал очень сильным голосом, без чего они не услышат ни одного возгласа и ни одной ектении. Все это дает мне право надеяться, что, Вы, Ваше Высокопреподобие, примите во внимание нужды Морских церквей вверенного мне порта и не откажете назначить диакона соответствующего вышеуказанным требованиям по голосу, представительности и знанию своей обязанности…»[4]

Семья диакона Григория Поспелова. Фото 1910-х гг.

Собранные в деле бумаги показывают, как постепенно вопрос о вакантной должности решался в пользу семинариста Григория Поспелова. Вот характеристика, данная ему в письме ректора Санкт-Петербургской семинарии.

«…Оканчивающий курс учения в СПб. Духовной Семинарии воспитанник Григорий Поспелов во время своего пребывания в Семинарии вел себя всегда одобрительно, успехи в науках обнаруживал достаточные. Поспелов обладает прекрасным сильным голосом (басом), хорошо знает пение и церковный устав, почему он постоянно состоял в семинарском хоре и часто исполнял за будничными службами в семинарии обязанности псаломщика…»[5].

С разрешения семинарского начальства Г. Поспелов держал экзамены досрочно, в сокращенный срок, и был выпущен из семинарии по 2 разряду. Подлинное свидетельство об образовании Г. Поспелова содержится в «Деле…»

24 мая 1900 года Григорий Поспелов получает приказ протопресвитера военного и морского духовенства о назначении его на вакансию штатного диакона к Кронштадтской Морской Богоявленской церкви.

Получив благословение и разрешение, он вступил в брак с дочерью псаломщика, девицею Елизаветою Велицкой. В «Деле…» представлена метрическая выписка о бракосочетании, которое состоялось 2 июня 1900 года в Кронштадтской Морской Богоявленской церкви.

Завершает «Дело…» бумага из Санкт-Петербургского епархиального Управления от 27 июля 1900 года. Это письмо о. Вениамина, будущего епископа Гдовского протопресвитеру – Александру Алексеевичу Желобовскому.

«…имею честь уведомить Ваше Высокопреподобие, что согласно Вашему ходатайству, окончивший курс в СПб. духовной семинарии Григорий Поспелов, по распоряжению Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Антония, Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, Преосвященным Никоном, Епископом Нарвским, Викарием Санкт-Петербургской епархии, рукоположен в диакона 11 июня сего года, при служении в Исаакиевском кафедральном соборе, и что новорукоположенному диакону Поспелову выдана, за подписанием Его Высокопреосвященства, диаконская грамота от 30 минувшего Июня за № 4293…»[6]

С июня 1900 года до октября 1917 года Григорий Поспелов служит штатным диаконом Кронштадтской Морской Богоявленской церкви, а с 1913 года и штатным диаконом Морского собора Николая Чудотворца. За этот период он был удостоен следующих наград[7].

Отмечен Благословением Св. Синода с выдачею установленной грамоты 3 февраля 1910 года.

Пожалован медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых.

Удостоен награждения золотой медалью с надписью «за усердие», для ношения на груди, на Аннинской ленте. (К этой награде он был представлен по всеподданнейшему докладу Синодального Обер-Прокурора, согласно определению Святейшего Синода, к 6 мая 1914 года –

дню рождения Его Императорского Величества. В числе наград, Высочайше даруемых духовенству).

Награжден орденом Св. Анны 3-й степени 30 июля 1915 года.

В наградном листе диакона морских церквей Кронштадта Григория Поспелова, представленном руководством Кронштадтского порта в Главный морской штаб в декабре 1912 года, говорится:

«Бессменно с 1 окт. 1901 г. состоит законоучителем Портовой школы, исполняя свои обязанности ревностно и методично, причем ученики хорошо усваивают преподаваемый предмет, благодаря вдумчивому отношению к делу обучения диакона Григория Поспелова.

В 1905 г., во время бывшего в Кронштадте мятежа, вместе со священниками церкви Богоявления Господня выполнил самоотверженный подвиг шествия с крестным ходом среди мятежников»[8].

Григорий Поспелов преподавал Закон Божий также в начальной школе при Кронштадтской городской полиции (с 1 октября 1910), но настоящим его детищем стала церковно-приходская школа при Свято-Троицком Обществе трезвости, где он учил безвозмездно.

Безвозмездный труд для народа (тогда это называлось «деятельность на поприще народного блага») занимал важное место в жизни Григория Поспелова.

В период с 1903 по 1906 год он работает в Кронштадтском отделении Общества попечения о бедных военного и морского духовенства[9].

Общество возникло в Петербурге в 1879 году, благодаря усилиям Главного священника Армии и Флотов протоиерея П.Е. Покровского. Позже стали открываться отделения Общества и в других городах России. Кронштадтское отделение было первым – оно открылось уже в 1880 году[10]. Для призреваемых вдов и сирот был устроен особый приют, названный Мариинским, в честь Августейшей Покровительницы Общества – Императрицы Марии Феодоровны. Как раз в годы бескорыстного служения Григория Поспелова в Кронштадтском отделении Общества попечения о бедных военного и морского духовенства (а точнее – в 1903 году) в Мариинском приюте были проведены строительные работы, в результате чего появилась еще одна жилая квартира в 2 комнаты, с кухней, прихожей и чуланом, а также был построен новый флигель для прачечной и дворника[11]. Небольшая усадьба выходила одними воротами на Купеческую улицу (ныне Гражданская), а другими на Новопавловскую. Ни Новопавловская улица, ни деревянные постройки приюта до наших дней не сохранились. Теперь на этом месте красивое каменное здание больницы.

С 1906 года и до конца своих дней Григорий Поспелов активно трудится в Кронштадтском Свято-Троицком Обществе трезвости. Общество было задумано и основано священником Н.Н. Вертоградским, настоятелем Свято-Троицкой кладбищенской церкви[12]. С благословения Высокопреосвященнейшего митрополита Антония оно начинает свою деятельность 25 марта 1903 года. Огромную поддержку благородному начинанию оказал вице-адмирал

Диакон Григорий Поспелов с матушкой и детьми. Фото 1910-х гг.

Диаконъ Григорій Поспеловъ

С.О. Макаров, который помог обосноваться Обществу трезвости сначала в Народном доме, а потом в портовой столовой. Вскоре Морское ведомство выделило участок земли, где в 1905 году был построен молитвенный дом. Через несколько лет о деятельности Общества стало известно далеко за пределами Кронштадта. Во всеподданнейшем отчете за 1908 год о состоянии города Кронштадта, против указания Военного Губернатора на заслуживающую особого внимания деятельность Свято-Троицкого Общества трезвости, Император Николай II начертал: «Весьма похвальная деятельность»[13].

В 1909 году Свято-Троицкое Общество трезвости было причислено к Морской Богоявленской церкви. К этому времени количество действительных членов Общества составило 2730 человек. В основном это были рабочие Кронштадтского порта. Молитвенный дом Общества своими богослужениями и чтениями привлекал к себе много богомольцев и слушателей. Часто, особенно в зимние воскресные дни, в доме, вмещающем до 1000 человек, не доставало места для посетителей. Вот некоторые строки из «Отчета о деятельности Свято-Троицкого Общества трезвости в г. Кронштадте (при Морской Богоявленской церкви) за 1909 год»[14].

«Каждый воскресный день, а в будни каждую среду и пятницу, предлагались народу чтения с туманными картинами, более всего религиозно-нравственнного содержания, иногда же – по истории и географии России и других стран (по большей части издания Высочайшей Комиссии по устройству народных чтений). За отчетный год таких чтений, вместе с пастырскими поучениями, было более 160. В ведении чтений с туманными картинами усердно и безвозмездно помогали руководителю: диакон Г. Поспелов и учитель машинной школы И.М. Братолюбов»[15].

Весьма популярны были среди кронштадтских трезвенников крестные ходы. Самые продолжительные из них были: в Сергиеву пустынь и в монастырь (подворье)

во имя прп. Серафима Саровского Чудотворца близ Петергофа.

При доме трезвости действовала амбулатория, где дважды в неделю (а по необходимости и чаще) осуществлялся прием больных. Существовала бесплатная библиотека для всех желающих. Учащиеся в школе дети ежедневно получали чай, а наиболее нуждающиеся – и горячий завтрак.

Церковно-приходская школа Общества была открыта в сентябре 1908 года и в 1909 году успешно завершила учебный год. Вновь несколько строк из уже упоминаемого «Отчета…».

«Учащиеся обнаружили на переводных экзаменах и при посещении наблюдателя церковно-приходских школ Петергофского уезда успехи очень хорошие, благодаря трудам законоучителя диакона Г. Поспелова, учительницы предметов и рукоделия Л. Братолюбовой и учителя пения псаломщика А. Шевченко. Диакон Поспелов и псаломщик Шевченко преподавали безвозмездно»[16].

В следующем учебном году в школе было уже 44 учащихся обоего пола, в 1912 году 52 мальчика и 63 девочки, в 1916 – 106 мальчиков и 112 девочек[17].

В первые годы школа теснилась в помещении, которое Общество трезвости снимало для своих детей, но затем был выхлопотан участок земли, принадлежавший Морскому ведомству. Началось строительство школы, в котором активное участие принимал Григорий Поспелов. Его имя вновь упоминается в журнале «Вестник военного и морского духовенства» за 1912 год.

«…о. Протопресвитер после осмотра церкви посетил вновь строющееся здание школы трезвенников и остался очень доволен, как молитвенным домом, так и строющеюся школою; затем посетил настоящую школу, в нанимаемом помещении, где был встречен законоучителем диаконом Поспеловым, учительницами и учащимися детьми»[18].

С 1908 года Григорий Поспелов – помощник руководителя, а с июня 1917 года – руководитель Кронштадтского Свято-Троицкого Общества трезвости. На эту должность он был назначен приказом протопресвитера[19].

Сохранились письма членов Общества трезвости, исполненные благодарности Г.И. Поспелову за его нелегкие труды. Письмо от 1 января 1914 года в адрес о. протопресвитера военного и морского духовенства содержит следующие строки.

«Вы знаете, Ваше Высокопреподобие, как велико то дело, которое творится в стенах нашего общества, сколько нужно силы, сердечности, выдержки и твердой воли для тружеников на этом поприще…В течение уже восьми лет о. Григорий служит в нашем обществе, знает все наши невзгоды и нужды, знает, когда и как нужно обращаться с членами общества, и имеет веру и надежду в преуспеяние в будущем общества. Мы видим его в каждую трудную минуту помогающего и ободряющего нас не бросать, но продолжать это дело»[20].

В подобном послании от 12 июня 1917 года :

«Он работал для пользы народа, борясь с народным недугом «пьянством». Постройка школы также весьма много обязана ему, с грошами в кассе мы выстроили великолепное здание.

Всегда во всех критических случаях общества о. диакон никогда не отказывался и приходя на помощь, приносил истинную пользу»[21].

Церковь Богоявления Господня, где служил Григорий Поспелов, была построена в 1862 году на средства Морского Министерства[22]. Она была деревянной, и так же, как приписанная к ней Николаевская церковь, устроенная в 1841 году при морском манеже, постепенно приходила в ветхость. Церкви были малопоместительны, особенно для числа матросов, которых проживало в Кронштадте более 18000 и которые для присутствия при богослужении распределялись по всем кронштадтским церквам Морского ведомства. Поэтому огромным событием в жизни Кронштадта стало завершение в 1913 году строительства трехпрестольного Морского собора. Особым событием это стало для причта Морской Богоявленской церкви.

Освящение величественного Морского собора во имя Святителя и Чудотворца Николая состоялось 10 июня 1913 года в присутствии Государя Императора. Об этом, а также о состоявшемся накануне, 9 июня, всенощном бдении, можно прочесть в журнале «Вестник военного и морского духовенства» за 1913 год.

«В шесть загудел тысячепудовый колокол собора, извещая Кронштадт о начале так долго ожидаемого торжества, а в шесть часов из чеканных царских врат вышло духовенство во главе с о. Протопресвитером на середину храма для служения всенощного бдения… Настал необыкновенно торжественный момент. Величественные своды храма огласились звуками молитв и церковных песнопений и благовонный дым из священного кадила потянулся в купол. Всенощное бдение служили священнослужители, назначенные в самый день освящения служить литургию в Высочайшем присутствии, а именно: протоиерей И.В. Морев, прот. А.А. Ставровский, прот. И.А. Погодин, прот. И.О. Невдачин, прот. В.И. Погодин, настоятель Кр. Андреевского собора прот. П.И. Виноградов, прот. Е.А. Рыбчинский и свящ. С. Путилин, при придворном протодиаконе Скобникове, протодиаконе церкви Протопресвитера Демине и диаконах Г. Поспелове и В. Братолюбове»[23].

С открытием нового Собора Николаевскую церковь, что при морском манеже, предполагалось упразднить, причт Богоявленской церкви переименовать в причт при Морском Николаевском соборе, Богоявленскую церковь из самостоятельной обратить в приписную.

Действительно, с июня 1913 года штат причта Богоявленской церкви был перечислен к Морскому собору, но при этом Богоявленская церковь сохранила свою самостоятельность. Отсюда разночтения в документах. Григорий Поспелов именуется то диаконом Богоявленской церкви, то диаконом Морского собора, то диаконом морских церквей Кронштадта.

Учитывая возрастающую нагрузку (службу в соборе и церкви одновременно), штат причта с 1913 года собирались увеличить одним священником, одним диаконом и

одним псаломщиком. Предполагалось, что открывающееся место священника займет, согласно его заслугам, Григорий Поспелов. В деле 1914 года «По ходатайству о посвящении в сан священника диакона Кронштадтского Морского собора Григория Поспелова и назначении его руководителем Кронштадтского Свято-Троицкого Общества трезвости» есть отзыв настоятеля храма протоиерея Василия Погодина: «…назначение его Поспелова руководителем с возведением в сан священника было бы лучшею наградою для него за те труды, которые он нес в Обществе в течение 8 лет и послужило бы поощрением к дальнейшей плодотворной работе в Обществе. <…> дело о посвящении Поспелова в сан священника не может быть разрешено до открытия нового штата причта при новооткрытом Морском соборе (о чем уже возбуждено ходатайство), иначе, при ежедневном служении в соборе и Богоявленской церкви, пришлось бы остаться при одном нештатном диаконе»[24].

Проект нового штата остался лишь на бумаге, так как в казначействе не нашлось необходимых средств – ни в 1913, ни в 1914 году, а тем более позже, когда начались страшные военные и революционные события. И в 1917 году штат причта Морской Богоявленской церкви оставался таким же, как и в 1900 году, когда Григорий Поспелов только начинал свое служение: один протоиерей, два священника, один диакон и два псаломщика.

В августе 1917 года, после увольнения в отставку одного из священнослужителей, открывается вакансия третьего священника при Морской Богоявленской церкви и Морском соборе.

Кроме диакона Григория Поспелова, на место претендуют еще несколько священников, и не только кронштадтских. Всем им пришлось пройти своеобразный конкурс, нелегкий и продолжительный. Назначение на вакантное место в наступившие революционные времена зависело уже не только от о. протопресвитера военного и морского духовенства. Как раз в это время, летом 1917 года, в основу управления ведомством был положен принцип выборного начала. Тогда же создаются многочисленные Советы, Комитеты и Союзы , призванные рекомендовать, поддерживать или отклонять.

Кандидатура Григория Поспелова была поддержана причтом Морской Богоявленской церкви, Церковным Советом Морского Николаевского собора и Богоявленской церкви, членами Свято-Троицкого Общества трезвости и прихожанами молитвенного дома этого Общества[25]. В сентябре 1917 года в Полевую канцелярию протопресвитера, находившегося тогда в ставке Главнокомандующего, поступила телеграмма следующего содержания:

«Общее экстренное собрание постановило обратиться к отцу Протопресвитеру с вопросом о времени назначения диакона Поспелова священником на третью вакансию в Морской собор. От этого зависит время освящения нашего храма вместе с освящением желательно и его посвящение во священника. Храм готов.

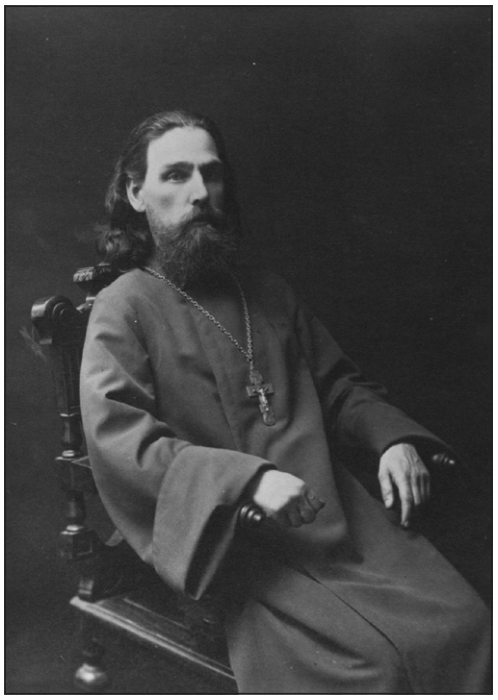
Комитет Общества Трезвости»[26]

Еще в начале 1917 года Свято-Троицкое Общество получает разрешение митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина на устройство самостоятельного приходского храма. Правда, в апреле того же года, на общем собрании трезвенников, решение несколько меняется: создавать собственный храм, оставаясь при Богоявленской церкви[27].

Практически все храмовое имущество было собрано в молитвенном доме еще в конце 1906 года , когда сюда был доставлен иконостас, пожертвованный офицерами и командой учебного судна «Генерал-Адмирал». В доме

Кронштадт. Перспектива Екатерининского бульвара от излучины Обводного канала, где располагался храм Общества трезвости, в котором служил священник Григорий Поспелов. Фото 1910-х гг.

Священник Григорий Поспелов. 1917 г.

имелись плащаница, хоругви, алтарная утварь и другие принадлежности храма. Было оборудовано место для алтаря.

3 октября 1917 года был издан приказ о назначении Григория Поспелова на вакансию третьего священника Морского собора[28]. Управление ведомства протопресвитера делает надлежащее сношение с Петроградским Епархиальным начальством о рукоположении диакона Поспелова в сан священника .

В кронштадтской газете «Труд и земля» за 14 октября 1917 года, в разделе «Объявления», появляется следующая информация.

КРОНШТАДТСКОЕ СВЯТО-ТРОИЦКОЕ ОБЩЕСТВО ТРЕЗВОСТИ

сообщает, что в субботу, 14 числа , будет совершено архиерейским служением всенощное бдение, а в воскресенье, 15-го, освящение храма и посвящение во священнический сан их дорогого руководителя диакона Г.И. Поспелова.

До большевистского переворота оставалось лишь десять дней.

К сожалению, мы не знаем, как проходило освящение нового храма и посвящение Григория Поспелова в сан священника. Кто из архиереев приезжал тогда в Кронштадт? Зато доподлинно известно, что при посещении кронштадтских храмов 2 июня 1918 года святейший Патриарх Тихон посетил и церковь Свято-Троицкого Общества трезвости[29].

И после октября 1917 Григорий Поспелов служит в морских церквах Кронштадта, в том числе и в новом храме, который (как прежде молитвенный дом трезвенников) приписан к Морской Богоявленской церкви. Но быть так называемому «морскому духовенству» оставалось уже недолго.

В начале 1918 года Церковь отделена от государства.

16 января 1918 года был издан приказ Народного комиссариата по военным делам за № 39, где, в частности, говорилось:

1. Уволить всех священнослужителей всех вероисповеданий, находящихся на службе военного ведомства.

2. Все управления военного духовенства расформировать[30].

«Церковные ведомости» того времени публикуют материал под заголовком – *Лишение содержания морского духовенства.*

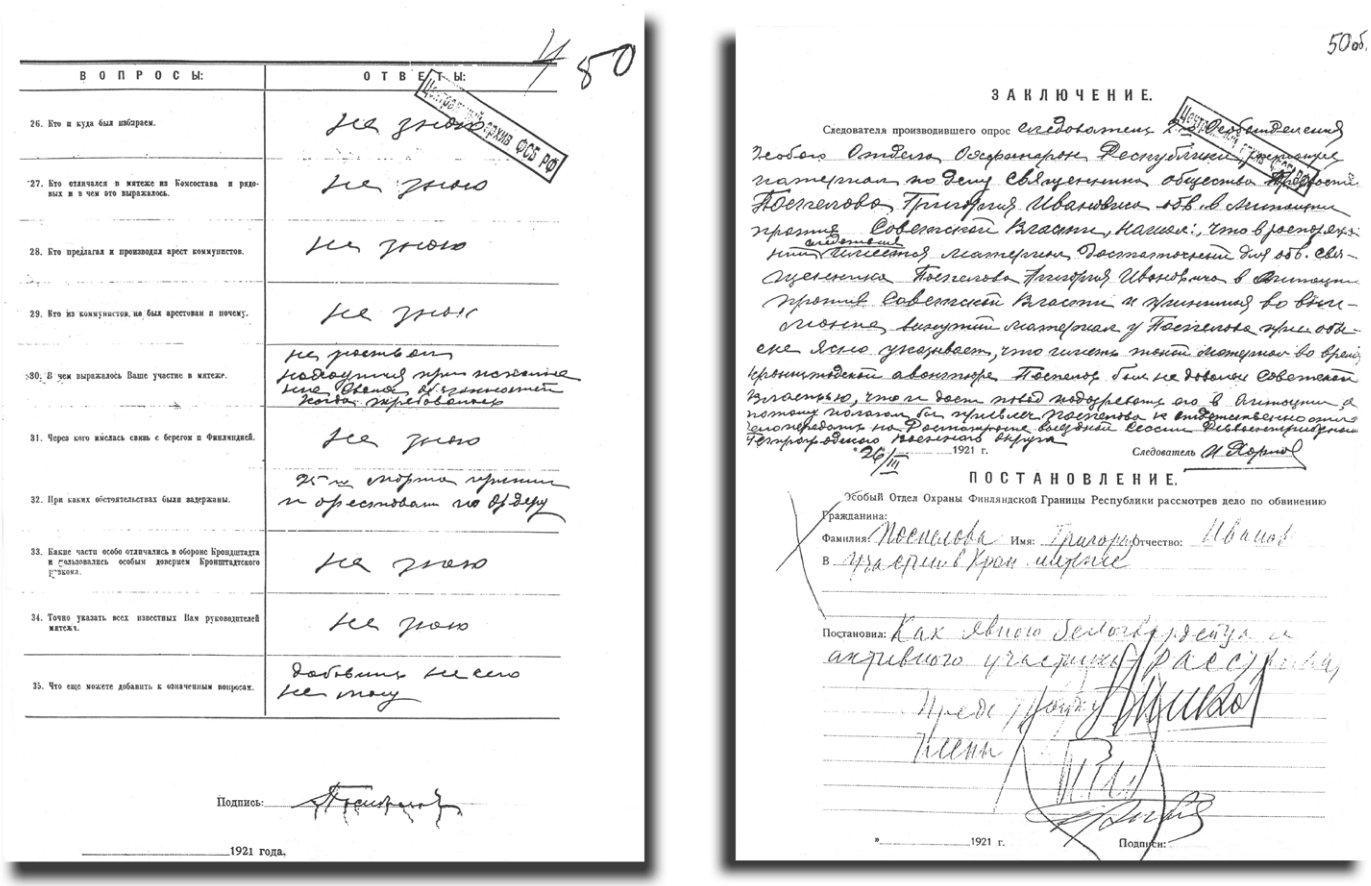
«Приказом коллегии морского комиссариата и народного комиссара по морским делам предписано прекратить выдачу содержания всем священнослужителям, субсидируемым морским комиссариатом и выдачу арендной платы за помещения, занятые под жительство священнослужителями и заарендованные соборами и церквами. Все священнослужители исключаются из списков личного состава флота по морскому комиссариату. Все церковное имущество переходит в национальную собственность российской советской республики»[31].

Начинается передача храмов ведомства протопресвитера военного и морского духовенства в Епархиальные ведомства.

Весной 1918 года распоряжением Петроградского Епархиального начальства был создан приход при церкви Свято-Троицкого Общества трезвости, а Григорий Поспелов определен священником к этой церкви[32].

В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга сохранились документы, связанные с деятельностью церкви Скорбящей Божией Матери при Свято- Троицком Обществе трезвости[33]. Они представляют собой переписку Церковного Совета с городскими властями. Крайние даты документов: 1 января 1919 г. – 21 марта 1919 г. Здесь именной список прихожан церкви, список причта и Церковного Совета, опись церковного имущества, находящегося в храме, и расписки членов Совета и прихожан, берущих на себя ответственность за «охранение и неприкосновенность оного»[34]. Документы подписаны настоятелем церкви, священником Григорием Ивановичем Поспеловым.

В 1918 году Церковь лишилась не только храмового имущества, но и собственного жилья. Причту Морской Богоявленской церкви принадлежал дом на углу Большой Екатерининской и Бочарной улиц – Б. Екатерининская, 1 (ныне ул. Советская, 1). С этим домом связана почти вся сознательная жизнь Григория Ивановича. Здесь жила семья его отца – Иоанна Поспелова, здесь жила и собственная семья Григория Поспелова, здесь родились его дети[35]. В этом же доме жила большая, дружная семья Иоанна Сосипатровича Велицкого – псаломщика Морской Богоявленской церкви, на старшей дочери которого, Елизавете Ивановне, был женат Григорий Поспелов. Сын Иоанна Велицкого – Владимир Иванович был псаломщиком Морской Богоявленской церкви и Морского собора[36], а дочь – Елена Ивановна Велицкая была учительницей в церковно-приходской школе при Свято-Троицком Обществе трезвости.

ВОПРОСЫ: ОТВЕТЫ:

26. Кто и куда был эвакуирован. — не знаю

27. Кто отличался в мятеже из Комсостава и рядовых и в чем это выражалось. — не знаю

28. Кто предавал и производил арест коммунистов. — не знаю

29. Кто из коммунистов не был арестован и почему. — не знаю

30. В чем выражалось Ваше участие в мятеже. — не участвовал, подлежащий при появлении мне Совета, в принадлежности белой организации

31. Через кого имелась связь с берегом и Финляндией. — не знаю

32. При каких обстоятельствах были задержаны. — Я и жена пришли и арестованы по обыску

33. Какие части особо отличались в обороне Кронштадта и пользовались особым доверием Кронштадтского Совета. — не знаю

34. Точно указать всех известных Вам руководителей мятежа. — не знаю

35. Что еще можете добавить к означенным вопросам. — добавить нечего не знаю

Подпись:

1921 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Следователя производившего опрос

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

Особый Отдел Охраны Финляндской Границы Республики рассмотрев дело по обвинению Гражданина:

Фамилия: Поспелова Имя: Григорий Отчество: Иванов

В Крон. мятеже

Постановил: Как явного белогвардейца и активного участника расстрелять

1921 г. Подпись:

Протокол допроса и «Постановление о расстреле» священномученика Григория Поспелова. 1921 г.

Служа по Морскому ведомству и получая полагающиеся им «квартирные», члены причта вносили эти суммы на содержание и ремонт церковного дома. В 1918 году, когда дом на Б. Екатерининской переходит в ведение городских властей, священно-церковнослужители и их семьи покидают свои жилища. Григорий Иванович поселяется в угловом доме напротив. Этот большой каменный дом, сохранившийся до наших дней, выходит сразу на три улицы – Богоявленскую (Интернациональную), Бочарную (Комсомола) и Песочную (Аммермана). Улица Песочная, д. 15, кв. 13 – последний адрес Григория Поспелова.

Во время трагических кронштадтских событий, в марте 1921 года, Григорий Иванович, будучи уже в сане протоиерея, продолжал исполнять свои обязанности. В основном, это было отпевание убитых…

25 марта в квартире на Песочной был проведен обыск, а Григорий Поспелов арестован. Совершенно безосновательно его обвинили в антисоветской деятельности и активном участии в Кронштадтском мятеже.

В Москве, в Центральном архиве ФСБ России, находится на хранении архивное уголовное дело на участников Кронштадтского мятежа. Оно включает и те материалы, что касаются непосредственно Г.И. Поспелова. Анкету для участника Кронштадтского мятежа, заполненную рукой следователя, протокол допроса Г.И. Поспелова, протокол допроса свидетелей, заключение следователя, имеющее дату – 26 марта 1921 года. Наконец, постановление Чрезвычайной революционной тройки.

«Особый Отдел Охраны Финляндской Границы Республики, рассмотрев дело по обвинению Гражданина Поспелова Григория Ивановича в участии в Крон. мятеже постановил: как явного белогвардейца и активного участника – расстрелять»[37].

Под этим постановлением отсутствует дата, так же неясно, когда именно приговор приведен в исполнение.

На запрос в Управление ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области ответили следующее.

«Проведенной проверкой по архивным фондам… установлено, что по картотеке лиц, осужденных к ВМН – расстрелу, проходит Поспелов Григорий Иванович, осу-

Кронштадт. Церковный дом на Большой Екатерининской улице, в котором проживал протоиерей Григорий Поспелов с семьей. Современный вид

жденный Чрезвычайной революционной тройкой Особого отдела охраны финской границы к ВМН. Приговор приведен в исполнение 22 марта 1921 года…»[38].

Из Информационного центра ГУВД г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, кроме даты расстрела – 22 марта 1921г., сообщили также и дату вынесения приговора – 28 марта[39].

Согласно этой справке получается, что сначала Поспелов Г.И. был расстрелян, а спустя неделю осужден Чрезвычайной революционной тройкой. Вероятно, могло быть и такое. Но, скорее всего, нужно подвергнуть сомнению дату расстрела – 22 марта – как неверно прочитанную в архивах, или неверно переписанную в картотеках ВЧК. Тогда цепь событий должна выглядеть следующим образом. Арест – 25 марта, допрос – 26 марта, приговор – 28 марта, а приведение его в исполнение – 29 марта.

Предание гласит, что расстреляли Григория Поспелова во дворе Кронштадтской морской следственной тюрьмы, где содержались в те дни «мятежники». Свидетелем казни оказался один из тюремных служащих – старожил Кронштадта, хорошо знавший о. Григория. Он рассказывал, что батюшка умер, крепко сжимая в руках крест. Ни окрики, повелевавшие бросить крест, ни удары солдат не поколебали священника. Он до конца исполнил свой долг.

В 1949 году за границей вышла в свет первая часть материалов, собранных протопресвитером М. Польским – «Новые мученики российские». Главу 28-ю этой книги составил «Общий список некоторой части российского духовенства и мирян, претерпевших мученическую кончину во время гонения на церковь от безбожников – большевиков». Восьмым в этом списке значится Григорий Поспелов.

«**Прот. Григорий Поспелов** г. Кронштадта за отпевание восставших матросов расстрелян в 1918 г. с крестом в руках, которого не могли у него отнять»[40].

В 1993 году в России вышло репринтное издание книги М. Польского, и тогда же «Голос православия», в одной из радиопередач, рассказал о мученической кончине о. Григория. Так его имя стало известно широким кругам верующих. Но только в 2001 году удалось уточнить и подтвердить документально, что расстрелян Григорий Поспелов не в 1918, а в 1921 году. В 2002 году материалы о жизни кронштадтского пастыря (в том числе и материалы следственного дела) были представлены в Синодальную Комиссию по канонизации святых. 30 июля 2003 года постановлением Священного Синода Русской Православной Церкви имя протоиерея Григория Поспелова включено в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века.

Примечания:.

[1] Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 806, оп. 16, д. 1913.

[2] РГИА, ф. 806, оп. 4, д. 2655.

[3] Там же. Л. 4.

[4] Там же. Л. 2–2 об.

[5] Там же. Л. 5.

[6] Там же. Л. 23.

[7] РГИА, ф. 806, оп. 10, д. 83; ф. 806, оп. 12, д. 85; ф. 806, оп. 13, д. 56; ф. 806, оп. 14, д. 203; ф. 806, оп. 5, д. 8755, ч. 2; О наградах духовенству к 6 Мая 1914 года // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 11–12. С. 386–387.

[8] В газете «Котлин» от 29 октября 1905 г. об этом писалось так: «…чтобы успокоить смуту и прекратить кровопролитие из Богоявленского собора двинулся крестный ход. Масса народа сопровождала шествие; между прочим, в процессии участвовало и много матросов. Некоторые из них несли иконы и хоругви. Пели «Спаси Господи». Почти вся толпа плакала. Пройдя по Б. Екатерининской улице, толпа направилась на Павловскую улицу. Здесь при приближении крестного хода из толпы бунтовщиков раздалось несколько выстрелов. Публика с испугом бросилась в сторону. Однако от выстрелов никто не пострадал».

[9] Адресная книга «Весь Петербург» на 1903, 1905, 1906 годы.

[10] Из истории управления военным и морским духовенством // Вестник военного духовенства. 1901. № 9. С. 282.

[11] Отчет Кронштадтского отделения Общества попечения о бедных военного и морского духовенства за 1903 год // Вестник военного духовенства. 1904. № 11. С. 326.

[12] Из письма протоиерея К. Красовского // Вестник военного духовенства. 1910. № 14. С. 448.

[13] Высочайшая Его Императорского Величества отметка // Вестник военного духовенства. 1910. № 8. С. 225.

[14] Отчет о деятельности Свято-Троицкого Общества трезвости в г. Кронштадте (при Морской Богоявленской церкви) за 1909год // Вестник военного духовенства. 1910. № 10. С. 315–318.

[15] Там же. С. 315–316.

[16] Там же. С. 318.

[17] РГИА, ф. 806, оп. 10, д. 83; ф. 806, оп. 14, д. 203.

[18] Посещение о. Протопресвитером г. Кронштадта // Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 10. С. 372.

[19] РГИА, ф. 806, оп. 5, д. 10306, ч. 2. Л. 1176 об.

[20] РГИА, ф. 806, оп. 5, д. 8932, Л. 1.

[21] РГИА, ф. 806, оп. 5, д. 10306, ч. 2. Л. 718–719.

[22] Храм был построен в северо-западном углу ограды старой церкви Богоявления Господня, освященной в 1731 году и разобранной за ветхостью в 1841 году. Место для строительства морского храма было выбрано Петром I.

[23] Освящение Кронштадтского Морского Николаевского собора // Вестник военного и морского духовенства. 1913. № 19. С. 673.

[24] РГИА, ф. 806, оп. 5, д. 8932.Л. 4–5.

[25] РГИА, ф. 806, оп. 5, д. 10306, ч. 2. Л. 388, 708, 718.

[26] Там же. Л. 387.

[27] Газета «Труд, земля и море». 1917. № 5. С. 3.

[28] РГИА, ф. 806, оп. 5, д. 10306, ч.2. Л. 386, 390; там же. Л. 399–400.

[29] Петроградский Церковно – Епархиальный Вестник. 1918. № 16. С. 4.

[30] РГИА, ф. 806, оп. 5, д. 10507. Л. 145.

[31] Церковные ведомости.(Прибавления). 1918. № 5. С. 204–205.

[32] Петроградский Церковно-Епархиальный вестник. 1918. № 6. С. 4.

[33] Центральный государственный архив С. -Петербурга (ЦГА СПб), ф. 285, оп. 13, д. 13.

[34] Там же. Л. 12.

[35] У Григория Ивановича и Елизаветы Ивановны Поспеловых было пять человек детей: Валентина (1901–1995), Владимир (1904–1942), Александра (1906–1995), Екатерина (1908–1983), Зоя (1911–1981).

[36] Расстрелян в марте 1921 года.

[37] Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ) Материалы следственного дела Г.И.Поспелова. Л. 50 об.

[38] № 10/4-4-612 от 12.04.2001.

[39] № 35/16-25-4-2028 от 22.01.2002.

[40] Цит. по кн.: М.Польский. Новые мученики российские. Репр. изд. Б.М. 1993. Ч. 1. С. 203.

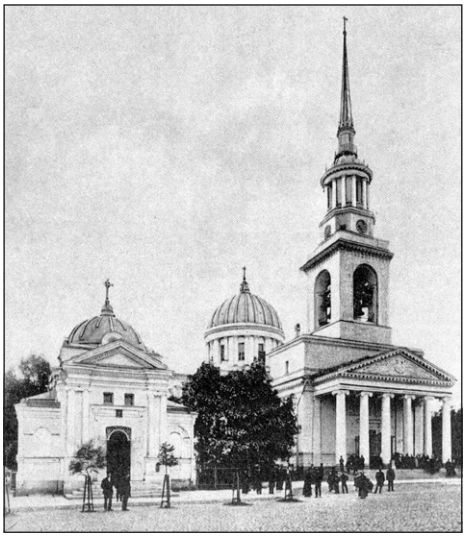
К.В. Головин

КРОНШТАДТСКАЯ РАСПРАВА НОВОМУЧЕНИКИ КРОНШТАДТСКИЕ И ОРАНИЕНБАУМСКИЕ

Кронштадт – морская крепость столицы Российской империи, был с нею всегда теснейшим образом связан в духовно-церковном плане и даже административно-юридически воспринимался как составная ее часть. Особенно эта связь ощущалась при жизни св. прав. о. Иоанна Кронштадтского. Богомольцы приезжали к нему обычно через С.-Петербург, да и сам батюшка немало времени провел на невских берегах, где находилось его священноначалие, его собратья, почитатели и друзья. И погребен он был в С.-Петербурге, в основанном им Иоанновском женском монастыре[1].

Поэтому когда в советское время начались гонения на Православную веру и Церковь, кронштадтское духовенство полностью разделило участь петроградского. Не первой, но самой крупной расправой со священниками и верующими мирянами, проживавшими на острове Котлин, было дело, начатое чекистами в сентябре 1930 года. По нему проходило 85 человек, большинство из которых, отметим заранее, виновными себя не признало. К ним надо прибавить также 42 бывших иоаннита из Кронштадта и Ораниенбаума, присоединенных к делу «контрреволюционной монархической организации церковников», по которому репрессировали сторонников митрополита Иосифа Петроградского (Петровых). Иоаннитов начали арестовывать в середине января 1931 года на основе показаний, которые следствие получило от ранее заключенных под стражу.

Начиная дело, чекисты опирались на свои оперативные данные и в числе первых взяли 2 сентября 1930 года Юлия Зиновьевича Югрина (1875 – ?), сторожа Андреевского собора в Кронштадте. Он пофамильно назвал всех своих знакомых, которые критически «говорили о коллективизации, о насильственном сгоне крестьян в колхозы… Разговоры велись также о притеснениях религии, указывали на выступления безбожников...» Иоаннитов Югрин определил как монархистов, а священников собора: Симо, Ушакова и Баравлина, – как их духовных руководителей. Священники, по его словам, вели антисоветские разговоры «о хозяйственных затруднениях, обвиняя в этом

Кронштадт. Андреевский собор

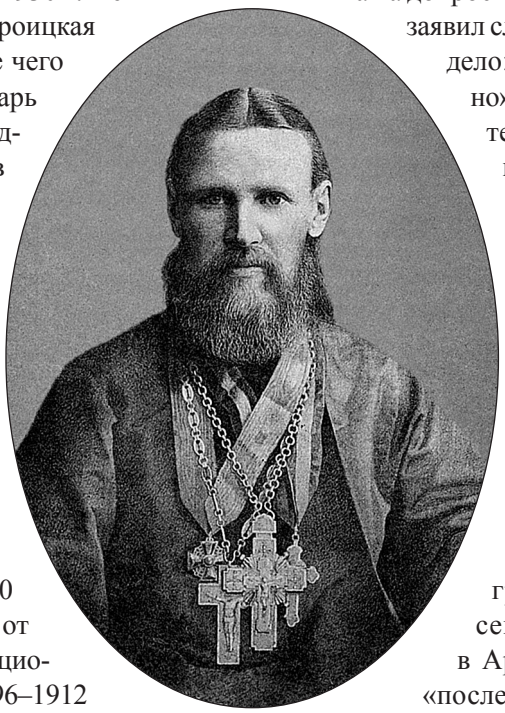
коммунистов, которые захватили власть в свои руки, а также жидов, которых рано или поздно прогонят». Это был серьезный компромат.

Напуганный сторож сообщил, что «были также случаи, когда во время богослужений читались молитвы умершим царям и поминали их», а «среди верующих носятся слухи, что власть сейчас – антихриста, и скоро должен придти конец этой власти». На несколько безграмотный вопрос: «Читают ли в Андреевском соборе при богослужении здравие существующему строю, т. е. сов. власти?» (имелась в виду ектения «о властех»), Югрин ответил: «Никогда не слыхал». Сомнений у чекистов больше не было – вокруг собора сгруппировались «антисоветские элементы», которых нужно срочно репрессировать.

Следует отметить, что эти компрометирующие показания давал человек, который советскую власть лишь терпел, «пока хватает терпения», считая ее Божиим наказанием, ибо с малого детства был «воспитан в духе религии и царизма», «болезненно перенес как февральскую, так и октябрьскую революции» и был «очень недоволен проводимой политикой сов. власти по отношению ограничения православных церквей». С 1897 года при-

званный во флот вятский крестьянин Югрин служил в Кронштадте артиллеристом, часто видел и слышал о. Иоанна, был его горячим почитателем.

В 1917 году он, по указанию приходского совета Андреевского собора, поселился в квартире на Посадской ул. 21, где умер батюшка, чтобы хранить ее вместе с двумя старушками, сторожихой собора Матреной Тимофеевой и прихожанкой Марией, умершей к 1930 г. Через год в квартире была устроена Троицкая церковь, закрытая в 1921 году, после чего Югрин переехал в другое место. Утварь из закрытой церкви и вещи Кронштадтского пастыря были перенесены в родной ему Андреевский собор. У самого Югрина были вещи, подаренные покойным батюшкой или после его кончины – прислугой. Несмотря на все это сторож дрогнул перед чекистами и подтвердил донесения сексотов[2].

На следующий день после ареста Югрина был взят под стражу настоятель кронштадтского Владимирского крепостного собора прот. Памфил Тимофеевич Населенко (1870 – ?), бывший депутат 4-й Госдумы от Союза земледельцев и член партии националистов. До избрания в Думу он в 1896–1912 гг. служил священником в церкви с. Емщиха, под Каневом в Малороссии. В годы войны о. Памфил окормлял раненых в лазарете Госдумы на Юго–Западном фронте, а с апреля 1917 по май 1922 года был пастырем Евгениевской общины в Петрограде, зарабатывая одновременно на хлеб научным сотрудником библиотеки Академии наук. В годы разрухи попытался было он с женой Еленой Петровной (ур. Комарницкой 1870 – ?) из голодающего Петрограда вернуться на родную Украину, но в Киеве смог прожить всего пять месяцев, ибо «украинизация, проводимая при соввласти в сепаратистском духе, противоречила моим убеждениям о единстве русского государства».

Епископ Петергофский Николай (Ярушевич) в октябре 1922 года назначил русского патриота во Владимирский собор, где он «сразу же прославился своими проповедями и выступлениями против безбожников и обновленчества… как «златоуст», не боявшийся безбожников и открыто громивший их. По свидетельству регента-псаломщика собора Сергея Алексеевича Патранова (1903 – ?), который с детства прислуживал в церкви, красноречивый Населенко «всегда останавливался на вопросах религии и благополучия в капиталистических странах... и наводил слушателей на мысль, что из-за развертывающегося безбожия и вероотступничества у нас все идет в обратную сторону...». Его яркие проповеди «с призывом сплотиться и объединиться вокруг веры» были столь выразительны, что «приходило много лиц специально, чтобы его послушать». Естественно, при нем «группа лиц из бывших, враждебно настроенных к существующему строю,.. увеличилась».

За эту борьбу с атеистами и обновленцами дважды, в 1923 и 1924 годах, ОГПУ вызывало смелого проповедника на допросы. После своего ареста он откровенно заявил следователю-эстонцу Саарту, ведшему дело: «На безбожие смотрю отрицательно», а на его вопрос: «Чем вы объясняете текущие хозяйственные затруднения в нашей стране?», дал тоже твердый ответ: «Злой волей человеческой, т. е. вредительской деятельностью нескольких людей», явно имея в виду руководство страны.

Не боялся настоятель помогать и своему гонимому предшественнику – прот. Василию Петровичу Сокольскому, который в 1922 году был отправлен в ссылку, позже в 1925–1929 гг. служил на подворье Киево-Печерской лавры в Ленинграде, а в 1929 году был снова с семьей репрессирован: его выслали в Архангельск. По словам обвинения, «после (первой – *К.Г.*) высылки иоаннитского священника Сокольского В.П. по его рекомендации был назначен Населенко, с целью вызвать недовольство по отношению существующего строя и уверить население города в недолговечности «жидовской соввласти». Столь же безбоязненно батюшка встречался с бывшим однопартийцем и думцем прот. Михаилом Митроцким из Николо-Труниловской церкви в Петрограде, который в 1931 году был приговорен к высшей мере. Несмотря на официальный запрет, о. Памфил преподавал детям Закон Божий – сперва в церкви, а затем по квартирам[3].

Его, в частности, он преподавал Вадиму Сахарусову, сыну начальника отдела службы наблюдения и связи Балтийского флота. Этот факт очень заинтересовал следствие, ибо речь шла о сыне крупного военспеца – Петра Викторовича Сахарусова (1887 – ?), окончившего в 1911 г. экстерном Морской корпус и в Первую Мировую войну воевавшего на Балтике. Революцию и советскую власть Петр Викторович принял («полностью разделяю политику, проводимую ВКПБ»), как и его брат Георгий, который пошел работать в ОГПУ. Напротив, три других брата Сухарусовы стали противниками большевиков. Павел эмигрировал с семьей в Германию. Василий участвовал в вооруженном выступлении в форте «Красная Горка», за что позже отсидел два года. Михаил был расстрелян при подавлении Кронштадтского восстания.

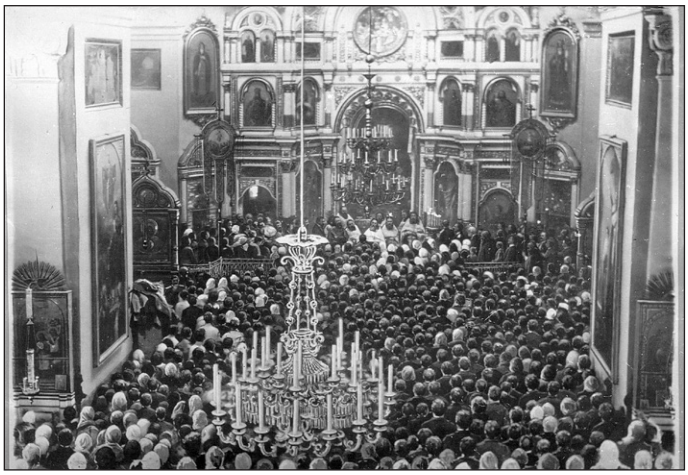
Сахарусов признал, что до 1928 года часто ходил в церковь и причащался, но пытался отговориться семейными обстоятельствами. Жена, мол, была верующей и «чтобы не разорять семью,.. я иногда ходил в церковь на большие церковные праздники, но после сделанного мне замечания,.. перестал ходить», хотя, как признался, на Рождество и Пасху в Андреевском соборе все-таки бывал и позже. «Никакого преподавания Закона Божия на квартире у меня Населенко не было», – утверждал капитан, однако в комсомол его сын почему-то не вступил. За свою веру Сахарусов поплатился 10 годами лагеря, его жена Антонина Николаевна (урожд. Никитина, 1888 – ?) – трехлетней ссылкой в Восточную Сибирь, сын – запретом на три года жить в крупнейших городах[4].

Кроме Сахарусова верность Христу сохраняли и другие морские офицеры, воспитанные до революции в православном духе. Например, в Андреевский собор ходил капитан 1-го ранга Михаил Николаевич Игнатьев (1871 – ?), сын архангельского губернатора, который прежде служил как на Балтике, так и на Тихом океане. Не желая сотрудничать с большевиками, он после революции пошел в школу преподавать географию. Однако новая государственная идеология разрушила его семью: младшая дочь и сын стали атеистами и только старшая дочь не предала отеческую веру.

Игнатьев за свои христианские убеждения получил пять лет лагеря. На такой же срок тройка ОГПУ осудила 15 февраля 1931 года бывшего царского офицера Николая Викторовича Салтыкова (1886 – ?) и преподавателя машинной школы Ивана Денисовича Михневича (1879 – ?), который возглавлял «двадцатку» эстонской Крестовоздвиженской церкви и на допросе без обиняков ответил следователю: «От своих убеждений отказаться не могу». Даже служащего в управлении берегового строительства

Кронштадт. Собор Владимирской иконы Божией Матери. Фото 1910-х гг.

Богослужение в Андреевском соборе. Фото 1910-х гг.

Сильвестра Федоровича Бодиорного (1882 – ?), члена «двадцаток» Андреевского и Владимирского соборов, который в испуге заявил, что ходит в «церковь по какой-то привычке или вернее по обязанности», органы тоже не пощадили и упекли в лагерь на те же пять лет. За православную веру советская власть своих работников взялась карать сурово и беспощадно[5].

Были допрошены все члены «двадцаток» вышеназванных кронштадтских соборов. Допросы большей частью сопровождались обысками. У пенсионерки Елизаветы Дмитриевны Петровой (урожд. Катковой, 1874 – ?), вдовы генерала от Адмиралтейства, неожиданно нашли машинописный перевод письма Папы Пия XII о положении религии в России, опубликованного в газете «Оссерваторе романо» совсем недавно, в феврале 1930 года. Перевод сочли важным компроматом и потому приложили к делу. Арестованная показала, что все проповеди Насаленко «за исключением некоторых, где он доказывал существование Бога, проводились с призывом сплотиться и объединиться вокруг веры... они стремятся объединить всех недовольных лиц существующею властью и создать среди верующих недовольство гонением над религией и ее поруганием безбожниками...» Старую даму, которая слушала эти «крамольные» проповеди и не донесла, осудили на три года лагеря.

В ту же «двадцатку» Владимирского собора, что и Петрова, входил механик Петр Евлампиевич Бутенко (1892 – ?), бежавший гимназистом в 1909 году из Кронштадта в Финляндию, якобы «спасаясь от жандармов, которые выслали членов кружка эсперантистов». Через три года юноша вернулся домой, благополучно закончил Политехнические курсы, воевал и в годы НЭПа держал мастерскую по ремонту пишущих машинок». Безобидного, но верующего нэпмана сослали на три года в Восточную Сибирь[6].

17 января 1931 года одним из последних, когда следствие по «кронштадтскому» делу уже завершалось, был арестован портовый сторож Михаил Павлович Целиков

Отец Иоанн среди духовных чад и почитателей в Кронштадте. Фото 1900-х гг.

(1877 – ?), участник обороны Порт-Артура и Первой Мировой войны, на которую пошел добровольцем, «так как очень любил свою Родину». За свои подвиги он был награжден Георгиями трех степеней. Солдат-герой переселился в Кронштадт еще при жизни о. Иоанна, чтобы быть поближе к нему. Сторож был готов «при первом призыве Православной Церкви положить свою жизнь за дело зашиты храмов православной веры. Этому нас учил наш дорогой учитель и батюшка Иоанн, который всегда учил нас бороться с безбожниками и жидами, которые хотят погубить Православную Русь и веру».

Целиков, не колеблясь, бесстрашно называл коммунистов антихристами, а советский строй считал «наказанием Богом за наши грехи и непослушание». И только Бог, по его мнению, мог спасти русский народ от антихристовой власти, и «без разрешения Бога никакая контрреволюция не может победить». Молился этот исповедник в Андреевском соборе, священников которого называл «истинноправославными», хотя они не поминали почитаемого им митрополита Иосифа (Петровых), чьи послания Целиков собирал. Себя старый солдат именовал «иоаннитом» и с гордостью признавал, что «за Царя молился и молюсь как за Помазанника Божия». В один день с Целиковым были схвачены и другие иоанниты Кронштадта и Ораниенбаума, и над ними началась расправа.

«Кронштадтское» дело меж тем шло своим чередом. После ареста о. Населенко минуло шесть недель, и в один и тот же день – 14 октября 1930 года ОГПУ взяло под стражу еще несколько кронштадтских священников: Петра Андреевича Ушакова (1892–1933), Николая Адамовича Симо (1875 – 1931) и Зиновия Ильича Барабнина (все из Андреевского собора), Сергия Иоанновича Георгиевского из эстонской Крестовоздвиженской церкви. Несколько позже настал черед о. Василия Семеновича Дралова из Скорбященской церкви, о. Иоанна Иаковлевича Бельского и протодиакона Иоанна Андреевича Колтуновского, оба тоже из Андреевского собора, прот. Иосифа Федоровича Бабенко (1858–1935) из Владимирского собора (служившего в нем с 1922 года), который некогда был диаконом у о. Иоанна Кронштадтского. Этими арестами власти нанесли сильнейший удар местному духовенству, уменьшив почти наполовину его состав.

Всех арестованных клириков объединяло прежде всего благоговейное отношение к памяти св. прав. о. Иоанна Кронштадтского. «В дни именин, смерти или других торжественных дней из его жизни обычно служат в церкви богослужения..» – показал Югрин. По его словам, «вся работа священников Андреевского собора сводится к объединению верующих вокруг собора в борьбе против всяких новшеств обновленчества». Достигнутые в этом успехи отчасти объясняются еще наличием среди членов Андреевского прихода «иоаннитов», численность которых примерно 3/4 прихода», т. е. в главном соборе Кронштадта иоанниты, ревнители памяти о. Иоанна, преобладали и определяли в нем атмосферу. Прот. Н. Симо пытался отвести выдвинутые обвинения, заявив: «Если же Андреевский собор обвиняет кто в иоаннитстве, то это делается его недоброжелателями»[8].

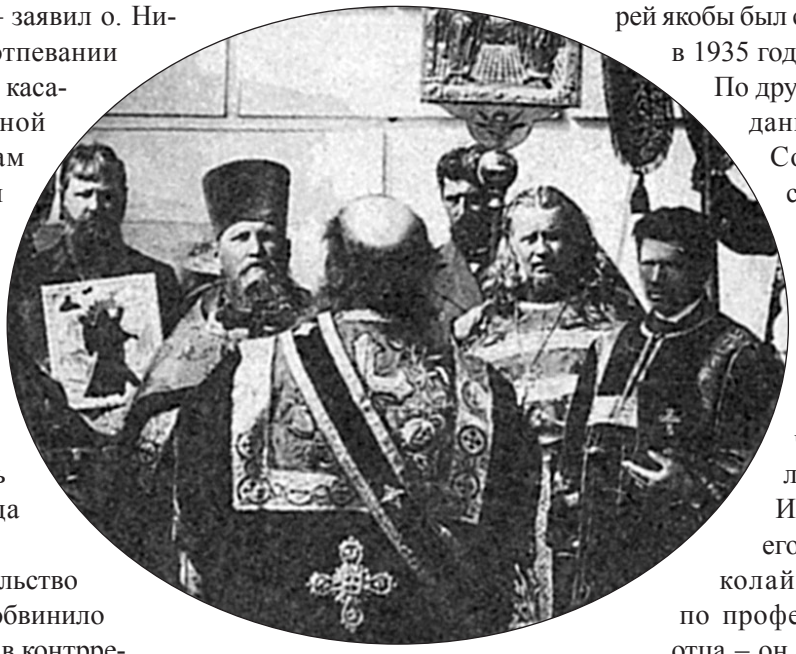
Хотя большевицкая власть люто ненавидела «черносотенного попа», в витрине собора бережно хранилось парадное облачение о. Иоанна и многие связанные с ним реликвии. Все здесь дышало памятью о великом святом, умершем всего двадцать лет назад. Почти все арестованные священники видели и слышали батюшку, а о. Николая Симо, служившего в1897–1902 гг. в соборе с о. Иоанном, батюшка поддерживал в пастырских трудах среди православных эстонцев.

Правда, гражданская и церковная позиция о. Н. Симо была не всегда последовательной. Он сам признавался: «От Февральской и Октябрьской революции ожидал, что нас ждет лучшее будущее», и на следствии показал: «Сочувствую вполне коммунизму, но только против преследования религии». После подавления кронштадтского восстания священника арестовали, но вскоре отпустили, едва выяснилось, что «к мятежу» он относился «отрицательно». «Когда меня приглашали на панихиды

Кронштадт. Николаевский Морской собор и Макаровский мост через Доковый овраг. Фото 1900-х гг.

к убитым мятежникам, – заявил о. Николай, – не ходил. На отпевании их не участвовал...» Что касается тогдашней церковной ситуации, то, по словам кладовщицы Елизаветы Максимовны Прокопюк (1910 – ?), батюшка жаловался: ему «приходится вести двойную игру: признает Сергия, но любит только митрополита Иосифа». Впрочем, подобная двойственность была в те годы присуща многим клирикам.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский, сщмч. Николай Кронштадтский (протоиерей Николай Симо), во время крестного хода в день праздника кронштадтского эстонского православного прихода. 1900-е гг.

В расчет это обстоятельство следствие не приняло и обвинило о. Симо, что он «состоит в контрреволюционной группировке бывших людей, ведущей систематическую контрреволюционную пропаганду среди населения». В расчет было принято другое и более существенное – духовное окормление иоаннитов, порученное епископом Николаем (Ярушевичем). На следствии епископ, не думая о последствиях, охарактеризовал прот. Николая «крайним иоаннитом с монархическими целями», который-де считал «всякую легализацию Церкви осквернением,.. власть не поминал, на проповедях в соборе говорил о «божественном наказании за грехи», которые мы видим в СССР». Были сказаны и более опасные фразы: «Симо устраивал со своими «богомолками» в Кронштадте закрытые собрания,.. свою деятельность («штаба» иоаннитов) скрывал не только от меня, как православного епископа, но и от другого священника Андреевского собора...» Следователь не оставил данные признания без своего пристального внимания.

Эти слова подтвердил и усугубил бывший бухгалтер архим. Иоасаф (Журманов) (1877–1962), который, вероятно, сотрудничал с ОГПУ: «Проповеди Симо были насыщены прославлением монархии и жизни, и деятельности Иоанна Кронштадтского,.. совершались с молениями за убиенных императоров Александра II и Николая II... (Он) был идейным вдохновителем и руководителем иоаннитов». Допрошенный 18 февраля 1931 года верующий юрисконсульт Михаил Данилович Будник (1887–?), два года состоявший в партии, «вспомнил» и такие слова Симо: «С жидами-большевиками нужно вести борьбу всеми мерами». После подобных показаний дело о. Николая было выделено в отдельное производство и рассмотрено еще раз.

Согласно одним данным, он получил 10 лет лагеря, из коих отбыл половину и, едва выйдя на свободу, протоиерей Якобы был снова брошен в тюрьму и в 1935 году казнен на Шпалерной. По другим, более достоверным данным, его доставили из Соловков и по делу иосифлян расстреляли 18 апреля 1931 года вместе с Тюлькиным, изменив первоначальный приговор. В декабре 2000 года пострадавший за веру Христову новомученик протоиерей Николай был канонизирован. Из трех детей протоиерея его единственный сын Николай (1903–1937), монтер по профессии, разделил участь отца – он погиб в томской ссылке во время «большого террора». Его жена умерла в лагере[9].

Отец Зиновий Бараблин (1901–1937 ?) свою «десятку» отбывал в 1937 году в Свирьлаге, работая счетоводом (вскоре там же расстрелян ?). После учебы в Реальном училище в Кронштадте он служил в Красной армии, затем поступил чтецом в Андреевский собор, а в 1925 году – на Богословские курсы, которые не окончил. В марте 1927 года молодой человек принял священство, к чему его «побудило внутреннее влечение послужить Богу и спасению своей души». Он долго переписывался с валаамским монахом Александром (Левиным) и проживал вместе с прот. Николаем Симо, который оказал на него большое духовное влияние.

В советское время, в 1921 году, и уже в зрелом возрасте, стал иереем о. Василий Дралов (1872), который до этого целых 15 лет проработал простым сторожем в Богоявленской церкви Кронштадта. В 1905 году он скрывал в своей квартире матросов-бунтовщиков; будучи арестованным, объявил «правильными мероприятия партии и советской власти». Бывший крестьянин, не получивший никакого духовного образования, сан, однако, принял в тяжелые для Церкви годы и как исповедник был приговорен к пяти годам лагеря. Выжил ли он в нем и как закончил жизнь, установить не удалось.

Также остается невыясненной судьба протодиакона Иоанна Колтуновского (1885–?), родом из крестьян Киевской губернии, который в 1912–1916 гг. был диаконом в Рижском соборе, а затем два года – в воинском храме в оккупированном русской армией турецком Трапезунде (Трабзоне). Приехав в Кронштадт, отец диакон начал служить в Морском соборе, а в 1920 году перешел в Андреевский. К нему и о.Иосифу Бабенко тройка ОГПУ отнеслась

Протоиерей Иоанн Аржановский (впоследствии – архимандрит Иаков)

снисходительно – обоим дали только «минус три», т.е. выслали из Ленинграда.

Недолго пробыл на Соловках престарелый о. Сергий Георгиевский (1873-?) – в ноябре 1932 года был освобожден по болезни и выслан в Южный Казахстан. Кончив Новгородскую Духовную семинарию (1893), он до 1918 года состоял военным священником, затем служил в Андреевском соборе. После Кронштадтского восстания просидел в тюрьме восемь дней, хотя «к советской власти относился с должным почитанием». Протоиерей энергично боролся с обновленцами, не боялся поминать царей, совершать молебны у иоаннитов, в том числе на могиле их старца Назария (Дмитриева) в Вяжищах. На допросах он держался твердо и многое отрицал. Господь, очевидно, давал ему для этого нравственные силы.

Через два года после своего ареста умер в Кемском лагере о. Петр Ушаков, который все время оставался «убежденным сергианином». Сын диакона, он в 1912 году окончил в Петербурге три класса Духовной семинарии, после чего пять лет трудился псаломщиком в Екатерининской церкви в подгородном Мурине. В Кронштадт молодой псаломщик попал только в 1916 году. Здесь он стал диаконом и священником, здесь подвизался до своего заключения[10].

Протоиерей Памфил Населенко, осужденный на пять лет, в Кемском лагере работал счетоводом и был год спустя освобожден как инвалид, поселившись в 1935 году в Старой Руссе. Через три года он переехал в Городец Черниговской области, где во время немецкой оккупации стал служить в Никольской церкви. В этом местечке в 1950-е годы батюшка умер, оплакиваемый своей многочисленной паствой.

Ораниенбаум. Петербургская улица. Фото начала XX в.

Населенко, наряду с Колтуновским, епископ Николай назвал среди сочувствующих иоаннитам, хотя первый утверждал, будто «ходил к иоаннитам только славить». В этом перечне есть и другие отцы из разных мест: Константин Виноградов, Николай Ефимов, Симеон Солодовников, прот. Аркадий Молчанов из Гостилиц, прот. Лебединский из Островков, а также последняя игумения Леушинского монастыря Агния (Анна Никитишна Благовещенская, 1866–1937), которая, отбыв в 1922–1925 гг. ссылку, жила на петроградском подворье своего, тем временем, закрытого монастыря. По ее словам, любимому монастырю св. прав. Иоанна Кронштадтского и подворью иоанниты постоянно помогали продуктами и деньгами[11].

Сильно коснулись аресты и духовенства Ораниенбаума, где с дореволюционной поры жило много почитателей святого молитвенника Земли Русской. Можно сказать, что именно здесь был центр иоаннитов. 26 сентября 1930 года взяли молодого иером. Аввакума (Николая Петровича) Суттиева (1897–?), служившего в Михайловском соборе; на следующий день – популярного прот. Иоанна Георгиевича Разумихина (1866–1931), настоятеля этого собора.

Вся жизнь о. Иоанна была связана с Ораниенбаумом, хотя он родился в Тверской губернии. Окончив Духовную семинарию, Иоанн Георгиевич женился на дочери ораниенбаумского диакона и в 1889 году занял его место в придворной Пантелеимоновской церкви. Став в 1898 году иереем, батюшка после двухлетнего служения в Кронштадте вернулся в Ораниенбаум и – «по желанию прихожан» – в 1909 году был назначен настоятелем местного собора и энергично взялся за его достройку.

Во время Февральского переворота, когда солдаты начали громить в городе лавки, о. Иоанн устроил крестный ход, который, увы, не остановил революционное бесчиние. Хотя настоятель и сочувствовал советской власти, «возвестившей свободу совести», его четыре раза (1918–1919, 1925–1926 гг.) арестовывали и содержали под стражей. От иоаннитов он регулярно получал материальную и денежную помощь. Однако часть их от него отошла, когда прот. Иоанн одобрил декларацию 1927 года. Вместе с о. Николаем Симо остался духовным руководителем «сергианской» части почитателей св. прав. Иоанна Кронштадтского.

31 января 1931 года в Ораниенбауме взяли архим. Иакова (Иоанна Александровича) Аржановского (1868–1931) из Серафимовского подворья Богородице-Рождественского Городищенского монастыря. Архимандрит был из вдовых священников, окончил Новгородскую Духовную семинарию (1896) и долго служил в Андреевском соборе с о. Иоанном, который подарил ему полное праздничное облачение. Он являлся свидетелем смерти кронштадтского праведника. С 1918 года о. Иаков был

священником в Боровичах, но спустя семь лет вернулся в Кронштадт, подружился с о. Н. Симо и о. И. Разумихиным и тоже стал духовником иоаннитов. После ареста и неправедного суда этого пожилого священника, как и престарелого прот. Разумихина, ждал расстрел.

Судьба иеромонаха Аввакума, «всецело признававшего советский строй», складывалась совсем иначе. Окончив в 1917 году два курса Петроградской Духовной академии, он был призван в агитпроп Красной армии, где стал коммунистом. В 1923 году верующий молодой человек вышел из партии и обновленцами был рукоположен во иерея. Два года спустя он порвал с обновленчеством и переехал служить в Ораниенбаум. Несмотря на весьма «положительное» прошлое и политическую лояльность, Аввакума на 10 лет отправили на «перевоспитание» в суровый Кемский лагерь[12].

На святках, 13 января 1931 года, была арестована игумения Олимпиада (Ивановна Корнейчук, 1870), которая возглавляла подворье, окормляемое о. Иаковом. На нем жили всего четыре монахини и пятеро послушниц, которые работали на огородах, ухаживали за престарелыми и больными, шили одеяла. Малограмотная волынская крестьянка Олимпиада приехала в 1909 году в Ораниенбаум и в игумении посвящена была в мае 1930 года епископом Николаем (Ярушевичем), ибо подворье подчинилось митрополиту Сергию.

С 1913 года на подворье также жила Ангелина (Галина Ивановна Чернухина, 1881–?), постриженная в январе 1929 года тем же епископом Николаем. В августе 1928 года он же свершил постриг Анны Карпенко с именем Августа и Александры Конончук – с именем Серафима. Названные монахини были тоже арестованы и на три года сосланы на поселение или в лагерь. Хотя арестованные отрицали свое общение с иоаннитами, оно все же существовало и определило их судьбу. Оставшаяся часть насельниц небольшого подворья была схвачена год спустя, в феврале 1932 года, когда по всей стране прошла крупномасштабная операция чекистов «по ликвидации монашества»[13].

Приговор кронштадтским и ораниенбаумским верующим и духовенству тройка ОГПУ выносила дважды: 14 февраля и 13 апреля 1931 года. Второй раз он касался главным образом иоаннитов Ораниенбаума и Кронштадта, на допрос которых чекистам пришлось потратить дополнительное время, ибо основная их часть была арестована 17 января 1931 года. Этих иоаннитов присоединили к сфабрикованному делу «Всероссийской контрреволюционной монархической организации «истинно-православных». По нему проходили питерские иосифляне, к числу которых принадлежало большинство иоаннитов.

Иоаннитов арестовывали целую неделю, и отношение к ним со стороны органов было беспощадно-суровым. «Привлекали к себе все наиболее фанатичные, изуверские, черносотенные элементы, – говорилось в обвинительном заключении, – из среды православно-верующих и через них повели непримиримую борьбу с сов. властью, противодействуя всем советским начинаниям,.. имели в своем распоряжении кадры разъездных агитаторов из бродячих иоаннитов, через которых вели на местах антиколхозную, погромную агитацию, застращивая крестьян всякими ужасами». В вину им было также поставлено распространение «монархической дореволюционной литературы» и чтение «Протоколов сионских мудрецов».

Ораниенбаум. Собор св. Архистратига Михаила. Фото 1910-х гг.

Чем была вызвана злоба чекистов в отношении сравнительно небольшой и в основном локальной группы православных христиан? Во-первых, их раздражала непоколебимая преданность иоаннитов памяти и заветам св. прав. Иоанна Кронштадтского, которого большевики ненавидели почти зоологически. Во-вторых, не нравилась христианская сплоченность, взаимопомощь, взаимовыручка и бесстрашие. В-третьих, беспокоило влияние, которое иоанниты, простые и малограмотные люди, имели в народной среде благодаря своей твердой вере и сопротивлению мероприятиям безбожной власти. Они, по словам чекистов, «были ценны тем, что не могли изменить ей (Церкви), а также тем, что они с большей безопасностью и более незаметно могли распространять идеи истинного Православия в духе борьбы с советской властью»[14] .

Судьба иоаннитов была сложной и недолгой, драматичной и печальной. Как известно, своими постановлениями, принятыми на сессиях 4–11 декабря 1908 и 13–21 апреля 1912 гг., Синод осудил за догматические извращения, как сектантское, движение иоаннитов, которое возникло в конце жизни св. прав. о. Иоанна Кронштадтского. В последнем постановлении было определено их «впредь именовать в миссионерской полемике с ними «хлыстами Киселевского толка» или просто «хлыстами-киселевцами», по имени главной основательницы секты Матрены (у сектантов Порфирии) Ивановны Киселевой, умершей в 1905 году».

Ораниенбаум. Часовня свт. Николая Чудотворца, мц. Царицы Александры и прп. Серафима Саровского на подворье Городищенского монастыря. Фото 1900-х гг.

Праведный Иоанн Кронштадтский – этот святой угодник Божий, добрый пастырь, создал на Руси целую эпоху. Его имя настолько было сильно, что этого имени боялись (одного имени!) безбожные власти. Ведь были люди, которые почитали отца Иоанна – «иоанниты». Коммунисты всех этих людей преследовали только за то, что они почитали отца Иоанна и не боялись называть себя «иоаннитами».

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир
(Из слова, произнесенного в день памяти о. Иоанна, 2 января 2005 г., в Кронштадтском Владимирском соборе)

Во втором пункте того же постановления говорилось: «... Киселеву, Назария Дмитриева, Василия Федоровича Пустошкина, Матфея – по прозванию Псковского и Михаила Ивановича Петрова, коим преимущественно воздается кощунственное, богохульное и еретическое почитание, объявить основателями и распространителями хлыстовщины Киселевского толка»[15]. Когда через год (в 1913) Петров захотел поставить на Троицком кладбище в Ораниенбауме стеклянную часовню над могилой Киселевой, власти сделать это не разрешили.

Как показало будущее, названные постановления были в некоторой мере основаны на неполной и искаженной информации, в которой определенные эксцессы, действительно имевшие место в общенародном почитании св. прав. о. Иоанна Кронштадтского (при жизни он сам их решительно осуждал), интерпретировались как некое опасное сектантское вероучение, вопреки довольно веским контраргументам В.Ф. Пустошкина и М.И. Петрова, двух лидеров иоаннитов, как тогда в печати стали именовать почитателей и ревнителей памяти всероссийского молитвенника.

Сразу после первого постановления Пустошкин напечатал в синодальном « Церковном вестнике» (1909, 8) покаянное разъяснение под заглавием «Чему и как мы верим» и самолично сжег некоторые брошюры, которые содержали соблазнительные или сомнительные рассуждения. Одновременно Пустошкин и Петров добились приема у первенствующего члена Синода митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского) и «поведали ему, что веруем в Бога по православному, как указывают святые отцы, и смиренно исповедуем, что спасаются христиане только в Святой Церкви нашей Православной, приобщаясь Ея телу». Внимательно выслушав и расспросив иоаннитов, митрополит сказал им: «Если так, то вы не сектанты».

Отвечая на распространенные обвинения в хлыстовстве, оба иоаннита тогда же заявили: «Мы и помыслить ужасаемся, чтобы, кроме Единого Евангельского Христа и Его Божественной Матери, где-нибудь могли еще жить христы и богородицы. Это мы почитаем кощунством и издевательством над святой Верой Православной христианской. Также никаких апостолов, пророков и тому подобных угодников библейских среди себя не допускаем. Батюшку же отца Иоанна Кронштадтского за Христа не почитаем, а лишь за угодника Божия и нашего праведного молитвенника. Рабу Божию Порфирию, старца Назария и болящего раба Божия Матфея считаем только людьми праведной жизни...»

Для доказательства своего правильного отношения к старице Порфирии Пустошкин привел отзыв ее духовника св. прав. о. Иоанна Кронштадтского: «Тебя за большие страдания Твои Господь причислит к лику мучениц», и еще раз подчеркнул: «Не считаю ее госпожою не от мира сего, дщерью Царя Небесного»... а тем более «богородицею». Почитающих ее таковою считаю еретиками... Никого из близких к Киселевой людей не признаю за небожителей, богоносцев, столпов церкви, святых... Обязуюсь осудить гласно, путем печати, все сектантские заблуждения, в которых меня обвиняют и всецело довериться духовному водительству своих приходских пастырей».

Свои заблуждения Пустошкин публично признал, объяснив их следующим образом: «Ежели что писали и издавали сомнительного, виновата в том простота наша» (это было правдой, так как иоанниты были в большинстве своем простыми и подчас малограмотными людьми), и торжественно заявил в печати: «От всего, что нашлось бы в наших изданиях неправильного, отрекаемся с радостью и с молитвою к Богу о прощении нам невольных прегрешений». Священноначалию главный иоаннит 8 февраля 1913 года обещал: «Больше никогда не буду высказывать свои мысли несогласно со Свящ. Писанием и Преданием». По сообщению печати, также «бывший иоаннит, Михаил Петров – «Архангел», после постановления Синода отрекся от заблуждений и дал 50 тыс. руб. на достройку храма Михаила Архангела в Ораниенбауме». Много жертвовал на постройку церквей и сам Пустошкин, в частности, на его средства был перестроен храм в с. Фатьянове Ярославской губернии, близ его родной деревни[16].

Главные иоанниты не были извержены из Церкви, а лишь отлучены от причастия и поставлены под наблюдение своих приходских священников, которые должны были «утверждать их пастырскими советами и назиданиями в правилах святой веры, представляя Его Высокопреосвященству ежегодно о результатах своих наблюдений в течение трех лет». Испытательный срок кончился в 1916 году, но, по-видимому, был ради перестраховки продлен, отчего Епархиальный совет только 13 февраля 1919 года вновь рассмотрел дело Пустошкина по просьбе митрополита Вениамина и с благословения Патриарха Тихона.

Свидетелями выступали приходские священники, которые окормляли иоаннитов. «С моим поступлением в собор, – поведал о. Николай Симо, – началось дело о Михаиле Петрове, о снятии с него синодского запрещения. По этому делу и мне приходилось участвовать в качестве свидетеля». Кстати, позже он привез из Москвы благословение Святейшего на рукоположение Петрова, которого давно и хорошо знал. Полученные отзывы были вполне положительными и подтверждали полную православность и благочестивость и Пустошкина, и Петрова».

Приняв во внимание, «что теперь в страдательную пору жизни нашей Церкви для Пустошкина нет никаких побуждений как скрывать свое хлыстовско-киселевское учение,.. так и домогаться единения с Церковью». Совет, заслушав его ответы на поставленные вопросы и, «убедившись в его искреннем желании быть сыном Церкви чрез снятие с него отлучения от св. Причащения», просил митрополита ходатайствовать перед Патриархом о снятии запрещения и «само присоединение совершить в храме Иоанновского женского монастыря». Одновременно от имени Патриарха Пустошкина предупредили, «чтобы он ничего не печатал и не издавал по религиозным и церковным вопросам без предварительного одобрения и просмотра петроградского епархиального начальства», хотя подобное предупреждение в эти годы было излишним – большевики задушили церковную печать.

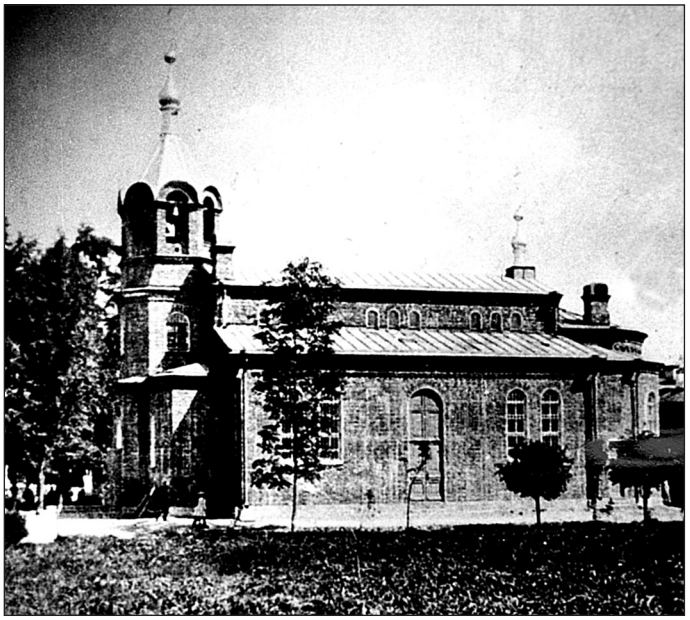
Еще раньше, 23 октября 1918 года, митрополит Вениамин утвердил решение Епархиального совета о снятии с Петрова «обвинения в принадлежности к иоаннитской ереси» ввиду того, что он «предал иоаннитские заблуждения проклятию, что во всех своих действиях он неуклонно и постоянно, с удивительной настойчивостью стремился оправдать себя пред духовною властию от возводимых на него обвинений». Синод одобрил это решение 31 октября своим указом за № 3039.

Вскоре после примирения с Церковью Петрова на его квартире посвятил в иеромонахи сам свмч. митрополит Вениамин (Казанский), в архимандрита – другой сщмч. епископ Кронштадтский Венедикт (Плотников) в присутствии Фроловой, Сергиенко и Вяткиных, а также священников Симо и Георгиевского. Правда, Венедикт «был очень недоволен, что совершенно неграмотного человека посвящал в архимандрита». Свое посвящение Петров – как и Пустошкин, скрывавшийся позже где-то в Москве – хранил в тайне и никому о нем не рассказывал. И как прежде ходил молиться в Михайловский собор Ораниенбаума, который оставался церковным центром иоаннитов. Архимандрит непримиримо относился к обновленцам и «учил, что обновленческая церковь – это злое дело».

«Порядок в доме Петрова, – показывал прот. Иоанн Разумихин, – был заведен строгий,.. было первоначально 22 иоаннита, а к концу его жизни сделалось их до 40–45, мужчин и женщин. При начале какой-либо работы каждый подходил к нему и просил благословения, как это проделывается в монастыре». Судя по этим словам, община, зарегистрированная в райисполкоме, выросла со временем в два раза и своими порядками напоминала монастырскую. Другое общежитие иоаннитов находилось в Петрограде, «в деревянном доме на пр. Стачек, за Путиловским заводом».

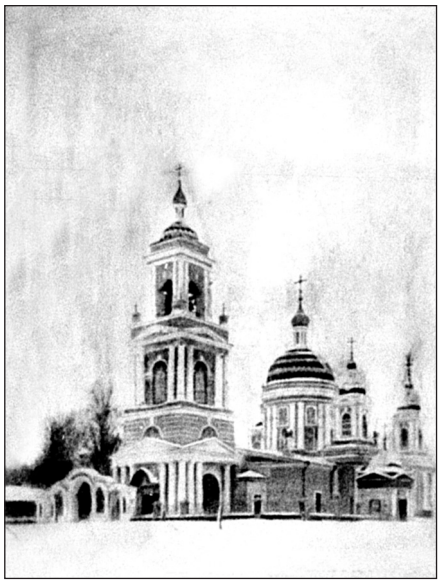
Хотя Петров потерял свое состояние после большевицкого переворота, он до и после НЭПа имел средства, чтобы щедро помогать бедствующим собратьям. «В голодное время, – говорил прот. Н. Симо, – он поддерживал духовенство продуктами питания. В его мастерских добросовестно и дешево шили обувь и платье». Для неимущих устраивались бесплатные обеды. Съестные припасы иоанниты обычно привозили из глубины России, где у них были свои сторонники. В 1924 году Петров пожертвовал 24 млрд. руб. (это был период инфляции) на ремонт Андреевского собора, с которого во время сильнейшей бури, вызвавшей известное наводнение, был сорван крест[17].

Кроме Петрова, сан иерея после революции тайно приняли около 10 иоаннитов. Самыми известными из них были другие два архимандрита из простецов: Алек-

Ораниенбаум. Новая Свято-Троицкая церковь на кладбище. Фото 1910-х гг.

сий (Никитич Вяткин) (1880–1931), бывший столяр, и Никита Захарович Сергиенко (1873–?), кронштадтский чернорабочий. Вяткин родился в крестьянской семье в с. Черновское Никольского уезда Вологодской губернии, Сергиенко – в с. Болхуны Астраханской губернии. Вяткин сразу после армии поселился в общине Петрова, тогда как матрос Сергиенко вступил в нее только в 1918 году. Во диакона Вяткина, причетника Ораниенбаумского собора, рукоположил митрополит Вениамин, во иерея в 1922 году – сам Патриарх Тихон в московской церкви свв. Адриана и Наталии. Сергиенко во диакона келейно посвятил епископ Василий (Дохтуров), во иерея – епископ Николай (Ярушевич).

Церковь в с. Фатьяново Ростовского уезда Ярославской губернии, перестроенная на пожертвования Василия Федоровича Пустошкина

О принятом сане мало кто знал: иеромонахи служили среди своих, по ночам, на втором этаже затемненной квартиры Фроловой. В своих проповедях Вяткин «призывал к терпению,.. уже осталось не так долго, большевики скоро должны погибнуть». Декларация митрополита Сергия в итоге разделила двух архимандритов: Алексий (архимандрит с 1927 года) остался с Сергием, Никита перешел к митрополиту Иосифу и рассорился с Фроловой. Приговор на какое-то время их снова объединил, но вскоре опять разделил, ибо расстреляли одного Вяткина, а Сергиенко на 10 лет отправили на Соловки.

На тот же срок попал в лагерь иеромонах Елеазар (Игнатьевич Карпушин, 1880–?), который, служа матросом на флоте в Кронштадте, «стал почитателем о. Иоанна. Работая затем в Сибири и на Кубани, всегда читал его сочинения; затем, в годы войны, работая на Обуховском заводе, бывал в Иоанновском монастыре». Посвящение вдовый Елеазар принял в 50 лет – за год до ареста его рукоположил 15 февраля 1930 года в Скопине Рязанской губ. местный епископ Авраамий (Чурилин), будущий новомученик и бывший насельник Александро-Невской лавры, который очень чтил память св. прав. о. Иоанна Кронштадтского. Вернувшись в Ораниенбаум, о. Елеазар нигде не служил и никто, по сути дела, не знал о его священстве.

Точно так же скрывал свое монашество Григорий Данилович Затулин (1875–?), по профессии маляр. Он тоже видел и слышал о. Иоанна и с 1907 года жил в ораниенбаумской общине Петрова. В 1925 году его, вместе с Сергиенко, постриг в тайные монахи епископ Николай. Затулин наивно пытался уверить следствие, будто постричься его уговорила Фролова, «имея в виду набрать монахов, чтобы Алексею Вяткину было где быть архимандритом». Оробевшего инока Григория ждал стандартный для монашествующих срок – три года ссылки в Котлас.[18]

По просьбе Петрова епископ Венедикт (Плотников) посвятил в 1924 году в Знаменской церкви Петрограда Илариона и Феодора (их имена не установлены), двух кронштадтских иоаннитов, которые в 1926 году уехали на родную Кубань, где тайно служили на станции Лозовая, но после разгрома их общины вернулись в Ораниенбаум и скрывались среди своих. Несомненно, и в других местах страны были батюшки из иоаннитов, которых уже никто не считал за сектантов.

Согласно показаниям Тюлькина, «после смерти Петрова все дела по управлению и духовному руководству перешли к Н. Симо. <...> его поездки в общину, к Фроловой, были почти ежедневными». Когда Петров в 1925 году умер и «был похоронен в священнической рясе и митре», иоаннитскую общину в Ораниенбауме возглавила Наталья Фроловна Фролова (1868–1931), малограмотная тверская крестьянка, но «приветливая и ласковая женщина», по словам того же Н. Симо. До революции она жила при Киселевой и Петрове, работала прислугой, вела хозяйство; с 1925 года трудилась на огородах и торговала молоком.

Фролова овдовела, прожив с мужем два года, и ее дочь Анастасия в 1909 году вышла замуж за столяра-безбожника Александра Григорьевича Голубева, который с гордостью похвалялся: «Портретов этого попа (о. Иоанна Кронштадтского. – *К.Г.*) у нас в хате нет». Три сестры Фроловой жили отдельно: Антонина (Носова), бывшая настоятельница монастыря, – в ссылке, в Усть-Сысольске, совслужащая Мария – в Москве, Прасковья осталась в родной деревне.

«Чтобы оставшееся после меня имущество... не пропало бы после смерти», практичная Фролова в 1925 году вступила в двухмесячный фиктивный брак с вышеупомянутым Вяткиным, еще до пострижения обоих, продолжая однако после развода жить с ним в одной комнате, разделенной ширмой. Советские законы, увы, принуждали поступаться прежними церковно-нравственными нормами. Согласно свидетелям, слабохарактерный Вяткин находился под сильным влиянием волевой и умной женщины.

Фролова «не работала,.. но жила хорошо... Ее посещал Симо и приезжал епископ Николай Ярушевич», который постриг ее дома с именем Мария незадолго до ареста, но отказался возложить на нее крест игумении. Вокруг

новопостриженной в Ораниенбауме собралась небольшая тайная Свято-Троицкая община, куда входили простые женщины из крестьянок: Пелагея Шацких, Ефросинья (1888 – ?) и ее сестра Феодора Романчук (1882– ?) и еще одна инокиня. В собственном доме Фроловой, сперва на Петербургском шоссе, 2, а затем на Елизаветинской ул., 12, регулярно служились тайные литургии «с повторением проповедей Иоанна Кронштадтского». В этой подпольной домовой церкви «после каждой службы иконы разбирались по квартирам».

Инокиня Мария говорила, «что сейчас власть дьявола-антихриста и наступает последнее для христиан время, спастись можно только в тайном монашестве», «приходит время, когда брат восстанет на брата, идет гонение на христиан, что это время предсказал о. Иоанн и что скоро весь мир поднимется против советской власти». Апокалиптические настроения были в годы гонений свойственны многим православным христианам. На следствии мать Мария держалась очень твердо и все отрицала: «Никого из духовенства не знаю». Ее расстреляли как «возглавительницу контрреволюционной организации», а в действительности за мужественное исповедание веры[19].

После смерти Петрова его община впервые раскололась, так как некоторая часть «не доверяла Фроловой». Эта часть поселилась в доме на Ленинской ул., 9, образовав рабочую артель, которая состояла из плотников, столяров, печников и просуществовала три года. Артель насчитывала 30 человек, и ее возглавлял часовой мастер Ефим Иванович Михачев (1876 – ?), бывший уральский казак, семь лет проведший в немецком плену. По его признанию, «молиться почти не ходим, ибо все члены... работают». Следствие этому не поверило и на три года отправило артельщика в лагерь. Оставшиеся с Фроловой, которая рассорилась с настоятелем прот. Разумихиным (он не поминал Петрова как «приснопамятного»), из городского собора перешли в деревянную церковь свт. Спиридона Тримифунтского на Михайловской улице.

Новый раскол, уже в этой урезанной общине, произвела декларация митрополита Сергия, в результате чего в 1928 году «в сергианской ориентации осталось человек 16 ... со Фроловой», остальные же, во главе с архим. Сергиенко, перешли под омофор архиепископа Гдовского Димитрия (Любимова), сторонника митрополита Иосифа, который называл иоаннитов «стойкими борцами за истинное Православие». Сергиане подчинились епископу Петергофскому Николаю (Ярушевичу). Не правы историки, полагающие, будто все иоанниты влились в иосифлянское движение и в сан их рукополагали лишь «истинно-православные архиереи». Ситуация была гораздо сложнее. Но что любопытно, на следствии чекисты без колебаний присоединили сергианскую группу к иосифлянам, ибо нашли, очевидно, в данном случае между ними определенное внутреннее идейное сродство[20].

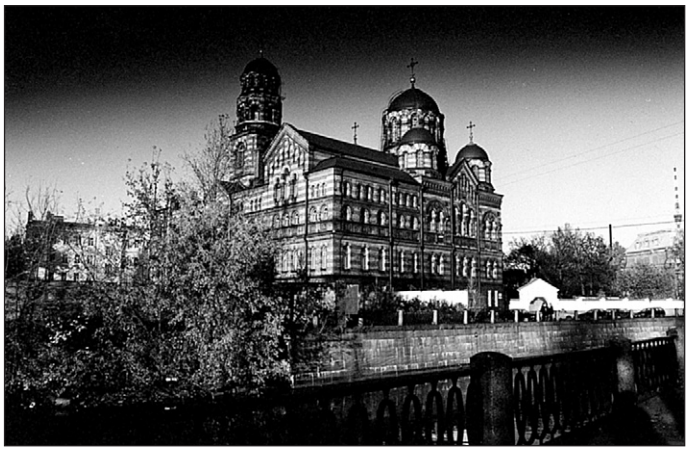
По словам арестованного печника Дмитрия Кузьмича Чернышева (1878 – ?), вступившего в 1922 году в общину, «в день рождения и смерти отца Иоанна ... мы собирались вместе, пели стихи в его память, читали его книги... В день памяти Петрова – 8 ноября – все ходили на могилку и там служили панихиду .... то же было в день памяти Киселевой», который отмечался через три-четыре дня. Иоанниты не забывали основателей своей общины, чья репутация была наконец-то очищена от разного рода нареканий. Лишь немногие из них, например, малограмотный столяр Николай Дмитриевич Целиков (1885 – ?), все еще продолжали считать, что «в теле о. Иоанна Сергиева нам являлась «св. Троица».

В Кронштадте одним из главных иоаннитов был в это время человек интересной судьбы – Иван Филиппович Тюлькин (1876–1931). Крестьянин Вятской губернии, он, служа на флоте, окончил в 1900 году Кронштадтскую электроминную (т. е. торпедную) школу. В 1903 году матрос женился на бывшей проститутке, а через два года ушел в океанский поход на эсминце «Буйный». Он участвовал в Цусимском сражении, попал в плен к японцам и там с увлечением начал читать революционную прессу и развращаться духовно.

«В Октябрьской революции, – признавался Тюлькин следователю, – я уже сознательно шел на свержение Временного правительства, ибо три раза слышал речи т. Троцкого, которые меня окончательно убедили, что только одна советская власть может водворить в стране порядок». Революционному матросу в 1918–1920 гг. доверили руководить кронштадтской милицией, и можно не сомневаться, что на его совести было немало загубленных душ. Во время восстания в Кронштадте в 1921 году восставшие арестовали Тюлькина за фразу: «Стреляйте, а мы вас завтра стрелять будем!», однако жизни не лишили. До 1924 года член Кронштадтского совета работал ревизором на линкоре «Петропавловск», успел в четвертый раз жениться, но неожиданно, Божиим чудом, из Савла сделался Павлом, раскаялся в своем прошлом и пришел

Ораниенбаум. Церковь свт. Спиридона Тримифунтского при бывшей офицерской Стрелковой школе. Фото 1910-х гг.

С.-Петербург. Иоанновский женский монастырь на Карповке, место погребения св. прав. Иоанна Кронштадтского

в Андреевский собор не только молиться, но и усердно трудиться в должности старосты.

После декларации митрополита Сергия (Страгородского) Тюлькин в 1928 году назвал Андреевский собор «красным» и с гневом написал о. Памфилу: «Служение с поминовением гражданских властей греховно, так как все равно речь идет о служении не Христу, антихристу». Он на некоторое время примкнул к иосифлянам и стал ходить в Спас-на-Крови, но потом перестал, ибо «перестал вообще доверять священникам». Перед своим арестом раскаявшийся «братишка» жил в Иоанновском монастыре на Карповке. Тюлькина приговорили к расстрелу – большевики жестоко мстили за измену своему кровавому делу[21].

Проведенные на рубеже 1930–1931 гг. репрессии против православного духовенства и активных верующих Кронштадта и Ораниенбаума входили в плановые мероприятий ОГПУ – поэтапной ликвидации Православной Церкви в СССР. Эти репрессии коснулись как сторонников, так и противников митрополита Сергия, наглядно показав, что отныне органы не намерены учитывать принципиальную разницу между ними. Начавшись с иосифлян, репрессии затем распространились на сергиан, ибо среди тех и других находились иоанниты, в которых власть видела последовательных и твердых борцов против своей антирелигиозной политики и своего безбожного режима. Их присутствие среди арестованных и придало определенную окраску обоим вышеописанным делам.

Мужественное поведение иоаннитов на следствии, их горячая вера и искренняя преданность Православной Церкви, их исповедническая судьба заставляют по-новому оценить это явление в новейшей церковной истории России, чему должны также способствовать публикуемые неизвестные документы о реабилитации иоаннитов со стороны священноначалия во главе со священномучениками Святейшим Патриархом Тихоном и Высокопреосвященнейшим митрополитом Вениамином. Думается, пришло время на документальной основе вдумчиво и непредвзято проанализировать иоаннитское течение, которое фактически сошло на нет вскоре после Второй Мировой войны, и, выявив его отрицательные и положительные стороны, вынести объективное суждение о его роли в православной жизни XX века.

Кронштадтское дело не было крупномасштабным и знаковым в истории тогдашних гонений на Русскую Церковь, но в нем можно проследить одну характерную тенденцию: советская власть, к этому времени подавив в основном иосифлянство и его союзников, все активнее начинала репрессировать клириков и мирян, верных митрополиту Сергию (Страгородскому), еще раз на практике доказывая свою непримиримую ненависть ко всей православной вере. В «пятилетку безбожия» эта тенденция станет преобладающей и приведет на Голгофу новые тысячи мучеников и исповедников.

Примечания:

[1] Архив УФСБ по Санкт–Петербургу и Ленинградской обл. Д. П–68522 в трех томах и Д. П—77463 в четырех томах.
[2] П–68522, Т. 1, Л. 37–63.
[3] То же, Л. 9–23. Осипова И.И. «Сквозь огнь мучений и воды слез». М., 1998. С. 316 (неверно относит его к иосифлянам). Синодик Санкт–Петербургской епархии. СПб, 1999. С. 79 (далее – Синодик).
[4] То же. Т. 2. Л. 382–385, 465. Т. 3. Л. 1010.
[5] То же. Т. 2. Л. 601–604; Т. 1. Л. 227–231; 577–580.
[6] То же. Т. 1. Л. 160–172; Т. 3. Л. 723–725.
[7] То же. Т. 3. Л. 485, 682–685; Синодик. С. 115.
[8] То же. Т. 2. Л. 605–640; Т. 1. Л. 62 об, 292 об.
[9]. То же. Т. 1. Л. 281–288, 292 об; Т. 3. Л. 766; Д. П–77463, Т. 3. Л. 22 об. Л. 27 об. Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб, 1999. С. 319; Кумыш В. Свмч. Николай Симо, пресвитер Кронштадтский. (СПб епархиальные ведомости. 2001, вып. 24. С. 123–130.
[10] То же. Т. 2. Л. 605–640; Т. 3. Л. 799–801, 701–703, 1095. Синодик. С. 24, 60, 112.
[11] П–77463, Т. 2. Л. 101, Т. 3. Л. 22 об. Л. 40–42.
[12] То же. Т. 2. Л. 31–37; Т. 3. Л. 25, 129–143; Осипова И.И., цит. соч. С. 322; Синодик. С. 21, 94, 107.
[13] То же. Т. 4. Л. 200–218; Осипова И.И., цит. соч. С. 380 (монахини ошибочно названы иосифлянками). Синодик. С. 21, 62, 116.
[14] То же. Т. 4. Л. 258. Осипова И.И., цит. соч. С. 55.
[15] ЦГИЛ СПб. Ф. 678, оп. 2, д. 5. Л. 60.
[16] То же. Л. 60а–61; Свет истины. 1912, № 26. С. 6–11 Петербургский листок. 1914, № 87.
[17] ЦГИЛ СПб. Ш. 678, оп. 2, д. 5. Л. 61; д. 4. Л. 1, 39. Архив УФСБ, д. П–68522. Т. 1. Л. 260, 278 об, 293, 332; д. П–77463. Т. 3. Л. 143; Т. 4. Л. 19, 55 об.
[18] Архив УФСБ, д. П–77463. Т. 1. Л. 94–96; Т. 3. Л. 31, 157–172. Синодик. С. 40, 51, 101.
[19] То же. Т. 3. Л. 27 об, 36, 146–154; Т. 4. Л. 23, 56, 150 об, 254.
[20] Т. 4. Л. 5–7; Т. 3. Л. 143. Осипова И.И., цит. соч. С. 55; Шкаровский М.В., цит. соч. С. 27.
[21] Архив УФСБ, д. П–68522. Т. 1. Л. 242–278 об; д. П–77463. Т. 1. Л. 99

Д.Б. Сергеев

КРОНШТАДТСКИЙ АНДРЕЕВСКИЙ СОБОР

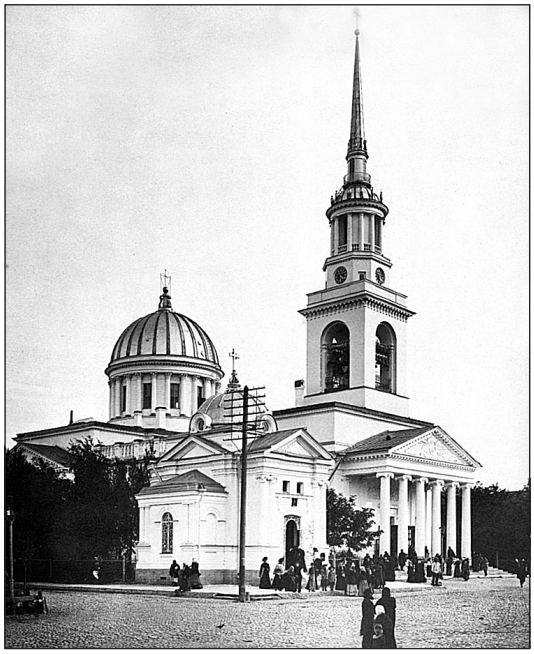
Самым старым собором в нашем городе был собор св. апостола Андрея Первозванного. Его история началась при Петре I.

В 1717 году была начата постройка деревянной церкви во имя св. Андрея Первозванного, единственного из апостолов, который, по преданию, побывал на Руси (он посетил южную Русь – Скифию, был на месте будущего Киева и, возможно, дошел до северных ее пределов: берегов Волхова и острова Валаам). С петровского времени апостол Андрей Первозванный почитался еще и как покровитель Русского Флота.

Первоначальная Андреевская церковь сооружена была во дворе нынешнего Штаба гарнизона (на Макаровской ул.). Такое место было выбрано потому, что находилось в центре расположения губернских домов, т. е. в самой населенной тогда части города. Церковь была крестообразной в плане. Строили ее солдаты, возможно, по проекту капитан-командора Эдварда Лейна. По сведениям священника Николая Азиатского, церковь была расположена в том здании, где в XIX веке находился Учебный Морской Экипаж, (на Княжеской, 3).

Деревянный храм к началу царствования Императрицы Елизаветы Петровны пришел в такую ветхость, что в 1742 году разрешено было построить вместо него новый храм во имя св. апостола Андрея. Решили строить новый храм на месте прежнего – в камне, но вскоре это место понадобилось для окончания работ по достройке Доков. Поэтому церковь разобрали и перенесли в один из губернских домов.

В нем она находилась до 1787 года. Затем ее перевели в Успенскую «купецкую» церковь, возведенную в 1760 году. Церковь была деревянной, двухэтажной и

Кронштадт. Андреевский собор

стояла в Безымянном переулке (там, где теперь газетные стенды), в ней бывший Андреевский престол Успенской церкви (предтечи Андреевского собора) находился до 1817 года.

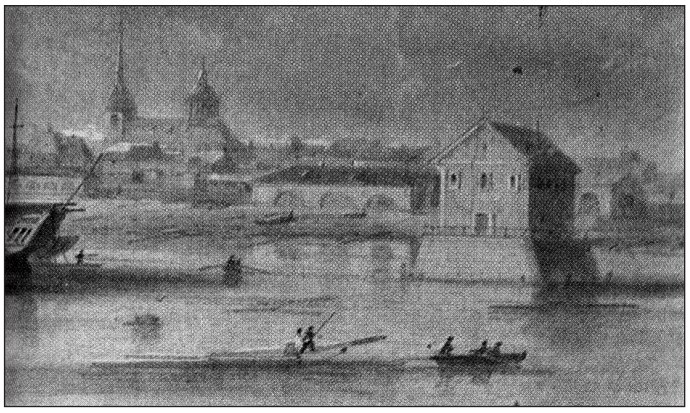
В начале XIX века в центре Кронштадта, на Господской улице решили возвести новый каменный собор во имя св. ап.Андрея Первозванного. Проект был составлен архитектором Чарлзом Камероном* в 1804 году.

Для строительства Андреевского собора были отпущены необходимые средства, из сумм Морского Ведомства. Закладка собора была совершена 20 июня 1805 года** митрополитом Новгородским и Петербургским

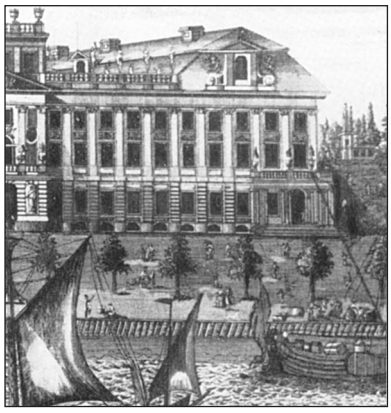
---

* Чарлз Камерон (1743–1811) свыше тридцати лет своей творческой жизни отдал России. Он приехал в Россию в 1779 году. Сразу был назначен «архитектором Ее Императорского Величества» и приступил к созданию новых интерьеров в Большом Царскосельском дворце. Им были созданы – жилая половина Екатерины II: Опочивальня, Синий кабинет или «Табакерка», Купольный зал, Лионский зал, Арабесковая гостиная; жилая половина Великого Князя Павла Петровича. Камерон создал комплекс «Агатовых комнат», висячий сад и галерею. В Павловске он построил дворец для Цесаревича Павла Петровича, начал отделку его интерьеров, распланировал Павловский парк. В Петербурге Ч. Камерон был главным архитектором Адмиралтейства. Возможно, по его проекту в 1806 году в Кронштадте, было построено здание 4-ой парусной мастерской, на северной стороне бассейна системы «Петровских» Доков.

** Все даты до 14.02.1918 г. приводятся по старому стилю.

Вид первоначального Андреевского собора возле губернских домов со стороны Средней гавани. С рисунка конца XVIII в.

Итальянский дворец и первоначальный Андреевский собор (справа). С гравюры О. Эллигера. 1727 г.

Амвросием, в присутствии Императора Александра I, который с особою торжественностью изволил прибыть для этого в Кронштадт. Это могло быть объяснено тем, *что на закладку и сооружение этого храма должны были смотреть, как на исполнение воли Державного основателя Кронштадта – Петра Великого.*

20 июня 1805 года, после совершения литургии митрополитом Амвросием в Успенской церкви (где временно находился собор), из нее вышел крестный ход к месту закладки. Чин закладки был совершен духовенством, причем, первый камень был собственноручно положен Александром I. Бывшие при этом в руках Государя серебряные, «специально для сего изготовленные, молоток и лопатка, хранились до 1920-х годов в ризнице собора, как драгоценный памятник означенному событию».

Кроме того, в день закладки статским советником Иваном Яковлевичем Евреиновым был пожертвован собору золотой крест, с заключенными внутри его частицами мощей св. апостола Андрея Первозванного и некоторых других угодников Божиих. На 1913 год крест этот находился на образе св. Александра Невского, в главном иконостасе.

При закладке фундамента собора и самом начале возведения стен строители допустили некоторые неточности в размерах. Пришлось составлять новый план собора. Эту работу выполнил выдающийся петербургский зодчий Адриан Дмитриевич Захаров*. В основу своего проекта он положил проект Камерона.

Работы по возведению собора шли чрезвычайно долго, с 1805 по 1817 годы, что зависело, вероятно, от тех затруднений, какие переживало каждое наше ведомство, вследствие войны 1812 года. В основу планировки был положен латинский крест. Но Захаров значительно улучшил его пропорции и дал намного более развитое объемно-пространственное решение, включив в композицию возвышающуюся над основным объемом собора многоярусную, увенчанную остроконечным шпилем колокольню.

Введение акцента изменило в общей объемной композиции значение купола на барабане, роль которого получилась подчиненной. Собор решили выстроить из кирпича, а цоколь выложить гранитным камнем. Каменные работы взял на себя олонецкий купец Иван Чусов. Он обязался в 1806 году, не позднее 1807 года, возвести цокольный этаж. Отстройку же собора вчерне предписано было кончить в 1809 году.

Оформив западный, южный и северный концы креста шестиколонными портиками, Захаров отвел важное место колоннам и в интерьере. Но, поставив колонны

Место Успенской «Купецкой» церкви, предшественницы Андреевского собора (на краю Соборной площади, возле дома по Безымянному переулку). Место престола храма отмечено камнем с крестом. Фото 1900-х гг.

* Адриан Захаров родился в С.-Петербурге 8 августа 1761 г. Получил воспитание в Императорской Академии художеств. В Петербурге по его проектам было построено Адмиралтейство (с использованием прежнего здания), перестроен госпиталь на Выборгской стороне. Он разработал проекты: здания литейной мастерской при Академии художеств, перестройки зданий Академии наук, главного Гребного порта и складов в нем, перепланировки Провиантского острова и адмиралтейских конюшен на нем. По его проекту возвели дом гражданского губернатора в Чернигове. В Гатчине по его проектам возводились Ферма, в 1797–1798 г., Птичник – в 1798–1801 гг., Горбатый мост. Кроме того, в Петербурге по проекту А.Д. Захарова построили церковь во имя свв. Апостолов Петра и Павла на проспекте селения Михаила Архангела (ныне пр. Обуховской обороны, 120). В 1801 г. А.Д. Захаров разработал проект Александровской мануфактуры, в центре которой была задумана фабричная церковь. В 1804 она была заложена по измененному проекту. Работы, по ее сооружению, однако, вскоре остановились и были окончены только в 1826 г. Когда мануфактура была закрыта, храм перешел в собственность к построенному на ее месте Обуховскому заводу. Храм снесли в 1930 г., хотя он числился под охраной государства.

вдоль стен, архитектор не затенил ими подкупольное пространство, тем самым обеспечив лучшую освещенность помещения собора.

Большое место в своем проекте Захаров отвел монументально-декоративной скульптуре, игравшей всегда значительную роль в его архитектурных шедеврах: она помогала раскрыть их идейно-художественное значение и содержание. В нарушение канонов христианской церкви Захаров предлагал над арками колокольни со всех четырех сторон поместить по две выполненные в барельефе фигуры летящих Слав. Купол же должен был венчать крест с ангелом и херувимами**.** Скульптурами апостолов и евангелистов хотели украсить интерьер.

Первоначально намеченные сроки окончания собора неоднократно нарушались. Так, весной 1810 года еще продолжалось возведение купола и колокольни. Тогда же Захаров составил перечень скульптурных украшений. 3 июня 1811 года все скульптурные работы обязался выполнить академик Академии художеств М.П. Александров-Уважный, не раз привлекавшийся на захаровские постройки. Через два дня Захаров сам выписывает ему подорожную на проезд в Кронштадт и обратно. Архитектор предписал ему «исправить все сии работы исподволь в течение нынешнего и будущего года, но первыми из них изготовить к началу лета будущего 1812 года восемь фигур летящих Слав для колокольни и поставить на места с надлежащим прикреплением так, чтобы по постановлении шпиля можно было колокольню оштукатурить».

27 июня 1811 года по инициативе Захарова был заключен договор с золотых и серебряных дел мастером Т.И. Рябовым, согласно которому он обязался изготовить «крест с шаром и ангелом на куполе и крест с шаром на колокольне». Оба креста с шарами и ангела предполагалось вызолотить. За всю работу подрядчик просил заплатить ему пятнадцать с половиной тысяч рублей.

Цена, запрошенная Рябовым, начальству показалась высокой. Решили отказаться от фигуры ангела и найти другого подрядчика. Вскоре нашли золотых и серебряных дел мастера Василия Соколова. Он согласился изготовить два креста без украшений за 2 тысячи рублей. 16 февраля 1812 года с ним заключили контракт.

Ровно через месяц, 6 марта, приняли решение об изготовлении иконостаса и написании образов по чертежу Захарова. Изготовление иконостаса взял на себя академик Императорской Академии художеств П.И. Брюлло, которого Захаров ранее привлекал к работам в церкви Гатчинского дворца, а написать 18 образов обязался академик Л.С. Миропольский, также работавший с архитектором в Гатчине. В связи с началом войны 1812 года, контракт с ними заключили только через год.

В то же время продолжается изготовление скульптур. Но в связи со смертью М.П. Александрова-Уважного в 1813 году окончить эти работы поручили молодым скульпторам, пенсионерам Академии художеств, Ивану Воротилову и Михаилу Крылову.

Архитектор А.Д. Захаров. Проект Андреевского собора

К живописной работе в Андреевском соборе привлекли также академика живописи А.Л. Витберга и пенсионера Академии художеств – живописца Федора Брюлло – старшего сына П.И. Брюлло, брата художника Карла Брюллова и архитектора Александра Брюллова. Ф. Брюлло написал четыре образа и два плафона для собора.

Работы по строительству начал архитектор Выборный и вел их до 1809 года. Священник Н. Азиатский в своем очерке «Церкви Кронштадтские» называет фамилию архитектора Виборога. Постройку от основания до карниза произвел архитектор Павлов – с 1809 по 1811 год. С 1811 по 1815 год собор достраивал архитектор А.Н. Акутин*.

Собор прямоугольной формы напоминал корабль, летящий под всеми парусами среди зелени соборного сквера. Наиболее сильное впечатление производила устремленная в небо легкая, парящая колокольня. Она прекрасно вписывалась в перспективу Обводного канала и имела четыре яруса. Круглый барабан с колоннадой коринфского ордера завершался куполом. Основание колокольни украшал большой портал из шести ионических колонн с фронтоном – основание довольно

---

* В Петербурге, по проекту А.Н. Акутина и под руководством архитектора А.Е. Штауберта, в 1835–1840-х гг., возвели здание Николаевского военного госпиталя на Суворовском проспекте, 63. В Кронштадте по проекту А.Н. Акутина в 1819–1829 гг., был переделан фасад здания Канатного завода, на восточной стене Обводного канала. В 1840-х гг. по его проекту перестроили здание Итальянского дворца под нужды Штурманского училища. Были также сделаны пристройки к Дому Миниха – казарма (ныне ул. Коммунистическая, 1), здание Первого Балтийского Учебного Экипажа – ул. Коммунистическая, 3, здания во дворе Минного Класса. Все эти постройки возвели в 1830–1840-х гг.

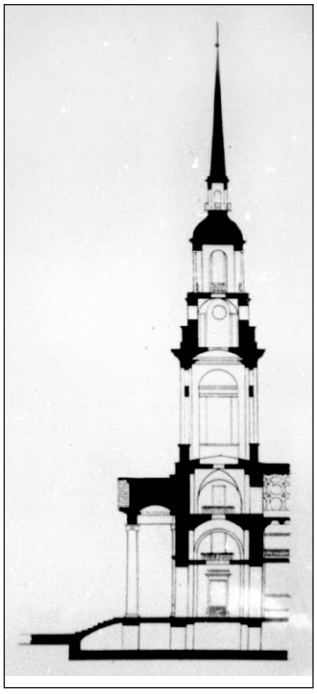
массивное, как писал в своем «Историко-общественном путеводителе по Кронштадту» П.Н. Столпянский: «В Адмиралтействе Петербурга эта основная мысль выражена более удачно – портал заменен дорическим монолитом. Дальше возвышается колокольня. На аттике фронтона поставлен четырехгранный ярус, где находятся колокола, и этот ярус еще несколько фундаментален. Но под этой внешне грубой оболочкой морского волка хранится иногда нежное поэтическое сердце. <…> Эта идея вполне выражена в дальнейших частях колокольни.

Четырехгранный ярус переходит при помощи восьмиугольника в круглую башенку из 12-и таких же ионических колонн с балкончиком, над которым возвышается длинный изящный шпиль, заканчивающийся простым яблоком с простым крестом».

Барабан купола имел 12 окон, по сторонам которых поставлены колонны, числом 24. В соответствии с этим по куполу проходят 24 полукруглых ребра, соединяющихся на вершине купола, где было небольшое возвышение с крестом. Крест и ребра были вызолочены.

Освящение собора было совершено 26 августа 1817 года Преосвященным Филаретом (Дроздовым), епи-скопом Ревельским (впоследствии – митрополит Московский, святитель, причислен к лику святых Русской Православной Церкви в 1994 г. – *Ред.*). Ко времени сооружения собора площадь вокруг него была обстроена неприглядными деревянными зданиями, между которыми находился старый Гостиный двор, тоже деревянный, стоявший с той же стороны, как и нынешний каменный. Стоимость постройки собора доходила в то время до 200 тысяч рублей ассигнациями (около 60 тысяч серебром).

Андреевский собор был образцом архитектуры для строительства подобных соборов в других городах Российской Империи. Так, по проекту Адриана Захарова, в Екатеринославе (Днепропетровске) был возведен Спасо-Преображенский собор. Он почти полностью повторяет Андреевский собор Кронштадта, только у него отсутствует выступ алтарной апсиды. В советское время в соборе находился музей религии и атеизма.

Колокольня Андреевского собора (проект, разрез). Архив Института градостроительства и архитектуры им. Щусева, Москва

Преосвященный Филарет, митрополит и святитель Московский, в бытность свою епископом Ревельским освящавший Андреевский собор 26 августа 1817 года

В газете «Кронштадтский Вестник» 15 ноября 1997 года появилась заметка «Александро-Невский собор в Ижевске – брат-близнец Андреевского в Кронштадте», подписанная инициалами Л.К. В Ижевске до 1917 года было в десять раз меньше населения, чем в Кронштадте, но почти во столько же раз больше храмов и часовен. Александро-Невский собор, построенный в 1820–1823 годах С.Е. Дудиным, учеником А. Захарова, по образцу Андреевского собора, в советское время был превращен в кинотеатр.

Этот храм – архитектурная жемчужина Ижевска. Строгостью пропорций отличаются его классические портики, полукруглый алтарный выступ, членение стен. Прекрасная многоярусная колокольня завершалась высоким шпилем. Роспись храма выполнил выпускник Академии художеств В. Албычев. Благородство внутреннего убранства, великолепная акустика, вдохновенные проповеди собирали сюда тысячи богомольцев.

К сожалению, после 1917 года алтари собора были разорены, иконостасы, кресты, утварь – уничтожены. Но храм не был забыт горожанами, в феврале 1990 года его вернули Церкви. В храме начата реставрация.

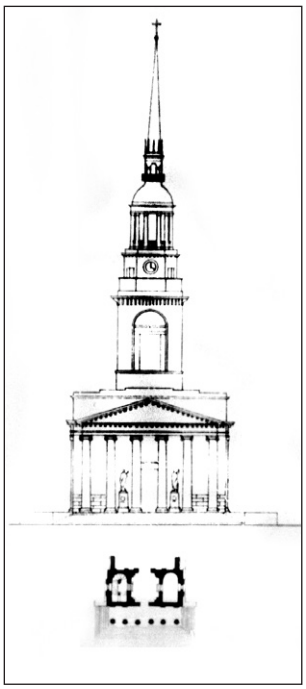
Первоначально кронштадтский Андреевский собор был однопрестольным, и только для ранних обеден на хорах был устроен придел во имя свв. апп. Петра и Павла.* Придел устроили на хорах под колокольней. Освятил его обер-священник армии и флота протоиерей Мансветов.

В 1847 году произвели позолоту купола и шпиля колокольни. Золотил мастер Скворцов. На позолоту затрачено было сусального червонного золота 95-й пробы на 3498 рублей. Золотили на средства соборного старосты купца Василия Петровича Ковина, пожертвовавшего 1307 рублей 88 коп., потомственного почетного гражданина Петра Васильевича Синебрюхова, пожертвовавшего 1000 рублей и кронштадтского купца Галактиона Бритнева, который пожертвовал 857 р. 15 к., а также на собранные доброхотные даяния.

Собор оставался без всяких переделок до 1852 года, когда настоятелю, протоиерею Василию Нектарьевскому, пришла мысль сделать храм трехпрестольным. Несмотря на бывшую тогда Восточную (Крымскую) войну и блокаду Кронштадта, ему удалось привести свой план в исполнение. С содействия горожан и тогдашнего соборного старосты Михаила Семенова к бокам собора были сделаны пристройки, так что план собора вышел крестообразный. В пристройках устроили приделы – южный во имя свв. апп. Петра и Павла и северный – Покрова Пресвятой Богородицы. Перестройка была произведена на добровольные пожертвования.

Освящение главного престола после переделки было назначено в марте 1855 года. Чин освящения был совершен местным духовенством в присутствии Великого Князя Константина Николаевича, генерал-адмирала, 19 марта 1855 года был освящен правый придел – Петра и Павла, а 30 марта – левый придел. В куполе, между окнами, были написаны 12 апостолов, а на стенах приделов – картины из земной жизни Спасителя, но, к сожалению, живопись скоро испортилась от сырости, и ее пришлось уничтожить.

Перестройка собора производилась инженер-полковником Богдановским по проекту архитектора Романа Ивановича Кузьмина.** К слову говоря, при этой переделке заменяли иконостас Захарова на новый, по

Колокольня Андреевского собора (проект западного фасада). Архив Института градостроительства и архитектуры им. Щусева, Москва

сведениям Ф.А. Тимофеевского, созданный по плану протоиерея Нектарьевского.

В 1876 году потомственный почетный гражданин Владимир Дмитриевич Никитин, бывший в то время старостой собора, пожелал на собственный счет расширить собор боковыми пристройками. Получив надлежащее разрешение, он приступил к их постройке, завершив строительство в 1877 году; 14 сентября они были освящены. По свидетельству свящ. Н. Азиатского, освящение совершил Преосвященный Варлаам, епископ Ревельский. Перестройка была произведена по плану архитектора В. Виндельбандта.*

В 1897 году было произведено последнее, третье, расширение Андреевского собора, состоявшее в удлинении к востоку алтарей боковых приделов. После этого собор окончательно приобрел крестообразную форму.

---

* По сведениям В.Д. Доценко в его книге «Морские храмы России» и сведениям священника Н. Азиатского в работе «Церкви кронштадтские», этот придел был освящен 12 ноября 1834 года.

** Имя Р.И. Кузьмина – выдающегося зодчего России – ныне практически забыто. В Кронштадте, на Советской улице, 43 (до ноября 1918 года улица носила название Большая Екатерининская) стоит здание Дома офицеров. Здание было возведено в 1780–1790-х гг., по проекту архитектора М.Н Ветошникова. Это был 3-й офицерский флигель, выстроенный для работников кронштадтского Адмиралтейства. К 1858 году он был перестроен Р.И. Кузьминым для Кронштадтского Морского Собрания. К зданию пристроили два боковых двухэтажных крыла в пять осей каждое. Здание получило новую отделку фасада и новые интерьеры.

В Петербурге по проекту Р.И. Кузьмина возвели: Греческую православную церковь Святого Димитрия Солунского на Летней Конной площади. Она была выстроена в 1861–1866 годах в подражании византийским храмам. Р.И.Кузьмин при проектировании церкви использовал необычное для петербургской архитектуры стилевое решение. В постройке были использованы конструктивные приемы и декоративные мотивы византийской архитектуры VI–XIV веков: уположенный главный купол и боковые полукупола – конхи (они перекрывали граненые выступы, примыкавшие к центральному объему), аркады, опиравшиеся на колонны и т. п. Постройка Кузьмина стала одним из первых примеров нового направления в храмовой архитектуре. (Снесена, на ее месте выстроен Большой концертный зал «Октябрьский».)

По проектам Р.И. Кузьмина в Петербурге был возведен особняк князя Д.В. Кочубея на Сергиевской улице (ныне ул. Чайковского), 30. Строительство началось в 1844 г., и было завершено в 1845–1846 гг. архитектором Г.А. Боссе. Так же по проекту Р.И. Кузьмина был выстроен дом № 17 по Галерной улице, в конце 1850-х – начале 1860-х гг. В Гатчине в 1840-х г. Р.И. Кузьминым был перестроен Большой дворец для Императора Николая I. Был переделан фасад главного корпуса дворца, возведены два новых каре – Кухонное и Арсенальное. Арсенальное каре по сути стало вторым дворцом. Были созданы в нем жилые и парадные помещения для Государя и его семьи – в том числе Готическая и Китайская галереи, рабочий кабинет Николая I. Также по его проекту в Гатчине был выстроен Павловский собор (1846–1852).

К собору была приписана домовая церковь Успения Божией Матери при Городской думе. Также были приписаны часовни:

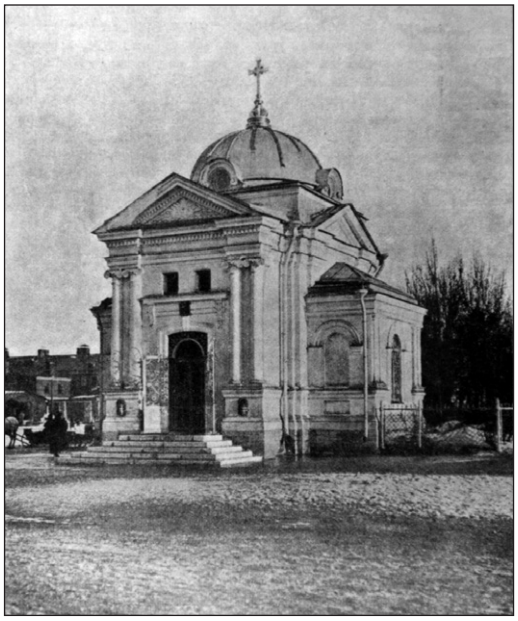
В Рыбном ряду – часовня во имя св. Илии Пророка, каменная, сооруженная в 1879 году. Она заменила прежде стоявшую на этом месте (с 1854) деревянную, разобранную за ветхостью. Сооружена она была частью иждивением бывшего старосты Успенской церкви Л.А. Неустроева, частью на пожертвования торговцев Рыбного ряда, по проекту А.Я. Силина.

Часовня во имя Воскресения Христова была сооружена в 1881 году иждивением старосты собора В.Д. Никитина на пожертвования купцов-гостинодворцев. Также каменная (арх. А. Силин), она стояла против Гостиного двора, и была выстроена взамен двух прежних деревянных гостинодворских часовен, сгоревших в 1874 году. Построена на месте одной из них, бывшей деревянной.Часовня была освящена во имя Воскресения Христова. Она выходила на Соборную улицу (ныне ул. К. Маркса), помещаясь в углублении между «Татарских рядов».

Тихвинская часовня при Андреевском соборе была заложена 18 августа 1898 года и освящена в 1899 году 5 декабря. Она была каменной и стояла слева от входа в собор, сооружена старанием священника А.И. Таратина по проекту арх.Н.Н. Никонова.

Часовня в честь Спаса Нерукотворного Образа на Козьем Болоте** была освящена 16 августа 1902 года. Сооружена она была иждивением старосты М.А. Коровникова (арх. Н. Долбинский). Есть данные, что эта часовня была возведена на месте деревянной. Часовни, приписанные к собору, были снесены после 1917 года.

Почти одновременно с расширением собора В.Д. Никитиным был также устроен и окружающий собор сквер, украсивший соборную площадь. За время пребывания старосты Никитина (с 1871 по 1883) им из собственных средств на различные нужды собора было затрачено 63554 рубля. На 1884 год, по данным священника Николая Азиатского, в соборе хранились: серебряный, вызолоченный крест с мощами: св. ап. Андрея Первозванного, вмч. Екатерины, мч. Стефана, вмц. Варвары и с частицею Животворящего Древа Креста Господня. Он был подарен митрополитом Амвросием при закладке собора как благословение храму. В соборе хранился также резной крест из слоновой кости работы Петра I.

Кронштадт. Часовня Тихвинской иконы Божией Матери при Андреевском соборе. Фото 1900-х гг.

Из колоколов (всего имелось 7 колоколов для благовеста и 3 зазвонных) были достопримечательны следующие. Первый колокол – с изображением Казанской иконы Божией Матери, св. Александра Невского и св. Димитрия Ростовского. На колоколе надпись: «литейный мастер Константин Михайлов сын Глазов 1752 года, генваря 11-го дня; лит сей колокол в Москве, в город Кронштадт, к соборной церкви св. апостола Андрея Первозванного. Весу 154 пуда, 33 фунта». Второй колокол – с изображением ангелов и с надписью: «1786 года генваря 31-го дня; лит в Санкт-Петербурге. Весу 224 пуда 22 фунта. Кронштадтския церкви Успения Пресвятой Богородицы». Третий колокол – с надписью: «1786 года мая 1-го дня; лит в Москве, на заводе Ясона Струговщикова. Весу 112 п. 28 ф. Для церкви апостола Андрея». Четвертый колокол – лит в Москве в 1776 году. Вес 23 пуда, 5 фунтов. Пятый колокол – лит в Кронштадте в 1752 году. Вес 22 пуда. Шестой – лит в Кронштадте в 1759 году. Вес 69 пудов 10 фунтов. Седьмой – лит в Петербурге в 1759 году. Вес 622 пуда.

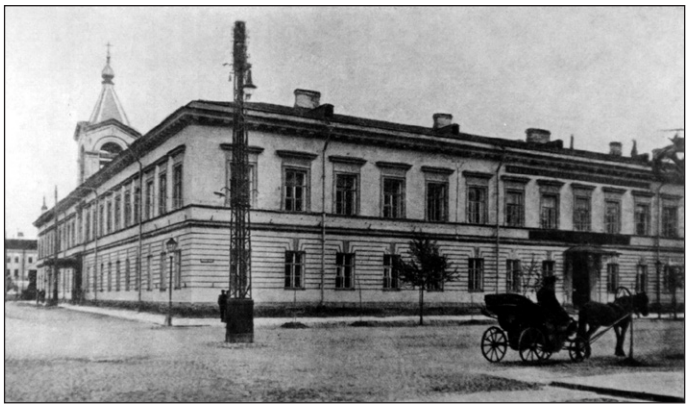
При соборе хранились: 1) План и фасад собора по проекту Захарова. 2) План собора от построения его в 1805 году до 1855 года, составленный в 1834 году. На нем подписались: генерал-лейтенант Денстрем, генерал-майор Зече, подполковник Яхонтов, архитекторы Висконти и Буско. Это не подлинник, а копия, снятая правящим должность городского архитектора губернским секретарем Ф. Трапезниковым, за подписью членов Комитета проектов и смет, по журналу 4 сентября 1841 года. 3) План собора, составленный Виндельбандтом и Высочайше утвержденный 1872 года октября 30 дня.

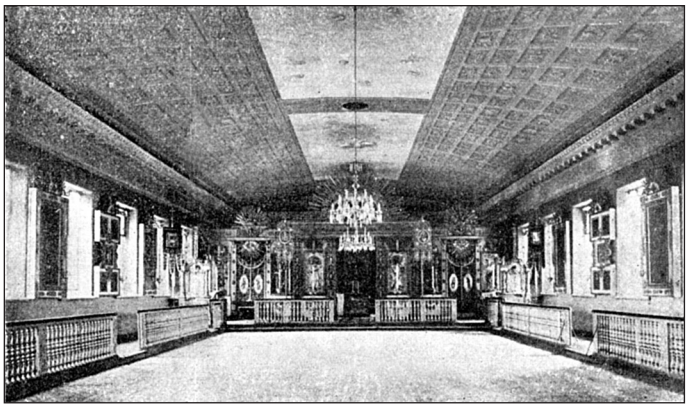
Причт соборный издавна состоял из протоиерея,

---

* В Кронштадте по проектам В.В. Виндельбандта были сооружены: здание Реального училища, сооруженное к 1879 году на углу улиц Посадской и Андреевской, двухэтажный Дом Призрения малолетних детей, возведенный на Андреевской улице, 3 в 1870–1872 гг., трехэтажный Сиротский дом (1870–1872), на Петербургской ул., 10 (ныне – здание Детской музыкальной школы на Ленинградской ул., 10). Архитектура двух последних домов отличается лаконичностью и строгостью. В 1873–1874 гг. на Осокиной площади вместо сгоревшего деревянного театра, Виндельбандтом был построен каменный. В.В. Виндельбандт также спроектировал ограду кронштадтского Летнего сада. Она была отлита на Пароходном Кронштадтском заводе в 1873 г.

**Козье Болото – ныне территория 422 школы, ограниченная улицами – Карла Маркса, Кронштадтской, Восстания и пр. Ленина.

Кронштадт. Успенская церковь при Городской думе, приписная к Андреевскому собору. Внешний вид и интерьер

двух священников, из которых один носил звание ключаря, двух диаконов и двух дьячков. В старину были при соборе певчие из воинской команды, носившие при служении польское платье.

Протоиереями были: Михаил Иоаннов (ок. 1737), Борис Петров (ок. 1741), Алексий Васильев (ок. 1747), Иоанн Федоров (ок. 1768), Григорий Григорьев (ок. 1778), Стефан Кузьмин (ок. 1797), Стефан Козьмич Нулев (10.06.1767–29.01.1812), Алексий Иванович Георгиевский († 9.11.1847), служивший в соборе 38 лет, и другие. Ключарями подписывались: Антоний Соловьев (ок.1814), Василий Михайлович Дремяцкий (19.12.1790–18.03.1849), протоиерей Константин Несвицкий (1796–12.04.1867), Матфий Веселовский (в 1860-х), Иоанн Сергиев (св. прав. Иоанн Кронштадтский, 1829–1908), Александр Таратин (1804–1899), Александр Попов.

Священниками были: Козьма Стефанов (ок. 1737), Феодор Матфиев и Тимофей Васильев (ок. 1741), Василий Иоаннов и Илья Георгиев (ок. 1747), Александр Иоаннов и Иоанн Пантелеймонов (ок. 1778). Иоанн Дмитриев (ок. 1781), Василий Алексеев и Иоанн Анисимов (ок. 1787), Григорий Иоаннов (ок. 1789), Михаил Степанов (ок. 1797), Михаил Стефанович Сиверцов (1769–5.04.1836), Феодор Измайлов (ок. 1809), Михаил Абрюцкий (ок. 1814), Петр Георгиевский (ок. 1830), Иоанн Вишняков (ок. 1846), Петр Клепачевский (11.09.1849–29.10.1899), Иоанн Таратин.

На содержание причта (по Высочайше утвержденной ведомости Синода 27 мая 1806 года) было положено: протоиерею 450 рублей ассигнациями в год, священникам по 300 рублей, диаконам по 225 рублей, дьячкам по 150 рублей, просвирне 50 рублей ассигнациями. На 1884 год жалованье выдавалось серебром, но в уменьшенном размере. Кроме жалованья и доходов причт пользовался процентами с капиталов, положенных в разное время и составлявших на 1884 год до 13600 рублей серебром. Из пожертвований самым значительным было пожертвование купца Николая Щукина, который в 1877 году внес в собор 25000 рублей ассигнациями.

Собору принадлежал дом № 12/2 по Андреевской улице, возведенный в 1905 году по проекту кронштадтского городского архитектора Николая Александровича Долбинского*. В нем размещался причт собора. Дом имел мансарду. При нем был фруктовый сад.

Причт собора прежде подчинялся духовному правлению, которое существовало при соборе до 1876 года. В 1884 году – епархиальному начальству, в лице благочинного, протоиерея Скорбященской церкви в Петербурге отца Василия Гиляровского.

Приход собора состоял из живших на соседних с ним улицах. Его составляли обычные жители города, главным образом, Морского ведомства. Летом, с уходом судов, численность прихожан уменьшалась. Взамен их в местности прихода появлялось множество иноверцев, приезжавших сюда на своих судах из-за границы. По клировым ведомостям 1883 года в приходе считалось: военных штаб- и обер-офицеров мужского пола – 324 человека, женского – 313; статских мужского пола – 68, женского – 125, купцов и мещан: 384 мужчины и 409 женщин, крестьян: 513 мужчин и 361 женщина.

На 1916 год священнослужителями в Андреевском соборе были: настоятель протоиерей Павел Иванович Виноградов, священник Сергий Петрович Преображенский, ключарь священник Николай Васильевич Петровский, священник Димитрий Иванович Каменоградский, протодиаконы: Михаил Михайлович Толузаков, псаломщики Михаил Васильевич Михайловский и Иван Михайлович Лебедев, исполняющие обязанности псаломщиков Петр Степанович Микишатьев и Лаврентий Лаврентьевич Бертельсон.

---

*Н.А. Долбинский был титулярным советником, гласным кронштадтской Городской думы (в 1913 г.). Владел двухэтажным деревянным домом и двухэтажным домом (или флигелем) на 4 квартиры по ул. Андреевской, 4. Н. Долбинский был попечителем Римско-католического начального училища. В 1916 г. состоял в должности Почетного мирового судьи. Владел недвижимым имуществом на сумму 10090 рублей. Являлся архитектором здания кронштадтского Кредитного Общества с 1895 г. Н. А. Долбинский был автором проекта здания кронштадтской гражданской тюрьмы и возможно церкви Иоанна Рыльского при ней. Тюрьма была возведена, по одним данным, в 1895–1897 г., по другим данным в 1897–1898 гг.

Андреевский собор. Вид с северо-западной стороны

Собору также были пожертвованы ценные вещи: кронштадтским купцом Ф.И. Буровым – бронзовое вызолоченное паникадило в 1500 рублей, его душеприказчиком П.И. Рудаковым другое такое же паникадило, кронштадтским купцом Ф.А. Ушаковым – бронзовое вызолоченное паникадило в 400 рублей, купчихою А.Я. Калмыковой – образ с частицами мощей некоторых святых угодников Божиих, в серебряной вызолоченной ризе.

В 1894 году странник Антоний, желая украсить Андреевский собор, заказал прекрасные башенные часы с курантами у петербургской фирмы Ф. Винтер и К^0 (фирма эта существовала в Петербурге с 1867 года). Один из корреспондентов газеты «Кронштадтский вестник» в августе 1894 года имел возможность ознакомиться с весьма сложным механизмом этих часов, все части которого созданы в русской мастерской, а не являют собой соединение готовых, созданных за рубежом частей. Часы и куранты снабжены двумя самостоятельными механизмами. Стоимость часов – 5700 рублей.

На первый взгляд, механизм не представлял ничего поразительного, кроме сравнительно гигантских размеров зубчатых колес, число которых доходило до 60. На валу механизма помещалось до 250 штифтиков для воспроизведения звуков. Механизмы были сделаны стоячие, известной тогда системы Грема, и приводились в движение гирями весом до 40 пудов (640 кг). Часы были снабжены четырьмя циферблатами на черном фоне, с весьма крупными римскими золотыми цифрами, дававшими возможность различать время на весьма далеком расстоянии. Часы отбивали четверти, отмечая их звоном 3-х особых колоколов. Самый большой колокол механизма отбивал часы. Куранты играли: в 9 утра – «Коль славен наш Господь в Сионе», в полдень – «Боже Царя храни» и в полночь – «Се Жених грядет в полунощи». Как отмечал современник: «Исполнение этих гимнов на соборной колокольне будет напоминать призыв к молитве псалмопевца: «Вечер и заутра, и полудне» (Пс. 54, 18) и тем возвещать славу Божию. Часы обещают особенную прочность и верность хода».

Оси их были сделаны из стали самого высокого качества, а колеса – из особенно прочного медного сплава. Ответственность фирмы была на 15 лет. Сбор механизмов обещали окончить к началу октября 1894 года.

Башенные часы привезли 20 сентября 1894 года. На колокольне приступили к постановке циферблатов. В газетах сообщалось: «Постановка механизма займет до двух недель, механизм же курантов, как более сложный, потребует более продолжительного времени. Принимаются все меры, чтобы полное изготовление часов с курантами было готово к 19 октября».

29 сентября 1894 года башенные часы находились уже в действии. Автор одной из статей в газете «Кронштадтский вестник» писал, что слышал исполнение гимна курантов в Петербурге, в мастерской

Родился протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (св. прав. Иоанн Кронштадтский) 19 октября 1829 года в Архангельской губернии, в селе Сура Пинежского уезда. Иоанн Ильич был сыном бедного причетника села Сура – Илии Михайловича Сергиева и его жены, Феодоры Власьевны. Он имел двух сестер. В 1839 году Иоанн поступил в Архангельское приходское училище. К концу курса он одним из первых был переведен в семинарию. В 1851 он с отличием окончил семинарский курс. Местное духовное начальство назначило его на казенный счет в Петербургскую Духовную академию, что тогда было большой редкостью.

В Академии Иоанн мечтал о миссионерской деятельности среди дикарей Сибири и Америки, но наблюдения его показали, что «дикари» Петербурга знают Христа не больше, чем дикари Америки и Сибири.

После четвертого курса Иоанн встретился с дочерью настоятеля Кронштадтского Андреевского собора – Елизаветою Несвицкой. Он сделал ей предложение, и, по окончании обучения в Академии они обвенчались. В 1855 году, 12 декабря, состоялось рукоположение отца Иоанна во священники Андреевского собора. Отец Иоанн помогал бедным и обездоленным. В Кронштадте их было немало, в XIX веке сюда ссылали пьяниц и воров. Он мог придти домой без сапог, отдав их какому-нибудь нищему. Раздавал свои деньги, вплоть до последней копейки.

Он устраивал такие службы в соборе, что на них шел практически весь Кронштадт. По свидетельству очевидцев и сослуживших отцу Иоанну, совершение Божественной литургии не поддается описанию. Во время службы он был воистину посредником между Богом и людьми, ходатаем за их грехи.

20 декабря 1908 года отца Иоанна не стало. Похоронен он был в крипте Иоанновского монастыря, в Петербурге, на Карповке, 45. В 1990 году он был причислен Русской Православной Церковью к лику святых. 14 июля 1990 года в С.-Петербурге, на Карповке, в Иоанновском монастыре состоялось прославление отца Иоанна.

Отец Иоанн много жертвовал: на сооружение тысяч храмов по всей России, он помогал десяткам монастырей, многим благотворительным обществам, организациям и учреждениям, в частности, «строящейся новой каменной часовне у Петербургских ворот в Кронштадте, храму в Галерной гавани в Петербурге, Заславскому Николаевскому Братству, на помощь учителям и учительницам народных училищ Петербурга и России».

В Кронштадте отец Иоанн жил в доме 21 на Посадской улице (с начала XX века – Михайловская ул., с ноября 1918 года – ул. Урицкого, в 1999 г. ей возвращено историческое наименование Посадская ул.). Дом был двухэтажным, после 1950-х годов надстроен до 4-х этажей.

По инициативе отца Иоанна 29 июня 1874 года состоялось открытие Андреевского Приходского попечительства, оказывавшего помощь бедному населению Кронштадта. Попечительство помещалось по адресу: Высокая улица, 5 (ныне ул. Вс. Вишневского), это –двухэтажный каменный дом. К нему примыкал трехэтажный каменный дом под тем же номером, где размещались благотворительные помещения попечительства. Дома, к сожалению, были снесены в 1980-х годах.

В 1881–1882 годах по инициативе отца Иоанна в Кронштадте на Медвежьей улице было построено здание Дома Трудолюбия (автор проекта здания – инженер-поручик В.Ф. Титов). Достраивал здание и внес изменения во внутреннее расположение помещений кронштадтский городской архитектор Алексей Яковлевич Силин.*

При Доме Трудолюбия в 1886 году была освящена домовая церковь во имя св. Александра Невского. Медвежья улица в 1909 году, в память отца Иоанна получила имя Сергиевская (ныне ул. Фейгина, 7-9).

Отец Иоанн Кронштадтский участвовал в Кронштадте в освящении церкви прп. Сергия Радонежского на Военно-морском кладбище в 1899 году, в закладке Морского собора Кронштадта в 1903 г.

В Петербурге, на набережной реки Карповки, 45, что на стороне Аптекарского острова, по инициативе отца Иоанна, в 1900–1903 годах было возведено здание Сурского подворья – позднее петербургского женского монастыря во имя прп. Иоанна Рыльского, выстроенное по проекту епархиального архитектора Н.Н. Никонова.

Иоанновский монастырь, где позднее был погребен кронштадтский пастырь, в советские годы был закрыт. В 1991 году его вернули Церкви, и он на некоторое время стал подворьем Пюхтицкого Успенского женского монастыря. (Этот монастырь был основан в 1888 году – с возникновением в Иэвве (эстонск. – Йыхви), в Эстонии, монашеской общины при Отделении Православного Прибалтийского братства. С 1892 года община стала монастырем. Отец Иоанн благословил основание этой обители и неоднократно бывал там. Обитель эта никогда не закрывалась и находится неподалеку от пос. Куремяэ, в районе Кохтла-Ярве).

Отец Иоанн принимал участие в праздновании 200-летия Кронштадта, 7 мая 1906 года на форту «Кроншлот» о. Иоанн совершил молебен. Молебствие закончилось провозглашением Царского многолетия и вечной памяти Императору Петру I.

20 мая 1908 года отец Иоанн Кронштадтский благословил образом свт. Алексия, митрополита Московского, работы по постройке в Кронштадте Сухого дока имени Цесаревича Алексея Николаевича на Пароходном заводе (ныне док им. Велещинского на Кронштадтском Морском заводе).

Винтера: «Музыкальность их была восхитительна. <...> Башенные часы, очень может быть, для некоторых, конечно весьма немногих, могут показаться чуть ли не излишнею роскошью.

Так ли это? Точное указание времени дорогая потребность, а с постановкой башенных часов – все это делается всеобщим достоянием, более всего полезным для простого народа.

Неумолкаемые звуки гимнов в разное время суток не будут ли напоминать ту неусыпную, неустанную деятельность ко благу ближнего нашего батюшки отца Иоанна, не знающего покоя ни днем, ни ночью?»

Из Андреевского собора совершались крестные ходы. Например, в день Крещения Господня крестный ход шел из собора на Иордань, устроенную в Купеческой гавани.

«В 1903 году Кронштадт посетил Его Императорское Величество Государь Император Николай II Александрович. Он приезжал на закладку Морского собора

Кронштадт. Андреевский собор. Барельеф в апсиде алтаря

*А.Я. Силин (1849–1891) в Кронштадте был автором: дома купцов Никитиных на Господской ул. , 39, здание было возведено в 1878–1880 гг. (ныне ДК им. М. Мартынова – на пр. Ленина, 39); Реального училища (ныне 425 средняя школа), каменного театра на Осокиной площади (на этом месте ныне сквер имени С.М. Кирова с бюстом Кирову в центре). Силин также был соавтором проекта Спасо-Преображенского собора мужского монастыря на острове Валаам.

вместе с Августейшей Матерью своею и Государынею Императрицею Александрой Феодоровной. Они посетили также Андреевский собор. У собора их встречал отец Иоанн Кронштадтский. Здесь было отслужено краткое молебствие, после чего Их Величества изволили осмотреть собор».

Проводились в соборе службы и на церковные праздники. Так, в день праздника Рождества Христова и «вспоминания об избавлении от нашествия неприятеля в 1812 году, 25 декабря 1903 года, в соборе в 11 часов утра, после литургии, было отслужено молебствие, которое совершил о. Иоанн соборно с духовенством. На молебствии присутствовали: Главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал С.О. Макаров, старшие и младшие флагманы 1 и 2-й флотских дивизий, городской голова К.Л. Карпов, экипажные и судовые командиры и офицеры морского и сухопутного ведомств».

Благоустраивали и соборный сквер. В 1880-х годах, по инициативе отца Иоанна, сквер (сад) был обнесен оградой, изготовленной фирмой «Сан-Галли» в Петербурге. Ограда простояла до 1970-х годов. Соборный староста Я.К. Марков нашел жертвователя на устройство фонтана в соборном саду. Вода фонтана била из клюва изящного лебедя, а малые фонтаны – из лягушачьих ртов. Это было в 1913 году.

В 1932 году собор был взорван. В служебной записке от 24 октября 1931 года помощник коменданта Кронштадтской крепости по гражданской части Озолин испрашивал разрешения разобрать здание собора для использования кирпича для нового строительства в городе. Разрешение было получено...

Одно время, в 1930 – 1940-х годах, в соборном саду, в центре его, бил фонтан. Позднее его разобрали, а после войны, 6 ноября 1955 года, в саду был открыт памятник В.И. Ленину (скульптор П.П. Яцино, архитектор В.С. Васильковский). В 1999 году, после долгих обсуждений, православные верующие и местная администрация пришли к соглашению о переносе памятника Ленину с места Андреевского собора к зданию администрации. За несколько дней до начала нового года и тысячелетия, в канун памяти св. прав. Иоанна Кронштадтского (2.01.2000), памятник был демонтирован и перевезен на другое место. Тогда же в Кронштадте стали говорить о восстановлении собора...

Причт Кронштадтского Андреевского собора. Фото 1900-х годов. Публикуется впервые

Морская церковь Богоявления Господня

Эта вторая по древности и первая Морская церковь Кронштадта была заложена и выстроена в связи с необходимостью предоставить место для молитвы жителям быстро растущего Кронштадта и, в первую очередь, служащим Морского ведомства и их семьям, которых через 10 лет после основания крепости жило на острове десять тысяч человек. Жителям северо-восточной части города, именовавшейся в народе «Горою» было далеко ходить в Андреевский собор, который не мог вместить всех желающих, кроме того, дорога к собору вела через лес, где в позднее время можно было подвергнуться разбойному нападению и грабежу. 13 июля 1722 г. Император Петр I издал указ о строительстве в Морской слободе храма во имя Богоявления Господня. Однако к исполнению воли Императора приступили уже после его кончины. Место для строительства было выбрано самим царем: на горке, вблизи двух вековых дубов, под сенью которых часто любил отдыхать Государь, находясь на острове Котлин.

Храм был торжественно заложен в 1728 г. и освящен 24 мая 1731 г. Был он однопрестольным, деревянным и вмещал до 1300 молящихся. Обширный и крестообразный в плане, возведен он был, предположительно, по проекту архитектора И.К. Коробова. Церковь была увенчана высокой семиярусной колокольней, которую в хорошую погоду можно было видеть из С.-Петербурга.

Однажды Император Николай I был очень удивлен, посмотрев из окон Зимнего дворца и не увидев колокольни Богоявленской церкви. Это произошло в декабре 1841 г., когда из-за ветхости храм вместе с его колокольней были разобраны.

Богоявленская церковь выходила на б. Госпитальную улицу, получившую название Богоявленской, и была обнесена деревянной оградой от Галкиной до Чеботарёвой улиц. Позади алтаря был глубокий колодец, имевший чистую и вкусную воду, здесь же сохранялись несколько вековых дубов. В 1741 г. при церкви устроили кладбище, на котором были похоронены многие современники и сподвижники Петра Великого.

В 1810–1811 гг. храм ремонтировался, а через 110 лет после своего освящения за ветхостью был разобран. Для того, чтобы прихожане (а приход церкви Богоявления насчитывал к этому времени 22 000 человек) могли где-то молиться, вместо прежнего храма, был устроен храм при Морском манеже, освященный 30 января 1841 г. обер-священником В.И. Кутневичем во имя свт. Николая Чудотворца. Во время учений совершать в нем богослужения было невозможно, и поэтому утварь и ризница были перевезены в бывшую госпитальную

церковь св. Александра Невского, помещавшуюся в 5-м новослужительском флигеле на Павловской, 10 (ныне Флотская ул., 10 – жилой дом). Здесь церковь находилась до лета 1844 г., когда для храма был приобретен частный дом капитана фон Дезина на углу Осокиной площади (ныне большую часть ее занимает сквер им. Кирова) и Малой Екатерининской (ныне ул. К. Либкнехта). В 1847 г. прекратились богослужения в манеже. В доме фон Дезина церковь помещалась до 1862 г.

Закладка нового Богоявленского храма была совершена в северо-западом углу ограды старой петровской церкви в 1861 г. Сделано это было с тем расчетом, чтобы не препятствовать в перспективе сооружению постоянного каменного собора на месте старинного петровского храма. Строительство велось по проекту городского архитектора Кронштадта Ф. Трапезникова и А.С. Кудинова в стиле «русской готики» времени Императора Александра II на пожертвования частных лиц. Часть средств выделили Епархия и Морское ведомство.

23 сентября 1862 г. храм был освящен. Вначале он был однопрестольным, 5 октября 1904 г., в день тезоименитства Наследника Цесаревича Великого Князя Алексея Николаевича (1904–1918), сына Императора Николая II, здесь торжественно был освящен новый правый придел во имя свт. Алексия, митрополита Московского, сооруженный в память рождения Наследника Цесаревича. В начале века храм получил статус собора.

Чертеж первоначальной Богоявленской церкви, существовавшей в Кронштадте с 1725 по 1841 гг. Архитектор И. Коробов

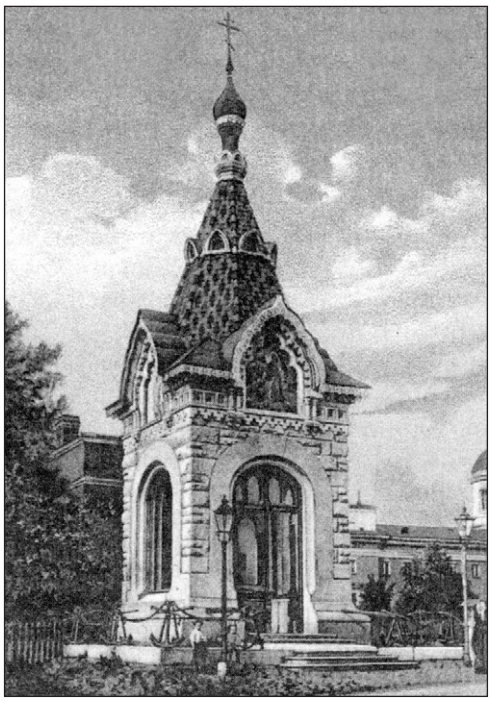
В храме хранились многие церковные реликвии и исторические ценности: белый круглый медальон слоновой кости с изображением св. апостола Андрея Первозванного, работы Петра Великого, на голубой Андреевской ленте, пожертвованный в основанную им Морскую церковь. Церковь украшало множество старинных икон, в том числе написанных в начале XVIII в., изображавших, по мысли Петра I, священные события, происходившие на море, напоминающие о силе Божией и власти над водной стихией. Среди икон был образ св. апостола Андрея Первозванного, написанный контр-адмиралом Баршем в память Очаковской экспедиции 1742 г. Почитанием у прихожан пользовался образ Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте». Настоятелем храма к 1917 г. был протоиерей Василий Погодин. Церковь имела единый причт с Николаевским Морским собором. Богоявленская церковь была закрыта в 1931 и снесена в 1932 г. Существовавшее при ней кладбище было разорено, и в 1930-х гг. дети из окрестных домов играли в футбол черепами погребенных здесь людей. В настоящее время на месте церкви выстроены детские ясли № 5. (б. Богоявленская, ныне Интернациональная ул., 6).

При церкви была деревянная часовня, выстроенная в 1862 г. на месте прежней, построенной в 1852 г., также деревянной. Разрушена одновременно с церковью в 1930-х гг.

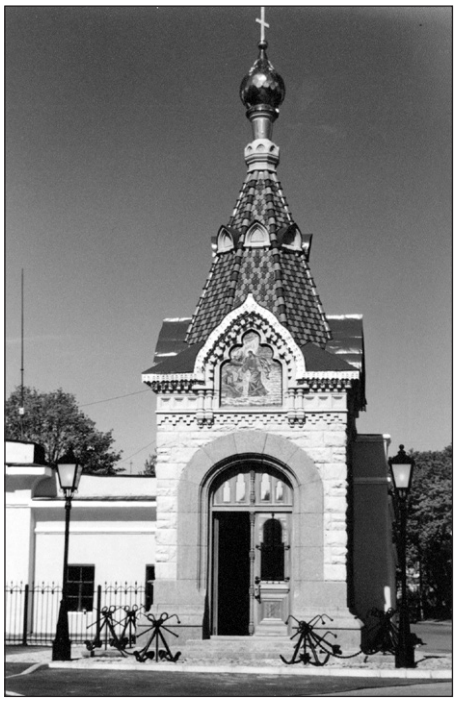
Часовня Христа Спасителя или Спаса-на-Водах возле Петербургских ворот

Каменная, облицованная гранитом часовня выстроена в 1903 г. на месте деревянной, сооруженной в 1858 г. по проекту арх. Р.И. Кузьмина у городских ворот, ведущих в Кронштадт со стороны Петербурга и Петербургской (б. Летней) пристани (ныне не действующей). Авторами проекта часовни, возведенной на средства церкви Богоявления Господня и добровольные пожертвования горожан, являются архитектор проф. В.А. Косяков и инженеры В.И. Шаверновский и А.И. Виксель.

Название свое получила по мозаичному образу Христа Спасителя, протягивающего руку тонущему на водах св. апостолу Петру, образ располагался на восточном, обращенном к Петербургу и заливу, фасаду часовни. Часовню украшали связанные цепями якоря, стоявшие вдоль ее боковых фасадов. Закрыта в 1930-х гг. Ветшавшая и разрушавшаяся от непогоды часовня в 2003–2004 гг. была отреставрирована на средства «Водоканала» к 300-летию Кронштадта (Петербургская (Ленинградская) ул. и площадь).

Кронштадт. Часовня Спасителя у Петербургских ворот, приписанная к Богоявленской церкви. Фото начала XX века.

Современный вид, май 2004 г.

Свято-Троицкие церкви – старая и новая

С самого начала основания Кронштадта старейшее на острове кладбище было устроено на западной оконечности острова Котлин, близ крепости или шанца св. Александра Невского. Его основание можно отнести к 1710 г. В 1727 г. там, например, был погребен первый кронштадтский комендант (возможно, полковник Толбухин – фамилию на плите было сложно разобрать), чья надгробная плита была обнаружена в 1880 г., перенесена на православное кладбище к Троицкой церкви и установлена напротив дома священника, где над ней была устроена железная крыша.

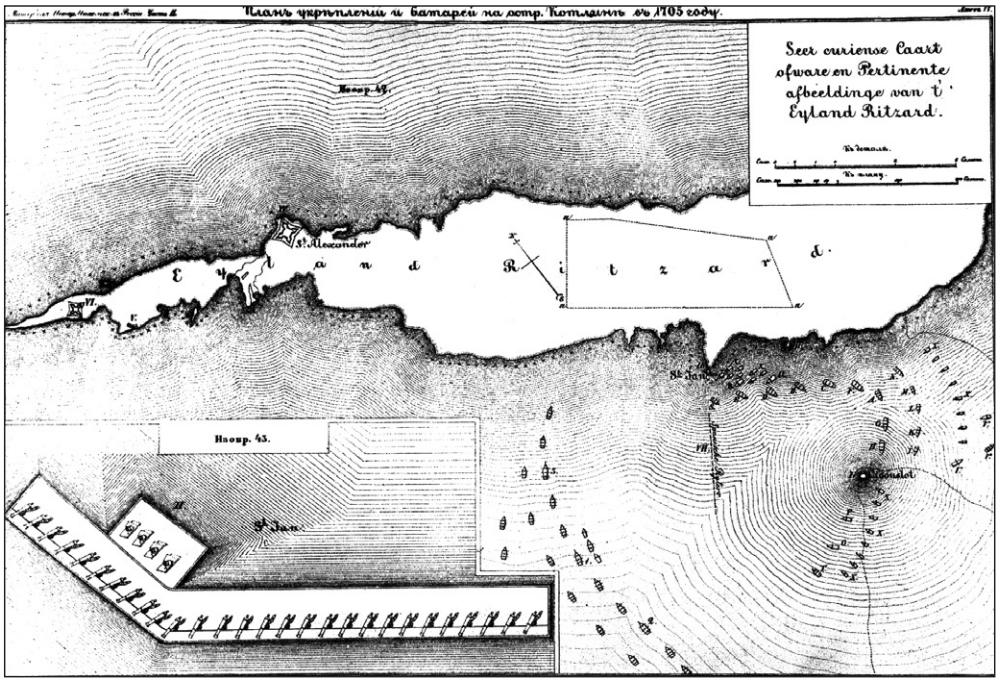
Вероятно, из-за большой удаленности кладбища на Толбухиной косе от города, оно было перенесено первоначально на то место, где в начале века находилась Морская лаборатория и еще в 1880–1890-х гг. сохранились старые кресты и надгробия. После передачи этого места Морскому ведомству кладбище было перенесено дальше от города, где и находится в настоящее время. В самом Кронштадте усопшие в XVIII в. погребались при Богоявленской церкви, Владимирской церкви и соборе, Андреевском (старом) соборе, при лютеранской церкви св. Елизаветы и костеле. Много костей погребенных было найдено при сооружении Обводного канала, они были перенесены на кладбище на Толбухиной косе.

В 1788 г. усердием кронштадтской купчихи Феодосии Прокофьевны Рыбниковой на православном кронштадтском городском кладбище была поставлена первая деревянная церковь Святой Живоначальной Троицы, освященная 5 октября 1788 г. Она была небольшой и однопрестольной. Сначала храм имел деревянную крышу, но в 1836 г. был покрыт железом. С 8 сентября 1823

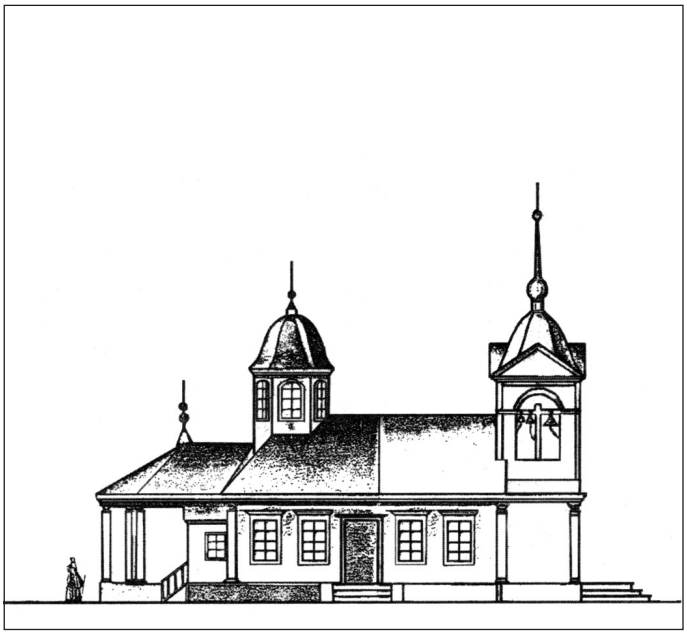

г. храм имел собственный причт, до того в Троицкой церкви служили по череде священники Андреевского собора и Богоявленской церкви. В 1858 г. старостой А.И. Неустроевым был осуществлен ремонт храма на церковные суммы. Из-за маловместительности храма и его ветхости 29 сентября 1862 г. на кладбище была заложена новая, более просторная церковь (арх. Г.И. Карпов), также в честь Святой Троицы, существовавшая наряду с прежней до 1930-х гг. Освящение ее было совершено митрополитом С.-Петербургским и Ладожским Исидором (Никольским) 19 сентября 1865 г.

В 1906 г. старую Троицкую церковь ввиду того, что здание требовало ремонта, причт на некоторое время закрыл, и она была третий раз отреставрирована и поновлена церковным старостой – потомственным почетным гражданином Иваном Яковлевичем Лебедевым. По его ходатайству 14 декабря 1906 г. храм был

План острова Котлин с изображенными укреплениями Александр-шанц. Голландская карта. 1705 г.

Чертеж старой Троицкой церкви городского православного кладбища

Чертеж новой Троицкой церкви городского православного кладбища

вновь освящен Преосвященным Кириллом, викарным епископом Гдовским, кронштадтским уроженцем.

Владыка Кирилл, в миру священник Константин Илларионович Смирнов (26.04.1863 – 7/20.11.1937), будущий новомученик, до принятия монашеского пострига служил с 21 ноября 1887 г. настоятелем Свято-Троицкой кладбищенской церкви, с 1900 по 1902 гг. настоятельствовал в церкви военного кронштадтского кладбища. В 1908 г. именно он как наиболее близкий духовно о. Иоанну, по просьбе, высказанной батюшкой еще при жизни, совершал отпевание св. прав. Иоанна Кронштадтского, а спустя полгода по его кончине и супруги его Е.К. Сергиевой. Сестра Владыки Кирилла, Вера Илларионовна Смирнова, в 1930-х гг. еще проживала в Кронштадте.

Новая церковь была поставлена на высоком каменном фундаменте и сооружена из прекрасного леса. Венчали ее пять глав и колокольня. Стилистически она была выдержана в русском стиле. Гармоничен был и строгий, выполненный в византийском духе, иконостас. Особую ревность при строительстве церкви проявили церковный староста Тимофей Петрович Сидоров и член строительного комитета А.И. Лебедев.

Кронштадт. Делегация православных галичан на могиле известного галицийского общественного деятеля Михаила Качковского. 1910-е гг.

Возле Троицкой «старой» церкви были погребены служивший здесь свящ. Василий Чернявский и 27 лет прослуживший в церкви свящ. Петр Николаевич Николаев (1790–1843). За алтарем церкви стоял самый старый памятник кладбища – на могиле первого протоиерея кронштадтского Андреевского собора Григория Григорьевича Уберского (1743–1796).

В церкви находилось захоронение главного командира порта – адмирала Петра Михайловича Рожнова (1765–1839) и его супруги, Анны Васильевны (1788–1843). Их надгробие в церкви обычно было закрыто стоявшей на этом месте плащаницей. В стене храма, над могилой, была установлена мраморная доска с гербами усопшего, иконой Спасителя и надписью: «Другу и благодетелю». В храме также был погребен протоиерей Павел Васильевич Трачевский, священствовавший 60 лет, 38 из которых он был настоятелем Андреевского собора (1896).

Неподалеку от церкви были погребены: начальник 1-й Флотской дивизии вице-адмирал Андрей Петрович Лазарев (1789–1849), вице-адмирал, член адмиралтейств-совета А.А. Дурасов (1782–1848), вице-адмирал М.П. Коробка (1741–1836). Недалеко от церкви, по дороге, напротив дома священника, был погребен капитан 1-го ранга Д.Д. Шишмарев (1810–1853), начальник Камчатской области. Обращали на себя внимание и памятники на семейных местах кронштадтских купцов-старожилов: Мурашовых, Неустроевых, Шебуниных, Цыпленковых, Сидоровых и других. Здесь же нашли

последнее упокоение почти все пастыри, служившие в кронштадтских храмах на протяжении 200 лет.

В северной части кладбища расположена каменная часовня «в псковском стиле» (1904) на могиле старицы Параскевы Ивановны Ковригиной (14.10.1816–24.09.1886), предсказавшей великую будущность кронштадтского пастыря и благословившей о. Иоанна на подвиг молитвы за страждущих. Ныне часовня сохранилась в разоренном и пострадавшем от времени виде.

В центральной части кладбища в 1880-х гг., по другим сведениям, – около 1898 г., была поставлена каменная часовня над могилой Феодоры Власьевны Сергиевой, рожд. Порохиной (3.02.1808, с. Сура Пинежского уезда Архангельской губ., † 6.07.1870) – матери св. прав. Иоанна Кронштадтского, приехавшей на побывку к сыну в Кронштадт и здесь скончавшейся. В 1997–1999 гг. часовня восстановлена в историческом виде и регулярно посещается богомольцами. Рядом с часовней были погребены протоиерей Константин Петрович Несвицкий (1795–12.04.1867) и его супруга Анна Петровна (†1855), родители супруги о. Иоанна Кронштадтского, Е.К. Сергиевой.

К 1917 г. в храмах кронштадтского кладбища служили настоятель протоиерей Николай Зимнев, при священнике Антонии Семеновском, диаконе Николае Мещерском и псаломщиках Алексии Дремяцком и Иоанне Петрове. После революции, в 1919–1920-х гг., здесь служил архимандрит Иаков (Аржановский) (1868–1931), духовник св. прав. Иоанна Кронштадтского, новомученик.

Оба Троицких храма были закрыты в 1931 и снесены в 1932 г. Ныне на месте старого Троицкого храма – комы земляных отвалов и свалка мусора, на месте нового Троицкого – захоронения.

И.В. Попов

Кронштадтский некрополь

Возле старой Троицкой церкви, по сути дела, старейшей из сохранившихся на острове Котлин к 1917 году (основана в 1788 году) были похоронены не только служившие в XVIII –XIX вв. в Кронштадте известные священники и именитые купцы и горожане. В XIX веке здесь были погребены четверо адмиралов Императорского Российского Флота: адмирал Петр Михайлович Рожнов (†1839) и его супруга, вице-адмирал Максим Петрович Коробка (†1836), а также состоявшие с ним в родстве вице-адмирал Александр Алексеевич Дурасов (†1848) и вице-адмирал Андрей Петрович Лазарев(†1849), родной брат открывателя Антарктиды адмирала М.П. Лазарева.

Вице-адмирал Максим Петрович Коробка (1764–1836), главный командир Кронштадтского порта и Кронштадтский военный губернатор, был выходцем из «древнего малороссийского шляхетства». Его предок – «значный козак» Иеремей Коробка (или Коробченко) в 1690 г. за верную службу пожалован по универсалу гетмана деревнями и отнесен к потомственному дворянству Черниговской губ. М.П. Коробка имел знак отличия беспорочной службы на флоте за 50 лет, «сделал» 27 кампаний, не раз награждался за боевые успехи, имел золотую шпагу «за храбрость», дослужился до звания вице-адмирала. Большая часть службы М.П. Коробки прошла на море; «на берегу» он работал в Морском корпусе, был директором штурманского училища Балтийских флотов, исправлял должность гл. командира Кронштадтского порта. Похоронен на кладбище в Кронштадте; могила не сохранилась.

Супруга его, Марфа Афанасьевна Коробка, в истории отечественного военно-морского флота осталась известной тем, что, будучи сама женой адмирала, стала матерью трех дочерей, каждая из которых, в свою очередь, сделалась адмиральшей.

М. А. Коробка, урожденная Лобысевич (по-малороссийски писалось Лобисевич), происходила из дворян Черниговской губ. Отец ее, Афанасий Кириллович Лобысевич, богатый помещик, армейский полковник, действ. ст. советник, в 1787–1790 гг. был предводителем дворянства; умер в 1824 г. Мать – Екатерина Михайловна Губчиц. Брат Василий еще в детстве был записан подпрапорщиком в л.-гв. Преображенский полк, делал успешную военную карьеру, но в 1816 г., на 43 году жизни, погиб при невыясненных обстоятельствах («найден зарезанным или зарезавшимся»). Сестра Анна (1778–1852) замужем, вероятно, не была и закончила свои дни монахиней женского Горицкого монастыря, близ г. Кириллова Вологодской губ. В раннем возрасте сестры были отвезены в Смольный институт в Петербурге.

У супругов Коробка было пятеро детей: сыновья Григорий (ум. в младенчестве) и Федор (†1873), дочери Марфа, Елизавета и Анна.

Их трех мужей девиц этого семейства наиболее известен Александр Павлович Авинов, женившийся на Елизавете Максимовне. В числе гардемаринов, отлично окончивших Морской кадетский корпус, молодой Авинов был отправлен для стажировки в Англию, плавал под началом знаменитого Нельсона и участвовал в Трафальгарском сражении. После оказался в плену у испанцев; вернувшись в Россию, сделал

Адмиральша Марфа Афанасьевна Коробка. С гравированного портрета И. Беггрова

блестящую карьеру боевого моряка и организатора Черноморского флота.

Друг и однокашник М.П. Лазарева, его первый помощник и заместитель, А.П. Авинов – герой Наварина, участник десантных операций на Кавказе, начальник Штаба Черноморского флота и командир Севастопольского порта, имел ряд наград российских и иностранных и дослужился до звания полного адмирала. В 1849 г., после гибели сына в Пирее, здоровье адмирала Авинова резко ухудшилось, он стал терять зрение, оказался вынужденным подать в отставку и переехал в Петербург, где работал в должности члена Адмиралтейского совета до своей смерти в 1854 г. Погребен вместе со своей женой на кладбище Воскресенского девичьего монастыря (современном Новодевичьем кл.). Могила их под общим памятником сохранилась и находится в хорошем состоянии.

Анна Максимовна Коробка вышла замуж за старшего брата М.П. Лазарева – Андрея Петровича Лазарева, деятельность которого проходила главным образом в северных морях и на кораблях Балтийского флота. В 1822–1824 годах капитан-лейтенант Лазарев в качестве командира шлюпа «Ладога» совершил кругосветное путешествие к берегам Камчатки, впоследствии им описанное. Менее удачной была его экспедиция по изучению островов Новой земли: ее пришлось прервать из-за встретившихся тяжелых льдов, тем не менее собранные о малоизвестных в то время островах сведения представляли научный интерес. А.П. Лазарев неоднократно участвовал в военных кампаниях, умело руководил ответственными морскими операциями (в частности, снятием с мели кораблей, выброшенных на берег наводнением 1824 г.), успешно исправлял должность командующего Первой флотской дивизией, за что награждался орденами: Св. Георгия 4-го кл., Св. Владимира 3 и 4-й ст., Св. Анны 1 и 2-й ст., Станислава 1 ст., датским Данеброка; умер в звании вице-адмирала в 1849 г. и похоронен при Свято-троицкой церкви на кладбище в Кронштадте. Там же, по семейным преданиям, погребена и его жена Анна Максимовна; могилы их не сохранились.

На третьей дочери, Марфе Максимовне Коробка, был женат вице-адмирал Александр Алексеевич Дурасов, биографию которого мне восстановить пока не удалось; известно только, что А.А. Дурасов похоронен также на кронштадтском кладбище, а жена его, умершая в 1881 г., погребена на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, то есть там же, где в 1877 году была погребена вдова знаменитого адмирала Михаила Петровича Лазарева, Екатерина Тимофеевна, урожденная Фан-дер-Флит; могилы адмиральш пока не разысканы.

Мать трех дочерей-адмиральш, жена адмирала М.П. Коробки, Марфа Афанасьевна, овдовев, постриглась в монахини и удалилась в Горицкий женский монастырь Кирилловского уезда Вологодской губернии, где уже находилась ее сестра монахиня Анна. Марфа Афанасьевна Коробка, монахиня Марфа, умерла в 1847 г. на 70-м году жизни и погребена на кладбище этого монастыря. При составлении «Провинциального некрополя» 1914 г. могилы сестер-монахинь были целы; сохранились ли они до нашего времени, неизвестно.

Публикуется по: А. Волков (С.-Петербург). Адмиральша – теща трех адмиралов. Дворянский вестник, 8(63). Август 1999

Вице-адмирал Петр Михайлович Рожнов (1765–1839), член Адмиралтейств-совета, в бытность капитаном 2-го ранга был награжден орденом Св. Георгия (1804). В 1825–1826 гг. – директор Морского корпуса в С.-Петербурге. С 1.11.1843 – адмирал, председатель Морского генерал-аудиториата. В честь адмирала П.М. Рожнова назван остров (Гибс) вблизи берега Антарктики (Южно-Шетландские острова, открыт экспедицией Беллинсгаузена и Лазарева в 1821 году, и тогда же назван по фамилии вице-адмирала Петра Михайловича Рожнова). По фамилии адмирала назван также полуостров в Беринговом море (Бристольский залив). Открыт полуостров Рожнова был М.П. Станюковичем в 1828 году. Вице-адмирал П.М. Рожнов скончался 14 июля (ст.ст.) 1839 года и похоронен на кронштадтском кладбище в стенах старой Свято-Троицкой церкви. Спустя четыре года рядом с ним была похоронена его супруга Анна Васильевна. Над их надгробием помещена плащаница, стену храма украшала мраморная доска с гербами усопшего, иконой Спасителя и надписью: «Другу и благодетелю».

Храм преподобного Сергия Радонежского

Кронштадтское военно-морское кладбище было устроено в 1888 г. рядом с православным городским кладбищем, чуть ближе к городу. Спустя одиннадцать лет здесь была освящена (22 сентября 1899 г.) деревянная церковь во имя прп. Сергия Радонежского, сооруженная по инициативе коменданта Кронштадтской крепости генерал-лейтенанта Владимира Николаевича Брылкина (1832–11.03.1899) стараниями и по проекту подполковника артиллерии Сергея Петровича Червинского (1853–17.03.1907). Строилась она хозяйственным способом, преимущественно на пожертвования военных чинов Кронштадтского гарнизона, и вмещала 170–180 молящихся. Инициатору строительства церкви не удалось дожить до ее освящения, но благодарные кронштадтцы погребли тело его под спудом, внутри церкви прп. Сергия Радонежского, освященной через полгода по его кончине. Полковник С.П. Червинский был погребен с южной стороны у алтаря церкви.

В 1891 г. на военно-морском кладбище по инициативе командира 1-го Балтийского флотского экипажа капитана 1 ранга Грипенберга неподалеку от церкви была сооружена деревянная часовня.

В 1917 г. настоятелем Сергиевского военного кладбищенского храма служил священник Александр Михайлович Белавин, при диаконе Павле Сосипатровиче Велицком. Закрыт храм был в 1928 г., а в 1932 г. снесен. На месте его частью – пустырь, частью – новые захоронения.

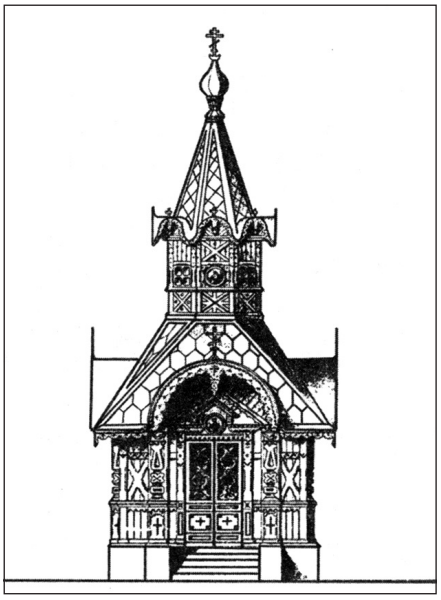
Кроме православных кладбищ, в Кронштадте было несколько инославных и иноверческих: в разных частях Загородного квартала, за Кронверкским каналом, располагались англиканское и лютеранское немецкое

кладбища (у проезда, соединяющего Цитадельскую и Кронштадтскую дороги), за морскими огородами.

Эстонское, финское и шведское лютеранские кладбища располагались по левую сторону дороги, напротив православного кладбища. Позади гражданского православного, ближе к морю, располагались римско-католический, еврейский и татарский участки, а также холерное кладбище.

И.В. Попов

Чертеж деревянной часовни на морском участке кладбища

Крест на месте разрушенного храма прп. Сергия Радонежского на военно-морском кладбище. Установлен и освящен в 1999 году

М.В. Шкаровский

РАЗГРОМ
Кронштадтские храмы в 1917–1932 годах
Собор Святого Андрея Первозванного

В первые послереволюционные годы – 1918–1920 приход главного храма Кронштадта помимо самого Андреевского собора включал также две приписные церкви – Успения Пресвятой Богородицы в бывшем здании городских присутственных мест (Думскую) и Святой Троицы в квартире о. Иоанна Кронштадтского. Все три храма имели общий причт и приходской совет. 8 мая 1919 г. верующие подписали с представителем городского совета договор на пользование указанными двумя церквями, собором и пятью каменными часовнями: 1. Тихвинской иконы Божией Матери на Соборной пл. 2. У Гостиного двора на Соборной ул. 3. У Рыбного ряда в конце Соборной ул. 4. Спаса Нерукотворного на Козьем Болоте – угол Кронштадтской и Соборной улиц. 5. У Кронштадтских ворот. В городской совет были представлены также описи имущества, финансовый отчет за январь 1918 – март 1919 гг. и список прихожан на 760 человек. Причт прихода в это время насчитывал 6 человек: настоятель протоиерей Павел Иоаннович Виноградов, ключарь священник Сергий Петрович Преображенский; делопроизводитель и секретарь приходского совета священник Николай Адамович Симо, священник Димитрий Иоаннович Каменоградский, протодиакон Михаил Михайлович Толузаков и диакон Петр Андреевич Ушаков[1].

О. Павел Виноградов являлся одним из ближайших помощников св. Иоанна Кронштадтского, вместе с ним служил в Андреевском соборе и в 1912 г. стал настоятелем храма. Это был высокообразованный пастырь, в 1899 г. окончивший Санкт-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. Много лет он работал законоучителем в кронштадтских гимназиях, являлся благочинным кронштадтских храмов, председателем приходского совета и общества вспомоществования. За свою пастырскую деятельность Виноградов был награжден митрой, золотым наперсным крестом и орденом Св. Анны 2-й степени. Стремясь убрать ключевую фигуру среди городского духовенства, новые революционные власти впервые арестовали о. Павла уже в апреле 1918 г. Будущий святой новомученик, комиссар по епархиальным делам Иван Ковшаров, 22 апреля написал в Народный комиссариат просвещения об аресте протоиерея «без всяких оснований» и потребовал освобождения[2]. Положение советской власти в тот период еще было неустойчивым, и пастыря освободили.

Но 10 июня 1919 г., после подавления восстания на форте «Красная горка», настоятель собора, как уже упоминалось, был арестован вновь в качестве заложника вместе со своей женой Екатериной Петровной. 2 декабря 1919 г. их перевели в Москву, в Ивановский концлагерь, причем 5 детей остались на попечении чужих людей. Только после ходатайств прихожан и Политического Красного креста о. Павла и его жену освободили 23 февраля 1920 г. Но вернуться в Андреевский собор из-за противодействия властей он уже не смог. В дальнейшем П. Виноградов служил в храмах Иоанновского монастыря на наб. Карповки, являлся настоятелем церкви Алексия человека Божия и кафедрального Князь-Владимирского собора в Ленинграде, членом Епархиального совета. Пять раз он подвергался арестам и, наконец, в августе 1935 г. выслан на 5 лет в Красноярский край, где 10 февраля 1938 г. был вновь арестован и 14 марта того же года расстрелян в Красноярске[3].

После второго ареста о. Павла, с июня по ноябрь 1919 г., временно исполнял обязанности настоятеля священник С. Преображенский, но затем он также по неизвестным причинам покинул собор, и с декабря исполнять обязанности настоятеля стал о. Николай Симо. Прихожане долго не теряли надежду на возвращение П. Виноградова, поэтому Н. Симо лишь с 1921 г. формально занял должность настоятеля в сане протоиерея. Эстонец по национальности, о. Николай окончил Рижское Духовное училище, Санкт-Петербургскую Духовную семинарию, в 1897–1902 гг. служил в Андреевском соборе, а с 1902 по май 1919 гг. являлся настоятелем русско-эстонской Крестовоздвиженской церкви. Одновременно, он с 13 декабря 1917 вновь служил в соборе и оставался его настоятелем вплоть до второго ареста 14 октября 1930 г. Первый арест протоиерея был проведен ВЧК в конце марта 1921 г. по подозрению в участии в Кронштадтском восстании, но это обвинение ничем не подтвердилось, и о. Николая через полтора месяца освободили[4].

В начале 1920-х гг. в Андреевском соборе оказалось большое количество церковного имущества из закрытых домовых храмов города или переданного отдельными верующими. Например, 21 июля 1920 г. приходской совет собора извещал гражданский подотдел Кронштадтского совета, что он принял инвентарь церкви Св. Иоанна Рыльского при гражданской тюрьме. А 10 ноября 1920 г. охранительный подотдел отпустил двадцатке собора по ее ходатайству со своего склада 57 икон, оставшихся после умерших горожан. Затем в храм поступила часть имущества трех закрытых церквей: Успенской (Думской), Скорбященской при Кронштадтском отделении военной тюрьмы и Свято-Троицкой в кабинете о. Иоанна[5].

Но уже вскоре власти многое изъяли в свою пользу. Особенно тяжелый урон в этом плане нанесла кампания изъятия церковных ценностей весной 1922 г. 4 марта приходской совет под председательством И. Аксенова постановил передать для помощи голодающим Поволжья все ценности, поступившие из других храмов (весом 11 пудов 34 фунта), а также серебряную утварь собора на 13 пудов, оставив лишь ценности весом 10 пудов 25 фунтов. Однако власти в ходе четырежды проведенных операций – 12, 16 марта, 9 апреля и 27 мая изъяли почти все, оставив лишь 3 серебряных креста, выкупленную 6 июня прихожанами чашу с прибором, 2 лжицы, ковш, 2 дароносицы, кадило, 4 Евангелия в серебряных окладах и 2 иконы в серебряных ризах[6].

В 1923 г. важной проблемой стал ремонт шпиля, поврежденного красноармейской артиллерией при подавлении Кронштадтского восстания, и восстановление утраченного креста. Проведению этих дорогостоящих работ были посвящены почти все собрания членов двадцатки в течение года – с 6 февраля по 6 октября, проходившие в зале приходского совета по адресу: ул. Володарского, д. 11, кв. 19. В конце концов, специально созданной строительной комиссии удалось восстановить шпиль и крест на нем. В феврале 1923 г., помимо уже существовавшего придела Покрова Пресвятой Богородицы, состоялось освящение еще одного придела на хорах. Собор продолжал быть главным храмом города. Так, 2 апреля 1923 г. его приходской совет обратился в отдел управления от имени всех кронштадтских церквей с просьбой разрешить крестные ходы вокруг храмов и колокольный звон в дни пасхальной недели, на что 5 апреля получил разрешение. Весной 1923 г. после разгрома так называемой «Петроградской автокефалии» церкви города были захвачены обновленцами, и именно в Андреевском соборе 8 и 11 октября 1923 г. состоялись общие собрания приходских советов Кронштадта, которые вынесли решение о переходе под окормление освобожденного Патриарха Тихона. Благочинным же всех церквей города в 1921–1930 гг. являлся протоирей Николай Симо[7].

Священномученик Николай Симо, пресвитер Кронштадтский

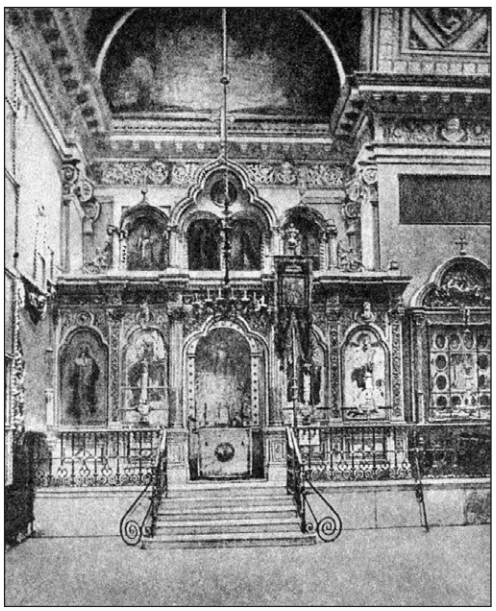
В марте 1924 г. община собора была внесена в список регистрации религиозных объединений Кронштадта, а в ноябре представила сведения о количестве церковных браков, но лишь за 1920 – 1921 гг. (тогда их оказалось совершено в храме 153). В это время в соборе помимо о. Николая служили ключарь протоиерей Сергий Георгиевский, священник Василий Дралов, протодиакон Иоанн Колтуновский, диаконы Петр Ушаков и Иоанн Бельский, а с 1925 г. и священник Александр Белавин. Следует отметить, что 9 февраля 1926 г. приходской совет обратился в Ленинградский губисполком с ходатайством о разрешении, ввиду закрытия Иоанновского монастыря, перенесения гроба с останками о. Иоанна Кронштадтского в собор и погребения их в подвальном помещении храма. Под влиянием ОГПУ президиум губисполкома ответил отказом, а 26 февраля принял секретное решение: «Помещение гробницы Иоанна Кронштадтского замуровать, и спустя 2-3 месяца гроб опустить ниже на один-два аршина, а пол над могилой забетонировать», что и было выполнено[8].

В результате естественной убыли и репрессивных акций в кронштадтских храмах стало не хватать священников, и 26 января 1927 г. о. Василий Дралов перешел служить в Скорбященскую церковь, а 17 февраля протоиерей Сергий Георгиевский – в русско-эстонскую Крестовоздвиженскую. Чтобы восполнить недостаток священнослужителей приходской совет собора 30 января постановил принять в состав причта известного ленинградского протоиерея Михаила Бобковского (женатого на племяннице св. Иоанна Кронштадтского Зинаиде Петровне) и просить органы власти о прописке его в городе. Но въезд о. Михаила в Кронштадт был запрещен, и в связи с этим собрание двадцатки 18 февраля решило использовать в качестве священников, после их рукоположения в сан, двух местных жителей – диакона Петра Ушакова и члена приходского совета мирянина

Зиновия Бараблина. Последний с 1925 г. учился на Ленинградских Высших Богословских курсах, 7 марта 1927 г. он был рукоположен во диакона, а затем вскоре – во священника. Петр Ушаков 25 февраля также оказался удостоен сана священника, а 2 мая 1927 г. собрание членов двадцатки постановило избрать диаконом заштатного псаломщика Николая Александровича Попова[9]. Таким образом, убыль двух священнослужителей была временно восполнена.

В январе 1928 г. из собора были изъяты две серебряные ризы с икон. Быстро росли всевозможные налоги, но еще в сентябре 1928 г. прихожане собирали пожертвования на нужды Епархиального управления. Роковым же в истории собора стало начало 1930-х гг. Сначала в августе 1930 г. закрыли и снесли две каменные часовни – в Рыбных рядах и у Кронштадтских ворот. Около 20 икон, иконостас и другие деревянные предметы были переданы на дрова в общежитие милиционеров. Обнаруженные при сломе часовни две серебряные ризы, общим весом 3.8 кг, 24 августа поступили в Северо-Западную областную контору Госбанка[10].

Другой тяжелый удар был нанесен через 2 месяца – ночью 14 октября 1930 г., в престольный праздник, сотрудники ОГПУ арестовали протоиерея Н. Симо, священников П. Ушакова, З. Бараблина и несколько активных мирян, в том числе старосту собора в 1922–1928 гг. Ивана Филипповича Тюлькина. Репрессии священнослужителей храма происходили и раньше. Так, 13 января 1930 г. был арестован и вскоре осужден диакон Николай Попов, 3 сентября схвачен ОГПУ сторож собора с 1908 г. Илья Зиновьевич Югрин и т. д. Но в конце 1930 г. в рамках сфабрикованного коллективного дела церковного актива кронштадтских церквей власти попытались устранить всех священнослужителей Андреевского собора и этим вызвать его закрытие. После массовых арестов двадцатка еще несколько месяцев продолжала бороться. В конце октября 1930 г. она известила «церковный стол», что 20 числа диакон Иоанн Бельский был рукоположен во священника, и, кроме того, просила разрешения служить в соборе о. Василию Дралову из Скорбященской церкви.

Кронштадт. Андреевский собор. Иконостас бокового Покровского придела. Фото 1900-х гг.

Однако отец Василий 29 ноября 1930 г. был арестован и отправлен в концлагерь, а последние священнослужители храма – о. Иоанн Бельский и протодиакон Иоанн Колтуновский – приговорены 15 февраля 1931 г. Тройкой Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе к высылке на 3 года вместе с семьями. По этому же делу были высланы на 3 года председатель приходского совета собора Кирилл Степанович Бобыкин, уполномоченный двадцатки Михаил Никанорович Граблин, осуждены на 10 лет лагерей священники П. Ушаков и З. Бараблин и т. д. Протоиерей Н. Симо первоначально тоже оказался приговорен 15 февраля 1931 г. к 10 годам лагерей, отправлен на Соловки, но 16 марта взят под стражу, привлечен к делу «Истинно-Православной Церкви» и вновь привезен в Ленинград. 13 апреля 1931 г. Коллегия ОГПУ приговорила его к высшей мере наказания, и о. Николай был расстрелян[11].

13 марта двадцатка подала в «церковный стол» ходатайство о зачислении в собор священника недавно закрытой Крестовоздвиженской церкви Николая Ефимова. Последний первоначально выражал свое согласие, но во второй половине дня, вероятно, под давлением представителей власти, написал заявление помощнику коменданта крепости по гражданской части: «Ввиду закрытия церквей по желанию рабочих и отпада многих от веры, я не имею возможности снискать себе пропитание и, идя навстречу трудовому народу, прошу дать мне возможность работать на моем прежнем поприще [счетовод, конторщик], так как я обременен семьей в числе двух малолетних детей и престарелой матери»[12]. Ввиду отказа Н. Ефимова 15 марта двадцатка обратилась с ходатайством о разрешении въезда в Кронштадт для служения в соборе другому священнику. Естественно, что ей было отказано.

Помимо устранения всех священнослужителей органы власти использовали и другой способ давления на общину. 11 января 1931 г. храм осмотрела комиссия пожарной охраны порта и сочла, что двух запасных выходов мало и нужно сделать новые. 18 марта начальник пожарной охраны написал в административный отдел о необходимости закрыть собор до устранения этих «ненормальностей», и 21 марта заведующий «церковным столом» известил двадцатку, что до выполнения указанных в акте от 11 января работ всякое богослужение в храме запрещено. Это стало последним ударом. В тот же день члены приходского совета написали заявление об отказе от использования собора из-за отсутствия священника и «ввиду неимения средств для выполнения

ремонтов, указанных в актах противопожарной и технической комиссий, согласно которым служба в соборе запрещена, а без службы никакие ремонты выполнены быть не могут»[13].

24 марта было вывешено объявление о том, что договор с существующей двадцаткой расторгнут и желающие в течение 7 дней могут взять храм в свое пользование. Таких заявлений не поступило, и 31 марта заведующий «церковным столом» К.И. Тальте попросил помощника коменданта крепости по гражданской части Крылова издать распоряжение о закрытии Андреевского собора. 2 апреля был выпущен соответствующий приказ, а 4 апреля подписан акт изъятия храма у двадцатки. Основная часть имущества 1, 5 и 12 июня 1931 г. была выделена городскому отделу коммунального хозяйства, кое-что 4 июня – Управлению милиции. Кроме того, особая часть Ленинградского областного финансового отдела 9 апреля выпустила приказ о передаче Металлому 27 колоколов общим весом 20272 кг (в том числе 12 колоколов из башенных часов), металлической церковной утвари на 10500 кг и железной ограды, весом около 10000 кг. Серебряные утварь и ризы были сданы Госбанку 7 апреля 1931 г., а Металлом вывез основную часть колоколов 27 октября 1932 г.[14].

Здание самого собора Штаб морских сил Балтийского моря первоначально хотел использовать в качестве бассейна. Но осмотр сооружения специальной комиссией показал, что для его переоборудования потребуется 250–275 тыс. руб. В связи с этим помощник коменданта крепости 18 мая написал в штаб о нецелесообразности перестройки, так как подобные деньги выделить было невозможно. Во второй половине 1931 г. храм временно использовался закупочным рабочим кооперативом для хранения продуктов. Затем собор, напоминавший органам власти о ненавистном им св. Иоанне Кронштадтском, решили снести, совершенно не принимая в расчет значимость храма как выдающегося памятника архитектуры начала XIX века. Сначала снесли часовню Тихвинской иконы Божией Матери, также закрытую 4 апреля 1931 г., а в 1932 г. уничтожили и собор[15]. На его месте поставили фонтан, к которому приходили верующие, бравшие оттуда воду как святую. Тогда фонтан засыпали и соорудили бронзовый памятник Ленину, а прямо по могилам похороненных у стен храма погибших в сражениях офицеров проложили дорожки. В 1990-х гг. обсуждался вопрос о восстановлении храма, но до реализации этого проекта дело пока не дошло.

Богоявленская церковь

В 1918 – начале 1927 гг. Николаевский Морской собор и Богоявленская церковь составляли один приход, имели единый приходской совет и обслуживались одним причтом. 2, 13 марта, 2, 22 апреля и 23 мая 1922 г. в обоих храмах было произведено изъятие церковных ценностей общим весом 293 кг. Эта практика продолжалась и в дальнейшем – 19 августа 1926 г. представители властей вскрыли в церкви два несгораемых ящика и частично забрали их содержимое. Разделение единой общины на два самостоятельных прихода произошло под давлением административного отдела. Первоначально на общем собрании верующих 31 октября 1926 г. были избраны два приходских совета – для Морского собора из 49 человек и для Богоявленской церкви из 80. При этом было решено, что единый приход сохраняется, собрания избранных советов будут проходить одновременно, и прежний причт станет по очереди обслуживать оба храма. Но в марте 1927 г. произошло окончательное разъединение приходских советов, 28 марта общее собрание приняло решение о разделении между храмами церковной кассы, причем большая часть осталась Николаевскому собору. Прежний настоятель единого прихода протоиерей Иосиф Антонович Чепик с 7 апреля 1927 г. стал служить лишь в Богоявленской церкви. Туда же перешел и священник Николай Михайлович Попов. Об их полном уходе из Морского собора помощник коменданта крепости по гражданской части 26 мая сообщал в Ленгубисполком[1].

Через несколько месяцев у протоиерея И. Чепика возник острый конфликт с членами двадцатки церкви, которые 30 сентября 1927 г. приняли решение об увольнении настоятеля. О. Иосиф обратился в адмотдел с просьбой не снимать его с регистрации. Протоиерей утверждал, что некоторые прихожане называют его «красным попом» и несправедливо обвиняют в службе в ЧК и посещении коммунистических собраний. Вскоре конфликт был разрешен, 7 октября двадцатка постановила оставить И. Чепика настоятелем. 1 февраля 1927 г. и 1 июля 1930 г. прихожане подписали договоры об использовании храма, в это время их насчитывалось более 250 человек[2].

В 1928 г. исполнялось 75-летие Богоявленской церкви, и община пригласила совершить архиерейское служение епископа Петергофского Николая (Ярушевича). Владыка приехал и 5 октября служил всенощную, а 6 – раннюю литургию. Постепенно деревянный храм и его часовня у Петроградских ворот ветшали. На своих собраниях 29 мая, 16 июля и 30 сентября 1929 г. двадцатка обсуждала вопросы о сносе обветшавшей деревянной часовни и боковой полусгнившей паперти с северной стороны храма. 21 июня Управление помощника коменданта крепости по гражданской части разрешило разборку часовни, и она была осуществлена. 3 июля 1929 г. у общины также изъяли и передали в ведение отдела коммунального хозяйства одноэтажное деревянное здание сторожки по адресу: Пролетарская ул., д. 28 [3].

Ветхость храма и необходимость постоянных ремонтов стали главным средством давления со стороны властей. 5 июля 1930 г. двадцатка сообщила в «церковный стол» о проведении всех предписанных ранее работ, но посетившая церковь 29 декабря противопожарная комиссия потребовала новых, составив соответствующий акт. 13 января 1931 г. заведующий «церковным столом» К.И. Тальте сообщил в храм, что до завершения указанного ремонта богослужения запрещены. Уже на следующий день двадцатка ответила, что почти все работы выполнены и лишь не приобретены 4 огнетушителя (2 уже имелись в церкви), и не установлен телефон. Попытки найти огнетушители в продаже оказались безуспешными. 20 января приходской совет просил пожарную охрану саму установить их при условии немедленного внесения денег, подчеркивая в заявлении: «закрытие Богоявленской церкви <…> волнует народ – ежедневно и почти беспрерывно заходят в церковь и ропщут». 30 января верующие даже представили в «церковный стол» записку акционерного общества «ВЗОК» об отсутствии в продаже огнетушителей и просили разрешения возобновить службы. Даже Тальте был смущен, и 6 февраля написал помощнику коменданта крепости по гражданской части Крылову рапорт о том, что огнетушители невозможно приобрести и в Ленинграде, а телефон имеется вблизи храма, и из-за этих двух причин, «по нашему [мнению], нельзя закрывать церковь». Но Крылов поставил на рапорте резолюцию: «Я лично считаю, что дело не ваше и не начальника команды пожарной доставать огнетушителей. Это дело двадцатки, пусть она достает и предъявит пожарной команде, что она сделала все, что указано [в] пожарном акте. Пока двадцатка не исполнит, служить не давать»[4].

Параллельно осуществлялось давление и на членов причта. Священник Николай Попов еще 20 марта 1930 г. заявил об уходе из храма, а протоиерей Иосиф Чепик 12 февраля 1931 г. написал в «церковный стол»: «Мною в избежание налогов, которых не в силах выплачивать, подано податному инспектору Кронштадта от 10 сего февраля заявление о том, что я оставляю место настоятеля церкви Богоявления и впредь не буду служителем культа. Ввиду этого прошу снять меня с регистрации и сообщить об этом податному инспектору». 15 февраля довольный Тальте ответил Чепику, что его просьба об «освобождении от сана настоятеля и исключении из списков церкви» удовлетворена в день подачи заявления, а с другой просьбой о предоставлении возможности заработка следует обратиться к помощнику коменданта крепости, «который, возможно, кое-что сделает в этой части, и одновременно с этим решится и вопрос об изменении вашей профессии и вашего удостоверения личности». Одновременно заведующий «церковным столом» еще раз сообщил двадцатке, что до момента покупки недостающих огнетушителей богослужения не допускаются[5].

В этих условиях представители общины 14 февраля написали вынужденное заявление о расторжении договора и об отказе от храма. В качестве причины этого решения указывалось: «Ввиду невозможности исполнить категорическое требование пожарной охраны приобрести огнетушители, которых нет в продаже ни в Кронштадте, ни в Ленинграде, религиозному обществу запрещено совершать богослужения». 19 февраля было вывешено объявление о расторжении договора с прежней двадцаткой и приеме заявления от желающих взять церковь в свое пользование в семидневный срок. Таких людей не оказалось, и 1 марта 1931 г. помощник коменданта крепости по гражданской части издал приказ о закрытии храма и приемке имущества у членов приходского совета, что и было сделано 4 марта. На следующий день бывшая двадцатка подала заявление об оставлении ей 4 антиминсов, так как они «подлежат возвращению высшему духовному начальству». Возможно, в этом отношении и было сделано исключение. Большая же часть имущества по акту от 17 марта досталась городскому отделу коммунального хозяйства. Кроме того, 12 марта особая часть Леноблфинотдела выпустила приказ о передаче 7 колоколов общим весом 1587 кг и около тонны церковной утвари тресту Металлом. Сам же деревянный храм был сломан, что зафиксировали в акте от 5 марта 1932 г.

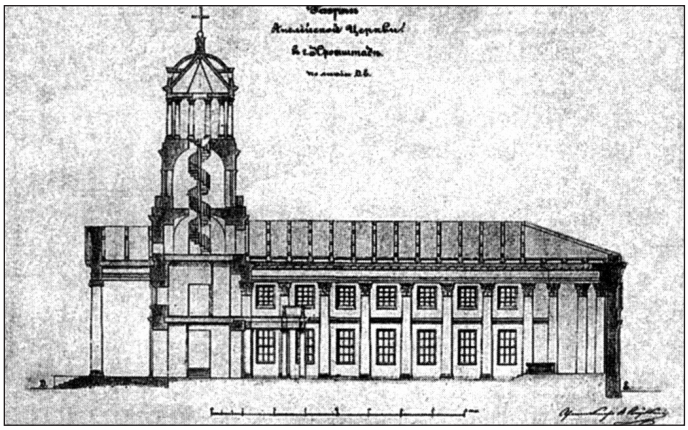
Церковь Воздвижения Креста Господня

Приходская община Русско-эстонской Крестовоздвиженской церкви согласно списку от 28 августа 1918 г. состояла из 158 человек, а в более поздний список от 14 февраля 1919 г. вошло уже 216. 20 мая 1919 г. верующие заключили договор с новыми властями города на пользование храмом. К этому времени в инвентарную опись имущества включили предметы, принадлежавшие ранее Александро-Невскому обществу трезвости. Настоятелем Крестовоздвиженской церкви с момента ее освящения 1 декабря 1902 г. до 20 мая 1919 г. был неоднократно упоминавшийся ранее священномученик протоиерей Николай Симо. После подавления Кронштадтского восстания в марте 1921 г. служивший после него в храме о. Михаил был арестован и осужден, а сама церковь закрыта[1].

Через несколько месяцев верующим, собрав 200 подписей, все же удалось добиться открытия храма. Активную роль в этом сыграл ставший новым настоятелем священник Николай Михайлович Попов. В 1914 – 1920 гг. он был военным моряком на корабле «Рюрик», а с 1920 г. преподавал общеобразовательные предметы в Машинной школе Кронштадта. Вместе с о. Николаем осенью 1921 –

феврале 1922 гг. в Крестовоздвиженской церкви служил диакон Николай Михайлович Иванов. Позднее Н. Попов перешел в Богоявленскую церковь и Морской собор, и 24 февраля 1922 г. на посту настоятеля его сменил священник Николай Васильевич Ефимов. Бывший воспитанник Дома Трудолюбия Кронштадта, в феврале 1908–1918 гг. он являлся псаломщиком гимназической церкви и одновременно служащим Кронштадтской портовой конторы. 22 февраля 1920 г. Н. Ефимов был рукоположен во диакона Николаевского Морского собора, в то же время до 1 июня 1920 г. продолжая работать в портовой конторе. Вместе с ним в Крестовоздвиженской церкви несколько лет служил диакон Прокопий Карпович Кубышко. В октябре 1921 г. в списке прихожан уже значилось 350 человек. 5 марта 1922 г. они добровольно пожертвовали на нужды голодающих 48 серебряных предметов, общим весом около 20 кг, но 12 марта, 20 апреля и 23 мая органы власти еще трижды производили изъятие ценностей из храма. До октября 1926 г. о. Николай Ефимов входил в состав приходского совета в качестве делопроизводителя, пока административный отдел категорически не потребовал его исключения. Согласно отчету, представленному в «церковный стол», за 1920–1924 гг. в храме было совершено 51 венчание[2].

8 декабря 1926 г. община обратилась к епископу Петергофскому Николаю с ходатайством о переводе протоиерея Сергия Иоанновича Георгиевского из Андреевского собора настоятелем в Крестовоздвиженскую церковь. 22 февраля Владыка произвел соответствующее назначение, о. Сергий перешел в Русско-эстонский храм, а о. Николай Ефимов стал младшим священником. Новому настоятелю удалось в короткий срок отремонтировать церковь, и 9 июня 1928 г. собрание приходского совета постановило просить епископа Николая о награждении о. Сергия митрой к 35-летию его пребывания в священническом сане. С начала 1920-х гг. общине принадлежал бывший кабинет св. Иоанна Кронштадтского, и 11 июня 1927 г. двадцатка решила установить в нем печь для изготовления просфор. Постепенно стали нарастать конфликты между частью прихожан и прежним настоятелем. 9 сентября 1928 г. двадцатка даже отчислила свящ. Н. Ефимова из состава причта, но 31 октября все же решила оставить. Однако борьба продолжалась, причем в нее вмешались власти. 31 января 1929 г. специальная комиссия установила якобы халатное содержание имущества и невыполнение в срок ремонта крыши. 16 февраля Ленинградский адмотдел обратился в президиум Леноблисполкома с предложением расторгнуть за эти нарушения договор с прежним приходским советом и заключить с новым (образованным Н. Ефимовым и бывшим старостой). 2 марта президиум вынес такое решение, и 8 марта существовавший договор был расторгнут, а на следующий день заключен другой. В новую двадцатку вошли 69 человек – 32 домохозяйки,

Кронштадт. Чертеж фасада здания Крестовоздвиженской (эстонской православной) церкви в бытность ее Англиканской церковью. Арх. В. Стуккей

22 рабочих, 14 служащих, пенсионеров и учащихся, 3 бывших дворянина и торговца. Прежний приходской совет пытался протестовать. Рассмотрев его жалобу, уполномоченный областной Рабоче-крестьянской инспекции по г. Кронштадту К. Тальте решил оставить в силе произведенную передачу храма[3].

27 января 1930 г. 156 верующих подписали заявление о перерегистрации общины, и 1 июля был перезаключен договор на пользование храмом, но через несколько месяцев начались репрессии. 13 октября органы ОГПУ арестовали настоятеля о. Сергия Георгиевского, 15 февраля 1931 г. его приговорили к 10 годам концлагеря, а семью выслали на 3 года. Кроме того, 14 января из Кронштадта выслали председателя двадцатки Алексея Устиновича Осташенка, а также еще 3 членов приходского совета – М.К. Осташенок, М.У. Осташенок, Н.А. Чис. В результате этих и других репрессивных акций численный состав двадцатки сократился до 15 человек, и 25 января заведующий церковным столом К. Тальте указал на необходимость в десятидневный срок пополнить ее. Это требование в срок выполнено не было, и 10 февраля появилось объявление о расторжении договора и приглашении желающих в семидневный срок взять в пользование храм. 17 февраля Тальте сообщил об их отсутствии помощнику коменданта крепости по гражданской части, который в тот же день издал приказ о закрытии церкви. 18 февраля состоялось это закрытие и прием инвентаря у членов двадцатки[4].

Вся операция была проведена в кратчайшие сроки. После этого началась раздача имущества. Особая часть Леноблфинотдела еще 16 февраля издала приказ о передаче 8 колоколов, общим весом 2298 кг, и 180 металлических предметов церковной утвари, на 1 тонну, Металлому. 23 февраля оставшийся на свободе священник Николай Ефимов обратился с просьбой выдать мощи, хранившиеся под двумя мраморными престолами. Ответная резолюция помощника коменданта крепости гласила: «Отказать, уже, вероятно, уничтожена

и мраморная фигура». Однако 12 марта 1931 г. последовало разрешение выдать районному совету «Союза воинствующих безбожников» для антирелигиозного музея 4 предмета: бронзовые блюда с изображением Петра I, закладывающего Кронштадт, ларец с мощами, перламутровый крест-распятие и бутыль с деревянными фигурами внутри из кабинета о. Иоанна Кронштадтского. 11 марта остальное имущество и само здание церкви передали городскому отделу коммунального хозяйства. Уже к декабрю 1931 г. храм был перестроен внутри и использовался в качестве общежития. До настоящего времени здание сохранилось без особых переделок фасадов, и вместе с близлежащими жилыми домами образует типичный для Кронштадта уголок первой четверти XIX века[5]. До 2000 г. церковь занимало строительное управление, а в июне 2001 г. она была возвращена верующим.

Кладбищенские храмы

Церковь прп. Сергия Радонежского на военно-морском гарнизонном кладбище до 1919 г. находилась в ведении протопресвитера военного и морского духовенства. Настоятелем ее в 1918 – начале 1919 гг. служил священник Александр Белавин, одновременно работавший сторожем кладбища. 2 октября 1918 г. командир Кронштадтского крепостного минного отряда передал 13494 руб. национализированных церковных средств в Управление начальника инженеров и строителя Кронштадтской крепости. В эту сумму входили и 4932 руб., собранные на устройство памятника погибшим в I Мировой войне. Деньги привлекли внимание отдела управления городского совета, который выразил свои претензии на их получение. Однако 18 августа 1919 г. Управление начальника инженеров сообщило в отдел, что эти средства будут потрачены прежде всего на ремонтные работы на военно-морском кладбище в соответствии с резолюцией коменданта крепости: «На имеемые деньги произвести ремонт по тем статьям, по которым нет специальных отпусков. Остаток сдать в доход казны». Ответ Управления завершался прямым отказом: «Поэтому деньги препровождены вам быть не могут». 1294 рубля из церковных средств хранились у настоятеля и не были обнаружены. 23 июля находившийся на излечении в Морском госпитале о. Александр Белавин был допрошен милицией и сознался, что истратил деньги «на содержание своего семейства»[1].

В мае 1919 г. церковь прп. Сергия Радонежского была приписана к Троицким храмам на городском кладбище, и 15 мая образованный единый приходской совет заключил договор на пользование всеми тремя храмами. 2 июня по специальному акту все имущество Сергиевской церкви перешло в ведение указанного совета. В 1922 г. из храма трижды – 15 марта, 22 и 29 мая изымали ценности. В феврале 1924 г. церковь подверглась ограблению, и благочинный, настоятель Андреевского собора протоиерей Николай Симо, даже написал ходатайство помощнику коменданта по гражданской части о разрешении переноса ее имущества в новую Троицкую кладбищенскую церковь, но это сделано не было. 31 октября 1927 г. при проверке сохранности инвентаря специальной комиссией члены двадцатки обратились к ней с просьбой изъять все имущество, так как «совершенно им не пользуются», и храм уже дважды подвергался ограблению. Комиссия пришла к решению о необходимости инвентарь «изъять и вывести на склад Управления помощника коменданта крепости по гражданской части для реализации». В январе 1928 г. имущество было изъято, а сама Сергиевская церковь официально закрыта. В 1931 г. ее здание снесли[2]. В 1990-е гг. на месте уничтоженной церкви был установлен памятный знак.

На городском гражданском (русском) кладбище имелись две деревянные Троицкие церкви – так называемые старая и новая. Настоятелем их в 1917 – 1919 гг. служил протоиерей Николай Зимнев, кроме того в состав причта входили священники Антоний Васильевич Семеновский и Иоанн Александрович Аржановский. Последний был особенно близок к о. Иоанну Кронштадтскому, в последний период жизни святого заменял его заболевшего духовника, 20 декабря 1908 г., накануне смерти, причастил о. Иоанна и в числе других священников служил первую панихиду. 14 июня 1919 г. И. Аржановский был арестован ЧК по подозрению в хранении артиллерийских приборов во время наступления Белой армии Юденича, 2 декабря его заключили в московский Ивановский концлагерь. Там в опросном листе Политического Красного Креста (ПКК) отец Иоанн так описал обстоятельства ареста: «В ночь на 14 июня с/г я был вызван в Кронштадтскую ЧК, где комиссар, указывая на лежащие пред ним на столе какие-то таблицы, спросил меня: «Откуда у Вас эти приборы?» Я ответил, что и понятия не имею о сих приборах, и у себя на квартире их не держал и даже не видел. Тогда комиссар, указывая на стоящую тут же на столе пишущую машинку, спросил: «Это Ваша машинка?» Я признал ее за свою. На вопрос, почему не зарегистрировал, ответил, что машинка старая и не пишет. Сделав заключение, что это разберет судебная власть, меня арестовал. В июле месяце, действительно, на допросе судебный следователь предъявил, что я содержусь под стражей за то, что на моей квартире при обыске найдены артиллерийские дальномеры. В объяснение сего я показал, что ни о каких артиллерийских

приборах я как священник и понятия не имею, в своей квартире никаких приборов артиллерийских не держал и не видал… Означенные артиллерийские вещи могли находиться в сундуке, принадлежащем подпрапорщику 2-го Кронштадтского крепостного артиллерийского полка Васильеву, который в 1917–1918 гг. жил у меня как жилец и после демобилизации из армии в 1918 г. уехал на родину, оставив у меня указанные вещи». В 1920 г. по ходатайству ПКК И. Аржановский был освобожден, но в Кронштадт его не допустили. Позднее он принял монашеский постриг с именем Иаков и в сане архимандрита в 1924–1931 гг. служил в Серафимовской церкви г. Ораниенбаума. 31 января 1931 г. о. Иакова снова арестовали, 13 апреля по делу «Истинно-Православной Церкви» приговорили к высшей мере наказания и вскоре расстреляли[3].

Список прихожан Троицких церквей в мае 1919 г. составлял 134 человека, но после подавления Кронштадтского восстания, кампании изъятия церковных ценностей и захвата обновленцами весной 1922 г. на год высшей церковной власти приходской совет фактически распался, и до осени 1926 г. храмы не функционировали. Новая двадцатка была создана только 19 сентября 1926 г. и 25 сентября с ней заключили договор на пользование кладбищенскими церквями. Первоначально, до 17 июля 1927 г., их обслуживали члены причта Андреевского собора, а затем по очереди и священники других городских церквей. После закрытия Сергиевской церкви власти настаивали на разделении двадцатки Троицких – старого и нового храмов – на две части. 19 октября 1928 г. приходское собрание даже приняло такое решение, но фактического разделения так и не произошло. Еще в 1924 г., после ограбления старой церкви, часть ее имущества перенесли в новую, но в июле 1929 г. его вернули обратно, и богослужения совершались в обоих храмах. 8 октября 1930 г., уже в обстановке гонений, под заявлением о перерегистрации общины подписалось 40 человек, а на собрании 7 декабря с участием 70 прихожан было решено сохранить церкви. Проверка предписанных ремонтных работ 14 декабря 1930 г. показала, что все они оказались выполнены[4].

«Церковный стол» требовал, чтобы в составе приходского совета двух кладбищенских храмов числилось 40 человек. Это требование в 1931 г. уже было невыполнимым, и 23 января двадцатка отказалась от использования одной – новой большой Троицкой церкви. 15 февраля Управление помощника коменданта крепости по гражданской части издало приказ о ее закрытии, что и выполнили 22 февраля. В этот день часть имущества передали двадцатке для переноса в старую малую церковь, а 26 февраля особая часть Леноблфинотдела выпустила приказ о предоставлении 8 колоколов, общим весом 3133 кг, и около тонны металлической церковной утвари Металлому [5].

27 февраля «церковный стол» составил договор на передачу верующим старой Троицкой церкви, но члены двадцатки отказались его подписать, и поэтому 25 марта было вывешено объявление о расторжении договора и сдаче храма желающим в семидневный срок. 3 апреля К. Тальте попросил помощника коменданта крепости издать приказ о закрытии церкви, который последовал 5 апреля. Через 3 дня – 8 апреля – произошло само закрытие и прием имущества у двадцатки. 3 колокола на 200 кг и 77 металлических церковных предметов, общим весом 830 кг, достались Металлому. Остальное имущество 17 мая 1931 г. передали городскому отделу коммунального хозяйства. В его же ведение в апреле 1931 г. перешли здания старой и новой Троицких церквей. Их не пощадили и в конце 1931 – начале 1932 гг. снесли. Согласно акту от 5 марта 1932 г. старый храм уже был сломан полностью, а новый на 50 % [6].

Примечания:

Собор св. Андрея Первозванного

[1] ЦГА СПб, ф. 285, оп. 13, д. 18, 28, 29
[2] Там же, ф. 2551, оп. 13, д. 7. Л. 2.
[3] АУФСБ СПб, ф. архивно-следственных дел, д. П-74528; Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России // Церковно-исторический вестник, 1999, № 2-3, С. 39-40.
[4] АУФСБ СПб, ф. архивно-следственных дел, д. П-68522.
[5] ЦГА СПб, ф. 285, оп. 13, д. 28. Л. 96-97.
[6] Там же, оп. 29, д. 3.
[7] Там же, оп. 14 д. 2.
[8] Там же, ф. 1000, оп. 85, д. 5. Л. 109-112.
[9] Там же, ф. 285, оп. 15, д. 5.
[10] Там же, оп. 17, д. 3, ф. 7383, оп. 1, д. 47. Л. 2.
[11] АУФСБ СПб, ф. архивно-следственных дел, д. П-68522, П-77463; Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб, 1999. С. 319.
[12] ЦГА СПб, ф. 285, оп. 17, д. 7. Л. 81-84.
[13] Там же. Л. 80, 88-90.
[14] Там же. Л. 91-93, оп. 18 , д. 6.
[15] Там же, оп. 28, д. 22. Л. 44-45; Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. Л., 1983. С. 564-565.

Богоявленская церковь

[1] ЦГА СПб, ф. 285, оп. 15, д. 12, 19. Л. 1-28, оп. 14, д. 6.
[2] Там же, оп. 15, д. 19. Л. 62-82.
[3] Там же, оп. 16, д. 4, 13.
[4] Там же, оп. 17, д. 8.
[5] Там же, оп. 16, д. 4. Л. 107-108, оп. 17, д. 8. Л. 66-67.

Церковь Воздвижения Креста Господня

[1] ЦГА СПб, ф. 285, оп. 13, д. 11, 12.
[2] Там же, оп. 29, д. 12, оп. 15, д. 1, 18.
[3] Там же, оп. 16, д. 11. Оп. 17, д. 1, ф. 7383, оп. 1, д. 46. Л. 16-19.
[4] Там же, ф. 285, оп. 17, д. 5. Л. 1-3; АУФСБ СПб, ф. архивно-следственных дел, д. П-68522.
[5] Там же; ЦГА СПб., ф. 285, оп. 18, д. 8, оп. 17, д. 5; Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. С. 570-571.

Кладбищенские церкви

[1] ЦГА СПб, ф. 285, оп. 13, д. 13. Л. 19-25.
[2] Там же, л. 15, оп. 16, д. 10.
[3] Там же, оп. 13, д. 16, 17; Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России. С. 36; АУФСБ СПб, ф. архивно-следственных дел, д. П-77463.
[4] ЦГА СПб, ф. 285, оп. 15, д. 6, 7, 26, оп. 16, д. 10, оп. 17, д. 4.
[5] Там же, оп. 18, д. 3.
[6] Там же, оп. 18, д. 1, 4, 6. Л. 58.

КРЕПОСТНОЙ СОБОР ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В КРОНШТАДТЕ

История. Возрождение к жизни

Святыня Кронштадта

На протяжении всей истории Кронштадта для «глубокочтимой местной святыни» – Владимирской иконы Божией Матери – написанной в год основания города-крепости, строили храмы…

Вот что пишет об иконе Божией Матери «Владимирская» протоиерей Иоанн Невдачин, настоятель Владимирского Собора в начале XX века:

«...Сия икона Владимирской Божией Матери написана в 1703 году, а в 1735 году украшена серебряно-золоченой ризой, свинцом и разноцветными камнями, и для неё сделан бронзовый киот. На самой иконе надпись: «Сей образ написан 1703 года мая 29 дня, оклад сделан 1735 года февраля 20 дня».

Это глубокочтимая местная святыня современна основанию города Кронштадта и крепости. Это обстоятельство отчасти и дает повод предполагать, что настоящая икона Владимирской Богоматери находилась в той церкви, которая была на косе, и срублена по приказанию Петра Первого на Олонецкой верфи для вновь строящегося Кронштадта».

К сожалению, время не сохранило для нас память о тех далеких событиях. Скорей всего икона находилась среди первых защитников острова, и «Взбранная Воевода» проявила себя здесь, защищая новую столицу, как и раньше, защищала старую. Эта икона на протяжении уже 300 лет хранит Коронный город на острове Котлин, следовательно, и Санкт-Петербург. Пред ней молились защитники морской крепости о даровании победы русскому оружию, об укреплении Отечества, армии и флота. «Да славится в сем храме имя Божие и Пречистой Богородицы до скончания века!» – сказал протоиерей Иоанн Сергиев – будущий святой праведный Иоанн Кронштадтский, при водружении крестов на главки каменного Владимирского собора.

Но грянула революция, воцарилось воинствующее безбожие – священников и приходскую двадцатку арестовали, а храм закрыли и разграбили в 1931 году. Где теперь находится кронштадтская святыня неизвестно…

История храма

Первая деревянная церковь во имя Владимирской иконы Божией Матери была построена для солдат крепостного гарнизонного полка, согласно архивным

Чтимый образ Владимирской Божией Матери, происходящий из прежнего Владимирского кронштадтского крепостного собора

документам, примерно в 1730 году (метрические книги Владимирской церкви известны с 1732 года). При ее сооружении был использован перенесенный с Толбухиной косы второй придел старейшей кронштадтской Свято-Троицкой церкви.

В 1753 году вместо нее на доброхотные пожертвования прихожан была устроена новая военно-крепостная

Владимирский собор. Современный вид

(походная) церковь – также во имя Владимирской иконы Божией Матери. Почти 100 лет этот храм находился в ведении Адмиралтейств-коллегии, а в 1826 году, как и все военно-крепостные храмы, его передали на баланс военного ведомства, хотя среди его прихожан были и флотские чины.

В 1764 году в церкви был произведен ремонт. В 1801 году пришедшую в совершенную ветхость церковь снесли и на том же месте построили новую, тоже деревянную, уже с часовней, выходившей на Господскую улицу. В 1825 году при ней выстроили двухэтажный деревянный дом для священников. В 1831 году церковь вновь отремонтировали. В 1849–1850-х годах храм, часовню и церковный дом отреставрировали, а в 1857 году произвели их капитальный ремонт. В 1864 году вместо ветхой колокольни возвели новую, а часовню подправили.

В ночь с 20 на 21 октября 1874 года, во время самого крупного кронштадтского пожара, церковь с часовней сгорели. Богослужения стали совершаться во временно устроенной деревянной церкви. Еще до пожара, благодаря инициативе настоятеля церкви протоиерея В.В. Салтыкова, был поднят вопрос о постройке большой военной церкви, так как эта, построенная в прошлом столетии, была очень мала – вмещала всего 500 человек (гарнизон Кронштадтской крепости насчитывал к этому времени 4500 нижних чинов). Главный командир Кронштадтского порта и Кронштадтский военный губернатор вице-адмирал П.В. Казакевич обратился по инстанции о целесообразности постройки более вместительной каменной военно-крепостной церкви, на что 21 декабря 1872 года Императором Александром II было дано Высочайшее разрешение. Инженерным ведомством был куплен соседний с церковью земельный участок, выходивший на Владимирскую улицу и Николаевский проспект.

Проект и план нового храма по идее профессора Гримма разрабатывал архитектор главного инженерного управления академик Грейфан. Он же наблюдал за производством работ.

30 мая 1876 года совершили закладку храма на том же месте, где стояла и прежняя церковь. Уже летом 1877 года здание новой каменной церкви во имя Владимирской иконы Божией Матери было окончено вчерне, и начались его архитектурная наружная отделка и работы внутри храма. Освящение храма было совершено священником Петром Евдокимовичем Покровским 24 февраля 1880 года. По освящении каменного храма деревянная временная церковь, служившая 8 лет местному гарнизону местом молитвы, была разобрана, а из ее материалов выстроен Мариинский приют для вдов и сирот военно-морского духовенства.

В сентябре-октябре 1888 года в нижнем этаже церкви устроили храм для отпевания рядовых кронштадтского крепостного гарнизона. Храм был освящен

Первоначальный храм Владимирской иконы Божией Матери. С акварели начала XIX века

25 октября того же года в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали». Празднование Владимирской иконы Божией Матери отмечали три раза в году: 21 мая, 23 июня и 26 августа, а иконы Пресвятой Богородицы «Утоли моя печали» – 25 января. В 1897 году возле храма был погребен его многолетний настоятель, протоиерей Василий Васильевич Салтыков.

1 октября 1892 года был установлен самый большой колокол церкви. Его отлили в Петербурге, на заводе Орлова, на Охте. В 16 часов 50 минут того дня раздались его первые удары.

В 1892 году был произведен капитальный ремонт собора. Тогда в основной церкви изготовили новый мозаичный пол из метлахской плитки, прочностью превосходившей гранит. Возобновили все иконы, освежили краску на лепных украшениях храма, очистили резной деревянный иконостас, покрыли оцинкованным железом купола.

В 1902 году указом Святейшего Синода храм получил статус собора.

В 1908 году правый придел верхнего храма был освящен во имя блаженного Николая Кочанова, Христа ради юродивого Новгородского.

Так заканчивался для Владимирского собора XIX век…

Об утраченном благолепии

Собор Владимирской иконы Божией Матери, благодаря своей 46-метровой шатровой колокольне и своеобразному пятиглавию, является выразительной доминантой Кронштадта и, как утверждают специалисты, архитектурной жемчужиной Северо-Запада России. Яркое представление о той красоте и благолепии, которые являло собой только что отстроенное заново каменное здание церкви Владимирской иконы Божией Матери, дает рассказ современника, опубликованный в канун освящения престола в газете «Кронштадтский вестник» № 24, в воскресенье, 24 февраля (7 марта) 1880 года под рубрикой «Заметки из кронштадтской жизни».

Новый храм Владимирской иконы Божией Матери

«Сегодня, 24 числа, в Кронштадте совершится одно из тех торжеств, которые особенно чествуются православною церковью и русским народом: сегодня утром будет освящена новая церковь Владимирской Божией Матери, построенная на углу Господской и Владимирской улиц вместо старой деревянной церкви, сгоревшей во время пожара 21-го октября 1874 года.

Названный храм есть церковь расположенных в Кронштадте военно-сухопутных войск. Ещё до пожара, благодаря инициативе настоятеля церкви почтенного протоиерея В.В. Салтыкова, был возбужден вопрос о постройке в Кронштадте большой военной церкви, т. к. деревянная церковь Владимирской Божией Матери, выстроенная ещё в прошлом столетии, пришла в совершенную ветхость и была очень мала. Пожар 21 октября 1874 года только ускорил дело. В несколько недель была выстроена на углу Владимирской и Посадской улиц небольшая временная деревянная церковь, и тогда же было приступлено к составлению чертежей и смет для постройки большой каменной церкви на суммы военного ведомства.

Проект и план церкви по идее профессора Гримма разрабатывал архитектор главного инженерного управления академик Грейфан, он же наблюдал за производством архитектурных работ; постройка же храма находилась в заведовании инженер-капитана Л.Я. Мейнандера, выполнение строительных работ принял на себя коммерции советник Епишкин, а работы производил его доверенный С.Д. Виноградов. 30 мая 1876 года была совершена закладка храма на том же месте, где стояла прежняя церковь, также во имя Владимирской иконы Божией Матери. Уже летом 1877 года здание было окончено вчерне, и началась его архитектурная наружная отделка и работы по отделке внутренности храма.

Внешний вид храма очень красив и оригинален. Стиль его – смешанный романский. Над церковью возвышаются две больших главы, одна над колокольней, другая над алтарем; по сторонам больших глав поставлены меньшие главы. Стены окрашены серой краской, крыша над церковью железная, колокольня покрыта шифровым (шиферным) железом; крыши окрашены темно-серым цветом; кресты на куполах большие вызолоченные. Вход через ворота в ограде со стороны Владимирской улицы, около церкви разбит сквер, который будет распространен до Посадской улицы, а все деревянные строения, находящиеся против церкви и заслоняющие вид на церковь с этой улицы будут снесены. Колокола для церкви отлиты на известном Ярославском заводе коммерции советника П.И. Оловянишникова из высочайше дарованной меди из старых медных пушек. Вес большого колокола – 250 пудов, второго – 125, третьего – 63 и т. д. Размеры церкви следующие: длина внутри здания 10,5 саж., ширина 10 саж., высота внутри 6 саж., высота колокольни от горизонта земли до верха креста – 24 саж., высота главы над алтарем – 19 саж., высота подвального этажа – 5 аршин.

Кронштадт. Вид с колокольни Андреевского собора на Николаевский проспект. Вдали виден Владимирский собор

Церковь построена на гранитном цоколе, стены выложены на цементе, стропила и связи железные. Храм рассчитан на 1000 человек молящихся, но, конечно, в нем может поместиться и более. На работы ассигновано всего 164 600 рублей, но вместе с внутренней отделкой и прочим сооружение храма обошлось около 200 000 рублей. Под церковью большой подвал, где со временем предполагается также сделать церковь. В храм надо подняться по гранитной лестнице чрез 13 ступенек, которые несколько узки и круты, это, кажется, единственный недостаток новой церкви. Войдя на лестницу – портик на нескольких двойных колоннах, из него в церковь ведут трое больших двухстворчатых дверей, между которыми поставлены два больших образа первых славянских просветителей Кирилла и Мефодия; эти образа написаны на тонкой проволочной сетке и поставлены под большими зеркальными стеклами. Над портиком образ Владимирской Божией Матери. Из портика довольно большой притвор, откуда направо вход на лестницу, ведущую в колокольню, а налево – в небольшую комнату для хранения верхнего платья. Лестница в колокольню до хор каменная, а далее витая чугунная.

Храм в два света без купола. Своды, крыши и арки поддерживаются ближе к стенам десятью малыми колоннами, по пяти с каждой стороны.

Глаз поражается чрезвычайно легкими очертаниями колонн и спускающихся на них сводов и арок. Колонны все чугунные, наполненные внутри цементом. Благодаря незначительному объему колонн, богослужение будет видимо молящимся в храме отовсюду.

Внутренняя отделка храма очень красива и обращает внимание как оригинальностью, так и безукоризненным техническим исполнением; все орнаменты в византийском стиле, расписаны эффектно; сочетание красок хотя пестро, но сделано с большим вкусом; стены внизу темно-вишневого цвета, орнаменты покрывают почти все стены и весь потолок. Иконостас вполне соответствует общему стилю: он вырезан

из темного американского ореха, Царские врата из кипариса. Резьба иконостаса отличается вкусом и тонкостью работы. Иконостас приготовлен на фабрике г. Шредера, причем г. Шредер сделал Царские врата сверх контракта. Амвон обнесен прекрасной белого мрамора балюстрадой с бронзовой решеткою; балюстрада сделана за половинную цену крестьянином Михайловым и им же мраморные подоконники. Южные и северные двери в алтарь также резного ореха.

В алтаре за престолом поставлен в золоченой раме образ «Моления о чаше», превосходной работы академика Таюрского; над ним в своде написан академиком Годуном образ Святой Троицы.

Церковные серебряные сосуды пожертвованы кронштадтским купцом Н.Г. Сидоровым, прекрасной работы Сазикова. Образ плащаницы также написан академиком Годуном, гробница резная американского ореха, весьма изящной работы. Это пожертвование частных лиц, стоящее 1500 рублей. Все живописные работы очень хороши. Как эти работы, так и окраска церкви выполнены обществом русских художников за весьма умеренную цену, 9000 рублей. Орнаменты церкви сделаны художником Фишером масляными каучуковыми красками, отличающимися прочностью.

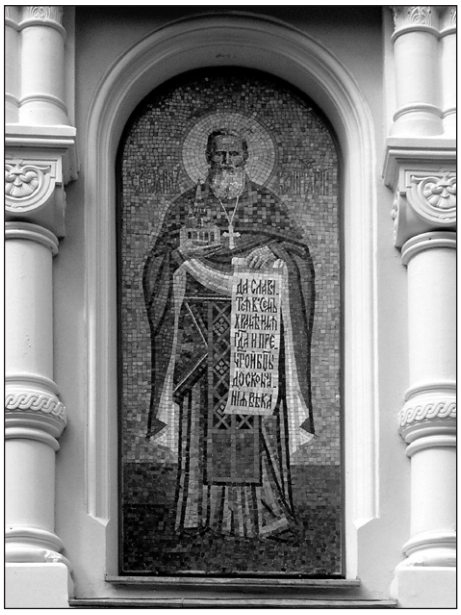

Кронштадт. Собор Владимирской иконы Божией Матери. Западный фасад. Проект. Чертежи публикуются впервые

Все образа в иконостасе написаны на медных досках: местные образа Спасителя и Божией Матери, Тайной вечери, Святого Георгия Победоносца, равноапостольных Константина и Елены, Николая Блаженно-

Речь протоиерея Иоанна Ильича Сергиева по водружении крестов на главах новосозданного храма Владимирской иконы Божией Матери

«Мы имели сегодня, отцы и братия, высокое удовольствие видеть водружение крестов на главах вновь созданного храма сего, как недавно видели и торжествовали положению основания для него; говорю: высокое удовольствие – потому что христианский храм без креста не мыслим, как тело без главы, или как тело без души, как корабль без мачты, а с крестом он имеет внешнюю законченность, полноту, главу и как бы душу, словом, он тогда вполне храм христианский снаружи. И так да красуется и на этом храме крест Господень на славу Искупившему нас крестом своим. Дай Бог, чтобы и в этом храме под сению креста собиралось, по освящении его, множество христиан и находили в нем упокоение и утешение душам. Но от чего радостное чувство объемлет нас при виде водружения креста на храм? Потому, мне кажется, что христианская мысль привыкла не разделять креста от Христа распятого, и в кресте видит Христа, как и во Христе видит крест: ибо распятый Христос представляет Собою крест; а с распятым Христом представляет кровь Христову, излиянную за грехи мира, и изливающуюся таинственно доныне на алтарях христианских храмов, очищающую и обновляющую нас. А если так, как и действительно так, то крест для христианина самый дорогой – высочайший для него символ, – символ страдания и смерти Господа, знамение бесконечной Божией любви к нам, крепчайший якорь надежды нашей, спасения и обновления нашего, знамение единства нашего, так как мы все искуплены смертию Господа, пригвожденного на кресте, и все составляем единое тело Его. И так, да будем мы, братия во Христе, одно сердце и одна душа. Слава кресту! Слава Распятому на кресте! Слава созидающемуся храму сему! Благодарствие и слава Государю нашему и Августейшему Брату Его, благоизволившим на сооружение его и даровавшим на то обильные средства! Сердечная благодарность всем строителям и попечителям его! Да славится в сем храме имя Божие и Пречистой Богородицы до скончания века! По поводу крестовоздвижения на этом вновь созданном храме мне пришло желание – видеть некогда подобный этому храм и на горе – в Кронштадте, в честь и славу крестившемуся в Иордане Богу-Слову. Дай Бог видеть исполнение этого желания. Нет ничего невозможного для Бога. Кто воображал лет десять назад, что здесь, на этом месте, будет красоваться такой величественный храм? И он красуется. Будет существовать и каменная церковь во славу Крестившемуся в водах Иорданских: верится этому и потому, что ныне особенно любят строить и строить. Особенно из камня и железа, улучшать, расширять. Ужели же храм-то останется таким непрочным, маловместительным? Кто не видит этой крайней несообразности? Я верю, что увижу каменный морской храм в соседстве с каменными протестантскими храмами. Сотвори, Боже! Аминь».

Мозаичная икона св. прав. Иоанна Кронштадтского на алтарной стене Владимирского крепостного собора. Фото 2004 г.

го, преподобных Адриана и Наталии, Иоанна Предтечи, Марии и Магдалины и сверху иконостаса Распятие. В иконостасе же поставлены два образа из старой церкви в серебряных, вновь вызолоченных ризах, налево святителя Николая Чудотворца и направо в образе Михаила Архангела образ Владимирской Божией Матери, храмовая, весьма древняя икона, написанная в 1703 году, т. е. в год основания Кронштадта; серебряная риза на этой иконе сделана в 1736 году, о чем имеются на иконе надписи. Пред клиросами поставлены большие образа в резных ореховых киотах, в вызолоченных ризах: справа преподобного Сергия и слева благоверного князя Александра Невского. Эти образа также из прежней церкви. Над иконой Владимирской Богоматери в медальоне образ Рождества Христова, а слева над образом Николая Чудотворца образ Рождества Пресвятой Богородицы.

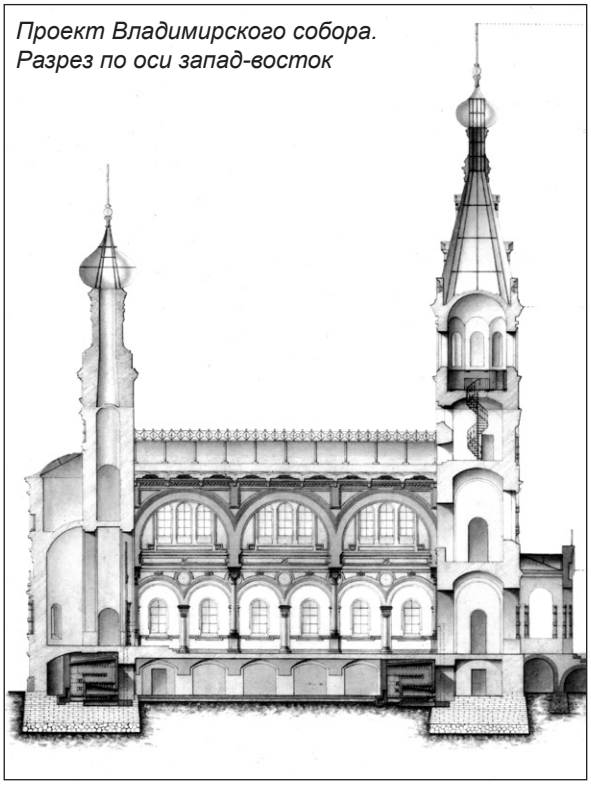
В церкви на стенах, над окнами, направо, находится большой образ Благовещения, прекрасной работы академика Годуна, большой образ Богоявления Господня; на стене, сверху южных дверей, в алтаре образ Преображения Господня; над иконостасом собор архангелов и ангелов работы Силаева; над северными дверьми алтаря образ Вознесения Господня и на стене налево большие образа Сретения Господня и Успения Пресвятой Богородицы. По углам сводов 4 святителя: Григорий Богослов, Василий Великий, Иоанн Златоуст и Григорий Двоеслов, над главными колоннами четыре Евангелиста. По сторонам входных дверей образа апостолов Петра и Павла и в медальонах над маленькими колоннами образа прочих десяти апостолов.

Живописная работа, как то уже сказали, отличается прекрасным выполнением: кроме академиков Таюрского и Годуна, работали художники Надеждин, Силаев, Виноградов и Брусников.

Церковь освещается тремя красивыми и изящными бронзовыми большими люстрами на 40 свечей каждая, исполненными Никольсом и Плинке. Люстры эти копии с люстры, поставленной в лондонской домовой церкви Ее Императорского Высочества Марии Александровны, герцогини Эдинбургской. Чугунные колонны и бронзовые подсвечники у иконостаса также работы Никольса и Плинке.

Пол в церкви мозаичный, красивого рисунка. Церковь отапливается калориферами с удалением испорченного воздуха и с притоком свежего; окон 30, переплеты железные, в верхних окнах вставлены желтые стекла, что

Проект Владимирского собора. Разрез по оси запад-восток

Примечания к статьям из «Кронштадтского вестника»

1 пуд = 16,381 кг 1 саж. = 2,13м 1 аршин = 0, 71м
250 пудов = 4,095тонн
125 пудов = 2,047 тонн
63 пуда = 1,0332 тонны
10,5 саж = 22,365 м
10.0 саж. = 21,30 м
6,0 саж. = 12,78 м
24 саж. = 51,12 м
19 саж. = 40,47 м
5 аршин = 3,55 м

Архитектор Владимирского собора – академик архитектуры Академии художеств с 1860 года, Грейфан Христиан Иванович (1825–1906. Родился в Мекленбурге, похоронен на Санкт-Петербургском Смоленском евангелистском кладбище.

Главный художник (картоны, образа большие, плащаница) – Годун Ефрем Васильевич (1825–1891), академик исторической и портретной живописи Академии художеств (1865).

Художник по орнаментам церкви (масляными каучуковыми красками) – Антон Фишер, неклассный художник Академии художеств (1851).

еще более увеличивает эффект пестрой орнаментации. Над притвором устроены довольно большие хоры для молящихся. Ризница византийского рисунка сделана известным фабрикантом Жевержеевым.

Все работы в церкви и по ее отделке отличаются тщательным техническим выполнением, что наглядно говорит о том, с какой любовью созидатели храма занимались делом. Кроме названных нами лиц, особенное, горячее и деятельное участие принимали в сооружении храма: настоятель протоиерей В.В. Салтыков, ктитор церкви майор Я.Ф. Меньшов, строитель инженер-капитан Л.Я. Мейнандер, встретившие полное содействие со стороны генерал-лейтенанта К.Я. Зверева и начальника здешнего инженерного управления полковника Д.З. Заботкина.

Освящение церкви будет совершено главным священником армии и флота протоиереем Петром Евдокимовичем Покровским, в сослужении с настоятелем собора и священниками здешних военных церквей. Начало водоосвящения ровно в 10 часов утра, а в 11 часов начнется освящение престола».

В следующем номере «Кронштадтского вестника» от 27 февраля 1880 года вновь писали о Владимирском соборе. На 3-й его странице, в рубрике «Заметки из кронштадтской жизни» – отчет о том, как торжественно и празднично прошло в храме освящение престола.

Заметки из кронштадтской жизни

Освящение храма Владимирской Божией Матери происходило в воскресенье 24-го февраля с особенною торжественностью.

«Для освящения этого храма прибыл из Санкт-Петербурга главный священник армии и флота П.Е. Покровский с двумя протоиереями и двумя диаконами, и вместе с духовенством от всех церквей Кронштадта освятил этот великолепный храм, и служил обедню и благодарственный молебен. Духовное это торжество началось в 10 часов утра и кончилось в 2 часа пополудню. Во избежание тесноты в храме, вход в него на этот день предоставлялся лицам, получившим приглашение и имеющим билет за подписью настоятеля собора и ктитора. В числе присутствующих на этом духовном торжестве находились: главный командир и военный губернатор Кронштадта генерал-адъютант П.В. Козакевич, инженер-генерал-адъютант М.П. Кауфман, генерал-лейтенант К.Я. Зверев, первый комендант контр-адмирал И.Н. Стромилов, действительный статский советник Б.А. Милютин, все начальствующие лица Военно-сухопутного и Морского ведомств в Кронштадте и представители городского сословия.

В прошлом номере «Кронштадтского вестника» мы поместили подробное описание нового действительно великолепного храма Владимирской Божией Матери, и потому теперь скажем только, что по окончании богослужения все приглашенные лица из церкви отправились в Собрание артиллерийского клуба на завтрак, где были произнесены и приняты с восторгом тосты за здравие Государя Императора, Наследника Цесаревича, Великих Князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей и всего Царствующего Дома...

Вслед за произнесением тостов были посланы приветственные телеграммы: Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Константину Николаевичу, Военному министру и генерал-адъютанту Лорис-Меликову».

Художники по образам (3-х ярусный иконостас, 10 медальонов-апостолов над малыми колоннами) – Силаев Михаил Петрович (в 1857 году дано звание свободного художника по портретной живописи); Таюрский Николай Петрович (был в 1869 году вольноприходящим учеником Академии художеств, свободный художник с правом преподавания рисунка в гимназиях); Михаил Надеждин (Академия художеств, 1854 год – свободный художник портретной живописи); Виноградов Михаил Семенович (Академия художеств, 1865 – малая серебряная медаль и звание свободного художника по портретной живописи); Брусников Платон Иванович (Академия художеств, был вольноприходящим учеником, 1864 – малая серебряная медаль и звание свободного художника по портретной живописи).

Скульптор (из портландцемента два барельефных образа у главного входа и два образа на фасадах; в интерьере; 24 гипсовые колонны, 20 подвесок у окон; 12 крестов в медальонах) – Опекушин Александр Михайлович (1841–1923; в 1872 году – звание академика за бронзовую статую Петра I).

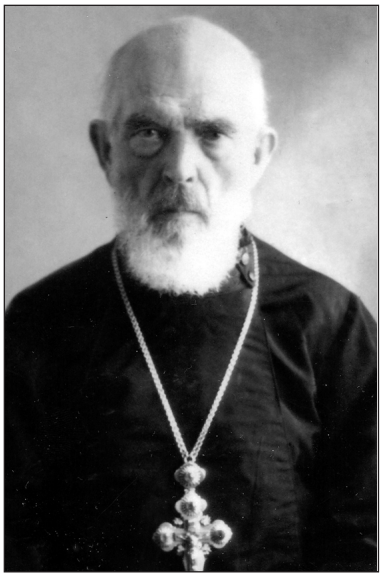
М.П. Силаев написал над иконостасом большую картину «Собор архангелов и ангелов». Все художники к 1879 году были уже академиками живописи – исторической и портретной, или просто портретной, все входили в Общество взаимопомощи русских художников (с 1871 года), а также были членами Товарищества Передвижных художественных выставок (ТПХВ, СПб. – М, с 1870 года).

Проект Владимирского собора. Разрез по оси север-юг

Нашел статьи из «Кронштадтского вестника» и подготовил примечания архитектор Пономаренко Виталий Антонович

Разорение. Владимирский собор в 1918–1960 годах

Протоиерей Памфил Населенко, настоятельствовавший во Владимирском крепостном соборе в 1922–1931 гг. Публикуется впервые

В 1918 г. Владимирский крепостной собор стал приходским. 7 января был избран приходской совет, заключивший 5 мая 1919 г. договор о пользовании храмом и представивший в городской совет опись имущества и список прихожан на 378 человек. В соборе в это время служили: протоиерей Федор Иоаннович Троицкий, священник Михаил Андреевич Иванов, диаконы Василий Николаевич Охонский, Иоанн Иоаннович Ивановский и настоятель храма в 1917–1922 гг., известный протоиерей, последователь св. Иоанна Кронштадтского Василий Петрович Сокольский. Власти считали его опасным и в мае 1922 г. выслали из Кронштадта. В августе 1922 г. о. Василий, служивший настоятелем Благовещенской Василеостровской церкви, стал одним из учредителей и активных деятелей боровшейся с обновленцами «Петроградской автокефалии», за что был в феврале 1923 г. арестован и отправлен в трехлетнюю ссылку. После освобождения В. Сокольский служил в Преображенской церкви Петроградской стороны и в Афонском храме Воскресенского Новодевичьего монастыря, пока в марте 1935 г. не был окончательно выслан из Ленинграда в Тюмень1.

В период изгнания о. Василия из Кронштадта весной 1922 г. из Владимирского собора были изъяты ценности из серебра, общим весом более 213 кг, а также 4 золотые броши с бриллиантами и 2 золотые цепочки. Высланный В. Сокольский порекомендовал епископу Петергофскому Николаю (Ярушевичу) назначить на место настоятеля храма протоиерея Памфила Тимофеевича Населенко, что и произошло в октябре 1922 г. Новый настоятель окончил Киевскую Духовную семинарию и два курса Петроградского агрономического института, в 1914–1917 гг. являлся депутатом IV Государственной думы и священником ее фронтового лазарета. Кроме того, о. Памфил в 1917–1922 гг. служил настоятелем церкви Евгеньевской общины сестер милосердия и одновременно в 1919–1922 гг. работал научным сотрудником в книгохранилище Академии наук. Во Владимирском соборе он возглавлял причт вплоть до своего ареста 18 сентября 1930 г. К концу 1922 г. состав священнослужителей храма полностью поменялся, кроме прот. П. Населенко, в него входили священник Иосиф Федорович Бабенко и диакон Александр Петрович Попов2.

За 1920–1924 гг. в соборе состоялось 102 венчания. Помимо богослужений ежегодно совершались крестные ходы. Правда, не обходилось без помех. Так, когда 13 января 1923 г. приходской совет Владимирского собора обратился в отдел управления за разрешением устройства крестного хода из всех церквей Кронштадта на Иордань, которую намечалось устроить на Биржевом канале у таможни, ответ был отрицательным: «Ввиду того, что в городе Кронштадте военное положение, крестный ход разрешить нельзя»3. Более крупный конфликт произошел в 1929 г. 3 июня без разрешения административного отдела состоялся крестный ход в честь чудотворной Владимирской иконы Божией Матери и связанного с этим храмового праздника. В ответ городской адмотдел, с санкции сектора адмнадзора Леноблисполкома, 19 июня исключил из состава двадцатки ее председателя Е. Иванова, секретаря Е. Петрову, помощника председателя Н. Шутова и завхоза Ф. Смирнова. Приходской совет обжаловал это решение в прокуратуре и 30 июня на своем собрании постановил до выяснения вопроса оставить старый состав президиума, но, на всякий случай, выбрать и новый. 16 июля прокурор Ленинградской области указал, что проведение крестного хода в ограде храма согласно действующему законодательству не требует предварительного уведомления органов власти и предложил пересмотреть наказание. Это уведомление не повлияло на позицию адмотдела, и 9 августа он еще раз написал в сектор адмнадзора, что совершение крестных ходов и колокольного звона в Кронштадте без разрешения властей в силу «чисто стратегического характера условий совершенно недопустимо». Однако административный отдел Леноблисполкома был вынужден учесть мнение прокурора, о чем последний 9 октября уведомил и Церковный стол Кронштадта. В результате 21 октября 1929 г. двадцатке сообщили, что исключенные члены президиума могут участвовать в перезаключении договора, и на приходском собрании 17 марта 1930 г. новым председателем совета выбрали Е. Г. Петрову4.

В 1925–1926 гг. собор и каменная часовня при нем были оштукатурены и покрашены, проведены и другие ремонтные работы. В марте 1929 г. двадцатка ходатайствовала перед органами власти о разрешении постройки сарая для хранения дров, но получила отказ. Богослужения в этот период проходили зимой в нижнем отапливаемом храме, а в апреле переносились в верхний храм. Определенные затруднения были связаны с неполным составом причта. Так, 18 сентября 1927 г. приходской совет обсудил предложение общего собрания представителей кронштадтских двадцаток обслуживать кладбищенские храмы города по очереди священниками всех церквей и постановил, что Владимирский собор из-за отсутствия третьего священника может выделять члена своего причта лишь по праздникам, причем часть вырученных денег должна идти на ремонт кладбищенских храмов. В тот же день приходской совет решил носить список чудотворной Владимирской иконы Божией Матери по желанию граждан к ним на квартиры — летом

до 6 часов вечера, а зимой до 3 часов дня5.

Прихожане помогали и заботились о своих священнослужителях. Когда последним резко повысили квартирную плату, двадцатка 21 октября 1928 г. постановила устроить кружечный сбор с надписью «На нужды духовенства» и предложила настоятелю переехать жить в пустовавшую в тот момент комнату при храме, что он вскоре и сделал. 12 августа 1928 г. двадцатка, помимо принятия решения об установке решеток на нижних окнах «виду ограждения церквей от нежелательных налетчиков», также выбрала двух кандидатов для поездки к епископу Петергофскому Николаю и митрополиту Ленинградскому Серафиму. Эти ходоки добились отмены намечавшегося перевода прот. Памфила Населенко в Лугу, и он остался в соборе. 28 октября 1928 г. после обедни в храме был отслужен благодарственный молебен и поднесены иконы выбывшим по болезни сторожихе П. Змитрович и певчему И. Карлен, прослужившим в соборе соответственно 6 и 10 лет. В апреле 1929 г. к епископу Николаю ездила делегация прихожан с ходатайством о награждении священника И. Бабенко, диаконов А. Попова и А. Георгиевского к Пасхе, но Владыка временно отклонил просьбу «ввиду несуществующего законоположения в текущем году по этому поводу». Диакон Аркадий Алексиевич Георгиевский служил в соборе с января 1928 г. до своего назначения 3 июля 1930 г. в Красную Славянку. А. Попов еще 3 октября 1929 г. был переведен в Ропшу, и вместо них с 8 октября 1930 г. в храме стал служить приехавший из Ленинграда протодиакон Василий Иоаннович Алексеевский6.

Постепенно давление административных органов на общину усиливалось. 22 февраля 1930 г. верующие подали в Леноблисполком жалобу на планирование со стороны городских властей закрытия собора и развернутую в этой связи кампанию в местной прессе. К обращению был приложен список 414 прихожан. Ситуация временно стабилизировалась, и 1 июля с представителями общины заключили договор на использование ими храма. Но уже 18 сентября 1930 г. был арестован протоиерей П. Населенко. 10 октября состоялось собрание приходского совета с обсуждением требования всей общины о выяснении причин ареста настоятеля и освобождении его. Ответом стали дальнейшие репрессии. 13 октября органы ОГПУ арестовали четырех членов двадцатки – Л.Н. Герасимову, А.А. Нестерову, Г.А. Петрова и Е.Д. Петрову, кроме того, еще 4 члена двадцатки оказались под следствием (Я.Я. Бочаров, Г.И. Иванов, Е.Н. Корытова и Е.И. Попова). Все они в январе 1931 г. по требованию Церковного стола были отчислены из состава приходского совета. Вскоре последовала жестокая расправа: Тройка Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе приговорила Л.Н. Герасимову и Г.А. Петрова к 5 годам концлагеря, А.А. Нестерову – к 3 годам ссылки в Восточную Сибирь, а Е.Д. Петрову – к 3 годам ссылки в Северный край7.

Были репрессированы и священнослужители – протоиерея Иосифа Бабенко выслали на 3 года вместе с семьей в Старорусский район Новгородского округа, где он и скончался в 1935 г. Протоиерея Памфила Населенко 13 апреля 1931 г. приговорили к 5 годам концлагеря, он отбывал срок на Соловках, в июне 1934 г. был освобожден, поселился в Ленинграде с сыном, но в мае 1935 г. выслан за пределы стокилометровой зоны. С 1938 г. П. Населенко проживал в г. Городня Черниговской области, где до 1950-х гг. служил в местной Николаевской церкви. Третий же член причта – протодиакон Василий Алексеевский, видимо под угрозой репрессий, отрекся от сана и сообщил об этом публично в газете «Рабочий Кронштадт» от 9 января 1931 г. Он был взят на работу конторщиком в бухгалтерию городского отдела коммунального хозяйства8.

Воспользовавшись временным сокращением состава двадцатки в результате арестов, заведующий Церковным столом 11 января 1931 г. потребовал в десятидневный срок пополнить его, угрожая расторжением договора. Требование не было выполнено, и 25 января власти вывесили объявление о передаче храма новой группе верующих, если она подаст заявление в течение 7 дней. Заведующий церковным столом полагал, что запуганные волной репрессий верующие не решатся написать о своем желании, но ошибся. 6 февраля к нему поступило заявление новой двадцатки, в составе которой было несколько членов прежней. Прихожане формально опоздали на несколько дней, и этим тут же воспользовались власти. 10 февраля помощник коменданта крепости по гражданской части издал приказ о закрытии собора «из-за отсутствия правомочных по количеству групп верующих». А на заявлении новой двадцатки от 12 февраля о разрешении проведения собрания он поставил резолюцию: «Сообщить, что списка с двадцатью подписями не было представлено в срок, почему собор считается закрытым»9.

Формальный акт закрытия был совершен 16 февраля 1931 г., через два дня имущество записали в Госфонд. 19 февраля адмотдел предложил Центральному архивному бюро прислать своего представителя для приема церковной библиотеки, сообщая, что неприсылка в течение недели будет считаться согласием «оставшиеся книги передать в макулатуру». Особая часть Лен-облфинотдела издала приказ о передаче 12 колоколов общины весом 7785 кг и церковной утвари на 2100 кг Металлому, что и было вскоре выполнено. Здание храма согласно акту приемки находилось в «удовлетворительном техни-

Владимирский собор. Фото 1950-х гг.

че-ском состоянии», и в апреле 1931 г. город-ские власти приняли решение о предоставлении его закупочному рабочему кооперативу под склад1 0.

В 1930-е гг. в соборе хранили продукты, в 1941–1943 гг. в него попало несколько снарядов, оставивших несколько пробоин, а после Великой Отечественной войны появился план устроить в храме спортивный комплекс. В стремлении его реализовать исковеркали колокольню, пытаясь снести ее бульдозером. В 1960-х гг. трижды взрывали храм по краям, чтобы убрать «вычурные силуэты» и оставить лишь каменную коробку. Но взрывы были проведены неудачно, и после того, как в соседних домах появились трещины, их пришлось прекратить, не удалось толком и обрубить здание. Спортивный комплекс не построили, и изуродованный собор был заброшен. Постепенно мозаику пола растаскивали по дачам, увозили изразцовые плитки и кирпичи. Лишь летом 1990 г. руины его были возвращены Церкви. Настоятелем собора назначили рукоположенного 4 ноября 1990 г. в сан иерея Владислава Клановца. С марта 1991 г. начали расчищать руины, и как только оказалась расчищена алтарная часть, о. Владислав отслужил в храме первый молебен. В Центральном военно-историческом архиве были найдены чертежи, и в начале 1990-х гг. создано научно-производственное предприятие «Владимирский собор», которое приступило к его консервации и восстановлению. В бывшем домике причта на Владимирской улице свящ. В. Клановец в 1991 г. устроил и освятил небольшую церковь Всех Святых. Так в Кронштадте после шестидесятилетнего перерыва вновь появился первый действующий храм. В 1993 г. была воссоздана часовня на углу церковного участка. С 2 января 1999 г. идут службы в нижнем приделе, а с 30 апреля 2000 г. – в верхнем храме. 30 января 2001 г. были подняты вновь отлитые колокола на возрождаемую колокольню.

М.В. Шкаровский

Примечания:

[1] ЦГА СПб, ф. 285, оп. 13, д. 18, 19, ф. 151, оп. 2, д. 80. Л. 137; ф. 7384, оп. 2, д. 85. Л. 394; АУФСБ СПб, ф. архивно-следственных дел, д. П-68522.

[2] ЦГА СПб, ф. 285, оп. 14, д. 10; АУФСБ СПб, ф. архивно-следственных дел, д. П-68522.

[3] ЦГА СПб, ф. 285, оп. 29, д. 4, оп. 14, д. 2.

[4] Там же, оп. 16, д. 8. Л. 64-107, ф. 7383, оп. 1, д. 46. Л. 21-28.

[5] Там же, оп. 15, д. 24.

[6] Там же, оп. 16, д. 8. Л. 7-55.

[7] Там же, оп. 17, д. 6. Л. 1-41, АУФСБ СПб, ф. архивно-следственных дел, д. П-68522.

[8] Там же, д. П-77463; ЦГА СПб, ф. 285, оп. 18, д. 5.

[9] Там же, оп. 17, д. 6. Л. 66-73, оп. 18, д. 5.

[10] Там же. Л. 12-28, оп. 28, д. 22. Л. 96, ф. 1000, оп. 89, д. 19, л. 170.

Разоренный Владимирский собор. Фото 1960–1980-х гг.

После 1917 года

2 июня 1918 года при настоятеле протоиерее Василии Соколове собор посетил и служил здесь молебен Святейший Патриарх Тихон. Последний настоятель, протоиерей Памфил Населенко, был арестован в октябре 1930 года. Еще ранее, в июле 1929 года, за то что двадцатка без разрешения властей устроила крестный ход в престольный праздник Владимирской иконы Божией Матери, из состава двадцатки вывели председателя, секретаря и членов президиума. Осенью 1930 года часть членов двадцатки арестовали. Несмотря на массовые жалобы верующих в Леноблисполком, 10 февраля 1931 года кронштадтские власти приняли решение о закрытии храма, и 16 февраля его опечатали. Здание было отдано под склад кооператива.

В 1950-х годах дважды предпринимались попытки его взорвать, взрывом были разрушены алтарь, паперть и колокольня, однако храм, изувеченный и поруганный, все же выстоял.

С 1966 года (после неудавшихся новых взрывных работ и провала идеи переоборудования собора в детский спортивный комплекс) до 90-х годов Владимирский храм стоял в руинах…

Возрождение

Инициаторами и подвижницами становления в Кронштадте первой (после почти 60-летнего перерыва) православной общины стали в 1989 году верующие кронштадтские женщины – Ираида Семеновна Школьная и ныне уже покойные – Нина Ивановна Корончик, Зинаида Андреевна Литвиновская, Валентина Ивановна Дранова. Это именно они собирали подписи среди верующих, ходили на прием к начальству, оформляли официальные бумаги, просили сильных мира сего отдать верующим храм, а пока он будет восстанавливаться – предоставить для богослужений помещение в бывшем домике причта. Когда община была зарегистрирована и помещения (для храма и квартиры настоятеля) предоставлены, они же, с немногочисленными помощниками, приводили их в порядок. Ремонтировали, благоустраивали, собирали иконы и утварь и даже… привезли из Малой Вишеры резной дубовый иконостас, завещанный Кронштадту иеромонахом Михаилом (Смирновым).

В 1990 году развалины Владимирского собора передали православной общине, и началось возрождение храма. После возведения крыши и восстановления значительной части апсиды расчистили южный придел собора для возобновления богослужений. Первую Божественную литургию отслужили на престольный праздник – 8 сентября 1997 года. В этот день приехал благочинный, протоиерей Александр Швец, и привез в подарок храму Владимирскую икону Божией Матери. К ней прикреплена табличка, на которой написано, что икона подарена причтом собора Владимирской иконы

Интерьер домовой церкви Всех Святых

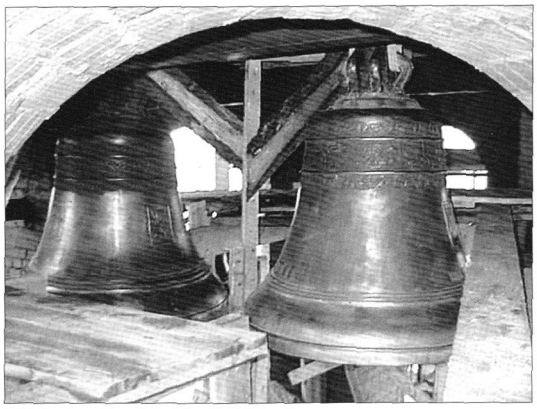
Божией Матери г. Кронштадта старосте прихода в день тезоименитства. С большим благоговением настоятель собора о. Владислав Клановец принял этот дар и определил ему самое почетное место в храме. Через полгода, 14 марта 1998 г., во вторую субботу Великого поста, накануне праздника иконы Божией Матери «Державная», на Всенощном бдении в домовой церкви возвращенная Владимирская икона Божией Матери замироточила. Это было замечено перед чтением Евангелия (около 18.00) настоятелем о. Владиславом, диаконом о. Константином и засвидетельствовано потом всеми молящимися в храме. На следующий день, 15 марта 1998 года, на утренней службе при чтении 3-го Часа (примерно в 9.20) отцом настоятелем был замечен световой столп с северной стороны Владимирского собора. Световой столп поднимался от основания собора до куполов. Цвет свечения – бело-золотой. Свечение продолжалось около 5 минут и засвидетельствовано прихожанами. После Божественной литургии и чтения акафиста Владимирской иконе Божией Матери мироточение возобновилось и сопровождалось благоуханием.

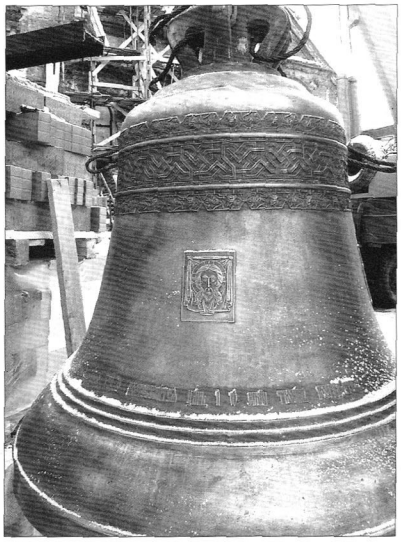
То, что эти события произошли в день отречения Царя-Мученика Николая II от престола, показывает на глубокую духовную связь нашего собора с судьбой Российской державы. Именно тогда мы стали по-настоящему задумываться, какую святыню мы возрождаем, если даже небольшая копия с Чудотворной Владимирской иконы Божией Матери являет такие чудеса.

С приходом нового настоятеля – протоиерея Святослава Мельника, собор восстанавливается всем миром. Настоятель, прихожане, строители и попечители Владимирского собора являются свидетелями и сопричастниками чуда возрождения храма. Создается впечатление, что собор сам себя строит, а мы только успеваем в этом поучаствовать. Верим, что восстанавливая Владимирский собор, мы готовим новый киот для нашей старой чудотворной Владимирской иконы Божией Матери, которая непременно вернется в свой собор в Кронштадте и возглавит возрождение нашего славного города.

Яко услышавшие верные рабы Твои глас звука его, в благочестии и вере укрепятся.

Из молитвы на освящение колокола

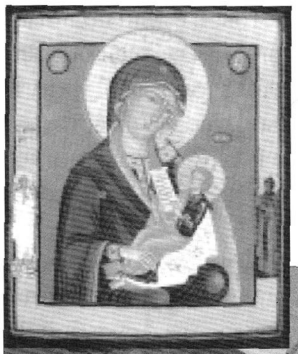

Возрождение звонницы собора. Освящение колоколов 5 января 2001 года и подъем их на звонницу 30 января 2001 года

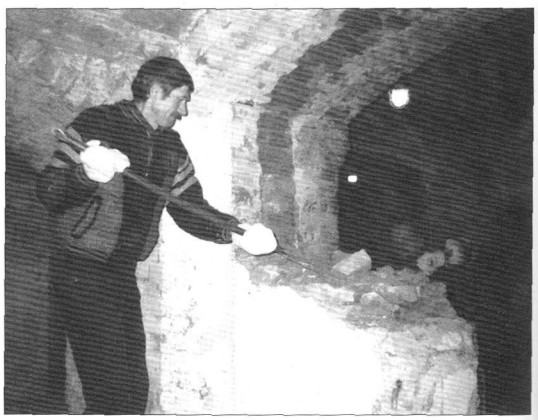

«Утоли моя печали»

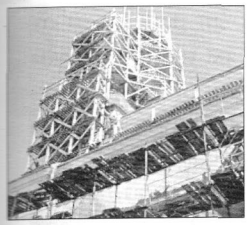

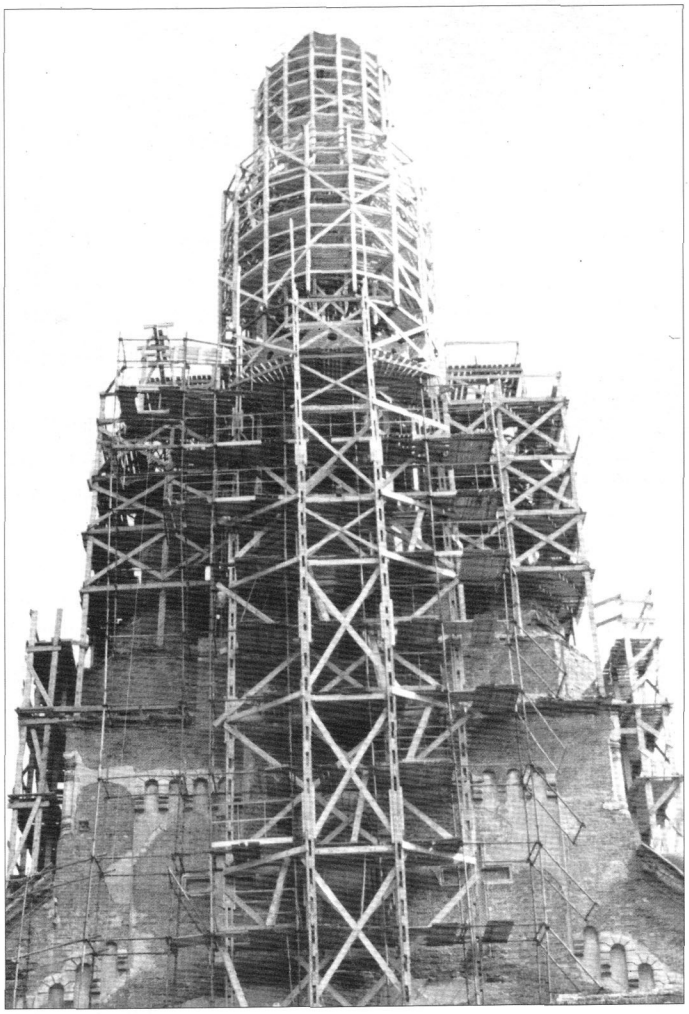
2 января 1999 г. Первое после многолетнего перерыва богослужение в нижнем храме собора во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали»

Да славятся в храме сем имя Божие и Пречистой Богородицы до скончания века

Св. прав. Иоанн Кронштадтский

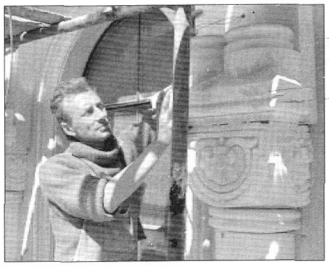

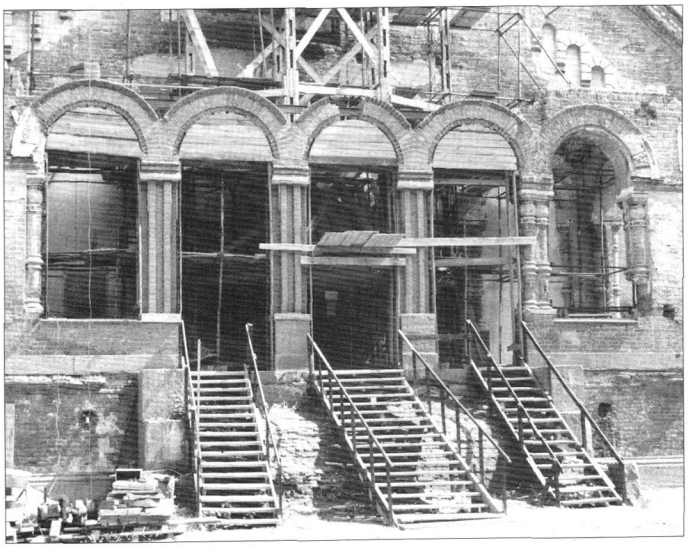

Возрождали всем миром

Вид с колокольни восстановленного собора

Хроника восстановления

В 1991 году на средства благотворителей начаты проектные работы, а в 1992-м с проведения водопровода и канализации – ремонтно-восстановительные. До конца 1998 года приходом под руководством первого настоятеля собора протоиерея Владислава Клановца была восстановлена кладка стен с венчающими карнизами, сделаны заново стропильная система крыши, апсида, окна нижнего храма; начались работы по восстановлению кровли. Выполнены основные проектные работы.

Указом митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира с 1 декабря 1998 года настоятелем Владимирского собора назначен протоиерей Святослав Мельник.

За две недели силами прихожан был расчищен от мусора и подготовлен к богослужениям нижний храм «Утоли моя печали» (настелены полы, проведено электричество, изготовлен иконостас). Первая служба в нижнем храме прошла в день памяти святого праведного Иоанна Кронштадтского – 2 января 1999 года; в верхнем храме первая служба состоялась на Пасху 2000 года – начался новый этап в восстановлении Владимирского собора.

Восстанавливается паперть собора

К 2004 году воссозданы кровля, главки, заново отстроена колокольня; установлены новые колокола и кресты; воссозданы крыльцо и портик; храм заново оштукатурен, покрашен; полностью восстановлена варварски разбитая лепнина на фасадах; воссоздан интерьер нижнего храма «Утоли моя печали». Собор украсился новой мозаичной иконой святого праведного Иоанна Кронштадтского. Территория вокруг храма в результате проведенных работ по перепланировке и благоустройству приобрела первозданный вид.

В настоящее время в верхнем храме полным ходом идут работы по воссозданию лепнины, декора, росписей и керамического пола.

Сегодня, наконец, храм внешне принял свой исторический облик. Теперь, любуясь его небесно-голубым цветом, белоснежной лепниной, яркой мозаичной иконой, мы воочию убеждаемся, что собор во имя Владимирской иконы Божией Матери в Кронштадте – действительно, архитектурная жемчужина Северо-Запада России. До сих пор это единственный действующий храм в городе святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Составители: А.Э. Шеин, А.П. Макарова

Сплетенье судеб,
Разночтенье дат,
Отлитых в бронзе
И воспетых в стали.
Скажи, Кронштадт,
Кем мы сегодня стали,
Три века у морских
Застынув врат?..

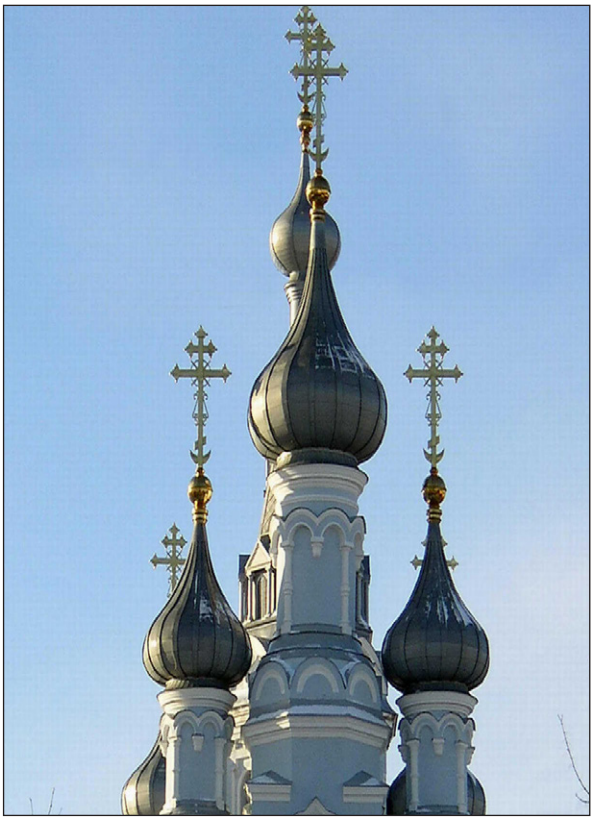
Ты ставил храмы,
Правил паруса
И восставал
На белый свет штыками.
А ныне осеняешь небеса
над Балтикой злачеными крестами.

Воскресни же
Былою мощью вновь,
Святыни возведи
Во славу Божью!
А мы придем,
И к твоему подножью
Положим
Нашу веру и любовь!

Игорь Анатольевич Николаев

Часовня Владимирского собора

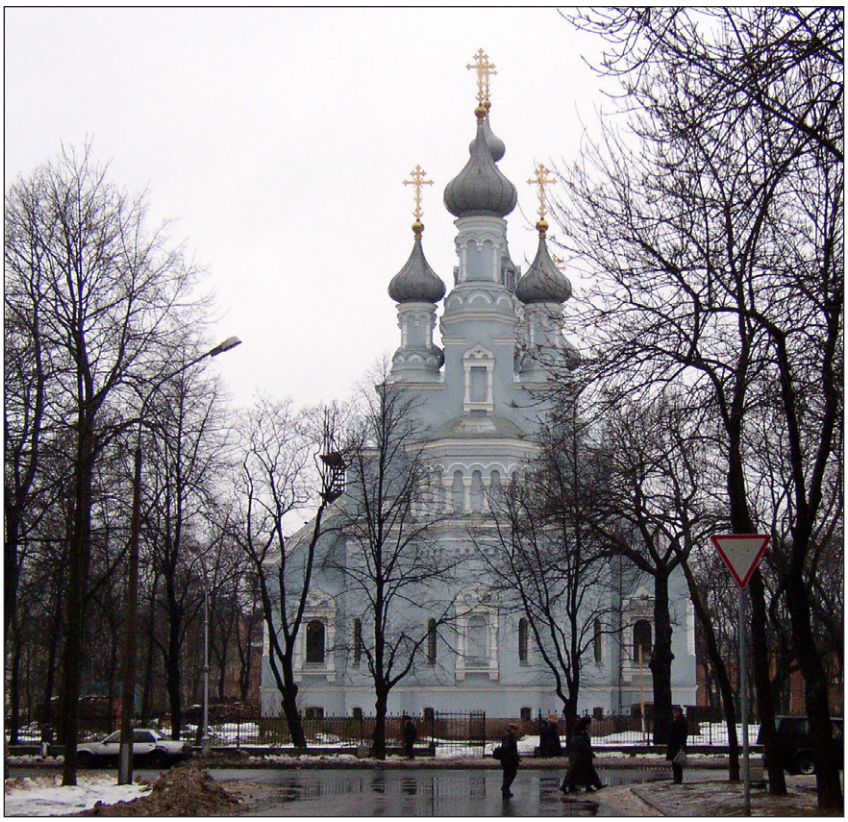
Купола возрожденного собора

Чтимый список Владимирской иконы Божией Матери, происходящий из прежнего собора

Владимирский собор. Вид в перспективе Флотской улицы

Владимирский собор. Интерьер верхнего храма. Иконостас

Протоиерей Святослав Мельник

МОЛИТВАМИ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Благословение на свое новое служение в городе святого праведного Иоанна Кронштадтского я получил от Высокопреосвященнейшего Владимира, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, 1 декабря 1998 года. Хорошо помню свое первое впечатление от приезда в Кронштадт. После пышной красоты Петербургского Никольского собора, где служил до этого момента ключарем, Кронштадтский Владимирский собор явил для меня печальное зрелище – руины без кровли, без крестов, без колокольни и крыльца, с зияющими ранами кирпичной кладки и железными скелетами куполов…

Первая служба в маленьком домовом храме Всех Святых прошла в праздник Введения во Храм Богородицы. Прихожан немного. Обращаюсь к верующим Кронштадта со словами, которые адресовал им Владыка, благословляя меня как настоятеля на восстановление разрушенного собора и возрождение Православия в городе святого праведного Иоанна Кронштадтского:

– Храм должен восстанавливаться руками прихожан, а дело настоятеля – молитва, духовное восстановление…

Так и получилось. Возрождающийся собор объединил многих и многих людей в Кронштадте – разного возраста и разных специальностей – в дружную общину, призванную вернуть Дом Божий к жизни.

Мы вошли в нижний придел «Утоли моя печали» для первого после многолетнего перерыва богослужения, не дожидаясь, когда собор засияет позолотой. Вошли для молитвы, для того, чтобы вдохнуть жизнь в эти стены. Всего за две недели силами прихожан нижний храм был подготовлен к службе. Убрали горы мусора, настелили полы, провели электричество, установили печку-буржуйку, изготовили иконостас, развесили по стенам иконы, и в день памяти святого праведного Иоанна Кронштадтского, 2 января 1999 года, уже служили в соборе. Сводчатые низкие потолки и голая кирпичная кладка вызывали ассоциации с катакомбами первых христиан у каждого сюда входящего, но какими же благодатными, какими теплыми были первые службы в этом храме! Как радовались вместе с нами ангелы-хранители этого святого места, дождавшиеся наших молитв. Как ощущалась, буквально всеми, особая атмосфера этого храма, его необычайная духовная притягательность, намоленность и благодатность. С первых дней богослужений он стал оправдывать свое имя – утолять печали истосковавшихся по храму кронштадтцев. Ну а Пасху 2000 года мы уже служили в верхнем храме – во имя Владимирской иконы Божией Матери.

Знаком, подтверждающим, что Господь с нами, что Он поддерживает и укрепляет нас, помогает и милует, стало чудесное обретение останков матери святого праведного Иоанна Кронштадтского – старицы Феодоры, свершившееся летом того же 1999 года.

Не забывают нас и архипастыри. Живое и благодатное архипастырское благословение не раз звучало под сводами возрождающегося Владимирского и Никольского Морского собора. День памяти святого праведного Иоанна Кронштадтского Высокопреосвященнейший Владимир, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, в 2000, 2001 и 2005 годах праздновал вместе с верующими Кронштадта. Он возглавил благодарственный молебен на воздвижение новосозданного креста на главном куполе Морского собора. На праздновании 300-летия Кронштадта с нами был Высокопреосвященный Константин, архиепископ Тихвинский. Силу этого благословения мы ощущаем постоянно.

Осенью 1999 года Кронштадт посетил мой духовный отец схиархимандрит Алексий (Филозоф), вскоре после этого приезда отошедший ко Господу. Прихожане Владимирского собора до сих пор вспоминают особенную духовную радость и чистоту, мудрость и любовь, исходившие от старца. Помню, как с его благословения на восстановление храма мы начали разбивать «новодел» в нижнем приделе – стены запланированных здесь душевых (ведь в соборе пытались сделать спортивный комплекс для детей!), и с каким воодушевлением и подъемом шли эти работы. Схиархимандрит Алексий благословил также на помощь в восстановлении собора Владимирской иконы Божией Матери в Кронштадте еще одного своего духовного сына – петербуржца, раба Божиего Константина, и сегодня его вклад в святое дело возрождения трудно переоценить. Спаси его Господи!

И, конечно же, самое главное для нас – это молитвы святого праведного Иоанна Кронштадтского: Небесный покровитель Кронштадта всегда с нами, его ходатай-

Кронштадт. Владимирский собор. Алтарная часть

1.

2.

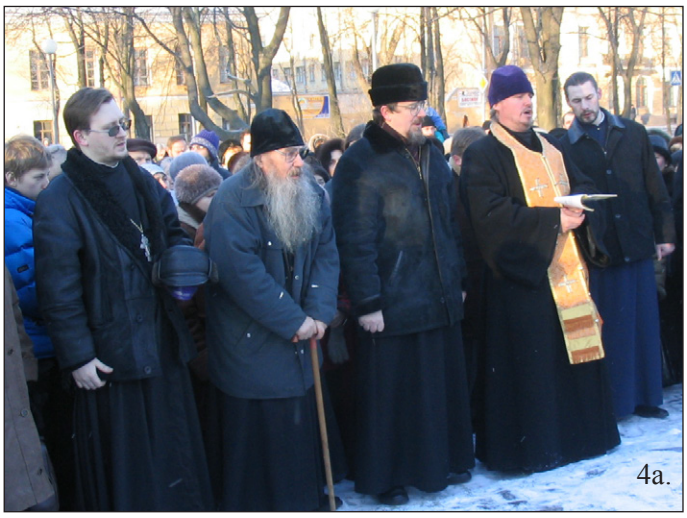
3.

ство и заступничество, его предстательство за нас перед Престолом Божиим мы ощущаем постоянно. Все благие дела во славу Божию в городе святого праведного Иоанна Кронштадтского совершаются по его молитве, с его чудесной помощью и поддержкой, а восстановление храма – особенно. Возрождение храмов – самое главное, что мы можем сделать для памяти батюшки Иоанна в Кронштадте, утверждавшего: «Вне Церкви нет спасения, нет духа Благодати…»

Столь велики были силы зла, обрушившиеся на народную память о всероссийском молитвеннике, что почти 70 лет в городе, где просияла его молитвенная слава, не совершалось Таинство Благодарения, которое он называл Таинством очищения, освящения, просвещения, возрождения, оживотворения человека для жизни вечной. Таинством любви Божественной, Таинством возвеличения, обожения обесчещенного, погибающего во грехах человека. И сегодня, возрождая наш собор – пока единственный действующий храм Кронштадта, мы с верой, любовью и надеждой внимаем словам отца Иоанна: «Нет ничего выше и более Литургии – ни на небе, ни на земле».

Сегодня от недавней разрухи внешне не осталось и следа – храм радует кронштадтцев и гостей города своим нежным небесно-голубым цветом, белоснежной лепниной, особенной легкостью и стройностью архитектурных форм. Нижний придел приведен в порядок силами прихожан. В верхнем – в настоящее время идут внутренние работы. Воссоздаем потолок в его первозданном виде, скоро приступим к росписям… Помоги Господь!

Когда-то, освящая кресты для собора Владимирской иконы Божией Матери, батюшка Иоанн помечтал о большом каменном соборе для моряков, и мечты его через некоторое время сбылись – в Кронштадте был выстроен великолепный Никольский Морской собор. Так и мы сегодня, возрождая Владимирский храм, мечтаем, что за ним молитвами святого праведного Иоанна Кронштадтского, милостию Божией и Пресвятой Богородицы наступит очередь и Морского собора.

4а.

4б.

5.

6.

7.

1. *Панихида по Феодоре Власьевне Сергиевой*
2. *Владимирский собор. Вербное воскресенье*
3. *Пасхальный крестный ход*
4. *а,б. В день памяти св. прав. Иоанна Кронштадтского на месте Андреевского собора*
5. *Крестный ход в праздник святых жен-мироносиц*
6. *Рождественская елка в верхнем храме Владимирского собора*
7. *Вербное воскресенье*
8. *Христос воскресе. Праздник Светлого Христова Воскресения в приходе Владимирского собора*
9. *Рождественский домик-пряник для детей*
10. *В праздник Богоявления Господня. Проскомидия*
11. *Пасха Красная: отверсты Царские врата. Верхний храм*
12. *Праздник Рождества Христова в приходе Владимирского собора. Колядки*

8.

9.

12.

11.

10.

НИКОЛАЕВСКИЙ МОРСКОЙ СОБОР В КРОНШТАДТЕ

Воззвание

КРОНШТАДТ – колыбель русского флота и средоточие морских сил нашего Отечества.

С тех пор, как державною волею ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО основался С.-Петербург, существует и Кронштадтский порт как защита и оплот столицы со стороны моря.

В двухсотлетний период существования Кронштадта много сделано для его укрепления и красоты: не достает только морского храма, который бы своим благолепием соответствовал величию и славе нашего флота. Существующая ныне морская Богоявленская церковь и убога (деревянная), и тесна.

Озабочиваясь религиозными нуждами моряков, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР Всемилостивейше соизволил разрешить повсеместно в Российской Империи сбор пожертвований на сооружение морского собора в гор. Кронштадте.

Новый храм предполагается создать в таком виде, чтобы он служил и местом молитвы для моряков, и был памятником славных деяний русского флота. В будущем соборе, на особых досках, имеется в виду начертать имена всех деятелей, прославившихся боевыми подвигами и оказавших услуги Отечеству на поприще военно-морской службы. Чрез это наглядное изображение на стенах храма истории флота, отшедшим в вечность морякам-героям воздан будет долг благодарной памяти со стороны русского народа, а настоящим и будущим поколениям морских чинов, в поучение и назидание, представлены будут высокие образцы мужества, самоотвержения и любви к родине.

Таким образом будущий морской храм, как памятник деяний нашего флота, должен быть дорог для всякого русского человека.

Комитет по сбору пожертвований на морской храм питает надежду, что все классы русского общества примут участие в деле общегосударственного значения. Особенно же надеется он на сочувствие и отзывчивость моряков, так как предположенный храм – это их гордость и слава.

Обращаясь к усердию русских людей, Комитет вместе с тем просит всех лиц, обладающих знаниями по истории отечественного флота, сообщить ему сведения для соображения и руководства при сооружении Морского собора.

Храм будет строиться на Якорной площади, и условия конкурса на проект его уже объявлены.

Пожертвования могут присылаться или в Кронштадт на имя Председателя Комитета по сбору пожертвований на сооружение морского храма, или вноситься в местные казначейства, по которым сделано уже распоряжение о приеме пожертвованных денег и пересылке их в Кронштадт в распоряжение Комитета.

Председатель Комитета,
Вице-Адмирал ***Н. Казнаков***

Поднятие креста на купол Николаевского Морского собора. 2003 г.

Икона свт. Николая Чудотворца принесена в Морской собор

Мозаичная икона Спаса Нерукотворного, свт. Николая Чудотворца и прп. Иоанна Рыльского на главном фасаде Морского собора

Портал южного фасада собора

Освящение Николаевского Морского собора в присутствии Императора Николая II и Императорской Фамилии. 1913 г.

Ее Императорскому
Высочеству, Государыне,
Великой Княгине
Марии Павловне.

Ваше Императорское Высочество!

С милостивого соизволения Вашего Императорского Высочества, имею утешение представить при сем докладную записку о необходимости построения в г. Кронштадте морского военного Собора.

Из нее Ваше Императорское Высочество, изволите усмотреть вопиющую нужду создания для Кронштадтских моряков нового храма Божиего.

Явите, Государыня Великая Княгиня, высокое и могучее содействие достижению святой цели, к которой целые десятки лет стремились и стремятся христианские души воинов-моряков.

Вашего Императорского Высочества всепреданный слуга и усердный богомолец

1896 г. 5-го Августа ***Протопресвитер Александр Желобовский***

О необходимости постройки военного морского Собора, вместо морской Богоявленской церкви, в г. Кронштадте

Существующая ныне в Кронштадте морская, во имя Богоявления Господня, церковь основана повелением Благочестивейшего Государя Императора Петра Iго. В документах церковного архива значится, что 13 июля 1722 года Император Петр Великий собственноручно написал в городе Астрахани, где он находился по случаю похода в Персию, указ в Адмиралтейскую Коллегию о постройке в городе Кронштадте церкви для «морских и адмиралтейских служителей». При этом сам Государь благоволил указать и место будущего храма на восточной половине Котлина острова, против нынешней средней гавани. Но по неизвестным причинам, к исполнению этой державной воли Петра Iго было приступлено уже после его смерти: храм был заложен в 1728 году, а 24 Мая 1731 года было совершено его освящение. Новоустроенный храм был крестообразной формы, весьма обширный, но с одним престолом во имя Богоявления Господня; сооружен из прекрасного корабельного леса значительной толщины и крепости. Но особенную красоту храма составляла высокая семиярусная колокольня. Она была далеко видна с моря, и днем служила вместо маяка для плавающих судов.

В 1741 году, по ходатайству священнослужителей Богоявленской церкви, в ограде ее было устроено кладбище, где были погребены многие современники и даже сподвижники Императора Петра Великого. Как построенная из дерева, церковь в течение своей более чем вековой истории подвергалась ремонтам и исправлениям неоднократно, а именно: в 1810м, 1821, 1826 и 1829 годах. 24 Мая 1831 года истекло столетие со дня построения Богоявленской церкви, каковое событие торжественным образом было праздновано всем населением г. Кронштадта. После столетнего юбилея храм Богоявления существовал недолго. С каждым годом он приходил в большую и большую ветхость, так что никакие ремонты и исправления не могли на долгое время обеспечить его существование.

В 1840м году случилось серьезное повреждение церкви: 21 Июля на ее колокольне, по ветхости веревок часового механизма, оборвались две свинцовые гири, весом около 25 пудов, и проломили пол. Кроме того, замечено было наклонение всей колокольни к северо-востоку. О таком положении Богоявленской церкви чрез главного Командира Кронштадтского порта, Вице-Адмирала Беллинсгаузена и чрез начальника Главного морского Штаба было доведено до сведения Государя Императора Николая Павловича.

Его Величество 15 Октября 1840 года повелел: Богослужение в церкви прекратить, колокола снять и колокольню разобрать. Во исполнение этой Высочайшей воли Богослужение в Богоявленской церкви чрез месяц было прекращено, хотя самое здание церкви продолжало существовать еще некоторое время: оно разрушено к 5му Декабря 1841г.

Вместо прежней Богоявленской церкви для морских чинов Кронштадта в том же 1841 году была построена новая, во имя Святителя Божия Николая Чудотворца, в здании морского манежа. Но по-

следняя не могла заменить собою вполне прежнюю Богоявленскую: в ней неудобно было отправлять Богослужение ежедневно, так как в будничные дни в морском манеже производилось обыкновенно учение нижних чинов: крики воинской команды и звуки музыки могли препятствовать церковной службе. Поэтому для повседневных служений причту Богоявленской церкви назначена была церковь Св. Александра Невского, находившаяся в старых госпитальных зданиях: последняя была излишня для морского госпиталя, с устройством нового для него помещения, в котором сооружена была и новая домовая церковь. Но в 1844 году Александро-Невская церковь упразднена, по случаю перестройки госпитального флигеля, в котором она помещалась. Таким образом, в ведении Богоявленского причта осталась одна только церковь Св. Николая Чудотворца при морском манеже. В Июне месяце 1847 года и эта последняя была закрыта, по случаю капитального переустройства здания морского манежа; возобновилось в ней Богослужение только в Марте месяце 1851 года. Чтобы не оставить моряков без храма Божия и не лишить их совершенно участия в церковной службе, Кронштадтским морским Начальством в том же 1847 году приобретен был частный дом для помещения Богоявленской церкви. Дом этот находился на углу Осокиной площади и Екатерининской улицы и принадлежал Капитану Фон-Дезину. Деревянный, одноэтажный и низкий дом переделан и приспособлен был для помещения морской церкви. Несмотря на тесноту и убожество помещения, Богоявленская церковь находилась в доме Фон-Дезина в течение 15-ти лет: с 1847 по 1862 год. К этому последнему году была построена новая деревянная церковь, также во имя Богоявления Господня, вблизи старинного Петровского храма, которая существует и до настоящего времени и служит местом молитвы Кронштадтских моряков.

Но справедливость требует сказать, что эта временная деревянная церковь как по своему внешнему убогому виду, так и по внутренней простоте и малопоместительности, нисколько не отвечает своему назначению — быть храмом для морских чинов Кронштадта. В наше время деревянные церкви и в сельских приходах становятся редкостию и всё более и более заменяются каменными храмами. Между тем город Кронштадт — первоклассный порт и стоит в виду Петербурга, и на самой западной границе русского царства; это — самый первый пункт нашего отечества, на который прежде всего обращаются взоры иностранцев, прибывающих в Россию со стороны моря. Естественно, что всё русское: порядки, здания и учреждения и проч. вызывают здесь в иностранцах любопытство и обращают на себя особенное внимание. Какое же впечатление может производить на них вид убогой Богоявленской церкви? Думается, что далеко не в пользу православия и его господствующего положения в нашем Отечестве. Такое неблагоприятное впечатление тем более естественно, что рядом с Богоявленскою церковию находятся два каменных вполне благоприятных храма инославных исповеданий. Особенно выделяется по своей грандиозной архитектуре лютеранская шведская церковь: конический шпиц ее высоко поднимается к небу и виден на далекое расстояние с моря. На тяжелые думы наводит русского человека сравнение этой кирки с рядом стоящею православною Богоявленскою церковию: два купола этой маленькой деревянной церкви едва-едва возвышаются над вершинами тощих, низкорослых деревьев ближайшего парка...

При своем внешнем непривлекательном виде церковь поражает и внутренним неудобством и особенно теснотою и малопоместительностию. Вот что говорит об этом специальная комиссия техников, свидетельствовавшая означенную церковь 15 Сентября 1883 года. «Будучи временною постройкою, храм этот по расположению и размерам своим, нисколько не отвечает условиям морского Собора для команд Балтийского флота. Пространство, предназначенное для молящихся, включая здесь и хоры, равняется 65ти квадр. саженям и может вместить только 975 человек; между тем число одних только нижних морских чинов простирается до 10 тысяч человек, кроме их семейств и обывателей из 15ти улиц, прилежащих к этой церкви. При таком переполнении теснота и духота в церкви бывает невыносима. Значительная часть молящихся должна оставаться на паперти и даже на улице; причем, кроме того, что не видят и не слышат Богослужения, но зимою и в дождливое время подвергаются непогоде и простуде». Нужно к этому прибавить, что вследствие тесноты церкви нижние чины флота, кроме дней говения, совсем не бывают при Богослужении в этой церкви.

Для морских чинов, кроме храма Богоявления, существует с 1841 года еще другая церковь — во имя Св. Николая Чудотворца в морском манеже. Последняя несколько удобнее и поместительнее первой, но и она весьма недостаточна по своим размерам и не может вместить в себя всех чинов флота. Во время Богослужения последние обыкновенно помещаются в самом манеже и слушают его чрез трое открытых в церковь дверей. Понятно, что при громадности манежа и при многочисленности морских команд, Богослужение бывает видно и слышно только первым рядам матросов; для

громадного же большинства священные песнопения службы доносятся как непонятные отрывочные звуки, а слова молитв, апостольских чтений и Евангелия положительно не слышны. Поэтому-то без преувеличения можно сказать, что нижние морские чины, хотя они и аккуратно приходят в манеж во все праздничные и воскресные дни для слушания литургии, только присутствуют при Богослужении, но не видят и не слышат его. Такой порядок участия матросов в Богослужении продолжается вот уже в течение более пятидесяти лет: во все это время православные воины остаются без влияния священной службы и храма Божия. Устранение от Богослужения Христолюбивого воинства особенно нежелательно. В церковной службе встречаются упоминания как о важности и святости воинского звания, так и содержатся утешения в его многотрудном подвиге. Да и вообще Богослужение питает и поддерживает в человеке религиозно-нравственное чувство, а это последнее есть самое надежное основание воинского долга и христианской преданности Царю и Отечеству.

Кронштадтское морское Начальство всегда сознавало существенную нужду в устройстве новой каменной церкви для чинов Балтийского флота и неоднократно ходатайствовало пред Морским Министерством об этом. Вопрос о новом, более обширном и удобном храме возник еще при существовании прежней Богоявленской церкви. По поводу заявления священнослужителей о ее ветхости, поданного 5 Августа 1829 года главному Командиру Кронштадтского Порта П.М. Рожнову, поручено было сначала архитектору Акутину, а потом особой Комиссии морских инженеров подробно и тщательно осмотреть церковь. Комиссия нашла, что поддержать исправлениями старую Богоявленскую церковь нет никакой возможности и полагала необходимым устроить новую каменную, трехпрестольную, или даже две церкви, которые бы вмещали в себе по 5000 каждая. Вследствие доклада комиссии и просьбы Вице-Адмирала Рожнова, обер-священник Г.И. Мансветов 13 Мая 1830 года обратился с особенным ходатайством о построении новой церкви в г. Кронштадте к Начальнику Главного Морского Штаба, Князю Александру Сергеевичу Меньшикову. При этом обер-священник указывал на историческую древность Богоявленской церкви, основание ее Императором Петром Великим, а также на «то обстоятельство, придающее ей особенное величие, что в ней отправляются празднества двух великих происшествий, покрывших незабвенною славою наше отечество, и особенно российский флот, именно:

1. по случаю истребления Турецкого флота при Чесме, в царствование Екатерины II, 1770 года, Июня 24 дня, в день рождества Крестителя Господня Иоанна; и

2. по случаю истребления Турецко-Египетского флота при Наварине, при Государе Императоре Николае Первом».

Обер-священник Мансветов предполагал «новый храм устроить во имя Преображения Господня, а из двух приделов, один в честь рождества Предтечи и Крестителя Иоанна, которое празднуется Церковию 24 Июня, в день истребления Турецкого флота при Чесме, а другой — во славу Пресвятой Богородицы Одигитрии или Путеводительницы, коей икона примечена на водах и принята на корабль «Гангут» во время жестокой битвы при Наварине, и поставив сию икону местною, отправлять в присутствии флотских чинов благодарственное молебствие Спасителю и Божией Матери, как и ныне, именно: в восьмой день Октября, как в день славной битвы и ее обретения». Наконец Обер-Священник выражал мнение, чтобы «вновь сооруженной церкви дать наименование морского Богоявленского Собора, поставив оный на степень первенствующей в Кронштадте церкви, с приличным по числу морских команд причтом и окладом оному жалованья». Но это ходатайство Обер-Священника осталось без последствий, по причине неимения в Морском Министерстве суммы, потребной на устройство церкви. Управляющий Морским Министерством ходатайство Обер-Священника препроводил на усмотрение Святейшего Синода. Святейший Синод отвечал, что он «признает построение новой в Кронштадте церкви нужным, но суммы на сей предмет в своем распоряжении не имеет».

В 1835 году, вследствие заявления Кронштадтского полицеймейстера о ветхости Богоявленской церкви и об опасности отправления в ней Богослужения, означенная церковь вновь была освидетельствована особою Комиссиею. Последняя пришла к тому мнению, что необходимо вместо существующей деревянной построить новую каменную церковь. Комитет по устройству города Кронштадта 4 Июня 1835 года препроводит это Заключение комиссии на усмотрение Главного Начальника Морского Штаба. Но какой ответ был со стороны последнего на этот доклад комиссии — не известно.

В 1880 году опять возбужден был вопрос о постройке новой морской церкви в Кронштадте по следующему поводу. В ограде бывшей Богоявленской церкви предположено было построить дом для причта Кронштадтского морского Госпиталя но строительное отделение морского технического

Комитета не разрешило постройку дома на указанной местности «в виду имеющегося при отделении Комитета Высочайше утвержденного 26 Января 1849 года проекта на постройку новой каменной церкви Богоявления Господня на месте бывшей деревянной, как показано на генеральном плане карандашом собственною рукою блаженной памяти Государя Императора Николая I№ 5 Декабря 1851 года».

Главный Командир Кронштадтского Порта Генерал-Адъютант Козакевич приказал собрать необходимые справки о церкви и 28 Февраля 1880 г. обратился к Управляющему Морским Министерством с особым докладом по этому поводу. В своем докладе Генерал Козакевич между прочим отмечал недостаток православных церквей в г. Кронштадте, указывал на тесноту и малопоместительность временной Богоявленской церкви, а также на невозможность для всех чинов флота присутствовать и ясно слышать Богослужение в церкви Св. Николая Чудотворца в морском манеже. При этом он предполагал употребить на постройку новой церкви наличные церковные суммы до 30 тысяч рублей, а также деньги, имеющие получиться от продажи разного, накопившегося в Кронштадтском Порте, ненужного металла, старых судов и медных орудий. Здесь кстати заметить, что этот источник средств и в настоящее время мог бы быть употреблен на постройку новой морской церкви. В дополнение к своему докладу Генерал Козакевич 3№ Октября 1880 года просил управляющего Морским Министерством исходатайствовать Высочайшее разрешение на обращение в пользу новой морской церкви тех сумм, которые имели быть вырученными от предположенной продажи корабля «Ретвизан» (в количестве 56,500 рублей.)

Несмотря на безуспешность этих докладов, Генерал Козакевич еще два раза возобновлял свое ходатайство пред Морским Министерством о постройке новой церкви в Кронштадте: 22 Декабря 1880 года и 12 Октября 1883 года. Наконец, 26 Января 1885 года бывший Главный Командир Кронштадтского Порта, Вице-Адмирал С.П. Шварц, вполне сознавая великую потребность для моряков в храме Божием, также обращался с докладом к управляющему Морским Министерством по этому поводу. В своем докладе Его Превосходительство просил высшее морское Начальство «признать постройку каменного вместительного Собора в Кронштадте для морских команд неотложной и приступить к ней в возможно скором времени», в виду того, что ныне существующие морские церкви, как деревянные и давно построенные, в скором времени могут придти в ветхость, и флот остается без церкви, в безвыходном положении.

Из всего сказанного справедливо можно сделать следующие два вывода:

1. построение нового морского Собора в г. Кронштадте тесно связано с дорогим для всякого русского человека воспоминанием о Великом Преобразователе России, Императоре Петре Первом; а славное имя этого Государя и в грядущих поколениях Русского народа должно быть поддерживаемо и сохраняемо соотвествующим его великим деяниям памятником на месте его первых и особенных трудов и забот о благе России, каковым памятником и прилично быть храму Божию;

2. нужда в новой, более обширной и поместительной церкви для морских чинов Кронштадтского Порта весьма давняя и самая существенная и необходимая, о чем свидетельствуют неоднократные и настойчивые ходатайства главных Командиров Кронштадтского Порта пред Морским Министерством.

Протопресвитер Военного и Морского Духовенства

Августа 5№ 1896 г. ***Александр Желобовский***

Главный командир
Кронштадтского порта
По штабу

13 Октября 1896 года
№ 1716

Его Превосходительству
Г. Управляющему Морским
Министерством

Начальник Главного Управления Кораблестроения и Снабжений отношением от 21 Сентября № 14092 сообщил мне, что Ваше Превосходительство, признавая настоятельную необходимость иметь в Кронштадте Морской Собор, поручаете мне представить Вашему Превосходительству 1) соображения свои и те условия для конкурса на проект собора, коим должен удовлетворять будущий храм и 2) доставить план местности, в масштабе, с обозначением того пространства, где должен стоять собор.

Во исполнение приказания Вашего Превосходительства имею честь представить при сем докладную записку свою, в коей вместе с историческою справкою, ясно рисующею безутешное положение наших нижних чинов в религиозном отношении, приводятся и соображения мои о способе исполнения этого благого начинания.

Вместе с запискою представляю и план местности с обозначением расположения Собора, а равно и пояснительную записку составленную при Инженер-Строительной Части порта.

Вице-Адмирал ***Казнаков***

В Кронштадте - этом гнезде Русского флота, в котором волею Великого его создателя Петра засеменилась, выросла и окрепла семья русских моряков, по сих пор нет храма, который, члены этой семьи, могли бы назвать своим храмом, в котором совершались бы все общие религиозные акты и на стенах которого, члены этой семьи, могли бы читать историю дорогого для них флота.

Подобные храмы, принадлежащие разным частям русской армии, встречаются повсюду и везде служат гордостью и святыней для своих полковых прихожан.

В Кронштадте до сих пор нет ничего подобного.

Историческая справка

В 1722 году (13 Июля) Петр Великий, среди всех других забот о России и занятый персидским походом, делает распоряжение о постройке храма в Кронштадте «для морских и адмиралтейских служителей» и при том повелел посвятить его во имя Богоявления Господня, указав и место для этой церкви, вблизи двух своих любимых дубов, где он любил проводить вечера, любуясь морским видом на нынешний Восточный рейд.

К исполнению державной воли Петра было приступлено однако только после его смерти, а именно в 1728 году.

19 Июля этого года, Адмиралтейств-Коллегия отношением на имя Главного Командира Кронштадтского порта Адмирала Гордона, приглашала всех морского флота обер- и унтер-офицеров, матросов и рядовых к пожертвованию на украшение церкви. На это приглашение последовали донесения Командиров Кораблей, в которых заявлялось о единодушном согласии всех флотских чинов на вычет по копейке с рубля в пользу строящейся церкви. Начатая в 1728 году, церковь эта была освящена 24 Мая 1731 года.

В 1831 году была отпразднована годовщина столетия храма Богоявления. Государь Император Николай I повелел отпраздновать этот день особенно торжественно, и весь флот, бывший на Кронштадтском рейде, принимал участие в церковном празднестве столетия своего исторического храма.

Через десять лет после того, в 1841 году, имея в виду ветхость этого храма, последовало Высочайшее повеление, «здание церкви снести и площадь очистить».

Вместо Богоявленской церкви в том же 1841 году была освящена церковь во имя Николая Чудотворца при морском манеже, но Богослужение в ней невозможно было совершать ежедневно, а только в праздничные дни, так как в манеже производились постоянно ученья нижних чинов, и крики воинской команды, и звуки музыки препятствовали церковной службе.

Ввиду этого, в ведение Богоявленского причта была отдана госпитальная церковь, помещавшаяся тогда в 5-м офицерском флигеле на Павловской улице где она занимала сначала одну казарму. В здании этом церковь помещалась до 1844 года, когда по случаю перестройки 5-го служительского флигеля, она была упразднена и закрыта, ризница же, утварь и другие церковные вещи были перенесены в церковь Николая Чудотворца при манеже, а часть отдана на хранение в магазины порта.

В Июне 1847 года и манежная церковь закрылась по случаю ремонта, и Богослужение в ней возобновилось только в Марте 1851 года.

Чтобы не оставить морских чинов без храма Божия и не лишить их совсем участия в церковных службах, Кронштадтским морским начальством был приобретен в том же 1847 году частный дом для помещения Богоявленской церкви. Дом этот находился на углу Осокиной площади и малой Екатерининской улицы и составлял собственность Капитана Фон-Дезина. Иконостас и престол были поставлены из прежнего госпитального храма и церковь эта, несмотря на все свое убожество и тесноту, просуществовала 15 лет, до 1862 года.

Ввиду ветхости дома Фон-Дезина, еще в 1861 году по ходатайству Главного Командира Вице-Адмирала Новосильского Его Императорское Высочество Великий Князь Генерал-Адмирал Константин Николаевич, испросил Высочайшее соизволение на постройку временной морской церкви во имя Богоявления Господня, которая и была освящена 23 Сентября 1862 года, и служит до настоящего времени.

Такова плачевная история военно-морского храма в Кронштадте, прихожане которого, офицеры и нижние чины в числе до 10 тыс. человек, по сих пор довольствовались временною церковью едва вмещающею, считая даже хоры, всего около 900 человек, полагая по 14 человек на квадратную сажень.

Вследствие тесноты храма по праздничным дням недостаток воздуха в нем бывает до того чувствителен, что от того страдают как священнослужители, так и прихожане. По этой причине нижние чины, для которых собственно и существует храм, исключая дней говения, почти вовсе не посещают его.

Другая причина отсутствия чинов флота в храме Богоявления Господня заключается в том, что жилища их передвинулись и расположились ныне ближе к главным улицам города, где находятся дома Главного Командира, адмиралтейств, учреждения порта, офицерские флигеля и казармы нижних чинов, так что церковь Богоявления Господня, расположенная в восточной части города, на так называемой горе, посещается ныне только горожанами и семействами портовых мастеровых и рабочих. Все церковно-морские празднества, торжественные дни, соединенные с церковными парадами, выносом знаменных флагов, принесение присяги, говение, пасхальные службы, - все это совершается в настоящее время в Никольском храме при манеже, как расположенном центрально в том районе, в котором время, условия жизни и службы сосредоточили почти все морское население.

К сожалению, однако, помещение это осталось по-прежнему только манежем, а никак не церковью. Не говоря уже о том, что церковная служба в этой церкви возможна только по праздникам, так как в будние дни, в манеже бывают ежедневные занятия как строевые, так и гимнастические, но и во время церковных служб, нижние чины размещаются не в самой церкви, по тесноте ее, а в манеже, соединенном с церковью тремя обыкновенными дверями, откуда не могут не только видеть, но даже расслышать ни единого слова.

И этот беспримерный порядок слышания нижними чинами флота слова Божия практикуется постоянно с 1862 года.

Нижние чины сухопутного ведомства, число коих гораздо менее, имеют прекрасный храм и, кроме того, церковь при манеже.

В делах о морской церкви и о построении собора в Кронштадте находятся донесения всех Главных Командиров, начиная с Адмирала Рожнова: В особенности в последних донесениях Генерал-Адъютанта Казакевича и Вице-Адмирала Шварца положительно говорится, что участие нижних чинов в Богослужении в манежной церкви, только номинальное, что нижние чины по наряду приводятся в церковь, но в действительности они совершенно отчуждены от совершаемого в ней Богослужения. Факт этот имеет тем большее значение, что, это отчуждение от церкви морских нижних чинов совершается в течение всей их действительной службы и продолжается уже несколько десятилетий.

Таким образом, к грустной истории о морском храме в Кронштадте* присоединяется столь же безутешное описание настоящего положения дела.

Представляя записку эту на благоусмотрение Вашего Превосходительства, я считаю своим долгом высказать Вам свои соображения о постройке нового морского храма.

Предположения о постройке нового храма

Мне кажется, что храм этот должен быть вместе с тем и памятником чинов флота, чтобы, входя в него, они не только слышали слово Божие, но и читали на стенах его всю историю флота, имена всех деятелей покрывших себя славою, принесших пользу родине, к какому бы роду службы во флоте (Штурмана, Артиллеристы, Механики) ни принадлежали, начиная с создателя флота и Кронштадта — Великого Петра.

Моя мысль состоит в том, чтобы этот храм-памятник, в коем будет ежедневно приноситься искупительная бескровная жертва, служил бы вместе с тем связующим звеном прошедшего, настоящего и будущего русского флота, вечным свидетелем их трудов, знаний, подвигов, послуживших к славе родины и флота.

Руководствуясь этим, я позволю себе высказать следующие свои соображения о тех условиях, которым должен удовлетворять предполагаемый храм.

1) Единственным местом для постройки его остается в настоящее время так называемая Якорная площадь против Докового Адмиралтейства, которая по размерам своим 90 сажен в длину и 80 сажен в ширину представляет достаточно простора для собора с площадью и сквером вокруг.

Существующий ныне временный Богоявленский храм был построен в северо-западном углу ограды старой Богоявленской церкви** в тех видах, чтобы он не препятствовал в будущем сооружению каменного собора на месте Петровского храма.

В настоящее время место это, вошедшее в парк при Николаевском Госпитале и занятое Госпитальным дровяным складом частию тоже занято бараком для больных, и стеснено частными домами, которые пришлось бы скупать для того, чтобы увеличить площадь вокруг Собора. Вдобавок это было бы совершенно рядом с существующею Богоявленскою церковью и церковью в Николаевском Госпитале.

Якорная площадь, с своей стороны, представляет то удобство, что она совершенно свободна, расположена центрально между флигелями на Павловской и Екатерининской улицах и губернскими флигелями на Петровской улице и на столько просторна, что дает возможность устроить парк вокруг и иметь площадь для церковных парадов.

Близлежащая Николаевская церковь при манеже с освящением нового соборного храма должна быть закрыта, так как теряет уже значение.

2) Новый храм должен быть построен не менее как на четыре или пять тысяч человек, рассчитывая, что с уходом судов в Либаву, в Кронштадте никогда не будет оставаться менее шести экипажей.

3) Храм должен быть поднят на столько, чтобы не мог страдать от возвышений воды. Поэтому он должен быть без подвалов, на сплошном фундаменте, поднятом на несколько футов над грунтом.

4) Высота купола и колокольни его должна быть такова, чтобы они могли служить приметными точками с моря и, чтобы крест морского храма был первым предметом бросающимся в глаза мореплавателю.

5) На стенах его, вокруг всего храма, не должно быть других украшений кроме черных мраморных досок с именами всех деятелей флота и корпусов, принесшим пользу родному флоту и науке, как на военном, так и на мирном поприще. Вместе с именами славных героев, принимавших участие в сражениях, тут же должны быть помещены и имена погибших при исполнении своих обязанностей («Ингерманланд», «Фешампенуаз», «Лефорт», «Опричник», «Русалка», и мн. др.)

6) В этом же храме могут быть сосредоточены трофеи морских побед, удобные для помещения в церкви и не дарованные в другие места, сохранившиеся знаменные флаги экипажей (хранящиеся ныне в Арсенале), иконы, как воздвигаемые в память погибших судов (Корабля «Лефорт»), так и пожертвованные в экипажи или на суда.

Последние должны храниться в особой ризнице при храме с означением какому кораблю или экипажу принадлежали и. т. п.

7) Для ускорения постройки я предполагал бы уместным испросить Высочайшее Государя Императора соизволение на открытие общей подписки на построение храма в полной уверенности,

что как в 1728 году, так и ныне, чины флота отнесутся к этой мысли, давно наболевшей в их сердцах, с не меньшим сочувствием.

8) Разработку деталей, сбор пожертвований, собрание всех исторических сведений для внесения на скрижали храма, объявление и рассмотрение конкурса, представление на утверждение планов и наблюдение за постройкою я полагал бы по примеру Варшавского собора поручить ведению особой Комиссии.

Этот храм-памятник должен быть посвящен во имя Св. Николая Чудотворца, как покровителя моряков.

13 Октября 1896 г. Вице-Адмирал **Казнаков**

По Кронштадтскому порту.

Пояснительная записка к проекту Военно-Морского собора в г. Кронштадте, на Якорной площади

8 Октября 1896г.

Собор проектирован на 5000 человек при расчете 16 человек на квадр. сажень площади, занимаемой молящимися. Кроме трех приделов при соборе имеется помещение для хранения дареных экипажам образов, ризница и закрытая галерея для крестного хода. Стены собора будут облицованы до высоты 2–2 1/2 арш. мраморными досками, на которых может быть изложена история Балтийского флота. Для увеличения полезной площади собора проектированы хоры с двумя ведущими к ним лестницами.

Местность, на которой предполагается построить собор, довольно низкая, почему необходимо ее возвысить – в среднем на 2 арш. Ординар грунтовых вод ниже верхней поверхности кордона обводного канала на 1,6 саж. Грунт наносный. Подвалы проектированы только для постановки котлов центрального отопления и вентиляционных батарей, под остальную же часть собора делать подвалов не предположено.

Количество необходимых материалов для основания и фундаментов следующие:

Плиты бутовой отборной куб. саж. 2000
Бревен сосновых, на сваи, длин. 40 толщ. 7 верш. шт. 17000
Цемента портландского бочек 19000
Песка кварцевого, куб. саж. 500

Выше определенное количество материалов для фундаментов приблизительное, так как точное количество может быть определено лишь по окончательной разработке проекта.

Подписали: ***Гражд. Инженер Вл. Шаверновский и Инж. Полковник Стессель***

Верно: Делопроизводитель Меркулов

---

* Историческая часть записки извлечена из сочинения Священника И.Морева «Кронштадтская морская Богоявленская церковь» исторический очерк из Вестника Военного Духовенства 1892 года, №№. 14, 15 и 17.

** Стоявшей, как видно из вышеприведенной исторической справки, на месте указанном Петром Великим.

ПРОТОПРОСВИТЕР
ВОЕННОГО И МОРСКОГО
ДУХОВЕНСТВА
18 Ноября 1896 года
№ 12968
С.-ПЕТЕРБУРГ.
Воскресенский просп., № 18.

Его Превосходительству, В.П. Верховскому,
Г. Начальнику Главного Управления
Кораблестроения и снабжений.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Владимир Павлович!

В ответ на письмо Вашего Превосходительства от 21 Сентября сего года за № 14086 имею честь сообщить свои соображения по делу об устройстве морского военного Собора в г. Кронштадте. При сооружении будущего морского храма, в его внешнем и внутреннем виде, по моему мнению, полезно было бы принять во внимание следующие условия:

1. Лучшим местом для храма может служить восточная часть г. Кронштадта, в которой находится и нынешняя морская Богоявленская церковь. Эта местность изстари отмечена особенным вниманием морского населения Кронштадтского порта, благодаря связанным с нею священным воспоминаниям о гениальной личности и великих деяниях Преобразователя России и Основателя русского флота, Императора Петра Первого.

Из истории морского храма в Кронштадте известно, что место для него, вблизи ныне существующей Богоявленской церкви, было избрано и указано самим Императором Петром Великим в 1722 году.

Кроме исторических данных в пользу указанной местности служит и то основание, что в этой части города Кронштадта нет ни одной православной приходской церкви (кроме Богоявленской); между тем, здесь расположено до десяти городских улиц, большая часть обитателей которых принадлежит к служащим во флоте. Грунт земли, на котором стоит нынешняя Богоявленская церковь, по отзывам людей опытных, сухой и песчаный, возведение на нем фундамента для будущего морского Собора не встретит здесь особенных технических затруднений и материальных затрат. Предположив, что для будущего морского храма отведена будет вся близ лежащая не застроенная зданиями площадь, находящаяся по восточную и северную сторону Богоявленской церкви, можно думать, что указанная местность и по размерам своим будет вполне пригодна для данной цели - устройства на ней морского Собора,

2. Наружный вид храма должен соответствовать и величию нашего флота и положению г. Кронштадта, как передового поста русской Земли, на который прежде всего обращаются взоры иностранцев, прибывающих к нам со стороны моря. Храм этот, ведущий историю от времен Императора Петра Великого, должен быть достойным памятником Его Царственных трудов на пользу русского флота и на благо нашего Отечества. Поэтому желательно, чтобы он был величественный и благолепный. Здесь не излишне отметить одну особенность во внешнем виде старинной Богоявленской церкви в Кронштадте, устроенной повелением Императора Петра I[го]. Особенную красоту и величие этой церкви придавала высокая семиярусная колокольня, оканчивавшаяся высоким шпицем с золотым крестом. Она была видна далеко со всех сторон моря и служила днем вместо маяка для плавающих судов;

3. Храм должен быть таких размеров, чтобы в нем могло поместиться от 4000 до 5000 человек;

4. В зависимости от внешних размеров храма должно быть поставлено и число куполов на нем;

5. Желательно, чтобы в храме сооружено было три алтаря, соответственно обычным нуждам - для служения ранних, поздних и нарочитых (или заказных) литургий;

6. Внутреннее устройство храма должно быть соображено с его назначением - служить местом молитвы для морских чинов. Поэтому желательно, чтобы обстановка храма с одной стороны говорила уму и сердцу молящегося о Боге Вседержителе, и Его силе и власти над водною стихиею, а с другой — возбуждала бы в моряках чувство истинного патриотизма и горячей любви к воинскому долгу, напоминая им о славе и мощи русского флота. Первой цели должна служить стенная живопись храма; самыми лучшими сюжетами для нее могут служить такие евангельские события, как: укрощение Господом бури на Галилейском озере (Мф. 8, 23-27); хождение Иисуса Христа по водам,

спасение Им утопающего Апостола Петра (Мф. 14, 23-33); проповедь Спасителя к народу, говоренная на море из рыбачей лодки и под. (Лк. 5, 1-3).

Вторая цель может быть достигнута украшением храма различными вещественными памятниками, свидетельствующими о доблестных подвигах русских моряков. Так, в стенах храма могут быть вделаны мраморные доски с именами почивших отечественных героев, прославившихся на поприще военно-морской службы, а также с обозначением погибших при исполнении своих обязанностей судов русского флота. Кроме того, могут быть собраны в будущем морском соборе и устроены на приличных местах трофеи морских побед, сохранившиеся издавна знамена экипажей, а также иконы, сооруженные в память погибших судов, или пожертвованные по особым случаям в морские команды или на корабли. Разумеется, украшение храма различными памятниками по истории русского флота может быть допустимо настолько, насколько оно не будет служить ущербом для его главнейшего назначения - служить местом молитвы и возношения ума и сердца человека к небу и Богу.

7. При храме должны быть устроены особые помещения - сухие и, по возможности, светлые - для церковной ризницы, архива и библиотеки. Для жительства сторожей желательно было бы иметь отдельное небольшое помещение вблизи храма.

8. Если позволят размеры отводимой под устройство морского собора площади, было бы желательно разбить парк кругом его.

9. Новый морской Собор прилично было бы наименовать Николаевским, посвятив главный придел его имени великого покровителя моряков - святителя Николая Мирликийского Чудотворца. А из других двух его престолов один устроить в честь рождества Предтечи и Крестителя Иоанна, празднуемого Церковию 24 Июня, в день истребления Турецкого флота при Чесме /1770 г. 24 Июня/, а другой - во славу Пресвятой Богородицы Одигитрии, икона которой была примечена на водах и принята на корабль «Гангут» во время жестокой морской битвы при Наварине /8 Окт. 1827 г./.

10. Наконец, позволяю себе высказать, что в Комитет по сооружению будущего морского собора в Кронштадте не излишне было бы назначить о. Настоятеля Богоявленской церкви, Протоиерея Владимира Краснопольского, - пастыря, при высоком образовании, более двадцати лет служащего в Кронштадте.

С отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства усердным Богомольцем и преданным слугою

Протопресвитер Александр Желобовский

О начале строительства Морского собора – храма-памятника истории флота в Кронштадте

История регулярного военного флота России есть одна из важнейших частей истории Российской Империи XVIII–XIX веков.

Создавая и развивая морской флот, Россия восстанавливала и устанавливала естественные рубежи государства, создавала надежную оборону своей новой европейской столицы, осваивала не только прилежащие, но и дальние моря и океаны, превращаясь из государства сухопутного в державу морскую мирового величия. В этом состояла государствообразующая и государствоукрепляющая роль военного флота России. Этому был посвящен построенный в начале XX века грандиозный Морской собор в Кронштадте, на 150 мраморных памятных досках которого увековечено было в исторических текстах 200-летнее служение флота Отечеству.

Но всего через полтора десятка лет после освящения собор был закрыт и разорен как церковь, а как храм-памятник истории флота – уничтожен.

Теперь, после эпохи антирелигиозной агрессивности и высокомерного пренебрежения к исторической памяти, собору предстоит возрождение и к повседневной молитвенной церковной жизни, и к мемориальному назначению – служить связи времен.

Начало возрождению положила Балтийская Строительная компания, изготовив и установив безвозмездно в октябре 24-го дня 2002 года на куполе собора главный крест, с воздвижением которого собор обрел облик православного храма. Каковым храмом и прилично быть памятнику деяний флота на благо России. Ибо православным исповеданием, мышлением и самосознанием творилось морскими чинами от мала до велика служение своему Отечеству.

Подвигло же БСК на сей созидательный шаг – понимание исторического значения Военно-Морского флота, симпатия к морякам и воля главы компании Игоря Александровича Найвальта.

В прямой связи с этим, думается, пришло время вспомнить когда, чьим помыслом и волей было предпринято сооружение Морского собора в Кронштадте, строения, равного которому по величию и художественному уровню не создавалось в России за много десятилетий после 1913 года.

В продолжение всего XIX века Главные командиры Кронштадтского порта и военное духовенство не раз ставили перед Морским министерством и Священным Синодом вопрос о недостаточности церковных помещений для православных морских служителей Кронштадта, главной базы военного флота России. Но только в год 200-летия Российского флота и в преддверии 300-летия царствующего Дома Романовых настойчивые ходатайства правящего духовенства и морского начальства Кронштадта об улучшении духовного окормления моряков, были услышаны в «высших» сферах, приняты во внимание и получили положительное разрешение.

Три письма, ставших основополагающими документами для строительства военного Морского собора в Кронштадте, хранятся в Российском государственном архиве Военно-Морского флота – Петербург, Фонд 427, оп.3, д.177 (л.19, 20-27; л.7, 28-34, 9; л.35-37):

Письмо первое от 5 августа 1896 г.
Протопресвитер Военного и Морского Духовенства Александр Желобовский,
Великой Княгини Марии Павловне.

10 августа 1896 г., через пять дней после подачи письма, на нем появилась резолюция Управляющего Морским Министерством вице-адмирала П.П. Тыртова:

«Главному Управлению Кораблестроения и Снабжений.

Получено от Его Высочества Великого Князя Генерал-Адмирала.

Желал бы знать имеем ли какие-нибудь указания какая же сумма на это нужна. Вряд ли можно задаваться идеей постройки каменного Морского собора на 10.000 человек, как указывается в записке. По словам Его Высочества этот вопрос давно возбуждался, но за недостатком средств не мог получить удовлетворительного разрешения.

На какие средства строится церковь в Галерной гавани?

Прошу Начальника Г.У.К. и С. (вице-адмирала Верховского В.П.) по возвращении ознакомиться и доложить.

***П. Тыртов**, 10/VIII-96»*

Ниже резолюция В.П. Верховского:

«Управляющий Морским Министерством приказал сделать все распоряжения для объявления конкурса на постройку храма

Верховский, 20 сент.»

«Бумаги направлены. 21 сент. В.»

Т. е. 21 сентября 1896 г. из Г.У.К. и С. направлены запросы о предложениях:

Протопресвитеру А.А. Желобовскому, № 14086 от 21 сент. и

Главному Командиру Кронштадского Порта, Военному губернатору Кронштадта вице-адмиралу Н.И. Казнакову, № 14092 от 21 сент.

Письмо второе *(ответ на запрос),* № 7116 от 13 октября 1896 г.
Вице-адмирал Казнаков,
Господину Управляющему Морским Министерством.

Резолюция вице-адмирала П.П. Тыртова:

«Главному Управлению Кораблестроения и Снабжений.

Главный Командир говорил мне, что он на днях читал в газетах, что, кажется, в Харькове освящен на днях храм почти такой же величины и стоивший всего немного больше 200 т.р. В Строительной части, кажется, существует уже проект собора, пусть мне его покажут и доложат смету приближенн. – Мнение, предложенное Главным Командиром, удобнее и просторнее того, где думал строить собор Император Петр I».

Письмо третье *(ответ на запрос)*, № 12968 от 18 ноября 1896 г.
Протопресвитер А. Желобовский,
Господину Начальнику Г.У.К. и С. (вице-адмиралу В.П. Верховскому).

Из писем видно, что относительно места в Кронштадте, где лучше строить новый Морской собор, имелось две точки зрения. Одна: строить на восточной оконечности острова, «на месте первых и особенных трудов Императора Петра Первого», где по его повелению была построена в 1731 г. деревянная Богоявленская церковь с колокольней-маяком. После того, как обветшавшая церковь была вновь построена в 1862 г. на том же месте, она простояла почти 170 лет. И другая точка зрения: строить в центре города, разросшегося к концу XIX века до береговых границ, на территории обширной незастроенной Якорной площади в окружении построенных по предначертаниям Императора Петра адмиралтейства с его доками и пакгаузами, обводного канала, накопительного бассейна с оврагом (так и недостроенным доком), вблизи офицерских домов и флотских казарм.

Первое мнение исходило из почитания священной памяти о деяниях Петра Великого. Второе – не умаляя этой памяти, – из действительной обстановки в уже 200-летнем крепостном и портовом городе. И, кроме того, – из идеи придания собору статуса храма-памятника государственной истории флота. Это, в свою очередь, требовало, чтобы собор был духовным и мемориальным центром города, доступным для всего военного и гражданского населения, а в архитектурном отношении – стал бы его главной градостроительной доминантой. Вице-адмирал П.П. Тыртов поддержал эту позицию вице-адмирала Н.И. Казнакова.

Таким образом, 5–10 августа 1896 г. было принято «высочайшее» решение о строительстве нового большого каменного собора для моряков Кронштадта и всего военного флота России.

Очередное ходатайство высшего лица Военного и Морского Духовенства было доведено (с учетом исторических дат) до Государя Императора и, получив его одобрение, через старшего флотского начальника Генерал-Адмирала поступило в Морское Министерство уже как решение, подлежащее исполнению.

Такое большое предприятие, как строительство собора, соизмеримого с московским храмом Христа Спасителя как по величию замысла (памятник 200-летней истории флота), так и по грандиозности строения, разумеется, не могло быть решено к осуществлению без воли Государя и обойтись без казенных средств. Уместно привести здесь выдержку из Протокола заседания Комитета по сбору и хранению средств (по постройке Морского собора) № 8 от 27 января 1900 г.:

«… В приведенной в отчете Комитета (на 1 января 1900 г.) исторической справке о Морском храме в Кронштадте упомянуто, что построенная в 1862 г., как временная, деревянная Богоявленская церковь еще в 1883 г. была признана неблагонадежною по ветхости и что то же нужно сказать и о деревянной манежной церкви, построенной в 1841 г., почему обе эти церкви, вероятно, не в далеком будущем закроются для церковных служб.

В виду возможности остаться вовсе без своей церкви, все присутствующие на Общем Собрании единогласно постановили: просить Комитет, чтобы постройка храма была начата в этом же году на имеющиеся в Комитете 70.000 рублей.

Относительно недостаточности этой суммы было указано, что на Руси, в большинстве случаев, постройка церквей начинается без необходимых для окончания их средств, ***но ни одна не остается недоконченною.***

К тому же в данном случае нет оснований опасаться, что необходимые для продолжения постройки деньги не будут своевременно отпущены Правительством, так как высшее Морское Начальство сочувственно относится к делу».

Так впоследствии и оказалось – государственные средства составили 86% стоимости собора, а 14% – сбор пожертвований на флоте и по стране.

Мысль запечатлеть в стенах московского храма не только даты вторжения и изгнания врага из пределов государства в 1812 г., но также и всю историю победной войны 1812–1814 годов, написав ее на 177 памятных мраморных досках, созрела лишь через тридцать с лишним лет после закладки храма, когда он был уже построен.

Идея же о памятных досках с 200-летней историей служения флота России начала осуществляться на этапе проектирования Морского собора. Таким образом, собор сразу строился при ясном осознании необходимости увековечения памяти о служении Отечеству поколений, «отошедших в вечность».

И через 6 лет, при закладке собора в 1903 г., выдающийся русский адмирал С.О. Макаров докладывал Царю: «Собор назначается служить не только храмом для молитвы, но и памятником деяний русского флота на пользу Отечества».

Далее последовало: учреждение Комитета для сбора средств по всей Империи (17 марта 1897 г.), выход «Воззвания» Комитета, решение Госсовета об ассигновании средств на строительные работы «от казны» (27 октября 1901 г.).

«Воззвание» как завершающий документ об идее Морского собора приводится вместе с основополагающими письмами.

З а к л ю ч е н и е:

1. Письмо протопресвитера Александра Желобовского от 5 августа 1896 года имело результатом согласие Государя на строительство собора.
2. Доклад адмирала Н.И. Казнакова от 13 октября 1896 года придал будущему собору статус храма-памятника истории Российского флота.

Кроме этого, с осени 1900 г. архитектором и строителем собора стал выдающийся русский храмостроитель рубежа XIX–XX веков профессор архитектуры Василий Антонович Косяков (1862–1921).

В Протоколе заседания Комитета № 12 от 7 октября 1900 г. записано единодушное решение пригласить В.А. Косякова к сооружению главного флотского храма, памятника 200-летней истории военного флота России.

Капитан 1 ранга в отст. ***А.П. Шумский***

П р и м е ч а н и я:

Великая Княгиня Мария Павловна (1854–1920), супруга Великого Князя Владимира Александровича, второго сына Императора Александра II, родного дяди Николая II, урожденная герцогиня Мекленбург-Шверинская. «Очень умная, образованная, властная; не существовало в Петербурге двора популярнее и влиятельнее, чем двор Великой Княгини Марии Павловны» (А.А. Мосолов, «При дворе последнего Российского Императора», Москва, «Анкор», 1993 г.).

Великий Князь Алексей Александрович (1850–1910), третий сын Императора Александра II, генерал-адъютант, генерал-адмирал, главный начальник флота и морского ведомства (1880 – июнь 1905), ушел в отставку после поражения русского флота в Цусимском бою.

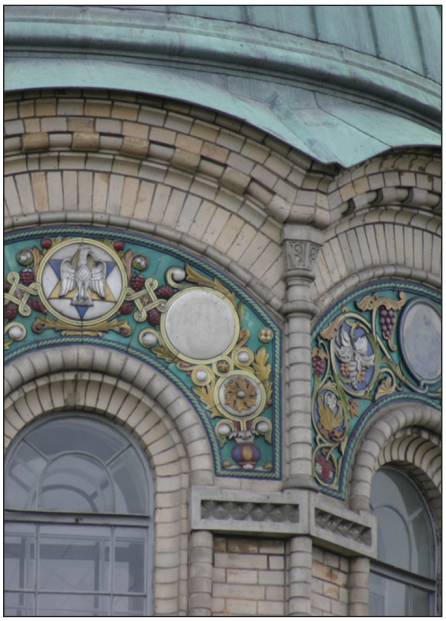
Тыртов Павел Петрович, вице-адмирал, Управляющий Морским Министерством, (1896–1903), адмирал (1901), генерал-адъютант.

Желобовский Александр Алексеевич (1834–1910), протопресвитер военного и морского духовенства.

Верховский Владимир Павлович, вице-адмирал, начальник Главного Управления К. и С. (1896–1905), адмирал (1905).

В делах морской церкви и собора в Кронштадте находятся донесения всех Главных Командиров:
адмирала П.М. Рожнова (1827–1839), адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена (1839–1852), адмирала Г.И. Платера (1852–1853), адмирала Ф.П. Литке (1853–1855), вице-адмирала Ф.М. Новосильского (1855–1866), контр-адмирала С.С. Лесовского (1866–1871), вице-адмирала П.В. Козакевича (1871–1883), вице-адмирала С.П. Шварца (1883–1893), вице-адмирала Н.И. Казнакова (1893–1899).

Кронштадт. Морской Николаевский собор сегодня

Своды галерей, майолика в отделке куполов. Детали внутреннего убранства. Мозаика Христа Спасителя ждет часа своего восстановления

ЧАСОВНЯ ФЕОДОРЫ ВЛАСЬЕВНЫ СЕРГИЕВОЙ

Мать св. прав. Иоанна Кронштадтского – Феодора Власьевна Сергиева, урожденная Порохина, родилась 3 февраля 1808 года в селе Сура Пинежского уезда Архангельской губернии. Матушка Феодора сыграла большую роль в духовном возрастании сына, была не просто доброй любящей матерью, но и духовной наставницей.

В один из ее приездов на побывку к сыну в Кронштадт она тяжело заболела и скончалась 6 июля 1870 года. Здесь она и была похоронена, на городском кладбище, в центральной его части. В 1880-х годах (по другим сведениям – около 1898 года) над могилой Феодоры Власьевны была поставлена каменная часовня.

В 1998 году, после более 125 лет, прошедших со дня погребения, часовня представляла собой плачевное зрелище – без креста и кровли, без окон и дверей, с обсыпавшейся штукатуркой стен и склепом, превращенным людьми в склад кладбищенского мусора.

Кронштадт. Часовня Феодоры Власьевны Сергиевой над местом ее погребения

В августе 1998 года, по инициативе Петербургского Православного центра духовного возрождения, были осуществлены наружные ремонтные работы по восстановлению исторического облика часовни. Часовенка засияла новой кровлей, стены ее были оштукатурены и окрашены, на окне и дверях обновлены узорчатые решетки, над главкой купола, наконец-то, вознесся крест. Денежные средства на ремонт пожертвовали жители Петербурга Валентина Михайловна Кромбалева и Резо Николаевич Капанадзе.

В июне 1999 года – в год 170-летия со дня рождения святого праведного Иоанна Кронштадтского в часовне начались внутренние ремонтные работы. Но прежде необходимо было привести в порядок склеп. Уборкой занялись прихожане собора Владимирской иконы Божией Матери вместе с протоиереем Святославом Мельником.

В ходе этих работ открылось, что под спудом, под слоем мусора, в склепе часовни покоятся почти полностью сохранившиеся останки старицы Феодоры, что они не подверглись разграблению и поруганию в годы забвения, когда часовня стояла в течение долгих десятилетий разоренной, заброшенной, открытой настежь.

Когда из склепа были вынесены горы самого разнообразного мусора, обнажилась хорошо сохранившаяся верхняя крышка дубового гроба с восьмиконечным крестом на ней, с украшавшей его когда-то и также хорошо сохранившейся золотистой кистью и... с останками матери святого праведного Иоанна Кронштадтского внутри. Сохранились бутылочка с маслом от таинства соборования, образок Николая Чудотворца, нательный крестик, остатки обуви и головного платка, завязанного узлом на лбу, точно таком, как на известном портрете Феодоры Власьевны.

Подробнее о том, как происходило обретение честных останков Феодоры Сергиевой – весьма знаменательное для прихода собора Владимирской иконы Божией Матери событие – рассказывает его очевидец и непосредственный участник Александр Шеин: «Пол в часовне был разбит в двух местах: небольшое отверстие посредине, такое что в него мог пролезть человек, и большой провал в южной части, заполненный почти до краев мусором. Утром 11 июня во Владимирском соборе собрались 7 человек: протоиерей Святослав Мельник, Виктор Киселев, Евгений Морозов, Владимир Майоров, Людмила Майорова, Татьяна Пожарицкая и я. Отправились на кладбище. Несколько часов потратили на вынос основной массы мусора. Это были части надгробных памятников, оград, строительный и бытовой мусор. Когда в основном закончили расчистку склепа, то обнаружили, что он пустой в

северной и центральной части, а южная часть засыпана чистой землей и отделена кирпичной стеной высотой около метра. С этого момента батюшка спустился в склеп и начал лопатой вынимать грунт. В склепе, кроме него, находились Виктор Киселев и я. Вынув основную массу земли, отец Святослав натолкнулся на доску. Когда ее расчистили, оказалось, что это старая неструганная доска. Поскольку основной грунт был уже выбран, мы подумали, что эта доска лежит непосредственно на полу. Вынув ее и продолжив расчистку, батюшка обнаружил гладкую струганную доску в форме челнока. На доске виднелись остатки материи и след от восьмиконечного креста, сделанного из золотистой ленты. Батюшка приоткрыл доску и сразу закрыл. В этот момент я был ослеплен без света. Меня как будто окатила мощная волна благодати. Под доской лежали чьи-то останки.

Отец Святослав тут же прекратил раскопки, закрыл часовню и отпустил всех домой. По дороге в собор, обсудив в машине происшедшее, батюшка решил все же вернуться в часовню, дабы осмотреть место захоронения и, учитывая важность события, составить более подробный доклад митрополиту Владимиру. Приехав на кладбище и спустившись в склеп часовни, отец Святослав приподнял верхнюю доску гроба и внимательно осмотрел останки. Хорошо были видны кости, засыпанные землей, череп с остатками платка и волос, стеклянная бутылочка из-под соборного масла. По головному платку и характерному узелку на лбу, как на известной фотографии, можно было с уверенностью сказать, что обретены честные останки матери святого праведного Иоанна Кронштадтского – Феодоры Власьевны Сергиевой. В этот же день был составлен доклад митрополиту Владимиру, и 13 июня 1999 года от него было получено благословение на перезахоронение останков здесь же, в часовне.

На период отделочных работ внутри часовни останки решено было перенести в северную часть склепа. 17 июня останки были бережно извлечены из почти полностью сгнившего гроба и очищены. В тот самый момент, когда внизу, в склепе, начались эти работы, к часовне подошли паломники из Троице-Сергиевой пустыни, что в Стрельне, приехавшие поклониться кронштадтским святыням. Иеромонах Игнатий (Бузин) назвал это совпадение промыслительным и рассказал, что почти два года назад, 22 июля 1997 года, они вот так же пришли сюда, к часовенке старицы Феодоры,– заброшенной и заваленной мусором – и отслужили панихиду, и как же отрадно им ныне видеть это святое место восстановленным и узнать, что найдены честные останки матери великого праведника.

15 августа 1999 года по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира было совершено перезахоронение останков.

«Со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоея...» Каждый из пришедших на кладбище людей (а их было очень много: кронштадтцев, петербуржцев, паломников из области) был уверен в том, что мать великого молитвенника России воистину праведница, святая.

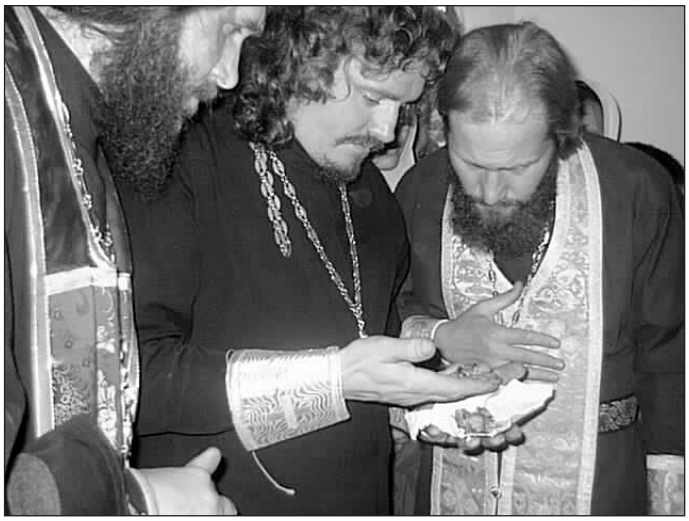
В восстановленной часовне

Об этом говорил иерей Геннадий Беловолов, хранитель мемориальной квартиры Иоанна Кронштадтского: «Есть святые, о жизни которых известно только одно, что они были родителями великих святых. Таковы чтимые Церковью отец и мать преподобного Сергия Радонежского – правв. Кирилл и Мария, родители прп. Александра Свирского – схимонах Сергий и схимонахиня Варвара. Если бы ничего не было нам известно о Феодоре Власьевне, кроме того, что она мать Иоанна Кронштадтского, мы бы все равно могли сказать – это праведница. Но мы, к счастью, знаем больше. Помните, врачи порекомендовали однажды батюшке Иоанну нарушить пост. «Без благословения матери не могу», – ответил праведник. Была послана телеграмма Феодоре Власьевне. «Лучше умереть, нежели нарушить пост»,– таким был ответ. В этой фразе – вся Феодора Власьевна. Глубоко верующий и стойкий в вере человек, она заменила батюшке Иоанну отца, взрастила сына и воспитала его дух, была его наставницей, старицей...»

Благочинный Красносельского округа и Кронштадта, протоиерей Валерий Швецов: «Это событие знаменательное.

Гробница Феодоры Власьевны Сергиевой

Обретение честных останков Феодоры Власьевны Сергиевой.
Богомольцы из Троице-Сергиевой пустыни у часовни праведницы

Оно послужит благодатным знаком к переменам в духовной атмосфере города, его нравственном климате. Ибо мать св. прав. Иоанна Кронштадтского жива для нас, ее жизнь продолжается через ее сына и в нас. Ее духовное обаяние продолжает нас вдохновлять, возвышает, заставляет трудиться над собой. Сегодня всех нас объединила и согрела молитва, мы почувствовали силу и способность творить добрые дела, чтобы дети наши жили уже в другом Кронштадте и в другой России. Существует множество предсказаний о том, что многострадальная страна наша не только возродится, станет снова духовно богатой, но и сможет сказать новое слово всему миру о смысле жизни человека на этой земле...»

Настоятель собора Владимирской иконы Божией Матери, протоиерей Святослав Мельник: «Пусть перезахоронение честных останков матери святого праведного Иоанна Кронштадтского станет символом очищения, духовного возрождения Кронштадта. Мы очистили от грязи и мусора маленькую часовенку и обнаружили останки матери великого святого. В нашей жизни – особенно в духовной жизни – не бывает ничего случайного. Будем верить, что событие это промыслительное и будем надеяться, что с этой маленькой часовенки на городском кладбище начнется очищение от грязи наших душ, возрождение нашего храма и всего нашего города...»

Обретение останков матери Иоанна Кронштадтского стало добрым знаком, давшим прихожанам Владимирского собора надежду на скорые благотворные перемены в возрождении многострадального храма. И сегодня, спустя два года, когда с возрождаемой колокольни Владимирского собора звучит благовест, а главы покрываются железом, когда вот-вот привезут из Волгодонска новые кресты – точные копии тех, которые освящал в прошлом веке о. Иоанн Кронштадтский, можно уже с уверенностью сказать, что надежда эта – сбывается...

А.П. Макарова
Газета «Кронштадт православный», июнь 2001 г.

Летом часовня открыта каждую субботу
с 11.00 до 14.00.

Богомольцы в часовне Феодоры Власьевны Сергиевой

ДОМ ТРУДОЛЮБИЯ

Осмотр детища о. Иоанна начинают обыкновенно с храма. Десятки тысяч людей побывали здесь со своим горем и нуждой. На церковный помост здесь склоняли свои колена старцы и юноши, мудрецы и простецы, богачи и бедняки, знатные и незнатные, грешники и праведники. Стены церковные здесь не раз видели слезы человеческие и стоны, вырывавшиеся из самой глубины наболевшей души. Сколько людей уходило отсюда обновленными, с верой в свои силы и со светлым взором на будущее. У скольких людей здесь возжигался почти уже совершенно потухший их жизненный светильник!

Два дня в Кронштадте

(из дневника студента В. М.)

Семнадцать лет пребывал о. Иоанн во священном сане, служа в кронштадтском Андреевском соборе, но сколько ни раздавал он милостыню нищим, число бедных людей в Кронштадте не уменьшалось, и по утру в субботу их можно было во множестве видеть в Гостином дворе и по всем улицам.

Коренным образом изменить их материальное положение, по мысли о. Иоанна, могло устройство в Кронштадте «Дома Трудолюбия», в котором эти люди могли бы заработать себе дневное пропитание, ночлег и немного денег. В 1872 г. кронштадтский пастырь написал два воззвания к своей пастве, дабы она помогла ему осуществить эту великую идею.

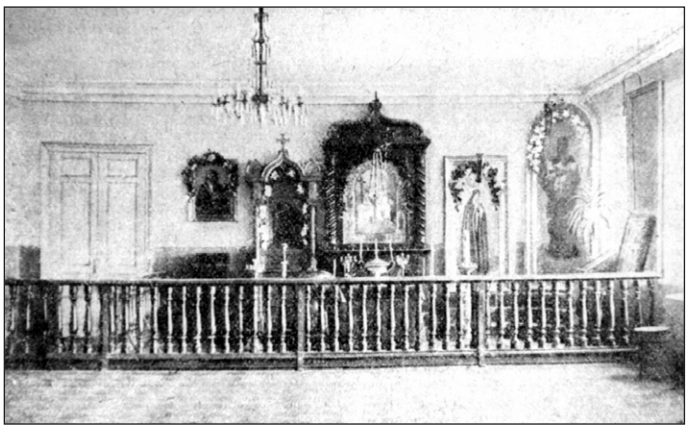
Среди причин бедности и нищеты о. Иоанн указал на главные: бедность от рождения, сиротства, от бедствий, кражи, от неспособности к труду по старости или инвалидности, по маловозрастности, бедность от потери места (безработицы), от лености, пьянства, недостатка труда (отсутствия рабочих мест) и недостатка средств, с которыми можно взяться за труд (отсутствия первоначального капитала, а зачастую просто и «порядочной одежды, обуви, насущного хлеба, инструмента или орудия»). Батюшка обратился ко всем жителям города, ко всему кронштадтскому обществу – духовному, военному, чиновничьему, торговому, мещанскому – образовать попечительства и братства при разных церквах, по примеру петербургских, и позаботиться о создании для бедных в Кронштадте рабочего дома, жилья и ремесленного училища для детей бедняков.

«Не пугайтесь, господа, громадности предпринимаемого дела, доброму делу поможет Бог, – а где Бог, там скоро явится все как бы из ничего», – писал о. Иоанн. «С миру по нитке – бедному рубашка, кто чем может, тот тем и поможет». Нужно занять чем-нибудь этих людей, сделать их оседлыми; иначе выйдет и возрастет неизбежное зло, воровство и грабительство, и мирные граждане не будут безопасны везде и всегда.

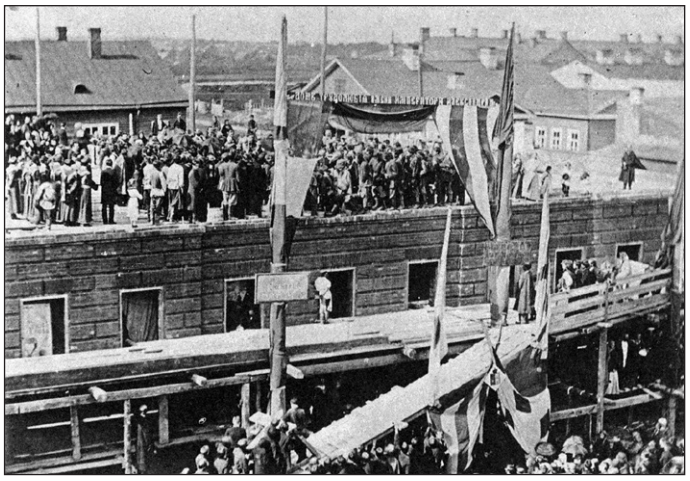
Муравьи делают муравейники, в которых им бывает зимою тепло и сытно; звери – логовища; пчелы –ульи; <...> «Братья, во имя Христа и Креста возвышаю мой голос: кто еще?.. Ужели муравьям и пчелам мы дадим преимущество перед собою? Теперь многим городам России известна кронштадтская нищета; они ожидают, что мы сделаем что-нибудь к отвращению ее...»

Кронштадтцы, в том числе и кронштадтская Городская дума, чтили и горячо любили своего доброго пастыря и широко откликнулись на его призыв, «живо дело закипело и поспело в полчаса».

В Кронштадте, на Медвежьей улице, позже названной по имени Кронштадтского пастыря Сергиевской, было выстроено просторное и прекрасно оборудованное здание (арх. В.О. Титов и А.Я. Силин) первого в России «Дома Трудолюбия». Закладка его состоялась 23 августа 1881 г., а открытие и освящение – 12 октября 1882 г. В состав Дома Трудолюбия входили: пенько-щипальная мастерская, где в течение года работало 25 тысяч человек, женская мастерская модного платья, белошвейная, вышивки и метки белья, сапожная мастерская с обучением мальчиков, народная столовая с

Интерьер парадного зала Дома Трудолюбия

Кронштадт. Закладка Дома Трудолюбия. Фото конца XIX в.

недорогими обедами, а в праздники – бесплатными на несколько сот человек, ночлежный приют бесплатного призрения бедных женщин, бесплатная амбулатория, зал для народных чтений, бесплатное начальное народное училище, народная бесплатная читальня, воскресная школа, рисовальные классы, убежище для сирот и дневное пристанище для приходящих детей, второй приют для мальчиков и загородный дом милосердия им. отца Иоанна, куда дети летом выезжали на дачу. Кроме того, в доме Андреевского приходского попечительства ежегодно выдавалось денежных пособий бедным на несколько тысяч рублей. При Доме действовала книжная лавка, за городом были устроены огороды для снабжения овощами всех этих учреждений.

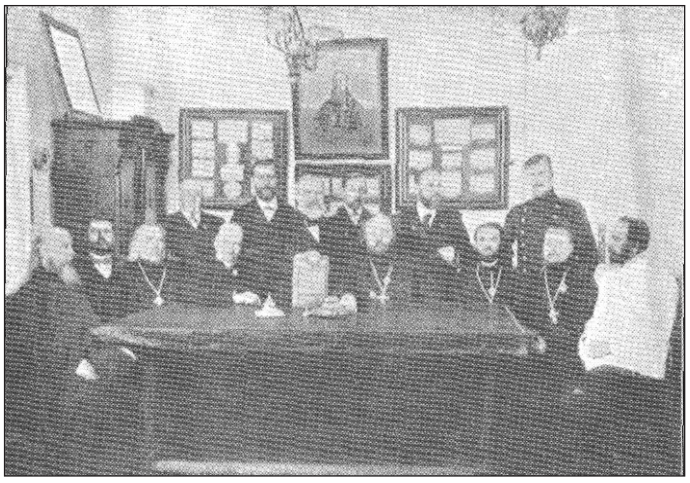
В 1888 г. о. Иоанну удалось заложить и отстроить каменный трехэтажный дом для ночлежного приюта. 21 ноября 1890 г. в Доме Трудолюбия была освящена им домовая церковь во имя св. Александра Невского. Несмотря на препятствия с разных сторон, ее удалось устроить, пожертвовать туда богатую ризницу и церковную утварь.

19 мая 1891 г. было заложено третье здание – Странноприимный дом, выстроенный с целью дать пристанище бедным во время приезда в Кронштадт к о. Иоанну за молитвой и советом. Громадное здание в четыре этажа было выстроено во дворе Дома Трудолюбия. Строя странноприимницу, о. Иоанн говорил: «Дай неимущему прежде всего крышу».

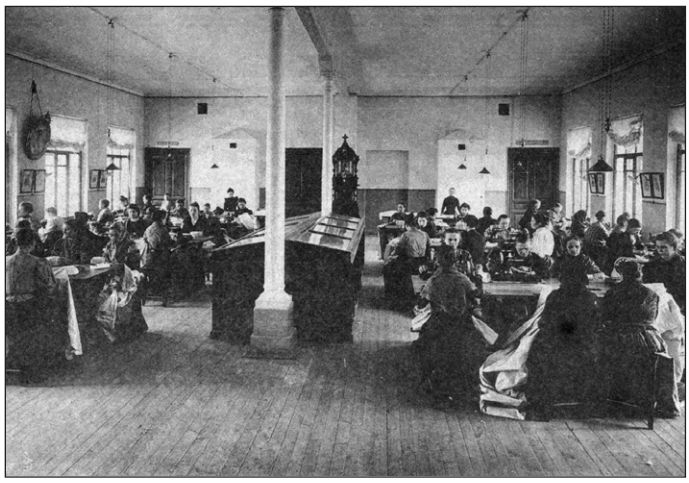
Дом Трудолюбия был целым городом, полным кипучей, разносторонней и осмысленной деятельности. Попечительство Дома Трудолюбия состояло из лиц, принадлежавших ко всем классам общества, и не было между ними никакого разделения. Они совершали великое, святое дело благотворительно-просветительской помощи, благотворя всем: и образованным, и необразованным, православным и инославным...

Первый в России кронштадтский Дом Трудолюбия, основанный о. Иоанном, послужил примером к созданию подобных заведений сначала в близлежащих к Кронштадту местах – в самом С.-Петербурге и его пригородах: Ораниенбауме, Царском Селе, Царской Славянке, Луге. За 13 лет, с 1882 по 1895 годы, по всей России было выстроено 43 Дома Трудолюбия, по прошествии еще 14 лет, к 1909 г., число их возросло еще на 38 и составило 82, к 1917 г. в стране было свыше ста Домов Трудолюбия. Все провинциальные Дома Трудолюбия состояли под Высочайшим покровительством Императрицы Александры Феодоровны.

Кронштадтский Дом Трудолюбия после 1917 г. был закрыт (в 1920-х гг.). Одновременно с ним был разорен храм св. блгв. князя Александра Невского, алтарная апсида его позже была разрушена, снесена звонница храма, возвышавшаяся над третьим этажом здания. Само оно, к счастью, сохранилось, и до сих пор в его стенах чувствуется присутствие святого устроителя его. В настоящее время здесь размещаются профессионально-техническое училище № 48 и центр профессионального обучения молодежи «Надежда», лишь отчасти продолжающие

Совет кронштадтского Дома Трудолюбия в 1903 г.

Пошивочная мастерская Дома Трудолюбия

Кронштадт. Дом Трудолюбия. Современное фото

дело, начатое о. Иоанном по ремесленному образованию молодежи (директор В.А. Платова).

В настоящее время ревнители памяти св. прав. Иоанна Кронштадтского, при участии администрации училища, подготовили к открытию выставку, которая, начиная со дня 90-летия преставления о. Иоанна (2 января 1999 г.), будет постоянно действовать в стенах Дома Трудолюбия. Хочется надеяться, что восстановлен будет и исторический облик здания – восстановлены утраченные звонница и апсида алтаря Александро-Невского храма. Со временем, думаем, в его стенах вновь будет возноситься Безкровная Жертва и звучать слово Божие. Возможно, тогда оживет и наполнится прежней жизнью весь Дом Трудолюбия о. Иоанна.

И. П.

КВАРТИРА ОТЦА ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Среди великих святынь Земли Русской должен быть назван и дом в Кронштадте, в котором жил святой праведный отец Иоанн Кронштадтский.

Кто в России не знал этот ничем внешне не выразительный дом на углу Посадской и Андреевской улиц?! Скромная, по представлениям того времени, квартира на втором этаже, освященная 53 годами жизни (1855–1908) великого праведника, вся облагоуханная святыми молитвами и сокровенными духовными подвигами угодника Божия, осиянная его тайнозрениями, запечатленными в дневнике и духовных писаниях, – квартира эта уже при жизни батюшки почиталась как место святое. К дому стремились многие паломники, приезжавшие в Кронштадт со всей России.

История этого дома представляет для нас большую духовную ценность. Что же известно о доме о. Иоанна Кронштадтского?

Из книги И. Туренского «Кронштадтский Андреевский собор» *(СПб, 1907)* явствует, что двухэтажный каменный дом на углу Андреевской и Посадской (в последние годы жизни о. Иоанна – Михайловской) улиц был построен во второй половине XVIII века. Владел им инженер-полковник барон фон-дер-Пален.

«Существовали ли какие-либо помещения для жительства соборного причта до 1806 г. – мы не знаем», –писал И. Туренский.

24 февраля 1806 года при настоятеле протоиерее Стефане Нулеве дом фон-дер-Палена был приобретен у опекунов его малолетней дочери «за 7000 рублей ассигнациями из Соборных сумм» и с этого времени стал домом причта Андреевского собора. Второй этаж занимали обычно настоятель и ключарь храма. В пер-

Дом св. прав. Иоанна Кронштадтского

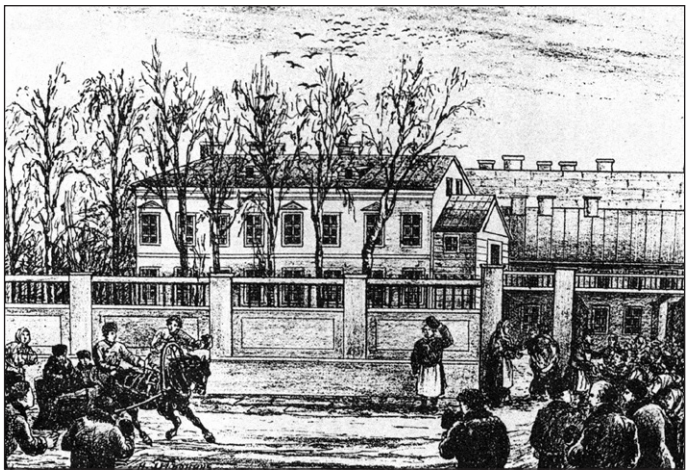
вом этаже жили церковнослужители и младшие члены причта.

В 1827 году был произведен первый ремонт дома на средства, отпущенные из комиссии Духовных училищ.

Следующий большой ремонт дома был произведен в 1900 году, расходы на него из средств причта составили 15000 рублей. В результате ремонта в доме вместо деревянных лестничных пристроек были устроены каменные.

К дому причта относилась и окружающая территория. «24 февраля 1830 года к земле при этом доме было прибавлено 279 кв. саж. 31 саж. по Андреевской улице и по 9 саж. по Посадской и Медвежьей (ныне Сергиевской) улицам. А в 1874 г. к ней было прибавлено еще 3 саж. по Медвежьей улице. Всего же при домах причта земли 450 кв. саж.» *(Туренский, с. 186)*.

12 декабря 1855 года в штат Андреевского собора был определен младшим священником отец Иоанн Ильич

Богомольцы возле дома, в котором проживал св. прав. Иоанн Кронштадтский. Фасад по Андреевской ул. С литографии XIX века

Сергиев, получивший для жительства с матушкой Елизаветой Константиновной квартиру на втором этаже дома причта. Квартира эта никогда не принадлежала о. Иоанну как собственность. В «Формулярном списке» протоиерея Иоанна Сергиева в первой же графе было записано: «Недвижимого имущества не имеет, равно и жена его».

Подробная история дома причта, надеемся, будет еще написана. Сейчас же опишем квартиру о. Иоанна, какою она запечатлена в воспоминаниях и описаниях последнего десятилетия его жизни.

На первом этаже жил помощник батюшки – псаломщик Киселев. Второй этаж был разделен на две половины, одну из которых занимал ключарь собора протоиерей Александр Попов (бывший после о. Иоанна настоятелем Андреевского собора), другую – о. Иоанн.

Перед домом был разбит небольшой садик, в котором, по воспоминаниям, росли кусты жасмина и несколько фруктовых деревьев.

Вход, которым пользовался о. Иоанн, находился во дворе дома. Лестница на второй этаж к квартире

Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (св. прав. Иоанн Кронштадтский) на смертном одре в своей квартире в доме причта Андреевского собора. 20 декабря 1908 г.

батюшки (по описанию автора из «Петербургского листка») имела вид отнюдь не парадный, а «довольно запущенный». На двери квартиры была укреплена медная табличка с надписью: «Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев», которая оставалась на двери квартиры и после кончины о. Иоанна вплоть до революции.

Квартира о. Иоанна Кронштадтского состояла из шести комнат и делилась на две половины: батюшки – из трех комнат и матушки Елизаветы Константиновны – из двух комнат. Соединяла их большая зала в угловой комнате с балконом.

Сразу за дверью с лестницы была небольшая площадка, где было еще две двери, одна из которых вела в переднюю, а другая – в кухню.

Первая дверь – в переднюю – считалась парадной. Когда отец Иоанн встречал высоких гостей: архиереев, духовенство, высокопоставленных лиц, – тогда открывалась парадная дверь. В обычных случаях ею не пользовались и она чаще была заперта на задвижку. Сам батюшка к себе в квартиру входил через другую дверь, которая вела сразу в кухню. За парадной дверью, после прихожей, следовала передняя комната, «гардеробная», в которой стояли шкафы с одеждой и книгами, комод и несколько сундуков с домашними предметами.

Из передней ход вел в «большую столовую со старинными образами в драгоценных ризах, с горящими день и ночь лампадами».

В доме царил особый дух благочестия, духовной чистоты и какой-то райской радости, о которой писал Д. Озеров, посетивший о. Иоанна в 1900 году: «Отец Иоанн всю долголетнюю священническую службу при Андреевском соборе провел в маленькой скромной квартире, отличающейся только тем, что во всех углах всех комнат были киоты с иконами, поднесенными ему со всей России. На шкафах – клетки с воркующими голубями, а перед окнами – канарейки, без устали выводящие свои трели».

Святая святых квартиры был кабинет о. Иоанна, являвшийся сокровенной келией подвижника. Доступ в него был закрыт для гостей и ограничен даже для родных и близких. Без о. Иоанна кабинет закрывался на ключ, что-либо трогать или переставлять было запрещено.

В центре кабинета, у стены, стоял большой письменный стол, за которым батюшка составлял проповеди, почти ежедневно вел дневник, выдержки из которого составили книгу «Моя жизнь во Христе». На столе стояли письменный прибор и дорогие для батюшки фотографические портреты Высочайших Особ (в том числе портрет Наследника Цесаревича Алексия Николаевича) с дарственными надписями. Стол был «весь завален ворохом бумаг, телеграмм, газет и книг», так что для записи в дневник о. Иоанну необходимо было освободить уголок стола. Несмотря на этот видимый беспорядок, о. Иоанн без труда находил необходимую ему вещь.

Над столом висел большой киот (высота около двух метров) с многими пожертвованными на молитвенную память о. Иоанну святыми образами, в числе которых были очень ценные с точки зрения художественной, пожертвованные Высокими лицами.

Рядом со столом в углу была «божница» батюшки – напольный киот в виде углового шкафа, также заполненный большей частью поднесенными о. Иоанну иконами, перед которыми он совершал утреннее и вечернее правило, готовился к совершению литургии.

Отдельно от других висела икона святителя Николая Чудотворца – дар Государя Императора Николая Александровича о. Иоанну.

В кабинете находилось много святынь: в святом углу и на подоконниках стояло множество бутылочек со святым маслом и святой водой из разных мест, которые привозили батюшке богомольцы. Также было много образков и крестиков, многие из которых были со святыми мощами.

В глубине комнаты стояла простая металлическая кровать, отделенная ширмой, на которой 20 декабря 1908 года о. Иоанн тихо и мирно преставился ко Господу.

Кроме того, в кабинете был комод и книжные шкафы с духовной литературой.

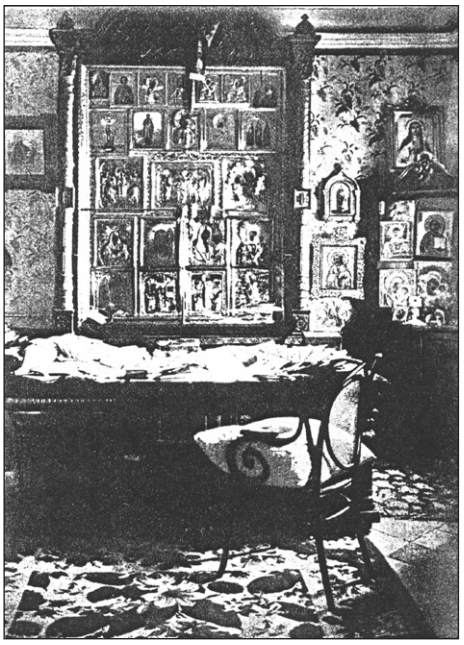
Второй по значимости комнатой квартиры нужно назвать большую залу. Она была уставлена киотами с иконами. На стене висели два больших портрета Государя Императора Александра III и Императрицы Марии Феодоровны. В комнате стояло много цветов, которые любила выращивать Елизавета Константиновна.

В этой комнате отец Иоанн принимал ближайших духовных чад, самых дорогих посетителей. Здесь бывали священник о. Иоанн Орнатский, о. Иоанн Восторгов, игумения Иоанновского монастыря Ангелина, генерал-губернаторы и губернаторы Кронштадта. 5 декабря 1908 года в этой комнате о. Иоанна посетили три архиерея: митрополит Московский Владимир (Богоявленский), (впоследствии – Киевский, новомученик, †1918), епископы Серафим (Чичагов, †1937), занимавший в то время Орловскую кафедру, и Гермоген (Долганов) Саратовский (впоследствии – Тобольский, † 1918), протоиерей Иоанн Восторгов († 1918). Это было последнее благословение о. Иоанна своим духовным чадам хранить веру православную, исполненное ими даже до смерти. Декабрьские посетители о. Иоанна стали после 1917 г. новомучениками российскими и ныне вместе с праведным отцом Иоанном предстоят Престолу Божию.

Угловая дверь большой залы вела на балкон. Выходя на него, батюшка благословлял православный народ.

Половина матушки Елизаветы Константиновны состояла из двух комнат: спальни и комнатки, где жила ее племянница Р.Г. Шемякина.

Рабочий стол св. прав. Иоанна Кронштадтского

После кончины о. Иоанна и вскоре последовавшей кончины Елизаветы Константиновны (22 мая 1908) стал вопрос о том, как использовать квартиру в дальнейшем. Уже тогда возникла мысль, что она должна стать мемориальным местом почитания батюшки о. Иоанна. Причт собора поставил задачей сохранить ее мемориальность. Кабинет был опечатан и открывали его только два раза в году: в день рождения и в день преставления о. Иоанна. В эти дни здесь служились панихиды по о. Иоанну. В другие дни панихиды и молебны служились в большой зале, которая сразу стала своего рода часовней в квартире. Позже в большой зале был устроен храм, освященный в честь Св. Живоначальной Троицы (архивный факт установлен Е. Исаковой).

В комнатах, принадлежавших Елизавете Константиновне, предполагалось устроить небольшую богадельню имени Всероссийского пастыря для вдов духовного звания, находившуюся в ведении Андреевского собора. Духовные власти поддержали эту идею, и в 1910 году был утвержден Устав богадельни.

Кабинет в квартире св. прав. Иоанна Кронштадтского

Новые власти после 1917 года тут же принялись искоренять память об отце Иоанне. Улицы Михайловская (Посадская) и Андреевская в первые годы Советской власти получили соответственно названия улиц Троцкого (позже – Урицкого) и Володарского, которые сохранялись, к прискорбию, до 1999 года. Дом о. Иоанна Кронштадтского оставался местом паломничества, хотя и был заселен новыми жильцами. Для борьбы с не прекращавшимся паломничеством в 1920-е годы в квартире о. Иоанна предлагали устроить другой музей: «Этот домик, в котором бы следовало открыть музей происхождения религии, должен сохраниться как яркий памятник российского невежества...» – писал краевед П.Н. Столпянский.

В то время как Андреевский собор был безжалостно взорван, чудом уцелевший дом о. Иоанна остался главным хранителем памяти Всероссийского пастыря в Кронштадте.

В начале 1960-х годов дом подвергся капитальному ремонту, были надстроены третий и четвертый этажи, в результате чего был изменен внешний вид здания.

В 1995 году группа почитателей о. Иоанна Кронштадтского начала работу по возвращению святыни. Квартира была расселена, и в ней по благословению правящего архиерея создается музей «Мемориальная квартира святого праведного Иоанна Кронштадтского», который должен стать местом хранения и молитвенного почитания памяти Великого Святого Земли Русской.

Священник Геннадий Беловолов

В кабинете-спальне поставлен молебный столик и на нем возложен св. крест, Евангелие пред небольшой иконой старинного византийского письма, изображающей Господа нашего Иисуса Христа. Икона сия была особо чтима покойным о. Иоанном. На иконе в нижней части надпись: «Святителю Иоанну, стоящу на молитве пред сею иконою Иисус Христовою и со слезами молящуюся о избавлении Новаграда от нашествия супостатов, слыша от иконы глас глаголющий ему: иди в церковь яже есть на Ильине улице и тамо вземли образ Богородицы, вознеси на стены града противу супостатов и узриши спасение града».

Пред этой иконой совершаются молебны, а в бывшей гостиной – панихиды по покойном о. Иоанне и его супруге Елизавете.

«Котлин», 1910 г.

Налево, за ширмой, его кровать, где он почил, иконостас со множеством икон, пред которым он простаивал долгие часы на молитве, в отдельном киоте выделяется образ, подаренный Государем Императором, – с ликами святителя Николая Чудотворца и Царицы Александры, большое кресло у окна, где любил отдыхать о. Иоанн и смотреть на улицу в сторону любимого им Андреевского собора; вот письменный стол, за которым запечатлено покойным столько великих христианских мыслей и высокобожественных поучений.

«Котлин», 1909 г.

Памяти о. Иоанна Сергиева Кронштадтского

I. Изнеможденная Россия
Пред палачом простерта ниц!
Слетели грезы золотые
С ее заплаканных ресниц.

Теперь мучительным упреком
Слова прозрения звучат,
Произнесенные пророком
За много, много лет назад:

«Покайтесь, братья! Близко время
Ужасных бедствий и невзгод!
Врагами брошенное семя
Приносит свой кровавый плод.

Как царства древние когда-то
Стирал Господь с лица земли
За грех безбожья и разврата, –
Так будет с нами в наши дни!
Крепись Россия, но и кайся!
Живой молитвой возгорев,
Слезами горькими старайся
Смягчить Творца безмерный гнев!»

Но сердце русское глубоко
Погрязло в липкой тине зла,
Не вняла Русь словам пророка
И неудержно к бездне шла.

Земные страсти разжигая,
Уйдя от истинных дорог,
Искала Русь «земного рая»,
И покарал Россию Бог.

С тех пор, как тучею кровавою
II. Затмились истины лучи,
Над истязаемой державою
Глумятся звери-палачи.

Все благородное, великое,
Чем жили в прежние века,
Неудержимая и дикая
Ломает дьявола рука.

Удар карающего молота
Господь направил на людей,
Чтобы очистить их, как золото,
В горниле бедствий и скорбей.

И слышен плач неумолкающий,
Вопль исстрадавшейся Руси:
«Христос, Спаситель всепрощающий,
Прости, помилуй и спаси!»

И будем верить, что спасение
Господь, по милости, пошлет,
И всеблагое Провидение
Избавит страждущий народ.

Н.Н. Кадьян. *Декабрь 1933 г. Белград*

Церковь Святой Троицы на квартире св. прав. Иоанна Кронштадтского в доме причта Андреевского собора

Квартира св. прав. Иоанна Кронштадтского. Интерьер. Современный вид

Дом № 21 по Михайловской (Посадской) улице привлекает многих приезжающих в Кронштадт паломников. Здесь все время своего служения в священническом сане, 55 лет, жил святой Иоанн Кронштадтский. Здание, построенное во второй половине XVIII века, было приобретено в собственность Андреевского собора в 1806 г., по купчей от 24 февраля, от опекунов малолетней дочери инженер-полковника барона фон-дер-Палена. Капитальный ремонт здания был произведен в 1827 г. на отпущенную из комиссии Духовных училищ сумму, затем его вновь отремонтировали в 1900 г. на соборные средства. В период проживания в доме о. Иоанна Кронштадтского, в 1855–1908 гг., здание было 2-этажным, с высокой трехскатной крышей. После 1945 г. были надстроены еще 2 этажа и в настоящее время здание является 4-этажным.

В честь протоиерея о. Иоанна Сергиева в июле 1907 г. специальным разрешением Св. Синода, в ответ на прошение почитателей о. Иоанна, ближайшая к дому улица была названа Сергиевской (бывшая Медвежья, ныне Фейгина).

Св. Иоанн Кронштадтский жил в доме причта весь период своего служения в Андреевском соборе – с конца декабря 1855 г. по день кончины – 20 декабря 1908 г. С 1860 г. он занимал угловую квартиру 2-го этажа, с балконом, в которой и скончался. После смерти батюшки Иоанна в квартире жила его супруга, Елизавета Константиновна Сергиева, скончавшаяся 23 мая/4 июня 1909 г. и погребенная в северо-восточном углу сквера Андреевского собора. Над ее могилой предполагалось выстроить часовню.

Дом о. Иоанна Кронштадтского уже при его жизни был местом паломничества. После кончины о. Иоанна Император Николай II рескриптом от 21 декабря 1908 г. предложил Св. Синоду увековечить его память и ежегодно отмечать день его кончины всеобщим церковным поминовением. По желанию жителей Кронштадта и почитателей о. Иоанна, квартиру его предполагалось «оставить на будущее время неприкосновенной», и в изданной в 1909 г. книге об о. Иоанне говорилось также, что «предполагается со временем устроить там часовню».

В последующие годы квартиру посещали как кронштадтские, так и приезжавшие из других городов почитатели о. Иоанна, а 20 декабря в квартире служились панихиды. В 1912 г., 19 октября, в день именин о. Иоанна Кронштадтского, стараниями причта и прихода Андреевского собора и при поддержке городских и военных властей Кронштадта на причтовом доме, на стене, выходящей на Михайловскую (Посадскую) улицу, на уровне 2-го этажа, установлена памятная доска из белого мрамора.

В 1918 г., при отчуждении церковных имуществ, здание перешло в ведение города, но в квартире о. Иоанна была освящена церковь во имя Св. Троицы, приписанная к Андреевскому собору. Таким образом, квартиру удалось сохранить. В начале 1920-х гг. церковь была закрыта, имущество передано в Крестовоздвиженскую русско-эстонскую церковь. После этого все здание и квартира перешли в ведение города и стали использоваться как жилые помещения.

В настоящее время в квартире открыт музей, а петербургским православным обществом «Радонеж» на фасаде дома воссоздана памятная доска с историческим текстом.

Е.В. Исакова, М.В. Шкаровский

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

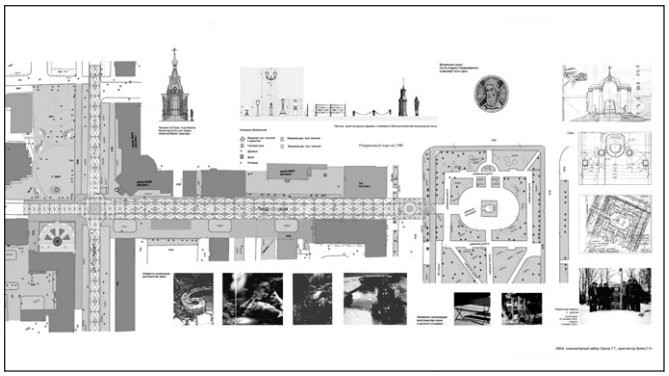

Идея создания в Кронштадте мемориального комплекса, посвященного святому праведному Иоанну Кронштадтскому принадлежит архитектору Георгию Николаевичу Бойко. Первоначально это был проект арки в форме алтаря над памятным камнем, установленным на месте Андреевского собора после переноса памятника В.И. Ленину с того места, где стоял храм. Здесь предусматривалась также установка чаши с водой, подсветка арки и благоустройство всего этого святого памятного места. Но тема увековечивания памяти батюшки Иоанна в городе его полувекового служения так захватила автора, что через некоторое время проект, начинавшийся с памятного камня и арки на месте Андреевского собора, вырос до концепции создания мемориального комплекса посвященного св. праведному Иоанну Кронштадтскому. Проект этот, весьма органично вписанный в историческую городскую застройку – оригинален, красив и необычайно светел. Он хорошо продуман и создан с большой любовью к о. Иоанну. Не случайно многие, кто знакомится с проектом, вдохновляются идеями его авторов и загораются желанием помочь им в воплощении задуманного в жизнь. Проект получил одобрение митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира и Епархиальной архитектурной комиссии во главе с игуменом Александром (Федоровым), а также был согласован с главным художником С.-Петербурга Иваном Григорьевичем Ураловым. В администрации Кронштадта этот проект также получил высокую оценку. Со стороны кронштадтских властей была обещана всемерная поддержка и помощь в реализации задуманного. На Всероссийской выставке «Русь Православная» (2003) прошли общественные слушания, на которых проект одобрила и поддержала православная общественность. Депутат Законодательного собрания С.-Петербурга по 28 округу, куда входит Кронштадт, С.В. Гуляев также поддержал идею создания мемориального комплекса. В 2004 году, по депутатской поправке, городскому бюджету были выделены три миллиона рублей, и проект начал претворяться в жизнь. Начало было положено приведением в порядок скверика возле дома на углу Андреевской и Посадской улиц, в котором жил о. Иоанн Кронштадтский, и где ныне находится мемориальная квартира батюшки.

Что же будет представлять собой мемориальный комплекс святого праведного Иоанна Кронштадтского? Мы попросили рассказать об этом подробнее автора проекта – архитектора Георгия Николаевича Бойко:

– Первоначально существовала лишь тема памятного камня на месте Андреевского собора. С предложением разработать такой проект ко мне обратился глава Андреевского союза Сергей Шотович Учанейшвили. Все проекты, которые были до того, не проходили согласование у главного художника города. Сразу возникла идея установить на месте собора памятный камень с аркой над ним. Арка должна была символизировать будущее возрождение собора, ведь портал с аркой в Андреевском соборе существовал изначально. Таким образом, возникает ассоциация: арка над мемориальным камнем – арка-алтарь. Ведь своим видом она напоминает алтарь храма, которого сейчас нет, но который, быть может, будет восстановлен. Все это было спроектировано как сооружение, которое можно переставить со временем в другое место (когда, Бог даст, начнутся строительные работы по возрождению храма), то есть его можно будет при необходимости перенести в другое место. Но тем не менее сооружение это – красивое, качественное. Колонны планируется выполнить из гранита, антаблемент (элемент здания или сооружения, венчающий колоннаду. – *Ред.*) будет сделан из другого облегченного материала. Мозаичные иконы для верхней части арки в настоящее время уже выполнены. Это иконы св. апостола Андрея Первозванного и святого праведного Иоанна Кронштадтского. Когда велась работа над этим проектом,

Проект мемориальной пешеходной зоны по Андреевской улице. Эскизы мозаичных икон св. прав. Иоанна Кронштадтского и ап. Андрея Первозванного

почти одновременно у всех участников родилась идея присутствия здесь воды. Когда уже начались работы по проектированию, было решено установить рядом с аркой камень с чашей, наполненной водой. Только тогда мы узнали, что, оказывается, после разрушения собора, на этом месте уже была вода, – вначале здесь сделали фонтан. И люди пошли за водой, уверенные, что по молитвам батюшки Иоанна она освящена. Тогда фонтан сломали и водрузили Ильича. Если здесь будет вода, думали мы, то будет жизнь в этом сооружении, и технически это вполне можно выполнить, хотя есть особые условия: вода должна быть чистой, пригодной для питья (артезианской) и сливаться в непопираемое место (не в городскую канализацию, а в канал).

Сейчас идея принята, но самое главное – нашлись благотворители, готовые финансировать этот проект, все участки работы. Ими выступают: ЗАО «Возрождение» (председатель совета директоров Игорь Витальевич Букато) – они выполняют работы из гранита; РСУ-103 (начальник Алексей Владимирович Ефимов) – финансируют выполнение инженерного проекта и производство земляных работ для прокладки водовода, а также изготовление антаблемента; «Тепловая сеть «Ленэнерго» (директор Евгений Григорьевич Хачатуров) – выполняют производство земляных работ для прокладки воды и частичное финансирование этих работ, а также финансирование изготовления мозаичных икон и подсветки; кронштадтская фирма «Ирина» (генеральный директор Александр Барчан) – изготовят кованый крест для арки. Нашлись и другие заинтересованные люди, которые тоже готовы участвовать в осуществлении этого проекта. Так велика любовь к батюшке Иоанну.

– Как родилась сама идея мемориального комплекса?

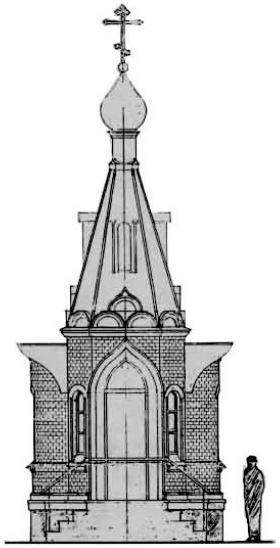
– Когда я работал над проектом памятного камня, приходилось неоднократно приезжать в Кронштадт. И однажды у меня родилась мысль: что же это получается? Улица, ведущая к музею-квартире, к дому, где жил о. Иоанн Кронштадтский, то есть вся эта святая дорога, по которой батюшка ежедневно ходил, так и останется в нынешнем виде? Наверное, ее тоже стоит сделать мемориальной. Появились мысли об этом. Получили съемку местности, начали работать.

– В ваш проект входит установка памятника св. прав. Иоанну Кронштадтскому. Очень красивый замысел. Расскажите, пожалуйста, о нем и о его авторе.

– Около года назад студент московского Суриковского художественного института Андрей Владимирович Соколов на последнем курсе обучения сделал диплом-

Проект благоустройства и создания мемориальной зоны в садике возле дома, в котором проживал о. Иоанн

Проект часовни св. прав. Иоанна Кронштадтского, которую планируется соорудить на углу Андреевской и Посадской улиц

ную работу – скульптуру святого праведного Иоанна Кронштадтского. Вначале он приехал в Кронштадт, посмотрел место, где жил батюшка, дом, мемориальный дворик, и начал работать. Сейчас эта работа выполнена, он защитил диплом с отличием и готов подарить свой труд городу. Очень красивая, на самом деле, скульптура. Сейчас она, благодаря помощи депутата Законодательного собрания С.-Петербурга Сергея Владимировича Гуляева, переведена из глины в гипс. Ее необходимо перевести в материал – отлить в бронзе, на что также потребуются немалые средства (ок. 50 000 долларов США). Памятник о. Иоанну Кронштадтскому, выполненный скульптором Андреем Соколовым, согласно нашему проекту, планируется установить в скверике у дома батюшки.

Как завершение всего комплекса, в этом же сквере, напротив мемориального музея-квартиры о. Иоанна, задумано поставить часовню во имя св. прав. Иоанна Кронштадтского. Своим решением она напоминает арку, которая находится в начале этого пути. Кроме того, в проекте продуманы: гранитная вымостка Андреевской улицы (от Николаевского проспекта до Крестовоздвиженской церкви), которая станет пешеходной, планируется установить гранитные арочные столбы в качестве малых архитектурных форм, открывающие мемориальный комплекс со стороны Николаевского проспекта. В одном стиле планируется выполнить убранство расположенных здесь скверов, детских площадок, мест отдыха для кронштадтцев, киосков для торговли православной литературой и сувенирами.

По нашему замыслу, сквер с памятником о. Иоанну должен быть тихой зоной, местом встречи с батюшкой Иоанном, местом разговора с ним, благоговейной памяти о нем. Сквер с часовней, напротив, – молитвенное пространство, здесь можно поставить свечи, подать записки, помолиться. Далее – зона отдыха горожан и детские игровые площадки. Мы попытались в этом проекте (кроме меня, над проектом работает также мой коллега – Тимон Троадиевич Орлов) соединить интересы разных людей, – не только прихожан и многочисленных паломников, но и обычных людей, жителей Кронштадта, у которых, быть может, пока еще сложные, неопределенные отношения с верой, но тем не менее они живут в этом городе. Все они разного возраста. И этот диапазон: верующих и неверующих, малых детей и пожилых людей – мы попытались охватить, интересы каждого учесть, чтобы мемориальный комплекс святого праведного Иоанна Кронштадтского благотворно влиял на всех.

Анна Петровна Макарова

газета «Кронштадт православный»

А.Г. Шкваров

СТРОИТЕЛЬСТВО ЦЕРКВИ ПРАВ. ВОИНА ФЕОДОРА УШАКОВА В КРОНШТАДТСКОМ МОРСКОМ КОРПУСЕ

История создания Морского кадетского корпуса восходит к первым годам существования российского регулярного флота, основанного Петром I в 1696 г. Для комплектования флота национальными командными кадрами 14 января (25 января по новому стилю) 1701 г. указом Петра I была основана Школа математических и навигацких наук, или Навигацкая школа. С июня 1701 г. школа размещалась в Москве, в Сретенской (Сухаревой) башне. Она насчитывала 200 учащихся и готовила специалистов не только для флота, но и для армии, а так же для гражданской государственной службы.

1 октября 1715 г. в новой столице России – Петербурге, на базе старших мореходных классов Навигацкой школы создается Морская академия, или Академия морской гвардии, чисто военное учебное заведение для подготовки офицеров флота. Навигацкая школа лишилась прежнего значения и стала своеобразным подготовительным училищем. Морская академия была рассчитана на 300 учеников – выходцев из привилегированных сословий и организационно подразделялась на шесть бригад (отделений) по 50 человек в каждой.

В 1716 г. учреждается воинское звание «гардемарин» (от франц. garde de marine – страж моря или морской гвардеец). Это звание заменило звание «навигатор» в качестве переходного от ученика Морской академии к чину мичмана (учрежден в 1713).

15 декабря 1752 г. Навигацкая школа и гардемаринская рота были упразднены, а Морская академия преобразована в Морской шляхетный кадетский корпус. Новое название подчеркивало комплектование его исключительно лицами дворянского происхождения.

С 1771 по 1798 гг. Корпус располагался в Кронштадте, в здании Итальянского дворца.

С 1802 г. слово «шляхетный» исключили из названия учебного заведения, но это изменение не коснулось принципов комплектования.

В 1861 г. в Морском корпусе были установлены новые правила приема, которые впервые предусматривали конкурсные экзамены и так называемые пробные плавания – для предварительного знакомства с морским делом. В корпус принимались юноши в возрасте от 14 до 17 лет, при этом кроме дворянских детей правом

Кронштадтский Морской кадетский корпус

поступления пользовались дети «потомственных почетных граждан», заслуженных армейских и флотских офицеров, гражданских чиновников.

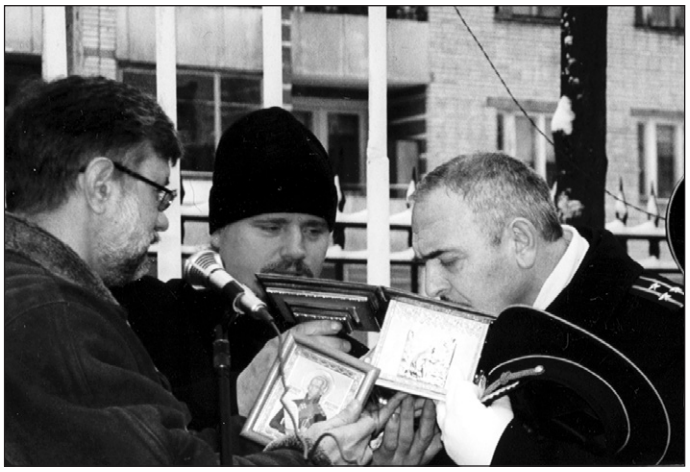
2 июня 1867 г. Морской кадетский корпус переименовали в Морское училище. Согласно уставу Морского училища, отнесенного к разряду высших учебных заведений, в него принимались юноши в возрасте 16 лет.

В 1891 г. Морское училище вновь переименовали в Морской кадетский корпус. По новому положению устанавливался 6-летний срок обучения, в строевом отношении корпус подразделялся на 6 рот, из которых четыре старшие составляли батальон, а в учебном – на 6 классов: 3 общих и 3 специальных.

15 сентября 1918 г. приказом по флоту и Морскому ведомству было объявлено о создании в Петрограде Курсов командного состава флота. Комплектование курсов началось на учебном корабле «Петр Великий», а в первых числах октября 1918 г. слушателей перевели в помещение бывшего Морского училища.

История Морского кадетского корпуса продолжается и сегодня в стенах Кронштадтского морского кадетского корпуса.

25 апреля 1995 г. распоряжением мэра Санкт-Петербурга А. Собчака, во исполнение распоряжения президента Российской Федерации от 3 апреля 1995 г. № 155-рп и совместного решения министра обороны РФ и мэра Санкт-Петербурга от 31.03.1995 г., было

учреждено государственное образовательное учреждение среднего (полного) общего образования – «Первый кадетский морской корпус».

1 октября 1995 г. 75 воспитанников 5–7 классов впервые были собраны в Санкт-Петербурге. После трехнедельных учебных сборов в пос. Комарово первая учебная рота прибыла в Кронштадт. С 25 октября 1995 г. начались занятия в отремонтированных помещениях здания по ул. Зосимова, д.15.

22 ноября 1995 г. первым заместителем ГК ВМФ адмиралом И. Касатоновым Кадетскому корпусу было торжественно вручено знамя корпуса. Этот день стал днем рождения Морского кадетского корпуса.

19 февраля 1996 г. президент РФ издал распоряжение «О создании Кронштадтского морского кадетского корпуса». Этот документ определил, что Кадетский корпус создается в системе МО России и является образовательным учреждением среднего (полного) общего образования с дополнительными образовательными программами, имеющими целью военную подготовку несовершеннолетних граждан мужского пола. Началось плановое комплектование Кадетского корпуса до численности, указанной в приказе МО РФ № 310 от 27 августа 1996 г. – 700 обучающихся.

Сегодня в Кадетском корпусе обучается около 700 воспитанников из всех регионов России. Большинство из них с честью несут высокое звание кадета Морского корпуса: хорошо учатся, добросовестно выполняют свои обязанности.

* * *

Феодор Феодорович Ушаков (1745–1817), прославленный воинскими доблестями и не побежденный ни в одном сражении адмирал великого Российского Флота, ублажен Святой Церковью Христовой как муж праведный и благоверный, как один из примеров для подражания верующим, как угодник Божий.

Феодор Ушаков был выдающимся государственным деятелем. Вся его жизнь была отдана России. Он преданно служил благу своего народа, державному достоинству своей Родины и, вместе с тем, всегда оставался человеком глубокой веры во Христа Спасителя, человеком великого милосердия и жертвенности, верным сыном Святой Церкви. Именно это гармоничное сочетание личной праведности и ревностного общественного служения и стало главным побуждением к прославлению Феодора Ушакова Русской Православной Церковью.

Память праведному Феодору совершается в день его прославления ***23 июля/5 августа*** *и в день блаженной кончины* ***2/15 октября.***

* * *

Благотворительный фонд «Православие» приступил к воплощению в жизнь проекта строительства в Морском кадетском корпусе г. Кронштадта храма-часовни в честь знаменитого русского флотоводца, непобедимого адмирала Ф.Ф. Ушакова, канонизированного Православной Церковью.

22 ноября 2002 года в г. Кронштадте состоялось знаменательное событие: президент Благотворительного фонда «Православие» Алексей Геннадьевич Шкваров передал начальнику кронштадтского Морского кадетского корпуса, капитану 1-го ранга Евгению Ивановичу Пешикову, для проектируемой часовни святого праведного Феодора Феодоровича Ушакова частицу его мощей, доставленную из Рождества-Богородичного Санаксарского монастыря Саранской епархии.

В настоящее время «Таврическая строительная компания» проводит предпроектные работы. Окончание всех проектных работ, а также получение соответствующих согласований, разрешений и технических условий планируется осуществить за зимний период, с тем, чтобы в следующем году приступить непосредственно к строительству.

Да послужат деяния адмирала добрым примером настоящему и будущему поколениям Русских моряков! Молитвами праведного флотоводца его нынешние последователи да будут столь же непобедимыми защитниками своего Отечества под славным Андреевским флагом.

Строительство часовни станет подтверждением неоспоримой истины, что только единством православного духа, военной мощи и государственной мудрости – Россия могуча и непобедима. В чем да поможет нам Господь по молитвам святого праведного воина Феодора Феодоровича Ушакова, адмирала Флота Российского, Непобедимого.

НАМ ЖИТЬ: ЛЮБИТЬ, ВЕРИТЬ, ЗАЩИЩАТЬ

Не убий. Не укради. А остальные христианские заповеди – какие они?.. Сегодня об этом расскажет вам далеко не каждый ребенок. Но ведь не всегда так было! 100 лет назад любой мальчишка (даже из самой глухой деревни, не говоря уже о просвещенном Петербурге) легко ответил бы на этот вопрос. Потому что встать в воскресенье утром и пойти вместе с родителями в церковь – было делом естественным и привычным. Настолько привычным, что спроси у малыша, зачем он так делает – пожмет плечами, да и скажет всего лишь: «У нас так принято». «ПОЛОЖЕНО».

А сегодня, произнося «не укради», мы слышим из уст подростка: «Ха! По телевизору говорят, что только дураки не воруют». Что касается «не убий» – то говоря об этом, телевизор лучше не включать. Окровавленный экран – характерная примета нашего времени.

Кто виноват, и что делать? Виноваты все, кто имел отношение к уничтожению церквей. А дальше – все просто: церкви нужно строить.

Именно этим и занимается по мере сил своих Благотворительный фонд «Православие». Его президент Алексей Шкваров считает, что каждый вновь строящийся или воссоздаваемый храм в современной России должен становиться не просто часовней, церковью, собором, а храмом-памятником, посвященным и событиям нашей многострадальной истории, и людям, чьи дела и помыслы были, есть и будут благими для нашего Отечества. И он прав. А как иначе дети наши проникнутся могуществом духа их прадедов, что создавали историю той страны, в которой предстоит жить нашему «компьютерному» поколению?..

Один из ближайших проектов Фонда – строительство в Морском кадетском корпусе города Кронштадта храма-часовни в честь знаменитого русского флотоводца, непобедимого адмирала Феодора Ушакова, канонизированного Православной Церковью. Для мальчишек-кадетов, грезящих о морях-океанах и дальних плаваниях, этот мемориал станет подтверждением того, что Россия помнит о своих великих сыновьях и гордится ими.

О Морском кадетском корпусе писали уже не раз, но мы решили подробнее рассказать о жизни юных моряков и о проекте храма-часовни.

В разговоре принимают участие президент Благотворительного фонда «Православие» **Алексей Геннадьевич Шкваров** и капитан 1-го ранга, начальник Морского кадетского корпуса **Евгений Иванович Пешиков.**

Православие и воспитание – как связаны эти два понятия в военном образовательном учреждении?

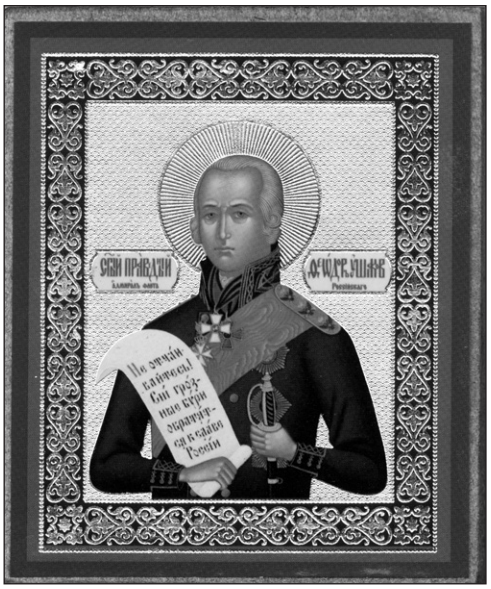
Е.И. Пешиков: В программу обучения наших ребят входят основы Православия, и у них этот предмет вызывает интерес. На мой взгляд – это благо. Конечно, воспитанием ребенка в православных традициях должны заниматься, прежде всего, родители, семья. Но и в школе это тоже необходимо. Православие никогда не учило воровать, никогда не учило убивать, учило ценить добро. Весь наш педагогический состав очень поощряет соблюдение ребятами православных традиций, на праздники мы приглашаем нашего настоятеля отца Святослава, иногда он посещает и занятия в классах. И к проекту строительства часовни мы относимся очень тепло, поддерживаем эту идею с самого начала.

А.Г. Шкваров: Без малого тысячу лет со знамени победоносного российского воинства нам сиял Образ Спаса Нерукотворного. Воинства поистине христолюбивого. Ибо только заповедью Христовой возлюбить своего ближнего так, чтобы положить за него душу свою, могут быть оправданы и применение оружия, и своя, и чужая кровь, и муки ранения, и даже смерть. Наконец-то мы возвращаемся назад к своим истокам,

начиная понимать, что Православие и Россия неразделимы. И юные кадеты Кронштадта уже учатся под славным Андреевским флагом. Начинает воплощаться в жизнь проект строительства в Кадетском корпусе православной часовни святого праведного Феодора Ушакова, непобедимого русского адмирала, своей благочестивой жизнью, своей жертвенностью и милосердием заслужившего право быть канонизированным Православной Церковью. Воспитание духовности юных начинается с пробуждения в них интереса к нашей истории и культуре. А Православие – их неотделимая часть. Вот почему мы так ратуем за этот проект.

Икона св. прав. воина Феодора Ушакова

Каким образом военный человек – адмирал Ушаков мог быть канонизирован Русской Церковью, ведь он посылал на смерть, и по его приказу также несли смерть?..

Е.И. Пешиков: Он всегда берег русского солдата, и сам от пуль не прятался за спины своих товарищей. Он был глубоко верующим человеком, его поступки были благочестивы и святы. Он был человеком великого милосердия и жертвенности, верным сыном Святой Церкви.

Каково отношение чиновников различных уровней и структур к тому, что дети служат под Андреевским флагом? Каково их отношение к идее закладки часовни?

Е.И. Пешиков: Мало-мальски культурный человек знает, что Андреевский флаг всегда развевался над кораблями Военно-Морского флота России, и я ни разу не встречал того, кто открыто высказался бы против.

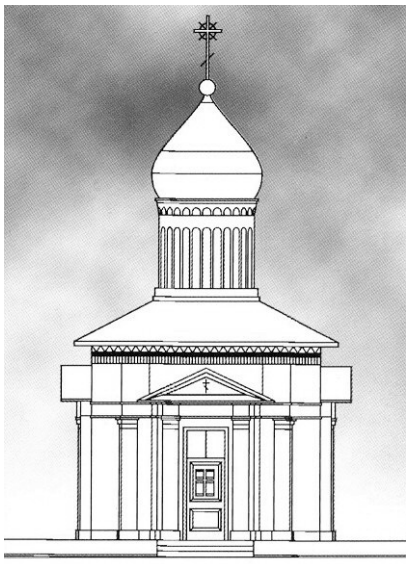
А идея строительства часовни, – если разобраться, то мы ведь находимся на территории Министерства обороны, и я считаю себя вправе решить эти вопросы с главнокомандующим Военно-Морским флотом. Думаю, что Владимир Иванович Куроедов эту проблему решит. Более того – поддержит.

В главном штабе ВМФ недавно поставлен иконостас, и это была личная инициатива адмирала Куроедова. В Военно-Морской академии есть место, куда может прийти любой верующий офицер и помолиться. А в Суровском училище отреставрирована православная церковь – как раз в пажеском корпусе, который я заканчивал. Так что у военных все это в порядке вещей.

А.Г. Шкваров: Каждый чиновник реагирует на эту идею ровно в соответствии со своей гражданской позицией. Комитет по образованию, например, категорически возражает против строительства часовни, ссылаясь на непонятный закон, где ничего не говорится о запрете (видимо, чиновников бесит одно то, что дети, одевшие в одиннадцать лет бескозырки русского флота, учатся под православным Андреевским флагом).

Командование и офицеры флота всецело поддерживают нашу инициативу, сам проект разрабатывается 23-м ГМПИ ВМФ, начальник – полковник Андрей Олегович Наумов. Поддерживает ее всеми силами и глава Кронштадта, в прошлом морской офицер, Виктор Леонидович Суриков. Администрация города, возглавляемая им, взяла на себя обязательство оформить всю разрешающую документацию, вплоть до распоряжения губернатора. А мы знаем, какая это долгая, сложная и бюрократическая процедура.

В какие сроки можно ожидать открытия часовни?

Проект часовни св. прав. воина Феодора Ушакова – адмирала Российского флота при Кронштадтском Морском кадетском корпусе. 2002 г.

Е.И. Пешиков: Думаю, что форсировать события не нужно, необходимо соблюсти все технологические нормы. С другой стороны, это не такое уж сложное сооружение, поэтому в течение года возможно часовню открыть.

А.Г. Шкваров: Я считаю, что закладку часовни можно и нужно произвести в дни празднования 300-летия Кронштадта, а окончание строительных работ осуществить или в День поминовения святого праведного Феодора Ушакова (15 октября), или в день рождения Морского кадетского корпуса.

Расскажите о том, что уже конкретно делается для продвижения этого проекта.

А.Г. Шкваров: Разработан и утвержден епархиальной строительной комиссией проект храма, его благо-

Евгения Логинова

Напоминаем всем желающим оказать помощь в строительстве часовни:

Расчетный счет Некоммерческой организации Благотворительный фонд «Православие»
№ 40703810700000002372
кор.счет № 30101810700000000877
ОАО Банк «Таврический» г.Санкт-Петербург
БИК 044030877 ИНН 7816199369
Для добровольных пожервований на строительство часовни св. прав. Феодора Ушакова

Для перечисления средств в долларах США
Транзитный валютный счет Некоммерческой организации Благотворительный фонд «Православие»
№ 40703840300001002372
кор.счет № 30101810700000000877
ОАО Банк «Таврический» г. Санкт-Петербург
БИК 044030877 ИНН 7816199369
Для добровольных пожертвований на строительство часовни св. прав. Феодора Ушакова.

e-mail:cfo@comset.net
www.orthodoxy.spb.ru

словил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир. Доставлены в Кадетский корпус частицы мощей святого праведного Феодора Ушакова и в ковчеге, перед всем строем кадет переданы на хранение отцу Святославу в собор Владимирской иконы Божией Матери до окончания строительства часовни. Сейчас разрабатывается полностью вся проектная документация. Мы надеемся получить из далекого Туниса части корабельных иконостасов и хоругви корабельных церквей последней эскадры Русского Императорского флота, хранящиеся там, чтобы реликвии заняли подобающее им место в новом морском храме.

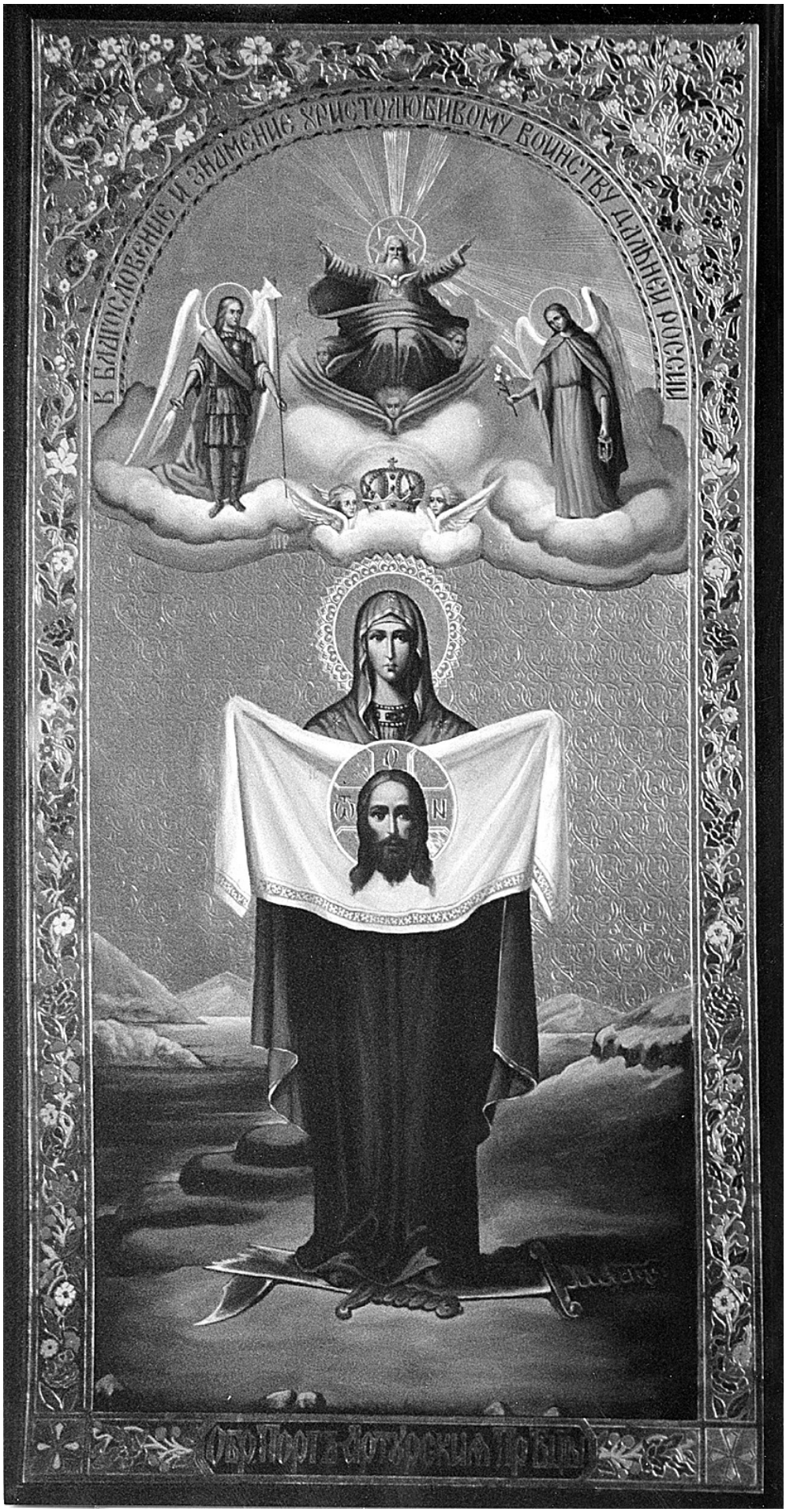
За счет чего будет финансироваться проект?

А.Г. Шкваров: Строительство мы планируем осуществить, как всегда, на пожертвования. Многие звонят и предлагают свою помощь. И простые люди, и организации уже начали перечислять деньги. С первым уложенным в фундамент будущего храма кубометром бетона эта помощь станет более ощутимой. Я верю в это, так было с каждым новым храмом, который мы начинали строить.

Как говорил наш великий Суворов: «Мы русские, и с нами Бог!» Значит, прорвемся.

И будет еще одним православным храмом на Святой Руси больше, и значит, укрепится наше воинство христолюбивое душою. И увидит наша молодежь, наше будущее, воплощенное в этих юных кадетах, что возрождается Россия, что помнит она о своем воинстве, о своих великих сынах, одним из которых был праведный Феодор Ушаков.

В БЛАГОСЛОВЕНИЕ И ЗНАМЕНИЕ ХРИСТОЛЮБИВОМУ ВОИНСТВУ ДАЛЬНЕЙ РОССИИ

ПОРТ-АРТУРСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

В декабре 1903 года в Киево-Печерскую лавру пришел среди прочих паломников седовласый старик-матрос из Бессарабской губернии. На груди его светился серебром Георгиевский крест. Это был один из последних живых участников славной Севастопольской обороны. Лучшие годы своей жизни воин отдал государевой флотской службе, плавал под начальством Нахимова, прошел всю Севастопольскую страду, был тяжело ранен, чудом остался жив. И теперь, во исполнение данного обета, пришел поклониться мощам угодников Печерских и поблагодарить за сохранение от вражеских пуль во время тяжелой войны.

Но у него была еще одна важная миссия. Он рассказал киево-печерской братии о необычайном видении, которого удостоился.

В одну из ночей старик-матрос был разбужен странным шумом, будто от сильного ветра. Проснувшись, он увидел Божию Матерь, окруженную ангелами во главе с Архистратигом Михаилом и Архангелом Гавриилом.

Она стояла на берегу морского залива, спиною к воде. В руках Ее был белый плат, обрамленный голубой каймой, а посреди полотна был изображен Нерукотворенный Лик Спасителя. Одета была Богородица в синий хитон, покрытый верхним облачением коричневого цвета. На берегу залива в тумане был виден город в огне; на этот город и были обращены взоры Владычицы, благословлявшей его Нерукотворенным образом Спасителя. Над головою Ее в облаках ослепительного света ангелы держали корону, увенчанную другою короной из двух перекрещивающихся радуг. На верху короны был крест. Выше ангелов и корон, на престоле славы, восседал Господь Саваоф, окруженный ослепительным сиянием, по которому были видны слова: «Да будет едино стадо и един Пастырь». Богородица попирала своими стопами обоюдоострый обнаженный меч. Потрясенный всем виденным, старик-матрос испытал сильнейшее смущение, но Матерь Божия, ободрив его, сказала: «России предстоит очень скоро тяжелая война на берегах далекого моря, и многие скорби ожидают ее. Изготовь образ, точно изображающий Мое явление, и отправь его в Порт-Артур. Если икона Моя утвердится в стенах города, то Православие восторжествует над язычеством и русское воинство получит победу, помощь и покровительство». Затем ослепительно-белый, необычайной красоты свет озарил комнату старика, и видение исчезло.

В Киево-Печерской лавре богомольцы достаточно рассказывали разных историй о «чудесах» и «видениях», поэтому повествование старика-севастопольца вызвало настороженное отношение. Но прошло чуть более месяца, и о явлении Божией Матери заговорили не только в Киеве, но и по всей России.

В ночь на 26 января 1904 года нападением японских миноносцев на русские корабли в Порт-Артуре началась Русско-Японская война. 27 января был объявлен Высочайший манифест о начале войны. Театр военных действий охватил, на сей раз, обширные Дальневосточные территории, включая Порт-Артур, Маньчжурию, Владивосток, Сахалин и Камчатку. Война напомнила о повелении Божией Матери написать Ее икону.

«Конечно, – писал позже один из киевлян, – при той скудости средств, коими располагал отставник-севастополец, о заказе большой храмовой иконы нечего было и думать. <...> Но, видимо, в том-то и состоял дивный Промысл Божий, что дело это привлекло к себе тысячи православных людей и сделалось предприятием воистину всенародным».

Уже в самый первый день число жертвователей на будущий образ достигло нескольких сотен, и потому богомольцами спешно был учрежден специальный Комитет, который постановил: дабы соблюсти между жертвователями полное равенство, в дальнейшем принимать от каждого лица ровно по пять копеек – ни больше, ни меньше! Когда количество жертвенных пятаков достигло 10000, сбор денежных средств был прекращен, и Комитет приступил к подысканию подходящего живописца. Вопрос, как все понимали, был крайне важным, богомольцы перебрали множество разных кандидатур, и, в конце концов, работу решено было доверить известному киевскому живописцу П.Ф. Штронде. Художник охотно изъявил свое согласие, а когда посланные к нему делегаты завели речь о размерах будущего гонорара, решительно заявил: «Не возьму ни гроша. Деньги жертвователей будут потрачены только на необходимые материалы».

Русско-Японская война. Мукденский бой. Атака Путиловской сопки. С рисунка худ. В. Атабурина. 1905 г.

Работа продолжалась около четырех недель, и почти все это время возле художника безотлучно пребывал ветеран-севастополец. Ночное видение старик помнил на удивление точно; и такой же точности требовал от иконописного мастера. Порою, не в силах объясниться словами, старик молча забирал у Штронде карандаш, и тогда художник с изумлением видел, как натруженные, скрюченные пальцы матроса вдруг обретали поистине профессиональную легкость и свободно скользили по рисунку, нанося без видимых усилий тончайшие штриховые контуры.

На шестой неделе Великого поста художник работу закончил. «Образ написан на золотом чеканном фоне, – сообщал читателям журнал «Русский паломник». – Высота его с рамою 2 аршина полтора вершка, без рамы – 1,75 аршина. Ширина – 1,5 аршина, без рамы – 1 аршин 1,5 вершка. Композиция всей иконы, фигуры, цвета, детали одежд и подробности окружающей Богородицу обстановки переданы точно в том виде, в каком запомнились они севастопольскому ветерану. По краям образа эмалированной вязью сделана надпись: «Торжество Пресвятыя Богородицы». В благословение и знамение торжества христолюбивому воинству далекой России от святых обителей Киевских и 10000 богомольцев и друзей». «Художнику, – заключал корреспондент, – особенно удались глаза Богоматери – они живые...»

На Страстной седмице при громадном стечении народа образ был освящен и вечером того же дня в сопровождении специальной депутации отправлен по железной дороге в С.-Петербург, дабы вверить его там попечению адмирала Верховского. К образу было приложено письмо за многими десятками подписей, в котором киевские граждане выражали надежду, что «Его Превосходительство употребит все возможности для скорейшего и безопасного доставления иконы в крепость Порт-Артур».

На первый взгляд, богомольцы все сделали совершенно правильно. Полный адмирал и член Адмиралтейств-Совета Владимир Павлович Верховский принадлежал к высшей флотской элите и, конечно, его власти вполне хватило бы для «скорейшего и безопасного доставления» иконы по ее назначению. К тому же, как утверждали, Владимир Павлович был человеком благочестивым и тонким ценителем изящных искусств.

«На Пасху, – писал современник, – образ был уже в доме адмирала Верховского». Теперь, казалось бы, дело было совсем за немногим – погрузить икону в ближайший скорый поезд или даже воинский эшелон, и в течение 17–18 суток она была бы уже в расположении порт-артурских позиций, но Владимир Павлович поспешности в делах не любил. Последующие несколько дней дом его напоминал модный художественный салон. Полюбоваться необычной иконой заходили господа генералы, сенаторы, представители столичных властей и старые коллеги по службе. В один из дней адмиральскую квартиру навестил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский). Владимир Павлович тут же испросил его благословения выставить икону («хотя бы на недельку») в Казанском соборе, но Владыка деликатно напомнил ему, что законное место иконы не в Казанском соборе, а в Порт-Артурском, и что с исполнением Владычной воли можно было бы чуть-чуть поспешить. Адмирал ответил на это, что ему поручено не только скорейшее доставление иконы, но и безопасное, и что ради выигрыша семи-восьми дней вряд ли стоит подвергать икону дорожным случайностям. (Последующие события показали, что судьбу «Порт-Артурской» иконы как раз и решили эти самые семь-восемь дней.)

А война между тем продолжалась. 31 марта (в среду Светлой седмицы) с Востока пришло трагическое известие: на выходе с порт-артурского рейда подорвался на мине флагманский броненосец «Петропавловск», и с ним нашел свою смерть командующий флотом адмирал Степан Осипович Макаров – человек, найти равноценную замену которому было попросту невозможно. Все тихоокеанцы переживали его гибель как личную катастрофу, а Государь Николай Александрович оставил среди каждодневных своих записей такую: «Целый день не мог опомниться от этого ужасного несчастья. <...> Во всем да будет воля Божия, но мы должны просить о милости Господней к нам, грешным».

Возможно, если бы Верховский обладал более тонкой духовной интуицией, он воспринял бы трагедию нашего флота как некий грозный знак и поторопился

с отправкой иконы. Но нет! Образ «Торжество Пресвятой Богородицы» все так же продолжал украшать адмиральскую квартиру; Владимир Павлович надумал теперь заказать себе точный его список, и на эту работу (которую прекрасно выполнили монахини Новодевичьего монастыря), было затрачено еще несколько драгоценных дней. А время шло! На место погибшего Макарова должен был заступить адмирал Николай Илларионович Скрыдлов, отозванный по сему поводу с поста командующего Черноморским флотом.

Некогда миноносник, заслуживший на войне с турками «Георгия», теперь он посолиднел и внешностью больше напоминал доктора медицины, нежели флотоводца. Приказ о его назначении состоялся 1 апреля; сутки спустя Скрыдлов покинул Севастополь, 6-го числа прибыл в С.-Петербург, и пока длилась почти недельная череда всех полагавшихся по его чину встреч и аудиенций, попечение над «Порт-Артурской» иконой решила возложить на себя вдовствующая Императрица Мария Феодоровна. По ее распоряжению образ «Торжество Пресвятой Богородицы» покинул, наконец, адмиральский дом, и после краткого молебна в собственной Ее Величества резиденции (Аничковом дворце) был доставлен в салон-вагон адмирала Скрыдлова. Николай Илларионович торжественно приложился к иконе и дал обещание, что лично внесет ее в Порт-Артурский собор.

Адмиральский поезд отбыл из Петербурга 12-го числа. Но, к удивлению многих, командующий наметил свой маршрут не прямо на Восток, а снова в Севастополь. Там он еще несколько дней потратил на передачу дел своему преемнику, еще день-другой устраивал по-дорожному свое семейство с багажом, и только 20-го тронулся в путь. К несчастью, сделал он это слишком поздно.

22 апреля наместник Его Величества на Дальнем Востоке и главнокомандующий всеми морскими и сухопутными силами адмирал Алексеев покинул Порт-Артур. На следующий день японцы высадили морские десанты в непосредственной близости от Дальнего, который отстоял от Артура менее чем на 50 километров. Теперь им оставалось нанести последний удар, перерезав линию КВЖД, связывающую Порт-Артур с Россией. 26-го числа «никому не известный Спиридонов в компании двух русских писателей, Дмитрия Янчевецкого и Василия Немировича-Данченко, взялся доставить в Порт-Артур громадный эшелон с боеприпасами. Смельчаки сели на паровоз и помчались вперед, давя японцев на рельсах, писатели поклялись, что взорвут эшелон и погибнут сами, если их остановят». Это был самый последний поезд на Порт-Артур. Писатели смогли прорваться, Скрыдлов – не смог. В Харбине он узнал, что в районе Дальнего железнодорожный путь окончательно перерезан, и, добравшись до станции Мукден, вынужден был развернуть свой адмиральский

Русско-Японская война. В горах Тюренчена. С картины М.Л. Маймона. 1905 г.

поезд на север – во Владивосток.

Принято считать, что история не терпит сослагательного наклонения. Быть может, это и так, но часто случается, что невозможно не задаться вопросом: что было бы, если бы? Что было бы, например, если бы лаврские богомольцы не стали связывать свои надежды с Верховским и не вверились бы «совету князей», а твердо возложили все упование на всеблагую и всесовершенную волю Божию? Тогда, быть может, история всей войны сложилась бы совсем по-другому.

Фирменный «Сибирский экспресс» (а они до самого перерыва сообщений ходили точно по расписанию) одолевал расстояние от Петербурга до Порт-Артура за 17 дней. Образ «Торжество Пресвятой Богородицы», как мы знаем, был доставлен в С.-Петербург в самый день Пасхи, т. е. 28 марта. Если б икона продолжила свой путь на следующий день (или хотя бы до истечения Светлой седмицы), то, несомненно, до выброски японского десанта она была бы уже в расположении Порт-Артурской крепости. Но случилось иначе. После двухнедельного пребывания в Петербурге и почти месячных блужданий с адмиральским салон-вагоном икона, в конце концов, оказалась там же, где и сам адмирал – во Владивостоке.

Что же было дальше? Вот как пишет об этом один из современников тех событий: «Таинственная и чудесная по своему происхождению икона, известная под названием «Торжество Пресвятой Богородицы», была предназначена в крепость Порт-Артур. Вследствие прекращения сообщений с последним, эта икона с Высочайшего дозволения Императрицы Марии Феодоровны, испрошенного адмиралом Н.И. Скрыдловым, 2 августа 1904 года была временно помещена во Владивостокском кафедральном соборе (за правым клиросом, рядом с колонной)».

Итак, икона была выставлена в соборе по личному ходатайству командующего флотом Скрыдлова, что, безусловно, делает ему честь. И все было бы замечательно, если б не вводила в смущение одна деталь – дата. Ведь Скрыдлов, как известно, прибыл во Владивосток в

Владивосток. Кафедральный Успенский собор, где пребывала Порт-Артурская икона Божией Матери

первой декаде мая, икона же была выставлена в соборе только 2 августа, т. е. почти 90 (!) дней спустя. Почему? Современник обошел этот вопрос деликатным молчанием, но думается, что никакой особой тайны тут нет, и причины всему были самые простые. По-видимому, за множеством трудов и забот Николай Илларионович попросту забыл об иконе – точно так же, как за 50 лет до него севастопольский князь Меншиков «запамятовал» о присланном ему списке с иконы Божией Матери «Умиление».

Дата 2 августа тоже весьма примечательна. Видимо, слухи о будто бы «сокрытии» командующим «Порт-Артурской» иконы давно уже блуждали по городу, вызывая в среде верующих законное недовольство. И можно себе представить, сколь обострилось это чувство (в особенности среди жен и матерей моряков), когда три владивостокских крейсера пошли в море на неравный бой с японской эскадрой. Случилось это 30 июля 1904 года. Вероятно, в тот же самый день адмиралу пришлось выдержать весьма неприятный разговор с верующими, которые прямо потребовали от него выставить икону для всеобщего поклонения. Чтобы хоть как-то сохранить лицо, Николай Илларионович поспешил переложить ответственность на плечи вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны – мол, сам он решать ничего не может, а Высочайших указаний пока что не поступало. В конце концов, телеграфный запрос был послан, ответ получен, и образ «Торжество Пресвятой Богородицы» перенесен из адмиральского дома в Успенский кафедральный собор.

Едва ли когда соборные стены слышали столько искренних и горячих молений, сколько возносилось их перед образом «Торжество Пресвятой Богородицы» в те августовские дни. «Мы неоднократно были свидетелями того, – писал очевидец, – как перед этою иконою, склонив колена, с глубокой верою, со слезами на глазах молились люди (мужчины и женщины), принадлежащие к высшему классу общества, были свидетелями того, как морские и сухопутные чины, начиная с простого солдата и матроса и кончая адмиралом или генералом, повергались ниц пред этою иконою и в усердной молитве искали себе утешения, ободрения и помощи у Пресвятой Богородицы».

6 августа, в праздник Преображения Господня, в присутствии Наместника и прочих морских и сухопутных чинов Преосвященный Евсевий, епископ Владивостокский, после Божественной литургии в первый раз служил молебен перед этой необычайной по своему происхождению иконою, предварив его такой речью: «Сии на колесницах и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем. Тии спяти быша и падоша, мы же востахом и исправихомся. Эти слова святого царя и пророка Давида уместно нам, братие, возможно чаще приводить себе на память в настоящее тревожное время. Давид был царь по сердцу Господню. Но и ему Господь в дни его царствования судил многократно вести борьбу и с внутренними и с внешними врагами. <...> Наши теперешние враги – японцы, подобно врагам Давида, тоже надеются исключительно на силу своего оружия и свою храбрость. Но они только первый раз серьезно пробуют свою силу, а доказанная победоносная сила и храбрость русского воинства имеет за собою более чем 1000-летнюю давность. Мы не будем, подобно японцам, надеяться на свою только силу, а подобно Давиду будем уповать прежде всего и больше всего на помощь Божию и на заступление Божией Матери. Так всегда было в нашей православной России в предшествовавшие войны, пусть так будет и теперь. <...> И да не смущается сердце старика-воина, которому было видение, и всех, на средства и по усердию которых сооружена святая икона, что не попала она в Порт-Артур. Господь многомилостив и всесилен, и Его Пречистая Матерь может оказать помощь артурцам и всем русским воинам, находясь Своим изображением и во Владивостоке, а мы, жители Владивостока, возрадуемся и возвеселимся, имея у себя сию святыню. <...> И пусть наши враги хвастаются своей силою и храбростью, а мы будем хвалиться силою Божией и заступлением Божией Матери. Сии на колесницах и сии на конех; мы же во имя Господа Бога нашего призовем, – воскликнем и мы со святым царем и пророком Давидом, и да дарует нам Господь утешение вместе же с ним возможно скорее воскликнуть: тии спяти быша и падоша; мы же востахом и исправихомся. Аминь».

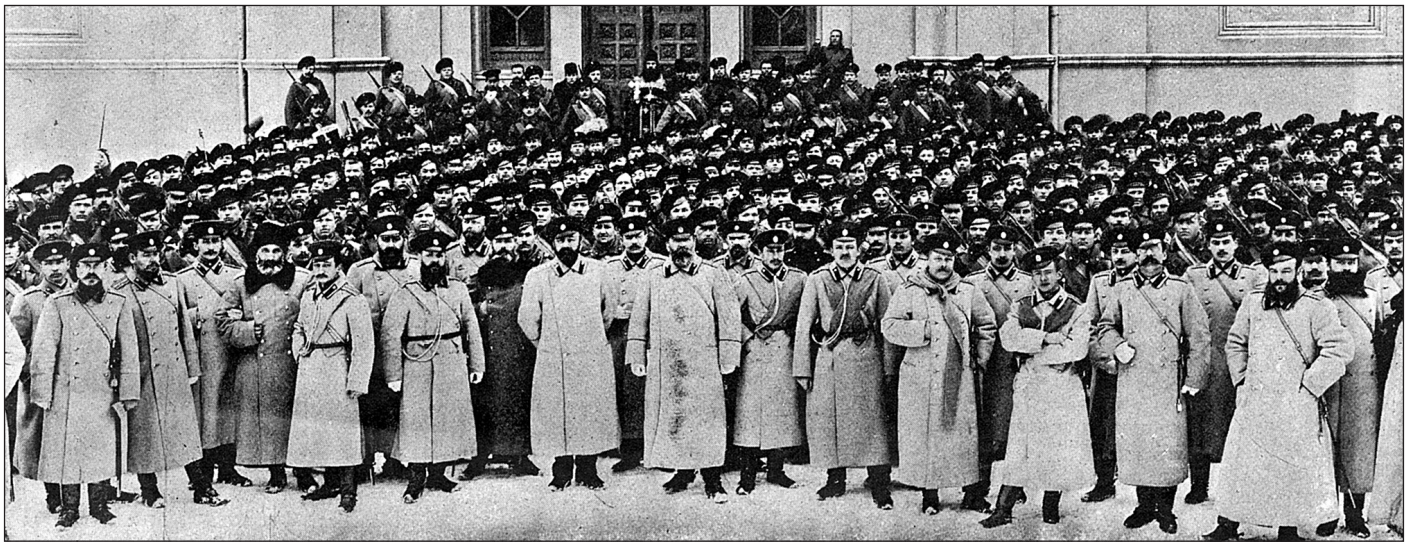
Эти слова Преосвященного Евсевия и его уверения, что даже отсюда, с удаления в тысячу верст от артурских траншей, икона все же способна подать русскому воинству благодатную помощь, на время внесли некоторое успокоение в души православных верующих, но – лишь на время. К тому же, чувство неправильности

происходящего испытывали не только владивостокцы, но и практически все русские православные люди. В редакцию «Церковного Вестника» приходили каждодневно десятки писем со всех концов Империи. «Куда делась икона? – вопрошали верующие. – Доставлена ли она в Порт-Артур? Почему нам об этом ничего не сообщают?» Весть о нахождении образа во Владивостоке не утешила церковный народ, и тогдашние его настроения вполне наглядно иллюстрирует одно письмо, направленное в те дни неким «православным военным» адмиралу Верховскому.

«Раз икона находится в городе Владивостоке и не дошла по назначению, – пишет автор, – она не может подавать благодатной помощи верующим в заступление Богоматери. В настоящие дни наших тяжких испытаний особенно благовременно искать помощи Небесной в борьбе с хитрым, сильным и храбрым врагом; и если эта помощь обещана нам при выполнении определенных условий, то нельзя останавливаться на полпути к тому, что требуется от нас. Многие, быть может, уже забыли об иконе моряка, и раз путь от Владивостока до Порт-Артура отрезан, пожалуй, будут считать это достаточным основанием к тому, чтобы остановиться в заботах о доставлении иконы к месту назначения. Но душа христианина не может на этом успокоиться. Не вступится ли кто-нибудь к делу отправления иконы в Порт-Артур? Пусть бы икона вверена была рискованному способу доставки ее на место, если действительно было намерение Богоматери через нее (икону) явить свою чудесную помощь в Порт-Артуре, то Ее образ дойдет до Порт-Артура; если же не дойдет – подчинимся воле Богоматери, и на нашей душе не останется упрека за невнимание к тому, что через посредство простого моряка изрекается устами Царицы Небесной».

Среди владивостокцев тоже вызрело убеждение, что икону необходимо доставить в Порт-Артур. Но как это сделать? После боя в Корейском проливе (1 августа 1904 года) под началом трех владивостокских адмиралов оставалось только два боеспособных крейсера – «Россия» и «Громобой». А потому решительно невозможно было представить, что Скрыдлов отважится вдруг рискнуть половиной всех своих сил, послав один из кораблей на прорыв японской блокады. К тому же, будь он даже человеком действительно верующим, служебный долг обязывал его мыслить категориями сугубо практическими – такими, как узлы хода, дюймы калибра и миллиметры брони. А именно в этих узлах и дюймах неприятель удерживал за собою подавляющее превосходство.

Казалось бы, прорыв японской блокады с моря был делом совершенно безнадежным, но... нашлись люди, которые так не считали. В штабе Скрыдлова составилась группа молодых офицеров-заговорщиков, душой и главным деятелем которой был 23-летний мичман Павел Оттович Шишко. К японцам у мичмана был собственный счет: младший брат его служил на броненосце «Петропавловск» и с ним же 31 марта пошел на дно. План «заговорщиков» был дерзок и прост одновременно. Для прорыва блокады предлагалось использовать не крейсер и даже вообще не военный корабль, а безоружный грузовой пароход, укомплектованный добровольцами. По мысли штабистов, курс его следовало проложить вокруг Японских островов, а дату выхода точно согласовать с лунными фазами – с тою целью, чтобы подойти к Артуру в период самых темных ночей. Конечно, рискованный замысел давал только шанс, успех гарантирован не был, но разве не известно из опыта, что дерзости сопутствует иной раз удивительное везение? Скрыдлов план утвердил, но вверить морским случайностям образ «Торжество Пресвятой Богородицы» наотрез отказался. «Место его, – сказал он, – в Успенском соборе».

Порт-Артур. 10-я рота Квантунской крепостной артиллерии. 1905 г.

Порт-Артур. Гарнизонный храм свт. Николая, куда должен был быть доставлен чудотворный образ

Дальнейшее современник описывал так: «С иконы снята была копия при помощи фотографии в трех экземплярах. С полученной таким образом копии одним проживавшим в порту живописцем снята была другая копия, писанная на дереве масляными красками в уменьшенном размере. Таким образом, с иконы Богоматери копии получились двух видов: в виде фотографического снимка (карточки) в нескольких экземплярах и в виде иконы, написанной масляными красками. Предположено было фотографические снимки послать сухим путем по почте в Чифу на имя русского консула с просьбой при первом удобном случае на джонках переслать их в Порт-Артур, а копию на дереве отослать в Порт-Артур на первом, отходящем туда с разными припасами, транспорте. Доставить ее вызвался доброволец-матрос по фамилии Пленков».

Названный транспорт и был тем самым «блокадопрорывателем», идею которого замыслил Павел Шишко. Представлял он собою старенький датский пароход, купленный у прежнего владельца Морским ведомством и переименованный в «Сунгари». Построен он был в 1880-е годы, вместимость его не превышала 2000 тонн, максимальный ход едва достигал 8 узлов. Командовать пароходом был назначен флагманский штурман Штаба комфлота лейтенант А.М. Веселаго, а весь экипаж – 4 вахтенных начальника (в том числе мичман Шишко), 2 механика и 45 нижних чинов (в том числе «попечитель» над копией «Торжество Пресвятой Богородицы» матрос Пленков) – был укомплектован исключительно добровольцами.

Флотский историк пишет: «Нагруженный не только мукой, но и снарядами средних калибров, медикаментами, теплой одеждой и даже крепкими напитками транспорт, выйдя из Владивостока 4 октября, благополучно прошел в океан проливом Лаперуза и поднялся до параллели о. Иокогама». И вот здесь-то, как говорили потом матросы, начался «форменный кошмар» – «Сунгари» встретил на пути тайфун, и не какой-нибудь, а редчайший по силе! Трое суток пароход пытался «выгрести» против огромной волны, но не продвинулся вперед ни на милю. Старенький корпус начал «пускать слезу», помпы работали безостановочно. «Вода, – писал историк, – заливала машину, мостики были снесены, руль поврежден». А.М. Веселаго упорствовал до последней возможности, но видя, что дело безнадежно, дал команду лечь на обратный курс. На последних остатках угля, имея в экипаже до 20 % «увечных и раненых» (в их числе был и матрос Пленков с тяжелым ушибом грудной клетки), «Сунгари» возвратился во Владивосток.

Верующие восприняли неудачу как суровое научение. «Значит, не угодно Владычице, чтоб артурцам досталась лишь копия, – говорили они. – Значит, надо везти самый образ!» И все же доблестный А. Веселаго решил повторить попытку. «В середине декабря, – пишет историк, – тот же транспорт вновь вышел в море <...> и, обогнув Японию, подошел к Китайскому берегу. Пройдя Шантунгский полуостров и следуя между берегом и островами, <...> он вошел в Печилийский залив и, повернув на ост, около полуночи 17 декабря приблизился к берегу Квантуна на параллели Порт-Артура. Уже виден был огонь тяжелых орудий крепости, и цель похода казалась такой близкой, когда 4 японских сторожевых судна, находившиеся у южной оконечности Ляотешаня, стали светить прожекторами. Уклонившись от них к весту и вновь обогнув с зюйда острова Миао-Тао, «Сунгари» лег прямо на Порт-Артур, но был замечен вышедшим от островов небольшим сторожевым судном, начавшим светить прожектором. Увидев, что он обнаружен, А.М. Веселаго решил идти в Циндао, надеясь догрузиться там углем и повторить попытку прорыва в менее ясную ночь. Но на следующий день туда же пришли прорвавшиеся из Порт-Артура миноносцы, сообщившие о падении крепости».

Так закончилась последняя попытка доставить артурцам копию «Торжество Пресвятой Богородицы». А что же происходило в это время с оригиналом образа?

* * *

В те дни, когда «Сунгари» отправился в свой первый поход, между верующими владивостокцами наметилось весьма существенное разделение. Одни, по словам современника, «успокоили себя мыслью, что если не подлинная икона Богоматери, то хотя копия с нее <...> принесет артурским воинам утешение и ободрение». Другие, напротив, «этою мерой были не удовлетворены; они желали, чтобы туда (в Порт-Артур) была доставлена подлинная икона».

Возможный успех прорыва «Сунгари» только лишь укреплял их убежденность. «В самом деле, – рассуждали они, – если возможно доставить в Артур копию, то почему бы не доставить туда и самый подлинник образа «Торжество Пресвятой Богородицы»? Тем более, что икона предназначена в Порт-Артур не кем-нибудь,

а Самою Пречистою Девой, и, стало быть, Она же и найдет средства сохранить ее среди всяческих нежелательных обстоятельств. Так что дело теперь лишь за немногим – нашей верой и нашей решимостью!»

А между тем известия с театра войны делались все тревожнее. В первых числах октября Порт-Артур подвергся жесточайшему обстрелу с моря и суши, после чего японцы предприняли попытку генерального штурма. В течение двух недель защитники крепости сдерживали мощный неприятельский натиск, и только 21-го числа порт-артурский комендант генерал Стессель мог, наконец, доложить командованию, что, «благодарение Господу, <...> все нападения врага мужественными войсками нашими храбро отбиты с большими для него потерями».

Все это время Успенский кафедральный собор был переполнен православным народом. Очевидец писал: «Пред иконою «Торжество Пресвятой Богородицы» так же много было молящихся и плачущих, как и в начале августа, после возвращения из боя наших крейсеров. <...> И в эти дни, в конце октября, здесь, в соборе, часто можно было слышать как бы с укоризною произносимый вопрос: почему же до сих пор не отправили икону в Порт-Артур? Почему не нашелся до сих пор человек, готовый из-за любви к Родине и ее защитникам-героям взять на себя опасную, но вместе с тем высокую задачу – провезти в Порт-Артур икону Богоматери?»

Такой человек нашелся. Звали его Николай Николаевич Федоров. Участник Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов, отставной ротмистр лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, Николай Николаевич служил по Дворцовому ведомству, состоя в должности делопроизводителя Императорской охоты. Возраст его был давно не призывной (за пятьдесят), ни о каких воинских подвигах он не мыслил и жил себе тихо-мирно в Гатчине (Глухой переулок, 28), пока не прочел однажды в газете, что икона «Торжество Пресвятой Богородицы» вот уже почти полгода пребывает во Владивостоке и, кажется, никто всерьез не намерен доставить ее по назначению.

Вечер ушел на размышления, утром решение было принято. Первым делом Николай Николаевич рассказал о своем намерении супруге. Затем пошел на вокзал, сел на петербургский поезд и вечером того же дня был уже в городе Кронштадте. Позже один из его знакомых напишет: «Из разговоров с Н.Н. я вынес убеждение, что это человек действительно верующий в то, что Сама Пресвятая Богородица сохранит его и сопровождаемую им икону целыми и невредимыми, что избавит их от потопления и прочих бед и напастей. И действительно, если б у Федорова не было этой глубокой веры, то едва ли бы он, человек немолодой, страдающий ревматизмом, имеющий жену и получающий довольно порядочное жалование, решился на такое опасное для жизни предприятие. Говорю «опасное» потому, что, доставив икону в Порт-Артур, он был намерен остаться там до снятия осады». Сам же Николай Николаевич говорил, что на всем пути его странствий, в Петербурге, во Владивостоке и прочих местах, с ним постоянно случались «малые чудеса», все самые сложные вопросы разрешались на удивление быстро и безболезненно, как бы сами собою. «Впрочем, – заключал он, – удивляться тут как раз и нечему. Ведь я прежде всех моих дел испросил благословение у кронштадтского пастыря, великого молитвенника земли русской».

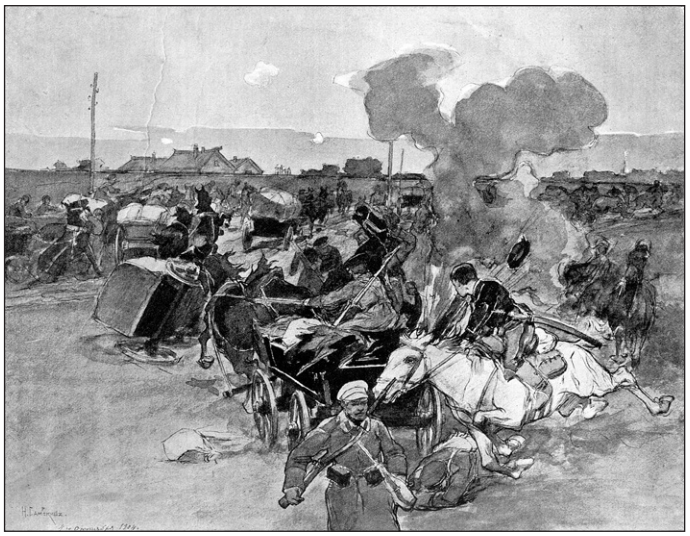
На сборы в дальний путь Федоров потратил буквально считанные дни. За это время он успел оформить на службе длительный отпуск, имел «сочувственные беседы» с рядом персон «весьма высоких» и получил от Морского министра письмо к адмиралу Скрыдлову с требованием «оказать всяческое содействие г. Федорову в его важном и благородном деле». Затем Николай Николаевич погрузился в поезд и, проехав за неполные три недели 8000 верст, утром 7 ноября 1904 года прибыл во Владивосток. (Случайно или нет, но в этот же самый день адмирал Скрыдлов получил из Копенгагена телеграфную депешу вдовствующей Императрицы, которая Высочайше дозволяла ему «вверить попечение над образом «Торжество Пресвятой Богородицы» г-ну Федорову».)

«Таким образом, – писал современник, – Н.Н. оставалось теперь только взять икону и отправиться с нею в Порт-Артур. Но тут явился вопрос: как отправиться и на чем?» О доставке иконы сухим путем через Маньчжурию нечего было и думать. Моряки советовали Федорову дождаться следующего похода «Сунгари», но Николай Николаевич не был склонен расходовать время в бесплодной праздности. В конце концов, он решил добраться на каком-нибудь судне в Шанхай и далее действовать сообразно с обстоятельствами.

Подходящее судно нашлось. Это был норвежский пароход «Эрик», забредший во Владивосток невесть какими судьбами. Команду его составляли малайцы, капитан числился британским подданным, груз имел

Порт-Артур. Общий вид города

Русско-Японская война. Бой под Шахе. С картины академика Н.С. Самокиша. 4 октября 1904 г.

адресацию в порт Шанхай, а время выхода в рейс было назначено на 22 ноября.

«Все время до 22-го числа, – писали местные «Епархиальные ведомости», – г-н Федоров употребил на приготовление себя к великому и опасному предприятию: так, он говел, исповедовался и причастился Святых Таин Христовых».

21 ноября, в день Введения во храм Пресвятой Богородицы, после Божественной литургии в последний раз при большом стечении народа пред иконою «Торжество Пресвятой Богородицы» было отслужено торжественное молебствие. Вечером того же дня пред этою же иконой был отслужен молебен о «путешествующих и по водам плыти хотящих». Очевидец, укрывшийся под псевдонимом «Верный», напишет потом: «Надо было видеть, с каким умилением, с какою верою молился Николай Николаевич! После молебна икона была заключена в специально приготовленное для нее хранилище и отправлена на пароход, который утром должен был отбыть из Владивостока в Шанхай. <...> В утешение жителям города осталась копия иконы (в натуральную величину), писаная на медной доске масляными красками».

Пароход ушел. С надеждой и трепетом душевным верующие люди во всей России ждали хоть каких-нибудь известий о Федорове, но ждали напрасно – известий не было. Дни проходили за днями, недели складывались в месяцы...

20 декабря 1904 года Порт-Артур пал. Это известие дошло до Владивостока с большим опозданием – только лишь на третий день, т. е. 22-го числа. В.Н. Мальковский так начал свое «Сказание об иконе «Торжество Пресвятой Богородицы» (1906 год):

«Беспримерная в летописях всемирной истории и в летописях военного искусства по своим исключительно для нас тяжелым условиям и своим страшным жертвам Русско-Японская война закончилась и сделалась достоянием истории. Тяжело становится на душе, когда вспомнишь, какому позору подверглась наша многострадальная Русь-матушка в эти роковые годы испытаний! Эта ужасная и небывалая по своим размерам война унесла десятки тысяч человеческих жизней, поглотила сотни миллионов народного достояния. Обрушившись так внезапно со всеми своими кровавыми ужасами, она явилась Божией карой за то неверие, за ту нравственную распущенность, которые царили в наших слоях общества».

Что же случилось с Порт-Артурским образом? Современник тех событий писал: «Со сдачею Порт-Артура, естественно, связывались мысли о Порт-Артурской иконе и о Н. Федорове. Добрался ли он, а вместе с ним икона, до крепости? А если не добрался, то где теперь он сам и образ «Торжество Пресвятой Богородицы»? Как-то не верилось, что такая чудесная по своему происхождению (хотя и не чудотворная) икона могла погибнуть, не попав в Порт-Артур. <...> Но, если б она достигла крепости, то, как все были убеждены, Порт-Артур не сдался бы так скоро. Если ж, наконец, она попала в руки японцев, то те вряд ли б замедлили возвестить об этом всему миру». Но японцы тоже молчали. Слухи о судьбе иконы блуждали по Владивостоку самые разные. Кто-то утверждал, что икона застряла в Шанхае, другие говорили, что в Чифу, а некий солидный господин чуть ли не клялся, что будто бы икона перевезена недавно в Пекин, и там ее сохраняют монахи Русской православной миссии.

«Совершенно понятно поэтому, – писал один из авторов журнала «Русский паломник», – с каким нетерпением ожидали владивостокцы каких-либо точных известий относительно иконы. <...> Когда члены соборного причта ходили по прихожанам на Рождество со св. Крестом, а в праздник Богоявления со св. водою, то в редком доме их не спрашивали: а что, не известно ли, где находится теперь Порт-Артурская икона? И тут же, не дожидаясь ответа, сами добавляли: «Видно, не попала в Порт-Артур, находится где-нибудь в китайском порту. Хотя бы поскорее опять привезли ее к нам, во Владивосток».

Первое точное известие пришло 7 января 1905 года. В этот день один из членов соборного причта получил телеграмму содержания предельно краткого: «Прошу выслать мои вещи Харбин до востребования. Федоров».

Отправление было датировано 4-м числом, а сверху вполне четко пропечатан обратный адрес: какая-то станция «Первая Застава» на реке Ляохэ. Впрочем, владивостокцев эти географические тонкости волновали сейчас меньше всего. Главное, что Николай Николаевич жив и здоров, и что икона тоже соблюдена им в совершенной целости и, даст Бог, вернется скоро в почти родной для нее кафедральный собор. Теперь горожанам оставалось

лишь запастись терпением и ждать от Федорова известий более подробных.

Ожидание длилось недолго. Минуло 4 дня, и тот же отец диакон получил заказной пакет, отправленный из порта Чифу на следующий день после падения крепости, т. е. 21 декабря 1905 года. Федоров писал: «Вы, наверное, все с трепетом сердечным ожидаете от меня известий. С неделю я пробыл в Шанхае и 8 декабря приехал в Чифу. Нашлись китайцы, взявшиеся доставить меня на джонке в Порт-Артур, и 14 декабря в 9 часов вечера я сел в лодку, но проехал всего около 10 верст. Слабый попутный ветер переменился, подул сильнейший, противный северный ветер, и китайцы заявили, что дальше ехать нельзя. Бросили якорь у одного острова и простояли там более 40 часов. Ветер все крепчал, и 16 декабря, около 2 часов дня, мы вернулись при большом волнении в Чифу. 19 декабря я намерен был опять выехать в 6 часов вечера, но к этому времени слабый попутный ветер совсем улегся, и пришедшие за мной китайцы заявили, что опять ехать нельзя. 20-го утром пришли 4 миноносца из Порт-Артура; я обрадовался, рассчитывая, что на одном из них доеду до Порт-Артура. Какова же была моя скорбь, когда я узнал на миноносце «Сердитом», что они в Порт-Артур не возвратятся, потому что крепость сдается. Таким образом, иконе не суждено было попасть в Порт-Артур. Неисповедимы пути Божии. Попутный ветер – от Бога, и если я не попал в Порт-Артур, то ясно, что на это не было воли Божией».

«Честь и слава господину Федорову! – скажет позже глава Русской Православной миссии в Корее архимандрит Павел. – И, слава Богу, что нашелся на Руси человек, явивший ту христианскую доблесть и ту веру, в которых – увы! – многие из нас ныне ослабли. <...> Слава ему и честь! А что же до нас, то мы, называющие себя верными чадами Церкви, должны над всем этим серьезно задуматься. <...> История «Торжества Пресвятой Богородицы» подала всем нам очевидное и знаменательное вразумление. Она явилась испытанием нашей общей веры (подчеркиваю – общей, а не отдельных людей), и самое происхождение ее в Киеве так же необычно, как и тот урок, который преподан нам с такою силою в Порт-Артуре».

А между тем икона «Торжество Пресвятой Богородицы» обретала в России все большую известность. Миллионы православных людей свято верили, что даже сейчас, после падения Порт-Артура икона по-прежнему являет собою «победоносную хоругвь», что именно через нее русскому воинству подается особенная благодать, и что возносимые перед нею моления имеют особую силу. Большинство верующих, однако, никогда не видели чудесной иконы воочию. Списки с нее исчислялись буквально единицами, словесные описания были отрывочны и неточны, а потому неизбежно вставал вопрос о массовом распространении копий образа «Торжество Пресвятой Богородицы».

По сему поводу редакция журнала «Русский Паломник» сообщала читателям: «Копии с этой иконы, которая пользуется благоговейным чествованием не только на Дальнем Востоке, но и внутри Империи, мы обещали разослать всем своим подписчикам, но встретили препятствие со стороны Святейшего Синода. Еще раз заметим, что так как икона была отправлена на Дальний Восток с соизволения Государыни Императрицы Марии Феодоровны, то мы обратились на имя Ее Императорского Величества со всеподданнейшим прошением об оказании нам содействия к получению упомянутого разрешения. <...> В каком положении находится это дело в настоящее время, – мы, к сожалению, еще в неизвестности».

О судьбе подлинника «Торжество Пресвятой Богородицы» не было никаких определенных сведений. По мысли Федорова, иконе надлежало находиться в рядах воюющих русских войск, и посему Николай Николаевич решил доставить ее в расположение Маньчжурской армии. «Запрос в Петербург я уже послал, – писал он, – и дожидаюсь теперь ответа».

Видимо, с ответом Петербург не замедлил, ибо в первых числах января Федоров уже покинул Чифу. Но каков был дальнейший маршрут образа Пресвятой Богородицы? Об этом никто не знал. Депеша Федорова с просьбой переслать его вещи в Харбин тоже не вносила особой ясности, поскольку харбинский железнодорожный узел открывал пути в трех направлениях (в «континентальную» Россию, во Владивосток и в Мукден) и, в соответствии с решением Императрицы, Федоров мог избрать любой из них. Но какой именно?

Каждый день во всех 79-и российских губерниях и двух десятках областей люди с нетерпением разворачивали утренние газеты, в надежде найти хоть како-

Пленные японцы в селе Медведь Новгородской губернии украшают цветами могилы умерших в плену. С рисунка Матания. 1905 г.

е-нибудь известие о Порт-Артурской иконе. Но тщетно. Газеты молчали.

«Всеобщая неосведомленность о судьбе иконы «Торжество Пресвятой Богородицы» вполне понятна, – писал архимандрит Павел. – Она объясняется известным направлением нашей повседневной прессы и ее равнодушием, за малыми исключениями, к тому, что составляет святыню русского народа – к области веры. Интерес к тому, что произошло с Порт-Артурской иконой, какая участь постигла «победоносную главную хоругвь русской армии» у одних подавляется холодным скептицизмом, а у других ограничивается <...> потаенной областью сердца».

Первой завесу молчания вокруг иконы прорвала популярная газета «Свет», издавал которую бывший офицер Генштаба Виссарион Виссарионович Комаров, сражавшийся в 1876 году в Сербии в рядах русских добровольцев, заслуживший там генеральский чин, а позже открывший в себе талант публициста. В одном из майских номеров газета извещала читателей: «По поручению Преосвященного Евсевия, мы со всею любовию сообщаем, что <...> желание Н.Н. Федорова приведено в исполнение. В настоящее время икона «Торжество Пресвятой Богородицы» находится в Гун-Чжулине, в походной церкви главнокомандующего».

Так закончилась первая и последняя попытка доставить образ «Торжество Пресвятой Богородицы» по прямому его назначению.

Историки не раз уже обращали внимание, что Крымская война (1853–1856) и Русско-Японская война (1904–1905) имеют между собой удивительное сходство, порою почти детальное. Так, обе войны велись на морских рубежах Империи (южном и дальневосточном), в обоих случаях центром (и даже символом) вооруженного противоборства была защита приморских крепостей – Севастополя и Порт-Артура. В обеих войнах русские войска проявили воистину массовый героизм, но, несмотря на это, обе войны завершились подписанием унизительных для России мирных соглашений. Но самое удивительное, что между Севастополем и Порт-Артуром существовала еще и глубинная, невидимая связь, о которой светские историки предпочитают замыкать уста, потому как решительно не могут уложить ее ни в какое «материалистическое понимание».

С начала XIX до начала XX века (т. е. на протяжении неполных ста лет) Россия пережила три тяжелых оборонительных войны, ставших духовными вехами русской истории. Первая из них – Отечественная война 1812 года, которая, по словам современника, «жестокостию своею не подобна была никаким войнам, бывшим доселе». В народе Наполеон именовался тогда не иначе, как «антихристом», а все слои общества (в том числе и самые высшие) воспринимали бедствие войны как суровое, но «надлежащее и праведное» наказание Божие. «Припомним двенадцатый год, – писал позже святитель Феофан Затворник. – Зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее. <...> Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему».

Минуло сорок лет, и России снова довелось пережить иноземное нашествие. На сей раз против нее, объединившись, выступили четыре державы: Англия, Франция, Турция и Сардинское Королевство. Главным центром военной активности стал русский порт Севастополь. Печальные итоги Крымской войны известны – впервые за почти полтора столетия Россия потерпела военное поражение. По Парижскому трактату 1856 года Российской империи запрещалось иметь на Черном море военный флот и арсеналы, крепость Карс она возвращала туркам и утрачивала контроль над устьем Дуная и Бессарабией.

Каковы же были причины столь неудачного исхода Крымской войны? Только ли те, которые преподавались в советских учебниках: «Хаотическое состояние русского военного хозяйства, отсталость вооружения (железные винтовые корабли союзного флота против русских парусных, нарезные «штуцера» против русских гладкоствольных ружей), отсутствие удобных путей сообщения, отсутствие подготовленных и способных военачальников» и т. п.? Или же, помимо видимых, существовали еще и другие причины – невидимые, которые «материалистическое сознание» просто не в силах ни воспринять, ни вместить?

Об этих духовных причинах писал в своем дневнике осенью 1854 года иеромонах Оптиной пустыни о. Евфимий (Трунов): «14 сентября – день Воздвижения Честнаго Креста Господня, был днем начала осады Севастополя. Не откровение ли это для внимательного? Не знаменует ли событие это, что Русь Святая уже недостойна именоваться этим именем, что благодать и сила Честнаго Креста Господня отступает от тех, кто поставлен быть вождями русского народа, кто, принося клятву быть верным Вере и Царскому Престолу, первородство свое и верность продает за чечевичную похлебку низменного тщеславия и самолюбия? Но, благодарение Богу, тайники души простого народа еще не затронуты, или мало затронуты злом неверия и вольнодумства его руководителей – в этом временное спасение земли русской, яко хранительницы чистой Христовой веры. Коснется этих тайников дух князя века сего, тогда чего ждать? Не грозного ли и Страшного Суда Господня?»

Самым выразительным представителем этих персон был состоявший в должности Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами в Крыму Светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков. Матросы

называли его «Изменщиков», а люди осведомленные прямо утверждали, что он «вольтерьянец и старый масон». Участник обороны Севастополя П.И. Кислинский рассказывал после войны «Серафимову служке» Н.А. Мотовилову: «Как-то раз я был у Светлейшего, и мы с ним засели играть в шахматы. Вдруг входит адъютант и докладывает, что явился гонец от архиепископа Херсонского Иннокентия и хочет видеть главнокомандующего. Не отрываясь от игры, Светлейший сказал:

– Спросите у него, что ему нужно?

– Гонец сказал, что ему нужно лично видеть Вашу Светлость!

– Ну, зовите!

Пришел гонец.

– Что тебе нужно? – спросил главнокомандующий.

– Владыка прислал меня доложить Вашей Светлости, что он прибыл к Севастополю с чудотворной иконой Касперовской Божией Матери и велел просить встретить ее, как подобает, у врат севастопольских. Владыка велел сказать: се Царица Небесная грядет спасти Севастополь.

– Что, что? Как ты сказал? Повтори!

– Се Царица Небесная грядет спасти Севастополь!

– А! Так передай архиепископу, что он напрасно беспокоил Царицу Небесную – мы и без Нее обойдемся!

* * *

«Желтая опасность» нависала над Россией уже давно, и еще в 1894 году В.С. Соловьев написал стихотворение, которое позже сочтут пророческим:

От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков.
О Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен...

«Тяжело становится на душе, – писал современник тех событий, – когда вспомнишь, какому позору подверглась наша многострадальная Русь-матушка в эти роковые годины испытаний! Эта небывалая по своим размерам война унесла десятки тысяч человеческих жизней и поглотила сотни миллионов народного достояния. Обрушившись так внезапно со своими кровавыми ужасами, она явилась Божией карой за то неверие, за ту нравственную распущенность, которые царили во всех слоях общества. <...> Но в это тяжелое и ужасное время Провидение не покидало нас и неоднократно чудесным образом указывало пути к одолению коварного врага, но, увы, – наше неверие было безгранично. <...> И в тот самый момент, когда русские войска сплотились, окрепли и были готовы вступить в последний, решительный бой за честь оскорбленной Родины, внезапно последовало заключение бесславного мира».

С.-Петербург. Молебен перед иконой Божией Матери на Леушинском подворье. 2003 г.

Русско-Японская война началась нападением японских миноносцев на русские корабли в Порт-Артуре в ночь на 26 января 1904 года, и после трагической череды наших неудач и поражений (падение Порт-Артура, Мукденский разгром, гибель русского флота при Цусиме) закончилась подписанием в г. Портсмуте (США) мирного договора. Случилось это 23 августа 1905 года. Русскую делегацию возглавлял председатель Совета Министров Сергей Юльевич Витте, который, хотя и вел переговоры с японцами весьма искусно, все же вынужден был «уступить» им южную часть Сахалина (по 50-му градусу северной широты).

Впрочем, идея «мира любой ценой» давно уже засела в умах «образованной» публики. Маньчжурские войска еще сражались, когда либеральная пресса дружно (как по команде!) начала вдруг вещать о братстве народов и всеобщей любви. «Довольно крови и слез! – истерично взывали «Русские Ведомости». – Довольно, взаимной ненависти. <...> Бойцы устали. Надо признать, что мы уже побеждены».

Но так ли это? Действительно ли те, кто сидел в окопах, уже признали свое поражение? Вот что писал о якобы «усталости» русской армии непосредственный участник войны (тогда еще подполковник) Антон Иванович Деникин: «Ко времени заключения мира русские армии на Сипингайских позициях имели 446,5 тыс. бойцов (под Мукденом – около 300 тыс.). Армия пополнила и омолодила свой состав и значительно усилилась технически – гаубичными батареями, пулеметами, составом полевых железных дорог, беспроволочным телеграфом и всем прочим. Наконец, дух маньчжурских армий не был сломлен, а эшелоны подкреплений шли к нам из России в бодром и веселом настроении. Японская же армия, стоявшая против нас, имела на 32 % меньше бойцов. Страна (Япония) была истощена. Среди пленных попадались старики и дети. Былого подъема в ней

уже не наблюдалось. А что касается лично меня, то я, принимая во внимание все «за» и «против», не закрывая глаза на наши недочеты, на вопрос – «что ждало бы нас, если бы мы с Сипингайских позиций перешли в наступление?» – отвечал тогда, отвечаю и теперь: – Победа! Россия отнюдь не была побеждена. Армия могла бороться и дальше. Но Петербург устал от войны более чем армия».

Крест на могиле защитников Порт-Артура, павших при обороне крепости в 1904–1905 гг. Фото 2003 г.

Главнокомандующим русскими войсками на Дальнем Востоке состоял тогда генерал Линевич, а до него – генерал-от-инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин, известный всем как близкий друг и сподвижник легендарного Скобелева. Человек безупречной храбрости, блестяще образованный, отличный штабист и толковый администратор, Алексей Николаевич обладал всеми потребными полководцу качествами за исключением лишь одного – полководческого таланта.

Прослышав о его назначении на Восток, известный своим злоязычием генерал Драгомиров сказал фразу, немедленно вошедшую в полевой «маньчжурский» фольклор: «Ну, хорошо, Куропаткин есть. А где Скобелев?»

И действительно, за время своего главнокомандования (длившегося почти ровно год) Алексей Николаевич не сумел выиграть ни одного мало-мальски серьезного «дела», всегда предпочитая дерзости «разумную осторожность», а наступательному порыву – стояние в обороне, а то и вовсе «отход на заранее подготовленные позиции».

3 марта 1905 года Государь специальным своим указом сместил Куропаткина с поста Главнокомандующего. Выйдя после войны в отставку, Алексей Николаевич занялся писанием мемуаров, а все газетные выпады в свой адрес (как справедливые, так и не очень) воспринимал с отстраненным спокойствием.

Вряд ли думалось ему тогда, что в 90-е годы XX века его фамилия вновь будет поминаться в журнальных публикациях, и что на исходе столетия потомки возложат на него еще и дополнительный тяжкий грех, обвинив его в утрате иконы «Торжество Пресвятой Богородицы».

Так, в своей статье об этой иконе (Журнал Московской Патриархии, № 12, 1998) дальневосточный краевед г-жа Н. Мизь, намекая на личную вину А.Н. Куропаткина, пишет: «О дальнейших событиях (т. е. происшедших после доставления иконы «Торжество Пресвятой Богородицы» в ставку Главнокомандующего. – *Прим. авт.*), связанных с иконой, можно только гадать. Известно письмо отца Иоанна Кронштадтского: «Вождь нашего воинства А.Н. Куропаткин оставил все поднесенные ему иконы у японцев-язычников, между тем как мирские вещи все захватил. Каково отношение к вере и святыне церковной! За то мы стали в посмеяние и попрание всем врагам нашим». А в следующем абзаце краевед уже прямо утверждает: «О возвращении иконы во Владивосток нет никаких сведений».

Это не совсем верно. Сведения есть, и предугадывать «дальнейшие события» (и тем паче присоединять к этим версиям личность А.Н. Куропаткина) нет никакой нужды. Достаточно лишь открыть «Владивостокские епархиальные ведомости» (№№ 12-13 за 1905 год) и прочесть официальное сообщение: «26 мая, в день Вознесения Господня, архипастырь совершил литургию в кафедральном соборе с причтом оного, архимандритом Павлом и священником В. Скрижалиным. Перед началом литургии в собор принесена икона «Торжество Пресвятой Богородицы», возвращенная протоиереем Голубевым из действующей армии во Владивосток, как в место, наиболее подходящее для нее в виду особых обстоятельств настоящего времени. Перенесена икона от вокзала железной дороги с молебным пением в сопровождении священнослужителей архимандрита Павла и священников – В. Давыдова и В. Скрижалина и многих доброхотных молитвенников; у собора встречена архипастырем с крестным ходом и водворена – после шестимесячного странствования по чужим краям – во Владивостокский кафедральный собор».

* * *

Итак, все как будто бы возвратилось «на круги своя». Волею Божией и трудами многих людей образ «Торжество Пресвятой Богородицы» счастливо избежал военных случайностей и, к вящей радости владивостокцев, обрел, наконец, постоянное свое место.

Во Владивостокской епархии при Владыке Евсевии праздник иконы «Торжество Пресвятой Богородицы» отмечался 16/29 августа и совпадал с днем Спаса Нерукотворного Образа. Написан и тропарь (глас 1) в Ее честь: *«Пречистая Богородице, на Небесах благословенная и на земли славословимая, радуйся Невесто Неневестная».*

После 1917 года, наряду с многими другими храмами, Владивостокский собор был закрыт (и позже – взорван).

Долгое время о судьбе иконы Божией Матери «Порт-Артурской» ничего не было известно. Была ли

она уничтожена? Или в ходе кампании по изъятию церковных ценностей обращена в иностранную валюту? Или подобно «Курской-Коренной», ушла за кордон с отступающими частями Белой армии? А может, подобно «Кипрской» иконе в подмосковном селе Стромынь, тайно сберегается кем-то из верующих в домашнем подполье? Все эти предположения длились до тех пор, пока Господу не угодно было явить новое чудо.

Свидетельствует иеромонах Сергий (Чашин), секретарь Владивостокского Епархиального управления, настоятель Свято-Успенской церкви г. Владивостока (см.: Журнал Московской Патриархии, № 12, 1998): «В феврале 1998 года мы совершали паломничество во Святую Землю. В последний день пребывания там, 17 февраля, мы впятером собрались, чтобы еще раз сходить ко Гробу Господню. Придя в храм, провели в нем несколько часов. Удивительно, но в те часы в храме почти никого не было и у нас была возможность в спокойной обстановке молиться. Умиротворенные, мы вышли из собора. Пошли по крестному пути Господа. На душе было благостно. По дороге в Гефсиманию о. Иннокентий предложил зайти в один из антикварных магазинов, которых в Иерусалиме очень много, и мы заглянули в первый попавшийся. Каково же было наше удивление, когда, осматривая выставленные в нем христианские святыни, мы увидели Порт-Артурскую икону. Божия Матерь глядела на нас, держа в распростертых руках плат с Нерукотворным образом Христа. Мы на некоторое время остановились и замерли, потом разговорились с продавцом (икона была выставлена на продажу). Денег у нас с собой не было, но мы, договорившись о цене, попросили никому другому икону не продавать».

Архимандрит Иннокентий (Третьяков), благочинный, настоятель Свято-Покровского храма г. Уссурийска писал: «Хотя мы и договорились в магазине, что купим икону, но боялись, что ее могут взять другие. Потому мы обратились в русский Горненский женский монастырь к матушке игумении Георгии с просьбой одолжить денег на приобретение святого образа. И нам согласились помочь. Икону выкупили. Пока мы собирали в Приморье средства, образ хранился в Горнем монастыре, в игуменских покоях. Мы знали, что вывезти из Израиля что-либо ценное и значимое весьма сложно. Но у меня было благословение Преосвященного Владыки Вениамина, мы также заручились поддержкой Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, и я отправился в Иерусалим. Я узнал, что образ Матери Божией попал в Иерусалим из Гонконга, от русских эмигрантов. Скорее всего, он принадлежал существовавшей там некоторое время православной общине. В Иерусалиме икона четыре года простояла в магазине, пока мы ее не обрели.

Сестры Горненского монастыря, среди которых есть искусствоведы и реставраторы, не сомневаются, что икона эта подлинная. Они готовы прислать свое заключение, если это будет нужно. Конечно, как мы и предполагали, были определенные препятствия при получении разрешения на вывоз святого образа. Но с помощью Божией, при особом попечительстве настоятельницы Горненского монастыря игумении Георгии все разрешилось благополучно. Нам активно помогал консульский отдел Российского посольства в Израиле.

Запомнились проводы иконы. Нас вышли провожать насельницы Горненской обители. Был отслужен молебен Божией Матери, и под звон колоколов мы выехали домой».

Иеродиакон Иннокентий (Ерохин) рассказывает: «Случилось то, чего мы никак не могли предполагать. 6 мая 1998 года Порт-Артурская икона Божией Матери возвратилась во Владивосток. И благостно на душе, и тихо ликует сердце от того, что Пресвятая Богородица посетила нас и утешила, осенив Своим благодатным Покровом.

По Промыслу Божию это событие произошло в день памяти Небесного молитвенника православного Владивостока – святого великомученика Георгия Победоносца. Мы знали, что за образом уехали в Иерусалим, знали, что вывезти из Израиля такую ценность очень сложно. Но это случилось: 6 мая самолет с иконой на борту приземлился во Владивостокском аэропорту.

Такая радость встречи у каждого бывает, наверное, только однажды. В тот день ее смогли пережить, к сожалению, немногие. (Из-за скоротечности событий о прибытии иконы смогли узнать далеко не все.) Но те, кто 6 мая пришел в Свято-Никольский кафедральный собор Владивостока, неожиданно получил поистине чудесный подарок.

Преосвященный Владыка Вениамин, епископ Владивостокский и Приморский, после окончания Божественной литургии объявил, что с часа на час ожидается прибытие Порт-Артурской иконы. Узнав

Молебен перед Порт-Артурской иконой Божией Матери в саду бывшей Пекинской Православной миссии (ныне – территория Российского посольства в Пекине). Фото 2003 г.

об этом, богомольцы, собравшиеся в храме, не спешили расходиться. Все остались на молебен с водосвятием. Трудно было бороться с волнением. В ожидании встречи из храма навстречу иконе вышел крестный ход. «Христос воскресе из мертвых», – разносилось пение пасхального тропаря. Пасхальные песнопения неслись за ограду территории собора. Крестный ход шел по дороге навстречу автомобилю, на котором везли икону. Но вот с колокольни раздался трезвон, возвестивший о приезде машины. Непередаваемое словами чувство и внутреннее волнение охватили богомольцев, когда они увидели святую икону. На мгновение все замерли. Нашим взорам предстала Божия Матерь, стоящая Своими стопами на берегу залива на двух поверженных и обломанных мечах. Она одета в синюю ризу. Верхнее облачение коричневого цвета. Плат на голове тоже синий. Вокруг головы яркое сияние. В руках Богородица держит белый плат с ликом Христа Спасителя. Из-под убруса свисает разноцветный пояс. Позади Божией Матери находится морской залив, который на горизонте сливается с голубым небом. Выше Богородицы в облаках справа стоит Архангел Михаил с огненным мечом, слева – Архангел Гавриил с цветущей ветвью в руке. Между ними херувимы держат царскую корону, а над ними – две перекрещивающиеся радуги увенчиваются крестом.

Порт-Артур. Крест на могиле героических защитников крепости

Еще выше в окружении Небесных Сил Бесплотных восседает Господь Саваоф, над которым в сиянии надпись: «Да будет едино стадо и един Пастырь». По периметру иконы на золотом фоне эмалевой вязью написано: «Торжество Пресвятой Богородицы. В благословение и знамение Торжества христолюбивому воинству дальней России от святых обителей Киевских и 10000 богомольцев и друзей».

Епископ Вениамин, первым приложившись к святому образу, благословил крестному ходу при главенстве Порт-Артурской иконы повернуть назад к храму.

Колокола не умолкали. Радость лилась из сердец верующих пением пасхальных стихир. Крестный ход направился вокруг собора. С восточной стороны алтаря он остановился. Владыка Вениамин читал Евангелие: «Во дни оны, восставши Мариам, иде в горняя со тщанием во град Иудов и вниде в дом Захариин и целова Елисавет...» (Лк. 1, 39-40). И каждый богомолец, встречавший икону, вслед за святой праведной Елизаветой воскликнул в своем сердце: «И откуда мне сие, яко прииде Матерь Господа моего ко мне?»

Нескрываемое волнение и радость вылились в совместном пении «Царице моя Преблагая» при шествии крестного хода. Подойдя к западной стороне храма и остановившись у паперти, мы воздали молебное благодарение Богу и Спасу нашему Иисусу Христу и Его Пречистой Матери, испрашивая Божия благословения».

Епископ Владивостокский и Приморский Вениамин сказал в проповеди при встрече Порт-Артурского образа: «Возвращение той иконы в наше время, безусловно, имеет промыслительное значение. Думается, что это знамение для нас в утешение нынешних и будущих событий. Нам не дано знать, что ожидает Церковь впереди. Скорби и гонения часто сопутствуют христианской жизни. Но чудесное обретение иконы Божией Матери свидетельствует о благодатном Покрове Пресвятой Богородицы над православными христианами. Это придает нам мужество и самоотверженность при несении каждым своего креста».

Пусть послесловием к этому сказанию будут слова митрополита Иоанна (Снычева): «Вдумаемся: скорби и беды, терзающие Россию, не с того ли начались, что русский народ утратил свое духовное единство, отрекся от тысячелетних святынь и заветов предков? Плачет сердце, глядя на истерзанное, одурманенное Отечество, полнится жалостью и скорбью душа, взирая на позор некогда Святой Руси. Объединимся же под сенью родных святынь, сбросим иго чужебесия и безверия, разврата и губительной гордыни. Молитесь, кайтесь в грехах, будьте терпеливы в скорбях и мужественны в исповедании Истины. Вслушайтесь в голос совести своей. Се – глас Божий. Последуйте ее велениям. Тогда Господь сказавший: «Хотением не хощу смерти грешника, но якоже обратитися и живу быти ему», – помилует и спасет Россию».

По материалам книги В.Н. Мальковского «Сказание об иконе «Торжество Пресвятой Богородицы». Тверь, 1906.

Из статьи В.Н. Чистякова «Повествование об иконе Божией Матери «Торжество Пресвятые Богородицы». //Альманах «Марьино». Вып. 5, 2000.

ПОРТ-АРТУРСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ ПОБЫВАЛА В ПОРТ-АРТУРЕ

11 декабря 2003 года исполнилось 100 лет явления Порт-Артурской иконы Божией Матери, которую Царица Небесная повелела доставить в осажденный Порт-Артур. В память 100-летия явления образа (1903–2003) петербургским иконописцем Михаилом Осипенко была написана икона Божией Матери «Порт-Артурская», список с явленного в начале XX века образа. Икона была освящена в Морском Николаевском соборе города Кронштадта, и ее решено было доставить из Петербурга в Порт-Артур, исполнив, хотя бы через сто лет, повеление Божией Матери. Перед отправкой в Порт-Артур образ находился в С.-Петербурге на Леушинском подворье, в храме св. ап. Иоанна Богослова (ул. Некрасова, 31). В период с 23 по 27 марта 2003 года здесь было прочитано сорок акафистов перед иконой Божией Матери «Торжество Пресвятой Богородицы», Порт-Артурской .

27 марта, отслужив последний 40-й акафист, икону проводили в далекий путь – через Москву и далее до Порт-Артура – через всю Россию. Вместе с иконописцем поехала группа в составе 6-7 человек. Богомольцы посетили Владивосток, и образ был принесен ими в храм, где пребывает вернувшийся со Святой Земли, возможно, первообраз «Порт-Артурской» иконы. Оттуда образ был перевезен в Китай, а 9 мая 2003 года икона побывала на русском кладбище города Порт-Артура (*китайск. – Люйшунь*), где была отслужена панихида о всех погребенных здесь русских воинах, ожидавших в осажденном городе икону Матери Божией, здесь же был отслужен молебен о спасении России. Так, наконец, повеление Божией Матери было выполнено. Из Порт-Артура икона снова вернулась в С.-Петербург, где планируется строительство для нее часовни.

Путь от берега Невы до Желтого моря длиною в 12 тысяч километров икона преодолела за две недели, однако затем она целый месяц находилась на границе Китая. «Великая Китайская стена», казалось, встала непреодолимым препятствием на пути Божией Матери. Китайские власти под разными предлогами отказывались пропускать икону. По законам КНР въезд православным священникам на территорию Китая воспрещен. Иеромонаху Георгию на границе пришлось с сокрушением сердца снять облачение и переодеться в светский костюм. Икона, в конце концов, была перевезена через границу. В Порт-Артур крестный ход пропустили только для того, чтобы совершить поминовение убиенных воинов-героев Порт-Артура II Мировой войны (†1945). А через два часа после того как икона покинула пограничную заставу, в Китае в связи с эпидемиологической ситуацией были закрыты все границы.

По законам Китая иностранный транспорт может продвигаться в глубь страны не более чем на 80 км, поэтому машину оставили на территории России. По территории Китая образ Божией Матери приходилось переносить на руках. Надо отметить, что в этом крестном ходе по территории не раз принимали участие и местные жители.

Крестный ход с Порт-Артурской иконой Божией Матери идет по улицам Кронштадта в Николаевский Морской собор

Достигнув, наконец, Порт-Артура, паломники увидели в центре русского кладбища 6-метровый каменный крест, установленный повелением Государя Императора Николая Александровича. Слезы радости и умиления были на глазах четырех русских людей, которым удалось исполнить Завет Богородицы.

Перед иконой, поставленной у креста, отец Георгий совершил панихиду и краткий молебен о спасении России. Служба проходила под пристальным наблюдением китайцев.

В величественном памятном кресте, установленном в память героев Порт-Артура, был устроен киот, в котором прежде помещалась мозаичная икона Божией Матери Казанской, уничтоженная в период культурной революции. На место утраченного образа была поставлена небольшая икона Порт-Артурской Богоматери, специально для этого изготовленная и освященная в храме Леушинского подворья. Эта икона и осталась в Порт-Артуре во исполнение слов Божией Матери.

Надо сказать, что простые китайцы встретили образ с большим интересом. Когда они увидели его на кладбище, то стали повторять: «Мария, Мария...» Многие в Китае восприняли посещение образа как знак того, что Матерь Божия молится об этой стране перед лицом страшной эпидемии.

К Божией Матери отношение в Китае особое. Паломникам из России не раз приходилось слышать рассказ о том, что китайцы могли бы в любой момент прибрать нынешнюю Россию к рукам, но каждый раз, когда возникает эта мысль, они видят, что вдоль российской границы ходит Некая Жена, облаченная в голубые ризы, и «грозит им кулаком».

Когда о посещении Порт-Артурской иконы узнали в русском посольстве, ее и сопровождающих ее богомольцев пригласили в Пекин. Здесь был совершен крестный ход с иконой по территории посольства (б. подворья Пекинской Православной миссии) и устроен торжественный обед в честь посещения образа Божией Матери. Все эти события стали действительно Торжеством Пресвятой Богородицы.

Через неделю самолетом икона вернулась в Россию. 18 мая ее встречали в С.-Петербурге.

Публикуется по изданию:
«Леушинское подворье». *Богоматерь в Порт-Артуре*

М.Ю. Мещанинов

ЗАГАДКА КОЛПИНСКОЙ СВЯТЫНИ

Большинству православных петербуржцев хорошо знакома находящаяся на проспекте Обуховской обороны, церковь Святой Троицы, именуемая в народе «Кулич и Пасха». Вновь открытая для богослужений весной 1946 года, она примечательна не столько своим архитектурным обликом (надо сказать, весьма необычным для православного храма), сколько находящимися в нем двумя чтимыми чудотворными иконами – образом *Божией Матери «Всех скорбящих Радосте»* (с грошиками), до 1932 года находившимся в Скорбященской церкви на Стеклянном заводе, и иконой *святителя Николая Чудотворца,* переданной после войны в храм из города Колпино. О последней из них и пойдет речь ниже.

Чудотворный образ свт. Николая, находившийся в Троицкой церкви г. Колпино. Фото 1910-х гг.

В отличие от Петербурга, где до революции практически в каждом более или менее известном храме существовала та или иная чтимая народом чудотворная икона, в Колпино лишь один образ привлекал к себе страждущие толпы богомольцев, на поклонение к которому съезжались тысячи людей из Петербурга и дальних окрестностей. Речь идет о главной колпинской святыне – иконе *святителя Николая Чудотворца,* чудесным образом явленной в 1713 году и прославленной многочисленными от нее исцелениями.

Нет, наверное, надобности подробно останавливаться на истории ее обретения и описания множества бывших по молитвам святителя Николая Чудотворца исцелений, о которых еще в XIX веке было выпущено несколько брошюр[1] (обо всем этом мною уже было достаточно подробно написано в вышедшей в 1998 году книге «Храмы и часовни города Колпино»). Стоит лишь напомнить, что с 1735 года этот образ находился в Колпинской Троицкой церкви (с 1918 – в соборе), куда был перенесен из Ям-Ижорской часовни, с места своего обретения. На протяжении полутора столетий эта икона, украшенная ризой из чистого золота со множеством бриллиантов и драгоценных камней, находилась в резном золоченом киоте у правого клироса, где постоянно горела неугасимая лампада. На поклонение ей приезжали и члены Императорской Семьи, и простые люди, число которых в главный колпинский праздник – 9 мая – день перенесения мощей святителя Николая, доходило до нескольких десятков тысяч человек. Во всех колпинских храмах имелись списки с этого чудотворного образа.

Почитание святителя Николая продолжалось в Колпино и после прихода к власти большевиков; оно было столь велико, что вплоть до 1930 года власти не решались запретить крестный ход из Троицкого собора, где продолжал находиться чудотворный образ, на место его обретения…

После закрытия в марте 1937 года Троицкого собора, его уникальные барочные иконостасы, а также большая часть церковного имущества и икон были сожжены по приказу властей, что вызвало негодование и протесты в Инспекции по охране памятников (обо всем этом я также подробно писал в своей книге. – *М. М.*). Несколько небольших икон было разрешено забрать в кладбищенскую церковь.

Что же стало с главной колпинской святыней, находившейся в Троицком соборе, какова судьба чудотворного образа святителя Николая? Этот вопрос на протяжении последующих лет продолжали задавать колпинские жители. Не оставил он равнодушным и меня, человека родившегося и выросшего в этом городе гораздо позже описываемых событий.

Единственный дошедший до нас архивный документ мало проясняет этот вопрос. 7 сентября 1937 года церковная двадцатка колпинской кладбищенской церкви, за подписью председателя И.А. Фролова, направила в Колпинский райисполком заявление с просьбой *«… выдать чтимый образ святителя Николая <…> для кладбищенского храма»* [2]. Как можно судить из этого

заявления, чудотворный образ святителя Николая находился в это время в колпинском райисполкоме, поскольку за время, прошедшее с момента уничтожения церковного имущества, члены двадцатки кладбищенской церкви (единственной оставшейся действующей в Колпино) вполне могли провести собственные поиски и убедиться, что среди тех икон, которые разрешено им было забрать из Троицкого собора, чудотворный образ святителя Николая отсутствует. О том, что ответил на это обращение райисполком, архивные документы умалчивают, более того, ни одного, хотя бы косвенного документа о дальнейшей судьбе образа обнаружить в архиве не удалось.

Дальнейшая судьба образа святителя Николая полна тайн и загадок. По одной из версий, имевшей большое хождение после войны среди колпинских жителей, перед самым закрытием собора чудотворный образ был спрятан от поругания в надежном месте несколькими благочестивыми жителями Колпино. Во время войны многие старушки говорили, что *«пока Никола в городе, фашист в Колпино не войдет…»* Предсказание действительно оказалось пророческим.

В конце 1947 года среди православных жителей Петербурга и Колпино разнеслась весть о том, что в открытую годом раньше на проспекте Обуховской Обороны церковь Святой Троицы, более известную под названием «Кулич и Пасха», был принесен образ святителя Николая. При каких обстоятельствах это произошло, говорили по-разному, в частности, что образ принесли какие-то две женщины из Колпино…

В 1999 года в храме Вознесения Господня я совершенно случайно разговорился с колпинской старожилкой Любовью Семеновной Воробьевой, которая незадолго до этого прочитала в местной газете «Окно» пространную статью об истории образа святителя Николая Чудотворца (представлявшую собой частичную компиляцию из книги С.С. Шульца «Храмы Санкт-Петербурга»[3]), в которой говорилось о том, что этот образ был отдан в 1930-е годы для сожжения на какой-то из колпинских заводов, однако его нашла в куче мусора одна из прихожанок Свято-Троицкой церкви и в 1947 году принесла его в церковь «Кулич и Пасха» в Петербурге.

По словам Любови Семеновны все было не так. Дело, по ее словам, обстояло следующим образом.

В 1937 году, сразу же после закрытия Троицкого собора, старинный чудотворный образ святителя Николая взяла домой супруга начальника Колпинского паспортного стола, и всю войну этот образ хранился у нее. В кладбищенской же церкви находился список с этого образа. Эта церковь, построенная в 1809 году и освященная во имя святителя Николая Чудотворца, не закрывалась, но в конце августа 1941 года во время вражеских обстрелов и бомбежек была разрушена.

Троицкий собор, в котором до 1937 года находился чудотворный образ свт. Николая. Фото 1910-х гг.

В 1942 году жительнице Колпино, православной христианке, чтившей память святителя Николая, Пелагее Пискаревой, во сне явился сам угодник Божий и повелел идти на кладбище, и взять из кучи мусора (или из грязи) его образ. По словам Л.С. Воробьевой, угодник Божий сказал: «Пелагея, я лежу в грязи, приди и вынь меня оттуда…» С большим трудом Пелагее удалось добраться до кладбища, минуя посты милиции, местной самообороны, найти там этот образ и незаметно пронести его к себе домой. После войны Пелагея и ее сестра Параскева (Прасковья) привезли этот образ в только что открытый храм Святой Троицы («Кулич и Пасха»), где он находится и поныне.

Что касается старинного чудотворного образа святителя Николая, находившегося в Троицком соборе, то, по словам Любови Семеновны Воробьевой, вплоть до 1950-х годов этот образ хранился дома у той женщины, которая взяла его в 1937 году. В 1950-е годы к ней домой (к этому времени она переехала в Ленинград) неоднократно приходил настоятель церкви «Кулич и

Крестный ход с чудотворной иконой свт. Николая Чудотворца 9 мая 1903 г. в посаде Колпино

Колпинский чудотворный образ святителя Николая. Гравюра 1890-х гг.

Пасха» протоиерей Феодор Цыбулькин и просил ее вернуть икону в их храм, однако на все его просьбы она отвечала отказом, иногда говоря, что сделать это можно будет лишь после ее смерти. В середине 1950-х годов она умерла, и икона перешла к ее дочери, однако и дочь образ в храм не вернула, а о. Феодор, спустя некоторое время, был переведен в другой храм, и на этом все дальнейшие следы образа святителя Николая обрываются. Как звали эту женщину, и где она проживала, Любовь Семеновна не помнит…

Летом 2001 года корреспондент одной их колпинских газет встретилась с настоятелем церкви села Рождествено Гатчинского района протоиереем Владимиром Ноздрачевым, который в период с 1955 по 1966 годы также проживал в Колпино и был знаком с обеими сестрами Пискаревыми, и взяла у него интервью. Их рассказ, переданный в те годы о. Владимиру, в целом соответствовал рассказу, услышанному мною от Л.С. Воробьевой, с той лишь разницей, что икона святителя Николая, по его словам, была принесена Пелагеей зимой 1942 года не с Колпинского кладбища, а с Саблинского, которое находилась в 14-и километрах от Колпино в

Кладбищенская церковь святителя Николая в г. Колпино. Фото 1910-х гг.

зоне немецкой оккупации (!). При всей вероятности, что по молитвам святителя и такое чудо вполне могло иметь место, хотя все же верится в это с трудом. Дело в том, что Никольская церковь на Саблинском кладбище даже во время немецкой оккупации не закрывалась, и в ней до конца 1943 года периодически проводились богослужения, которые совершал иеромонах Кирилл (Смирнов). Простояв закрытым лишь с конца 1943 до 1945 года, этот храм действует и поныне.

По словам о. Владимира, в годы войны сестры проживали в каком-то деревянном доме барачного типа, стоявшем на берегу реки Ижоры[4].

Так или иначе, я решил найти какие-либо подтверждения всему услышанному, для чего некоторое время мне пришлось провести за исследованием документов, находящихся в архиве С.-Петербургской епархии. Ознакомившись с делами Троицкой церкви («Кулич и Пасха»), я нашел некоторые подтверждения рассказу Л.С. Воробьевой. Так, священник Феодор Андреевич Цыбулькин, действительно, в период 1952–1963 гг. являлся настоятелем этого храма, а в описи церковного имущества от 20.01.1952 г. имеется запись о том, что в храме находится *«образ Святителя Николая Чудотворца в серебряной ризе и киоте, 200х230 [мм] чтимый (Колпинский)»*[5]. Никаких, правда, других интересующих меня фактов в материалах по Троицкой церкви я не нашел, зато совершенно неожиданно они обнаружились в конфиденциальной переписке благочинных города Ленинграда с уполномоченным по делам Русской Православной Церкви за послевоенные годы. В этой связи стоит, наверное, полностью привести докладную записку, составленную 6 декабря 1947 г. настоятелем Троицкой церкви протоиереем Николаем Ломакиным* и адресованную уполномоченному по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по г. Ленинграду и области А.И. Кушнареву:

«В мае месяце с. г. с ведома Митрополита Ленинградского и Новгородского Григория, я обращался к Вам с ходатайством о разрешении перевезти копию иконы свт. Николая Чудотворца «Колпинскую», находящуюся в городе Колпино у гр. Пискаревых Пелагии Ивановны и Прасковьи Ивановны (родных сестер), проживающих в названном городе по адресу: Сырой переулок, д. 10, – в Троицкую церковь (Кулич и Пасха) за Невской заставой.

Икона эта – из инвентаря закрытой кладбищенской церкви г. Колпино, ранее находилась в Троицком соборе того же Колпино и является государственной собственностью, а не гражданок Пискаревых.

Вами было дано разрешение получить эту икону от Пискаревых, и дело это мной было поручено моему

---

* Ломакин Николай Иванович (1890–1965) – протоиерей, в 1947–1948 годах настоятель Свято-Троицкой церкви («Кулич и Пасха»).

сослуживцу – протоиерею Василию Павлову.

В течение лета, в разное время, протоиерей Павлов делал несколько попыток получить икону от Пискаревых, даже за плату. Однако, все эти попытки оказались безуспешными.

В виду изложенного, прошу Вашего содействия перед Колпинским райсоветом по поводу изъятия иконы от гр. Пискаревых и передачи ее в Троицкую церковь»[6].

Спустя пять дней, протоиерей Николай Ломакин направил на имя епископа Лужского Симеона (Бычкова), викария Ленинградской епархии, следующий рапорт: *«Настоящим прошу Вашего Преосвященства ходатайства перед уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви Кушнаревым о передаче в Троицкую церковь за Невской заставой копии чудотворной иконы Святителя Николая Чудотворца «Колпинской», находящейся в частном пользовании гр. Пискаревых по адресу: Колпино, Сырой переулок, д. 10»*[7], на которое епископ Симеон наложил короткую резолюцию: *«К настоящему ходатайству присоединяюсь»*. О том, что произошло дальше нетрудно догадаться, хотя уже более никаких документов на этот счет в епархиальном архиве обнаружить не удалось. Судя по всему, к сестрам Пискаревым в декабре того же года явилась представительная депутация, состоящая из священников, и показав им положительную резолюцию епископа, в добровольно-принудительном порядке потребовала незамедлительно передать хранящуюся у них икону в храм. На этот раз сестры упорствовать не стали (разумеется, в своих рассказах все эти подробности они попросту опустили).

Киот с чудотворной иконой святителя Николая в Колпинской Троицкой церкви. Фото 1890-х гг.

О дальнейшей судьбе самих сестер Пискаревых удалось узнать немного. Согласно сведениям, полученным мною в архиве ЗАГСа, в 1942 г. сестры Пискаревы проживали в г. Колпино в доме № 57 по Красной улице, где в апреле того же года скончался их брат Иван. Этот деревянный дом действительно находился недалеко от берега реки Ижоры, на территории нынешнего сквера близ Детского пляжа. Прасковья Ивановна скончалась в 1964 г. в возрасте 79 лет. Последние годы она проживала вместе с сестрой в отдельной квартире в доме № 51 по Октябрьской улице. Сведений о смерти ее сестры Пелагеи Ивановны в книгах регистрации умерших Колпинского ЗАГСа за 1945–1982 гг. обнаружить не удалось, из чего можно сделать вывод, что Пелагея после смерти своей сестры переехала (или была перевезена) в один из домов для престарелых, где, по всей видимости, и скончалась. Где и когда это произошло, выяснить, к сожалению, не удалось. Увы, время летит незаметно и даже события, казалось бы, недавней истории быстро покрываются патиной забвения.

К сожалению, и о. Феодора Цыбулькина, который мог что-то рассказать, тоже уже нет в живых. До 1984 г. он служил священником в храме свт. Николая Чудотворца на Большеохтинском кладбище, после чего был переведен за штат и вскоре уехал в соседнюю епархию (куда именно, я не смог выяснить), где, по словам знавших его людей, и скончался в середине 1990-х гг.

Ни в коей мере не умаляя чудотворную силу находящегося в настоящее время в церкви «Кулич и Пасха» образа святителя Николая, хотелось бы все-таки внести ясность в вопрос тот ли это образ, что был найден на Ижорских лесопильнях в 1713 г. или все-таки поздний список с него, поскольку тема эта ни в церковной печати, ни в светских историко-краеведческих исследованиях совершенно не затрагивается, а издающиеся Санкт-Петербургской епархией справочники, ничтоже сумняшеся, уверяют, что это именно тот, первоначальный, обретенный в 1713 г., образ[8]. Что касается фразы из докладной записки протоиерея Николая Ломакина о том, что интересующая его икона *«… ранее находилась в Троицком соборе того же Колпино…»,* то если это и действительно так, совсем необязательно, что речь идет именно о том, особо чтимом чудотворном образе, поскольку согласно подробной инвентарной описи имущества Троицкого собора, составленной в 1924 г. и хранящейся в Центральном Государственном архиве С.-Петербурга, к этому времени в соборе находились, в общей сложности еще 12 икон свт. Николая Чудотворца (не считая главного, чудотворного образа)[9].

Итак, прежде всего, я попробовал найти более-менее четкое фотографическое изображение иконы свт. Николая, чтобы сравнить его с находящимся ныне

Икона святителя Николая, находящаяся ныне в церкви «Кулич и Пасха». Фото 1996 г.

в Троцкой церкви образом. К сожалению, ни в одном архиве, где я побывал, таких фотографий не нашлось, а наиболее четкое из имевшихся изображений, опубликованное в 1898 г. в журнале «Русский паломник», представляло собой сделанную с близкого расстояния фотографию киота, где чудотворный образ был помещен в центре другой иконы с житийными клеймами[10]. Свидельствуя о богатстве самого киота, фотография все же не предоставляла возможности детально рассмотреть икону. В книге, изданной спустя год и посвященной жизнеописанию и чудесам святителя, было помещено изображение колпинской иконы, выполненное крупным планом, однако оно не было фотографическим, а представляло собой нечто среднее между рисунком и гравюрой, что опять-таки делало невозможным проведение сравнительного анализа. Единственную ценность этой гравюры составляло то, что икона на ней была изображена без золотого оклада[11].

Впервые более-менее крупное фотографическое изображение этой иконы (в окладе) было приведено в небольшой брошюре, изданной в 1913 г. настоятелем колпинской Троицкой церкви протоиереем Иоанном Соколовым, *«Краткие сведения о городе Колпино, Троицкой Морского ведомства церкви и имеющейся в оной чудотворной иконе свт. Николая*»,* однако на этот раз качество помещенных в ней иллюстраций вновь затрудняло проведение сравнительного анализа.

Вскоре, промыслительным образом в мои руки попала небольшая по объему, но добротно изданная и совершенно уникальная брошюра, составленная в 1914 г. священником колпинской Троицкой церкви о. Вячеславом Исполатовым, *«Чудотворный образ Святителя Николая архиепископа Мирликийского в Троицкой церкви города Колпино».* Имеющая альбомный формат (!), она была выпущена на мелованной бумаге и имела в общей сложности восемь иллюстрированных вклеек с изображениями колпинских храмов и их интерьеров, причем, первым среди них шло очень четкое фотографическое изображение чудотворного образа свт. Николая (в золотой ризе), сделанное крупным планом. Ранее я даже и не подозревал о существовании этой брошюры, поскольку ни в Российской Национальной библиотеке, ни в библиотеке Академии наук, ни в других библиотеках, куда я обращался, ее попросту не было.

Согласно сведениям, содержащимся в этой брошюре[12] (и подтвержденным впоследствии архивной описью имущества Троицкого собора 1924 г.[13]), чудотворный образ имел размеры 6x5$^{1}/_{4}$ вершка (266x230 мм), которые отличаются от размеров иконы, находящейся ныне в церкви «Кулич и Пасха» (см. выше). Сравнительный анализ двух изображений, как по сохранности красочного слоя, так и по прорисовке ликов святителя, однозначно свидетельствовал, что это совершенно разные иконы, из которых находящаяся ныне в Троцкой церкви по своему письму явно восходит к началу XIX в. и, судя по всему, действительно ведет свое происхождение из колпинской кладбищенской церкви, что однако нисколько не умаляет силу обретенного в 1942 году Пелагеей Пискаревой образа, ибо обстоятельства, при которых это произошло, с полным правом позволяет считать найденный ею образ чудотворным.

Для православного человека в конце концов не столь важно, «тот» ли это образ или «не тот», важно, чтобы люди с искренней молитвой подходили к нему и получали просимое, а это уже зависит от веры каждого че-

* Единственный подлинный экземпляр этой брошюры в настоящее время находится в библиотеке С.-Петербургской Духовной академии и семинарии (в 1992 г. она была переиздана в современной орфографии без каких-либо иллюстраций).

ловека. Этого же мнения придерживается и о. Владимир Ноздрачев, который на вопрос корреспондента: «*Та* это икона или *не та*»,– ответил,– *«Мы не знаем. Ясно, что она – чудотворная. А когда впервые явилась, мне сие не известно. <…> Много людей соприкасалось с образом… Если бы святитель Николай не помогал, никто бы к нему не пришел»*[14].

И с т о ч н и к и :

[1] О провождении праздников. Чествование иконы Святителя Николая Чудотворца в селе Колпино. СПб. 1876. *Рклицкий И.* Описание болезни г-жи Артамоновой, которая получила исцеление пред чудотворной иконой Святителя Христова Николая, в селе Колпине, 26 сентября 1858 года. СПб. 1860. *Беляев Иоанн.* Ям-Ижорская часовня на месте обретения чудотворной иконы Святителя и Чудотворца Николая… СПб. 1881.
[2] ЦГА СПб. Ф. 7384, оп. 33, д. 138. Л. 74.
[3] Шульц С.С. Храмы Санкт-Петербурга. СПб. 1994. С. 179.
[4] Ижорские берега. Колпинский альманах. Выпуск 5. СПб. 2001. С. 76–77.
[5] Архив С.-Петербургской епархии. Ф. 1, оп. 7, папка 11, 1952 г.
[6] Архив С.-Петербургской епархии. Ф. 1, оп. 4, папка 13, переписка 1947 г.
[7] Архив С.-Петербургской епархии. Ф. 1, оп. 4, папка 13, переписка 1947 г.
[8] Памятная книжка С.-Петербургской епархии. СПб. 1998. С. 22. Справочник по С.-Петербургской епархии Русской Православной Церкви. СПб. 2001. С. 22.
[9] ЦГА СПб. Ф. 171, оп. 1, д. 301. Л. 357-379.
[10] Русский паломник, журнал. 1898, № 19. С. 301.
[11] Вознесенский А., Гусев Ф. Житие и чудеса свт. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России. СПб. 1899. С. 483.
[12] Исполатов Вячеслав. Чудотворный образ Святителя Николая архиепископа Мирликийского в Троицкой церкви города Колпино. СПб. 1914. С. 6.
[13] ЦГА СПб. Ф. 171, оп. 1, д. 301. Л. 362 об.
[14] Ижорские берега. Колпинский альманах. Выпуск 5. СПб. 2001. С. 77–78.

Александр Новожилов

Слово лечит и калечит,
Убивает и целит.
Утром ранним, в поздний вечер
Слово радости таит!

И не зря зовется Богом,
Что явился во плоти.
От порога до порога
Слово Божие – свети!

Так приятно, сердцу мило,
Лишь раскроются уста,
Только бы понятно было
Слово кроткое Христа!

* * *

Как пронять ваши черствые души?
Сколько нужно несчастных калек?
Чтоб услышали ваши уши,
Каким должен быть человек.

Вас прельщают заботы и пьянство,
Что же может заставить понять:
Как стремиться в Небесное Царство?
Как Христа в свое сердце принять?

Голод, мор и другие напасти
Не научат вас ничему!
Почему же земные сласти
Лучше Бога, никак не пойму?

И я первый из этих погибших,
Но надеждой и верой храним!
На земле не бывает лишних,
Все любимы Творцом Своим!

* * *

И, может быть, последнею молитвою молюсь!
И, может быть, последний день встречаю!
Последним вздохом воздуха напьюсь!
Пред ликом смерти воскресения чаю!

* * *

Что толку писать на века?
Они, как и мы, также тленны!
Вот знать бы наверняка
Основы жизни Вселенной!

Свет этой загадки б затмил
Всё счастье земной юдоли,
Но главное: среди могил
Не было б ни горя, ни боли!

* * *

Пролепечет старец осененный:
Быть Любви на этом свете
Он, коленопреклоненный,
Пред иконой на рассвете.

* * *

Великая тайна –
Вступление в вечность,
О Боже, Ты дай нам
Познать бесконечность!

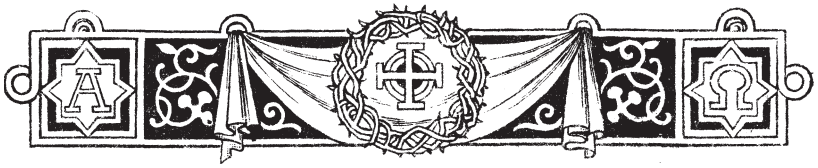
Но разум устроен,
Христа не приемля!
Хочу быть безумцем
Я, плоти не внемля!

Хочу все отдать я:
И кровь, и дыханье!
Хочу, все любя,
Обрести пониманье

Великих заветов
Могучую силу,
Вопросы-ответы…
О Боже, помилуй!

* * *

Как гореть мне всю жизнь, не сгорая?
Как мне душу наполнить любовью?
Как открыть мне для вас двери рая?
Напоить все сердца светлой новью!

ПРОПОВЕДЬ

Св. прав. Иоанн Кронштадтский

Слово при вступлении в пастырское служение, в первое священнодействие литургии в Кронштадтском Андреевском Соборе

«Паси овцы Моя» *(Ин. 21,15–17).*

Эти слова верховного Пастыреначальника Христа известны всем вам, братия мои, потому что вы нередко слышали их при чтении Евангелия на всенощной воскресной; знаете и то, кому они были сказаны; я повторю, что они сказаны были апостолу Петру, и сказаны троекратно, в знак троекратного восстановления этого апостола, отрекшегося трижды от Господа своего. Эти же слова вещает Господь таинственно и нам, недостойным пастырям словесного Его стада, когда призывает нас, чрез посредство архипастыря к служению пастырскому. Дошло и до моего сердечного слуха слово Господа: «Паси овцы Моя», повелевающее мне пасти вас словесных овец Его.

Сознаю высоту сана и соединенных с ним обязанностей; чувствую свою немощь и недостоинство к прохождению высочайшего на земле служения священнического, но уповаю на благодать и милость Божию, «немощная врачующую и оскудевающая восполняющую». Знаю, что может сделать меня более или менее достойным этого сана и способным проходить это звание. Это любовь ко Христу и к вам, возлюбленные братия мои. Потому-то Господь, восстановляя отрекшегося ученика в звании апостола, троекратно спросил его: «Любишь ли Мя», и после каждого ответа его «Люблю Тя», повторял ему: «Паси овцы Моя, паси овцы Моя».

Любовь – великая сила: она и немощного делает сильным, и малого – великим, и незначительного – достопочтенным, и прежде незнакомого и чужого делает скоро близким и знаемым и любезным. Таково свойство любви чистой, евангельской. Да даст и мне любвеобильный ко всем Господь искру этой любви; да воспламенит ее во мне Духом Своим Святым.

Высоко, я сказал, звание священника. Ибо чей это сан? Сан Христов. Он есть единственный Первосвященник, первый и последний, Жертвоприносящий и приносимый в жертву о всех; Он – Альфа и Омега, первый и последний; мы облечены благодатию Его священства; Он Сам в нас и чрез нас священнодействует. Поэтому и мы сами должны глубоко уважать свой сан, и вы, братия, должны для вашего собственного достоинства и спасения глубоко уважать этот сан и повиноваться носителям его, снисходя к их немощам и недостаткам. Ибо мы, хотя возвеличены саном, но природа наша одинакова с вашею, немощная и подверженная преткновениям. И какой человек смертный может вполне соответствовать высоте и святости сана священнического? Если взять во внимание то одно, что священник, предстоя самому престолу Божию в земном храме, должен так часто совершать животворящие и страшные Таины Христовы, ходатайствовать, по наставлению и руководству Церкви, о всем мире, о благосостоянии церквей Божиих во всей вселенной и о соединении всех разномыслящих; приносить жертву благодарения о всех святых: праотцах, отцах, патриархах, пророках, апостолах, евангелистах, мучениках, воздержниках и о всех праведных душах; молиться о живых и умерших, – то какое евангельское достоинство нужно для того? Нашей ли немощи это дело, когда мы, по грехам нашим, не смели бы и за себя открыть рта, чтобы умолять небесное правосудие и милосердие о наших собственных грехах? Нет, это дело высшей благодати; это дело безмерных заслуг Христовых. Он – Ходатай и приемлющий ходатайство. А если взять еще во внимание совершение прочих таинств, особенно – крещения, покаяния, брака, елеосвящения, – какая требуется святыня, какое богатство любви Христовой от священника, совершающего эти таинства? Ибо во всех молитвах и священнодействиях, составляющих принадлежность таинств, дышит дух бесконечной любви Божией к роду человеческому, милосердия, крайнего снисхождения, святыни и нетления. А проповедование Слова Божия, возвещение вечных истин Евангелия понятным для всех языком, проникнутым духом евангельской любви, чтобы научить, просветить, исправить, утвердить, руководить по стезе, ведущей в

вечность: какая это высокая и трудная обязанность? Без сомнения, во всем поможет нам благодать Божия, если мы будем достойны ее, и – если вы будете стараться ходить или жить достойно высокого звания христианского. И так вот вам, братья и сестры, во храме первое слово мое, которым я знакомлюсь с вами. Примите его открытым, прямым и добрым сердцем; примите меня в любовь вашу и воспоминайте меня пред Господом в молитвах ваших, которые вы ежедневно ему возносите. Заключу его благословением апостольским: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любы Бога и Отца и причастие Святого Духа буди со всеми вами». *Аминь.*

Слово в новоустроенном храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы в селе Пенино Гдовского уезда, С.-Петербургской губернии, по освящении придела в честь Сретения Господня 20 августа 1901 г.

Дорогие братья и сестры! Сегодня совершилось благодатию Св. Духа архиерейским служением освящение придельного храма в честь и славу Сретения Господня в этом новоустроенном благолепном храме. Благодарим Господа за новый освященный престол Его благодати и за новое место приношения бескровной Жертвы о грехах наших. Приходите же неленостно в этот освященный дом молитвы, о коем Сам Господь сказал: «Дом Мой, дом молитвы наречется» (*Ис. 56, 7),* и освящайтесь в нем как чада Святого Бога. Но для чего с такой торжественностью, такими чудными молитвами, священнодействиями и обрядами, с миропомазанием стен храма и положением св. мощей мучеников освящаются храмы? Для того, чтобы привлечь на них всеосвящающее присутствие Божие и всесовершительную благодать Духа Святого, чтобы она неистощимо и неоскудно действовала в приходящих с верою в храм сей, – просвещала умы и сердца, очищала, согревала и обновляла обветшавшие грехами души христианские, утешала скорбящих, исцеляла болящих, совершала все таинства при посредстве освященных пастырей, руководила и уготовляла всех к будущему, вечному царствию, – для того, чтобы в нем христиане соединялись в одно таинственное Тело Церкви под единой Главою Христом, – и сами, как живые камни, устрояли из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом *(1 Пет. 2, 4–5)*. Святи будите, яко Аз свят есмь. Я создал вас – как бы так говорил Господь – по образу и подобию Моей святости; святость ваша была в начале вашей принадлежностью, вашим свойством, вашим чудным благолепием; вы были подобны Мне, – вашему Богу и Творцу, но вы произвольно утратили эту благодать, эту цельную, безмятежную, беструдную и беспечальную жизнь, это неоцененное сокровище всякой разумной твари, и осквернили себя лукавством, изменой, мятежным духом, непослушанием, гордостью, пристрастиями житейскими, коим нет числа, предались тли земной, поставили сами для себя бесчисленные кумиры страстей, а Меня, источника жизни, оставили. Я туне излил на вас бесчисленные блага, а вы захотели восхитить себе Мою Божественную честь и славу, возмечтали сравняться со Мною, оказались предо мною неблагодарными, восстали против Меня Самого, вместе с отпадшим денницей, бывшим первоангелом, и восприняли в себя его свойства. Но вы были обольщены этим исконным человекоубийцей; жалкие – вы были окрадены этим древним змием, как малодумные и неопытные, хотя и были предупреждены об опасности, вам предстоявшей. Потому Я, как милосердый, призываю вас опять к Себе; обратитесь и познайте свое заблуждение, свою прелесть греховную; покайтесь, возлюбите снова правду Мою и возненавидьте беззаконие, возлюбите Бога и друг друга, оставьте безумие и будьте опять святы, как Я свят, Господь Бог ваш. Человек без святости, как бы не человек, а получеловек, как необожженный в печи кирпич или вновь сделанный из глины сосуд, незакаленный в печи, еще не есть кирпич или горшок, или что другое, ибо не имеет огнеупорности и стойкости, твердости. Так и человек, не утвердившийся в вере и исполнении заповедей Божиих, не искушенный духовным опытом, не утвердившийся в добродетели и святости и безбоязненно работающий греху, не есть настоящий человек и христианин. Многовидный грех с бесчисленными страстями глубоко проник в существо человека, пустив бесчисленные корни в сердце, – все заразил, осквернил, растлил: душу и тело, разум, сердце, волю, память, воображение, всю мыслительную и желательную способность, все телесные чувства, эту пяту (пять чувств) человека, и человек невозрожденный стал подобен трупу смердящему, или порождением ехидны, как называл Иоанн Предтеча фарисеев и саддукеев. Чтобы оживотворить этот труп: выгнать из него смрад греха, остановить или обессилить исполинскую силу греха в человеке и дать ему благодатную силу мыслить, желать и чувствовать по Божиему и творить дела до-

брые, богоугодные, спасительные, – надобно было его чудесным образом возродить, и из чада диавола сделать чадом Божиим; а для этого Господь и Творец наш Сам благоволил сделаться для нас Искупителем и Спасителем, Первосвященником и Жертвою; в Самом Себе благоволил омыть грех мира посредством Своего Крещения в Иордане и даровать роду человеческому благодать крещения и запечатления Духом Святым чрез миропомазание. Для совершения же этого великого Таинства, как и других Таинств, Он благоволил основать на земле Церковь Свою с пастырями и паствою, с освященными храмами и спасительными уставами и богослужебными чредами, при Своем Главенстве и совершительной благодати Духа Святого. А чтобы возрожденного человека благодатью Духа Святого поддерживать в святости, или и по возрождении падающего в грехи восстановлять и примирять с Богом, – очищать, освящать, обновлять, укреплять и поддерживать в общении с Источником жизни, для этого Он дал Церкви благодать разрешать от грехов кающихся и совершать для них величайшую Таину Евхаристии или причащения Тела и Крови Своей. Это величайшее и Животворящее Таинство совершается только в храме освященном, и Богослужение, во время которого совершается оно освященными лицами, есть главнейшее Богослужение в Церкви. Таким образом, человек грешный очищается, освящается и спасается только в Святой, Соборной и Апостольской Церкви и в святом храме и без Церкви, без храма православного, он нигде не может достигнуть святости, потому что только Ей дана благодать освящения и возрождения человека. Отсюда ясно, что святость и спасение душ недостижимы ни в какой секте, ни в каком расколе или ереси, ибо там нет и не может быть благодати. Итак, будьте святы: ищите святости, заботьтесь о святости, приобретайте ее, как неоцененное, жизненное, вечное сокровище. Прибегайте всегда к единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви и спасайтесь в ней. Те, которые отступили от Церкви и еще хулят ее, все погибнут, если не покаются. «Вси, удаляющии себе от Тебе, погибнут *(Пс. 72, 27)*», – говорит Духом Святым царь и пророк Давид. *Аминь.*

Новые грозные слова, произнесенные в Кронштадтском Андреевском соборе в 1907 году

Царства земные колеблются и падают от безверия и беззакония

Слово XIII. 6-го мая 1907 года

Мы, приемля царство непоколебимое (Церковь), да храним благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом. Потому что Бог наш есть огнь поядающий *(Евр. 12, 28)*.

Россия и Церковь торжественно празднуют сегодня рождение венчанного Богом Царя на царство всероссийское и молят Царя Царей о благополучной державе, победе, т. е. долгоденствии, мире, здравии, спасении Его, земного Царя нашего, и о том, чтобы Господь благопоспешил и пособил Ему во всем и покорил под ноги Его всякого врага и супостата.

Не в мирное, а беспокойное и крамольное время мы живем, время безначалия и безбожия, время дерзкого попрания законов Божеских и человеческих; во время бессмысленного шатания умов, вкусивших несколько земной мудрости и возмечтавших о себе чрез меру: ибо знание кичит, по слову Божию, а любовь назидает. Для всех очевидно, что царство русское колеблется, шатается, близко к падению.

Отчего же столь великое, бывшее столь твердым, могущественным и славным прежде, царство русское ныне так расслабело, обессилело, уничтожилось, всколебалось? Оттого, что оно сошло с твердой и непоколебимой основы истинной веры, и в большинстве интеллигенции отпало от Бога, Который один есть непоколебимая во веки вечные держава, Коим твердо держатся в дивной гармонии небо и земля – столько веков. Вот отчего царство наше колеблется; и одно ли русское царство, занимающее шестую часть земли, колеблется от безбожия и анархии? Нет, колеблются и трясутся все царства земные, оставившие веру истинную; а некоторые царства и города, бывшие до Христа и после Христа, сошли совсем с позорища мира за неверие и беззаконие. И чем дольше существует мир прелюбодейный и грешный и преуспевает в беззакониях, тем он больше и больше слабеет, дряхлеет и колеблется, так что к концу мира он совсем сделается трупом и дымящеюся головнею, которая совсем истлеет от по-следнего страшного, всеобщего огня: ибо земля и все дела на ней сгорят, по апостолу, и мы чаем нового неба и новой земли, по обетованию Божию, на которых живет правда *(2 Пет. 3, 10, 13)*.

Мы, русские, православно верующие, как чада церкви христианской, по принятии таинства Крещения, приступили к горе Сиону и ко граду Бога

живого, к небесному Иерусалиму и тьмам ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех – Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю Нового Завета Иисусу, и к крови кропления (Христовой крови), говорящей лучше, нежели Авелева. — Смотрите, говорит Апостол в послании к Евреям, не отвратитесь и вы от Говорящего. Если (древние евреи, бывшие при Моисее) не послушавшие глаголавшего на земле не избегли наказания, то тем более не избежим мы, если отвратимся от Бога, глаголющего с небес, Которого глас тогда поколебал землю и Который ныне дал такое обещание: еще раз поколеблю не только землю, но и небо. Слова «еще раз» – означают изменение колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое. Итак мы, приемля царство небесное, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу с благоговением и страхом. Потому что Бог наш есть огнь поядающий *(Евр. 12, 22–26; 29)*.

Я привел указанныя слова Павла из послания к Евреям потому, что они относятся и к нам, русским людям, отступившим от Бога и от Нового Сиона, церкви Христовой, основанной на несокрушимом Камне-Христе, на Который кто упадет, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит *(Мф. 21, 44)*. Несомненно, что все отпадшие от веры и Церкви русские разобьются, как глиняные горшки (сосуды скудельные, *Пс. 2*), если не обратятся и не покаются, а Церковь останется непоколебимою и до скончания века, и Монарх России, если пребудет верен Церкви православной, утвердится на престоле России до скончания века.

Держись же, Россия, твердо веры своей и Церкви, и Царя православного, если хочешь быть непоколебимою людьми неверия и безначалия, и не хочешь лишиться царства и Царя православного. А если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты — то не будешь уже Россией или Русью святою, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга. Помните слова Христа неверным иудеям: отымется от вас царство Божие и дастся языку (народу), творящему плоды его *(Мф. 21, 43)*. *Аминь.*

На день рождения Благочестивейшей Государыни Императрицы Александры Феодоровны

Слово XV

«От лица Твоего судьба моя изыдет» *(Пс. 16, 2)*.

Сегодня у нас торжество в память дня рождения Благочестивейшей Государыни нашей, Императрицы Александры Феодоровны и всенародное благодарственное Господу Богу моление о Ее здравии и исполнении благих судеб Божиих в Ее жизни.

Думала ли Она в нежной девической юности, что Она предназначена Богом быть супругою Императора Всероссийского и матерью Августейших Чад и между ними Наследника престола.

И вот о чем Ей и на мысль не приходило, – то совершилось в свое время по всеблагой воле Творца и Промыслителя. – Но, при радостях деторождения и лицезрения Августейших Чад, Ей выпали в последние годы скорбные дни вместе с Державным Супругом; они продолжаются, и не знаем, когда кончатся. Россия мятется, страдает и мучится от кровавой внутренней борьбы, от страшной во всем дороговизны, от безбожия, безначалия и крайнего упадка нравов. Судьба печальная, наводящая на мрачные думы.

Но всеблагое Провидение не оставит Россию и в этом печальном и гибельном состоянии. Оно праведно наказует ее и ведет к возрождению.

Судьбы Божии праведные совершаются над Россией, как они совершались в предшествовавшие века ее существования, – при древних великих князьях и царях наших. Россию куют беды и напасти. Не напрасно Тот, Кто правит всеми народами, искусно, премудро, метко кладет на свою наковальню всех, подвергаемых Его сильному молоту. Крепись, Россия! Но и кайся, молись, плачь горькими слезами пред твоим небесным Отцом, Которого ты безмерно прогневала.

В начале я привел слова из псалма: «От Лица Твоего судьба моя изыдет» (Пс. 16, 2). Важная эта истина. Жизнию нашею, жизнию царств и народов управляет Господь, создавший нас для вечного бытия. Земная жизнь есть приготовление, обучение к будущей, бесконечной жизни. Вот последняя цель каждого из нас, как и каждого народа, каждого племени. Мы предопределены к вечному гражданству, к вечному царству в общении с Богом, с ангелами, с лучшими из людей, с избранными Божиими. Мы должны обучиться здесь нравам небесным, молитве, вере, благодарению, любви и преданности, чистоте и непорочности. А где у нас эти добродетели? Мы осквернены всякими грехами; нужно измыться, очиститься, просветиться, укрепиться, убелиться, как снег. А можно ли достигнуть этого без страданий, без слез?

Для этого Господь, как искусный врач, подвергает нас разным искушениям, скорбям, болезням и бедам, чтобы

очистить нас, как золото в горниле. Душа, закосневшая в грехах всякого рода, не легко поддается чистке и врачеванию, но с большим принуждением и терпкостью и только чрез долгий опыт терпения и страданий осваивается с добродетелью и начинает горячо любить Бога, Коего была чужда, научившись всяким грехам плотским. – Вот цель бед и скорбей, насылаемых нам Богом в этой жизни!

Они нужны как отдельным лицам, так и целому народу, погрязшему в нечестии и пороках. Русский народ и другие, населяющие ее племена, глубоко развращены; горнило искушений и бедствий для всех необходимо, и Господь, не хотящий никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле. По делом! Если сознаем свои грехи, обратимся к вере, покаемся, изменимся к лучшему, с Божией помощью, – тогда и Господь обратит к нам светлое Лицо Свое и помилует нас, и даст нам благословение, изобилие и мир. – А если нет, то будем таять в бедах наших. *Аминь.*

О кончине мира и страшном суде Божием. Беседа на дневное Евангельское чтение (Лк. 9, 23–27)

Слово XXI. Произнесено в Иоанновском женском монастыре

Если кто хочет идти за Мною, говорит Господь, пусть отвержется себе и возьмет крест свой и последует за Мной (ст. 23). Ибо кто хочет душу свою (т. е. душу ветхого человека) сберечь, тот потеряет ее, а кто погубит душу свою (т. е. жизнь тленную, полную страстей) ради Меня, тот обретет ее (ст. 24). Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир (или, напр., завоюет его, как Александр Македонский или Наполеон), а душе своей повредит, себя погубит (ст. 25). Ибо кто постыдится Меня и Моих слов, того постыдится Сын Человеческий, когда придет во Славе Отца Своего со св. Ангелами (ст. 26). Говорю вам, что есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие (ст. 27).

Евангельское чтение нынешней литургии изображает свойства истинного последователя Христова.

Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, т. е. своих страстей: самолюбия, лукавства, гордости, осуждения, зависти, блуда, невоздержания, пьянства, корыстолюбия, честолюбия, лицемерия, жестокосердия. Отвергнуться всего земного, нечистого и греховного, отрешиться пристрастий житейских — задача нелегкая, но зато велика будет награда небесная, вечная награда, вечной славы, царства мира, духовного богатства, лицезрения вечной красоты Божией.

Кто последует Христу – тот наследует вечное блаженство небесное и сподобится видеть неизреченную красоту Божию, которой не могут насытиться все Ангелы Божии.

Отвергнуться себя нелегко человеку плотскому, мирскому; он и не решится на это, а скорее решится следовать своей плоти и крови, до конца пить чашу наслаждения земного.

Господь и предупреждает: если хочешь спастись, хочешь блаженствовать на небе со всеми святыми, не живи по своей воле и по внушению страстей своих, откажись от своей воли грешной и неустойчивой и во всем подчинись воле Божией, всегда святой и благой. Тогда ты всецело сочетаешь себя Христу, потому что нельзя соединиться Христу, источнику благости, с человеком злым, недоброжелательным, неправедным, лицеприятным; какое общение света со тьмою, у Христа с сатаною *(2 Кор. VI, 14, 15)*? Никакого.

Поэтому Христос Спаситель объявляет наперед, что кто думает сберечь свою душу, избегая самоотвержения, тот потеряет ее. О какой душе здесь идет речь? А о той, которая сама себя блажит, ласкает, лелеет, холит, нежит, увеселяет играми, роскошью, богатством, удовольствиями всякого рода. Что здесь значит сберечь душу? Значит не трогать страстей души, оставлять их в покое, давать им жить и крепнуть. И все, что человек выдумывает приятного, веселого и роскошного в жизни, все это служит к его погибели: его душа умирает от богатства и роскоши, влекущих ее к самоуслаждению, к тщеславию, гордости, любочестию, потому что в ней оскудевает вера, благодать и все, что составляет истинную жизнь. Напротив, сбережет, сохранит свою душу для вечности, – кто будет воевать против страстей и прочих наклонностей и умрет ради правды. Таковы, напр., мученики, которые для Христа, для сохранения веры в Него и любви к Нему погубили жизнь свою для земли и приобрели ее для другой жизни: получили вечные награды от Господа Бога.

Здесь под погублением души разумеется погубление страстей и умерщвление греха в себе и всех греховных похотей. Тяжело искоренять их, – глубокие корни они пустили в нас: тяжело пьянице расставаться с пьянством, гордецу – с честолюбием, похотливому – с любодением, сребролюбцу – с деньгами, а надобно расстаться, иначе нельзя сделаться истинным последователем Христовым, – последователем не на словах только и по имени, но и на самом деле. Господь усиливает речь

свою и говорит, что нет никакой пользы для человека даже в обладании целым миром, если он погубит душу свою: благами всего мира он не выкупит своей души от вечной гибели. Какая была слава у Александра Македонского, у Наполеона и др., и все исчезло, как дым, все прошло, как сон, потому что душа их погибла – у одного в пьянстве, у другого – из-за ослепленной гордости, в отвержении Бога.

Кто постыдится Меня и Моих слов, говорит Господь, того постыдится Сын Человеческий, когда придет во Славе Отца Своего со святыми Ангелами (ст. 26).

Какое страшное возмездие стыдящимся Христа за их ложный, преступный стыд! Что ожидает в будущем тех, кто устами, делами и всею жизнию отрекаются от Него к погибели? И Христос Спаситель отвергается их пред святыми Ангелами и пред лицом самого Отца небесного, когда явится Судиею мира с силою и славою многою, чтобы воздать «комуждо по делом его». Такому сраму подвергнутся все отступники от истинной веры, и церкви православной, которые позволяют себе посмеиваться над всем, что говорит нам св. Евангелие, что запечатлено и утверждено крестною смертию Сына Божия.

Я вам говорю, что есть некоторые из стоящих здесь, при жизни которых наступит среди людей царство Божие и которые увидят второе и страшное пришествие Христово. Здесь разумеется св. апостол Иоанн Богослов, который чудесным образом преставлен и живет доселе на земле и на небесах; это награда ему за любовь и преданность ко Христу и мучения, которые терпел ради Христа.

Итак, для всех последователей Христовых нужно самоотвержение: отвергнуться своего «я», – своих страстей: зависти, лукавства, гордости, ссор, осуждений, невоздержания, пьянства, лихоимства, нерадения, лености, непокорности; надобно искоренять их в своих сердцах и особенно вам, дорогие послушницы, которые взяли крест и последовали за Христом. Примите в назидание Евангельское чтение нынешней литургии. Терпеливо несите крест свой, отвергайтесь себя, присвояйтесь Христу, будьте Христовы, будьте мудры во Христе, знайте, что душа – драгоценнейшее сокровище и дорожите этим сокровищем: не увлекайтесь земными благами, веря в награду на небесах. *Аминь.*

Наталия Пискунова

Я люблю смотреть, как плачут свечи
В храме Божьем перед образами,
Заливая жаркими слезами
Худенькие восковые плечи.

Встану пред иконой Чудотворца
И воскликну: Отче Николае!
От печалей и скорбей сгораю,
Вместо сердца ощущаю солнце.

Душу вышептать в священный воздух,
Что слова, как влить в них синь полета?
Только знаю, рай на крыльях звездных
Спрятан там, за строгостью киота.

С.И. Шемякина, Г.Н. Шпякина

ПОЕЗДКА В ПЮХТИЦКИЙ УСПЕНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ. МУЗЕЙ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО О. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Божий промысел и Матерь Божия сподобили нас посетить святые места – Пюхтицкий монастырь, о котором мы многое знали, но увидеть его благолепие, красоту и ухоженность пришлось впервые. Необыкновенен он своей духовной чистотой, радостью и любовью.

Расположен монастырь на северо-востоке Эстонии, примерно в 60 км от Нарвы, где проходит граница с Россией. Основан монастырь был в 1891 г. Предание гласит, что в XVI веке на Святой горе в дубовой роще эстонскому пастуху было чудесное явление Божией Матери, и там, около дуба, односельчане нашли икону Успения Пресвятой Богородицы. Жители прозвали это место Пюхтицы, что означает «Святое место».

История монастыря неразрывно связана со святым праведным Иоанном Кронштадтским, который часто бывал в обители, совершал в его храмах богослужения, причащал Святых Христовых Таин его насельниц, с любовью духовно окормлял их. Игумения Варвара и пюхтинские сестры свято чтут память дорогого батюшки.

Но все по порядку.

Из Петербурга от Балтийского вокзала на комфортабельном автобусе-экспрессе, с остановкой на границе, за пять часов мы доехали до г. Йыхви, откуда местный автобус доставил нас до монастыря. Незабываемые первые впечатления, которое оставили в душе неизгладимый след.

Это и дорога, идущая в гору к воротам монастыря, обнесенного каменной стеной, и Успенский собор, сложенный из красного и желтого кирпича, и вознесенные к небу зеленые купола с ярко сияющими в солнечных лучах золотыми крестами, Все вокруг дышало каким-то особенным покоем и умиротворенностью. Мы вошли на территорию обители, и перед нами во всей красе предстал Успенский собор, а за ним, между двух дорожек, благоухал огромный цветник с неисчислимым количеством пионов. Удивительный это кусок земли, по которому не прошло в полной мере разрушительное колесо истории. Здесь видишь, какой была бы наша

Россия без всех катаклизмов, выпавших на ее долю. Приняли нас радушно, как будто мы были самыми желанными гостями. Но так здесь встречают всех паломников, которых особенно много бывает в воскресные и праздничные дни.

Обширна география приезжающих, она охватывает не только Россию, Прибалтику, но практически весь мир. Эта святая обитель всем дает утешение, любовь и духовное очищение.

Поселили нас в монастырской гостинице, где предстояло прожить незабываемые дни. В доме царили идеальная чистота и порядок, кругом стояла тишина, так что говорить хотелось шепотом.

Сразу же нас повели обедать, накормили очень вкусно. Оказалось, что все продукты из своего хозяйства. Так постепенно мы начали знакомиться с жизнью монастыря. Огромную духовную радость доставила вечерняя служба в Успенском соборе. С душевным трепетом поднялись по ступенями в храм. С первого же момента чувство восхищения не покидало нас. Поразило огромное пространство собора, разделенного пилонами на три нефа. Средний – главный придел – посвящен Успению

Божией Матери, правый – преподобному Серафиму Саровскому и преподобному Иоанну Лествичнику, левый – святителю Николаю Мирликийскому чудотворцу и святому великомученику Димитрию Солунскому. Самая почитаемая икона – Успения Божией Матери, облаченная в серебряную позолоченную ризу, украшенную драгоценными камнями, находится у правого пилона центрального нефа. На иконе изображена в гробу Пресвятая Богородица и Иисус, окруженный ангелами и держащий в руках душу Богоматери. С двух сторон гроба стоят святые отцы и апостолы. Икона притягивает к себе не только глубинным содержанием, но и напоминанием об истории обители. Над главным алтарем как будто парит небесно-голубое изображение Богородицы, явившейся апостолам со словами: «Радуйтеся, яко с вами есмь во все дни!» А в куполе – изображение Господа в окружении ангелов.

Очень красивы и величественны Царские врата – описать их трудно – их надо видеть.

В храме, как и везде, все напоминало о дорогом батюшке о. Иоанне. Замечательная икона – образ явления Пречистой Богородицы при источнике у Святой горы, была подарена сестрами обители о. Иоанну Кронштадтскому в 1894 г. ко дню его Ангела. Икона выполнена живописцами Пюхтицкого монастыря. Она пребывала с батюшкой до самой его кончины, потом по завещанию о. Иоанна была передана «благочестивой петербургской чете», которая передала ее монахине Иоанновского монастыря, а в 1949 г., 1 июля, икона вернулась в монастырь. Чем дольше смотришь на этот пресвятой чистый светлый лик, тем лучше понимаешь слова о. Иоанна: «Величайшая для тебя потеря, если ты не научился и не уверился, не привык с упованием, уверенностью, со смирением и благим дерзновением прибегать во всех скорбях и радостях к Матери Жизни, к этой пучине милосердия и щедрости».

Еще одна икона связана с памятью дорогого батюшки – икона Божией Матери «Владимирская», написанная иноками Благовещенской обители Святой Горы Афон в дар Пюхтицкому монастырю, к 40-летию служения святого праведного о. Иоанна Кронштадтского. 15 августа 1895 г. в праздник Успения Божией Матери икону встретили крестным ходом. Приехавший к этому дню о. Иоанн совершил благодарственный молебен. И совсем недавно появилась здесь еще одна икона – святого праведного о. Иоанна с надписью: «Афонской горы Русского Пантелеимона, на котором написана и освящена июня 2002 г.»

Посещение храма всегда дает духовное очищение.

Вечером нас ждала неожиданная, несказанная радость. Нас пригласили на экскурсию в музей святого праведного о. Иоанна Кронштадтского, который находится в доме для представительских целей за гостиницей, где мы поселились.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский (протоиерей Иоанн Ильич Сергиев). С картины худ. Баранова, масло, 1888 г. Прижизненный портрет, хранящийся в Пюхтицах

Затаив дыхание, мы поднялись на второй этаж и с душевным трепетом переступили порог небольшой комнаты, в которой все говорило о незабвенной памяти великого пастыря. На стенах развешаны многочисленные фотографии батюшки, а на одной из них его большой портрет в шубе, с которого он очень внимательно смотрит на присутствующих. В старинных шкафах хранятся вещи о. Иоанна: рождественские подрясники, зимняя ряса на меху и митра. Здесь же находится великолепно выполненный складень и бюст о. Иоанна с крестиком.

Много интересного мы узнали от нашего гида о пребывании о. Иоанна в Пюхтицах, его живом участии во всех делах обители, о неустанной отеческой заботе и поддержке.

Сохранились воспоминания пюхтинских сестер, тех, кто видел батюшку, кого он благословил в монастырь, кому помог советом, кого утешил. Эти, из уст в уста передаваемые истории, в 2001 году были изданы в небольшой брошюре «Воспоминания пюхтицких сестер о святом праведном о. Иоанне Кронштадтском».

Мы долго пробыли в музее, не хотелось расставаться с незримо присутствовавшим батюшкой. На следующий день мы еще раз побывали в святой комнате, и нас не покидало чувство, что о. Иоанн на минуту вышел и скоро вернется. Как бы хотелось, чтобы музей-квартира дорогого батюшки в Кронштадте расширялся, пополнялся святыми реликвиями и тоже посещался многочисленными паломниками.

Низкий поклон игумении Варваре и сестрам обители за такой замечательный музей.

На следующий день мы были в соборе на литургии, исповедывались, причастились Святых Христовых Таин. Храм был полон, чудесно пел хор на обоих клиросах, стояла какая-то особенная благодать, воздух был насыщен ароматом цветов, стоявших около всех икон.

Духовно обновленные, в приподнятом настроении мы вышли из храма.

По кленовой аллее мы поднялись на вершину Святой горы, откуда открывался прекрасный вид на окружающие бескрайние просторы. Здесь же находилась небольшая деревянная церковь во имя преподобного Сергия Радонежского, в которой под алтарем находится склеп, где похоронен князь Сергей Владимирович Шаховской и его жена княгиня Елизавета Дмитриевна. Князь Сергей Владимирович, в бытность свою губернатором Эстляндии, придавал огромное значение укреплению православия, участвовал в создании в 1888 году православного Пюхтицкого прихода, преобразованного в 1891 г. в Пюхтицкую Успенскую общину, в которую вошли монахиня Варвара и три послушницы. К сожалению, князь Сергей Владимирович умер рано, в возрасте 40 лет, в 1894 г. Елизавета Дмитриевна тоже радела «чтобы дух православия и дела братской любви относительно эстонского народа не оскудели», занималась благотворительностью.

Была открыта школа на 150 учеников, лечебница, домовая церковь, но «денежные средства были чрезмерно скудны», и она обратилась в 1888 г. с просьбой к о. Иоанну, чтобы была воля Божия послать чудо. Отец Иоанн ответил незамедлительно и прислал 200 рублей. Елизавета Дмитриевна пережила своего мужа и умерла в 1940 г. Все это мы узнали от экскурсовода, сопровождавшего группу паломников.

Явление иконы Божией Матери Пюхтицах

Внутри церкви находится изящный резной деревянный иконостас. По стенам развешаны металлические венки с могилы князя, увековечивающие память о человеке, так много сделавшем для становления Пюхтицкой обители. Рядом с церковью высится колокольня, а за ней церковь Иоанна Предтечи и святого мученика Исидора Крестителя, построенная в 1990 г. В ней совершается обряд крещения. Подойдя ближе, мы услышали громкий плач, а на крыльце увидели счастливых нарядных родителей с уже крещенным младенцем. После обеда мы отправились к заповедному святому дубу и источнику, которые расположены за оградой монастыря. Вышли через Святые врата со звонницей, построенной в 1893 г. Под аркой на боковых стенах друг напротив друга изображены святой Иоанн Кронштадский и святая Ксения Блаженная, хранители монастыря и С.-Петербурга. Пройдя еще около ста метров, мы вошли в ограду кладбища и подошли к заповедному дубу, около которого была обретена икона Успения Божией Матери. Сколько веков этот дуб-исполин хранит свою святую тайну. Когда смотришь на него, то испытываешь благоговейные чувства соприкосновения с чудом. Только грустно было видеть сухие ветки исполина, но в душе теплилась надежда, что пойдут молодые побеги от корней и желудей этого дуба, которые зазеленеют и зашумят листвою. Рядом с дубом небольшая часовня, внутри которой часовня XVI века (реставрируемая). Рядом с часовней в 1876 г. построена Успенская приходская церковь, которая в 1896 г., когда был построен собор, была освящена в память свт. Николая и преподобного Арсения Великого. К сожалению, в дни нашего пребывания в Пюхтицах церковь не была открыта. Вокруг церкви – могилы, где нашли свое упокоение священнослужители и насельницы. Могилы ухоженные, везде цветы. Надписи на крестах хранят память об усопших. «Да упокоится их Душа!» Далее наш путь лежал к святому источнику. Мы спустились с горы и вместе с другими паломниками, желающими получить исцеление от недугов, направились к источнику с целебной водой. Около каменной часовни устроена чаша, постоянно наполняющаяся ключевой водой. За водой выстраивается очередь. Наполнив имеющуюся тару, довольные паломники отправляются в обратный путь. Мы тоже набрали воды. Она была прохладной и чистой, «как слеза». Вкус у нее был особенный. Она мгновенно утоляла жажду. Рядом с источником находится домик-купальня. Светлана Игоревна рискнула окунуться и сразу же почувствовала необъяснимую радость. Окружающие, кто испытал это омовение, говорили то же самое.

Так прошли два наших дня в Пюхтицкой обители. Наступил третий день – день отъезда. Мы навестили престарелую схимонахиню, которая в светлой, солнечной комнате-келии живет вместе со своей духовной

сестрой. Много интересного мы узнали об истории монастыря и их монашеской жизни, где радостное переплеталось со смешным и грустным.

Удивительная духовная сила и любовь исходила от этих чудесных женщин. Во время разговора вошла послушница, которая принесла лекарства, подала их и воду и ушла, только убедившись, что их приняли.

Конечно, мало трех дней, чтобы понять сложный механизм монастырской жизни. Но даже мелкие штрихи говорят о многом. К нашей великой радости, несмотря на свою загруженность, нас приняла игумения Варвара. Мы очень волновались, но когда вошла матушка, все напряжение прошло. От нее веяло таким искренним вниманием, заботой, теплом и любовью, что обстановка стала совсем домашней, было такое чувство, что мы давно и хорошо знакомы. Матушка расспрашивала нас о пребывании в монастыре, о квартире-музее святого праведного о. Иоанна Кронштадтского в г. Кронштадте, сказала, что подарила директору квартиры-музея о. Геннадию для музея бюст о. Иоанна Кронштадтского. Интересовалась нашими родственными связями с женой о. Иоанна – Елизаветой Константиновной, нашей жизнью и планами, приглашала приехать на более длительный срок. Сама рассказала нам об истории монастыря и неразрывной духовной связи со святым праведным о. Иоанном Кронштадтским, который с замечательного портрета художника Баранова (1888), ранее нами не виденного, внимательно и с любовью наблюдал за нами. Уходить от матушки совсем не хотелось. Перед уходом матушка поинтересовалась, когда мы уезжаем, и сказала, что до автобуса-экспресса нас отвезут. Узнав, что мы не успели побывать на подворье, распорядилась нас туда отвести и подарила нам на память видеокасеты о монастыре и буклеты.

Явление Божией Матери на Пюхтицкой горе. С картины сестер Пюхтицкой обители, подаренной св. прав. Иоанну Кронштадтскому в 1894 г.

Низкий поклон и огромная благодарность игумении Варваре и всем насельницам монастыря за их искреннюю любовь и доброту, которые духовно нас обогатили и согрели, за их искреннюю святую память о дорогом батюшке о. Иоанне Кронштадтском.

Наталия Пискунова

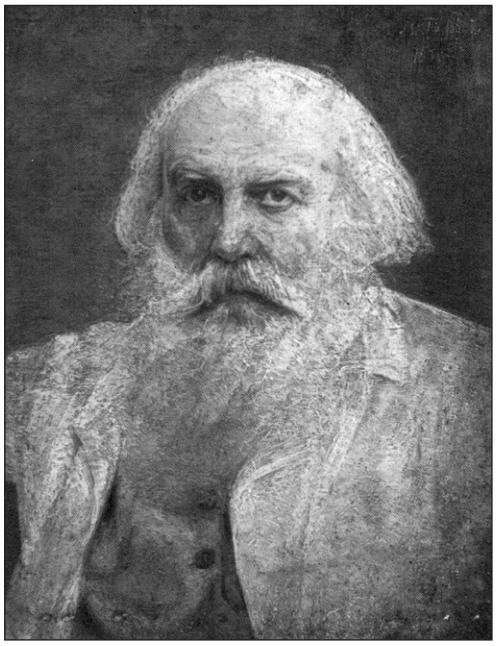
На троне рук держа Спасенье,
Она исполнена мольбы...
Как много дней до Воскресения!
А мир вокруг – крестов столбы.
Как много рядом фарисеев,
И скоро Ей не хватит слез.
Увы, не по годам седеет
Священный шелк Ее волос.
Когда умрет Христос-Создатель,
За Сына меря дни тоски,
Нет, не заметит Богоматерь
Морщинок новых лепестки.
А мы, к иконам припадая,
Кричим, Ей сердце разорвав,
Подай нам помощь, Преблагая,
И сыплем медяками клятв.
Грехов желая оставленья,
Недолговечный рвем покой,
Свои усталые моленья
Вонзая в душу Пресвятой.
И только ночь сомкнет ресницы,
На Сына с болью посмотрев,
Она мольбою материнской
Развеет освященный гнев
И скажет, нас святой любовью
Храня от горя и тоски:
Иди, Дитя, Своею кровью
Омой молившимся грехи.

* * *

Я столько долгих-долгих дней
Бежала от любви и веры,
От длинных служб и от церквей,
В которых все смиренно серы.
И от икон себя гоня,
Все ту же повторяла фразу:
Нет, это все не для меня,
Нет, Бог лишь там, где дремлет разум.
На необъезженном коне
Своих забот неслась бездумно.
Вдруг Кто-то подошел ко мне
И ветром слез в глаза мне дунул,
Сказал, печали не тая,
И сердце стало чаще биться:
Послушай, радосте моя,
Христом ли брезгуешь напиться?

С.А. Нилус

ИСЦЕЛЕНИЕ

Выдающийся русский духовный писатель Сергей Александрович Нилус (1862–1929), автор известных духовных сочинений «Великое в малом», «На берегу Божией реки», «Сила Божия и немощь человеческая» (ч. 1 и ч. 2), «Святыня под спудом», «Близ есть, при дверех» (Близ грядущий антихрист и царство диавола на земле), родился в Москве, в небогатой дворянской семье. Детство, отрочество, юность будущего писателя проходили в нарастающем отчуждении общества от церкви, когда обязательное говение воспринималось как некая повинность. Доброта матери и няни, непрерывно творивших благое ближнему со скромностью, свойственной только христианам, уклад родового имения Золотарево (Мценский уезд, Орловская губ.) не дали погаснуть в душе неясно сознаваемой любви к Богу.

По окончании гимназии и университета Сергей Александрович несет службу чиновника в различных местах Империи, по выходе в отставку хозяйствует в деревне. Как-то после исповеди в сельском храме у него зародилось стремление испытать себя в духовном творчестве, которое окрепло в Троице-Сергиевой лавре, у нетленных мощей прп. Сергия Радонежского.

Окончательное обращение православного в православие, по собственному выражению Сергея Александровича, совершилось, когда, мучимый болезнью, он приехал в Кронштадт к св. прав. о. Иоанну. Здесь, припав к ногам желанного утешителя, Сергей Александрович говорил ему о своих скорбях, открывал ему всю свою грешную душу и приносил покаяние во всем, что тяжелым камнем лежало на сердце. Именно под влиянием св. прав. Иоанна Кронштадтского и по его благословению С.А. Нилус уже в зрелом возрасте стал на стезю духовного писательства, что принесло столь многий плод для всего русского народа.

О своем духовном обращении, произошедшем в Кронштадте по молитвам св. прав. о. Иоанна, о той духовной обстановке, которая сложилась здесь при дорогом батюшке, рассказывает сам С.А. Нилус:

<...> Домой я вернулся уже совсем больной, с потрясающим ознобом и жаром, от которого голова, казалось, кололась надвое. По самой заурядной человеческой логике, надо было лечь в таком состоянии в постель и послать за доктором, что, вероятно, я бы и сделал, но какая-то сила выше недуга, выше всякой логики, в лютый мороз увлекла меня в тот же вечер в Кронштадт.

Не успел я переодеться, захватить и рассовать по карманам несколько носовых платков, как уже мчался на Балтийский вокзал в легоньком городском пальто, в котором один только меховой воротник и напоминал о февральских морозах. Я сознавал, что поступаю неразумно, может быть, даже гублю себя, и, тем не менее, пригрози мне в то время кто-нибудь смертью за мое неразумение, я бы, кажется, пошел бы и на самую смерть.

В вагоне Ораниенбаумского поезда, сидя у раскаленной чуть ли не до красна печки, я дрожал в своем пальто с поднятым воротником точно на лютом морозе, на сквозном ветру; но уверенность, откуда-то взявшаяся, что со мной не приключится ничего дурного, что я, вопреки кажущемуся безумию моего путешествия, буду здоров, не покидала меня ни на минуту.

Однако мне становилось все хуже и хуже.

Кое-как, скорее при помощи мимики, чем слов, нанял я на Ораниенбаумском вокзале кибитку в одну

лошадь и, как был в легком пальто, пустился в двенадцативерстный путь, в восемнадцатиградусный мороз, по открытому всем ветрам ледяному взморью в Кронштадт, мигавший вдали в ночной темноте ярким электрическим светом своего маяка. Везти я себя велел в Дом Трудолюбия.

* * *

Пустынны были улицы Кронштадта, когда по их ухабам колотилось мое больное, бедное тело; но чем ближе я подъезжал к Андреевскому собору, тем оживленнее становился город, а уже у самого собора меня встретила людская волна не в одну тысячу человек, молчаливо и торжественно разливавшаяся по всем смежным собору улицам и переулкам.

– От исповеди, от батюшки все идут! – проговорил мой возница, снимая шапку и истово троекратно крестясь на открытые двери храма.

В Доме Трудолюбия мне пришлось подняться на четвертый этаж, в квартиру рекомендованного мне отцом Амвросием псаломщика. Взошел я на лестницу через силу, постучался в дверь; отворила мне, как оказалось, сама жена псаломщика.

– Чего вам угодно?

– Нельзя ли нумерок?

– Все нумера заняты говельщиками!

– Как же быть мне? Я дальний, да еще больной; город мне незнакомый, время позднее – куда я теперь денусь? – чуть слышно прошептал я.

– Погодите, впрочем, – вот придет сейчас муж, с ним поговорите. Войдите пожалуйста!

Пришел через несколько времени и сам псаломщик. Я едва мог ему объяснить, зачем приехал.

– Эх, да как это вы неудачно к нам приехали: нумера-то у нас все до единого заняты, и сами-то вы еле на ногах держитесь, да и батюшка-то наш что-то тоже расхворался – нарыв у него на руке, вся рука опухла, знобит его, едва служил... Как же вам говорить-то с батюшкой, если бы вам и удалось, паче чаяния, его увидеть? – я еле вас слышу и понимаю, а батюшка и подавно не разберет – он ведь тугонек на ухо.

– Что хотите со мной делайте – от вас мне в таком состоянии ехать некуда!

На мое счастье, с тем же поездом, с каким я приехал, должен был приехать какой-то важный «генерал» из штатских, заказавший себе заблаговременно нумер, но почему-то не приехал.

Добрый псаломщик сжалился надо мной и отвел мне приготовленную для «генерала» комнату с надписью на дверях – «для почетных посетителей», велел мне подать самовар и чаю и, пожелав здоровья, оставил меня одного.

Я попросил женщину, принесшую мне самовар, разбудить меня к заутрени не позже трех часов утра, заперся на ключ и стал молиться.

Откуда снизошло на меня это молитвенное настроение? Беспомощность ли моего больного одиночества в чужом городе, в незнакомой среде? Боязнь ли темного грядущего, исполненного зловещих предзнаменований? Вернее, – Бог послал мне эти молитвенные минуты. Казалось, вся долго, долго скрываемая и сдерживаемая сила покаяния вырвалась наружу и пролилась в бессвязных словах горячей, прямо жгучей молитвы, в поток невыплаканных, накопившихся, накипевших слез старого, неизжитого горя. Каялся я, исповедовался, чудилось мне, Самому Вездесущему, невидимо, но как бы осязаемо предстоящему в уединении еле освященной просторной комнаты.

Все забыл я в эти мгновения: время, пространство, сломивший меня недуг... Весь я пылал той любовью, тем горьким и вместе сладостным покаянием, которое никакие духовные силы человека дать сами по себе не могут и которое может быть послано свыше путем незримым и для неверующего непонятным...

Болезнь, как бы отступившая от меня во время молитвы, напала на меня с особенной яростью, когда часов в двенадцать ночи я прилег отдохнуть до заутрени. Точно неведомая, враждебная сила рвала все мои члены и метала меня по кровати, опаляя невыносимым жаром, леденя душу пронизывающим ознобом. Я чувствовал, что у меня начинается бред, как у тяжко больного.

Так я прометался до утра. В полузабытьи я услыхал, как ко мне постучали в дверь:

– Три часа! Почти все ушли к заутрене – вставайте!

* * *

Я встал, надел пальто и вышел. В белом морозном сумраке зимней ночи клубами порывисто вилась заметь начинающейся февральской метели; ветер метался, крутил и резкими порывами срывал с крыш и из-под ног целые обрывки снежной пыли. Метель разыгралась не на шутку. Утопая в нанесенных за ночь сугробах, я еле доплелся до собора.

Народу уже стояло у запертых дверей много. Стал и я в толпе и стоял долго, а народ все подходил и подходил, все росла и росла скорбная человеческая волна жаждущих Христова утешения. Простоял я так до половины пятого и... не достоял до открытия собора.

В полуобморочном состоянии я нанял до Дома Трудолюбия случайного извозчика; еле добрался до своего нумера, – он оказался запертым. Ни прислуги, ни квартирантов – весь дом точно вымер. В изнеможении я лег на каменную лестницу и лежал так довольно долго, пока чья-то милосердная душа, проходившая мимо меня, не свела меня в незапертую общую комнату, где я и забылся тяжелым, болезненным сном на чьей-то неубранной кровати.

Проснулся я, когда уже было совсем светло. Было часов около девяти. Вскоре стали подходить и богомольцы из собора. Кратковременный сон подбодрил меня

настолько, что я без посторонней помощи добрался до квартиры псаломщика. Милая его жена с участием приняла меня, обласкала, напоила чаем и все соболезновала о моих недугах.

– И как же это вы, такой больной, решились ехать, да еще по такой погоде в чужой город? И с батюшкой-то вам побеседовать не придется. Ну и горький вы, право!

Пришел часов в десять псаломщик и огорошил меня сообщением, что батюшка себя так плохо чувствует, так разболелась у него рука, что на вопрос, приедет ли он в Дом Трудолюбия, он ответил:

– Когда приеду, тогда увидишь!

– Уж, видно, вам или пожить здесь придется, – сказал мне псаломщик, – или в другой, что ли раз приехать?! Плоха вам надежда видеться с батюшкой!

Итак, все точно сговорились, восстали против моего пламенного желания видеться с отцом Иоанном. Даже если б я и увиделся с ним, что мог я вынести от этого свидания? Того, что мне так нужно было, чего я так страстно желал – беседы с ним, покаянного слова, я и того лишился. Лишился, стало быть, и его слова наставления и утешения. В лучшем случае, я мог только его видеть, да и на то, казалось, пропадала последняя надежда...

Но в душе моей, как ни странно, не было сомнений. Измученный болезнью, я не боялся ее исхода; утратив, по видимому, всякую надежду встретиться с о. Иоанном, я верил, что получу от него все, чего жаждала моя душа.

* * *

Не прошло и часа с прихода из собора псаломщика, как снизу прибежала запыхавшись одна из служащих:

– Батюшка приехал!

Откуда только взялись силы? – Мы с псаломщиком в один миг уже были в нижнем этаже. Как меня устроили в нумере, соседним с тем, куда вошел батюшка, я не помню. Какая-то бедно одетая девушка робко проскользнула из коридора в мою дверь.

– Не позволите ли мне у вас дождаться батюшки?

– Пожалуйста!

Из другого соседнего нумера отворилась ко мне дверь. Несколько любопытных голов тревожно и нервно просунулось в мой нумер, заглядывая на дверь, ведущую из моей комнаты в ту, где слышался уже голос батюшки, беседующего с кем-то.

Мимолетное неприятное чувство шевельнулось у меня на душе: не дадут мне поговорить с батюшкой! – Шевельнулось и исчезло. Девушка в моей комнате тихо плакала. Я весь обратился в напряженое ожидание, что вот-вот должно совершиться со мной что-то великое, что сделает меня другим человеком...

В нумере, где был батюшка, послышалось движение, задвигали стульями, голоса стали раздаваться громче... Прощаются...

Головы из другого нумера тревожно шепчут:

– Дверь-то, дверь велите отворить – она замкнута: батюшка ни за что не пойдет, если дверь не отворена... да что же вы стоите! Вот увидите – не войдет к вам!

Да будет воля Божия! – подумал я и не тронулся с места.

Послышались шаги по направлению к моей двери... Кто-то дернул за ручку.

– Отчего дверь не отперта? Отпирай скорее! – раздался властный голос,.. и быстрой энергичной походкой вошел в мой нумер батюшка. За ним шел псаломщик. Одним взглядом отец Иоанн окинул меня... и что это был за взгляд! Пронзительный, прозревший, пронизавший, как молния, и все мое прошедшее, и язвы моего настоящего, проникавший, казалось, даже в самое мое будущее! Таким я себе показался обнаженным, так мне стало за себя, за свою наготу стыдно...

Вошедшая ко мне девушка упала с плачем в ноги к батюшке и что-то ему с судорожными рыданиями говорила; он ей отвечал, затем начал служить молебен. Молебен кончился; я подошел ко кресту. Псаломщик наклонился к отцу Иоанну и громко сказал:

– Вот, батюшка, господин из Орловской губернии (тут он назвал мою фамилию) приехал к вам посоветоваться, да захворал и потерял голос.

– Знакомая фамилия! Как же это ты голос потерял? Простудился, что ли?

Я не мог в ответ издать ни звука – горло совсем перехватило. Беспомощный, растерянный, я только взглянул на батюшку с отчаянием. Отец Иоанн дал мне поцеловать крест, положил его на аналой, а сам двумя пальцами правой руки провел три раза за воротом рубашки по горлу... Меня вмиг оставила лихорадка, и мой голос вернулся ко мне сразу свежее и чище обыкновенного... Трудно словами передать, что совершилось тут в моей душе!..

Более получаса, стоя на коленях, я, припав к ногам желанного утешителя, говорил ему о своих скорбях, открывал ему всю свою грешную душу и приносил покаяние во всем, что тяжелым камнем лежало на моем сердце.

Это было за всю жизнь мою первое истинное покаяние. Впервые я всем существом своим постиг значение духовника, как свидетеля этого великого Таинства, свидетеля, сокрушающего благодатью Божией в корне зло гордости греха и гордости человеческого самолюбия. Раскрывать язвы души перед одним Всевидящим и Невидимым Богом не так трудно для человеческой гордости: горделивое сознание не унижает в тайной исповеди перед Всемогущим того, что человеческое ничтожество называет своим «достоинством». Трудно обнаружить себя перед Богом при свидетеле, и преодолеть эту трудность, отказаться от своей гордости – это и есть вся суть, вся таинственная, врачующая с помощью Божественной

благодати сила исповеди. Впервые я воспринял всей своей душой сладость этого покаяния, впервые всем сердцем почувствовал, что Бог, именно Сам Бог, устами пастыря, Им облагодетельствованного, ниспослал мне Свое прощение, когда мне сказал отец Иоанн:

– У Бога милости много, – Бог простит.

Какая это была несказанная радость, каким священным трепетом исполнилась душа моя при этих любвеобильных, всепрощающих словах! Не умом я понял совершившееся, а принял его всем существом своим, всем своим таинственным духовным обновлением. Та вера, которая так упорно не давалась моей душе, несмотря на видимое мое обращение у мощей преподобного Сергия, только после этой моей сердечной исповеди у отца Иоанна занялась во мне ярким пламенем.

Я сознал себя и верующим, и православным.

Наталия Пискунова

Верим в то, чего нет,
Верим в тех, кто не с нами.
Ставим в храме свечу просто так,
От тоски.

А пророков опять
Побивают камнями.
Я сижу и молчу, выплавляя стихи.
Наши руки в мозолях
От сотен распятых.

Наши души в угаре от сажи и тьмы.
Мы святых приравняли давно к психопатам.
Так во что же мы верим? И верим ли мы?

* * *

Христос в золоченом киоте
Проходит сквозь душу взглядом,
Ищите Меня и найдете,
Зовите Меня, Я рядом.

Привыкли смотреть на землю,
А вы посмотрите выше.
Я там, в небесах, вам внемлю,
Взывайте ко Мне, Я услышу.

Я Сам вам открою двери,
Приветствуя на пороге.
Раскаянной чистой вере
И в небо легки дороги.

Довольно порой лишь слова,
Чтоб вспыхнуть подобно кремню.
Для грешного и святого
Любовью расцвечу Землю.

Душа оживет в полете,
Без страха взлетая выше.
Ищите Меня и найдете,
Взывайте ко Мне, Я услышу.

* * *

Помилуй, Господи, сегодня все не так.
На мутных грязных стеклах дождь рисует.
А Ты прости! Прими меня – такую,
Которой сложен каждый новый шаг.

А Ты скажи, что я Тебе нужна –
Не просто точкой в общем мирозданье,
А лучше – дочкой, маленьким созданьем,
Застывшем в ожидании тепла.

Над каждым днем по-взрослому скорбя
Устав от клеток и веревок прочных
Из этой суеты и всяких прочих
В конце концов я убегу в Тебя.

ЕВХАРИСТИЯ

Вчера, скорбя и стеная,
На последнем был рубеже.
«Прощаю и разрешаю» –
Сегодня звенит в душе.
И в храме светло, простые
Молитвы шепчу едва:
Божественной литургии
Торжественные слова.
«Сосуд мя избранный соделай!»
От сладостных слез слеп.
В Тело, Христово тело,
Превращается белый хлеб!
Вино стало кровью, а дальше
Уже описать нельзя!
К священной и страшной Чаше
Иду, опустив глаза.
Взволнованно сердце бьется,
Я кланяюсь до земли,
Крещусь и глотаю Солнце!
«Причастника мя приими»,
По храму плывет и тает
Туманом кадильный дым.
Вкусившие Светлых Таин
Мы – огненные стоим!
Шепчу: Богородице Дева,
И радостен всякий час.
Христос спустившийся с неба
Теперь почивает в нас!

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛОМНИК «СВЕТ»»
Паломничество по святым местам

ТИХВИН и СТАРАЯ ЛАДОГА
Тихвинский монастырь – Староладожские Никольский мужской и Успенский женский монастыри

АЛЕКСАНДРО-СВИРСКИЙ МОНАСТЫРЬ
Введено-Оятский монастырь – пос. Паша

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ
Псков – Изборск – Камно

НИКАНДРОВА ПУСТЫНЬ
(близ Порхова, Псковская епархия)
целебные источники

ВЛАДИМИРЕЦ – ОСТРОВ (Псковская епархия)
Введенский и Симанский женские монастыри

ЗАЯНЬЕ (Псковская епархия)
Никольский храм (XVII в.) и монастырь

ВЕЛИКИЕ ЛУКИ – ОСТРОВ – СВЯТЫЕ ГОРЫ
Святогорский монастырь –
Симанский монастырь – Великие Луки
родина св. Патриарха Тихона

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
Варлаамо-Хутынский монастырь
Кремль – Юрьев монастырь

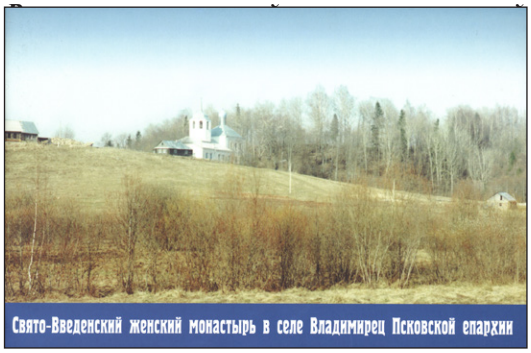
СТАРАЯ РУССА – ЛЕОХНОВО
(Новгородская епархия)

ВНУТО (Новгородская епархия)
к прп. Никандру Городноезерскому

ДИВЕЕВО – САНАКСАРЫ – ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА
Валдай – Вышний Волочек – Сергиев Посад – Дивеево – Санаксарский монастырь

СЕРПУХОВ (Московская епархия)
Владычный и Высоцкий монастыри
к иконе Божией Матери «Неупиваемая Чаша»

Поездки осуществляются на комфортабельных автобусах «Скания» и «Мерседес».
Принимаются групповые заявки от школ и организаций. **Тел. 321-56-11; 272-52-73**

Свято-Введенский женский монастырь в селе Владимирец Псковской епархии

буклет-путеводитель, посвященный Свято-Введенскому женскому монастырю в селе Владимирец Псковской епархии.

Владимирец – одно из древнейших селений Северо-Запада России. Здесь, по преданию, прошли детские годы св. князя Владимира († 1015). В XV в. во Владимирце, «на Володцыне горе» была основана одна из старейших крепостей Псковской земли (1462), «с церковию святого Николы». До XVIII в. здесь действовал Рождественский монастырь, позже обращенный в приход. Тогда же здесь был выстроен действующий поныне Никольский храм, при котором в 1990-х гг. была вновь открыта женская обитель.

Святыни Никольского храма, стоящего на овеянном преданиями холме древнего Владимирца привлекают сюда паломников. Святая вода местных источников и природа Судомских гор вносят в душу покой и умиротворение.

По вопросу приобретения книги и паломничества в монастырь обращаться по телефонам:
321-56-11; 272-52-73; (81152) 98-218; (81152) 98-291

Редакция благодарит за помощь при работе над этим выпуском журнала, а также за предоставленные материалы и фотографии:
протоиерея Святослава Мельника, протоиерея Михаила Женочина (Гдов), игумена Николая (Парамонова), свящ. Геннадия Беловолова, А.Э. Шеина, А.П. Макарову, Л.И. Токареву, Т.А. Нечаеву (Москва), Т.В. Конецкую, С.Н. Федотову, А.К. Галкина, Н.П. Шмитт-Фогелевича, А.Ю. Егорова, М.Ю. Мещанинова, Т.И. Ганф, А.П. Шумского (Москва), И.Н. Куркимиеса (Хельсинки), Т.В. Тиганен, О.И. Ходаковскую, Л.И. Соколову, К.П. Губера, А.Г. Рылова, В.В. Кузнецова, И.Н. Смирнову, С.Ш. Учанейшвили, Н.Н. Наумову, В.Я. Степанова (Москва), Г.А.Железнову (Саблино), Центральный Государственный архив кинофотофонодокументов (С.-Петербург), Российский Государственный Исторический архив (С.-Петербург), архив музея Градостроительства и архитектуры им. А.С. Щусева (Москва)

На 1-й стороне обложки: Кронштадт. Крепостной собор Владимирской иконы Божией Матери
На 4-й стороне обложки: Кронштадт. Николаевский Морской собор и памятник адмиралу С.О. Макарову

Издание Санкт-Петербургской митрополии
Ответственный секретарь Издательского отдела И.Н. Судоса
Председатель Издательского отдела прот. Александр Сорокин

Технические редакторы: И.А. Шумакова, Т.В. Иванова. Корректор И.А. Шумакова.
Компьютерный набор и верстка М.А. Сорокин, А.С. Апельчугин, В.А. Цыганков.
Фото Ю.П. Костыгова, И.В. Попова, А.К. Галкина, Ю.Г. Корытченкова, В.Л. Бабича, А.П. Макаровой, Н.М. Мамаева, А.Э. Шеина.
Адрес редакции: 193167, С.-Петербург, наб. реки Монастырки, д.1; тел./факс. (812)-274-04-54; e-mail: vedy@mail.rcom.ru
http://www.mitropolia-spb.ru/Vedomosty
Подписано в печать 15.06.2005. Формат 60x90$^{1}/_{8}$. Печ. л. 31. Тираж 998. Заказ Отпечатано в типографии ООО "Береста".

Свято-Троицкая церковь (старая) на Кронштадтском городском кладбище. Фото начала XX века

